3 1761 08821049 7

Kuprin, Aleksandr Ivanovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

t. 5-6

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

LR
K9655
1912

670561
24.12.57

ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТЪ.

L. van Beethoven. 2 Son. (op. 2, № 2).
Largo Appassionato.

Въ серединѣ августа, передъ рожденіемъ молодого мѣсяца, вдругъ наступили отвратительныя погоды, какія такъ свойственны сѣверному побережью Чернаго моря. То по цѣлымъ суткамъ тяжело лежалъ надъ землею и моремъ густой туманъ, и тогда огромная сирена на маякѣ ревѣла днемъ и ночью, точно бѣшеный быкъ. То съ утра до утра шелъ, не переставая, мелкій, какъ водяная пыль, дождикъ, превращавшій глинистыя дороги и тропинки въ сплошную густую грязь, въ которой увязали надолго возы и экипажи. То задувалъ съ сѣверо-запада, со стороны степи, свирѣпый ураганъ; отъ него верхушки деревьевъ раскачивались, пригибаясь и выпрямляясь, точно волны въ бурю, гремѣли по ночамъ желѣзныя кровли дачъ, и казалось, будто кто-то бѣгаетъ по нимъ въ подкованныхъ сапогахъ, вздрагивали оконныя рамы, хлопали двери, и дико завывало въ печныхъ трубахъ. Нѣсколько рыбачьихъ баркасовъ заблудилось въ морѣ, а два и совсѣмъ не вернулись: только спустя недѣлю повыбрасывало трупы рыбаковъ въ разныхъ мѣстахъ берега.

Обитатели пригороднаго морского курорта — бо̀льшей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнительные, какъ

всѣ южане,—поспѣшно перебирались въ городъ. По размякшему шоссе безъ конца тянулись ломовыя дроги, перегруженныя всяческими домашними вещами: тюфяками, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами. Жалко, и грустно, и противно было глядѣть сквозь мутную кисею дождя на этотъ жалкій скарбъ, казавшійся такимъ изношеннымъ, грязнымъ и нищенскимъ; на горничныхъ и кухарокъ, сидѣвшихъ на верху воза на мокромъ брезентѣ съ какими-то утюгами, жестянками и корзинками въ рукахъ, на запотѣвшихъ, обезсилѣвшихъ лошадей, которыя то и дѣло останавливались, дрожа колѣнями, дымясь и часто нося боками, на сипло ругавшихся дрогалей, закутанныхъ отъ дождя въ рогожи. Еще печальнѣе было видѣть оставленныя дачи, съ ихъ внезапнымъ просторомъ, пустотой и оголенностью, съ изуродованными клумбами, разбитыми стеклами, брошенными собаками и всяческимъ дачнымъ соромъ изъ окурковъ, бумажекъ, черепковъ, коробочекъ и аптекарскихъ пузырьковъ.

Но къ началу сентября погода вдругъ рѣзко и совсѣмъ нежданно перемѣнилась. Сразу наступили тихіе безоблачные дни, такіе ясные, солнечные и теплые, какихъ не было даже въ іюлѣ. На обсохшихъ сжатыхъ поляхъ, на ихъ колючей желтой щетинѣ заблестѣла слюдянымъ блескомъ осенняя паутина. Успокоившіяся деревья безшумно и покорно роняли желтые листья.

Княгиня Вѣра Николаевна Шеина, жена предводителя дворянства, не могла покинуть дачи, потому что въ ихъ городскомъ домѣ еще не покончили съ ремонтомъ. И теперь она очень радовалась наступившимъ прелестнымъ днямъ, тишинѣ, уединенію, чистому воздуху, щебетанью на телеграфныхъ проволокахъ ласточекъ, ставшихся къ отлету, и ласковому соленому вѣтерку, слабо тянувшему съ моря.

II.

Кромѣ того сегодня былъ день ея именинъ — 17-е сентября. По милымъ, отдаленнымъ воспоминаніямъ дѣтства она всегда любила этотъ день и всегда ожидала отъ него чего-то счастливо-чудеснаго. Мужъ, уѣзжая утромъ по спѣшнымъ дѣламъ въ городъ, положилъ ей на ночной столикъ футляръ съ прекрасными серьгами изъ грушевидныхъ жемчужинъ, и этотъ подарокъ еще больше веселилъ ее.

Она была одна во всемъ домѣ. Ея холостой братъ Николай, товарищъ прокурора, жившій обыкновенно вмѣстѣ съ ними, также уѣхалъ въ городъ, въ судъ. Къ обѣду мужъ обѣщалъ привезти немногихъ и только самыхъ близкихъ знакомыхъ. Хорошо выходило, что именины совпали съ дачнымъ временемъ. Въ городѣ пришлось бы тратиться на большой парадный обѣдъ, пожалуй, даже на балъ, а здѣсь, на дачѣ, можно было обойтись самыми небольшими расходами. Князь Шеинъ, несмотря на свое видное положеніе въ обществѣ, а можетъ-быть, и благодаря ему, едва сводилъ концы съ концами. Огромное родовое имѣніе было почти совсѣмъ разстроено его предками, а жить приходилось выше средствъ: дѣлать пріемы, благотворить, хорошо одѣваться, держать лошадей и т. д. Княгиня Вѣра, у которой прежняя страстная любовь къ мужу давно уже перешла въ чувство прочной, вѣрной, истинной дружбы, всѣми силами старалась помочь князю удержаться отъ полнаго разоренія. Она во многомъ, незамѣтно для него, отказывала себѣ и, насколько возможно, экономила въ домашнемъ хозяйствѣ.

Теперь она ходила по саду и осторожно срѣзала ножницами цвѣты къ обѣденному столу. Клумбы опустѣли и имѣли безпорядочный видъ. Доцвѣтали разноцвѣтныя

махровыя гвоздики, а также левкой — наполовину въ цвѣтахъ, а наполовину въ тонкихъ зеленыхъ стручьяхъ, пахнувшихъ капустой, розовые кусты еще давали — въ третій разъ за это лѣто — бутоны и розы, но уже измельчавшіе, рѣдкіе, точно выродившіеся. Зато пышно цвѣли своей холодной, высокомѣрной красотою георгины, піоны и астры, распространяя въ чуткомъ воздухѣ осенній, травянистый, грустный запахъ. Остальные цвѣты послѣ своей роскошной любви и чрезмѣрнаго обильнаго лѣтняго материнства тихо осыпали на землю безчисленныя сѣмена будущей жизни.

Близко на шоссе послышались знакомые звуки автомобильнаго трехтоннаго рожка. Это подъѣзжала сестра княгини Вѣры — Анна Николаевна Фріессе, съ утра обѣщавшая по телефону пріѣхать помочь сестрѣ принимать гостей и по хозяйству.

Тонкій слухъ не обманулъ Вѣру. Она пошла навстрѣчу. Черезъ нѣсколько минутъ у дачныхъ воротъ круто остановился изящный автомобиль-карета, и шофферъ, ловко спрыгнувъ съ сидѣнья, распахнулъ дверцу.

Сестры радостно поцѣловались. Онѣ съ самаго ранняго дѣтства были привязаны другъ къ другу теплой и заботливой дружбой. По внѣшности онѣ до страннаго не были схожи между собою. Старшая, Вѣра, пошла въ мать, красавицу-англичанку, своей высокой гибкой фигурой, нѣжнымъ, но холоднымъ и гордымъ лицомъ, прекрасными, хотя довольно большими руками и той очаровательной покатостью плечъ, какую можно видѣть на старинныхъ миніатюрахъ. Младшая — Анна — наоборотъ, унаслѣдовала монгольскую кровь отца, татарскаго князя, дѣдъ котораго крестился только въ началѣ XIX-го столѣтія и древній родъ котораго восходилъ до самого Тамерлана, или Лангъ-Темира, какъ съ гордостью называлъ ея отецъ, по-татарски, этого великаго кровопійцу. Она была на пол-

головы ниже сестры, нѣсколько широкая въ плечахъ, живая и легкомысленная, насмѣшница. Лицо ея сильно монгольскаго типа съ довольно замѣтными скулами, съ узенькими глазами, которые она къ тому же, по близорукости, щурила, съ надменнымъ выраженіемъ въ маленькомъ, чувственномъ ртѣ, особенно въ слегка выдвинутой впередъ полной нижней губѣ, — лицо это однако плѣняло какой-то неуловимой и непонятной прелестью, которая заключалась, можетъ-быть, въ улыбкѣ, можетъ-быть, въ глубокой женственности всѣхъ чертъ, можетъ-быть, въ пикантной, задорно-кокетливой мимикѣ. Ея граціозная некрасивость возбуждала и привлекала вниманіе мужчинъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ аристократическая красота ея сестры.

Она была замужемъ за очень богатымъ и очень глупымъ человѣкомъ, который ровно ничего не дѣлалъ, но числился при какомъ-то благотворительномъ учрежденіи и имѣлъ званіе камеръ-юнкера. Мужа она терпѣть не могла, но родила отъ него двухъ дѣтей — мальчика и дѣвочку; больше она рѣшила не имѣть дѣтей и не имѣла. Что касается Вѣры — та жадно хотѣла дѣтей и даже, ей казалось, чѣмъ больше — тѣмъ лучше, но почему-то они у нея не рождались, и она болѣзненно и пылко обожала хорошенькихъ малокровныхъ дѣтей младшей сестры, всегда приличныхъ и послушныхъ, съ блѣдными мучнистыми лицами и съ завитыми льняными кукольными волосами.

Анна вся состояла изъ веселой безалаберности и милыхъ, иногда странныхъ противорѣчій. Она охотно предавалась самому рискованному флирту во всѣхъ столицахъ и на всѣхъ курортахъ Европы, но никогда не измѣняла мужу, котораго однако презрительно высмѣивала и въ глаза и за глаза; была расточительна, страшно любила азартныя игры, танцы, сильныя впечатлѣнія, острыя

зрѣлища, посѣщала за границей сомнительныя кафе, но въ то же время отличалась щедрой добротой и глубокой, искренней набожностью, которая заставила ее даже принять тайно католичество. У нея были рѣдкой красоты спина, грудь и плечи. Отправляясь на большіе балы, она обнажалась гораздо больше предѣловъ, дозволяемыхъ приличіемъ и модой, но говорили, что подъ низкимъ декольте у нея всегда была надѣта власяница.

Вѣра же была строго-проста, со всѣми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно-спокойна.

III.

— Боже мой, какъ у васъ здѣсь хорошо! Какъ хорошо! — говорила Анна, идя быстрыми и мелкими шагами рядомъ съ сестрой по дорожкѣ. — Если можно, посидимъ немного на скамеечкѣ надъ обрывомъ. Я такъ давно не видѣла моря. И какой чудный воздухъ—дышишь—и сердце веселится. Въ Крыму, въ Мисхорѣ прошлымъ лѣтомъ я сдѣлала изумительное открытіе. Знаешь, чѣмъ пахнетъ морская вода во время прибоя? Представь себѣ — резедой.

Вѣра ласково усмѣхнулась:

— Ты фантазерка.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я помню также разъ, надо мной всѣ смѣялись, когда я сказала, что въ лунномъ свѣтѣ есть какой-то розовый оттѣнокъ. А на-дняхъ художникъ Борицкій — вотъ тотъ, что̀ пишетъ мой портретъ — согласился, что я была права, и что художники объ этомъ давно знаютъ.

— Художникъ — твое новое увлеченіе?

— Ты всегда придумаешь!—засмѣялась Анна и, быстро подойдя къ самому краю обрыва, отвѣсной стѣной падавшаго глубоко въ море, заглянула внизъ и вдругъ вскрик-

нула въ ужасѣ и отшатнулась назадъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— У, какъ высоко!—произнесла она ослабѣвшимъ и вздрагивающимъ голосомъ.—Когда я гляжу съ такой высоты, у меня всегда какъ-то сладко и противно щекочетъ въ груди... и пальцы на ногахъ щемитъ... И все-таки тянетъ, тянетъ...

Она хотѣла еще разъ нагнуться надъ обрывомъ, но сестра остановила ее.

— Анна, дорогая моя, ради Бога! У меня у самой голова кружится, когда ты такъ дѣлаешь. Прошу тебя, сядь.

— Ну хорошо, хорошо, сѣла... Но ты только посмотри, какая красота, какая радость — просто глазъ не насытится. Если бы ты знала, какъ я благодарна Богу за всѣ чудеса, которыя Онъ для насъ сдѣлалъ!

Обѣ на минутку задумались. Глубоко-глубоко подъ ними покоилось море. Со скамейки не было видно берега, и оттого ощущеніе безконечности и величія морского простора еще больше усиливалось. Вода была ласково-спокойна и весело-синя, свѣтлѣя лишь косыми гладкими полосами въ мѣстахъ теченія и переходя въ густо-синій глубокій цвѣтъ на горизонтѣ.

Рыбачьи лодки, съ трудомъ отмѣчаемыя глазомъ,—такими онѣ казались маленькими,—неподвижно дремали въ морской глади, недалеко отъ берега. А дальше точно стояло въ воздухѣ, не подвигаясь впередъ, трехмачтовое судно, все съ верху до низу одѣтое однообразными, выпуклыми отъ вѣтра, бѣлыми, стройными парусами.

— Я тебя понимаю, — задумчиво сказала старшая сестра:—но у меня какъ-то не такъ, какъ у тебя. Когда я въ первый разъ вижу море, послѣ большого времени, оно меня и волнуетъ, и радуетъ, и поражаетъ. Какъ будто я въ первый разъ вижу огромное, торжественное чудо. Но потомъ, когда привыкну къ нему, оно начинаетъ

меня давить своей плоской пустотой... Я скучаю, глядя на него, и ужъ стараюсь больше не смотрѣть. Надоѣдаетъ.

Анна улыбнулась.

— Чему ты?—спросила сестра.

— Прошлымъ лѣтомъ, — сказала Анна лукаво: — мы изъ Ялты поѣхали большой кавалькадой верхомъ на Учъ-Кошъ. Это тамъ, за лѣсничествомъ, выше водопада. Попали сначала въ облако, было очень сыро и плохо видно, а мы все поднимались вверхъ, по крутой тропинкѣ, между соснами. И вдругъ какъ-то сразу окончился лѣсъ, и мы вышли изъ тумана. Вообрази себѣ: узенькая площадка на скалѣ, и подъ ногами у насъ пропасть. Деревни внизу кажутся не больше спичечной коробки, лѣса и сады—какъ мелкая травка. Вся мѣстность спускается къ морю, точно географическая карта. А тамъ дальше—море! Верстъ на пятьдесятъ, на сто впередъ. Мнѣ казалось — я повисла въ воздухѣ и вотъ-вотъ полечу. Такая красота, такая легкость! Я оборачиваюсь назадъ и говорю проводнику въ восторгѣ: «Что̀? Хорошо, Сеидъ-оглы?» А онъ только языкомъ почмокалъ: «Эхъ, барина, какъ мине все это надоѣлъ. Каж-дый день видимъ».

— Благодарю за сравненіе,—засмѣялась Вѣра:—нѣтъ, я только думаю, что намъ, сѣверянамъ, никогда не понять прелести моря. Я люблю лѣсъ. Помнишь лѣсъ у насъ въ Егоровскомъ?.. Развѣ можетъ онъ когда-нибудь прискучить? Сосны!.. А какіе мхи!.. А мухоморы! Точно изъ краснаго атласа и вышиты бѣлымъ бисеромъ. Тишина такая... прохлада.

— Мнѣ все равно, я все люблю,—отвѣтила Анна.—А больше всего я люблю мою сестренку, мою благоразумную Вѣреньку. Насъ вѣдь только двое на свѣтѣ.

Она обняла старшую сестру и прижалась къ ней, щека къ щекѣ. И вдругъ спохватилась.

— Нѣтъ, какая же я глупая! Мы съ тобою, точно въ романѣ, сидимъ и разговариваемъ о природѣ, а я совсѣмъ забыла про мой подарокъ. Вотъ посмотри. Я боюсь только, понравится ли?

Она достала изъ своего ручного мѣшечка маленькую записную книжку въ удивительномъ переплетѣ: на старомъ, стершемся и посѣрѣвшемъ отъ времени синемъ бархатѣ вился тускло-золотой филигранный узоръ рѣдкой сложности, тонкости и красоты,—очевидно, любовное дѣло рукъ искуснаго и терпѣливаго художника. Книжка была прикрѣплена къ тоненькой, какъ нитка, золотой цѣпочкѣ, листки въ серединѣ были замѣнены таблетками изъ слоновой кости.

— Какая прекрасная вещь! Прелесть! — сказала Вѣра и поцѣловала сестру. — Благодарю тебя. Гдѣ ты достала такое сокровище?

— Въ одной антикварной лавочкѣ. Ты вѣдь знаешь мою слабость рыться въ старинномъ хламѣ. Вотъ я и набрела на этотъ молитвенникъ. Посмотри, видишь, какъ здѣсь орнаментъ дѣлаетъ фигуру креста. Правда, я нашла только одинъ переплетъ, остальное все пришлось придумывать — листочки, застежки, карандашъ. Но Моллине совсѣмъ не хотѣлъ меня понять, какъ я ему ни толковала. Застежки должны были быть въ такомъ же стилѣ, какъ и весь узоръ, матовыя, стараго золота, тонкой рѣзьбы, а онъ Богъ знаетъ что̀ сдѣлалъ. Зато цѣпочка настоящая венеціанская, очень древняя.

Вѣра ласково погладила прекрасный переплетъ.

— Какая глубокая старина!.. Сколько можетъ быть этой книжкѣ?—спросила она.

— Я боюсь опредѣлить точно. Приблизительно конецъ семнадцатаго вѣка, середина восемнадцатаго...

— Какъ странно, — сказала Вѣра съ задумчивой улыбкой. — Вотъ я держу въ своихъ рукахъ вещь, которой,

можетъ-быть, касались руки маркизы Помпадуръ или самой королевы Антуанетты... Но знаешь, Анна, это только тебѣ могла прійти въ голову шальная мысль передѣлать молитвенникъ въ дамскій carnet. Однако все-таки пойдемъ посмотримъ, что̀ тамъ у насъ дѣлается.

Онѣ прошли въ домъ черезъ большую каменную террасу, со всѣхъ сторонъ закрытую густыми шпалерами винограда «Изабелла». Черныя обильныя гроздья, издававшія слабый запахъ клубники, тяжело свисали между темной, кое-гдѣ озолоченной солнцемъ зеленью. По всей террасѣ разливался зеленый полусвѣтъ, отъ котораго лица женщинъ сразу поблѣднѣли.

— Ты велишь здѣсь накрывать? — спросила Анна.

— Да, я сама такъ думала сначала... Но теперь вечера такіе холодные. Ужъ лучше въ столовой. А мужчины пусть сюда уходятъ курить.

— Будетъ кто-нибудь интересный?

— Я еще не знаю. Знаю только, что будетъ нашъ дѣдушка.

— Ахъ, дѣдушка милый. Вотъ радость! — воскликнула Анна и всплеснула руками. — Я его, кажется, сто лѣтъ не видала.

— Будетъ сестра Васи и, кажется, профессоръ Спѣшниковъ. Я вчера, Анненька, просто голову потеряла. Ты знаешь, что они оба любятъ покушать — и дѣдушка и профессоръ. Но ни здѣсь ни въ городѣ — ничего не достанешь, ни за какія деньги. Лука отыскалъ гдѣ-то перепеловъ — заказалъ знакомому охотнику — и что-то мудритъ надъ ними. Ростбифъ достали сравнительно недурной — увы! — неизбѣжный ростбифъ. Очень хорошіе раки.

— Ну что̀ жъ, не такъ ужъ дурно. Ты не тревожься. Впрочемъ, между нами, у тебя у самой есть слабость вкусно поѣсть.

— Но будетъ и кое-что рѣдкое. Сегодня утромъ рыбакъ принесъ морского пѣтуха. Я сама видѣла. Прямо какое-то чудовище. Даже страшно.

Анна, до жадности любопытная ко всему, что̀ ея касалось и что̀ не касалось, сейчасъ же потребовала, чтобы ей принесли показать морского пѣтуха.

Пришелъ высокій, бритый, желтолицый поваръ Лука съ большой продолговатой бѣлой лоханью, которую онъ съ трудомъ, осторожно держалъ за ушки, боясь расплескать воду на паркетъ.

— Двѣнадцать съ половиною фунтовъ, ваше сіятельство, — сказалъ онъ съ особенной поварской гордостью.— Мы давеча взвѣшивали.

Рыба была слишкомъ велика для лохапки и лежала на днѣ, завернувъ хвостъ. Ея чешуя отливала золотомъ, плавники были ярко-краснаго цвѣта, а отъ громадной хищной морды шли въ стороны два нѣжно-голубыхъ складчатыхъ, какъ вѣеръ, длинныхъ крыла. Морской пѣтухъ былъ еще живъ и усиленно работалъ жабрами.

Младшая сестра осторожно дотронулась мизинцемъ до головы рыбы. Но пѣтухъ неожиданно всплеснулъ хвостомъ, и Анна съ визгомъ отдернула руку.

— Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство, все въ лучшемъ видѣ устроимъ,—сказалъ поваръ, очевидно, понимавшій тревогу Анны. — Сейчасъ болгаринъ принесъ двѣ дыни. Ананасныя. На манеръ, въ родѣ какъ канталупы, но только запахъ куда ароматнѣе. И еще осмѣлюсь спросить ваше сіятельство, какой соусъ прикажете подавать къ пѣтуху: тартаръ или польскій, а то можно просто сухари въ маслѣ?

— Дѣлай, какъ знаешь. Ступай! — приказала княгиня.

IV.

Послѣ пяти часовъ стали съѣзжаться гости. Князь Василій Львовичъ привезъ съ собою вдовую сестру Людмилу Львовну, по мужу Дурасову, полную, добродушную и необыкновенно молчаливую женщину; свѣтскаго, молодого, богатаго шалопая и кутилу Васючка, котораго весь городъ зналъ подъ этимъ фамильярнымъ именемъ, очень пріятнаго въ обществѣ умѣньемъ пѣть и декламировать, а также устраивать живыя картины, спектакли и благотворительные базары; знаменитую піанистку Женни Рейтеръ, подругу княгини Вѣры по Смольному институту, а также своего шурина Николая Николаевича. За ними пріѣхалъ на автомобилѣ мужъ Анны, съ бритымъ, толстымъ, безобразно-огромнымъ профессоромъ Спѣшниковымъ и съ мѣстнымъ вице-губернаторомъ фонъ-Зеккомъ. Позднѣе другихъ пріѣхалъ генералъ Аносовъ, въ хорошемъ наемномъ ландо, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ: штабнаго полковника Понамарева, преждевременно состарившагося, худого, желчнаго человѣка, изможденнаго непосильной канцелярской работой, и гвардейскаго гусарскаго поручика Бахтинскаго, который славился въ Петербургѣ какъ лучшій танцоръ и несравненный распорядитель баловъ.

Генералъ Аносовъ, тучный, высокій, серебряный старецъ, тяжело слѣзалъ съ подножки, держась одной рукой за поручни козелъ, а другой — за задокъ экипажа. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ слуховой рожокъ, а въ правой — палку съ резиновымъ наконечникомъ. У него было большое, грубое, красное лицо съ мясистымъ носомъ и съ тѣмъ добродушно-величавымъ, чуть-чуть презрительнымъ выраженіемъ въ прищуренныхъ глазахъ, расположенныхъ лучистыми, припухлыми полукругами, какое

свойственно мужественнымъ и простымъ людямъ, видавшимъ часто и близко передъ своими глазами опасность и смерть. Обѣ сестры, издали узнавшія его, подбѣжали къ коляскѣ какъ разъ во-время, чтобы полушутя, полусерьезно поддержать его съ обѣихъ сторонъ подъ руки.

— Точно... архіерея! — сказалъ генералъ ласковымъ хриповатымъ басомъ.

— Дѣдушка, миленькій, дорогой! — говорила Вѣра тономъ легкаго упрека. — Каждый день васъ ждемъ, а вы хоть бы глаза показали.

— Дѣдушка у насъ на югѣ всякую совѣсть потерялъ, — засмѣялась Анна.—Можно было бы, кажется, вспомнить о крестной дочери. А вы держите себя донъ-Жуаномъ, безстыдникъ, и совсѣмъ забыли о нашемъ существованіи...

Генералъ, обнаживъ свою величественную голову, цѣловалъ поочередно руки у обѣихъ сестеръ, потомъ цѣловалъ ихъ въ щеки и опять въ руку.

— Дѣвочки... подождите... не бранитесь, — говорилъ онъ, перемежая каждое слово вздохами, происходившими отъ давнишней одышки. — Честное слово... докторишки разнесчастные... все лѣто купали мои ревматизмы... въ какомъ-то грязномъ... киселѣ... ужасно пахнетъ... И не выпускали... Вы первыя... къ кому пріѣхалъ... Ужасно радъ... съ вами увидѣться... Какъ прыгаете?.. Ты, Вѣрочка... совсѣмъ лэди... очень стала похожа... на покойницу-мать... Когда крестить позовешь?

— Ой, боюсь, дѣдушка, что никогда...

— Не отчаивайся... все впереди... Молись Богу... А ты, Аня, вовсе не измѣнилась... Ты и въ шестьдесятъ лѣтъ... будешь такая же стрекоза-егоза. Постойте-ка. Давайте я вамъ представлю господъ офицеровъ.

— Я уже давно имѣлъ эту честь! — сказалъ полковникъ Понамаревъ, кланяясь.

— Я былъ представленъ княгинѣ въ Петербургѣ, — подхватилъ гусаръ.

— Ну, такъ представлю тебѣ, Аня, поручика Бахтинскаго. Танцоръ и буянъ, но хорошій кавалеристъ. Выпька, Бахтинскій, милый мой, тамъ изъ коляски... Пойдемте, дѣвочки... Чѣмъ, Вѣрочка, будешь кормить? У меня... послѣ лиманнаго режима... аппетитъ, какъ у выпускного... прапорщика.

Генералъ Аносовъ былъ боевымъ товарищемъ и преданнымъ другомъ покойнаго князя Мирза-Булатъ-Тугановскаго. Всю нѣжную дружбу и любовь онъ послѣ смерти князя перенесъ на его дочерей. Онъ зналъ ихъ еще совсѣмъ маленькими, а младшую Анну даже крестилъ. Въ то время — какъ и до сихъ поръ — онъ былъ комендантомъ большой, но почти упраздненной крѣпости въ г. К. и ежедневно бывалъ въ домѣ Тугановскихъ. Дѣти просто обожали его за баловство, за подарки, за ложи въ циркъ и театръ и за то, что никто такъ увлекательно не умѣлъ играть съ ними, какъ Аносовъ. Но больше всего ихъ очаровывали и крѣпче всего запечатлѣлись въ ихъ памяти его разсказы о военныхъ походахъ, сраженіяхъ и стоянкахъ на бивуакахъ, о побѣдахъ и отступленіяхъ, о смерти, ранахъ и лютыхъ морозахъ, — неторопливые, эпически-спокойные, простосердечные разсказы, разсказываемые между вечернимъ чаемъ и тѣмъ скучнымъ часомъ, когда дѣтей позовутъ спать.

По нынѣшнимъ нравамъ этотъ обломокъ старины представлялся исполинской и необыкновенно живописной фигурой. Въ немъ совмѣщались именно тѣ простыя, но трогательныя и глубокія черты, которыя даже и въ его времена гораздо чаще встрѣчались въ рядовыхъ, чѣмъ въ офицерахъ, тѣ чисто-русскія, мужицкія черты, которыя въ соединеніи даютъ возвышенный образъ, дѣлавшій иногда нашего солдата не только непобѣдимымъ, но и

великомученикомъ, почти святымъ, — черты, состоявшія изъ безхитростной, наивной вѣры, яснаго, добродушно-веселаго взгляда на жизнь, холодной и дѣловой отваги, покорства передъ лицомъ смерти, жалости къ побѣжденному, безконечному терпѣнію и поразительной физической и нравственной выносливости.

Аносовъ, начиная съ польской войны, участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ, кромѣ японской. Онъ и на эту войну пошелъ бы безъ колебаній, но его не позвали, а у него всегда было великое по скромности правило: «не лѣзь на смерть, пока тебя не позовутъ». За всю свою службу онъ не только никогда не высѣкъ, но даже не ударилъ ни одного солдата. Во время польскаго мятежа онъ отказался однажды разстрѣливать плѣнныхъ, несмотря на личное приказаніе полкового командира. «Шпіона я не только разстрѣляю, — сказалъ онъ: — но, если прикажете, лично убью. А это плѣнные, и я не могу». И сказалъ онъ это такъ просто, почтительно, безъ тѣни вызова или рисовки, глядя прямо въ глаза начальнику своими ясными, твердыми глазами, что его, вмѣсто того, чтобы самого разстрѣлять, оставили въ покоѣ.

Въ войну 1877—79 гг. онъ очень быстро дослужился до чина полковника, несмотря на то, что былъ мало образованъ, или, какъ онъ самъ выражался, кончилъ только «медвѣжью академію». Онъ участвовалъ при переправѣ черезъ Дунай, переходилъ Балканы, отсиживался на Шипкѣ, былъ при послѣдней атакѣ Плевны; ранили его одинъ разъ тяжело, четыре — легко, и кромѣ того онъ получилъ осколкомъ гранаты жестокую контузію въ голову. Радецкій и Скобелевъ знали его лично и относились къ нему съ исключительнымъ уваженіемъ. Именно про него и сказалъ какъ-то Скобелевъ: «Я знаю одного офицера, который гораздо храбрѣе меня — это майоръ Аносовъ».

Съ войны онъ вернулся почти оглохшій, благодаря осколку гранаты, съ больной ногой, на которой были ампутированы три отмороженныхъ, во время балканскаго перехода, пальца, съ жесточайшимъ ревматизмомъ, нажитымъ на Шипкѣ. Его хотѣли-было, по истеченіи двухъ лѣтъ мирной службы, упечь въ отставку, но Аносовъ заупрямился. Тутъ ему очень кстати помогъ своимъ вліяніемъ начальникъ края, живой свидѣтель его хладнокровнаго мужества при переправѣ черезъ Дунай. Въ Петербургѣ рѣшили не огорчать заслуженнаго полковника, и ему дали пожизненное мѣсто коменданта въ г. К. — должность болѣе почетную, чѣмъ нужную въ цѣляхъ государственной обороны.

Въ городѣ его всѣ знали отъ мала до велика и добродушно посмѣивались надъ его слабостями, привычками и манерой одѣваться. Онъ всегда ходилъ безъ оружія, въ старомодномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ большими полями и съ громаднымъ прямымъ козырькомъ, съ палкою въ правой рукѣ, со слуховымъ рожкомъ въ лѣвой и непремѣнно въ сопровожденіи двухъ ожирѣвшихъ, лѣнивыхъ, хриплыхъ мопсовъ, у которыхъ всегда кончикъ языка былъ высунутъ наружу и прикушенъ. Если ему во время обычной утренней прогулки приходилось встрѣчаться со знакомыми, то прохожіе за нѣсколько кварталовъ слышали, какъ кричитъ комендантъ, и какъ дружно вслѣдъ за нимъ лаютъ его мопсы.

Какъ многіе глухіе, онъ былъ страстнымъ любителемъ оперы, и иногда, во время какого-нибудь томнаго дуэта, вдругъ на весь театръ раздавался его рѣшительный басъ: «А вѣдь чисто взялъ до, чортъ возьми! Точно орѣхъ разгрызъ». По театру проносился сдержанный смѣхъ, но генералъ даже и не подозрѣвалъ этого: по своей наивности онъ думалъ, что шопотомъ обмѣнялся со своимъ сосѣдомъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

По обязанности коменданта онъ довольно часто, вмѣстѣ со своими хрипящими мопсами, посѣщалъ главную гауптвахту, гдѣ весьма уютно за винтомъ, чаемъ и анекдотами отдыхали отъ тяготъ военной службы арестованные офицеры. Онъ внимательно разспрашивалъ каждаго: «Какъ фамилія? Кѣмъ посаженъ? На сколько? За что?» Иногда совершенно неожиданно хвалилъ офицера за бравый, хотя и противозаконный поступокъ, иногда начиналъ распекать, крича такъ, что его бывало слышно на улицѣ. Но, накричавшись досыта, онъ, безъ всякихъ переходовъ и паузъ, освѣдомлялся, откуда офицеру носятъ обѣдъ и сколько онъ за него платитъ. Случалось, что какой-нибудь заблудшій подпоручикъ, присланный для долговременной отсидки изъ такого захолустья, гдѣ даже не имѣлось собственной гауптвахты, признавался, что онъ, по безденежью, довольствуется изъ солдатскаго котла. Аносовъ немедленно распоряжался, чтобы бѣднягѣ носили обѣдъ изъ комендантскаго дома, отъ котораго до гауптвахты было не болѣе двухсотъ шаговъ

Въ г. К. онъ и сблизился съ семьей Тугановскихъ и такими тѣсными узами привязался къ дѣтямъ, что для него стало душевной потребностью видѣть ихъ каждый вечеръ. Если случалось, что барышни выѣзжали куда-нибудь, или служба задерживала самого генерала, то онъ искренно тосковалъ и не находилъ себѣ мѣста въ большихъ комнатахъ комендантскаго дома. Каждое лѣто онъ бралъ отпускъ и проводилъ цѣлый мѣсяцъ въ имѣніи Тугановскихъ, Егоровскомъ, отстоявшемъ отъ К. на 50 верстъ.

Онъ всю свою скрытую нѣжность души и потребность сердечной любви перенесъ на эту дѣтвору, особенно на дѣвочекъ. Самъ онъ былъ когда-то женатъ, но такъ давно, что даже позабылъ объ этомъ. Еще до войны жена сбѣжала отъ него съ проѣзжимъ актеромъ, плѣнясь его бар-

хатной курткой и кружевными манжетами. Генералъ посылалъ ей пенсію вплоть до самой ея смерти, но въ домъ къ себѣ не пустилъ, несмотря на сцены раскаянія и слезныя письма. Дѣтей у нихъ не было.

V.

Противъ ожиданія, вечеръ былъ такъ тихъ и тепелъ, что свѣчи на террасѣ и въ столовой горѣли неподвижными огнями. За обѣдомъ всѣхъ потѣшалъ князь Василій Львовичъ. У него была необыкновенная и очень своеобразная способность разсказывать. Онъ бралъ въ основу разсказа истинный эпизодъ, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся кто-нибудь изъ присутствующихъ или общихъ знакомыхъ, но такъ сгущалъ краски и при этомъ говорилъ съ такимъ серьезнымъ лицомъ и такимъ дѣловымъ тономъ, что слушатели надрывались отъ смѣха. Сегодня онъ разсказывалъ о неудавшейся женитьбѣ Николая Николаевича на одной богатой и красивой дамѣ. Въ основѣ было только то, что мужъ дамы не хотѣлъ давать ей развода. Но у князя правда чудесно переплелась съ вымысломъ. Серьезнаго, всегда нѣсколько чопорнаго Николая онъ заставилъ ночью бѣжать по улицѣ въ однихъ чулкахъ, съ башмаками подъ мышкой. Гдѣ-то на углу молодого человѣка задержалъ городовой, и только послѣ длиннаго и бурнаго объясненія Николаю удалось доказать, что онъ товарищъ прокурора, а не ночной грабитель. Свадьба, по словамъ разсказчика, чуть-чуть-было не состоялась, но въ самую критическую минуту отчаянная банда лжесвидѣтелей, участвовавшихъ въ дѣлѣ, вдругъ забастовала, требуя прибавки къ заработной платѣ. Николай изъ скупости (а онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ скуповатъ), а также будучи принципіальнымъ про-

тивникомъ стачекъ и забастовокъ, наотрѣзъ отказался платить лишнее, ссылаясь на опредѣленную статью закона, подтвержденную мнѣніемъ кассаціоннаго департамента. Тогда разсерженные лжесвидѣтели на извѣстный вопросъ: «не знаетъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ поводовъ, препятствующихъ совершенію брака?»—хоромъ отвѣтили: «Да, знаемъ. Все показанное нами на судѣ подъ присягой — сплошная ложь, къ которой насъ принудилъ угрозами и насиліемъ г. прокуроръ. А про мужа этой дамы мы, какъ освѣдомленныя лица, можемъ сказать только, что это самый почтенный человѣкъ на свѣтѣ, цѣломудренный, какъ Іосифъ, и ангельской доброты».

Напавъ на пить брачныхъ исторій, князь Василій не пощадилъ и Густава Ивановича Фріессе, мужа Анны, разсказавъ, что онъ на другой день послѣ свадьбы явился требовать при помощи полиціи выселенія новобрачной изъ родительскаго дома, какъ не имѣющую отдѣльнаго паспорта, и водворенія ея на мѣсто проживанія законнаго мужа. Вѣрнаго въ этомъ анекдотѣ было только то, что въ первые дни замужней жизни Анна должна была безотлучно находиться около захворавшей матери, такъ какъ Вѣра спѣшно уѣхала къ себѣ на югъ, а бѣдный Густавъ Ивановичъ предавался унынію и отчаянію.

Всѣ смѣялись. Улыбалась и Анна своими прищуренными глазами. Густавъ Ивановичъ хохоталъ громко и восторженно, и его худое, гладко обтянутое блестящей кожей лицо, съ прилизанными жидкими, свѣтлыми волосами, съ ввалившимися глазными орбитами, походило на черепъ, обнажавшій въ смѣхѣ прескверные зубы. Онъ до сихъ поръ обожалъ Анну, какъ и въ первый день супружества, всегда старался сѣсть около нея, незамѣтно притронуться къ ней и ухаживалъ за нею такъ влюбленно и самодовольно, что часто становилось за него и жалко и неловко.

Передъ тѣмъ, какъ вставать изъ-за стола, Вѣра Николаевна машинально пересчитала гостей. Оказалось — тринадцать. Она была суевѣрна и подумала про-себя: «Вотъ это нехорошо! Какъ мнѣ раньше не пришло въ голову посчитать? И Вася виноватъ—ничего не сказалъ по телефону».

Когда у Шеиныхъ или у Фріессе собирались близкіе знакомые, то послѣ обѣда обыкновенно играли въ покеръ, такъ какъ обѣ сестры до смѣшного любили азартныя игры. Въ обоихъ домахъ даже выработались на этотъ счетъ свои правила: всѣмъ играющимъ раздавались поровну костяные жетончики опредѣленной цѣны, и игра длилась до тѣхъ поръ, пока всѣ костяжки не переходили въ однѣ руки, — тогда игра на этотъ вечеръ прекращалась, какъ бы партнеры ни настаивали на продолженіи. Брать изъ кассы во второй разъ жетоны строго запрещалось. Такіе суровые законы были выведены изъ практики, для обузданія княгини Вѣры и Анны Николаевны, которыя въ азартѣ не знали никакого удержу. Общій проигрышъ рѣдко достигалъ 100 — 200 рублей.

Сѣли за покеръ и на этотъ разъ. Вѣра, не принимавшая участія въ игрѣ, хотѣла выйти на террасу, гдѣ накрывали къ чаю, но вдругъ ее съ нѣсколько таинственнымъ видомъ вызвала изъ гостиной горничная.

— Что̀ такое, Даша? — съ неудовольствіемъ спросила княгиня Вѣра, проходя въ свой маленькій кабинетъ, рядомъ со спальней. — Что̀ у васъ за глупый видъ? И что̀ такое вы вертите въ рукахъ?

Даша положила на столъ небольшой квадратный предметъ, завернутый аккуратно въ бѣлую бумагу и тщательно перевязанный розовой ленточкой.

— Я, ей-Богу, не виновата, ваше сіятельство, — залепетала она, вспыхнувъ румянцемъ отъ обиды. — Онъ пришелъ и сказалъ...

— Кто такой — онъ?

— Красная шапка, ваше сіятельство... посыльный.

— И что же?

— Пришелъ на кухню и положилъ вотъ это на столъ. «Передайте, говоритъ, вашей барынѣ. Но только, говоритъ, въ ихнія собственныя руки». Я спрашиваю: отъ кого? А онъ говоритъ: «Здѣсь все обозначено». И съ тѣми словами убѣжалъ.

— Подите, догоните его.

— Никакъ не догонишь, ваше сіятельство. Онъ приходилъ въ серединѣ обѣда, я только васъ не рѣшалась обезпокоить, ваше сіятельство. Полчаса времени будетъ.

— Ну, хорошо, идите.

Она разрѣзала ножницами ленту и бросила въ корзину вмѣстѣ съ бумагой, на которой былъ написанъ ея адресъ. Подъ бумагой оказался небольшой ювелирный футляръ краснаго плюша, видимо, только-что изъ магазина. Вѣра подняла крышечку, подбитую блѣдно-голубымъ шелкомъ, и увидѣла втиснутый въ черный бархатъ овальный золотой браслетъ, а внутри его бережно сложенную красивымъ восьмиугольникомъ записку. Она быстро развернула бумажку. Почеркъ показался ей знакомымъ, но, какъ настоящая женщина, она сейчасъ же отложила записку въ сторону, чтобы посмотрѣть на браслетъ.

Онъ былъ золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и съ наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато по срединѣ браслета возвышались, окружая какой-то странный маленькій зеленый камешекъ, пять прекрасныхъ гранатовъ-кабошоновъ, каждый величиной съ горошину. Когда Вѣра случайнымъ движеніемъ удачно повернула браслетъ передъ огнемъ электрической лампочки, то въ нихъ, глубоко подъ ихъ гладкой яйцевидной

поверхностью вдругъ загорѣлись прелестные густо-красные живые огни.

«Точно кровь!» — подумала съ неожиданной тревогой Вѣра.

Потомъ она вспомнила о письмѣ и развернула его. Она прочитала слѣдующія строки, написанныя мелко, великолѣпно-каллиграфическимъ почеркомъ:

«Ваше Сіятельство,

«Глубокоуважаемая Княгиня

«Вѣра Николаевна!

«Почтительно поздравляя Васъ съ свѣтлымъ и радостнымъ днемъ Вашего Ангела, я осмѣливаюсь препроводить Вамъ мое скромное вѣрноподданническое подношеніе».

«Ахъ, это — тотъ!» — съ неудовольствіемъ подумала Вѣра. Но однако дочитала письмо...

«Я бы никогда не позволилъ себѣ преподнести Вамъ что-либо, выбранное мною лично: для этого у меня нѣтъ ни права, ни тонкаго вкуса и — признаюсь — ни денегъ. Впрочемъ, полагаю, что и на всемъ свѣтѣ не найдется сокровища, достойнаго украсить Васъ.

«Но этотъ браслетъ принадлежалъ еще моей прабабкѣ, а послѣдняя, по времени, его носила моя покойная матушка. По серединѣ, между большими камнями, Вы увидите одинъ зеленый. Это весьма рѣдкій сортъ граната — зеленый гранатъ. По старинному преданію, сохранившемуся въ нашей семьѣ, онъ имѣетъ свойство сообщать даръ предвидѣнія носящимъ его женщинамъ и отгоняетъ отъ нихъ тяжелыя мысли, мужчинъ же охраняетъ отъ насильственной смерти.

«Всѣ камни съ точностью перенесены сюда со стараго серебрянаго браслета, и Вы можете быть увѣрены, что до васъ никто еще этого браслета не надѣвалъ.

«Вы можете сейчасъ же выбросить эту смѣшную

игрушку, или подарить ее кому-нибудь, но я буду счастливъ и тѣмъ, что къ ней прикасались Ваши руки.

«Умоляю Васъ не гнѣваться на меня. Я краснѣю при воспоминаніи о моей дерзости семь лѣтъ тому назадъ, когда Вамъ, барышнѣ, я осмѣливался писать глупыя и дикія письма и даже ожидать отвѣта на нихъ. Теперь во мнѣ осталось только благоговѣніе, вѣчное преклоненіе и рабская преданность. Я умѣю теперь только желать ежеминутно Вамъ счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьямъ, которыя Вы мимоходомъ трогаете, прислугѣ, съ которой Вы говорите. У меня нѣтъ даже зависти ни къ людямъ ни къ вещамъ.

«Еще разъ прошу прощенія, что обезпокоилъ Васъ длиннымъ, ненужнымъ письмомъ.

«Вашъ до смерти и послѣ смерти покорный слуга.

«Г. С. Ж.»

«Показать Васѣ или не показать? И если показать — то когда? Сейчасъ или послѣ гостей? Нѣтъ, ужъ лучше послѣ — теперь не только этотъ несчастный будетъ смѣшонъ, но и я вмѣстѣ съ нимъ».

Такъ раздумывала княгиня Вѣра и не могла отвести глазъ отъ пяти алыхъ кровавыхъ огней, дрожавшихъ внутри пяти гранатовъ.

VI.

Полковника Понамарева едва удалось заставить сѣсть играть въ покеръ. Онъ говорилъ, что не знаетъ этой игры, что вообще не признаётъ азарта даже въ шутку, что любитъ и сравнительно хорошо играетъ только въ винтъ. Однако онъ не устоялъ передъ просьбами и въ концѣ концовъ согласился.

Сначала его приходилось учить и поправлять, но онъ довольно быстро освоился съ правилами покера, и вотъ не прошло и получаса, какъ всѣ фишки очутились передъ нимъ.

— Такъ нельзя! — сказала съ комической обидчивостью Анна. — Хоть бы немного дали поволноваться.

Трое изъ гостей — Спѣшниковъ, полковникъ и вицегубернаторъ, туповатый, приличный и скучный нѣмецъ, были такого рода люди, что Вѣра положительно не знала, какъ ихъ занимать и что съ ними дѣлать. Она составила для нихъ винтъ, пригласивъ четвертымъ Густава Ивановича. Анна издали, въ видѣ благодарности, прикрыла глаза вѣками, и сестра сразу поняла ее. Всѣ знали, что если не усадить Густава Ивановича за карты, то онъ цѣлый вечеръ будетъ ходить около жены, какъ пришитый, скаля свои гнилые зубы на лицѣ черепа и портя женѣ настроеніе духа.

Теперь вечеръ потекъ ровно, безъ принужденія, оживленно. Васючокъ пѣлъ вполголоса, подъ аккомпанементъ Женни Рейтеръ, итальянскія народныя канцонетты и рубинштейновскія восточныя пѣсни. Голосокъ у него былъ маленькій, но пріятнаго тембра, послушный и вѣрный. Женни Рейтеръ, очень требовательная музыкантша, всегда охотно ему аккомпанировала. Впрочемъ, говорили, что Васючокъ за нею ухаживаетъ.

Въ углу на кушеткѣ Анна отчаянно кокетничала съ гусаромъ. Вѣра подошла и съ улыбкой прислушалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы, пожалуйста, не смѣйтесь, — весело говорила Анна, щуря на офицера свои милые, задорные татарскіе глаза. — Вы, конечно, считаете за трудъ летѣть, сломя голову, впереди эскадрона и брать барьеры на скачкахъ. Но посмотрите только на нашъ трудъ. Вотъ теперь мы только-что покончили съ лотереей-аллегри. Вы думаете, это было легко? Фи! Толпа, накурено, ка-

кіе-то дворники, извозчики, я не знаю, какъ ихъ тамъ зовутъ... И всѣ пристаютъ съ жалобами, съ какими-то обидами... И цѣлый, цѣлый день на ногахъ. А впереди еще предстоитъ концертъ въ пользу недостаточныхъ интеллигентныхъ труженицъ, а тамъ еще бѣлый балъ...

— На которомъ, смѣю надѣяться, вы не откажете мнѣ въ мазуркѣ? — вставилъ Бахтинскій и, слегка наклонившись, щелкнулъ подъ кресломъ шпорами.

— Благодарю... Но самое, самое мое больное мѣсто— это нашъ пріютъ. Понимаете, пріютъ для порочныхъ дѣтей...

— О, вполнѣ понимаю. Это, должно-быть, что-нибудь очень смѣшное?

— Перестаньте, какъ вамъ не совѣстно смѣяться надъ такими вещами. Но вы понимаете, въ чемъ наше несчастіе? Мы хотимъ пріютить этихъ несчастныхъ дѣтей съ душами, полными наслѣдственныхъ пороковъ и дурныхъ примѣровъ, хотимъ обогрѣть ихъ, обласкать...

— Гм!..

— ... поднять ихъ нравственность, пробудить въ ихъ душахъ сознаніе долга... Вы меня понимаете? И вотъ къ намъ ежедневно приводятъ дѣтей сотнями, тысячами, но между ними — ни одного порочнаго! Если спросишь родителей, не порочное ли дитя — такъ, можете представить—они даже оскорбляются! И вотъ пріютъ открытъ, освященъ, все готово — и ни одного воспитанника, ни одной воспитанницы! Хоть премію предлагай за каждаго доставленнаго порочнаго ребенка.

— Анна Николаевна, — серьезно и вкрадчиво перебилъ ее гусаръ. — Зачѣмъ премію? Возьмите меня безплатно. Честное слово, болѣе порочнаго ребенка вы нигдѣ не отыщете.

— Перестаньте! Съ вами нельзя говорить серьезно, — расхохоталась она, откидываясь на спинку кушетки и блестя глазами.

Князь Василій Львовичъ, сидя за большимъ круглымъ столомъ, показывалъ своей сестрѣ, Аносову и шуршу домашній юмористическій альбомъ съ собственноручными рисунками. Всѣ четверо смѣялись отъ души, и это понемногу перетянуло сюда гостей, незанятыхъ картами.

Альбомъ служилъ какъ бы дополненіемъ, иллюстраціей къ сатирическимъ разсказамъ князя Василія. Со своимъ непоколебимымъ спокойствіемъ онъ показывалъ, напримѣръ: «Исторію любовныхъ похожденій храбраго генерала Аносова въ Турціи, Болгаріи и другихъ странахъ»; «Приключеніе петиметра князя Николя Булатъ-Тугановскаго въ Монте-Карло» и т. д.

— Сейчасъ увидите, господа, краткое жизнеописаніе нашей возлюбленной сестры Людмилы Львовны, — говорилъ онъ, бросая быстрый смѣшливый взглядъ на сестру. — Часть первая — дѣтство. «Ребенокъ росъ, его назвали Лима».

На листкѣ альбома красовалась умышленно по-дѣтски нарисованная фигура дѣвочки, съ лицомъ въ профиль, но съ двумя глазами, съ ломаными черточками, торчащими вмѣсто ногъ изъ-подъ юбки, съ растопырениыми пальцами разведенныхъ рукъ.

— Никогда меня никто не называлъ Лимой, — засмѣялась Людмила Львовна.

— Часть вторая. Первая любовь. Кавалерійскій юнкеръ подноситъ дѣвицѣ Лимѣ на колѣняхъ стихотвореніе собственнаго издѣлія. Тамъ есть поистинѣ жемчужной красоты строки:

„Твоя прекрасная нога, —
Явленье страсти неземной!“

«Вотъ и подлинное изображеніе ноги.

«А здѣсь юнкеръ склоняетъ невинную Лиму къ побѣгу изъ родительскаго дома. Здѣсь самое бѣгство. А

это вотъ — критическое положеніе: разгнѣванный отецъ догоняетъ бѣглецовъ. Юнкеръ малодушно сваливаетъ всю бѣду на кроткую Лиму.

„Ты тамъ все пудрилась, часъ лишній провороня,
И вотъ за нами вслѣдъ ужасная погоня...
Какъ хочешь, съ ней раздѣлывайся ты,
А я бѣгу въ кусты!“

Послѣ исторіи дѣвицы Лимы слѣдовала новая повѣсть: «Княгиня Вѣра и влюбленный телеграфистъ».

— Эта трогательная поэма только лишь иллюстрирована перомъ и цвѣтными карандашами, — объяснялъ серьезно Василій Львовичъ. — Текстъ еще изготовляется.

— Это что-то новое, — замѣтилъ Аносовъ: — я еще этого не видалъ.

— Самый послѣдній выпускъ. Свѣжая новость книжнаго рынка.

Вѣра тихо дотронулась до его плеча.

— Лучше не нужно, — сказала она.

Но Василій Львовичъ или не разслышалъ ея словъ, или не придалъ имъ настоящаго значенія.

— Начало относится къ временамъ доисторическимъ. Въ одинъ прекрасный майскій день одна дѣвица, по имени Вѣра, получаетъ по почтѣ письмо съ цѣлующимися голубками на заголовкѣ. Вотъ письмо, а вотъ и голуби.

«Письмо содержитъ въ себѣ пылкое признаніе въ любви, написанное вопреки всѣмъ правиламъ орѳографіи. Начинается оно такъ: «Прекрасная Блондина, ты, которая... бурное море пламени, клокочущее въ моей груди. Твой взглядъ, какъ ядовитый змѣй, впился въ мою истерзанную душу и т. д.». Въ концѣ скромная подпись: «По роду оружія я бѣдный телеграфистъ, но чувства мои достойны милорда Георга. Не смѣю откры-

вать моей полной фамиліи — она слишкомъ неприлична. Подписываюсь только начальными буквами: П. П. Ж. Прошу отвѣчать мнѣ въ почтамтъ, постѐ рестантѐ». Здѣсь вы, господа, можете видѣть и портретъ самого телеграфиста, очень удачно исполненный цвѣтными карандашами.

«Сердце Вѣры пронзено (вотъ сердце, вотъ стрѣла). Но, какъ благонравная и воспитанная дѣвица, она показываетъ письмо почтеннымъ родителямъ, а также своему другу дѣтства и жениху, красивому молодому человѣку Васѣ Шеину. Вотъ и иллюстрація. Конечно, со временемъ здѣсь будутъ стихотворныя объясненія къ рисункамъ.

«Вася Шеинъ, рыдая, возвращаетъ Вѣрѣ обручальное кольцо.—«Я не смѣю мѣшать твоему счастію,—говоритъ онъ: — но, умоляю, не дѣлай сразу рѣшительнаго шага. Подумай, поразмысли, провѣрь и себя и его. Дитя, ты не знаешь жизни и летишь, какъ мотылекъ на блестящій огонь. А я — увы! — я знаю хладный и лицемѣрный свѣтъ. Знай, что телеграфисты увлекательны, но коварны. Для нихъ доставляетъ неизъяснимое наслажденіе обмануть своей гордой красотой и фальшивыми чувствами неопытную жертву и жестоко насмѣяться надъ ней».

«Проходитъ полгода. Въ вихрѣ жизненнаго вальса Вѣра позабываетъ своего поклонника и выходитъ замужъ за красиваго молодого Васю, но телеграфистъ не забываетъ ея. Вотъ онъ переодѣвается трубочистомъ и, вымазавшись сажей, проникаетъ въ будуаръ княгини Вѣры. Слѣды пяти пальцевъ и двухъ губъ остались, какъ видите, повсюду: на коврахъ, на подушкахъ, на обояхъ и даже на паркетѣ.

«Вотъ онъ въ одеждѣ деревенской бабы поступаетъ на нашу кухню, простой судомойкой. Однако излишняя

благосклонность повара Луки заставляетъ его обратиться въ бѣгство.

«Вотъ онъ въ сумасшедшемъ домѣ. А вотъ постригся въ монахи. Но каждый день неуклонно посылаетъ онъ Вѣрѣ страстныя письма. И тамъ, гдѣ падаютъ на бумагу его слезы, тамъ чернила расплываются кляксами.

«Наконецъ онъ умираетъ, но передъ смертью завѣщаетъ передать Вѣрѣ двѣ телеграфныя пуговицы и флаконъ отъ духовъ — наполненный его слезами...»

— Господа, кто хочетъ чаю? — спросила Вѣра Николаевна.

VII.

Долгій осенній закатъ догорѣлъ. Погасла послѣдняя багровая, узенькая, какъ щель, полоска, рдѣвшая на самомъ краю горизонта, между сизой тучей и землей. Уже не стало видно ни земли, ни деревьевъ, ни неба. Только надъ головой большія звѣзды дрожали своими рѣсницами среди черной ночи, да голубой лучъ отъ маяка подымался прямо вверхъ тонкимъ столбомъ и точно расплескивался тамъ о небесный куполъ жидкимъ, туманнымъ, свѣтлымъ кругомъ. Ночныя бабочки бились о стеклянные колпаки свѣчей. Звѣздчатые цвѣты бѣлаго табака въ палисадникѣ запахли острѣе изъ темноты и прохлады.

Спѣшниковъ, вице-губернаторъ и полковникъ Понамаревъ давно уже уѣхали, обѣщавъ прислать лошадей обратно со станціи трамвая за комендантомъ. Оставшіеся гости сидѣли на террасѣ. Генерала Аносова, несмотря на его протесты, сестры заставили надѣть пальто и укутали его ноги теплымъ пледомъ. Передъ нимъ стояла бутылка его любимаго краснаго вина Pommard, рядомъ съ нимъ по обѣимъ сторонамъ сидѣли Вѣра и Анна.

Онѣ заботливо ухаживали за генераломъ, наполняли тяжелымъ, густымъ виномъ его тонкій стаканъ, придвигали ему спички, нарѣзали сыръ и т. д. Старый комендантъ жмурился отъ блаженства.

— Да-съ... Осень, осень, осень, — говорилъ старикъ, глядя на огонь свѣчи и задумчиво покачивая головой. — Осень. Вотъ и мнѣ ужъ пора собираться. Ахъ, жаль-то какъ! Только-что настали красные денечки. Тутъ бы жить да жить на берегу моря, въ тишинѣ, спокойненько...

— И пожили бы у насъ, дѣдушка, — сказала Вѣра.

— Нельзя, милая, нельзя. Служба... Отпускъ кончился... А что̀ говорить, хорошо бы было! Ты посмотри только, какъ розы-то пахнутъ... Отсюда слышу. А лѣтомъ въ жары ни одинъ цвѣтокъ не пахнулъ, только бѣлая акація... да и та конфетами.

Вѣра вынула изъ вазочки двѣ маленькихъ розы, розовую и карминную, и вдѣла ихъ въ петлицу генеральскаго пальто.

— Спасибо, Вѣрочка. — Аносовъ нагнулъ голову къ борту шинели, понюхалъ цвѣты и вдругъ улыбнулся славной старческой улыбкой.

— Пришли мы, помню я, въ Букарестъ и размѣстились по квартирамъ. Вотъ какъ-то иду я по улицѣ. Вдругъ повѣялъ на меня сильный розовый запахъ, я остановился и увидалъ, что между двухъ солдатъ стоитъ прекрасный хрустальный флаконъ съ розовымъ масломъ. Они смазали уже имъ сапоги и также ружейные замки. «Что̀ это у васъ такое?»—спрашиваю.—«Какое-то масло, ваше высокоблагородіе, клали его въ кашу, да не годится, такъ и деретъ ротъ, а пахнетъ оно хорошо». Я далъ имъ цѣлковый, и они съ удовольствіемъ отдали мнѣ его. Масла уже оставалось не болѣе половины, но, судя по его дороговизнѣ, было еще по крайней мѣрѣ

на двадцать червонцевъ. Солдаты, будучи довольны, добавили: «Да вотъ еще, ваше высокоблагородіе, какой-то турецкій горохъ, сколько его ни варили, а все не подается проклятый». Это былъ кофе; я сказалъ имъ: «Это только годится туркамъ, а солдатамъ нейдетъ». Къ счастію, опіуму они не наѣлись. Я видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его лепешки, затоптанныя въ грязи.

— Дѣдушка, скажите откровенно,—попросила Анна:— скажите, испытывали вы страхъ во время сраженій? Боялись?

— Какъ это странно, Аннечка: боялся — не боялся. Понятное дѣло — боялся. Ты не вѣрь, пожалуйста, тому, кто тебѣ скажетъ, что не боялся, и что свистъ пуль для него самая сладкая музыка. Это или психъ, или хвастунъ. Всѣ одинаково боятся. Только одинъ весь отъ страха раскисаетъ, а другой себя держитъ въ рукахъ. И видишь: страхъ-то остается всегда одинъ и тотъ же, а умѣнье держать себя отъ практики все возрастаетъ: отсюда и герои и храбрецы. Такъ-то. Но испугался я одинъ разъ чуть не до смерти.

— Разскажите, дѣдушка, — попросили въ одинъ голосъ сестры.

Онѣ до сихъ поръ слушали разсказы Аносова съ тѣмъ же восторгомъ, какъ и въ ихъ раннемъ дѣтствѣ. Анна даже невольно, совсѣмъ по-дѣтски разставила локти на столѣ и уложила подбородокъ на составленныя пятки ладоней. Была какая-то уютная прелесть въ его неторопливомъ и наивномъ повѣствованіи. И самые обороты фразъ, которыми онъ передавалъ свои военныя воспоминанія, принимали у него невольно странный, неуклюжій, нѣсколько книжный характеръ. Точно онъ разсказывалъ по какому милому, древнему стереотипу.

— Разсказъ очень короткій, — отозвался Аносовъ. —

Это было на Шипкѣ, зимой, уже послѣ того, какъ меня контузили въ голову. Жили мы въ землянкѣ, вчетверомъ. Вотъ тутъ-то со мною и случилось страшное приключеніе. Однажды поутру, когда я всталъ съ постели, представилось мнѣ, что я не Яковъ, а Николай, и никакъ я не могъ себя переувѣрить въ томъ. Примѣтивъ, что у меня дѣлается помраченіе ума, закричалъ, чтобы подали мнѣ воды, помочилъ голову, и разсудокъ мой воротился.

— Воображаю, Яковъ Михайловичъ, сколько вы тамъ побѣдъ одержали надъ женщинами, — сказала піанистка Женни Рейтеръ. — Вы, должно-быть, смолоду очень красивы были.

— О, нашъ дѣдушка и теперь красавецъ! — воскликнула Анна.

— Красавцемъ не былъ, — спокойно улыбаясь, сказалъ Аносовъ. — Но и мной тоже не брезговали. Вотъ въ этомъ же Букарестѣ былъ очень трогательный случай. Когда мы въ него вступили, то жители встрѣтили насъ на городской площади съ пушечною пальбою, отъ чего пострадало много окошекъ; но тѣ, на которыхъ поставлена была въ стаканахъ вода — остались невредимы. А почему я это узналъ? А вотъ почему. Пришедши на отведенную мнѣ квартиру, я увидѣлъ на окошкѣ стоящую низенькую клѣточку, на клѣточкѣ была большого размѣра хрустальная бутылка съ прозрачною водой, въ ней плавали золотыя рыбки, и между ними сидѣла на примосточкѣ канарейка. Канарейка въ водѣ! — это меня удивило, но, осмотрѣвъ, увидѣлъ, что въ бутылкѣ дно широко и вдавлено глубоко въ середину, такъ что канарейка свободно могла влетать туда и сидѣть. Послѣ сего сознался самъ себѣ, что я очень недогадливъ.

«Вошелъ я въ домъ и вижу прехорошенькую бол-

гарочку. Я предъявилъ ей квитанцію на постой и кстати ужъ спросилъ, почему у нихъ цѣлы стекла послѣ канонады, и она мнѣ объяснила, что это отъ воды. А также объяснила и про канарейку: до чего я былъ несообразителенъ!.. И вотъ среди разговора взгляды наши встрѣтились, между нами пробѣжала искра, подобная электрической, и я почувствовалъ, что влюбился сразу, — пламенно и безповоротно».

Старикъ замолчалъ и осторожно потянулъ губами черное вино.

— Но вѣдь вы все-таки объяснились съ ней потомъ? — спросила піанистка.

— Гм... конечно, объяснились... Но только безъ словъ. Это произошло такъ...

— Дѣдушка, надѣюсь, вы не заставите насъ краснѣть? — замѣтила Анна, лукаво смѣясь.

— Нѣтъ, нѣтъ, — романъ былъ самый приличный. Видите ли: всюду, гдѣ мы останавливались на постой, городскіе жители имѣли свои исключенія и прибавленія, но въ Букарестѣ такъ коротко обходились съ нами жители, что когда однажды я сталъ играть на скрипкѣ, то дѣвушки тотчасъ нарядились и пришли танцовать, и такое обыкновеніе повелось на каждый день.

«Однажды во время танцевъ, вечеромъ, при освѣщеніи мѣсяца, я вошелъ въ сѣнцы, куда скрылась и моя болгарочка. Увидѣвъ меня, она стала притворяться, что перебираетъ сухіе лепестки розъ, которые, надо сказать, тамошніе жители собираютъ цѣлыми мѣшками. Но я обнялъ ее, прижалъ къ своему сердцу и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

«Съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда являлась луна на небѣ со звѣздами, спѣшилъ я къ возлюбленной моей и всѣ денныя заботы на время забывалъ съ нею. Когда же послѣдовалъ нашъ походъ изъ тѣхъ мѣстъ, мы дали

другъ другу клятву въ вѣчной взаимной любви и простились навсегда».

— И все?—спросила разочарованно Людмила Львовна.

— А чего же вамъ больше? — возразилъ комендантъ.

— Нѣтъ, Яковъ Михайловичъ, вы меня извините — это не любовь, а просто бивуачное приключеніе армейскаго офицера.

— Не знаю, милая моя, ей-Богу, не знаю — любовь это была, или иное чувство...

— Да нѣтъ... скажите... неужели въ самомъ дѣлѣ вы никогда не любили настоящей любовью? Знаете, такой любовью, которая... ну, которая... словомъ... святой, чистой, вѣчной любовью... неземной... Неужели не любили?

— Право, не сумѣю вамъ отвѣтить, — замялся старикъ, поднимаясь съ кресла. — Должно-быть, не любилъ. Сначала все было некогда: молодость, кутежи, карты, зойна... Казалось, конца не будетъ жизни, юности и здоровью. А потомъ оглянулся — и вижу, что я уже развалина... Ну, а теперь, Вѣрочка, не держи меня больше. Я распрощаюсь... Гусаръ, — обратился онъ къ Бахтинскому: — ночь теплая, пойдемте-ка навстрѣчу нашему экипажу.

— И я пойду съ вами, дѣдушка, — сказала Вѣра.

— И я, — подхватила Анна.

Передъ тѣмъ какъ уходить, Вѣра подошла къ мужу и сказала ему тихо:

— Поди, посмотри... тамъ у меня въ столѣ, въ ящичкѣ, лежитъ красный футляръ, а въ немъ письмо. Прочитай его.

VIII.

Анна съ Бахтинскимъ шли впереди, а сзади ихъ, шаговъ на двадцать, комендантъ подъ руку съ Вѣрой.

Ночь была такъ черна, что въ первыя минуты, пока глаза не притерпѣлись послѣ свѣта къ темнотѣ, приходилось ощупью ногами отыскивать дорогу. Аносовъ, сохранившій, несмотря на годы, удивительную зоркость, долженъ былъ помогать своей спутницѣ. Время отъ времени онъ ласково поглаживалъ своей большой холодной рукой руку Вѣры, легко лежавшую на сгибѣ его рукава.

— Смѣшная эта Людмила Львовна, — вдругъ заговорилъ генералъ, точно продолжая вслухъ теченіе своихъ мыслей. — Сколько разъ я въ жизни наблюдалъ: какъ только стукнетъ дамѣ подъ пятьдесятъ, а въ особенности если она вдова или старая дѣвка, то такъ и тянетъ ее около чужой любви покрутиться. Либо шпіонитъ, злорадствуетъ и сплетничаетъ, либо лѣзетъ устраивать чужое счастье, либо разводитъ словесный гуммиарабикъ насчетъ возвышенной любви. А я хочу сказать, что люди въ наше время разучились любить. Не вижу настоящей любви. Да и въ мое время не видѣлъ!

— Ну какъ же это такъ, дѣдушка? — мягко возразила Вѣра, пожимая слегка его руку. — Зачѣмъ клеветать? Вы вѣдь сами были женаты. Значитъ, все-таки любили?

— Ровно ничего не значитъ, дорогая Вѣрочка. Знаешь, какъ женился? Вижу, сидитъ около меня свѣжая дѣвчонка. Дышитъ — грудь такъ и ходитъ подъ кофточкой. Опуститъ рѣсницы, длинныя-длинныя такія, и вся вдругъ вспыхнетъ. И кожа на щекахъ нѣжная, шейка бѣлая такая, невинная и руки мяконькія, тепленькія. Ахъ ты, чортъ! А тутъ папа-мама ходятъ вокругъ, за дверями подслушиваютъ, глядятъ на тебя грустными такими, собачьими, преданными глазами. А когда уходишь — за дверями этакіе быстрые поцѣлуйчики... За чаемъ ножка тебя подъ столомъ какъ будто нечаянно тронетъ... Ну и готово. «Дорогой Никита Антонычъ, я пришелъ къ вамъ

просить руки вашей дочери. Повѣрьте, что это святое существо...» А у папы уже и глаза мокрые, и ужъ цѣловаться лѣзетъ... «Милый! Я давно догадывался... Ну дай вамъ Богъ... Смотри только, береги это сокровище»... И вотъ черезъ три мѣсяца святое сокровище ходитъ въ затрепанномъ капотѣ, туфли на босу ногу, волосенки жиденькіе, нечесанные, въ папильоткахъ, съ денщиками собачится, какъ кухарка, съ молодыми офицерами ломается, сюсюкаетъ, взвизгиваетъ, закатываетъ глаза. Мужа почему-то на людяхъ называетъ Жакомъ. Знаешь, этакъ въ носъ, съ растяжкой, томно: «Ж-а-а-акъ». Мотовка, актриса, неряха, жадная. И глаза всегда лживые-лживые... Теперь все прошло, улеглось, утряслось. Я даже этому актеришкѣ въ душѣ благодаренъ... Слава Богу, что дѣтей не было...

— Вы простили имъ, дѣдушка?

— Простилъ — это не то слово, Вѣрочка. Первое время былъ какъ бѣшеный. Если бы тогда увидѣлъ ихъ, конечно, убилъ бы обоихъ. А потомъ понемногу отошло и отошло, и ничего не осталось, кромѣ презрѣнія. И хорошо. Избавилъ Богъ отъ лишняго пролитія крови. И кромѣ того избѣжалъ я общей участи большинства мужей. Что̀ бы я былъ такое, если бы не этотъ мерзкій случай? Вьючный верблюдъ, позорный потатчикъ, укрыватель, дойная корова, ширма, какая-то домашняя необходимая вещь... Нѣтъ! Все къ лучшему, Вѣрочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка, въ васъ все-таки, простите меня, говоритъ прежняя обида... А вы свой несчастный опытъ переносите на все человѣчество. Возьмите хоть насъ съ Васей. Развѣ можно назвать нашъ бракъ несчастливымъ?

Аносовъ довольно долго молчалъ. Потомъ протянулъ неохотно:

— Ну, хорошо... скажемъ — исключеніе... Но вотъ въ

большинствѣ-то случаевъ почему люди женятся? Возьмемъ женщину. Стыдно оставаться въ дѣвушкахъ, особенно когда подруги уже повыходили замужъ. Тяжело быть лишнимъ ртомъ въ семьѣ. Желаніе быть хозяйкой, главною въ домѣ, дамой, самостоятельной... Къ тому же потребность, прямо физическая потребность материнства, и чтобы начать вить свое гнѣздо. А у мужчинъ другіе мотивы. Во-первыхъ, усталость отъ холостой жизни, отъ безпорядка въ комнатахъ, отъ трактирныхъ обѣдовъ, отъ грязи, окурковъ, разорваннаго и разрозненнаго бѣлья, отъ долговъ, отъ безцеремонныхъ товарищей и прочее и прочее. Во-вторыхъ, чувствуешь, что семьей жить выгоднѣе, здоровѣе и экономнѣе. Въ-третьихъ, думаешь: вотъ пойдутъ дѣтишки: я-то умру, а часть меня все-таки останется на свѣтѣ... нѣчто въ родѣ иллюзіи безсмертія. Въ-четвертыхъ, соблазнъ невинности, какъ въ моемъ случаѣ. Кромѣ того бываютъ иногда и мысли о приданомъ. А гдѣ же любовь-то? Любовь безкорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? Та, про которую сказано — «сильна, какъ смерть»? Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвигъ, отдать жизнь, пойти на мученіе — вовсе не трудъ, а одна радость. Постой, постой, Вѣра, ты мнѣ сейчасъ опять хочешь про твоего Васю? Право же, я его люблю. Онъ хорошій парень. Почемъ знать, можетъ-быть, будущее и покажетъ его любовь въ свѣтѣ большой красоты. Но ты пойми, о какой любви я говорю. Любовь должна быть трагедіей. Величайшей тайной въ мірѣ! Никакія жизненныя удобства, расчеты и компромиссы не должны ея касаться.

— Вы видѣли когда-нибудь такую любовь, дѣдушка? — тихо спросила Вѣра.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ рѣшительно. — Я, правда, знаю два случая похожихъ. Но одинъ былъ продикто-

ванъ глупостью, а другой... такъ... какая-то кислота... одна жалость... Если хочешь, я разскажу. Это недолго.

— Прошу васъ, дѣдушка.

— Ну, вотъ. Въ одномъ полку нашей дивизіи (только не въ нашемъ) была жена полкового командира. Рожа, я тебѣ скажу, Вѣрочка, преестественная. Костлявая, рыжая, длинная, худущая, ротастая... Штукатурка съ нея такъ и сыпалась, какъ со стараго московскаго дома. Но, понимаешь, этакая полковая Мессалина: темпераментъ, властность, презрѣніе къ людямъ, страсть къ разнообразію. Вдобавокъ — морфинистка.

«И вотъ однажды, осенью, присылаютъ къ нимъ въ полкъ новоиспеченнаго прапорщика, совсѣмъ желторотаго воробья, только-что изъ военнаго училища. Черезъ мѣсяцъ эта старая лошадь совсѣмъ овладѣла имъ. Онъ пажъ, онъ слуга, онъ рабъ, онъ вѣчный кавалеръ ея въ танцахъ, носитъ ея вѣеръ и платокъ, въ одномъ мундирчикѣ выскакиваетъ на морозъ звать ея лошадей. Ужасная это штука, когда свѣжій и чистый мальчишка положитъ свою первую любовь къ ногамъ старой, опытной и властолюбивой развратницы. Если онъ сейчасъ выскочилъ невредимъ — все равно въ будущемъ считай его погибшимъ. Это — штампъ на всю жизнь.

«Къ Рождеству онъ ей уже надоѣлъ. Она вернулась къ одной изъ своихъ прежнихъ, испытанныхъ пассій. А онъ не могъ. Ходитъ за ней, какъ привидѣніе. Измучился весь, исхудалъ, почернѣлъ. Говоря высокимъ штилемъ — «смерть уже лежала на его высокомъ челѣ». Ревновалъ онъ ее ужасно. Говорятъ, цѣлыя ночи простаивалъ подъ ея окнами.

«И вотъ однажды весной устроили они въ полку какую-то маёвку или пикникъ. Я и ее и его зналъ лично, но при этомъ происшествіи не былъ. Какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, было много выпито. Обратно возвра-

щались ночью пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги. Вдругъ навстрѣчу имъ идетъ товарный поѣздъ. Идетъ очень медленно вверхъ, по довольно крутому подъему. Даетъ свистки. И вотъ, только-что паровозные огни поровнялись съ компаніей, она вдругъ шепчетъ на ухо прапорщику: «Вы все говорите, что любите меня. А вѣдь, если я вамъ прикажу — вы, навѣрно, подъ поѣздъ не бросите́сь». А онъ, ни слова не отвѣтивъ, бѣгомъ — и подъ поѣздъ. Онъ-то, говорятъ, вѣрно разсчиталъ, какъ разъ между передними и задними колесами: такъ бы его аккуратно пополамъ и перерѣзало. Но какой-то идіотъ вздумалъ его удерживать и отталкивать. Да не осилилъ. Прапорщикъ, какъ уцѣпился руками за рельсы, такъ ему обѣ кисти и оттяпало».

— Охъ, какой ужасъ! — воскликнула Вѣра.

— Пришлось прапорщику оставить службу. Товарищи собрали ему кое-какія деньжонки на выѣздъ. Оставаться-то въ городѣ ему было неудобно: живой укоръ передъ глазами и ей и всему полку. И пропалъ человѣкъ... самымъ подлымъ образомъ... сталъ попрошайкой... замерзъ гдѣ-то на пристани въ Петербургѣ...

«А другой случай былъ совсѣмъ жалкій. И такая же женщина была, какъ и первая, только молодая и красивая. Очень и очень нехорошо себя вела. На что ужъ мы легко глядѣли на эти домашніе романы, но даже и насъ коробило. А мужъ — ничего. Все зналъ, все видѣлъ и молчалъ. Друзья намекали ему, а онъ только руками отмахивался: «Оставьте, оставьте... Не мое дѣло, не мое дѣло... Пусть только Леночка будетъ счастлива!..» Такой олухъ!

«Подъ конецъ сошлась она накрѣпко съ поручикомъ Вишняковымъ, субалтерномъ изъ ихней роты. Такъ втроемъ и жили въ двумужественномъ бракѣ — точно это самый законный видъ супружества. А тутъ нашъ

полкъ двинули на войну. Наши дамы провожали насъ, провожала и она, и, право, даже смотрѣть было совѣстно: хотя бы для приличія взглянула разокъ на мужа, — нѣтъ, повѣсилась на своемъ поручикѣ, какъ чортъ на сухой вербѣ, и не отходитъ. На прощанье, когда мы уже усѣлись въ вагоны и поѣздъ тронулся, такъ она еще мужу вслѣдъ, безстыдница, крикнула: «Помни же, береги Володю! Если что-нибудь съ нимъ случится — уйду изъ дому и никогда не вернусь. И дѣтей заберу».

«Ты, можетъ-быть, думаешь, что этотъ капитанъ былъ какая-нибудь тряпка? размазня? стрекозиная душа? Ничуть. Онъ былъ храбрымъ солдатомъ. Подъ Зелеными Горами онъ шесть разъ водилъ свою роту на турецкій редутъ, и у него отъ двухсотъ человѣкъ осталось только четырнадцать. Дважды раненый — онъ отказался итти на перевязочный пунктъ. Вотъ онъ былъ какой. Солдаты на него Богу молились.

«Но она велѣла... Его Леночка ему велѣла!

«И онъ ухаживалъ за этимъ трусомъ и лодыремъ Вишняковымъ, за этимъ трутнемъ безмедовымъ, — какъ нянька, какъ мать. На ночлегахъ подъ дождемъ, въ грязи, онъ укутывалъ его своей шинелью. Ходилъ вмѣсто него на саперныя работы, а тотъ отлеживался въ землянкѣ или игралъ въ штоссъ. По ночамъ провѣрялъ за него сторожевые посты. А это, замѣть, Вѣруня, было въ то время, когда башибузуки вырѣзывали наши пикеты такъ же просто, какъ ярославская баба на огородѣ срѣзаетъ капустные кочни. Ей-Богу, хотя и грѣхъ вспоминать, но всѣ обрадовались, когда узнали, что Вишняковъ скончался въ госпиталѣ отъ тифа...»

— Ну, а женщинъ, дѣдушка, женщинъ вы встрѣчали любящихъ?

— О, конечно, Вѣрочка. Я даже больше скажу: я увѣренъ, что почти каждая женщина способна въ любви

на самый высокій героизмъ. Пойми, она цѣлуетъ, обнимаетъ, отдается — и она уже мать. Для нея, если она любитъ, любовь заключаетъ весь смыслъ жизни — всю вселенную! Но вовсе не она виновата въ томъ, что любовь у людей приняла такія пошлыя формы и снизошла просто до какого-то житейскаго удобства, до маленькаго развлеченія. Виноваты мужчины, въ двадцать лѣтъ пресыщенные, съ цыплячьими тѣлами и заячьими душами, неспособные къ сильнымъ желаніямъ, къ героическимъ поступкамъ, къ нѣжности и обожанію передъ любовью. Говорятъ, что раньше все это бывало. А если и не бывало, то развѣ не мечтали и не тосковали объ этомъ лучшіе умы и души человѣчества — поэты, романисты, музыканты, художники? Я на-дняхъ читалъ исторію Машеньки Леско и кавалера де-Гріе... Вѣришь ли, слезами обливался... Ну скажи же, моя милая, по совѣсти, развѣ каждая женщина, въ глубинѣ своего сердца, не мечтаетъ о такой любви — единой, всепрощающей, на все готовой, скромной и самоотверженной?

— О, конечно, конечно, дѣдушка...

— А разъ ея нѣтъ, женщины мстятъ. Пройдетъ еще лѣтъ тридцать... я не увижу, но ты, можетъ-быть, увидишь, Вѣрочка. Помяни мое слово, что лѣтъ черезъ тридцать женщины займутъ въ мірѣ неслыханную власть. Онѣ будутъ одѣваться, какъ индійскіе идолы. Онѣ будутъ попирать насъ, мужчинъ, какъ презрѣнныхъ, низкопоклонныхъ рабовъ. Ихъ сумасбродные прихоти и капризы станутъ для насъ мучительными законами. И все оттого, что мы цѣлыми поколѣніями не умѣли преклоняться и благоговѣть передъ любовью. Это будетъ месть. Знаешь законъ: сила дѣйствія равна силѣ противодѣйствія.

Немного помолчавъ, онъ вдругъ спросилъ:

— Скажи мнѣ, Вѣрочка, если только тебѣ не трудно,

что это за исторія съ телеграфистомъ, о которомъ разсказывалъ сегодня князь Василій? Что здѣсь правда и что выдумка, по его обычаю?

— Развѣ вамъ интересно, дѣдушка?

— Какъ хочешь, какъ хочешь, Вѣра. Если тебѣ почему-либо непріятно...

— Да вовсе нѣтъ. Я съ удовольствіемъ разскажу.

И она разсказала коменданту со всѣми подробностями о какомъ-то безумцѣ, который началъ преслѣдовать ее своею любовью еще за два года до ея замужества.

Она ни разу не видѣла его и не знаетъ его фамиліи. Онъ только писалъ ей и въ письмахъ подписывался Г. С. Ж. Однажды онъ обмолвился, что служитъ въ какомъ-то казенномъ учрежденіи маленькимъ чиновникомъ, — о телеграфѣ онъ не упоминалъ ни слова. Очевидно, онъ постоянно слѣдилъ за ней, потому что въ своихъ письмахъ весьма точно указывалъ, гдѣ она бывала на вечерахъ, въ какомъ обществѣ и какъ была одѣта. Сначала письма его носили вульгарный и курьезно-пылкій характеръ, хотя и были вполнѣ цѣломудренны. Но однажды Вѣра письменно (кстати, не проболтайтесь, дѣдушка, объ этомъ нашимъ: никто изъ нихъ не знаетъ) попросила его не утруждать ее больше своими любовными изліяніями. Съ тѣхъ поръ онъ замолчалъ о любви и сталъ писать лишь изрѣдка: на Пасху, на Новый годъ и въ день ея именинъ. Княгиня Вѣра разсказала также и о сегодняшней посылкѣ и даже почти дословно передала странное письмо своего таинственнаго обожателя...

— Да-а, — протянулъ генералъ наконецъ. — Можетъ-быть, это просто ненормальный малый, маніакъ, а — почемъ знать? — можетъ-быть, твой жизненный путь, Вѣрочка, пересѣкла именно такая любовь, о которой грезятъ женщины и на которую больше неспособны муж-

чины. Постой-ка. Видишь, впереди движутся фонари? Навѣрно, мой экипажъ.

Въ то же время сзади послышалось зычное рявканье автомобиля, и дорога, изрытая колесами, засіяла бѣлымъ ацетиленовымъ свѣтомъ. Подъѣхалъ Густавъ Ивановичъ.

— Анночка, я захватилъ твои вещи. Садись, — сказалъ онъ. — Ваше превосходительство, не позволите ли довезти васъ?

— Нѣтъ ужъ, спасибо, мой милый, — отвѣтилъ генералъ. — Не люблю я этой машины. Только дрожитъ и воняетъ, а радости никакой. Ну, прощай, Вѣрочка. Теперь я буду часто пріѣзжать, — говорилъ онъ, цѣлуя у Вѣры лобъ и руки.

Всѣ распрощались. Фріессе довезъ Вѣру Николаевну до воротъ ея дачи и, быстро описавъ кругъ, исчезъ въ темнотѣ со своимъ ревущимъ и пыхтящимъ автомобилемъ.

IX.

Княгиня Вѣра съ непріятнымъ чувствомъ поднялась на террасу и вошла въ домъ. Она еще издали услышала громкій голосъ брата Николая и увидѣла его высокую, сухую фигуру, быстро сновавшую изъ угла въ уголъ. Василій Львовичъ сидѣлъ у ломбернаго стола и, низко наклонивъ свою стриженую, большую, свѣтловолосую голову, чертилъ мѣлкомъ по зеленому сукну.

— Я давно настаивалъ! — говорилъ Николай раздраженно и дѣлая правой рукой такой жестъ, точно онъ бросалъ на землю какую-то невидимую тяжесть. — Я давно настаивалъ, чтобы прекратить эти дурацкія письма. Еще Вѣра за тебя замужъ не выходила, когда я увѣрялъ, что ты и Вѣра тѣшитесь ими, какъ ребятишки, видя въ нихъ только смѣшное... Вотъ, кстати, и сама Вѣра... Мы, Вѣрочка, говоримъ сейчасъ съ Василіемъ Львови-

чемъ объ этомъ твоемъ сумасшедшемъ, о твоемъ Пе Пе Же. Я нахожу эту переписку дерзкой и пошлой.

— Переписки вовсе не было, — холодно остановилъ его Шеинъ. — Писалъ лишь онъ одинъ...

Вѣра покраснѣла при этихъ словахъ и сѣла на диванъ въ тѣнь большой латаніи.

— Я извиняюсь за выраженіе, — сказалъ Николай Николаевичъ и бросилъ на землю, точно оторвавъ отъ груди, невидимый тяжелый предметъ.

— А я не понимаю, почему ты называешь его моимъ, — вставила Вѣра, обрадованная поддержкой мужа. — Онъ такъ же мой, какъ и твой...

— Хорошо, еще разъ извиняюсь. Словомъ, я хочу только сказать, что его глупостямъ надо положить конецъ. Дѣло, по-моему, переходитъ за тѣ границы, гдѣ можно смѣяться и рисовать забавные рисуночки... Повѣрьте, если я здѣсь о чемъ хлопочу и о чемъ волнуюсь, — такъ это только о добромъ имени Вѣры и твоемъ, Василій Львовичъ.

— Ну, это ты, кажется, ужъ слишкомъ хватилъ, Коля, — возразилъ Шеинъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть... Но вы легко рискуете попасть въ смѣшное положеніе.

— Не вижу, какимъ способомъ, — сказалъ князь.

— Вообрази себѣ, что этотъ идіотскій браслетъ, — Николай приподнялъ красный футляръ со стола и тотчасъ же брезгливо бросилъ его на мѣсто... — что эта чудовищная поповская штучка останется у насъ, или мы ее выбросимъ, или подаримъ Дашѣ. Тогда, во-первыхъ, Пе Пе Же можетъ хвастаться своимъ знакомымъ или товарищамъ, что княгиня Вѣра Николаевна Шеина принимаетъ его подарки, а во-вторыхъ, первый же случай поощритъ его къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Завтра онъ присылаетъ кольцо съ брильянтами, послѣзавтра жемчужное колье,

а тамъ — глядишь — сядетъ на скамью подсудимыхъ за растрату или подлогъ, а князья Шеины будутъ вызваны въ качествѣ свидѣтелей... Милое положеніе!

— Нѣтъ, нѣтъ, браслетъ надо непремѣнно отослать обратно! — воскликнулъ Василій Львовичъ.

— Я тоже такъ думаю, — согласилась Вѣра: — и какъ можно скорѣе. Но какъ это сдѣлать? Вѣдь мы не знаемъ ни имени, ни фамиліи, ни адреса.

— О, это-то совсѣмъ пустое дѣло! — возразилъ пренебрежительно Николай Николаевичъ. — Намъ извѣстны инициалы этого Пе Пе Же... Какъ его, Вѣра?

— Ге Эсъ Же.

— Вотъ и прекрасно. Кромѣ того намъ извѣстно, что онъ гдѣ-то служитъ. Этого совершенно достаточно. Завтра же я беру городской указатель и отыскиваю чиновника или служащаго съ такими инициалами. Если почему-нибудь я его не найду, то просто-напросто позову полицейскаго сыскного агента и прикажу отыскать. На случай затрудненія у меня будетъ въ рукахъ вотъ эта бумажка съ его почеркомъ. Однимъ словомъ, завтра къ двумъ часамъ дня я буду знать въ точности адресъ и фамилію этого молодчика и даже часы, въ которые онъ бываетъ дома. А разъ я это узнаю, то мы не только завтра же возвратимъ ему его сокровище, а и примемъ мѣры, чтобы онъ ужъ больше никогда не напоминалъ намъ о своемъ существованіи.

— Что̀ ты думаешь сдѣлать? — спросилъ князь Василій.

— Что̀? Поѣду къ губернатору и попрошу...

— Нѣтъ, только не къ губернатору. Ты знаешь, каковы наши отношенія... Тутъ прямая опасность попасть въ смѣшное положеніе.

— Все равно. Поѣду къ жандармскому полковнику. Онъ мнѣ пріятель по клубу. Пусть-ка онъ вызоветъ этого

Ромео и погрозитъ у него пальцемъ подъ носомъ. Знаешь, какъ онъ это дѣлаетъ? Приставитъ человѣку палецъ къ самому носу и рукой совсѣмъ не двигаетъ, а только лишь одинъ палецъ у него качается, и кричитъ: «Я, сударь, этого не потерплю-ю-ю!»

— Фи! Черезъ жандармовъ! — поморщилась Вѣра.

— И правда, Вѣра,—подхватилъ князь.—Лучше ужъ въ это дѣло никого постороннихъ не мѣшать. Пойдутъ слухи, сплетни... Мы всѣ достаточно хорошо знаемъ нашъ городъ. Всѣ живутъ, точно въ стеклянныхъ банкахъ... Лучше ужъ я самъ пойду къ этому... юношѣ... хотя, Богъ его знаетъ, можетъ-быть, ему шестьдесятъ лѣтъ?.. Вручу ему браслетъ и прочитаю хорошую, строгую нотацію.

— Тогда и я съ тобой, — быстро прервалъ его Николай Николаевичъ.—Ты слишкомъ мягокъ. Предоставь мнѣ съ нимъ поговорить... А теперь, друзья мои,—онъ вынулъ карманные часы и поглядѣлъ на нихъ:—вы извините меня, если я пойду на минутку къ себѣ. Едва на ногахъ держусь, а мнѣ надо просмотрѣть два дѣла.

— Мнѣ почему-то стало жалко этого несчастнаго,— нерѣшительно сказала Вѣра.

— Жалѣть его нечего!—рѣзко отозвался Николай, оборачиваясь въ дверяхъ. — Если бы такую выходку съ браслетомъ и письмомъ позволилъ себѣ человѣкъ нашего круга, то князь Василій послалъ бы ему вызовъ. А если бы онъ этого не сдѣлалъ, — то сдѣлалъ бы я. А въ прежнее время я бы просто велѣлъ отвести его на конюшню и наказать розгами. Завтра, Василій Львовичъ, ты подожди меня въ своей канцеляріи, я сообщу тебѣ по телефону.

X.

Заплеванная лѣстница пахла мышами, кошками, керосиномъ и стиркой. Передъ шестымъ этажомъ князь Василій Львовичъ остановился.

— Подожди немножко, — сказалъ онъ шурину.—Дай, я отдышусь. Ахъ, Коля, не слѣдовало бы этого дѣлать...

Они поднялись еще на два марша. На лѣстничной площадкѣ было такъ темно, что Николай Николаевичъ долженъ былъ два раза зажигать спички, пока не разглядѣлъ номера квартиры.

На его звонокъ отворила дверь полная, сѣдая, сѣроглазая женщина въ очкахъ, съ немного согнутымъ впередъ, видимо, отъ какой-то болѣзни, туловищемъ.

— Господинъ Желтковъ дома? — спросилъ Николай Николаевичъ.

Женщина тревожно забѣгала глазами отъ глазъ одного мужчины къ глазамъ другого и обратно. Приличная внѣшность обоихъ, должно-быть, успокоила ее.

— Дома, прошу, — сказала она, открывая дверь. — Первая дверь налѣво.

Булатъ-Тугановскій постучалъ три раза коротко и рѣшительно. Какой-то шорохъ послышался внутри. Онъ еще разъ постучалъ.

— Войдите, — отозвался слабый голосъ.

Комната была очень низка, но очень широка и длинна, почти квадратной формы. Два круглыхъ окна, совсѣмъ похожихъ на пароходные иллюминаторы, еле-еле ее освѣщали. Да и вся она была похожа на каютъ-компанію грузового парохода. Вдоль одной стѣны стояла узенькая кровать, вдоль другой очень большой и широкій диванъ, покрытый истрепаннымъ прекраснымъ текинскимъ ковромъ, по серединѣ — столъ, накрытый цвѣтной малороссійской скатертью.

Лица хозяина сначала не было видно: онъ стоялъ спиною къ свѣту и въ замѣшательствѣ потиралъ руки. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, съ длинными, пушистыми, мягкими волосами.

— Если не ошибаюсь, господинъ Желт-ковъ?—спросилъ высокомѣрно Николай Николаевичъ.

— Желтковъ. Очень пріятно. Позвольте представиться.

Онъ сдѣлалъ по направленію къ Тугановскому два шага съ протянутой рукой. Но въ тотъ же моментъ, точно не замѣчая его привѣтствія, Николай Николаевичъ обернулся всѣмъ тѣломъ къ Шеину.

— Я тебѣ говорилъ, что мы не ошиблись.

Худые, нервные пальцы Желткова забѣгали по борту коричневаго короткаго пиджачка, застегивая и разстегивая пуговицы. Наконецъ онъ съ трудомъ произнесъ, указывая на диванъ и неловко кланяясь:

— Прошу покорно. Садитесь.

Теперь онъ сталъ весь виденъ: очень блѣдный, съ нѣжнымъ дѣвичьимъ лицомъ, съ голубыми глазами и упрямымъ дѣтскимъ подбородкомъ, съ ямочкой посрединѣ; лѣтъ ему, должно-быть, было около тридцати, тридцати пяти.

— Благодарю васъ, — сказалъ просто князь Шеинъ, разглядывавшій его очень внимательно.

— Merçi,—коротко отвѣтилъ Николай Николаевичъ. И оба остались стоять. — Мы къ вамъ всего только на нѣсколько минутъ. Это — князь Василій Львовичъ Шеинъ, губернскій предводитель дворянства. Моя фамилія—Мирза-Булатъ-Тугановскій. Я — товарищъ прокурора. Дѣло, о которомъ мы будемъ имѣть честь говорить съ вами, одинаково касается и князя и меня, или, вѣрнѣе, супруги князя, а моей сестры.

Желтковъ, совершенно растерявшись, опустился вдругъ на диванъ и пролепеталъ омертвѣвшими губами: «Прошу,

господа, садиться». Но, должно-быть, вспомнилъ, что уже безуспѣшно предлагалъ то же самое раньше, вскочилъ, подбѣжалъ къ окну, теребя волосы, и вернулся обратно на прежнее мѣсто. И опять его дрожащія руки забѣгали, теребя пуговицы, щипля свѣтлые, рыжеватые усы, трогая безъ нужды лицо.

— Я къ вашимъ услугамъ, ваше сіятельство, — произнесъ онъ глухо, глядя на Василія Львовича умоляющими глазами.

Но Шеинъ промолчалъ. Заговорилъ Николай Николаевичъ:

— Во-первыхъ, позвольте возвратить вамъ вашу вещь, — сказалъ онъ и, доставъ изъ кармана красный футляръ, аккуратно положилъ его на столъ. — Она, конечно, дѣлаетъ честь вашему вкусу, но мы очень просили бы васъ, чтобы такіе сюрпризы больше не повторялись.

— Простите... Я самъ знаю, что очень виноватъ, — прошепталъ Желтковъ, глядя внизъ, на полъ, и краснѣя. — Можетъ-быть, позволите стаканчикъ чаю?

— Видите ли, господинъ Желтковъ, — продолжалъ Николай Николаевичъ, какъ будто не разслышавъ послѣднихъ словъ Желткова. — Я очень радъ, что нашелъ въ васъ порядочнаго человѣка, джентльмена, способнаго понимать съ полуслова. И я думаю, что мы договоримся сразу. Вѣдь, если я не ошибаюсь, вы преслѣдуете княгиню Вѣру Николаевну уже около семи-восьми лѣтъ?

— Да, — отвѣтилъ Желтковъ тихо и опустилъ рѣсницы благоговѣйно.

— И мы до сихъ поръ не принимали противъ васъ никакихъ мѣръ, хотя — согласитесь — это не только можно было бы, а даже и нужно было сдѣлать. Не правда ли?

— Да.

— Да. Но послѣднимъ вашимъ поступкомъ, именно присылкой этого вотъ самаго гранатоваго браслета, вы пе-

реступили тѣ границы, гдѣ кончается наше терпѣніе. Понимаете? — кончается. Я отъ васъ не скрою, что первой нашей мыслью было — обратиться къ помощи власти, но мы не сдѣлали этого, и я очень радъ, что не сдѣлали, потому что—повторяю—я сразу угадалъ въ васъ благороднаго человѣка.

— Простите. Какъ вы сказали?—спросилъ вдругъ внимательно Желтковъ и разсмѣялся. — Вы хотѣли обратиться къ власти?.. Именно такъ вы сказали?

Онъ положилъ руки въ карманы, сѣлъ удобно въ уголъ дивана, досталъ портсигаръ и спички и закурилъ.

— Итакъ, вы сказали, что вы хотѣли прибѣгнуть къ помощи власти?.. Вы меня извините, князь, что я сижу?— обратился онъ къ Шеину. — Ну-съ, дальше?

Князь придвинулъ стулъ къ столу и сѣлъ. Онъ, не отрываясь, глядѣлъ съ недоумѣніемъ и жаднымъ, серьезнымъ любопытствомъ въ лицо этого страннаго человѣка.

— Видите ли, милый мой, эта мѣра отъ васъ никогда не уйдетъ, — съ легкой наглостью продолжалъ Николай Николаевичъ. — Врываться въ чужое семейство...

— Виноватъ, я васъ перебью...

— Нѣтъ, виноватъ, теперь ужъ я васъ перебью... — почти закричалъ прокуроръ.

— Какъ вамъ угодно. Говорите. Я слушаю. Но у меня есть нѣсколько словъ для князя Василія Львовича.

И, не обращая больше вниманія на Тугановскаго, онъ сказалъ:

— Сейчасъ настала самая тяжелая минута въ моей жизни. И я долженъ, князь, говорить съ вами внѣ всякихъ условностей... Вы меня выслушаете?

— Слушаю, — сказалъ Шеинъ. — Ахъ, Коля, да помолчи ты, — сказалъ онъ нетерпѣливо, замѣтивъ гнѣвный жестъ Тугановскаго. — Говорите.

Желтковъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ ловилъ

ртомъ воздухъ, точно задыхаясь, и вдругъ покатился, какъ съ обрыва. Говорилъ онъ однѣми челюстями, губы у него были бѣлыя и не двигались, какъ у мертваго.

— Трудно выговорить такую... фразу... что я люблю вашу жену. Но семь лѣтъ безнадежной и вѣжливой любви даютъ мнѣ право на это. Я соглашаюсь, что вначалѣ, когда Вѣра Николаевна была еще барышней, я писалъ ей глупыя письма и даже ждалъ на нихъ отвѣта. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что мой послѣдній поступокъ, именно посылка браслета, была еще бо̀льшей глупостью. Но.. вотъ я вамъ прямо гляжу въ глаза и чувствую, что вы меня поймете. Я знаю, что не въ силахъ разлюбить ее никогда... Скажите, князь... предположимъ, что вамъ это непріятно... скажите, — что̀ бы вы сдѣлали для того, чтобъ оборвать это чувство? Выслать меня въ другой городъ, какъ сказалъ Николай Николаевичъ? Все равно и тамъ такъ же я буду любить Вѣру Николаевну, какъ здѣсь. Заключить меня въ тюрьму? Но и тамъ я найду способъ дать ей знать о моемъ существованіи. Остается только одно—смерть... Вы хотите, я приму ее въ какой угодно формѣ.

— Мы вмѣсто дѣла разводимъ какую-то мелодекламацію, — сказалъ Николай Николаевичъ, надѣвая шляпу.— Вопросъ очень коротокъ: вамъ предлагаютъ одно изъ двухъ: либо вы совершенно отказываетесь отъ преслѣдованія княгини Вѣры Николаевны, либо, если на это вы не согласитесь, мы примемъ мѣры, которыя намъ позволятъ наше положеніе, знакомство и т. д.

Но Желтковъ даже не поглядѣлъ на него, хотя и слышалъ его слова. Онъ обратился къ князю Василію Львовичу и спросилъ:

— Вы позволите мнѣ отлучиться на десять минутъ? Я отъ васъ не скрою, что пойду говорить по телефону съ княгиней Вѣрой Николаевной. Увѣряю васъ, что все, что̀ возможно будетъ вамъ передать, я передамъ.

— Идите, — сказалъ Шеинъ.

Когда Василій Львовичъ и Тугановскій остались вдвоемъ, то Николай Николаевичъ сразу набросился на своего шурина:

— Такъ нельзя,—кричалъ онъ, дѣлая видъ, что бросаетъ правой рукой на землю отъ груди какой-то невидимый предметъ. — Такъ положительно нельзя. Я тебя предупреждалъ, что всю дѣловую часть разговора я беру на себя. А ты раскисъ и позволилъ ему распространяться о своихъ чувствахъ. Я бы это сдѣлалъ въ двухъ словахъ.

— Подожди, — сказалъ князь Василій Львовичъ:—сейчасъ все это объяснится. Главное, это то, что я вижу его лицо, и я чувствую, что этотъ человѣкъ не способенъ обманывать и лгать завѣдомо. И, правда, подумай, Коля, развѣ онъ виноватъ въ любви, и развѣ можно управлять такимъ чувствомъ, какъ любовь, — чувствомъ, которое до сихъ поръ еще не нашло себѣ истолкователя. — Подумавъ, князь сказалъ:—мнѣ жалко этого человѣка. И мнѣ не только, что жалко, но вотъ я чувствую, что присутствую при какой-то громадной трагедіи души, и я не могу здѣсь наясничать.

— Это декадентство,—сказалъ Николай Николаевичъ.

Черезъ десять минутъ Желтковъ вернулся. Глаза его блестѣли и были глубоки, какъ будто наполнены непролитыми слезами. И видно было, что онъ совсѣмъ забылъ о свѣтскихъ приличіяхъ, о томъ, кому гдѣ надо сидѣть, и пересталъ держать себя джентльменомъ. И опять съ больной, нервной чуткостью это понялъ князь Шеинъ.

— Я готовъ,—сказалъ онъ:—и завтра вы обо мнѣ ничего не услышите. Я какъ будто бы умеръ для васъ. Но одно условіе,—это я вамъ говорю, князь Василій Львовичъ:—видите ли, я растратилъ казенныя деньги, и мнѣ

какъ-никакъ приходится изъ этого города бѣжать. Вы позволите мнѣ написать еще послѣднее письмо княгинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Нѣтъ. Если кончилъ, такъ кончилъ. Никакихъ писемъ, — закричалъ Николай Николаевичъ.

— Хорошо, пишите, — сказалъ Шеинъ.

— Вотъ и все,—произнесъ, надменно улыбаясь, Желтковъ. — Вы обо мнѣ болѣе не услышите и, конечно, больше никогда меня не увидите. Княгиня Вѣра Николаевна совсѣмъ не хотѣла со мной говорить. Когда я ее спросилъ, можно ли мнѣ остаться въ городѣ, чтобы хотя изрѣдка ее видѣть, конечно, не показываясь ей на глаза, она отвѣтила: «Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ надоѣла вся эта исторія. Пожалуйста, прекратите ее какъ можно скорѣе». И вотъ я прекращаю всю эту исторію. Кажется, я сдѣлалъ все, что̀ могъ?

Вечеромъ, пріѣхавъ на дачу, Василій Львовичъ передалъ женѣ очень точно всѣ подробности свиданія съ Желтковымъ. Онъ какъ будто бы чувствовалъ себя обязаннымъ сдѣлать это.

Вѣра, хотя была встревожена, но не удивилась и не пришла въ замѣшательство. Ночью, когда мужъ пришелъ къ ней въ постель, она вдругъ сказала ему, повернувшись къ стѣнѣ:

— Оставь меня, — я знаю, что этотъ человѣкъ убьетъ себя.

XI.

Княгиня Вѣра Николаевна никогда не читала газетъ потому, что, во-первыхъ, онѣ ей пачкали руки, а во-вторыхъ, она никогда не могла разобраться въ томъ языкѣ, которымъ нынче пишутъ.

Но судьба заставила ее развернуть какъ разъ тотъ

листъ и натолкнуться на тотъ столбецъ, гдѣ было напечатано:

«Загадочная смерть. Вчера вечеромъ, около 7 часовъ, покончилъ жизнь самоубійствомъ чиновникъ контрольной палаты Г. С. Желтковъ. Судя по даннымъ слѣдствія, смерть покойнаго произошла по причинѣ растраты казенныхъ денегъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, самоубійца упоминаетъ въ своемъ письмѣ. Въ виду того, что показаніями свидѣтелей установлена въ этомъ актѣ его личная воля, рѣшено не отправлять трупъ въ анатомическій театръ».

Вѣра думала про себя:

«Почему я это предчувствовала? Именно этотъ трагическій исходъ? И что̀ это было: любовь или сумасшествіе?»

Цѣлый день она ходила по цвѣтнику и по фруктовому саду. Безпокойство, которое росло въ ней съ минуты на минуту, какъ будто не давало ей сидѣть на мѣстѣ. И всѣ ея мысли были прикованы къ тому невѣдомому человѣку, котораго она никогда не видѣла и врядъ ли когда-нибудь увидитъ, къ этому смѣшному Пе Пе Же.

«Почемъ знать, можетъ-быть, твой жизненный путь пересѣкла настоящая, самоотверженная, истинная любовь», вспомнились ей слова Аносова.

Въ 6 часовъ пришелъ почтальонъ. На этотъ разъ Вѣра Николаевна узнала почеркъ Желткова и съ нѣжностью, которой она въ себѣ не ожидала, развернула письмо.

Желтковъ писалъ такъ:

«Я не виноватъ, Вѣра Николаевна, что Богу было угодно послать мнѣ, какъ громадное счастье, любовь къ Вамъ. Случилось такъ, что меня не интересуетъ въ жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философія, ни забота о будущемъ счастьѣ людей — для меня вся жизнь заключается только въ Васъ. Я теперь чувствую, что какимъ-то неудобнымъ клиномъ врѣзался въ Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уѣзжаю и ни-

когда не вернусь, и ничто Вамъ обо мнѣ не напомнитъ.

«Я безконечно благодаренъ Вамъ только за то, что Вы существуете. Я провѣрялъ себя — это не болѣзнь, не маніакальная идея — это любовь, которою Богу было угодно за что-то меня вознаградить.

«Пусть я былъ смѣшонъ въ Вашихъ глазахъ и въ глазахъ Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я въ восторгѣ говорю: «Да святится имя Твое».

«Восемь лѣтъ тому назадъ я увидѣлъ васъ въ циркѣ въ ложѣ и тогда же въ первую секунду я сказалъ себѣ: я ее люблю потому, что на свѣтѣ нѣтъ ничего похожаго на нее, нѣтъ ничего лучше, нѣтъ ни звѣря, ни растенія, ни звѣзды, ни человѣка прекраснѣе Васъ и нѣжнѣе. Въ Васъ какъ будто бы воплотилась вся красота земли...

«Подумайте, что̀ мнѣ нужно было дѣлать? Убѣжать въ другой городъ? Все равно сердце было всегда около Васъ, у Вашихъ ногъ, каждое мгновеніе дня заполнено Вами, мыслью о Васъ, мечтами о Васъ... сладкимъ бредомъ. Я очень стыжусь и мысленно краснѣю за мой дурацкій браслетъ,—ну, что̀ же?—ошибка. Воображаю, какое онъ впечатлѣніе произвелъ на Вашихъ гостей.

«Черезъ десять минутъ я уѣду, я успѣю только наклеить марку и опустить письмо въ почтовый ящикъ, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вотъ сейчасъ затопилъ печку и сжигаю все самое дорогое, что̀ было у меня въ жизни: вашъ платокъ, который, я признаюсь, укралъ. Вы его забыли на стулѣ на балу въ Благородномъ собраніи. Вашу записку, — о, какъ я ее цѣловалъ, — ею Вы запретили мнѣ писать Вамъ. Программу художественной выставки, которую Вы однажды держали въ рукѣ и потомъ забыли на стулѣ при выходѣ... Кончено. Я все отрѣзалъ, но все-таки думаю и даже увѣренъ, что Вы обо мнѣ вспомните.

Если Вы обо мнѣ вспомните, то... я знаю, что Вы очень музыкальны, я Васъ видѣлъ чаще всего на Бетховенскихъ квартетахъ, — такъ вотъ, если Вы обо мнѣ вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur № 2, Op 2.

«Я не знаю, какъ мнѣ кончить письмо. Отъ глубины души благодарю Васъ за то, что Вы были моей единственной радостью въ жизни, единственнымъ утѣшеніемъ, единой мыслью. Дай Богъ Вамъ счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожитъ Вашу прекрасную душу. Цѣлую Ваши руки.

«Г. С. Ж.»

Она пришла къ мужу съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами и вздутыми губами и, показавъ письмо, сказала:

— Я ничего отъ тебя не хочу скрывать, но я чувствую, что въ нашу жизнь вмѣшалось что-то ужасное. Вѣроятно, вы съ Николаемъ Николаевичемъ сдѣлали что-нибудь не такъ, какъ нужно.

Князь Шеинъ внимательно прочелъ письмо, аккуратно сложилъ его и, долго помолчавъ, сказалъ:

— Я не сомнѣваюсь въ искренности этого человѣка, и даже больше, я не смѣю разбираться въ его чувствахъ къ тебѣ.

— Онъ умеръ? — спросила Вѣра.

— Да, умеръ. Я скажу, что онъ любилъ тебя, а вовсе не былъ сумасшедшимъ. Я не сводилъ съ него глазъ и видѣлъ каждое его движеніе, каждое измѣненіе его лица. И для него не существовало жизни безъ тебя. Мнѣ казалось, что я присутствую при громадномъ страданіи, отъ котораго люди умираютъ, и я даже почти понялъ, что передо мною мертвый человѣкъ. Понимаешь, Вѣра, я не зналъ, какъ себя держать, что̀ мнѣ дѣлать...

— Вотъ что̀, Васенька, — перебила его Вѣра Николаевна: — тебѣ не будетъ больно, если я поѣду въ городъ и погляжу на него?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вѣра, пожалуйста, прошу тебя. Я самъ поѣхалъ бы, но только Николай испортилъ мнѣ все дѣло. Я боюсь, что буду чувствовать себя принужденнымъ.

XII.

Вѣра Николаевна оставила свой экипажъ за двѣ улицы до Лютеранской. Она безъ большого труда нашла квартиру Желткова. Навстрѣчу ей вышла сѣроглазая старая женщина, очень полная, въ серебряныхъ очкахъ, и такъ же, какъ вчера, спросила:

— Кого вамъ угодно?

— Господина Желткова, — сказала княгиня.

Должно-быть, ея костюмъ—шляпа, перчатки, и нѣсколько властный тонъ произвели на хозяйку квартиры большое впечатлѣніе. Она разговорилась.

— Пожалуйста, пожалуйста, вотъ первая дверь налѣво, а тамъ... сейчасъ... Онъ такъ скоро ушелъ отъ насъ. Ну, скажемъ, растрата. Сказалъ бы мнѣ объ этомъ. Вы знаете, какіе наши капиталы, когда отдаешь квартиры внаемъ холостякамъ. Но какіе-нибудь 600-700 рублей я бы могла собрать и внести за него. Если бы вы знали, что это былъ за чудный человѣкъ, пани. Восемь лѣтъ я его держала на квартирѣ, и онъ казался мнѣ совсѣмъ не квартирантомъ, а роднымъ сыномъ.

Тутъ же въ передней былъ стулъ, и Вѣра опустилась на него.

— Я другъ вашего покойнаго квартиранта, — сказала она, подбирая каждое слово къ слову. — Разскажите мнѣ что-нибудь о послѣднихъ минутахъ его жизни, о томъ, что̀ онъ дѣлалъ и что̀ говорилъ.

— Пани, къ намъ пришли два господина и очень долго разговаривали. Потомъ онъ объяснилъ, что ему предлагали мѣсто управляющаго въ экономіи. Потомъ панъ Ежій

побѣжалъ до телефона и вернулся такой веселый. Затѣмъ эти два господина ушли, а онъ сѣлъ и сталъ писать письмо. Потомъ пошелъ и опустилъ письмо въ ящикъ, а потомъ мы слышимъ, будто бы изъ дѣтскаго пистолета выстрѣлили. Мы никакого вниманія не обратили. Въ семь часовъ онъ всегда пилъ чай. Лукерья — прислуга — приходитъ и стучится, онъ не отвѣчаетъ, потомъ еще разъ, еще разъ. И вотъ должны были взломать дверь, а онъ уже мертвый.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о браслетѣ, — приказала Вѣра Николаевна.

— Ахъ, ахъ, ахъ, браслетъ — я и забыла. Почему вы знаете? Онъ передъ тѣмъ, какъ написать письмо, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы католичка?» Я говорю: «католичка». Тогда онъ говоритъ: «У васъ есть милый обычай — такъ онъ и сказалъ: милый обычай — вѣшать на изображеніе Матки Боски кольца, ожерелья, подарки. Такъ вотъ исполните мою просьбу: вы можете этотъ браслетъ повѣсить на икону?» Я ему обѣщала это сдѣлать.

— Вы мнѣ его покажете? — спросила Вѣра.

— Прòшу, прòшу, пани. Вотъ его первая дверь налѣво. Его хотѣли сегодня отвезти въ анатомическій театръ, но у него есть братъ, такъ онъ упросилъ, чтобы его похоронить по-христіанску. Прòшу, прòшу.

Вѣра собралась съ силами и открыла дверь. Въ комнатѣ пахло ладаномъ и горѣли три восковыхъ свѣчи. Наискось комнаты лежалъ на столѣ Желтковъ. Голова его покоилась очень низко, точно нарочно ему, трупу, которому все равно, подсунули маленькую мягкую подушку. Глубокая важность была въ его закрытыхъ глазахъ, и губы улыбались блаженно и безмятежно, какъ будто бы онъ передъ разставаньемъ съ жизнью узналъ какую-то глубокую и сладкую тайну, разрѣшившую всю человѣческую его жизнь. Она вспомнила, что то же самое умиро-

творенное выраженіе она видѣла на маскахъ великихъ страдальцевъ — Пушкина и Наполеона.

— Если прикажете, пани, я уйду? — спросила старая женщина, и въ ея тонѣ послышалось что-то чрезвычайно интимное.

— Да, я потомъ васъ позову, — сказала Вѣра и сейчасъ же вынула изъ маленькаго бокового кармана кофточки большую красную розу, подняла немного вверхъ лѣвой рукой голову трупа, а правой рукой положила ему подъ шею цвѣтокъ. Въ эту секунду она поняла, что та любовь, о которой мечтаетъ каждая женщина, прошла мимо нея. Она вспомнила слова генерала Аносова о вѣчной исключительной любви — почти пророческія слова. И, раздвинувъ въ обѣ стороны волосы на лбу мертвеца, она крѣпко сжала руками его виски и поцѣловала его въ холодный влажный лобъ долгимъ дружескимъ поцѣлуемъ.

Когда она уходила, то хозяйка квартиры обратилась къ ней льстивымъ польскимъ тономъ:

— Пани, я вижу, что вы не какъ всѣ другія, не изъ любопытства только. Покойный панъ Желтковъ передъ смертью сказалъ мнѣ: «если случится, что я умру и придетъ поглядѣть на меня какая-нибудь дама, то скажите ей, что у Бетховена самое лучшее произведеніе...»—онъ даже нарочно записалъ мнѣ это. Вотъ поглядите...

— Покажите,—сказала Вѣра Николаевна и вдругъ заплакала.

— Извините меня, это впечатлѣніе смерти такъ тяжело, что я не могу удержаться.

И она прочла слова, написанныя знакомымъ почеркомъ:

L. van Beethoven. Son. № 2, op. 2. Largo Appassionato.

XIII.

Вѣра Николаевна вернулась домой поздно вечеромъ и была рада, что не застала дома ни мужа ни брата.

Зато ее дожидалась піанистка Женни Рейтеръ, и взволнованная тѣмъ, что она видѣла и слышала, Вѣра кинулась къ ней и, цѣлуя ея прекрасныя большія руки, закричала:

— Женни, милая, прошу тебя, сыграй для меня что-нибудь, — и сейчасъ же вышла изъ комнаты въ цвѣтникъ и сѣла на скамейку.

Она почти ни одной секунды не сомнѣвалась въ томъ, что Женни сыграетъ то самое мѣсто изъ 2-ой сонаты, о которомъ просилъ этотъ мертвецъ съ смѣшной фамиліей Желтковъ.

Такъ оно и было. Она узнала съ первыхъ же аккордовъ это исключительное, единственное по глубинѣ произведеніе. И душа ея какъ будто бы раздвоилась. Она единовременно думала о томъ, что мимо нея прошла большая любовь, которая повторяется только одинъ разъ въ тысячу лѣтъ. Вспомнила слова генерала Аносова и спросила себя, почему этотъ человѣкъ заставилъ ее слушать именно это Бетховенское произведеніе и еще противъ ея желанія? И въ умѣ ея слагались слова. Они такъ совпадали въ ея мысли съ музыкой, что это было какъ будто бы куплеты, которые кончались словами: «Да святится имя Твое».

«Вотъ сейчасъ я вамъ покажу въ нѣжныхъ звукахъ жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мученія, страданія и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбія я не зналъ. Я передъ тобою — одна молитва: «Да святится имя Твое».

«Да, я предвижу страданіе, кровь и смерть. И думаю, что трудно разстаться тѣлу съ душой, но, Прекрасная, хвала тебѣ, страстная хвала и тихая любовь. «Да святится имя Твое».

«Вспоминаю каждый твой шагъ, улыбку, взглядъ, звукъ твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрас-

ной грустью обвѣяны мои послѣднія воспоминанія. Но я не причиню тебѣ горя. Я ухожу одинъ молча, такъ угодно было Богу и судьбѣ. «Да святится имя Твое».

«Въ предсмертный печальный часъ я молюсь только тебѣ. Жизнь могла бы быть прекрасной и для меня. Не ропщи, бѣдное сердце, не ропщи. Въ душѣ я призываю смерть, но въ сердцѣ полонъ хвалы тебѣ: «Да святится имя Твое».

«Ты, ты и люди, которые окружали тебя, всѣ вы не знаете, какъ ты была прекрасна. Бьютъ часы. Время. И, умирая, я въ скорбный часъ разставанія съ жизнью все-таки пою — слава Тебѣ».

«Вотъ она идетъ, все усмиряющая смерть, а я говорю— слава Тебѣ!..»

Княгиня Вѣра обняла стволъ акаціи, прижалась къ нему и плакала. Дерево мягко сотрясалось. Налетѣлъ легкій вѣтеръ и, точно сочувствуя ей, зашелестилъ листьями. Острѣе запахли звѣзды табака... И въ это время удивительная музыка, будто бы подчиняясь ея горю, продолжала:

«Успокойся, дорогая, успокойся, успокойся. Ты обо мнѣ помнишь? Помнишь? Ты вѣдь моя единая и послѣдняя любовь. Успокойся, я съ тобой. Подумай обо мнѣ, и я буду съ тобой, потому что мы съ тобой любили другъ друга только одно мгновеніе, но навѣки. Ты обо мнѣ помнишь? Помнишь? Помнишь? Вотъ я чувствую твои слезы. Успокойся. Мнѣ спать такъ сладко, сладко, сладко».

Женни Рейтеръ вышла изъ комнаты, уже кончивъ играть, и увидала княгиню Вѣру, сидящую на скамейкѣ всю въ слезахъ.

— Что̀ съ тобой? — спросила піанистка.

Вѣра, съ глазами, блестящими отъ слезъ, безпокойно, взволнованно стала цѣловать ей лицо, губы, глаза и говорила:

— Нѣтъ, нѣтъ,—онъ меня простилъ теперь. Все хорошо.

ЛИСТРИГОНЫ.

I.

Тишина.

Въ концѣ октября или въ началѣ ноября Балаклава— этотъ оригинальнѣйшій уголокъ пестрой русской имперіи — начинаетъ жить своеобразной жизнью. Дни еще теплы и по-осеннему ласковы, но по ночамъ стоятъ холода, и земля гулко звенитъ подъ ногами. Послѣдніе курортные гости потянулись въ Севастополь со своими узлами, чемоданами, корзинами, баулами, золотушными дѣтьми и декадентскими дѣвицами. Какъ воспоминаніе о гостяхъ, остались только виноградные ошкурки, которые, въ видахъ своего драгоцѣннаго здоровья, разбросали больные повсюду — на набережной и по узкимъ улицамъ — въ противномъ изобиліи, да еще тотъ бумажный соръ въ видѣ окурковъ, клочковъ писемъ и газетъ, что̀ всегда остается послѣ дачниковъ.

И сразу въ Балаклавѣ становится просторно, свѣжо, уютно и по-домашнему дѣловито, точно въ комнатахъ послѣ отъѣзда нашумѣвшихъ, накурившихъ, насорившихъ непрошенныхъ гостей. Выползаетъ на улицу исконное, древне-греческое населеніе, до сихъ поръ прятавшееся по какимъ-то щелямъ и заднимъ каморкамъ.

На набережной, поперекъ ея, во всю ширину, разстилаются сѣти. На грубыхъ камняхъ мостовой онѣ кажутся нѣжными и тонкими, какъ паутина, а рыбаки ползаютъ по нимъ на четвереньках, подобно большимъ чернымъ паукамъ, сплетающимъ разорванную воздушную западню. Другіе сучатъ бечевку на бѣлугу и на камбалу и для этого съ серьезнымъ, дѣловитымъ видомъ бѣгаютъ взадъ и впередъ по мостовой съ веревкой черезъ плечи, безпрерывно суча передъ собой клубокъ нитокъ.

Атаманы баркасовъ оттачиваютъ бѣлужьи крючки — иступившіеся мѣдные крючки, на которые, по рыбачьему повѣрью, рыба идетъ гораздо охотнѣе, чѣмъ на современные, англійскіе, стальные. На той сторонѣ залива конопатятъ, смолятъ и красятъ лодки, перевернутыя вверхъ килемъ.

У каменныхъ колодцевъ, гдѣ безпрерывно тонкой струйкой бѣжитъ и лепечетъ вода, подолгу, часами, судачатъ о своихъ маленькихъ хозяйскихъ дѣлахъ худыя, темнолицыя, большеглазыя, длинноносыя гречанки, такъ странно и трогательно похожія на изображеніе Богородицы на старинныхъ византійскихъ иконахъ.

И все это совершается неторопливо, по-домашнему, пососѣдски, съ вѣковѣчной привычной ловкостью и красотой, подъ нежаркимъ осеннимъ солнцемъ на берегахъ синяго, веселаго залива, подъ яснымъ осеннимъ небомъ, которое спокойно лежитъ надъ развалиной покатыхъ плѣшивыхъ горъ, окамляющихъ заливъ.

О дачникахъ нѣтъ и помину. Ихъ точно и не было. Два-три хорошихъ дождя — и смыта съ улицъ послѣдняя память о нихъ. И все это безтолковое и суетливое лѣто съ духовой музыкой по вечерамъ и съ пылью отъ дамскихъ юбокъ, и съ жалкимъ флиртомъ, и спорами на политическія темы, — все становится далекимъ и забытымъ сномъ. Весь интересъ рыбачьяго поселка теперь сосредоточенъ только на рыбѣ.

Въ кофейняхъ у Ивана Юрьича и у Ивана Адамовича, подъ стукъ костяжекъ домино, рыбаки собираются въ артели; избирается атаманъ. Разговоръ идетъ о паяхъ, о половинкахъ паевъ, о сѣтяхъ, о крючкахъ, о наживкѣ, о макрели, о кефали, о лобанѣ, о камсѣ и султанкѣ, о камбалѣ, бѣлугѣ и морскомъ пѣтухѣ. Въ 9 часовъ весь городъ погружается въ глубокій сонъ.

Нигдѣ во всей Россіи, — а я порядочно ее изъѣздилъ по всѣмъ направленіямъ, — нигдѣ я не слушалъ такой глубокой, полной, совершенной тишины, какъ въ Балаклавѣ.

Выходишь на балконъ—и весь поглощаешься мракомъ и молчаніемъ. Черное небо, черная вода въ заливѣ, черныя горы. Вода такъ густа, такъ тяжела и такъ спокойна, что звѣзды отражаются въ ней, не рябясь и не мигая. Тишина не нарушается ни однимъ звукомъ человѣческаго жилья. Изрѣдка, разъ въ минуту, едва разслышишь, какъ хлюпнетъ маленькая волна о камень набережной. И этотъ одинокій, мелодичный звукъ еще больше углубляетъ, еще больше настораживаетъ тишину. Слышишь, какъ размѣренными толчками шумитъ кровь у тебя въ ушахъ. Скрипнула лодка на своемъ канатѣ. И опять тихо. Чувствуешь, какъ ночь и молчаніе слились въ одномъ черномъ объятіи.

Гляжу налѣво, туда, гдѣ узкое горло залива исчезаетъ, сузившись между двумя горами.

Тамъ лежитъ длинная, пологая гора, увѣнчанная старыми развалинами. Если приглядишься внимательно, то ясно увидишь всю ее, подобную сказочному гигантскому чудовищу, которое, припавъ грудью къ заливу и глубоко всунувъ въ воду свою темную морду съ настороженнымъ ухомъ, жадно пьетъ и не можетъ напиться.

На томъ мѣстѣ, гдѣ у чудовища долженъ приходиться глазъ, свѣтится крошечной красной точкой фонарь тамо-

женнаго кордона. Я знаю этотъ фонарь, я сотни разъ проходилъ мимо него, прикасался къ нему рукой. Но въ странной тишинѣ и въ глубокой чернотѣ этой осенней ночи я все яснѣе вижу и спину и морду древняго чудовища, и я чувствую, что его хитрый и злобный маленькій раскаленный глазъ слѣдитъ за мною съ затаеннымъ чувствомъ ненависти.

Въ умѣ моемъ быстро проносится стихъ Гомера объ узкогорлой черноморской бухтѣ, въ которой Одиссей видѣлъ кровожадныхъ листригоновъ. Я думаю также о предпріимчивыхъ, гибкихъ, красивыхъ генуэзцахъ, воздвигавшихъ здѣсь, на челѣ горы, свои колоссальныя крѣпостныя сооруженія. Думаю также о томъ, какъ однажды бурной зимней ночью разбилась о грудь стараго чудовища цѣлая англійская флотилія, вмѣстѣ съ гордымъ щеголеватымъ кораблемъ «Black Prince», который теперь покоится на морскомъ днѣ, вотъ здѣсь, совсѣмъ близко около меня, со своими милліонами золотыхъ слитковъ и сотнями жизней.

Старое чудовище въ полуснѣ щуритъ на меня свой маленькій, острый, красный глазъ. Оно представляется мнѣ теперь старымъ-старымъ, забытымъ божествомъ, которое въ этой черной тишинѣ грезитъ своими тысячелѣтними снами. И чувство странной неловкости овладѣваетъ мною.

Раздаются замедленные, лѣнивые шаги ночного сторожа, и я различаю не только каждый ударъ его кованыхъ, тяжелыхъ рыбачьихъ сапоговъ о камни тротуара, но слышу также, какъ между двумя шагами онъ чиркаетъ каблуками. Такъ ясны эти звуки среди ночной тиши, что мнѣ кажется, будто я иду вмѣстѣ съ нимъ, хотя до него — я знаю навѣрное — болѣе цѣлой версты. Но вотъ онъ завернулъ куда-то въ бокъ, въ мощеный переулокъ, или, можетъ-быть, присѣлъ на скамейку: шаги его смолкли. Тишина. Мракъ.

II.

Макрель.

Идетъ осень. Вода холодѣетъ. Пока ловится только маленькая рыба въ мережки, въ эти большія вазы изъ сѣтки, которыя прямо съ лодки сбрасываются на дно. Но вотъ раздается слухъ о томъ, что Юра Паратино оснастилъ свой баркасъ и отправилъ его на мѣсто между мысомъ Айя и Ласпи, туда, гдѣ стоитъ его макрельный заводъ.

Конечно, Юра Паратино—не германскій императоръ, не знаменитый басъ, не модный писатель, не исполнительница цыганскихъ романсовъ, но когда я думаю о томъ, какимъ вѣсомъ и уваженіемъ окружено его имя на всемъ побережьѣ Чернаго моря, — я съ удовольствіемъ и съ гордостью вспоминаю его дружбу ко мнѣ.

Юра Паратино вотъ каковъ: это невысокій, крѣпкій, просоленный и просмоленный грекъ, лѣтъ сорока. У него бычачья шея, темный цвѣтъ лица, курчавые черные волосы, усы, бритый подбородокъ квадратной формы, съ животнымъ угибомъ посрединѣ — подбородокъ, говорящій о страшной волѣ и большой жестокости, тонкія, твердыя, энергично опускающіяся углами внизъ губы. Нѣтъ ни одного человѣка среди рыбаковъ ловче, хитрѣе, сильнѣе и смѣлѣе Юры Паратино. Никто еще не могъ перепить Юру и никто не видалъ его пьянымъ. Никто не сравнится съ Юрой удачливостью — даже самъ знаменитый Ѳедоръ изъ Олеиза.

Ни въ комъ такъ сильно не развито, какъ въ немъ, то спеціально морское рыбачье равнодушіе къ несправедливымъ ударамъ судьбы, которое такъ высоко цѣнится этими солеными людьми.

Когда Юрѣ говорятъ о томъ, что буря порвала его снасти, или что его баркасъ, наполненный доверха дорогой рыбой, захлестнуло волной, и онъ пошелъ ко дну, Юра только замѣтитъ вскользь:

— А туда его, къ чортовой матери! — И тотчасъ же точно забудетъ объ этомъ.

Про Юру рыбаки говорятъ такъ:

— Еще макрель только думаетъ изъ Керчи итти сюда, а уже Юра знаетъ, гдѣ поставить заводъ.

Заводъ — это сдѣланная изъ сѣти западня въ десять саженъ длиною и саженей пять въ ширину. Подробности мало кому интересны. Достаточно только сказать, что рыба, идущая ночью большой массой вдоль берега, попадаетъ, благодаря наклону сѣти, въ эту западню и выбраться оттуда уже не можетъ безъ помощи рыбаковъ, которые поднимаютъ заводъ изъ воды и выпрастываютъ рыбу въ свои баркасы. Важно только вò-время замѣтить тотъ моментъ, когда вода на поверхности завода начнетъ кипѣть, какъ каша въ котлѣ. Если упустить этотъ моментъ, рыба прорветъ сѣть и уйдетъ.

И вотъ, когда таинственное предчувствіе увѣдомило Юру о рыбьихъ намѣреніяхъ — вся Балаклава переживаетъ нѣсколько тревожныхъ, томительно напряженныхъ дней. Дежурные мальчики день и ночь слѣдятъ съ высоты горъ за заводами, баркасы держатся наготовѣ. Изъ Севастополя пріѣхали скупщики рыбы. Мѣстный заводъ консервовъ приготовляетъ сараи для огромныхъ партій.

Однажды раннимъ утромъ повсюду — по домамъ, по кофейнымъ, по улицамъ—разносится, какъ молнія, слухъ:

— Рыба пошла, рыба идетъ! Макрель зашла въ заводы къ Ивану Егоровичу, къ Котѣ, къ Христо, къ Спиро и къ Капитанаки. И ужъ, конечно, къ Юрѣ Паратино.

Всѣ артели уходятъ на своихъ баркасахъ въ море.

Остальные жители поголовно на берегу: старики, жен-

щины, дѣти, и оба толстыхъ трактирщика, и сѣдой кофейщикъ Иванъ Адамовичъ, и аптекарь, занятой человѣкъ, прибѣжавшій впопыхахъ на минутку, и добродушный фельдшеръ Евсей Марковичъ, и оба мѣстныхъ доктора.

Особенно важно то обстоятельство, что первый баркасъ, пришедшій въ заливъ, продаетъ свою добычу по самой дорогой цѣнѣ, — такимъ образомъ для дожидающихъ на берегу соединяются вмѣстѣ и интересъ, и спортъ, и самолюбіе, и расчетъ.

Наконецъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ горло бухты сужается за горами, показывается, круто огибая берегъ, первая лодка.

— Это Юра.

— Нѣтъ, Коля.

— Конечно, это Генали.

У рыбаковъ есть свой особенный шикъ. Когда уловъ особенно богатъ, надо не войти въ заливъ, а прямо влетѣть на веслахъ, и трое гребцовъ мѣрно и часто, всѣ какъ одинъ, напрягая спину и мышцы рукъ, нагнувъ сильно шеи, почти запрокидываясь назадъ, заставляютъ лодку быстрыми, короткими толчками мчаться по тихой глади залива. Атаманъ, лицомъ къ нимъ, гребетъ стоя; онъ руководитъ направленіемъ баркаса.

Конечно, это Юра Паратино!

До самыхъ бортовъ лодка наполнена бѣлой, серебряной рыбой, такъ что ноги гребцовъ лежатъ на ней вытянуты прямо и попираютъ ее. Небрежно, на ходу, въ то время, когда гребцы почти еще не замедляютъ разгона лодки, Юра соскакиваетъ на деревянную пристань.

Тотчасъ начинается торгъ со скупщиками.

— Тридцать! — говоритъ Юра и хлопаетъ съ размаху о ладонь длинной костлявой руки высокаго грека.

Это значитъ, что онъ хочетъ отдать рыбу по тридцать рублей за тысячу.

— Пятнадцать! — кричитъ грекъ и, въ свою очередь, высвободивъ руку изъ-подъ низу, хлопаетъ Юру по ладони.

— Двадцать восемь!

— Восемнадцать!

Хлопъ-хлопъ...

— Двадцать шесть!

— Двадцать!

— Двадцать пять! — говоритъ хрипло Юра. — И у меня тамъ еще идетъ одинъ баркасъ.

А въ это время изъ-за горла бухты показывается еще одинъ баркасъ, другой, третій, еще два сразу. Они стараются перегнать другъ друга, потому что цѣны на рыбу все падаютъ и падаютъ. Черезъ полчаса за тысячу уже платятъ 15 руб., черезъ часъ 10, и наконецъ 5 и даже 3 рубля.

Къ вечеру вся Балаклава нестерпимо воняетъ рыбой. Въ каждомъ домѣ жарится или маринуется скумбрія. Широкія устья печей въ булочныхъ заставлены глиняной черепицей, на которой рыба жарится въ собственномъ соку. Это называется: макрель на шкарѣ, — самое изысканное кушанье мѣстныхъ гастрономовъ. И всѣ кофейныя и трактиры наполнены дымомъ и запахомъ жареной рыбы.

А Юра Паратино — самый широкій человѣкъ во всей Балаклавѣ — заходитъ въ кофейную, гдѣ сгрудились въ табачномъ дыму и рыбьемъ чаду всѣ балаклавскіе рыбаки, и, покрывая общій гамъ, кричитъ повелительно кофейщику:

— Всѣмъ по чашкѣ кофе!

Моментъ всеобщаго молчанія, изумленія и восторга.

— Съ сахаромъ или безъ сахару? — спрашиваетъ по-

чтительно хозяинъ кофейни, огромный, черномазый Иванъ Юрьичъ.

Юра въ продолженіе одной секунды колеблется: чашка кофе стоитъ три копейки, а съ сахаромъ пять. Но онъ чуждъ мелочности. Сегодня послѣдній пайщикъ на его баркасѣ заработалъ не меньше десяти рублей.

И онъ бросаетъ пренебрежительно:

— Съ сахаромъ. И музыку!..

Появляется музыка: кларнетъ и бубенъ. Они бубнятъ и дудятъ до самой поздней ночи однообразныя, унылыя татарскія пѣсни. На столахъ появляется молодое вино — розовое вино, пахнущее свѣже-раздавленнымъ виноградомъ; отъ него страшно скоро пьянѣешь, и на другой день болитъ голова.

А на пристани въ это время до поздней ночи разгружаются послѣдніе баркасы. Присѣвъ на корточки въ лодкѣ, двое или трое грековъ быстро, съ привычной ловкостью хватаютъ правой рукой двѣ, а лѣвой три рыбы и швыряютъ ихъ въ корзину, ведя точный, скорый, ни на секунду не прекращающійся счетъ.

И на другой день еще приходятъ баркасы съ моря.

Кажется, вся Балаклава переполнилась рыбой.

Лѣнивые, объѣвшіеся рыбой коты съ распухнувшими животами валяются поперекъ тротуаровъ, и когда ихъ толкнешь ногой, то они нехотя пріоткрываютъ одинъ глазъ и опять засыпаютъ. И домашніе гуси, тоже сонные, качаются по срединѣ залива, и изъ клюововъ у нихъ торчатъ хвосты недоѣденной рыбы.

Въ воздухѣ еще много дней стоитъ крѣпкій запахъ свѣжей рыбы и чадный запахъ жареной рыбы. И легкой, клейкой рыбьей чешуей осыпаны деревянныя пристани, и камни мостовой, и руки и платья счастливыхъ хозяекъ, и синія воды залива, лѣниво колышущагося подъ осеннимъ солнцемъ.

III.

Воровство.

Вечеръ. Мы сидимъ въ кофейнѣ Ивана Юрьича, освѣщенной двумя висячими лампами «Молнія». Густо накурено. Всѣ столики заняты. Кое-кто играетъ въ домино, другіе въ карты, третьи пьютъ кофе, иные просто, такъ себѣ, сидятъ въ теплѣ и свѣтѣ, перекидываясь разговорами и замѣчаніями. Длинная, лѣнивая, уютная, пріятная вечерняя скука овладѣла всей кофейной.

Понемногу мы затѣваемъ довольно странную игру, которой увлекаются всѣ рыбаки. Несмотря на скромность, долженъ сознаться, что честь изобрѣтенія этой игры принадлежитъ мнѣ. Она состоитъ въ томъ, что поочередно каждому изъ участниковъ завязываются глаза платкомъ, завязываются плотно, морскимъ узломъ, потомъ на голову ему накидывается куртка, и затѣмъ двое другихъ игроковъ, взявъ его подъ руки, водятъ по всѣмъ угламъ кофейни, нѣсколько разъ переворачиваютъ на мѣстѣ вокругъ самого себя, выводятъ на дворъ, опять приводятъ въ кофейню и опять водятъ его между столами, всячески стараясь запутать его. Когда, по общему мнѣнію, испытуемый достаточно сбитъ съ толку, его останавливаютъ и спрашиваютъ:

— Показывай, гдѣ сѣверъ?

Каждый подвергается такому экзамену по три раза, и тотъ, у кого способность оріентироваться оказалась хуже, чѣмъ у другихъ, ставитъ всѣмъ остальнымъ по чашкѣ кофе или соотвѣтствующее количество полубутылокъ молодого вина. Надо сказать, что въ большинствѣ случаевъ проигрываю я. Но Юра Паратино показываетъ

всегда на N съ точностью магнитной стрѣлки. Этакій звѣрь!

Но вдругъ я невольно оборачиваюсь назадъ и замѣчаю, что Христо Амбарзаки подзываетъ меня къ себѣ глазами. Онъ не одинъ, съ нимъ сидитъ мой атаманъ и учитель Яни.

Я подхожу. Христо для виду требуетъ домино, и въ то время, когда мы притворяемся, что играемъ, онъ, гремя костяжками, говоритъ вполголоса:

— Берите ваши дифаны и вмѣстѣ съ Яни приходите тихонько къ пристани. Бухта вся полна кефалью, какъ банка маслинами. Это ее загнали свиньи.

Дифаны — это очень тонкія сѣти, въ сажень вышиной, саженъ 60 длины. Онѣ о трехъ полотнищахъ. Два крайнія съ широкими ячейками, среднее съ узкими. Маленькая скумбрія пройдетъ сквозь широкія стѣны, но запутается во внутреннихъ; наоборотъ, большая и крупная кефаль или лобанъ, который только стукнулся бы мордой о среднюю стѣну и повернулся бы назадъ, запутывается въ широкихъ наружныхъ ячейкахъ. Только у меня одного въ Балаклавѣ есть такія сѣти.

Потихоньку, избѣгая встрѣтиться съ кѣмъ-либо, мы выносимъ вмѣстѣ съ Яни сѣти на берегъ. Ночь такъ темна, что мы съ трудомъ различаемъ Христо, который ждетъ уже насъ въ лодкѣ. Какое-то фырканье, хрюканье, тяжелые вздохи слышатся въ заливѣ. Эти звуки производятъ дельфины, или морскія свиньи, какъ ихъ называютъ рыбаки. Многотысячную, громадную стаю рыбы они загнали въ узкую бухту и теперь носятся по заливу, безпощадно пожирая ее на ходу.

То, что̀ мы сейчасъ собираемся сдѣлать, — безъ сомнѣнія, преступленіе. По своеобразному старинному обычаю, позволяется ловить въ бухтѣ рыбу только на удочку и въ мережки. Лишь однажды въ годъ, и то не больше

какъ въ продолженіе трехъ дней, ловятъ ее всей Балаклавой въ общественныя сѣти. Это — неписаный законъ, своего рода историческое рыбачье табу.

Но ночь такъ черна, вздохи и хрюканье дельфиновъ такъ возбуждаютъ страстное охотничье любопытство, что, подавивъ въ себѣ невольный вздохъ раскаянія, я осторожно прыгаю въ лодку и, въ то время какъ Христо беззвучно гребетъ, я помогаю Яни приводить сѣти въ порядокъ. Онъ перебираетъ нижній край, отягощенный большими свинцовыми грузилами, а я быстро и въ разъ съ нимъ передаю ему верхній край, оснащенный пробковыми поплавками.

Но чудесное, никогда невиданное зрѣлище вдругъ очаровываетъ меня. Гдѣ-то невдалекѣ, у лѣваго борта, раздается храпѣнье дельфина, и я внезапно вижу, какъ вокругъ лодки и подъ лодкой со страшной быстротой проносится множество извилистыхъ серебристыхъ струекъ, похожихъ на слѣды тающаго фейерверка. Это бѣжатъ сотни и тысячи испуганныхъ рыбъ, спасающихся отъ преслѣдованія прожорливаго хищника. Тутъ я замѣчаю, что все море горитъ огнями. На гребняхъ маленькихъ, чуть плещущихъ волнъ играютъ голубые драгоцѣнные камни. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ весла трогаютъ воду, загораются волшебнымъ блескомъ глубокія блестящія полосы. Я прикасаюсь къ водѣ рукой, и когда вынимаю ее обратно, то горсть свѣтящихся брильянтовъ падаетъ внизъ, и на моихъ пальцахъ долго горятъ нѣжные синеватые фосфорическіе огоньки. Сегодня — одна изъ тѣхъ волшебныхъ ночей, про которыя рыбаки говорятъ:

— Море горитъ!...

Другой косякъ рыбы со страшной быстротой проносится подъ лодкой, бороздя воду короткими серебряными стрѣлками. И вотъ я слышу фырканье дельфина совсѣмъ близко. Наконецъ, вотъ и онъ! Онъ показывается съ

одной стороны лодки, исчезаетъ на секунду подъ килемъ и тотчасъ же проносится дальше. Онъ идетъ глубоко подъ водой, но я съ необыкновенной ясностью различаю весь его мощный бѣгъ и все его могучее тѣло, осеребренное игрой инфузорій, обведенное, точно контуромъ, милліардомъ блестокъ, похожее на сіяющій стеклянный бѣгущій скелетъ.

Христо гребетъ совершенно беззвучно, и Яни всего-навсего только одинъ разъ ударилъ свинцовыми грузилами о дерево. Мы перебрали уже всю сѣть, и теперь можно начинать.

Мы подходимъ къ противоположному берегу. Яни прочно устанавливается на носу, широко разставивъ ноги. Большой плоскій камень, привязанный къ веревкѣ, тихо скользитъ у него изъ рукъ, чуть слышно плещетъ объ воду и погружается на дно. Большой пробковый буёкъ всплываетъ наверхъ, едва замѣтно чернѣя на поверхности залива. Теперь совершенно беззвучно мы описываемъ лодкой полукругъ во всю длину нашей сѣти и опять причаливаемъ къ берегу и бросаемъ другой буекъ. Мы внутри замкнутаго полукруга.

Если бы мы не занимались браконьерствомъ, а работали на открытомъ, свободномъ мѣстѣ, то теперь мы начали бы коладить, или, вѣрнѣе шантажировать, то-есть мы заставили бы шумомъ и плескомъ веселъ всю захваченную нашимъ полукругомъ рыбу кинуться въ разставленныя для нея сѣти, гдѣ она должна застрянуть головами и жабрами въ ячейкахъ. Но наше дѣло требуетъ тайны, а поэтому мы только проѣзжаемъ отъ буйка до буйка, туда и обратно, два раза, при чемъ Христо беззвучно бурлитъ весломъ воду, заставляя ее вскипать прекрасными голубыми электрическими буграми. Потомъ мы возвращаемся къ первому буйку. Яни попрежнему осторожно вытягиваетъ камень,

служившій якоремъ, и безъ малѣйшаго стука опускаетъ его на дно. Потомъ, стоя на носу, выставивъ впередъ лѣвую ногу и опершись на нее, онъ ритмическими движеніями поднимаетъ то одну, то другую руку, вытягивая вверхъ сѣть. Наклонившись немного черезъ бортъ, я вижу, какъ сѣть бѣжитъ изъ воды, и каждая ячейка ея, каждая ниточка глубоко видны мнѣ, точно восхитительное огненное плетеніе. Съ пальцевъ Яни стремятся внизъ и падаютъ маленькіе дрожащіе огоньки.

И я уже слышу, какъ мокро и тяжело шлепается большая живая рыба о дно лодки, какъ она жирно трепещетъ, ударяя хвостомъ о дерево. Мы постепенно приближаемся ко второму буйку и съ прежними предосторожностями вытаскиваемъ его изъ воды.

Теперь моя очередь садиться на весла. Христо и Яни снова перебираютъ всю сѣть и выпрастываютъ изъ ея ячеекъ кефаль. Христо не можетъ сдержать себя и съ счастливымъ сдавленнымъ смѣхомъ кидаетъ черезъ голову Коли къ моимъ ногамъ большую, толстую, серебряную кефаль.

— Вотъ такъ рыба! — шепчетъ онъ мнѣ.

Яни тихо останавливаетъ его.

Когда ихъ работа кончена и мокрая сѣть вновь лежитъ на носовой площадкѣ баркаса, я вижу, что все дно застлано живой, еще шевелящейся рыбой. Но намъ нужно торопиться. Мы дѣлаемъ еще кругъ, еще и еще, хотя благоразуміе давно уже велитъ намъ вернуться въ городъ. Наконецъ мы подходимъ къ берегу въ самомъ глухомъ мѣстѣ. Яни приноситъ корзину, и съ вкуснымъ чмоканьемъ летятъ въ нее охапки большой мясистой рыбы, отъ которой такъ свѣжо и возбуждающе пахнетъ.

А черезъ десять минутъ мы возвращаемся обратно въ кофейню одинъ за другимъ. Каждый выдумываетъ какой-нибудь предлогъ для своего отсутствія. Но штаны и

куртки у насъ мокры, а у Яни запуталась въ усахъ и бородѣ рыбья чешуя, и отъ насъ еще идетъ запахъ моря и сырой рыбы. И Христо, который не можетъ справиться съ недавнимъ охотничьимъ возбужденіемъ, нѣтъ-нѣтъ, да и намекнетъ на наше предпріятіе.

— А я сейчасъ шелъ по набережной... Сколько свиней зашло въ бухту. Ужасъ! — И метнетъ на насъ лукавымъ, горящимъ чернымъ глазомъ.

Яни, который вмѣстѣ съ нимъ относилъ и пряталъ корзину, сидитъ около меня и едва слышно бормочетъ въ чашку съ кофе:

— Тысячи двѣ, и все самыя крупныя. Я вамъ снесъ три десятка.

Это моя доля въ общей добычѣ. Я потихоньку киваю головой. Но теперь мнѣ немного совѣстно за мое недавнее преступленіе. Впрочемъ, я ловлю нѣсколько чужихъ, быстрыхъ плутоватыхъ взглядовъ. Кажется, что не мы одни занимались въ эту ночь браконьерствомъ!

IV.

Бѣлуга.

Наступаетъ зима. Какъ-то вечеромъ пошелъ снѣгъ, и все стало среди ночи бѣлымъ: набережная, лодки у берега, крыши домовъ, деревья. Только вода въ заливѣ остается жутко-черной и неспокойно плещется въ этой бѣлой, тихой рамѣ.

На всемъ крымскомъ побережьѣ — въ Анапѣ, Судакѣ, Керчи, Ѳеодосіи, Ялтѣ, Балаклавѣ и Севастополѣ — рыбаки готовятся на бѣлугу. Чистятся рыбачьи сапоги, огромные до бедеръ сапоги изъ конской кожи, вѣсомъ по полупуду каждый, подновляются непромокаемые, крашеные

желтой масляной краской плащи и кожаные штаны, штопаются паруса, вяжутся перемёты.

Набожный рыбакъ Ѳедоръ изъ Олеиза задолго до бѣлужьей ловли теплитъ въ своемъ шалашѣ передъ образомъ Николая Угодника, Мѵръ Ликійскихъ Чудотворца и покровителя всѣхъ моряковъ, восковыя свѣчи и лампадки съ лучшимъ оливковымъ масломъ. Когда онъ поѣдетъ въ море со своей артелью, состоящей изъ татаръ, морской Святитель будетъ прибитъ на кормѣ, какъ руководитель и податель счастья. Объ этомъ знаютъ всѣ крымскіе рыбаки, потому что это повторяется изъ года въ годъ, и потому еще, что за Ѳедоромъ установилась слава очень смѣлаго и удачливаго рыбалки.

И вотъ однажды, съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, на исходѣ ночи, но еще въ глубокой тьмѣ, сотни лодокъ отплываютъ отъ Крымскаго полуострова подъ парусами въ море.

Какъ красивъ моментъ отплытія! Сѣли всѣ пятеро на кормовую часть баркаса. «Съ Богомъ! Дай Богъ! Съ Богомъ!» Падаетъ внизъ освобожденный парусъ и, похлопавъ нерѣшительно въ воздухѣ, вдругъ надувается, какъ выпуклое, острое, торчащее концомъ вверхъ, бѣлое птичье крыло. Лодка, вся наклонившись на одинъ бокъ, плавно выносится изъ устья бухты въ открытое море. Вода шипитъ и пѣнится за бортомъ и брызжетъ внутрь, а на самомъ борту, временами моча нижній край своей куртки въ водѣ, сидитъ небрежно какой-нибудь молодой рыбакъ и съ хвастливой небрежностью раскуриваетъ верченую папиросу. Подъ кормовой рѣшеткой хранится небольшой запасъ крѣпкой водки, немного хлѣба, десятокъ копченыхъ рыбъ и боченокъ съ водой.

Уплываютъ въ открытое море за тридцать и болѣе верстъ отъ берега. За этотъ длинный путь атаманъ и его помощникъ успѣваютъ изготовить снасть. А бѣлужья

снасть представляетъ собою вотъ что̀ такое: вообразите себѣ, что по морскому дну, на глубинѣ сорока саженъ, лежитъ крѣпкая веревка въ версту длиной, а къ ней привязаны черезъ каждые три-четыре аршина короткіе саженные куски шпагата, а на концахъ этихъ концовъ наживлена на крючки мелкая рыбешка. Два плоскихъ камня на обѣихъ оконечностяхъ главной веревки служатъ якорями, затопляющими ее, а два буйка, плавающихъ на этихъ якоряхъ, на поверхности моря, указываютъ ихъ положеніе. Буйки круглые, пробковые (сотня бутылочныхъ пробокъ, обвернутыхъ сѣткой), съ красными флажками наверху.

Помощникъ съ непостижимой ловкостью и быстротой насаживаетъ приманку на крючки, а атаманъ тщательно укладываетъ всю снасть въ круглую корзину, вдоль ея стѣнъ, правильной спиралью, наживкой внутрь. Въ темнотѣ, почти ощупью, вовсе не такъ легко исполнить эту кропотливую работу, какъ кажется съ перваго взгляда. Когда придетъ время опускать снасть въ море, то одинъ неудачно насаженный крючокъ можетъ зацѣпиться за веревку и жестоко перепутать всю систему.

На разсвѣтѣ приходятъ на мѣсто. У каждаго атамана есть свои излюбленные счастливые пункты, и онъ ихъ находитъ въ открытомъ морѣ, за десятки верстъ отъ берега такъ же легко, какъ мы находимъ коробку съ перьями на своемъ письменномъ столѣ. Надо только стать такимъ образомъ, чтобы Полярная звѣзда очутилась какъ разъ надъ колокольней монастыря св. Георгія, и двигаться, не нарушая этого направленія, на востокъ до тѣхъ поръ, пока не откроется Форосскій маякъ. У каждаго атамана имѣются свои тайныя вѣхи въ видѣ маяковъ, домовъ, крупныхъ прибрежныхъ камней, одинокихъ сосенъ на горахъ или звѣздъ.

Опредѣлили мѣсто. Выбрасываютъ на веревкѣ въ море

первый камень, устанавливаютъ глубину, привязываютъ буекъ и отъ него идутъ на веслахъ впередъ на всю длину перемёта, который атаманъ съ необычайной быстротой выматываетъ изъ корзины. Опускаютъ второй камень, пускаютъ на воду второй буекъ — и дѣло окончено. Возвращаются домой на веслахъ, или, если вѣтеръ позволяетъ лавировать, подъ парусомъ. На другой день, или черезъ день, идутъ опять въ море и вытаскиваютъ снасть. Если Богу или случаю будетъ угодно, на крючьяхъ окажется бѣлуга, проглотившая приманку — огромная остроносая рыба, вѣсъ которой достигаетъ 10 — 20-ти, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже 30-ти и болѣе пудовъ.

Такъ-то вотъ и вышелъ однажды ночью изъ бухты Ваня Андруцаки на своемъ баркасѣ. По правдѣ сказать, никто не ожидалъ добра отъ такого предпріятія. Старый Андруцаки умеръ прошлой весной, а Ваня былъ слишкомъ молодъ, и, по мнѣнію опытныхъ рыбаковъ, ему слѣдовало бы еще года два побыть простымъ гребцомъ, да еще годъ помощникомъ атамана. Но онъ набралъ свою артель изъ самой зеленой и самой отчаянной молодежи, сурово прикрикнулъ, какъ настоящій хозяинъ, на занывшую-было старуху-мать, изругалъ ворчливыхъ стариковъ-сосѣдей гнусными матерными словами и вышелъ въ море пьяный, съ пьяной командой, стоя на кормѣ со сбитой лихо на затылокъ барашковой шапкой, изъ-подъ которой буйно выбивались на загорѣлый лобъ курчавые, черные, какъ у пуделя, волосы.

Въ эту ночь на морѣ дулъ крѣпкій береговой, и шелъ снѣгъ. Нѣкоторые баркасы, выйдя изъ бухты, вскорѣ вернулись назадъ, потому что греческіе рыбаки, несмотря на свою многовѣковую опытность, отличаются чрезвычайнымъ благоразуміемъ, чтобы не сказать трусостью. «Погода не пускаетъ», — говорили они.

Но Ваня Андруцаки возвратился домой около полудня съ баркасомъ, наполненнымъ самой крупной бѣлугой, да кромѣ того еще приволокъ на буксирѣ огромную рыбину, чудовище въ 20 пудовъ вѣсомъ, которое артель долго добивала деревянными колотушками и веслами.

Съ этимъ великаномъ пришлось порядочно-таки помучиться. Про бѣлугу рыбаки вообще говорятъ, что надо только подтянуть ея голову въ уровень съ бортомъ, а тамъ ужъ рыба сама вскочитъ въ лодку. Правда, иногда при этомъ она могучимъ всплескомъ хвоста сбиваетъ въ воду неосторожнаго ловца. Но бываютъ изрѣдка при бѣлужьей ловлѣ и болѣе серьезные моменты, грозящіе настоящей опасностью для рыбаковъ. Такъ и случилось съ Ваней Андруцаки.

Стоя на самомъ носу, который то взлеталъ на пѣнистые бугры широкихъ волнъ, то стремительно падалъ въ гладкія водяныя зеленыя ямы, Ваня размѣренными движеніями рукъ и спины выбиралъ изъ моря перемётъ. Пять бѣлужонковъ, попавшихся съ самаго начала, почти одинъ за другимъ, уже лежали неподвижно на днѣ баркаса, но потомъ ловля пошла хуже: сто или полтораста крючковъ подъ рядъ оказались пустыми, съ нетронутой наживкой.

Артель молча гребла, не спуская глазъ съ двухъ точекъ на берегу, указанныхъ атаманомъ. Помощникъ сидѣлъ у ногъ Вани, освобождая крючки отъ наживки и складывая веревку въ корзину правильнымъ бунтомъ. Вдругъ одна изъ пойманныхъ рыбъ судорожно встрепенулась.

— Бьетъ хвостомъ, поджидаетъ подругу, — сказалъ молодой рыбакъ Павелъ, повторяя старую рыбачью примѣту.

И въ ту же секунду Ваня Андруцаки почувствовалъ, что огромная живая тяжесть, вздрагивая и сопротивляясь,

повисла у него на натянувшемся вкось перемётѣ, въ самой глубинѣ моря. Когда же, позднѣе, наклонившись за бортъ, онъ увидѣлъ подъ водой и все длинное, серебряное, волнующееся, рябящее тѣло чудовища, онъ не удержался и, обернувшись назадъ къ артели, прошепталъ съ сіяющими отъ восторга глазами:

— Здоровая!.. Какъ быкъ!.. Пудовъ на сорокъ...

Этого ужъ никакъ не слѣдовало дѣлать! Спаси Богъ, будучи въ морѣ, предупреждать событія или радоваться успѣху, не дойдя до берега. И старая таинственная примѣта тотчасъ же оправдалась на Ванѣ Андруцаки. Онъ уже видѣлъ, не болѣе какъ въ полуаршинѣ отъ поверхности воды, острую, утлую костистую морду и, сдерживая бурное трепетаніе сердца, уже готовился подвести ее къ борту, какъ вдругъ... могучій хвостъ рыбы плеснулъ сверхъ волны, и бѣлуга стремительно понеслась внизъ, увлекая за собою веревку и крючки.

Ваня не растерялся. Онъ крикнулъ рыбакамъ: «Табань!» — скверно и очень длинно выругался и принялся травить перемётъ вслѣдъ убѣгавшей рыбѣ. Крючки такъ и мелькали въ воздухѣ изъ-подъ его рукъ, шлепаясь въ воду. Помощникъ пособлялъ ему, выпрастывая снасть изъ корзины. Гребцы налегли на весла, стараясь ходомъ лодки опередить подводное движеніе рыбы. Это была страшно быстрая и точная работа, которая не всегда кончается благополучно. У помощника запуталось нѣсколько крючковъ. Онъ крикнулъ Ванѣ: «Стопъ травить!» — и принялся распутывать снасть съ той быстротой и тщательностью, которая въ минуты опасности свойственна только морскимъ людямъ. Въ эти нѣсколько секундъ перемётъ въ рукѣ Вани натянулся какъ струна, и лодка скакала точно бѣшеная съ волны на волну, увлекаемая ужаснымъ бѣгомъ рыбы и подгоняемая вслѣдъ за ней усиліями гребцовъ.

«Трави!» — крикнулъ наконецъ помощникъ. Веревка съ необычайной быстротой вновь побѣжала изъ ловкихъ рукъ атамана, но вдругъ лодку дернуло, и Ваня съ глухимъ стономъ выругался: мѣдный крючокъ съ размаха вонзился ему въ мякоть ладони подъ мизинцемъ и засѣлъ тамъ во всю глубину извива. И тутъ-то Ваня показалъ себя настоящимъ соленымъ рыбакомъ. Обмотавъ перемётъ вокругъ пальцевъ раненой руки, онъ задержалъ на секунду бѣгъ веревки, а другой рукой досталъ ножъ и перерѣзалъ шпагатъ. Крючокъ крѣпко держался въ рукѣ своимъ жаломъ, но Ваня вырвалъ его съ мясомъ и бросилъ въ море. И хотя обѣ его руки и веревка перемёта сплошь окрасились кровью, и бортъ лодки и вода въ баркасѣ покраснѣли отъ его крови, онъ всетаки довелъ свою работу до конца и самъ нанесъ первый оглушающій ударъ колотушкой по башкѣ упрямой рыбѣ.

Его уловъ былъ первымъ бѣлужьимъ уловомъ этой осени. Артель продала рыбу по очень высокой цѣнѣ, такъ что на каждый пай пришлось почти до сорока рублей. По этому случаю было выпито страшное количество молодого вина, а подъ вечеръ весь экипажъ «Георгія Побѣдоносца» — такъ назывался Ванинъ баркасъ — отправился на двуконномъ фаэтонѣ съ музыкой въ Севастополь. Тамъ храбрые балаклавскіе рыбаки вмѣстѣ съ флотскими матросами разнесли на мелкіе кусочки фортепіано, двери, кровати, стулья и окна въ публичномъ домѣ, потомъ передрались между собою и только къ свѣту вернулись домой пьяные, въ синякахъ, но съ пѣснями. И только-что вылѣзли изъ коляски, какъ тотчасъ же свалились въ лодку, подняли парусъ и пошли въ море забрасывать крючья.

Съ этого самаго дня за Ваней Андруцаки установилась слава, какъ за настояшимъ соленымъ атаманомъ

V.

Господня рыба.

Апокрифическое сказаніе.

Эту прелестную древнюю легенду разсказалъ мнѣ въ Балаклавѣ атаманъ рыбачьяго баркаса, Коля Констанди, настоящій соленый грекъ, отличный морякъ и большой пьяница.

Онъ въ то время училъ меня всѣмъ премудрымъ и страннымъ вещамъ, составляющимъ рыбачью науку.

Онъ показывалъ мнѣ, какъ вязать морскіе узлы и чинить прорванныя сѣти, какъ наживлять крючки на бѣлугу, забрасывать и промывать мережки, кидать намётку на камсу, выпрастывать кефаль изъ трехстѣнныхъ сѣтей, жарить лобана на шкарѣ, отковыривать ножомъ петалиди, приросшихъ къ скалѣ, и ѣсть сырыми креветокъ, узнавать ночную погоду по дневному прибою, ставить парусъ, выбирать якорь и измѣрять глубину дна.

Онъ терпѣливо объяснялъ мнѣ разницу между направленіемъ и свойствами вѣтровъ: леванти, греба-леванти, широкко, тремонтана, страшнаго бора, благопріятнаго морского и капризнаго берегового.

Ему же я обязанъ знаніемъ рыбачьихъ обычаевъ и суевѣрій во время ловли: нельзя свистать на баркасѣ; плевать позволено только за бортъ; нельзя упоминать чорта, хотя можно проклинать при неудачѣ: вѣру, могилу, гробъ, душу, предковъ, глаза, печенки, селезенки и т. д.; хорошо оставлять въ снасти, какъ будто нечаянно, забытую рыбешку—это приноситъ счастіе; спаси Богъ выбросить за бортъ что-нибудь съѣстное, когда

баркасъ еще въ морѣ, но всего ужаснѣе, непростительнѣе и зловреднѣе — это спросить рыбака: «Куда?». За такой вопросъ бьютъ.

Отъ него я узналъ о ядовитой рыбкѣ дракусъ, похожей на мелкую скумбрію, и о томъ, какъ ее снимать съ крючка, о свойствѣ морского ерша причинять нарывы уколомъ плавниковъ, о страшномъ двойномъ хвостѣ электрическаго ската и о томъ, какъ искусно выѣдаетъ морской краббъ устрицу, вставивъ сначала въ ея створку маленькій камешекъ.

Но немало также я слышалъ отъ Коли диковинныхъ и таинственныхъ морскихъ разсказовъ, слышалъ въ тѣ сладкіе, тихіе ночные часы ранней осени, когда нашъ яликъ нѣжно покачивался среди моря, вдали отъ невидимыхъ береговъ, а мы, вдвоемъ или втроемъ, при желтомъ свѣтѣ ручного фонаря, не торопясь, попивали молодое розовое мѣстное вино, пахнувшее свѣже-раздавленнымъ виноградомъ.

«Среди океана живетъ морской змѣй въ версту длиною. Рѣдко, не болѣе раза въ 10 лѣтъ, онъ подымается со дна на поверхность и дышетъ. Онъ одинокъ. Прежде ихъ было много, самцовъ и самокъ, но столько они дѣлали зла мелкой рыбешкѣ, что Богъ осудилъ ихъ на вымираніе, и теперь только одинъ старый, тысячелѣтній змѣй-самецъ сиротливо доживаетъ свои послѣдніе годы. Прежніе моряки видѣли его — то здѣсь, то тамъ — во всѣхъ странахъ свѣта и во всѣхъ океанахъ.

«Живетъ гдѣ-то среди моря, на безлюдномъ островѣ, въ глубокой подводной пещерѣ царь морскихъ раковъ. Когда онъ ударяетъ клешней о клешню, то на поверхности воды вскипаетъ великое волненіе.

«Рыбы говорятъ между собой — это всякій рыбакъ знаетъ. Онѣ сообщаютъ другъ другу о разныхъ опасностяхъ и человѣческихъ ловушкахъ, и неопытный, не-

ловкій рыбакъ можетъ надолго испортить счастливое мѣсто, если выпуститъ изъ сѣтей рыбу».

Слышалъ я также отъ Коли о Летучемъ Голландцѣ, объ этомъ вѣчномъ скитальцѣ морей, съ черными парусами и мертвымъ экипажемъ. Впрочемъ, эту страшную легенду знаютъ, и ей вѣрятъ, на всѣхъ морскихъ побережьяхъ Европы.

Но одно далекое преданіе, разсказанное имъ, особенно тронуло меня своей наивной рыбачьей простотой.

Однажды на зарѣ, когда солнце еще не всходило, но небо было цвѣта апельсина, и по морю бродили розовые туманы, я и Коля вытягивали сѣть, поставленную съ вечера поперекъ берега на скумбрію. Уловъ былъ совсѣмъ плохой. Въ ячейкѣ сѣти запутались около сотни скумбріи, пять-шесть ершей, нѣсколько десятковъ золотыхъ толстыхъ карасиковъ и очень много студенистой перламутровой медузы, похожей на огромныя безцвѣтныя шляпки грибовъ со множествомъ ножекъ.

Но попалась также одна очень странная, невиданная мною доселѣ рыбка. Она была овальной, плоской формы и умѣстилась бы свободно на женской ладони. Весь ея контуръ былъ окруженъ частыми, мелкими, прозрачными ворсинками. Маленькая голова, и на ней совсѣмъ не рыбьи глаза — черные, съ золотыми ободками, необыкновенно подвижные. Тѣло ровнаго золотистаго цвѣта. Всего же поразительнѣе были въ этой рыбкѣ два пятна, по одному съ каждаго бока, посрединѣ, величиною съ гривенникъ, но неправильной формы и чрезвычайно яркаго небесно-голубого цвѣта, какого нѣтъ въ распоряженіи художника.

— Посмотрите, — сказалъ Коля: — вотъ Господня рыба. Она рѣдко попадается.

Мы помѣстили ее сначала въ лодочный черпакъ, а

потомъ, возвращаясь домой, я налилъ морской воды въ большой эмалированный тазъ и пустилъ туда Господню рыбу. Она быстро заплавала по окружности таза, касаясь его стѣнокъ, и все въ одномъ и томъ же направленіи. Если ее трогали, она издавала чуть слышный, короткій, храпящій звукъ и усиливала безпрестанный бѣгъ. Черные глаза ея вращались, а отъ мерцающихъ безчисленныхъ ворсинокъ быстро дрожала и струилась вода.

Я хотѣлъ сохранить ее, чтобы отвезти живой въ Севастополь, въ акваріумъ біологической станціи, но Коля сказалъ, махнувъ рукой:

— Не стоитъ и трудиться. Все равно не выживетъ. Это такая рыба. Если ее хоть на секунду вытащить изъ моря — ей уже не жить. Это Господня рыба.

Къ вечеру она умерла. А ночью, сидя въ яликѣ, далеко отъ берега, я вспомнилъ и спросилъ:

— Коля, а почему же эта рыба — Господня?

— А вотъ почему, — отвѣтилъ Коля съ глубокой вѣрой. — Старые греки у насъ разсказываютъ такъ. Когда Іисусъ Христосъ, Господь нашъ, воскресъ на третій день послѣ своего погребенія, то никто Ему не хотѣлъ вѣрить. Видѣли много чудесъ отъ Него при Его жизни, но этому чуду не могли повѣрить и боялись.

«Отказались отъ Него ученики, отказались апостолы, отказались жены-мироносицы. Тогда приходитъ Онъ къ Своей Матери. А она въ это время стояла у очага и жарила на сковородкѣ рыбу, приготовляя обѣдъ Себѣ и близкимъ. Господь говоритъ Ей:

«— Здравствуй! Вотъ Я, Твой Сынъ, воскресшій, какъ было сказано въ писаніи. Миръ съ Тобою.

«Но Она задрожала и воскликнула въ испугѣ:

«— Если Ты подлинно сынъ Мой Іисусъ, сотвори чудо, чтобы я увѣровала.

«Улыбнулся Господь, что Она не вѣритъ Ему, и сказалъ:

«— Вотъ, Я возьму рыбу, лежащую на огнѣ, и она оживетъ. Повѣришь ли Ты Мнѣ тогда?»

«И едва Онъ, прикоснувшись своими двумя пальцами къ рыбѣ, поднялъ ее на воздухъ, какъ она затрепыхалась и ожила.

«Тогда увѣровала Мать Господа въ чудо и радостно поклонилась Сыну воскресшему. А на этой рыбѣ съ тѣхъ поръ такъ и остались два небесныхъ пятна. Это слѣды Господнихъ пальцевъ».

Такъ разсказывалъ простой, немудрый рыбакъ наивное давнее сказаніе. Спустя же нѣсколько дней я узналъ, что у Господней рыбы есть еще другое названіе — Зевсова рыба. Кто скажетъ: до какой глубины временъ восходитъ тотъ апокрифъ?

VI.

Бора.

О, милые простые люди, мужественныя сердца, наивныя первобытныя души, крѣпкія тѣла, обвѣянныя соленымъ морскимъ вѣтромъ, мозолистыя руки, зоркіе глаза, которые столько разъ глядѣли въ лицо смерти, въ самые ея зрачки!

Третьи сутки дуетъ Бора. Бора — иначе Нордъ-Остъ — это яростный таинственный вѣтеръ, который рождается гдѣ-то въ плѣшивыхъ, облѣзшихъ горахъ около Новороссійска, сваливается въ круглую бухту и разводитъ страшное волненіе по всему Черному морю. Сила его такъ велика, что онъ опрокидываетъ съ рельсовъ груженые товарные вагоны, валитъ телеграфные столбы, разрушаетъ только-что сложенныя кирпичныя стѣны, бро-

саетъ на землю людей, идущихъ въ одиночку. Въ серединѣ прошлаго столѣтія нѣсколько военныхъ судовъ, застигнутыхъ Нордъ-Остомъ, отстаивались противъ него въ Новороссійской бухтѣ: они развели полные пары и шли навстрѣчу вѣтру усиленнымъ ходомъ, не подаваясь ни на вершокъ впередъ, забросили противъ вѣтра двойные якоря, и тѣмъ не менѣе ихъ сорвало съ якорей, потащило внутрь бухты и выбросило, какъ щепки, на прибрежные камни.

Вѣтеръ этотъ страшенъ своей неожиданностью: его невозможно предугадать — это самый капризный вѣтеръ на самомъ капризномъ изъ морей.

Старые рыбаки говорятъ, что единственное средство спастись отъ него — это «удирать въ открытое море». И бываютъ случаи, что Бора уноситъ какой-нибудь четырехгребный баркасъ или голубую, разукрашенную серебряными звѣздами, турецкую фелюгу черезъ все Черное море, за триста пятьдесятъ верстъ, на Анатолійскій берегъ.

Третьи сутки дуетъ Бора. Новолуніе. Молодой мѣсяцъ, какъ и всегда, рождается съ большими мученіями и трудомъ. Опытные рыбаки не только не думаютъ о томъ, чтобы пуститься въ море, но даже вытащили свои баркасы подальше и понадежнѣе на берегъ.

Одинъ лишь отчаянный Ѳедоръ изъ Олеиза, который за много дней передъ этимъ теплилъ свѣчу передъ образомъ Николая Чудотворца, рѣшился выйти, чтобы поднять бѣлужью снасть.

Три раза со своей артелью, состоявшей исключительно изъ татаръ, отплывалъ онъ отъ берега и три раза возвращался обратно на веслахъ съ большими усиліями, проклятіями и богохульствами, дѣлая въ часъ не болѣе одной десятой морского узла. Въ бѣшенствѣ, которое можетъ быть понятно только моряку, онъ срывалъ прикрѣпленный на носу образъ Николая, Мѵръ Ликійскихъ Чудо-

творца, швырялъ его на дно лодки, топталъ ногами и мерзко ругался, а въ это время его команда шапками и горстями вычерпывала воду, хлеставшую черезъ бортъ.

Въ эти дни старые, хитрые балаклавскіе листригоны сидѣли по кофейнямъ, крутили самодѣльныя папиросы, пили крѣпкій бобковый кофе съ гущей, играли въ домино, жаловались на то, что погода не пускаетъ, и въ уютномъ теплѣ, при свѣтѣ висячихъ лампъ, вспоминали древніе легендарные случаи, наслѣдіе отцовъ и дѣдовъ, о томъ, какъ въ такомъ-то и въ такомъ-то году морской прибой достигалъ сотни саженей вверхъ, и брызги отъ него долетали до самаго подножія полуразрушенной генуэзской крѣпости.

Пропалъ безъ вѣсти одинъ баркасъ изъ Фороса, на которомъ работала артель пришлыхъ русопетовъ, восьмеро какихъ-то бѣлобрысыхъ Ивановъ, пріѣхавшихъ откуда-то, не то съ Ильменя, не то съ Волги искать удачи на Черномъ морѣ. Въ кофейняхъ никто о нихъ не пожалѣлъ и не потревожился. Почмокали языкомъ, посмѣялись и сказали презрительно и просто: «Тц... тц... тц... конечно, дураки, развѣ можно въ такую погоду? Извѣстно — русскіе». Въ предутренній часъ темной ревущей ночи пошли они всѣ, какъ камни, на дно въ своихъ коневыхъ сапогахъ до поясницы, въ кожаныхъ курткахъ, въ крашеныхъ желтыхъ непромокаемыхъ плащахъ.

Совсѣмъ другое дѣло было, когда передъ Борой вышелъ въ море Ваня Андруцаки, наплевавъ на всѣ предостереженія и уговоры старыхъ людей. Богъ его знаетъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Вѣрнѣе всего изъ мальчишескаго задора, изъ буйнаго, молодого самолюбія, немножко подъ пьяную руку. А можетъ-быть, на него любовалась въ эту минуту красногубая, черноглазая гречанка?

Поднялъ парусъ — а вѣтеръ уже и въ то время былъ очень свѣжій — и только его и видѣли! Со скоростью

хорошаго призового рысака вынеслась лодка изъ бухты, помаячила минутъ пять своимъ бѣлымъ парусомъ въ морской синевѣ, и сейчасъ же нельзя было разобрать, что̀ тамъ вдали бѣлѣетъ: парусъ или бѣлые барашки, скакавшіе съ волны на волну?

А вернулся онъ домой только черезъ трое сутокъ...

Трое сутокъ безъ сна, безъ ѣды и питья, днемъ и ночью и опять днемъ и ночью, и еще сутки, въ крошечной скорлупкѣ, среди обезумѣвшаго моря — и вокругъ ни берега, ни паруса, ни маячнаго огня, ни пароходнаго дыма! А вернулся Ваня Андруцаки домой — и точно забылъ обо всемъ, точно ничего съ нимъ и не было, точно онъ съѣздилъ на мальпостѣ въ Севастополь и купилъ тамъ десятокъ папиросъ.

Были, правда, нѣкоторыя подробности, которыя я съ трудомъ выдавилъ изъ Ваниной памяти. Напримѣръ, съ Юрой Липіади случилось, на исходѣ вторыхъ сутокъ, нѣчто въ родѣ истерическаго припадка, когда онъ началъ вдругъ ни съ того ни съ сего плакать и хохотать и совсѣмъ уже было-выпрыгнулъ за бортъ, если бы Ваня Андруцаки во̀-время не успѣлъ ударить его рулевымъ весломъ по головѣ. Былъ также моментъ, когда артель, напуганная бѣшенымъ ходомъ лодки, захотѣла убрать парусъ, и Ванѣ стоило, должно-быть, большихъ усилій, чтобы сжать въ кулакъ волю этихъ пяти человѣкъ и, передъ дыханіемъ смерти, заставить ихъ подчиниться себѣ. Кое-что я узналъ и о томъ, какъ кровь выступала у гребцовъ изъ-подъ ногтей отъ непомѣрной работы. Но все это было разсказано мнѣ отрывками, нехотя, вскользь. Да! Конечно, въ эти трое сутокъ напряженной, судорожной борьбы со смертью было много сказано и сдѣлано такого, о чемъ артель «Георгія Побѣдоносца» не разскажетъ никому, ни за какія блага, до конца дней своихъ!

Въ эти трое сутокъ ни одинъ человѣкъ не сомкнулъ

глазъ въ Балаклавѣ, кромѣ толстаго Петалиди, хозяина гостиницы «Парижъ». И всѣ тревожно бродили по набережной, лазили на скалы, взбирались на генуэзскую крѣпость, которая высится своими двумя древними зубцами надъ городомъ, всѣ: старики, молодые, женщины и дѣти. Полетѣли во всѣ концы свѣта телеграммы: начальнику черноморскихъ портовъ, мѣстному архіерею, на маяки, на спасательныя станціи, морскому министру, министру путей сообщенія, въ Ялту, въ Севастополь, въ Константинополь и Одессу, греческому патріарху, губернатору и даже почему-то русскому консулу въ Дамаскѣ, который случайно оказался знакомымъ одному балаклавскому греку-аристократу, торгующему мукой и цементомъ.

Проснулась древняя, многовѣковая спайка между людьми, кровное товарищеское чувство, такъ мало замѣтное въ буднишніе дни среди мелкихъ расчетовъ и житейскаго сора, заговорили въ душахъ тысячелѣтніе голоса пра-пра-пращуровъ, которые задолго до временъ Одиссея вмѣстѣ отстаивались отъ Боры въ такіе же дни и такія же ночи.

Никто не спалъ. Ночью развели огромный костеръ на верху горы, и всѣ ходили по берегу съ огнями, точно на Пасху. Но никто не смѣялся, не пѣлъ, и опустѣли всѣ кофейни.

Ахъ, какой это былъ восхитительный моментъ, когда утромъ, часовъ около восьми, Юра Паратино, стоявшій на верху скалы надъ Бѣлыми камнями, прищурился, нагнулся впередъ, вцѣпился своими зоркими глазами въ пространство и вдругъ крикнулъ:

— Есть! Идутъ!

Кромѣ Юры Паратино никто не разглядѣлъ бы лодки въ этой черно-синей морской дали, которая колыхалась тяжело и еще злобно, медленно утихая отъ недавняго гнѣва. Но прошло пять, десять минутъ, и уже любой

мальчишка могъ удостовѣриться въ томъ, что «Георгій Побѣдоносецъ» идетъ, лавируя подъ парусомъ, къ бухтѣ. Была большая радость, соединившая сотню людей въ одно тѣло и въ одну душу!

Передъ бухтой они опустили парусъ и вошли на веслахъ, вошли какъ стрѣла, весело напрягая послѣднія силы, вошли, какъ входятъ рыбаки въ заливъ послѣ отличнаго улова бѣлуги. Кругомъ плакали отъ счастья: матери, жены, невѣсты, сестры, братишки. Вы думаете, что хоть одинъ рыбакъ изъ артели «Георгія Побѣдоносца» размякъ, расплакался, полѣзъ цѣловаться или рыдать на чьей-нибудь груди? Ничуть! Они всѣ шестеро, еще мокрые, осипшіе и обвѣтренные, ввалились въ кофейную Юры, потребовали вина, орали пѣсни, заказали музыку и плясали, какъ сумасшедшіе, оставляя на полу лужи воды. И только поздно вечеромъ товарищи разнесли ихъ пьяныхъ и усталыхъ по домамъ; и спали они безъ просыпу по двадцати часовъ каждый. А когда проснулись, то глядѣли на свою поѣздку въ море, ну вотъ такъ, какъ будто бы они съѣздили на мальпостѣ въ Севастополь на полчаса, чуть-чуть кутнули тамъ и вернулись домой.

VII.

Водолазы.

I.

Въ балаклавскую бухту — узкогорлую, извилистую и длинную — кажется, со временъ Крымской кампаніи не заходилъ ни одинъ пароходъ, кромѣ развѣ миноносокъ на маневрахъ. Да и что, по правдѣ сказать, дѣлать пароходамъ въ этомъ глухомъ рыбачьемъ полупоселкѣ-полугородкѣ? Единственный грузъ — рыбу — скупаютъ на мѣ-

стѣ перекупщики и везутъ на продажу за 13 верстъ, въ Севастополь; изъ того же Севастополя пріѣзжаютъ сюда немногіе дачники на мальпостѣ за пятьдесятъ копеекъ. Маленькій, но отчаянной храбрости паровой катеришка «Герой», который ежедневно бѣгаетъ между Ялтой и Алупкой, пыхтя, какъ зарьявшая собака, и треплясь, точно въ ураганѣ, въ самую легкую зыбь, пробовалъ было установить пассажирское сообщеніе и съ Балаклавой. Но изъ этой попытки, повторенной раза три-четыре, ничего путнаго не вышло: только лишняя трата угля и времени. Въ каждый рейсъ «Герой» приходилъ пустымъ и возвращался пустымъ. А балаклавскіе греки, отдаленные потомки кровожадныхъ гомеровскихъ листригоновъ, встрѣчали и провожали его, стоя на пристани и, заложивъ руки въ карманы штановъ, мѣткими словечками, двусмысленными совѣтами и язвительными пожеланіями.

Зато во время севастопольской осады голубая прелестная бухта Балаклавы вмѣщала въ себѣ чуть ли не четверть всей союзной флотиліи. Отъ этой героической эпохи остались и до сихъ поръ кое-какіе достовѣрные слѣды: крутая дорога въ балкѣ Кефало-Вриси, проведенная англійскими саперами, итальянское кладбище на верху балаклавскихъ горъ между виноградниками, да еще при плантажѣ земли подъ виноградъ время отъ времени откапываютъ короткія гипсовыя и костяныя трубочки, изъ которыхъ болѣе, чѣмъ полвѣка тому назадъ курили табакъ союзные солдаты.

Но легенда цвѣтетъ пышнѣе. До сихъ поръ балаклавскіе греки убѣждены, что, только благодаря стойкости ихъ собственнаго балаклавскаго батальона, смогъ такъ долго продержаться Севастополь. Да! Въ старину населяли Балаклаву желѣзные и гордые люди. Объ ихъ гордости устное преданіе удержало замѣчательный случай.

Не знаю, бывалъ ли когда-нибудь покойный императоръ Николай I въ Балаклавѣ. Думаю всячески, что во

время Крымской войны онъ врядъ ли, за недостаткомъ времени, заѣзжалъ туда. Однако живая исторія увѣренно повѣствуетъ о томъ, какъ на смотру, подъѣхавъ на бѣломъ конѣ къ славному балаклавскому батальону, грозный государь, пораженный воинственнымъ видомъ, огненными глазами и черными усищами балаклавцевъ, воскликнулъ громовымъ и радостнымъ голосомъ:

— Здорово, ребята!

Но батальонъ молчалъ.

Царь повторилъ нѣсколько разъ свое привѣтствіе, все въ болѣе и болѣе гнѣвномъ тонѣ. То же молчаніе! Наконецъ, совсѣмъ уже разсерженный, императоръ наскакалъ на батальоннаго начальника и воскликнулъ своимъ ужаснымъ голосомъ:

— Отчего же они, чортъ ихъ побери, не отвѣчаютъ? Кажется, я по-русски сказалъ: здорово, ребята!

— Здѣсь нѣтъ ребяти, — отвѣтилъ кротко начальникъ. — Здѣсь сё капитани.

Тогда Николай I разсмѣялся — что̀ же ему оставалось еще дѣлать?— и вновь крикнулъ:

— Здравствуйте, капитаны!

И храбрые листригоны весело заорали въ отвѣтъ:

— Ка̀ли мѐра (добрый день!), ваше величество!

Такъ ли происходило это событіе или не такъ, и вообще происходило ли оно въ дѣйствительности, судить трудно, за неимѣніемъ вѣскихъ и убѣдительныхъ историческихъ данныхъ. Но и до сихъ поръ добрая треть отважныхъ балаклавскихъ жителей носитъ фамилію Капитанаки, и если вы встрѣтите когда-нибудь грека съ фамиліей Капитанаки, будьте увѣрены, что онъ самъ или его недалекіе предки — родомъ изъ Балаклавы.

II.

Но самыми яркими и соблазнительными цвѣтами украшено сказаніе о затонувшей у Балаклавы англійской эскадрѣ. Темной зимней ночью нѣсколько англійскихъ судовъ направлялись къ балаклавской бухтѣ, ища спасенія отъ бури. Между ними былъ прекрасный трехмачтовый фрегатъ «Black Prince», везшій деньги для уплаты жалованья союзнымъ войскамъ. Шестьдесятъ милліоновъ рублей звонкимъ англійскимъ золотомъ! Старикамъ даже и цифра извѣстна съ точностью.

Тѣ же старики говорятъ, что такихъ урагановъ теперь уже не бываетъ, какъ тотъ, что свирѣпствовалъ въ эту страшную ночь! Громадныя волны, ударяясь объ отвѣсныя скалы, всплескивали наверхъ до подножія Генуэзской башни, — двадцать саженъ высоты! — и омывали ея сѣрыя старыя стѣны. Эскадра не сумѣла найти узкаго входа въ бухту, или, можетъ-быть, найдя, не смогла войти въ него. Она вся разбилась объ утесы и вмѣстѣ съ великолѣпнымъ кораблемъ «Black Prince» и съ англійскимъ золотомъ пошла ко дну около Бѣлыхъ Камней, которые и теперь еще внушительно торчатъ изъ воды, тамъ, гдѣ узкое горло бухты расширяется къ морю, съ правой стороны, если выходишь изъ Балаклавы.

Теперешніе пароходы совершаютъ свои рейсы далеко отъ бухты, верстахъ въ 15—20. Съ генуэзской крѣпости едва различишь кажущійся неподвижнымъ темный корпусъ парохода, длинный хвостъ сѣраго тающаго дымка и двѣ мачты, стройно наклоненныя назадъ. Зоркій рыбачій глазъ однако почти безошибочно разбираетъ эти суда по какимъ-то примѣтамъ, непонятнымъ нашему опыту и зрѣнію. «Вотъ идетъ грузовой изъ Евпаторіи... Это Русскаго Общества, а это Россійскій... это — Кошкинскій... А

это валяетъ по мертвой зыби «Пушкина» — его и въ тихую погоду валяетъ»...

III.

И вотъ однажды, совсѣмъ неожиданно, въ бухту вошелъ огромный, старинной конструкціи, необыкновенно грязный итальянскій пароходъ «Genova». Случилось это позднимъ вечеромъ, въ ту пору осени, когда почти всѣ курортные жильцы уже разъѣхались на сѣверъ, но море еще настолько тепло, что настоящая рыбная ловля пока не начиналась, когда рыбаки, не торопясь, чинятъ сѣти и заготовляютъ крючки, играютъ въ домино по кофейнямъ, пьютъ молодое вино и вообще предаются временному легкому кейфу.

Вечеръ былъ тихій и темный, съ большими спокойными звѣздами на небѣ и въ спящей водѣ залива. Вдоль набережной зажигалась желтыми точками цѣпь фонарей. Закрывались свѣтлые четырехугольники магазиновъ. Легкими черными силуэтами медленно двигались по улицамъ и по тротуару люди...

И вотъ, не знаю кто, кажется, мальчишки, игравшіе наверху у Генуэзской башни, принесли извѣстіе, что съ моря завернулъ и идетъ къ бухтѣ какой-то пароходъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все коренное мужское населеніе было на набережной. Извѣстно, что грекъ — всегда грекъ и, значитъ, прежде всего, любопытенъ. Правда, въ балаклавскихъ грекахъ чувствуется, кромѣ примѣси позднѣйшей генуэзской крови, и еще какая-то таинственная, древняя, — почемъ знать — можетъ-быть, даже скиѳская кровь — кровь первобытныхъ обитателей этого разбойничьяго и рыбачьяго гнѣзда. Среди нихъ увидишь много рослыхъ, сильныхъ и самоувѣренныхъ фи-

гуръ; попадаются правильныя, благородныя лица; нерѣдко встрѣчаются блондины и даже голубоглазые; балаклавцы не жадны, не услужливы, держатся съ достоинствомъ, въ морѣ отважны, хотя и безъ нелѣпаго риска, хорошіе товарищи и крѣпко исполняютъ данное слово. Положительно это—особая, исключительная порода грековъ, сохранившаяся, главнымъ образомъ, потому, что ихъ предки чуть не сотнями поколѣній родились, жили и умирали въ своемъ городишкѣ, заключая браки лишь между сосѣдями. Однако надо сознаться, что греки-колонизаторы оставили въ ихъ душахъ самую свою типичную черту, которой они отличались еще при Периклѣ—любопытство и страсть къ новостямъ.

Медленно, сначала показавшись лишь передовымъ крошечнымъ огонькомъ изъ-за крутого загиба бухты, вплывалъ пароходъ въ заливъ. Издали въ густой теплой темнотѣ ночи не было видно его очертаній, но высокіе огни на мачтахъ, сигнальные огни на мостикѣ и рядъ круглыхъ свѣтящихся иллюминаторовъ вдоль борта позволяли догадываться о его размѣрахъ и формахъ. Въ виду сотенъ лодокъ и баркасовъ, стоявшихъ вдоль набережной, онъ едва замѣтно подвигался къ берегу, съ той внимательной и громоздкой осторожностью, съ какой большой и сильный человѣкъ проходитъ сквозь дѣтскую комнату, заставленную хрупкими игрушками.

Рыбаки дѣлали предположенія. Многіе изъ нихъ плавали раньше на судахъ коммерческаго, а чаще военнаго флота.

— Что̀ ты мнѣ будешь говорить? Развѣ я не вижу? Конечно — грузовой Русскаго Общества.

— Нѣтъ, это не русскій пароходъ.

— Вѣрно, испортилось что-нибудь въ машинѣ, зашелъ чиниться.

— Можетъ-быть, военное судно?

— Скажешь!

Одинъ Коля Констанди, долго плававшій на канонерской лодкѣ по Черному и Средиземному морямъ, угадалъ вѣрно, сказавъ, что пароходъ итальянскій. И то угадалъ онъ это только тогда, когда пароходъ совсѣмъ близко, саженъ на 10, подошелъ къ берегу, и можно было разсмотрѣть его облинявшіе, облупленные борта, съ грязными потеками изъ люковъ, и разношерстную команду на палубѣ.

Съ парохода взвился спиралью конецъ каната и, змѣей развертываясь въ воздухѣ, полетѣлъ на головы зрителей. Всѣмъ извѣстно, что ловко забросить конецъ съ судна и ловко поймать его на берегу—считается первымъ условіемъ своеобразнаго морского шика. Молодой Апостолиди, не выпуская изо рта папироски, съ такимъ видомъ, точно онъ сегодня продѣлываетъ это въ сотый разъ, поймалъ конецъ на лету и тутъ же небрежно, но увѣренно замоталъ его вокругъ одной изъ двухъ чугунныхъ пушекъ, которыя съ незапамятныхъ временъ стоятъ на набережной, врытыя стоймя въ землю.

Отъ парохода отошла лодка. Три итальянца выскочили изъ нея на берегъ и завозились около канатовъ. На одномъ изъ нихъ былъ суконный беретъ, на другомъ—картузъ съ прямымъ четырехугольнымъ козырькомъ, на третьемъ—какой-то вязаный колпакъ. Всѣ они были маленькіе крѣпыши, проворные, цѣпкіе и ловкіе, какъ обезьяны. Они безцеремонно расталкивали плечами толпу, тараторили что-то на своемъ быстромъ, пѣвучемъ и нѣжномъ генуэзскомъ нарѣчіи и перекрикивались съ пароходомъ. Все время на ихъ загорѣлыхъ лицахъ смѣялись дружелюбно и фамильярно большіе черные глаза и сверкали бѣлые молодые зубы.

— Бона сера... итальяно... маринаро! — одобрительно сказалъ Коля.

— Oh! Bona sera, signore!—весело, разомъ отозвались итальянцы.

Загремѣла съ визгомъ якорная цѣпь. Забурлило и заклокотало что-то внутри парохода. Погасли огни въ иллюминаторахъ. Черезъ полчаса итальянскихъ матросовъ спустили на берегъ.

Итальянцы—всѣ какъ на подборъ низкорослые, черноличые и молодые—оказались общительными и веселыми молодцами. Съ какой-то легкой, плѣнительной развязностью заигрывали они въ этотъ вечеръ въ пивныхъ залахъ и въ винныхъ погребкахъ съ рыбаками. Но балаклавцы встрѣтили ихъ сухо и сдержанно. Можетъ-быть, они хотѣли дать понять этимъ чужимъ морякамъ, что заходъ иностраннаго судна въ бухту вовсе былъ для нихъ не въ рѣдкость, что это случается ежедневно, и, стало-быть, нечего тутъ особенно удивляться и радоваться. Можетъ-быть, въ нихъ говорилъ маленькій мѣстный патріотизмъ?

И—ахъ!—нехорошо они въ этотъ вечеръ подшутили надъ славными, веселыми итальянцами, когда тѣ, въ своей милой международной довѣрчивости, тыкали пальцами въ хлѣбъ, вино, сыръ и въ другіе предметы и спрашивали ихъ названія по-русски, скаля ласково свои чудные зубы. Такимъ словамъ научили хозяева своихъ гостей, что каждый разъ потомъ, когда генуэзцы въ магазинѣ или на базарѣ пробовали объясняться по-русски, то приказчики падали отъ хохота на свои прилавки, а женщины стремглавъ бросались бѣжать куда попало, закрывая отъ стыда головы платками.

И въ тотъ же вечеръ—Богъ вѣсть какимъ путемъ, точно по невидимымъ электрическимъ проводамъ — облетѣлъ весь городъ слухъ, что итальянцы пришли нарочно для того, чтобы поднять затонувшій фрегатъ «Black Prince» вмѣстѣ съ его золотомъ, и что ихъ работа продолжится цѣлую зиму.

IV.

Въ успѣшность такого предпріятія никто въ Балаклавѣ не вѣрилъ. Прежде всего, конечно, надъ морскимъ кладомъ лежало таинственное заклятіе. Замшѣлые, древніе, бѣлые, согбенные старцы разсказывали о томъ, что и прежде дѣлались попытки добыть со дна англійское золото; пріѣзжали и сами англичане и какіе-то фантастическіе американцы, ухлопывали пропасть денегъ и уѣзжали изъ Балаклавы ни съ чѣмъ. Да и что могли подѣлать какіе-нибудь англичане или американцы, если даже легендарные, прежніе, героическіе балаклавцы потерпѣли здѣсь неудачу? Само собой разумѣется, что прежде и погоды были не такія, и уловы рыбы, и баркасы, и паруса, и люди были совсѣмъ не такіе, какъ теперешняя мелюзга. Былъ нѣкогда миѳическій Спиро. Онъ могъ опуститься на любую глубину и пробыть подъ водой четверть часа. Такъ вотъ этотъ Спиро, зажавъ между ногами камень въ три пуда вѣсомъ, опускался у Бѣлыхъ Камней на глубину 40 саженъ, на дно, гдѣ покоятся останки затонувшей эскадры. И Спиро все видѣлъ: и корабль и золото, но взять оттуда съ собой не могъ... не пускаетъ.

— Вотъ бы Сашка Комиссіонеръ попробовалъ, — лукаво замѣчалъ кто-нибудь изъ слушателей. — Онъ у насъ первый ныряльщикъ.

И всѣ кругомъ смѣялись, и болѣе другихъ смѣялся во весь свой гордый, прекрасный ротъ самъ Сашка Аргириди, или Сашка Комиссіонеръ, какъ его называютъ.

Этотъ парень — голубоглазый красавецъ съ твердымъ античнымъ профилемъ — въ сущности, первый лѣнтяй, плутъ и шутъ на всемъ крымскомъ побережьѣ. Его прозвали комиссіонеромъ за то, что иногда въ разгарѣ сезона онъ возьметъ и пришьетъ себѣ на ободокъ картуза

пару золотыхъ позументовъ и самовольно усядется на стулѣ гдѣ-нибудь поблизости гостиницы, прямо на улицѣ. Случается, что къ нему обратятся съ вопросомъ какіе-нибудь легкомысленные туристы, и тутъ ужъ имъ никакъ не отлѣпиться отъ Сашки. Онъ мыкаетъ ихъ по горамъ, по задворкамъ, по виноградникамъ, по кладбищамъ, вретъ имъ съ невѣроятной дерзостью, забѣжитъ на минуту въ чей-нибудь дворъ, наскоро разобьетъ въ мелкіе куски обломокъ стараго печного горшка и потомъ «какъ слоновъ» уговариваетъ ошалѣвшихъ путешественниковъ купить по случаю эти черепки—остатокъ древней греческой вазы, которая была сдѣлана еще до Рождества Христова... или суетъ имъ въ носъ обыкновенный овальный и тонкій голышъ съ провернутой вверху дыркой, изъ тѣхъ, что рыбаки употребляютъ какъ грузило для сѣтей, и увѣряетъ, что ни одинъ греческій морякъ не выйдетъ въ море безъ такого талисмана, освященнаго у раки Николая Угодника и спасающаго отъ бури.

Но самый лучшій его номеръ—подводный. Катая простодушную публику по заливу и наслушавшись вдоволь, какъ она поетъ «Нелюдимо наше море» и «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», онъ искусно и незамѣтно заводитъ рѣчь о затонувшей эскадрѣ, о сказочномъ Спиро и вообще о ныряніи. Но четверть часа подъ водой — это даже самымъ довѣрчивымъ пассажирамъ кажется враньемъ, да еще при этомъ спеціально-греческимъ враньемъ. Ну, двѣ-три минуты это еще куда ни шло, это можно, пожалуй, допустить... но пятнадцать!.. Сашка задѣтъ за живое... Сашка обиженъ въ своемъ національномъ самолюбіи... Сашка хмурится... Наконецъ, если ему не вѣрятъ, онъ самъ лично можетъ доказать, и даже сейчасъ, сію минуту, что онъ, Сашка, нырнетъ и пробудетъ подъ водой ровно десять минутъ.

— Правда, это трудно, — говоритъ онъ не безъ мрач-

пости. — Вечеромъ у меня будетъ итти кровь изъ ушей и изъ глазъ... Но я никому не позволю говорить, что Сашка Аргириди хвастунъ.

Его уговариваютъ, удерживаютъ, но ничто ужъ теперь не помогаетъ, разъ человѣкъ оскорбленъ въ своихъ лучшихъ чувствахъ. Онъ быстро, сердито срываетъ съ себя пиджакъ и панталоны, мгновенно раздѣвается, заставляя дамъ отворачиваться и заслоняться зонтиками, и—бухъ—съ шумомъ и брызгами летитъ внизъ головой въ воду, не забывъ однако предварительно однимъ угломъ глаза разсчитать разстояніе до недалекой мужской купальни.

Сашка дѣйствительно прекрасный пловецъ и нырокъ. Бросившись на одну сторону лодки, онъ тотчасъ же глубоко въ водѣ заворачиваетъ подъ килемъ и по дну плыветъ прямехонько въ купальню. И въ то время, когда на лодкѣ подымается общая тревога, взаимные упреки, аханье и всякая безтолочь, онъ сидитъ въ купальнѣ на ступенькѣ и торопливо докуриваетъ чей-нибудь папиросный окурокъ. И такимъ же путемъ совершенно неожиданно Сашка выскакиваетъ изъ воды у самой лодки, искусственно выпучивъ глаза и задыхаясь, къ общему облегченію и восторгу.

Конечно, ему перепадаетъ за эти фокусы кое-какая мелочишка. Но надо сказать, что руководитъ Сашкой въ его продѣлкахъ вовсе не алчность къ деньгамъ, а мальчишеская, безумная, веселая проказливость.

V.

Итальянцы ни отъ кого не скрывали цѣли своего пріѣзда: они дѣйствительно пришли въ Балаклаву съ тѣмъ, чтобы попытаться изслѣдовать мѣсто крушенія и — если обстоятельства позволятъ — поднять со дна все наиболѣе цѣнное, — главнымъ образомъ, конечно, легендарное

золото. Всей экспедиціей руководилъ инженеръ Джузеппе Рестуччи — изобрѣтатель особаго подводнаго аппарата, высокій, пожилой, молчаливый человѣкъ, всегда одѣтый въ сѣрое, съ сѣрымъ длиннымъ лицомъ и почти сѣдыми волосами, съ бѣльмомъ на одномъ глазу, — въ общемъ гораздо больше похожій на англичанина, чѣмъ на итальянца. Онъ поселился въ гостиницѣ на набережной и по вечерамъ, когда къ нему кое-кто приходилъ посидѣть, гостепріимно угощалъ виномъ Кіанти и стихами своего любимаго поэта Стекетти.

«Женская любовь точно уголь, который, когда пламенѣетъ, то жжется, а холодный — грязнитъ!»

И хотя онъ это все говорилъ по-итальянски, своимъ сладкимъ и пѣвучимъ генуэзскимъ акцентомъ, но и безъ перевода смыслъ стиховъ былъ ясенъ, благодаря его необыкновенно-выразительнымъ жестамъ: съ такимъ видомъ внезапной боли онъ отдергивалъ руку, обожженную воображаемымъ огнемъ — и съ такой гримасой брезгливаго отвращенія онъ отбрасывалъ отъ себя холодный уголь.

Былъ еще на суднѣ капитанъ и двое его младшихъ помощниковъ. Но самымъ замѣчательнымъ лицомъ изъ экипажа былъ, конечно, водолазъ — il palambaro — славный генуэзецъ по имени Сальваторе Трама.

На его большомъ, кругломъ, темно-бронзовомъ лицѣ, испещренномъ, точно отъ обжога порохомъ, черными крапинками, проступали синими змѣйками напряженныя вены. Онъ былъ невысокъ ростомъ, но, благодаря необычайному объему грудной клѣтки, ширинѣ плечъ и массивности могучей шеи, производилъ впечатлѣніе чрезмѣрно толстаго человѣка. Когда онъ своей лѣнивой походкой, заложивъ руки въ брючные карманы и широко разставляя короткія ноги, проходилъ серединой набережной улицы, то издали казался совсѣмъ одинаковыхъ размѣровъ, какъ въ высоту, такъ и въ ширину.

Сальваторе Трама былъ привѣтливый, лѣниво-веселый, довѣрчивый человѣкъ, съ наклонностью къ апоплексическому удару. Странныя, диковинныя вещи разсказывалъ онъ иногда о своихъ подводныхъ впечатлѣніяхъ.

Однажды, во время работы въ Бискайскомъ заливѣ, ему пришлось опуститься на дно, на глубину болѣе 20 саженъ. Внезапно онъ замѣтилъ, что на него, среди зеленоватаго подводнаго сумрака, надвинулась сверху какая-то огромная, медленно плывущая тѣнь. Потомъ тѣнь остановилась. Сквозь круглое стекло водолазнаго шлема Сальваторе увидѣлъ, что надъ нимъ, въ аршинѣ надъ его головой, стоитъ, шевеля волнообразно краями своего круглаго и плоскаго, какъ у камбалы, тѣла, гигантскій электрическій скатъ, сажени въ двѣ діаметромъ, — вотъ въ эту комнату! — какъ сказалъ Трама. Одного прикосновенія его двойного хвоста къ тѣлу водолаза достаточно было бы для того, чтобы умертвить храбраго Трама электрическимъ разрядомъ страшной силы. И эти двѣ минуты ожиданія, пока чудовище, точно раздумавъ, медленно поплыло дальше, колыхаясь извилисто своими тонкими боками, Трама считаетъ самыми жуткими во всей своей тяжелой и опасной жизни.

Разсказывалъ онъ также о своихъ встрѣчахъ подъ водой съ мертвыми матросами, брошенными за бортъ съ корабля. Вопреки тяжести, привязанной къ ихъ ногамъ, они, вслѣдствіе разложенія тѣла, попадаютъ неизбѣжно въ полосу воды такой плотности, что не идутъ уже больше ко дну, но и не подымаются вверхъ, а, стоя, странствуютъ въ водѣ, влекомые тихимъ теченіемъ, съ ядромъ, висящимъ на ногахъ.

Еще передавалъ Трама о таинственномъ случаѣ, приключившемся съ другимъ водолазомъ, его родственникомъ и учителемъ. Это былъ старый, крѣпкій, хладнокровный и отважный человѣкъ, обшарившій морское дно

на побережьяхъ чуть ли не всего земного шара. Свое исключительное и опасное ремесло онъ любилъ всей душой, какъ, впрочемъ, любилъ его каждый настоящій водолазъ.

Однажды этотъ человѣкъ, работая надъ прокладкой телеграфнаго подводнаго кабеля, долженъ былъ опуститься на дно, на сравнительно небольшую глубину. Но едва только онъ достигъ ногами почвы и сигнализировалъ объ этомъ наверхъ веревкой, какъ сейчасъ же на лодкѣ уловили его новый тревожный сигналъ: «Подымайте наверхъ! Нахожусь въ опасности!»

Когда его поспѣшно вытащили и быстро отвинтили мѣдный шлемъ отъ скафандра, то всѣхъ поразило выраженіе ужаса, исказившее его блѣдное лицо и заставившее побѣлѣть его глаза.

Водолаза раздѣли, напоили коньякомъ, старались его успокоить. Онъ долго не могъ выговорить ни слова, такъ сильно стучали его челюсти одна о другую. Наконецъ, придя въ себя, онъ сказалъ:

— Баста! Больше никогда не опущусь. Я видѣлъ...

Но такъ до конца своихъ дней онъ никому не сказалъ, какое впечатлѣніе или какая галлюцинація такъ сильно потрясла его душу. Если объ этомъ начинали разговаривать, онъ сердито замолкалъ и тотчасъ же покидалъ компанію. И въ море онъ дѣйствительно больше не опускался ни одного раза...

VI.

Матросовъ на «Genova» было человѣкъ пятнадцать. Жили они всѣ на пароходѣ, а на берегъ съѣзжали сравнительно рѣдко. Съ балаклавскими рыбаками отношенія у нихъ такъ и остались отдаленными и вѣжливо-холодными. Только изрѣдка Коля Констанди бросалъ имъ добродушное привѣтствіе:

— Бона джіорна, синьоры. Вино россо...

Должно-быть, очень скучно приходилось въ Балаклавѣ этимъ молодымъ, веселымъ южнымъ молодчикамъ, которые раньше побывали и въ Ріо-Жанейро, и на Мадагаскарѣ, и въ Ирландіи, и у береговъ Африки, и во многихъ шумныхъ портахъ европейскаго материка. Въ морѣ—постоянная опасность и напряженіе всѣхъ силъ, а на сушѣ—вино, женщины, пѣсня, танцы и хорошая драка—вотъ жизнь настоящаго матроса. А Балаклава всего-навсего маленькій, тихонькій уголокъ, узенькая щелочка голубого залива среди голыхъ скалъ, облѣпленныхъ нѣсколькими десятками домишекъ. Вино здѣсь кислое и крѣпкое, а женщинъ и совсѣмъ нѣтъ для развлеченія браваго матроса. Балаклавскія жены и дочери ведутъ замкнутый и цѣломудренный образъ жизни, позволяя себѣ только одно невинное развлеченіе — посудачить съ сосѣдками у фонтана въ то время, когда ихъ кувшины наполняются водою. Даже свои, близкіе мужчины какъ-то избѣгаютъ ходить въ гости въ знакомыя семьи, а предпочитаютъ видѣться въ кофейнѣ или на пристани.

Однажды, впрочемъ, рыбаки оказали итальянцамъ небольшую услугу. При пароходѣ «Genova» былъ маленькій паровой катеръ со старенькой, очень слабосильной машиной. Нѣсколько матросовъ, подъ командой помощника капитана, вышли какъ-то въ открытое море на этомъ катерѣ. Но, какъ это часто бываетъ на Черномъ морѣ, внезапно сорвавшійся, Богъ вѣсть откуда, вѣтеръ подулъ отъ берега и сталъ уносить катеръ въ море съ постепенно возрастающей скоростью. Итальянцы долго не хотѣли сдаваться: около часа они боролись съ вѣтромъ и волной, и, правда, страшно было въ это время смотрѣть со скалы, какъ маленькая дымящаяся скорлупка то показывалась на бѣлыхъ гребняхъ, то совсѣмъ исчезала, точно проваливалась между волнъ. Катеръ не могъ одолѣть вѣтра,

и его относило все дальше и дальше отъ берега. Наконецъ-то сверху, съ генуэзской крѣпости замѣтили бѣлую тряпку, поднятую на дымовой трубѣ—сигналъ: «Терплю бѣдствіе». Тотчасъ же два лучшихъ балаклавскихъ баркаса, «Слава Россіи» и «Свѣтлана», подняли паруса и вышли на помощь катеру.

Черезъ два часа они привели его на буксирѣ. Итальянцы были немного сконфужены и довольно принужденно шутили надъ своимъ положеніемъ. Шутили и рыбаки, но видъ у нихъ былъ все-таки покровительственный.

Иногда при ловлѣ камбалы или бѣлуги рыбакамъ случалось вытаскивать на крючкѣ морского кота—тоже видъ электрическаго ската. Прежде рыбакъ, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, отцѣплялъ эту гадину отъ крючка и выбрасывалъ за бортъ. Но кто-то, — должно-быть, тотъ же знатокъ итальянскаго языка, Коля — пустилъ слухъ, что для итальянцевъ вообще морской котъ составляетъ первое лакомство. И съ тѣхъ поръ часто, возвращаясь съ ловли и проходя мимо парохода, какой-нибудь рыбакъ кричалъ:

— Эй, итальяно, синьоро! Вотъ вамъ на закуску!..

И круглый, плоскій скатъ летѣлъ темнымъ кругомъ по воздуху и сочно шлепался о палубу. Итальянцы смѣялись, показывая свои великолѣпные зубы, добродушно кивали головами и что-то бормотали по-своему. Почемъ знать, можетъ-быть, они сами думали, что морской котъ считается лучшимъ мѣстнымъ деликатесомъ, и не хотѣли обижать добрыхъ балаклавцевъ отказомъ...

VII.

Недѣли черезъ двѣ по пріѣздѣ итальянцы собрали и спустили на воду большой паромъ, на которомъ установили паровую и воздуходувныя машины. Длинный кранъ

лебедки, какъ гигантское удилище, наклонно воздвигался надъ паромомъ. Въ одно изъ воскресеній Сальваторе Трама впервые спускался подъ воду въ заливѣ. На немъ былъ обыкновенный сѣрый резиновый водолазный костюмъ, дѣлавшій его еще шире, чѣмъ обыкновенно, башмаки съ свинцовыми подметками на ногахъ, желѣзная манишка на груди, круглый мѣдный шаръ, скрывавшій голову. Съ полчаса онъ ходилъ по дну бухты, и путь его отмѣчался массой воздушныхъ пузырьковъ, которые вскипали надъ нимъ на поверхности воды. А спустя недѣлю вся Балаклава узнала, что назавтра водолазъ будетъ опускаться уже у самыхъ Бѣлыхъ Камней, на глубину сорока саженъ. И когда на другой день маленькій жалкій катеръ повелъ паромъ къ выходу изъ бухты, то у Бѣлыхъ Камней уже дожидались почти всѣ рыбачьи баркасы, стоявшіе въ бухтѣ.

Сущность изобрѣтенія г. Рестуччи именно въ томъ и заключалась, чтобы дать возможность водолазу опускаться на такую глубину, на которой человѣка въ обыкновенномъ скафандрѣ сплющило бы страшнымъ давленіемъ воды. И, надо отдать справедливость балаклавцамъ, они не безъ волненія и, во всякомъ случаѣ, съ чувствомъ настоящаго мужественнаго уваженія, глядѣли на приготовленія къ спуску, которыя совершались передъ ихъ глазами. Прежде всего паровой кранъ поднялъ и поставилъ стоймя странный футляръ, отдаленно напоминавшій человѣческую фигуру, безъ головы и безъ рукъ, футляръ, сдѣланный изъ толстой красной мѣди, покрытой снаружи голубой эмалью. Потомъ этотъ футляръ раскрыли, какъ раскрыли бы гигантскій портсигаръ, въ который нужно помѣстить, точно сигару, человѣческое тѣло. Сальваторе Трама, покуривая папиросу, спокойно глядѣлъ на эти приготовленія, лѣниво посмѣивался, изрѣдка бросалъ небрежныя замѣчанія. Потомъ швырнулъ окурокъ

за бортъ, съ развальцемъ подошелъ къ футляру и бокомъ втиснулся въ него. Надъ водолазомъ довольно долго возились, устанавливая всевозможныя приспособленія, и надо сказать, что когда все было окончено, то онъ представлялъ собою довольно-таки страшное зрѣлище. Снаружи свободными оставались только руки, все тѣло вмѣстѣ съ неподвижными ногами было заключено въ сплошной голубой эмалевый гробъ громадной тяжести; голубой огромный шаръ, съ тремя стеклами — переднимъ и двумя боковыми — и съ электрическимъ фонаремъ на лбу, скрывалъ его голову; подъемный канатъ, каучуковая трубка для воздуха, сигнальная веревка, телефонная проволока и освѣтительный проводъ, казалось, опутывали весь снарядъ и дѣлали еще болѣе необычайной и жуткой эту мертвую, голубую, массивную мумію съ живыми человѣческими руками.

Раздался сигналъ паровой машины, послышался грохотъ цѣпей. Странный голубой предметъ отдѣлился отъ палубы парома, потомъ плавно, слегка закручиваясь по вертикальной оси, проплылъ въ воздухѣ и медленно, страшно медленно, сталъ опускаться за бортъ. Вотъ онъ коснулся поверхности воды, погрузился по колѣна, до пояса, по плечи... Вотъ скрылась голова, наконецъ ничего не видно, кромѣ медленно ползущаго внизъ стального каната. Балаклавскіе рыбаки переглядываются и молча, съ серьезнымъ видомъ покачиваютъ головами...

Инженеръ Рестуччи у телефоннаго аппарата. Время отъ времени онъ бросаетъ короткія приказанія машинисту, регулирующему ходъ каната. Кругомъ на лодкахъ полная, глубокая тишина—слышенъ только свистъ машины, накачивающей воздухъ, погромыхиваніе шестеренъ, визгъ стального троса на блокѣ и отрывистыя слова инженера. Всѣ глаза устремлены на то мѣсто, гдѣ недавно исчезла уродливая, шарообразная, страшная голова.

Спускъ продолжается мучительно долго. Больше часа. Но вотъ Рестуччи оживляется, нѣсколько разъ переспрашиваетъ что-то въ телефонную трубку и вдругъ кидаетъ короткую команду:

— Стопъ!..

Теперь всѣ зрители понимаютъ, что водолазъ дошелъ до дна, и всѣ вздыхаютъ, точно съ облегченіемъ. Самое страшное окончилось...

Втиснутый въ металлическій футляръ, имѣя свободными только руки, Трама былъ лишенъ возможности передвигаться по дну собственными средствами. Онъ только приказывалъ по телефону, чтобы его перемѣщали вмѣстѣ съ паромомъ впередъ, передвигали лебедкой въ стороны, поднимали вверхъ и опускали. Не отрываясь отъ телефонной трубки, Рестуччи повторялъ его приказанія спокойно и повелительно, и казалось, что паромъ, лебедка и всѣ машины приводились въ движеніе волей невидимаго, таинственнаго подводнаго человѣка.

Черезъ двадцать минутъ Сальваторе Трама далъ сигналъ къ подниманію. Такъ же медленно его вытащили на поверхность, и когда онъ опять повисъ въ воздухѣ, то производилъ странное впечатлѣніе какого-то грознаго и безпомощнаго голубого животнаго, извлеченнаго чудомъ изъ морской бездны.

Установили аппаратъ на палубѣ. Матросы быстрыми привычными движеніями сняли шлемъ и распаковали футляръ. Трама вышелъ изъ него въ поту, задыхаясь, съ лицомъ почти чернымъ отъ прилива крови. Видно было, что онъ хотѣлъ улыбнуться, но у него вышла только страдальческая, измученная гримаса. Рыбаки въ лодкахъ почтительно молчали и только въ знакъ удивленія покачивали головами и, по греческому обычаю, значительно почмокивали языкомъ.

Черезъ часъ всей Балаклавѣ стало извѣстно все, что

видѣлъ водолазъ на днѣ моря, у Бѣлыхъ Камней. Большинство кораблей было такъ занесено иломъ и всякимъ соромъ, что не было надежды на ихъ поднятіе, а отъ трехмачтоваго фрегата съ золотомъ, засосаннаго дномъ, торчитъ наружу только кусочекъ кормы, съ остаткомъ мѣдной позеленѣвшей надписи: ....ck Pr...

Трама разсказывалъ также, что вокругъ затонувшей эскадры онъ видѣлъ множество оборванныхъ рыбачьихъ якорей, и это извѣстіе умилило рыбаковъ, потому что каждому изъ нихъ, навѣрное, хоть разъ въ жизни пришлось оставить здѣсь свой якорь, который заѣло въ камняхъ и обломкахъ...

VIII.

Но и балаклавскимъ рыбакамъ удалось однажды поразить итальянцевъ необыкновеннымъ и въ своемъ родѣ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Это было 6-го января, въ день Крещенія Господня, — день, который справляется въ Балаклавѣ совсѣмъ особеннымъ образомъ.

Къ этому времени итальянскіе водолазы уже окончательно убѣдились въ безплодности дальнѣйшихъ работъ по поднятію эскадры. Имъ оставалось всего лишь нѣсколько дней до отплытія домой, въ милую, родную, веселую Геную, и они торопливо приводили въ порядокъ пароходъ, чистили и мыли палубу, разбирали машины.

Видъ церковной процессіи, духовенство въ золотыхъ ризахъ, хоругви, кресты и образа, церковное пѣніе — все это привлекло ихъ вниманіе, и они стояли вдоль борта, облокотившись на перила.

Духовенство взошло на помостъ деревянной пристани. Сзади густо тѣснились женщины, старики и дѣти, а молодежь въ лодкахъ на заливѣ тѣснымъ полукругомъ опоясала пристань.

Былъ солнечный, прозрачный и холодный день; выпавшій за ночь снѣгъ нѣжно лежалъ на улицахъ, на крышахъ и на плѣшивыхъ бурыхъ горахъ, а вода въ заливѣ синѣла, какъ аметистъ, и небо было голубое, праздничное, улыбающееся. Молодые рыбаки въ лодкахъ были одѣты только для приличія въ одно исподнее бѣлье, иные же были голы до пояса. Всѣ они дрожали отъ холода, ежились, потирали озябшія руки и груди. Стройно и необычно сладостно неслось пѣніе хора по неподвижной глади воды

«Во Іорданѣ крещающуся...» — тонко и фальшиво запѣлъ священникъ, и высоко поднятый крестъ заблестѣлъ въ его рукахъ бѣлымъ металломъ... Наступилъ самый серьезный моментъ. Молодые рыбаки стояли каждый на носу своего баркаса, всѣ полураздѣтые, наклоняясь впередъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

Во второй разъ пропѣлъ священникъ, и хоръ подхватилъ стройно и радостно «Во Іорданѣ». Наконецъ въ третій разъ поднялся крестъ надъ толпой и вдругъ, брошенный рукой священника, полетѣлъ, описывая блестящую дугу въ воздухѣ, и звонко упалъ въ море.

Въ тотъ же моментъ со всѣхъ баркасовъ съ плескомъ и криками ринулись въ воду, внизъ головами, десятки крѣпкихъ, мускулистыхъ тѣлъ. Прошло секунды три-четыре. Пустыя лодки покачивались, кланяясь. Взбудораженная вода ходила взадъ и впередъ... Потомъ одна за другой начали показываться надъ водою мотающіяся фыркающія головы, съ волосами, падающими на глаза. Позднѣе другихъ вынырнулъ съ крестомъ въ рукѣ молодой Яни Липіади.

Веселые итальянцы не могли сохранить надлежащей серьезности при видѣ этого необыкновеннаго, освященнаго сѣдой древностью, полуспортивнаго, полурелигіознаго обряда. Они встрѣтили побѣдителя такими друж-

ными аплодисментами, что даже добродушный батюшка укоризненно покачалъ головою:

— Нехорошо... И очень нехорошо. Что̀ это имъ — театральное представленіе?..

Ослѣпительно блестѣлъ снѣгъ, ласково синѣла вода, золотомъ солнце обливало заливъ, горы и людей. И крѣпко, густо, могущественно пахло моремъ. Хорошо!

VIII.

Бѣшеное вино.

Въ Балаклавѣ конецъ сентября просто очарователенъ. Вода въ заливѣ похолодѣла; дни стоятъ ясные, тихіе, съ чудесной свѣжестью и крѣпкимъ морскимъ запахомъ по утрамъ, съ синимъ безоблачнымъ небомъ, уходящимъ Богъ знаетъ въ какую высоту, съ золотомъ и пурпуромъ на деревьяхъ, съ безмолвными черными ночами. Курортные гости — шумные, больные, эгоистичные, праздные и вздорные—разъѣхались, кто куда — на сѣверъ, къ себѣ по домамъ. Виноградный сезонъ окончился.

Къ этому-то сроку и поспѣваетъ бѣшеное вино.

Почти у каждаго грека, славнаго капитана-листригона, есть хоть крошечный кусочекъ виноградника,—тамъ, наверху, въ горахъ, въ окрестностяхъ итальянскаго кладбища, гдѣ скромнымъ бѣлымъ памятникомъ увѣнчаны могилы нѣсколькихъ сотенъ безвѣстныхъ иноземныхъ храбрецовъ. Виноградники запущены, одичали, разрослись, ягоды выродились, измельчали. Пять-шесть хозяевъ, правда, выводятъ и поддерживаютъ дорогіе сорта, въ родѣ «чаусъ», «шашля» или «Наполеонъ», продавая ихъ за цѣлебные курортной публикѣ (впрочемъ, въ Крыму въ лѣтній и осенній сезоны — все цѣлебное: цѣлебный виноградъ, цѣ-

лебные цыплята, цѣлебныя чадры, цѣлебныя туфли, кизиловыя палки и раковины, продаваемыя морщинистыми лукавыми татарами и важными, бронзовыми, грязными персами). Остальные владѣльцы ходятъ въ свой виноградникъ—или, какъ здѣсь говорятъ, «въ садъ»—только два раза въ годъ: въ началѣ осени—для сбора ягодъ, а въ концѣ — для обрѣзки, производимой самымъ варварскимъ образомъ.

Теперь времена измѣнились: нравы пали, и люди обѣднѣли, рыба ушла куда-то въ Трапезондъ, оскудѣла природа. Теперь потомки отважныхъ листригоновъ, легендарныхъ разбойниковъ-рыболововъ, катаютъ за пятачокъ по заливу дѣтей и нянекъ и живутъ сдачей своихъ домиковъ внаймы пріѣзжимъ. Прежде виноградъ родился—вотъ какой! — величиною въ дѣтскій кулакъ, и гроздья были по пуду вѣсомъ, а нынче и поглядѣть не на что — ягоды чуть-чуть побольше черной смородины, и нѣтъ въ нихъ прежней силы. Такъ разсуждаютъ между собой старики, сидя въ спокойныя осеннія сумерки около своихъ побѣленныхъ оградъ, на каменныхъ скамьяхъ, вросшихъ въ теченіе столѣтій въ землю. Но старый обычай все-таки сохранился до нашихъ дней. Всякій, кто можетъ, поодиночкѣ или въ складчину, жмутъ и давятъ виноградъ тѣми первобытными способами, къ которымъ, вѣроятно, прибѣгалъ нашъ прародитель Ной или хитроумный Улиссъ, опоившій такого крѣпкаго мужика, какъ Полифемъ. Давятъ прямо ногами, и когда давильщикъ выходитъ изъ чана, то его голыя ноги выше колѣнъ кажутся вымазанными и забрызганными свѣжей кровью. И это дѣлается подъ открытымъ небомъ въ горахъ, среди древняго виноградника, обсаженнаго вокругъ миндальными деревьями и трехстолѣтними грецкими орѣхами.

Часто я гляжу на это зрѣлище, и необычайная, волнующая мечта охватываетъ мою душу. Вотъ на этихъ

самыхъ горахъ три, четыре, а можетъ, и пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, подъ тѣмъ же высокимъ синимъ небомъ и подъ тѣмъ же милымъ краснымъ солнцемъ справлялся всенародно великолѣпный праздникъ Вакха, и тамъ, гдѣ теперь слышится гнусавый теноришка слабогрудаго дачника, уныло скрипящій:

И на могилу приноси
Хоть трижды въ день мнѣ хризанте-е-мы, —

тамъ раздавались безумно-радостные, божественно-пьяные возгласы:

„Эвое! Эванъ! Эвое!“

Вѣдь всего въ четырнадцати верстахъ отъ Балаклавы грозно возвышаются изъ моря красно-коричневые острые обломки мыса Фіолентъ, на которыхъ когда-то стоялъ храмъ богини, требовавшей себѣ человѣческихъ жертвъ! Ахъ, какую странную, глубокую и сладкую власть имѣютъ надъ нашимъ воображеніемъ эти опустѣлыя, изуродованныя мѣста, гдѣ когда-то такъ радостно и легко жили люди, веселые, радостные, свободные и мудрые, какъ звѣри.

Но молодому вину не даютъ не только улежаться, а даже просто осѣсть.

Да его и добывается такъ мало, что оно не стоитъ настоящихъ заботъ. Оно и мѣсяца не постоитъ въ бочкѣ, какъ его уже разливаютъ въ бутылки и несутъ въ городъ. Оно еще бродитъ, оно еще не успѣло опомниться, какъ характерно выражаются винодѣлы: оно мутно и грязновато на свѣтъ, со слабымъ розовымъ или яблочнымъ оттѣнкомъ; но, все равно, пить его легко и пріятно. Оно пахнетъ свѣже-раздавленнымъ виноградомъ и оставляетъ на зубахъ терпкую, кисловатую оскомину.

Зато оно замѣчательно по своимъ послѣдствіямъ. Выпитое въ большомъ количествѣ, молодое вино не хочетъ опомниться и въ желудкѣ и продолжаетъ тамъ таинственный процессъ броженія, начатый еще въ бочкѣ. Оно

заставляетъ людей танцовать, прыгать, болтать безъ удержу, кататься по землѣ, пробовать силу, подымать невѣроятныя тяжести, цѣловаться, плакать, хохотать, врать чудовищныя небылицы. У него есть и еще одно удивительное свойство, какое присуще и китайской водкѣ ханджинъ: если на другой день послѣ попойки выпить поутру стаканъ простой холодной воды, то молодое вино опять начинаетъ бродить, бурлить и играть въ желудкѣ и въ крови, а сумасбродное его дѣйствіе возобновляется съ прежней силой. Оттого-то и называютъ это молодое вино — «бѣшенымъ виномъ».

Балаклавцы — хитрый народъ и къ тому же наученный тысячелѣтнимъ опытомъ: поутру они пьютъ вмѣсто холодной воды то же самое бѣшеное вино. И все мужское коренное населеніе Балаклавы ходитъ недѣли двѣ подъ рядъ пьяное, разгульное, шатающееся, но благодушное и поющее. Кто ихъ осудитъ за это, славныхъ рыбаковъ? Позади — скучное лѣто, съ крикливыми, заносчивыми, требовательными дачниками, впереди — суровая зима, свирѣпые нордъ-осты, ловля бѣлуги за тридцать-сорокъ верстъ отъ берега,—то среди непроглядного тумана, то въ бурю, когда смерть виситъ каждую минуту надъ головой и никто въ баркасѣ не знаетъ, куда ихъ несутъ зыбь, теченіе и вѣтеръ!

По гостямъ, какъ и всегда въ консервативной Балаклавѣ, ходятъ рѣдко. Встрѣчаются въ кофейняхъ, въ столовыхъ и на открытомъ воздухѣ, за городомъ, гдѣ плоско и пестро начинается роскошная Байдарская долина. Каждый радъ похвастаться своимъ молодымъ виномъ, а если его и не хватитъ, то развѣ долго послать какого-нибудь бездомнаго мальчишку къ себѣ на домъ за новой порціей? Жена посердится, побранится, а все-таки пришлетъ двѣ-три четвертныхъ бутыли мутно-желтаго или мутно-розоваго полупрозрачнаго вина.

Кончились запасы — идутъ, куда понесутъ ноги: на ближайшій хуторъ, въ деревню, въ лимонадную лавочку на 9-ю или на 5-ю версту балаклавскаго шоссе. Сядутъ въ кружокъ среди колючихъ ожинковъ кукурузы, хозяинъ вынесетъ вина прямо въ большомъ расширяющемся кверху эмалированномъ ведрѣ съ желѣзной дужкой, по которой ходитъ деревянная муфточка, — а ведро полно верхомъ. Пьютъ чашками, учтиво, съ пожеланіями и непремѣнно — чтобы всѣ разомъ. Одинъ подымаетъ чашку и скажетъ: «стани-ясо», а другіе отвѣчаютъ: «си-ійя».

Потомъ запоютъ. Греческихъ пѣсенъ никто не знаетъ: можетъ-быть, онѣ давно позабыты, можетъ-быть, укромная, молчаливая балаклавская бухта никогда не располагала людей къ пѣнію. Поютъ русскія южныя рыбачьи пѣсни, поютъ въ унисонъ страшными каменными, деревянными, желѣзными голосами, изъ которыхъ каждый старается перекричать другого. Лица краснѣютъ, рты широко раскрыты, жилы вздулись на вспотѣвшихъ лбахъ.

Закипѣла въ морѣ пѣна —
Будетъ, братцы, перемѣна,
Братцы, перемѣна...
Зыбъ за зыбомъ часто ходитъ,
Чуть корабль мой не потонетъ,
Братцы, не потонетъ...
Капитанъ стоитъ на ютѣ,
Старшій боцманъ на шкафутѣ,
Братцы, на шкафу-тѣ.

Выдумываютъ новые и новые предлоги для новой выпивки. Кто-то на-дняхъ купилъ сапоги, ужасные рыбачьи сапоги изъ конской кожи, вѣсомъ по полпуду каждый и длиною до бедеръ. Какъ же не вспрыснуть и не обмочить такую обновку? И опять появляется на сцену синее эмалированное ведро, и опять поютъ пѣсни, похожія на ревъ зимняго урагана въ открытомъ морѣ.

И вдругъ растроганный собственникъ сапогъ воскликнетъ со слезами въ голосѣ:

— Товарищи! Зачѣмъ мнѣ эти сапоги?.. Зима еще далеко... Успѣется... Давайте, пропьемъ ихъ...

А потомъ навернутъ на конецъ нитки катышокъ изъ воска и опускаютъ его въ круглую, точно обточенную дырку норы тарантула, дразня насѣкомое, пока оно не разозлится и не вцѣпится въ воскъ и не завязитъ въ немъ лапъ. Тогда быстрымъ и ловкимъ движеніемъ извлекаютъ насѣкомое наверхъ, на траву. Такъ поймаютъ двухъ крупныхъ тарантуловъ и сведутъ ихъ вмѣстѣ, въ днищѣ какой-нибудь разбитой склянки. Нѣтъ ничего страшнѣе и азартнѣе зрѣлища той драки, которая начинается между этими ядовитыми, многоногими, огромными пауками. Летятъ прочь оторванныя лапы, бѣлая густая жидкость выступаетъ каплями изъ пронзенныхъ яйцевидныхъ, мягкихъ туловищъ. Оба паука стоятъ на заднихъ ногахъ, обнявъ другъ друга передними, и оба стараются ужалить противника ножницами своихъ челюстей въ глазъ или въ голову. И драка эта оттого особенно жутка, что она непремѣнно кончается тѣмъ, что одинъ врагъ умерщвляетъ другого и мгновенно высасываетъ его, оставляя на землѣ жалкій, сморщенный чехолъ. А потомки кровожадныхъ листригоновъ лежатъ звѣздой, на животахъ, головами внутрь, ногами наружу, подперевъ подбородки ладонями, и глядятъ молча, если только не ставятъ пари. Боже мой! Сколько лѣтъ этому ужасному развлеченію, этому самому жестокому изъ всѣхъ человѣческихъ зрѣлищъ!

А вечеромъ мы опять въ кофейной. По заливу плаваютъ лодки съ татарской музыкой: бубенъ и кларнетъ. Гнусаво, однообразно, безконечно-уныло всхлипываетъ незатѣливый, но непередаваемый азіатскій мотивъ... Какъ бѣшеный бьетъ и трепещется бубенъ. Въ темнотѣ не ви-

дать лодокъ. Это кутятъ старики, вѣрные стариннымъ обычаямъ. Зато у насъ въ кофейной свѣтло отъ лампъ «Молнія», и двое музыкантовъ: итальянецъ — гармонія и итальянка — мандолина играютъ и поютъ сладкими, осипшими голосами:

O! Nino, Nino, Marianino.

Я сижу, ослабѣвъ отъ дымнаго чада, отъ крика, отъ пѣнія, отъ молодого вина, которымъ меня потчуютъ со всѣхъ сторонъ. Голова моя горяча и, кажется, пухнетъ и гудитъ. Но въ сердцѣ у меня тихое умиленіе. Съ пріятными слезами на глазахъ я мысленно твержу тѣ слова, которыя такъ часто замѣтишь у рыболововъ на груди или на рукѣ въ видѣ татуировки:

«Боже, храни моряка».

ОЛЕСЯ.

Повѣсть.

I.

Мой слуга, поваръ и спутникъ по охотѣ — полѣсовщикъ Ярмола вошелъ въ комнату, согнувшись подъ вязанкой дровъ, сбросилъ ее съ грохотомъ на полъ и подышалъ на замерзшіе пальцы.

— У, какой вѣтеръ, панычъ, на дворѣ, — сказалъ онъ, садясь на корточки передъ заслонкой. — Нужно хорошо въ грубкѣ протопить. Позвольте запалочку, панычъ.

— Значитъ, завтра на зайцевъ не пойдемъ, а? Какъ ты думаешь, Ярмола?

— Нѣтъ... не можно... слышите, какая завируха. Заяцъ теперь лежитъ и — а ни муръ-муръ... Завтра и одного слѣда не увидите.

Судьба забросила меня на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ глухую деревушку Волынской губерніи, на окраину Полѣсья, и охота была единственнымъ моимъ занятіемъ и удовольствіемъ. Признаюсь, въ то время, когда мнѣ предложили ѣхать въ деревню, я вовсе не думалъ такъ нестерпимо скучать. Я поѣхалъ даже съ радостью. «Полѣсье... глушь... лоно природы... простые нравы... первобытныя натуры, — думалъ я, сидя въ вагонѣ: — совсѣмъ

незнакомый мнѣ народъ, со странными обычаями, своеобразнымъ языкомъ... и ужъ, навѣрно, какое множество поэтическихъ легендъ, преданій и пѣсенъ!» А я въ то время (разсказывать, такъ все разсказывать) ужъ успѣлъ тиснуть въ одной маленькой газеткѣ разсказъ съ двумя убійствами и однимъ самоубійствомъ и зналъ теоретически, что для писателей полезно наблюдать нравы.

Но... или перебродскіе крестьяне отличались какою-то особенной, упорной несообщительностью, или я не умѣлъ взяться за дѣло, — отношенія мои съ ними ограничивались только тѣмъ, что, увидѣвъ меня, они еще издали снимали шапки, а поровнявшись со мной, угрюмо произносили: «гай Бугъ», что̀ должно было обозначать: «помогай Богъ». Когда же я пробовалъ съ ними разговориться, то они глядѣли на меня съ удивленіемъ, отказывались понимать самые простые вопросы и все порывались цѣловать у меня руки — старый обычай, оставшійся отъ польскаго крѣпостничества.

Книжки, какія у меня были, я всѣ очень скоро перечиталъ. Отъ скуки — хотя это сначала казалось мнѣ непріятнымъ — я сдѣлалъ попытку познакомиться съ мѣстной интеллигенціей въ лицѣ ксендза, жившаго за 15 верстъ, находившагося при немъ «пана органиста», мѣстнаго урядника и конторщика сосѣдняго имѣнія изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, но ничего изъ этого не вышло.

Потомъ я пробовалъ заняться лѣченіемъ перебродскихъ жителей. Въ моемъ распоряженіи были: касторовое масло, карболка, борная кислота, іодъ. Но тутъ, помимо моихъ скудныхъ свѣдѣній, я наткнулся на полную невозможность ставить діагнозы, потому что признаки болѣзнѣй у всѣхъ моихъ паціентовъ были всегда одни и тѣ же: «въ серѐдинѣ болитъ» и «ни ѣсть ни пить не можу».

Приходитъ, напримѣръ, ко мнѣ старая баба. Вытеревъ со смущеннымъ видомъ носъ указательнымъ пальцемъ

правой руки, она достаетъ изъ-за пазухи пару яицъ, при чемъ на секунду я вижу ея коричневую кожу, и кладетъ ихъ на столъ. Затѣмъ она начинаетъ ловить мои руки, чтобы запечатлѣть на нихъ поцѣлуй. Я прячу руки и убѣждаю старуху: «Да полно, бабка... оставь... я не попъ... мнѣ этого не полагается... Что̀ у тебя болитъ?»

— Въ серѐдинѣ у меня болитъ, панычу, въ самой, что̀ ни на есть, серѐдинѣ, такъ что даже ни пить ни ѣсть не можу.

— Давно это у тебя сдѣлалось?

— А я знаю? — отвѣчаетъ она также вопросомъ. — Такъ и печетъ, и печетъ. Ни пить ни ѣсть не можу.

И, сколько я ни бьюсь, болѣе опредѣленныхъ признаковъ болѣзни не находится.

— Да вы не безпокойтесь, — посовѣтовалъ мнѣ однажды конторщикъ изъ унтеровъ: — сами вылѣчатся. Присохнетъ, какъ на собакѣ. Я, доложу вамъ, только одно лѣкарство употребляю — нашатырь. Приходитъ ко мнѣ мужикъ. «Что̀ тебѣ?» — «Я, говоритъ, больной»... Сейчасъ же ему подъ носъ склянку нашатырнаго спирту. «Нюхай!»... Нюхаетъ... «Нюхай еще... сильнѣе!»... Нюхаетъ... «Что̀, легче?»—«Якъ будто полегшало»...—«Ну, такъ и ступай съ Богомъ».

Къ тому же мнѣ претило это цѣлованіе рукъ (а иные такъ прямо падали въ ноги и изо всѣхъ силъ стремились облобызать мои сапоги). Здѣсь сказывалось вовсе не движеніе признательнаго сердца, а просто омерзительная привычка, привитая вѣками рабства и насилія. И я только удивлялся тому же самому конторщику изъ унтеровъ и уряднику, глядя, съ какой невозмутимой важностью суютъ они въ губы мужикамъ свои огромныя красныя лапы...

Мнѣ оставалась только охота. Но въ концѣ января

наступила такая погода, что и охотиться стало невозможно. Каждый день дулъ страшный вѣтеръ, а за ночь на снѣгу образовался твердый, льдистый слой наста, по которому заяцъ пробѣгалъ, не оставляя слѣдовъ. Сидя взаперти и прислушиваясь къ вою вѣтра, я тосковалъ страшно. Понятно, я ухватился съ жадностью за такое невинное развлеченіе, какъ обученіе грамотѣ полѣсовщика Ярмолы.

Началось это, впрочемъ, довольно оригинально. Я однажды писалъ письмо и вдругъ почувствовалъ, что кто-то стоитъ за моей спиной. Обернувшись, я увидѣлъ Ярмолу, подошедшаго, какъ и всегда, беззвучно въ своихъ мягкихъ лаптяхъ.

— Что̀ тебѣ, Ярмола? — спросилъ я

— Да вотъ дивлюсь, какъ вы пишете. Вотъ бы мнѣ такъ... Нѣтъ, нѣтъ... не такъ, какъ вы, — смущенно заторопился онъ, видя, что я улыбаюсь. — Мнѣ бы только мое фамиліе...

— Зачѣмъ это тебѣ? — удивился я... (Надо замѣтить, что Ярмола считается самымъ бѣднымъ и самымъ лѣнивымъ мужикомъ во всемъ Перебродѣ; жалованье и свой крестьянскій заработокъ онъ пропиваетъ; такихъ плохихъ воловъ, какъ у него, нѣтъ нигдѣ въ окрестности. По моему мнѣнію, ему-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не могло понадобиться знаніе грамоты). Я еще разъ спросилъ съ сомнѣніемъ: — Для чего же тебѣ надо умѣть писать фамилію?

— А видите, какое дѣло, панычъ, — отвѣтилъ Ярмола необыкновенно мягко: — ни одного грамотнаго нѣтъ у насъ въ деревнѣ. Когда гумагу какую нужно подписать или въ волости дѣло, или что̀... никто не можетъ... Староста печать только кладетъ, а самъ не знаетъ, что̀ въ ней напечатано... То хорошо было бы для всѣхъ, если бы кто умѣлъ расписаться.

Такая заботливость Ярмолы — завѣдомаго браконьера, безпечнаго бродяги, съ мнѣніемъ котораго никогда даже не подумалъ бы считаться сельскій сходъ, — такая заботливость его объ общественномъ интересѣ родного села почему-то растрогала меня. Я самъ предложилъ давать ему уроки. И что же это была за тяжкая работа — всѣ мои попытки выучить его сознательному чтенію и письму! Ярмола, знавшій въ совершенствѣ каждую тропинку своего лѣса, чуть ли не каждое дерево, умѣвшій оріентироваться днемъ и ночью въ какомъ угодно мѣстѣ, различавшій по слѣдамъ всѣхъ окрестныхъ волковъ, зайцевъ и лисицъ, — этотъ самый Ярмола никакъ не могъ представить себѣ, почему, напримѣръ, буквы «м» и «а» вмѣстѣ составляютъ «ма». Обыкновенно надъ такой задачей онъ мучительно раздумывалъ минутъ десять, а то и больше, при чемъ его смуглое, худое лицо съ впалыми черными глазами, все ушедшее въ жесткую черную бороду и большіе усы, выражало крайнюю степень умственнаго напряженія.

— Ну скажи, Ярмола — «ма». Просто только скажи — «ма», — приставалъ я къ нему. — Не гляди на бумагу, гляди на меня, вотъ такъ. Ну, говори — «ма»...

Тогда Ярмола глубоко вздыхалъ, клалъ на столъ указку и произносилъ грустно и рѣшительно:

— Нѣтъ... не могу...

— Какъ же не можешь? Это же вѣдь такъ легко. Скажи просто-напросто — «ма», вотъ какъ я говорю.

— Нѣтъ... не могу, папычъ... забылъ...

Всѣ методы, пріемы и сравненія разбивались объ эту чудовищную непонятливость. Но стремленіе Ярмолы къ просвѣщенію вовсе не ослабѣвало.

— Мнѣ бы только мою фамилію! — застѣнчиво упрашивалъ онъ меня. — Больше ничего не нужно. Только фамилію: Ярмола Попружукъ — и больше ничего.

Отказавшись окончательно отъ мысли выучить его разумному чтенію и письму, я сталъ учить его подписываться механически. Къ моему великому удивленію, этотъ способъ оказался наиболѣе доступнымъ Ярмолѣ, такъ что къ концу второго мѣсяца мы уже почти осилили фамилію. Что̀ же касается до имени, то его, въ виду облегченія задачи, мы рѣшили совсѣмъ отбросить.

По вечерамъ, окончивъ топку печей, Ярмола съ нетерпѣніемъ дожидался, когда я позову его.

— Ну, Ярмола, давай учиться, — говорилъ я.

Онъ бокомъ подходилъ къ столу, облокачивался на него локтями, просовывалъ между своими черными, закорузлыми, несгибающимися пальцами перо и спрашивалъ меня, поднявъ кверху брови:

— Писать?

— Пиши.

Ярмола довольно увѣренно чертилъ первую букву — «П» (эта буква у насъ носила названіе: «два стояка и сверху перекладина»); потомъ онъ смотрѣлъ на меня вопросительно:

— Что̀ жъ ты не пишешь? Забылъ?

— Забылъ... — досадливо качалъ головой Ярмола.

— Эхъ, какой ты! Ну, ставь колесо.

— А-а! Колесо, колесо!.. Знаю... — оживлялся Ярмола и старательно рисовалъ на бумагѣ вытянутую вверхъ фигуру, весьма похожую очертаніями на Каспійское море. Окончивши этотъ трудъ, онъ нѣкоторое время молча любовался имъ, наклоняя голову то на лѣвый, то на правый бокъ и щуря глаза.

— Что̀ же ты сталъ? Пиши дальше.

— Подождите немного, панычу... сейчасъ.

Минуты двѣ онъ размышлялъ и потомъ робко спрашивалъ:

— Такъ же, какъ первая?

— Вѣрно. Пиши.

Такъ мало-по-малу мы добрались до послѣдней буквы — «к» (твердый знакъ мы отвергли), которая была у насъ извѣстна, какъ «палка, а по срединѣ палки кривуля хвостомъ набокъ».

— А что̀ вы думаете, панычу, — говорилъ иногда Ярмола, окончивъ свой трудъ и глядя на него съ любовной гордостью: — если бы мнѣ еще мѣсяцевъ съ пять или шесть поучиться, я бы совсѣмъ хорошо зналъ. Какъ вы скажете?

II.

Ярмола сидѣлъ на корточкахъ передъ заслонкой, перемѣшивая въ печкѣ уголья, а я ходилъ взадъ и впередъ по діагонали моей комнаты. Изъ всѣхъ двѣнадцати комнатъ огромнаго помѣщичьяго дома я занималъ только одну, бывшую диванную. Другія стояли запертыми на ключъ, и въ нихъ неподвижно и торжественно плѣсневѣла старинная штофная мебель, диковинная бронза и портреты XVIII столѣтія.

Вѣтеръ за стѣнами дома бѣсился, какъ старый, озябшій голый дьяволъ. Въ его ревѣ слышались стоны, визгъ и дикій смѣхъ. Мятель къ вечеру расходилась еще сильнѣе. Снаружи кто-то яростно бросалъ въ стекла оконъ горсти мелкаго сухого снѣга. Недалекій лѣсъ ропталъ и гудѣлъ съ непрерывной, затаенной, глухой угрозой...

Вѣтеръ забирался въ пустыя комнаты и въ печныя воющія трубы, и старый домъ, весь расшатанный, дырявый, полуразвалившійся, вдругъ оживлялся странными звуками, къ которымъ я прислушивался съ невольной тревогой. Вотъ точно вздохнуло что-то въ бѣлой залѣ, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально. Вотъ заходили и заскрипѣли гдѣ-то далеко высохшія гнилыя половицы подъ чьими-то тяжелыми и безшумными шагами. Чудится

мнѣ затѣмъ, что рядомъ съ моей комнатой, въ коридорѣ, кто-то осторожно и настойчиво нажимаетъ на дверную ручку и потомъ, внезапно разъярившись, мчится по всему дому, бѣшено потрясая всѣми ставнями и дверьми, или, забравшись въ трубу, скулитъ такъ жалобно, скучно и непрерывно, то поднимая все выше, все тоньше свой голосъ до жалобнаго визга, то опуская его внизъ, до звѣринаго рычанья. Порою Богъ вѣсть откуда врывался этотъ страшный гость и въ мою комнату, пробѣгалъ внезапнымъ холодомъ у меня по спинѣ и колебалъ пламя лампы, тускло свѣтившей подъ зеленымъ бумажнымъ, обгорѣвшимъ сверху, абажуромъ.

На меня нашло странное, неопредѣленное безпокойство. Вотъ, думалось мнѣ, сижу я глухой и ненастной зимней ночью въ ветхомъ домѣ, среди деревни, затерявшейся въ лѣсахъ и сугробахъ, въ сотняхъ верстъ отъ городской жизни, отъ общества, отъ женскаго смѣха, отъ человѣческаго разговора... И начинало мнѣ представляться, что годы и десятки лѣтъ будетъ тянуться этотъ ненастный вечеръ, будетъ тянуться вплоть до моей смерти, и такъ же будетъ ревѣть за окнами вѣтеръ, такъ же тускло будетъ горѣть лампа подъ убогимъ зеленымъ абажуромъ, такъ же тревожно буду ходить я взадъ и впередъ по моей комнатѣ, такъ же будетъ сидѣть около печки молчаливый, сосредоточенный Ярмола, — странное, чуждое мнѣ существо, равнодушное ко всему на свѣтѣ: и къ тому, что у него дома въ семьѣ ѣсть нечего, и къ бушеванію вѣтра, и къ моей неопредѣленной, разъѣдающей тоскѣ.

Мнѣ вдругъ нестерпимо захотѣлось нарушить это томительное молчаніе какимъ-нибудь подобіемъ человѣческаго голоса, и я спросилъ:

— Какъ ты думаешь, Ярмола, откуда это сегодня такой вѣтеръ?

— Вѣтеръ? — отозвался Ярмола, лѣниво подымая голову. — А панычъ развѣ не знаетъ?

— Конечно, не знаю. Откуда же мнѣ знать?

— И вправду не знаете? — оживился вдругъ Ярмола.— Это я вамъ скажу, — продолжалъ онъ съ таинственнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ: — это я вамъ скажу: чи вѣдьмака народилась, чи вѣдьмакъ веселье справляетъ.

— Вѣдьмака — это колдунья по-вашему?

— А такъ, такъ... колдунья.

Я съ жадностью накинулся на Ярмолу. «Почемъ знать, — думалъ я: — можетъ-быть, сейчасъ же мнѣ удастся выжать изъ него какую-нибудь интересную исторію, связанную съ волшебствомъ, съ зарытыми кладами, съ вовкулаками?..»

— Ну, а у васъ здѣсь, на Полѣсьѣ, есть вѣдьмы? — спросилъ я.

— Не знаю... Можетъ, есть, — отвѣтилъ Ярмола съ прежнимъ равнодушіемъ и опять нагнулся къ печкѣ. — Старые люди говорятъ, что были когда-то... Можетъ, и неправда...

Я сразу разочаровался. Характерной чертой Ярмолы была упорная несловоохотность, и я ужъ не надѣялся добиться отъ него ничего больше объ этомъ интереснюмъ предметѣ. Но, къ моему удивленію, онъ вдругъ заговорилъ съ лѣнивой небрежностью и какъ будто бы обращаясь не ко мнѣ, а къ гудѣвшей печкѣ:

— Была у насъ лѣтъ пять тому назадъ такая вѣдьма... Только ее хлопцы съ села прогнали!

— Куда же они ее прогнали?

— Куда!.. Извѣстно, въ лѣсъ... Куда же еще? И хату ея сломали, чтобы отъ того проклятаго кубла и щепокъ не осталось... А саму ее вывели за вышницы и по шеѣ.

— За что же такъ съ ней обошлись?

— Вреда отъ нея много было: ссорилась со всѣми,

зелье подъ хаты подливала, закрутки вязала въ житѣ... Одинъ разъ просила она у нашей молодицы злотъ (15 к.). Та ей говоритъ: «Нѣтъ у меня злота, отстань».—«Ну, добре, говоритъ, будешь ты помнить, какъ мнѣ злотаго не дала...» И что̀ же вы думаете, панычу: съ тѣхъ самыхъ поръ стало у молодицы дитя болѣть. Болѣло, болѣло, да и совсѣмъ умерло. Вотъ тогда хлопцы вѣдьмаку и прогнали, пусть ей очи повылазятъ...

— Ну, а гдѣ же теперь эта вѣдьмака? — продолжалъ я любопытствовать.

— Вѣдьмака? — медленно переспросилъ, по своему обыкновенію, Ярмола. — А я знаю?

— Развѣ у нея не осталось въ деревнѣ какой-нибудь родни?

— Нѣтъ, не осталось. Да она чужая была, изъ кацапокъ, чи изъ цыгановъ... Я еще маленькимъ хлопцемъ былъ, когда она пришла къ намъ на село. И дѣвочка съ ней была: дочка или внучка... Обѣихъ прогнали. .

— А теперь къ ней развѣ никто не ходитъ: погадать тамъ или зелья какого-нибудь попросить?

— Бабы бѣгаютъ,—пренебрежительно уронилъ Ярмола.

— Ага! Значитъ, все-таки извѣстно, гдѣ она живетъ?

— Я не знаю... Говорятъ люди, что гдѣ-то около Басова Кута она живетъ... Знаете — болото, что̀ за Ириновскимъ шляхомъ. Такъ вотъ въ этомъ болотѣ она и сидитъ, трясьця ея матери!

«Вѣдьма живетъ въ какихъ-нибудь десяти верстахъ отъ моего дома... настоящая, живая, полѣсская вѣдьма!» Эта мысль сразу заинтересовала и взволновала меня.

— Послушай, Ярмола, — обратился я къ полѣсовщику: — а какъ бы мнѣ съ ней познакомиться, съ этой вѣдьмой?

— Тфу! — сплюнулъ съ негодованіемъ Ярмола. — Вотъ еще добро нашли.

— Добро или недобро, а я къ ней все равно пойду. Какъ только немного потеплѣетъ, сейчасъ же и отправлюсь. Ты меня, конечно, проводишь?

Ярмолу такъ поразили послѣднія слова, что онъ даже вскочилъ съ полу.

— Я?! — воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. — А и ни за что! Пусть оно тамъ Богъ вѣдаетъ что̀, а я не пойду.

— Ну вотъ глупости, пойдешь.

— Нѣтъ, панычу, не пойду... ни за что̀ не пойду... Чтобы я?! — опять воскликнулъ онъ, охваченный новымъ наплывомъ возмущенія: — чтобы я пошелъ до вѣдьмачьяго кубла? Да пусть меня Богъ боронитъ. И вамъ не совѣтую, панычъ.

— Какъ хочешь... а я все-таки пойду. Мнѣ очень любопытно на нее посмотрѣть.

— Ничего тамъ нѣтъ любопытнаго, — пробурчалъ Ярмола, съ сердцемъ захлопывая печную дверку.

Часъ спустя, когда онъ, уже убравъ самоваръ и напившись въ темныхъ сѣняхъ чаю, собирался итти домой, я спросилъ:

— Какъ зовутъ эту вѣдьму?

— Мануйлиха, — отвѣтилъ Ярмола съ грубой мрачностью.

Онъ хотя и не высказывалъ никогда своихъ чувствъ, но, кажется, сильно ко мнѣ привязался; привязался за нашу общую страсть къ охотѣ, за мое простое обращеніе, за помощь, которую я изрѣдка оказывалъ его вѣчно голодающей семьѣ, а главнымъ образомъ за то, что я одинъ на всемъ свѣтѣ не корилъ его пьянствомъ, чего Ярмола терпѣть не могъ. Поэтому моя рѣшимость познакомиться съ вѣдьмой привела его въ отвратительное настроеніе духа, которое онъ выразилъ только усиленнымъ сопѣніемъ да еще тѣмъ, что, выйдя на крыльцо, изъ всей силы ударилъ ногой въ бокъ свою собаку —

Рябчика. Рябчикъ отчаянно завизжалъ и отскочилъ въ сторону, но тотчасъ же побѣжалъ вслѣдъ за Ярмолой, не переставая скулить.

III.

Дня черезъ три потеплѣло. Однажды утромъ, очень рано, Ярмола вошелъ въ мою комнату и заявилъ небрежно:

— Нужно ружья почистить, панычъ.

— А что̀? — спросилъ я, потягиваясь подъ одѣяломъ.

— Заяцъ ночью сильно походилъ: слѣдовъ много. Можетъ, пойдемъ на пановку?

Я видѣлъ, что Ярмолѣ не терпится скорѣе пойти въ лѣсъ, но онъ скрываетъ это страстное желаніе охотника подъ напускнымъ равнодушіемъ. Дѣйствительно въ передней уже стояла его одностволка, отъ которой не ушелъ еще ни одинъ бекасъ, несмотря на то, что вблизи дула она была украшена нѣсколькими оловянными заплатами, наложенными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ржавчина и пороховые газы проѣли желѣзо.

Едва войдя въ лѣсъ, мы тотчасъ же напали на заячій слѣдъ: двѣ лапки рядомъ и двѣ позади одна за другой. Заяцъ вышелъ на дорогу, прошелъ по ней саженъ двѣсти и сдѣлалъ съ дороги огромный прыжокъ въ сосновый молоднякъ.

— Ну, теперь будемъ обходить его, — сказалъ Ярмола. — Какъ далъ столба, такъ тутъ сейчасъ и ляжетъ. Вы, панычъ, идите... — Онъ задумался, соображая по какимъ-то ему одному извѣстнымъ примѣтамъ, куда меня направить... — Вы идите до старой корчмы. А я его обойду отъ Замлына. Какъ только собака его выгонитъ, я буду гукать вамъ.

И онъ тотчасъ же скрылся, точно нырнулъ въ густую

чащу мелкаго кустарника. Я прислушался. Ни одинъ звукъ не выдалъ его браконьерской походки, ни одна вѣточка не треснула подъ его ногами, обутыми въ лыковые постолы.

Я неторопливо дошелъ до старой корчмы — нежилой, развалившейся хаты, и сталъ на опушкѣ хвойнаго лѣса, подъ высокой сосной съ прямымъ голымъ стволомъ. Было такъ тихо, какъ только бываетъ въ лѣсу зимою, въ безвѣтреный день. Нависшіе на вѣтвяхъ пышные комья снѣга давили ихъ книзу, придавая имъ чудесный, праздничный и холодный видъ. По временамъ срывалась съ вершины тоненькая вѣточка, и чрезвычайно ясно слышалось, какъ она, падая, съ легкимъ трескомъ задѣвала за другія вѣтви. Снѣгъ розовѣлъ на солнцѣ и синѣлъ въ тѣни. Мной овладѣло тихое очарованіе этого торжественнаго, холоднаго безмолвія, и мнѣ казалось, что я чувствую, какъ время медленно и безшумно проходитъ мимо меня...

Вдругъ далеко, въ самой чащѣ, раздался лай Рябчика, — характерный лай собаки, идущей за звѣремъ: тоненькій, заливчатый и нервный, почти переходящій въ визгъ. Тотчасъ же услышалъ я и голосъ Ярмолы, кричавшаго съ ожесточеніемъ вслѣдъ собакѣ: «У — бый! У — бый!», первый слогъ — протяжнымъ рѣзкимъ фальцетомъ, а второй — отрывистой басовой нотой (я только много времени спустя дознался, что этотъ охотничій полѣсскій крикъ происходитъ отъ глагола «убивать»).

Мнѣ казалось, судя по направленію лая, что собака гонитъ влѣво отъ меня, и я торопливо побѣжалъ черезъ полянку, чтобы перехватить звѣря. Но не успѣлъ я сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ огромный сѣрый заяцъ выскочилъ изъ-за пня и, какъ будто бы не торопясь, заложивъ назадъ длинныя уши, высокими, рѣдкими прыжками перебѣжалъ черезъ дорогу и скрылся въ молод-

пякѣ. Слѣдомъ за нимъ стремительно вылетѣлъ Рябчикъ. Увидѣвъ меня, онъ слабо махнулъ хвостомъ, торопливо куснулъ нѣсколько разъ зубами снѣгъ и опять погналъ зайца.

Ярмола вдругъ такъ же безшумно вынырнулъ изъ чащи.

— Что же вы, панычъ, не стали ему на дорогѣ? — крикнулъ онъ и укоризненно зачмокалъ языкомъ.

— Да вѣдь далеко было... больше двухсотъ шаговъ.

Видя мое смущеніе, Ярмола смягчился.

— Ну, ничего... Онъ отъ насъ не уйдетъ. Идите на Ириновскій шляхъ, — онъ сейчасъ туда выйдетъ.

Я пошелъ по направленію Ириновскаго шляха и уже черезъ минуты двѣ услыхалъ, что собака опять гонитъ гдѣ-то недалеко отъ меня. Охваченный охотничьимъ волненіемъ, я побѣжалъ, держа ружье наперевѣсъ, сквозь густой кустарникъ, ломая вѣтви и не обращая вниманія на ихъ жестокіе удары. Я бѣжалъ такъ довольно долго и уже сталъ задыхаться, какъ вдругъ лай собаки прекратился. Я пошелъ тише. Мнѣ казалось, что если я буду итти все прямо, то непремѣнно встрѣчусь съ Ярмолой на Ириновскомъ шляху. Но вскорѣ я убѣдился, что во время моего бѣга, огибая кусты и пни и совсѣмъ не думая о дорогѣ, я заблудился. Тогда я началъ кричать Ярмолѣ. Онъ не откликался.

Между тѣмъ машинально я шелъ все дальше. Лѣсъ рѣдѣлъ понемногу, почва опускалась и становилась кочковатой. Слѣдъ, оттиснутый на снѣгу моей ногой, быстро темнѣлъ и наливался водой. Нѣсколько разъ я уже проваливался по колѣна. Мнѣ приходилось перепрыгивать съ кочки на кочку; въ покрывавшемъ ихъ густомъ буромъ мху ноги тонули точно въ мягкомъ коврѣ.

Кустарникъ скоро совсѣмъ окончился. Передо мной было большое круглое болото, занесенное снѣгомъ, изъ-подъ бѣлой пелены котораго торчали рѣдкія кочки. На про-

тивоположномъ концѣ болота, между деревьями, выглядывали бѣлыя стѣны какой-то хаты. «Вѣроятно, здѣсь живетъ ириновскій лѣсникъ, — подумалъ я. — Надо зайти и разспросить у него дорогу».

Но дойти до хаты было не такъ-то легко. Каждую минуту я увязалъ въ трясинѣ. Сапоги мои набрали воды и при каждомъ шагѣ громко хлюпали; становилось невмочь тянуть ихъ за собою.

Наконецъ я перебрался черезъ это болото, взобрался на маленькій пригорокъ и теперь могъ хорошо разсмотрѣть хату. Это даже была не хата, а именно сказочная избушка на курьихъ ножкахъ. Она не касалась поломъ земли, а была построена на сваяхъ, вѣроятно, въ виду половодья, затопляющаго весною весь Ириновскій лѣсъ. Но одна сторона ея отъ времени осѣла, и это придавало избушкѣ хромой и печальный видъ. Въ окнахъ недоставало нѣсколькихъ стеколъ; ихъ замѣняли какія-то грязныя ветошки, выпиравшіяся горбомъ наружу.

Я нажалъ на клямку и отворилъ дверь. Въ хатѣ было очень темно, а у меня, послѣ того, какъ я долго глядѣлъ на снѣгъ, ходили передъ глазами фіолетовые круги; поэтому я долго не могъ разобрать, есть ли кто-нибудь въ хатѣ.

— Эй, добрые люди, кто изъ васъ дома?—спросилъ я громко.

Около печки что-то завозилось. Я подошелъ поближе и увидалъ старуху, сидѣвшую на полу. Передъ ней лежала огромная куча куриныхъ перьевъ. Старуха брала отдѣльно каждое перо, сдирала съ него бородку и клала пухъ въ корзину, а стержни бросала прямо на землю.

«Да вѣдь это — Мануйлиха, ириновская вѣдьма», — мелькнуло у меня въ головѣ, едва я только повнимательнѣе вглядѣлся въ старуху. Всѣ черты бабы-яги, какъ ее изображаетъ народный эпосъ, были налицо: худыя щеки,

втянутыя внутрь, переходили внизу въ острый, длинный, дряблый подбородокъ, почти соприкасавшійся съ висящимъ внизъ носомъ; провалившійся беззубый ротъ безпрестанно двигался, точно пережевывая что-то; выцвѣтшіе, когда-то голубые глаза, холодные, круглые, выпуклые, съ очень короткими красными вѣками, глядѣли точно глаза невиданной зловѣщей птицы.

— Здравствуй, бабка!—сказалъ я какъ можно привѣтливѣе. — Тебя ужъ не Мануйлихой ли зовутъ?

Въ отвѣтъ что-то заклокотало и захрипѣло въ груди у старухи; потомъ изъ ея беззубаго, шамкающаго рта вырвались странные звуки, то похожіе на задыхающееся карканье старой вороны, то вдругъ переходившіе въ сиплую, обрывающуюся фистулу:

— Прежде, можетъ, и Мануйлихой звали добрые люди... А теперь зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой. Тебѣ что надо-то?—спросила она недружелюбно и не прекращая своего однообразнаго занятія.

— Да вотъ, бабушка, заблудился я. Можетъ, у тебя молоко найдется?

— Нѣтъ молока,—сердито отрѣзала старуха.—Много васъ по лѣсу ходитъ... Всѣхъ не напоишь, не накормишь...

— Ну, бабушка, неласковая же ты до гостей.

— И вѣрно, батюшка: совсѣмъ неласковая. Разносоловъ для васъ не держимъ. Усталъ — посиди, никто тебя изъ хаты не гонитъ. Знаешь, какъ въ пословицѣ говорится: «Приходите къ намъ на завалинкѣ посидѣть, у нашего праздника звона послушать, а обѣдать къ вамъ мы и сами догадаемся». Такъ-то вотъ...

Эти обороты рѣчи сразу убѣдили меня, что старуха дѣйствительно пришлая въ этомъ краѣ; здѣсь не любятъ и не понимаютъ хлесткой, уснащенной рѣдкими словцами рѣчи, которой такъ охотно щеголяетъ красно-

бай-сѣверянинъ. Между тѣмъ старуха, продолжая механически свою работу, все еще бормотала что-то себѣ подъ носъ, но все тише и невнятнѣе. Я разбиралъ только отдѣльныя слова, не имѣвшія между собой никакой связи: «Вотъ тебѣ и бабушка Мануйлиха... А кто такой—невѣдомо... Лѣта-то мои не маленькія... Ногами егозитъ, стрекочитъ, сокочитъ — чистая сорока...»

Я нѣкоторое время молча прислушивался, и внезапная мысль, что передо мною — сумасшедшая женщина, вызвала у меня ощущеніе брезгливаго страха.

Однако я успѣлъ осмотрѣться вокругъ себя. Бо́льшую часть избы занимала огромная облупившаяся печка. Образовъ въ переднемъ углу не было. По стѣнамъ, вмѣсто обычныхъ охотниковъ съ зелеными усами и фіолетовыми собаками и портретовъ никому невѣдомыхъ генераловъ, висѣли пучки засушенныхъ травъ, связки сморщенныхъ корешковъ и кухонная посуда. Ни совы ни чернаго кота я не замѣтилъ, но зато съ печки два рябыхъ солидныхъ скворца глядѣли на меня съ удивленнымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

— Бабушка, а воды-то у васъ по крайней мѣрѣ можно напиться? — спросилъ я, возвышая голосъ.

— А вонъ, въ кадкѣ, — кивнула головой старуха.

Вода отзывала болотной ржавчиной. Поблагодаривъ старуху (на что она не обратила ни малѣйшаго вниманія), я спросилъ ее, какъ мнѣ выйти на шляхъ.

Она вдругъ подняла голову, поглядѣла на меня пристально своими холодными птичьими глазами и забормотала торопливо:

— Иди, иди... Иди, молодецъ, своей дорогой. Нечего тутъ тебѣ дѣлать. Хорошъ гость въ гостинку... Ступай, батюшка, ступай...

Мнѣ дѣйствительно ничего больше не оставалось, какъ уйти. Но вдругъ мнѣ пришло въ голову попытать по-

слѣднее средство, чтобы хоть немного смягчить суровую старуху. Я вынулъ изъ кармана новый серебряный четвертакъ и протянулъ его Мануйлихѣ. Я не ошибся: при видѣ денегъ старуха зашевелилась, глаза ея раскрылись еще больше, и она потянулась за монетой своими скрюченными, узловатыми, дрожащими пальцами.

— Э, нѣтъ, бабка Мануйлиха, даромъ не дамъ,—поддразнилъ я ее, пряча монету.—Ну-ка, погадай мнѣ.

Коричневое, сморщенное лицо колдуньи собралось въ недовольную гримасу. Она, повидимому, колебалась и нерѣшительно глядѣла на мой кулакъ, гдѣ были зажаты деньги. Но жадность взяла верхъ.

— Ну, ну, пойдемъ, что ли, пойдемъ,—прошамкала она, съ трудомъ подымаясь съ полу. — Никому я не ворожу теперь, касатикъ... Забыла... Стара стала, глаза не видятъ. Только для тебя развѣ.

Держась за стѣну, сотрясаясь на каждомъ шагу сгорбленнымъ тѣломъ, она подошла къ столу, достала колоду бурыхъ, распухшихъ отъ времени картъ, стасовала ихъ и придвинула ко мнѣ.

— Сыми-ка... Лѣвой ручкой сыми... Отъ сердца...

Поплевавъ на пальцы, она начала раскладывать кабалу. Карты падали на столъ съ такимъ звукомъ, какъ будто бы онѣ были сваляны изъ тѣста, и укладывались въ правильную восьмиконечную звѣзду. Когда послѣдняя карта легла рубашкой вверхъ на короля, Мануйлиха протянула ко мнѣ руку.

— Позолоти, баринъ хорошій... Счастливъ будешь, богатъ будешь....— запѣла она попрошайническимъ, чисто-цыганскимъ тономъ.

Я сунулъ ей приготовленную монету. Старуха проворно, по-обезьяньи, спрятала ее за щеку.

— Большой интересъ тебѣ выходитъ черезъ дальнюю дорогу,—начала она привычной скороговоркой.—Встрѣча

съ бубновой дамой и какой-то пріятный разговоръ въ важномъ домѣ. Въ скорости получишь неожиданное извѣстіе отъ трефоваго короля. Падаютъ тебѣ какія-то хлопоты, а потомъ опять падаютъ какія-то небольшія деньги. Будешь въ большой компаніи, пьянъ будешь... Не такъ, чтобы очень сильно, а все-таки выходитъ тебѣ выпивка. Жизнь твоя будетъ долгая. Если въ 67 лѣтъ не умрешь, то...

Вдругъ она остановилась, подняла голову, точно къ чему-то прислушиваясь. Я тоже насторожился. Чей-то женскій голосъ, свѣжій, звонкій и сильный, пѣлъ, приближаясь къ хатѣ. Я тоже узналъ слова граціозной малорусской пѣсенки:

Ой чи цвитъ, чи ни цвитъ
Калиноньку ломитъ.
Ой чи сонъ, чи не сонъ
Головоньку клонитъ.

— Ну иди, иди теперь, соколикъ, — тревожно засуетилась старуха, отстраняя меня рукой отъ стола. — Нечего тебѣ по чужимъ хатамъ околачиваться. Иди, куда шелъ...

Она даже ухватила меня за рукавъ моей куртки и тянула къ двери. Лицо ея выражало какое-то звѣриное безпокойство.

Голосъ, пѣвшій пѣсню, вдругъ оборвался совсѣмъ близко около хаты, громко звякнула желѣзная клямка, и въ просвѣтѣ быстро распахнувшейся двери показалась рослая смѣющаяся дѣвушка. Обѣими руками она бережно поддерживала полосатый передникъ, изъ котораго выглядывали три крошечныхъ птичьихъ головки съ красными шейками и черными блестящими глазенками.

— Смотри, бабушка, зяблики опять за мною увязались, — воскликнула она, громко смѣясь: — посмотри, какіе смѣшные... Голодные совсѣмъ. А у меня, какъ нарочно, хлѣба съ собой не было.

Но, увидѣвъ меня, она вдругъ замолчала и вспыхнула густымъ румянцемъ. Ея тонкія черныя брови недовольно сдвинулись, а глаза съ вопросомъ обратились на старуху.

— Вотъ баринъ зашелъ... Пытаетъ дорогу,—пояснила старуха. — Ну, батюшка, — съ рѣшительнымъ видомъ обернулась она ко мнѣ: — будетъ тебѣ прохлаждаться. Напился водицы, поговорилъ, да пора и честь знать. Мы тебѣ не компанія...

— Послушай, красавица, — сказалъ я дѣвушкѣ.—Покажи мнѣ, пожалуйста, дорогу на Ириновскій шляхъ, а то изъ вашего болота во вѣки вѣковъ не выберешься.

Должно-быть, на нее подѣйствовалъ мягкій, просительный тонъ, который я придалъ этимъ словамъ. Она бережно посадила на печку, рядомъ со скворцами, своихъ зябликовъ, бросила на лавку скинутую уже короткую свитку и молча вышла изъ хаты.

Я послѣдовалъ за ней.

— Это у тебя все ручныя птицы? — спросилъ я, догоняя дѣвушку.

— Ручныя, — отвѣтила она отрывисто и даже не взглянувъ на меня. — Ну вотъ, глядите, — сказала она, останавливаясь у плетня.—Видите тропочку, вонъ, вонъ, между соснами-то? Видите?

— Вижу...

— Идите по ней все прямо. Какъ дойдете до дубовой колоды, повернете налѣво. Такъ прямо, все лѣсомъ, лѣсомъ и идите. Тутъ сейчасъ вамъ и будетъ Ириновскій шляхъ.

Въ то время, когда она вытянутой правой рукой показывала мнѣ направленіе дороги, я невольно залюбовался ею. Въ ней не было ничего похожаго на мѣстныхъ «дивчатъ», лица которыхъ подъ уродливыми повязками, прикрывающими сверху лобъ, а снизу ротъ и подбородокъ, носятъ такое однообразное, испуганное выраженіе.

Моя незнакомка, высокая брюнетка лѣтъ около 20 — 25, держалась легко и стройно. Просторная бѣлая рубаха свободно и красиво обвивала ея молодую, здоровую грудь. Оригинальную красоту ея лица, разъ его увидѣвъ, нельзя было позабыть, но трудно было даже привыкнуть къ нему, его описать. Прелесть его заключалась въ этихъ большихъ, блестящихъ, темныхъ глазахъ, которымъ тонкія, надломленныя посрединѣ брови придавали неуловимый оттѣнокъ лукавства, властности и наивности; въ смугло-розовомъ тонѣ кожи, въ своевольномъ изгибѣ губъ, изъ которыхъ нижняя, нѣсколько болѣе полная, выдавалась впередъ съ рѣшительнымъ и капризнымъ видомъ.

— Неужели вы не боитесь жить однѣ въ такой глуши? — спросилъ я, остановившись у забора.

Она равнодушно пожала плечами.

— Чего же намъ бояться? Волки сюда не заходятъ.

— Да развѣ волки одни... Снѣгомъ васъ занести можетъ, пожаръ можетъ случиться... И мало ли что̀ еще. Вы здѣсь однѣ, вамъ и помочь никто не успѣетъ.

— И слава Богу! — махнула она пренебрежительно рукой. — Какъ бы насъ съ бабкой вовсе въ покоѣ оставили, такъ лучше бы было, а то...

— А то что̀?

— Много будете знать, скоро состаритесь,—отрѣзала она.—Да вы сами-то кто будете?—спросила она тревожно.

Я догадался, что, вѣроятно, и старуха и эта красавица боятся какихъ-нибудь утѣсненій со стороны «предержащихъ», и поспѣшилъ ее успокоить.

— О! Ты, пожалуйста, не тревожься. Я ни урядникъ, ни писарь, ни акцизный, словомъ—я никакое начальство.

— Нѣтъ, вы правду говорите?

— Даю тебѣ честное слово. Ей-Богу, я самый посторонній человѣкъ. Просто, пріѣхалъ сюда погостить на

нѣсколько мѣсяцевъ, а тамъ и уѣду. Если хочешь, я даже никому не скажу, что былъ здѣсь и видѣлъ васъ. Ты мнѣ вѣришь?

Лицо дѣвушки немного прояснилось.

— Ну, значитъ, коль не врете, такъ правду говорите. А вы какъ: раньше объ насъ слышали или сами зашли?

— Да я и самъ не знаю, какъ тебѣ сказать... Слышать-то я слышалъ, положимъ, и даже хотѣлъ когда-нибудь забрести къ вамъ, а сегодня зашелъ случайно— заблудился... Ну, а теперь скажи, чего вы людей боитесь? Что̀ они вамъ злого дѣлаютъ?

Она поглядѣла на меня съ испытующимъ недовѣріемъ. Но совѣсть у меня была чиста, и я, не сморгнувъ, выдержалъ этотъ пристальный взглядъ. Тогда она заговорила съ возрастающимъ волненіемъ:

— Плохо намъ отъ нихъ приходится... Простые люди еще ничего, а вотъ начальство... Пріѣдетъ урядникъ — тащитъ, пріѣдетъ становой — тащитъ. Да еще прежде, чѣмъ взять-то, надъ бабкой надругается: ты, говорятъ, вѣдьма, чертовка, каторжница... Эхъ! Да что̀ и говорить!

— А тебя не трогаютъ? — сорвался у меня неосторожный вопросъ.

Она съ надменной самоувѣренностью повела головой снизу вверхъ, и въ ея сузившихся глазахъ мелькнуло злое торжество...

— Не трогаютъ... Одинъ разъ сунулся ко мнѣ землемѣръ какой-то... Поласкаться ему, видишь, захотѣлось... Такъ, должно-быть, и до сихъ поръ не забылъ, какъ я его приласкала.

Въ этихъ насмѣшливыхъ, но своеобразно-гордыхъ словахъ прозвучало столько грубой независимости, что я невольно подумалъ: «Однако недаромъ ты выросла среди полѣсскаго бора, — съ тобой и впрямь опасно шутить».

— А мы развѣ трогаемъ кого-нибудь! — продолжала

она, проникаясь ко мнѣ все бо̀льшимъ довѣріемъ.—Намъ и людей не надо. Разъ въ годъ только схожу я въ мѣстечко купить мыла да соли... Да вотъ еще бабушкѣ чаю,—чай она у меня любитъ. А то хоть бы и вовсе никого не видѣть.

— Ну, я вижу, вы съ бабушкой людей не жалуете... А мнѣ можно когда-нибудь зайти на минуточку?

Она засмѣялась и — какъ странно, какъ неожиданно измѣнилось ея красивое лицо! Прежней суровости въ немъ и слѣда не осталось: оно вдругъ сдѣлалось свѣтлымъ, застѣнчивымъ, дѣтскимъ.

— Да что̀ у насъ вамъ дѣлать? Мы съ бабкой скучныя... Что̀ жъ, заходите, пожалуй, коли вы и впрямь добрый человѣкъ. Только вотъ что̀... вы ужъ если когда къ намъ забредете, такъ безъ ружья лучше...

— Ты боишься?

— Чего мнѣ бояться? Ничего я не боюсь,—и въ ея голосѣ опять послышалась увѣренность въ своей силѣ.—А только не люблю я этого. Зачѣмъ бить пташекъ или вотъ зайцевъ тоже. Никому они худого не дѣлаютъ, а жить имъ хочется такъ же, какъ и намъ съ вами. Я ихъ люблю: они маленькіе, глупые такіе... Ну, однако до свиданія, — заторопилась она: — не знаю, какъ величать-то васъ по имени... Боюсь, бабка браниться станетъ.

И она легко и быстро побѣжала въ хату, наклонивъ внизъ голову и придерживая руками разбившіеся отъ вѣтра волосы.

— Постой, постой! — крикнулъ я. — Какъ тебя зовутъ-то? Ужъ будемъ знакомы какъ слѣдуетъ.

Она остановилась на мгновеніе и обернулась ко мнѣ.

— Аленой меня зовутъ... По-здѣшнему — Олеся.

Я вскинулъ ружье на плечи и пошелъ по указанному мнѣ направленію. Поднявшись на небольшой холмикъ, откуда начиналась узкая, едва замѣтная лѣсная тропинка,

я оглянулся. Красная юбка Олеси, слегка колеблемая вѣтромъ, еще виднѣлась на крыльцѣ хаты, выдѣляясь яркимъ пятномъ на ослѣпительно-бѣломъ, ровномъ фонѣ снѣга.

Черезъ часъ послѣ меня пришелъ домой Ярмола. По своей обычной неохотѣ къ праздному разговору, онъ ни слова не спросилъ меня о томъ, какъ и гдѣ я заблудился. Онъ только сказалъ какъ будто бы вскользь:

— Тамъ... я зайца на кухню занесъ... жарить будемъ, или пошлете кому-нибудь?

— А вѣдь ты не знаешь, Ярмола, гдѣ я былъ сегодня? — сказалъ я, заранѣе представляя себѣ удивленіе полѣсовщика.

— Отчего же мнѣ не знать? — грубо проворчалъ Ярмола. — Извѣстно, къ вѣдьмакамъ ходили...

— Какъ же ты узналъ это?

— А почему же мнѣ не узнать? Слышу, что вы голоса не подаете, ну я и вернулся на вашъ слѣдъ... Эхъ, паны-ычъ! — прибавилъ онъ съ укоризненной досадой.— Не слѣдоваетъ вамъ такими дѣлами заниматься... Грѣхъ!..

IV.

Весна наступила въ этомъ году ранняя, дружная и— какъ всегда на Полѣсьѣ—неожиданная. Побѣжали по деревенскимъ улицамъ бурливые, коричневые, сверкающіе ручейки, сердито пѣнясь вокругъ встрѣчныхъ каменьевъ и быстро вертя щепки и гусиный пухъ; въ огромныхъ лужахъ воды отразилось голубое небо съ плывущими по нему круглыми, точно крутящимися, бѣлыми облаками; съ крышъ посыпались частыя звонкія капли. Воробьи, стаями обсыпавшіе придорожныя ветлы, кричали такъ громко и возбужденно, что ничего нельзя было разслышать за ихъ крикомъ. Вездѣ чувствовалась радостная, торопливая тревога жизни.

Снѣгъ сошелъ, оставшись еще кое-гдѣ грязными рыхлыми клочками въ лощинахъ и тѣнистыхъ перелѣскахъ. Изъ-подъ него выглянула обнаженная, мокрая, теплая земля, отдохнувшая за зиму и теперь полная свѣжихъ соковъ, полная жажды новаго материнства. Надъ черными нивами вился легкій парокъ, наполнявшій воздухъ запахомъ оттаявшей земли, — тѣмъ свѣжимъ, вкрадчивымъ и могучимъ, пьянымъ запахомъ весны, который даже и въ городѣ узнаешь среди сотенъ другихъ запаховъ. Мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ этимъ ароматомъ вливалась въ мою душу весенняя грусть, сладкая и нѣжная, исполненная безпокойныхъ ожиданій и смутныхъ предчувствій, — поэтическая грусть, дѣлающая въ вашихъ глазахъ всѣхъ женщинъ хорошенькими и всегда приправленная неопредѣленными сожалѣніями о прошлыхъ вёснахъ. Ночи стали теплѣе; въ ихъ густомъ влажномъ мракѣ чувствовалась незримая, спѣшная творческая работа природы...

Въ эти весенніе дни образъ Олеси не выходилъ изъ моей головы. Мнѣ нравилось, оставшись одному, лечь, зажмурить глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и безпрестанно вызывать въ своемъ воображеніи ея то суровое, то лукавое, то сіяющее нѣжной улыбкой лицо, ея молодое тѣло, выросшее въ привольѣ стараго бора такъ же стройно и такъ же могуче, какъ растутъ молодыя ёлочки, ея свѣжій голосъ съ неожиданными низкими бархатными нотками... «Во всѣхъ ея движеніяхъ, въ ея словахъ, — думалъ я: — есть что-то благородное (конечно, въ лучшемъ смыслѣ этого довольно пошлаго слова), какая-то врожденная изящная умѣренность...» Также привлекалъ меня къ Олесѣ и нѣкоторый ореолъ окружавшей ее таинственности, суевѣрная репутація вѣдьмы, жизнь въ лѣсной чащѣ среди болота и въ особенности — эта гордая увѣренность въ свои силы, сквозившая въ немногихъ обращенныхъ ко мнѣ словахъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, что, какъ только немного просохли лѣсныя тропинки, я отправился въ избушку на курьихъ ножкахъ. На случай, если бы понадобилось успокоить ворчливую старуху, я захватилъ съ собою полфунта чаю и нѣсколько пригоршенъ кусковъ сахару.

Я засталъ обѣихъ женщинъ дома. Старуха возилась около ярко пылавшей печи, а Олеся пряла ленъ, сидя на очень высокой скамейкѣ; когда я, входя, стукнулъ дверью, она обернулась, нитка оборвалась подъ ея руками, и веретено покатилось по полу.

Старуха нѣкоторое время внимательно и сердито вглядывалась въ меня, сморщившись и заслоняя лицо ладонью отъ жара печки.

— Здравствуй, бабуся! — сказалъ я громкимъ, бодрымъ голосомъ.—Не узнаёшь, должно-быть, меня? Помнишь, я въ прошломъ мѣсяцѣ заходилъ про дорогу спрашивать? Ты мнѣ еще гадала?

— Ничего не помню, батюшка,—зашамкала старуха, недовольно тряся головой: — ничего не помню. И что̀ ты у насъ позабылъ, — никакъ не пойму. Что̀ мы тебѣ за компанія? Мы люди простые, сѣрые... Нечего тебѣ у насъ дѣлать. Лѣсъ великъ, есть мѣсто, гдѣ разойтись... такъ-то...

Ошеломленный нелюбезнымъ пріемомъ, я совсѣмъ потерялся и очутился въ томъ глупомъ положеніи, когда не знаешь, что̀ дѣлать: обратить ли грубость въ шутку, или самому разсердиться, или наконецъ, не сказавъ ни слова, повернуться и уйти назадъ. Невольно я повернулся съ безпомощнымъ выраженіемъ къ Олесѣ. Она чуть-чуть улыбнулась съ оттѣнкомъ не злой насмѣшки, встала изъ-за прялки и подошла къ старухѣ.

— Не бойся, бабка,—сказала она примирительно:—это не лихой человѣкъ, онъ намъ худого не сдѣлаетъ. Милости просимъ садиться, — прибавила она, указывая мнѣ

на лавку въ переднемъ углу и не обращая болѣе вниманія на воркотню старухи.

Ободренный ея вниманіемъ, я догадался выдвинуть самое рѣшительное средство.

— Какая же ты сердитая, бабуся... Чуть гости на порогъ, а ты сейчасъ и бранишься. А я-было тебѣ гостинцу принесъ, — сказалъ я, доставая изъ сумки свои свертки.

Старуха бросила быстрый взглядъ на свертки, но тотчасъ же отвернулась къ печкѣ.

— Никакихъ мнѣ твоихъ гостинцевъ не нужно,—проворчала она, ожесточенно разгребая кочергой уголья.— Знаемъ мы тоже гостей этихъ. Сперва безъ мыла въ душу лѣзутъ, а потомъ... Что̀ у тебя въ кулечкѣ-то? — вдругъ обернулась она ко мнѣ.

Я тотчасъ же вручилъ ей чай и сахаръ. Это подѣйствовало на старуху смягчающимъ образомъ, и хотя она и продолжала ворчать, но уже не въ прежнемъ, непримиримомъ тонѣ.

Олеся сѣла опять за пряжу, а я помѣстился около нея, на низкой, короткой и очень шаткой скамеечкѣ. Лѣвой рукой Олеся быстро сучила бѣлую, мягкую, какъ шелкъ, кудель, а въ правой у нея съ легкимъ жужжаніемъ крутилось веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и короткимъ движеніемъ пальцевъ опять заставляла вертѣться. Эта работа, такая простая на первый взглядъ, но, въ сущности, требующая огромнаго, многовѣкового навыка и ловкости, такъ и кипѣла въ ея рукахъ. Невольно я обратилъ вниманіе на эти руки: онѣ загрубѣли и почернѣли отъ работы, но были невелики и такой красивой формы, что имъ позавидовали бы многія благовоспитанныя дѣвицы.

— А вотъ вы мнѣ тогда и не сказали, что вамъ бабка гадала,—произнесла Олеся. И, видя, что я опасливо обернулся назадъ, она прибавила: — Ничего, ничего, она не-

много на ухо туга, не услышитъ. Она только мой голосъ хорошо разбираетъ.

— Да, гадала. А что̀?

— Да такъ себѣ... Просто спрашиваю... А вы вѣрите? — кинула она на меня украдкой быстрый взглядъ.

— Чему? Тому, что̀ твоя бабка мнѣ гадала, или вообще?

— Нѣтъ, вообще..

— Какъ сказать, вѣрнѣе будетъ, что не вѣрю, а все-таки почемъ знать? Говорятъ, бываютъ случаи... Даже въ умныхъ книгахъ объ нихъ напечатано. А вотъ тому, что̀ твоя бабка говорила, такъ совсѣмъ не вѣрю. Такъ и любая баба деревенская сумѣетъ поворожить.

Олеся улыбнулась.

— Да, это правда, что она теперь плохо гадаетъ. Стара стала, да и боится она очень. А что̀ вамъ карты сказали?

— Ничего интереснаго не было. Я теперь и не помню. Что̀ обыкновенно говорятъ: дальняя дорога, трефовый интересъ... Я и позабылъ даже.

— Да, да, плохая она стала ворожка. Слова многія позабыла отъ старости... Куда жъ ей? Да и опасается она. Развѣ только деньги увидитъ, такъ согласится.

— Чего же она боится?

— Извѣстно чего, — начальства боится... Урядникъ пріѣдетъ, такъ завсегда грозитъ: «Я, говоритъ, тебя во всякое время могу упрятать. Ты знаешь, говоритъ, что̀ вашему брату за чародѣйство полагается? Ссылка въ каторжную работу, безъ сроку, на Соколиный островъ». Какъ вы думаете, вретъ онъ это или нѣтъ?

— Нѣтъ, врать онъ не вретъ; дѣйствительно за это что-то полагается, но уже не такъ страшно... Ну, а ты, Олеся, умѣешь гадать?

Она какъ будто бы немного замялась, но всего лишь на мгновеніе.

— Гадаю... Только не за деньги, — добавила она поспѣшно.

— Можетъ-быть, ты и мнѣ кинешь карты?

— Нѣтъ, — тихо, но рѣшительно отвѣтила она, покачавъ головой.

— Почему же ты не хочешь? Ну, не теперь, такъ когда-нибудь послѣ... Мнѣ почему-то кажется, что ты мнѣ правду скажешь.

— Нѣтъ. Не стану. Ни за что не стану.

— Ну, ужъ это нехорошо, Олеся. Ради перваго знакомства нельзя отказывать... Почему ты несогласна?

— Потому что я на васъ уже бросала карты, въ другой разъ нельзя...

— Нельзя? Отчего же? Я этого не понимаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя... нельзя... — зашептала она съ суевѣрнымъ страхомъ. — Судьбу нельзя два раза пытать... Не годится... Она узнаетъ, подслушаетъ... Судьба не любитъ, когда ее спрашиваютъ. Оттого всѣ ворожки несчастныя.

Я хотѣлъ отвѣтить Олесѣ какой-нибудь шуткой и не могъ: слишкомъ много искренняго убѣжденія было въ ея словахъ, такъ что даже, когда она, упомянувъ про судьбу, со странной боязнью оглянулась на дверь, я невольно повторилъ это движеніе.

— Ну, если не хочешь мнѣ погадать, такъ разскажи, что у тебя тогда вышло? — попросилъ я.

Олеся вдругъ бросила прялку и притронулась рукой къ моей рукѣ.

— Нѣтъ... Лучше не надо, — сказала она, и ея глаза приняли умоляюще-дѣтское выраженіе. — Пожалуйста, не просите... Нехорошо вамъ вышло... Не просите лучше...

Но я продолжалъ настаивать. Я не могъ разобрать: былъ ли ея отказъ и темные намеки на судьбу наиграннымъ пріемомъ гадалки, или она дѣйствительно сама вѣ-

рила въ то, о чемъ говорила, но мнѣ стало какъ-то не по себѣ, почти жутко.

— Ну хорошо, я, пожалуй, скажу, — согласилась наконецъ Олеся.—Только смотрите, уговоръ лучше денегъ: не сердиться, если вамъ что̀ не понравится. Вышло вамъ вотъ что̀: человѣкъ вы хотя и добрый, но только слабый... Доброта ваша не хорошая, не сердечная. Слову вы своему не господинъ. Надъ людьми любите верхъ брать, а сами имъ хотя и не хотите, но подчиняетесь. Вино любите, а также... Ну да все равно, говорить, такъ ужъ все по порядку... До нашей сестры больно охочи, и черезъ это вамъ много въ жизни будетъ зла... Деньгами вы не дорожите и копить ихъ не умѣете — богатымъ никогда не будете... Говорить дальше?

— Говори, говори! Все, что̀ знаешь, говори!

— Дальше вышло, что жизнь ваша будетъ невеселая. Никого вы сердцемъ не полюбите, потому что сердце у васъ холодное, лѣнивое, а тѣмъ, которыя васъ будутъ любить, вы много горя принесете. Никогда вы не женитесь, такъ холостымъ и умрете. Радостей вамъ въ жизни большихъ не будетъ, но будетъ много скуки и тяготы... Настанетъ такое время, что руки сами на себя наложить захотите... Такое у васъ дѣло одно выйдетъ... Но только не посмѣете, такъ снесете... Сильную нужду будете терпѣть, однако подъ конецъ жизни судьба ваша перемѣнится черезъ смерть какого-то близкаго вамъ человѣка и совсѣмъ для васъ неожиданно. Только все это будетъ еще черезъ много лѣтъ, а вотъ въ этомъ году... Я не знаю, ужъ когда именно — карты говорятъ, что очень скоро... Можетъ-быть, даже и въ этомъ мѣсяцѣ...

— Что̀ же случится въ этомъ году? — спросилъ я, когда она опять остановилась.

— Да ужъ боюсь даже говорить дальше. Падаетъ вамъ большая любовь со стороны какой-то трефовой дамы. Вотъ

только не могу догадаться, замужняя она или дѣвушка, а знаю, что съ темными волосами...

Я невольно бросилъ быстрый взглядъ на голову Олеси.

— Что̀ вы смотрите?—покраснѣла вдругъ она, почувствовавъ мой взглядъ съ пониманіемъ, свойственнымъ нѣкоторымъ женщинамъ. — Ну да, въ родѣ моихъ, — продолжала она, машинально поправляя волосы и еще больше краснѣя.

— Такъ ты говоришь—большая трефовая любовь? — пошутилъ я.

— Не смѣйтесь, не надо смѣяться, — серьезно, почти строго замѣтила Олеся.—Я вамъ все только правду говорю.

— Ну хорошо, не буду, не буду. Что̀ же дальше?

— Дальше... Охъ! Нехорошо выходитъ этой трефовой дамѣ, хуже смерти. Позоръ она черезъ васъ большой приметъ, такой, что во всю жизнь забыть нельзя, печаль долгая ей выходитъ... А вамъ въ ея планетѣ ничего дурного не выходитъ.

— Послушай, Олеся, а не могли ли тебя карты обмануть? Зачѣмъ же я буду трефовой дамѣ столько непріятностей дѣлать? Человѣкъ я тихій, скромный, а ты столько страховъ про меня наговорила.

— Ну, ужъ этого я не знаю. Да и вышло-то такъ, что не вы это сдѣлаете,—не нарочно, значитъ, а только черезъ васъ вся эта бѣда стрясется... Вотъ когда мои слова сбудутся, вы меня тогда вспомните.

— И все это тебѣ карты сказали, Олеся?

Она отвѣтила не сразу, уклончиво и какъ будто бы неохотно:

— И карты... Да я и безъ нихъ узнаю много, вотъ хоть бы по лицу. Если, напримѣръ, который человѣкъ долженъ скоро нехорошей смертью умереть, я это сейчасъ у него на лицѣ прочитаю, даже говорить мнѣ съ нимъ не нужно.

— Что̀ же ты видишь у него въ лицѣ?

— Да я и сама не знаю. Страшно мнѣ вдругъ сдѣлается, точно онъ не живой передо мной стоитъ. Вотъ хоть у бабушки спросите, она вамъ скажетъ, что я правду говорю. Трофимъ, мельникъ, въ позапрошломъ году у себя на млинѣ удавился, а я его только за два дня передъ тѣмъ видѣла и тогда же сказала бабушкѣ: «Вотъ посмотри, бабуся, что Трофимъ на-дняхъ дурной смертью умретъ». Такъ оно и вышло. А на прошлыя святки зашелъ къ намъ конокрадъ-Яшка, просилъ бабушку погадать. Бабушка разложила на него карты, стала ворожить. А онъ, шутя, спрашиваетъ: «Ты мнѣ скажи, бабка, какой я смертью умру?» А самъ смѣется. Я какъ поглядѣла на него, такъ и пошевельнуться не могу: вижу, сидитъ Яковъ, а лицо у него мертвое, зеленое... Глаза закрыты, а губы черныя... Потомъ, черезъ недѣлю, слышимъ, что поймали мужики Якова, когда онъ лошадей хотѣлъ свести... Всю ночь его били... Злой у насъ народъ здѣсь, безжалостный... Въ пятки гвозди ему заколотили, перебили кольями всѣ ребра, а къ утру изъ него и духъ вонъ.

— Отчего же ты ему не сказала, что его бѣда ждетъ?

— А зачѣмъ говорить? — возразила Олеся. — Что̀ у судьбы положено, развѣ отъ этого убѣжишь? Только бы понапрасну человѣкъ свои послѣдніе дни тревожился... Да мнѣ и самой гадко, что я такъ вижу, сама себѣ я противна дѣлаюсь... Только что̀ жъ? Это вѣдь у меня отъ судьбы. Бабка моя, когда помоложе была, тоже смерть узнавала, и моя мать тоже, и бабкина мать — это не отъ насъ... это въ нашей крови такъ.

Она перестала прясть и сидѣла, низко опустивъ голову, тихо положивъ руки вдоль колѣнъ. Въ ея неподвижно остановившихся глазахъ съ расширившимися зрачками отразился какой-то темный ужасъ, какая-то невольная покорность таинственнымъ силамъ и сверхъестественнымъ знаніямъ, осѣнявшимъ ея душу.

V.

Въ это время старуха разостлала на столѣ чистое полотенце съ вышитыми концами и поставила на него дымящійся горшокъ.

— Иди ужинать, Олеся,—позвала она внучку и послѣ минутнаго колебанія прибавила, обращаясь ко мнѣ: — можетъ-быть, и вы, господинъ, съ нами откушаете? Милости просимъ... Только неважныя у насъ кушанья-то, суповъ не варимъ, а просто крупничокъ полевой...

Нельзя сказать, чтобы ея приглашеніе отзывалось особенной настойчивостью, и я уже было-хотѣлъ отказаться отъ него, но Олеся, въ свою очередь, попросила меня съ такой милой простотой и съ такой ласковой улыбкой, что я поневолѣ согласился. Она сама налила мнѣ полную тарелку крупника — похлебки изъ гречневой крупы съ саломъ, лукомъ, картофелемъ и курицей — чрезвычайно вкуснаго и питательнаго кушанья. Садясь за столъ, ни бабушка ни внучка не перекрестились. За ужиномъ я не переставалъ наблюдать за обѣими женщинами, потому что, по моему глубокому убѣжденію, которое я и до сихъ поръ сохраняю, нигдѣ человѣкъ не высказывается такъ ясно, какъ во время ѣды. Старуха глотала крупникъ съ торопливой жадностью, громко чавкая и запихивая въ ротъ огромные куски хлѣба, такъ что подъ ея дряблыми щеками вздувались и двигались большія гули. У Олеси даже въ манерѣ ѣсть была какая-то врожденная порядочность.

Спустя часъ послѣ ужина я простился съ хозяйками избушки на курьихъ ножкахъ.

— Хотите, я васъ провожу немножко? — предложила Олеся.

— Какіе-такіе проводы еще выдумала! — сердито прошамкала старуха.—Не сидится тебѣ на мѣстѣ, стрекоза...

Но Олеся уже накинула на голову красный кашемировый платокъ и вдругъ, подбѣжавъ къ бабушкѣ, обняла ее и звонко поцѣловала.

— Бабушка! Милая, дорогая, золотая... я только на минуточку, сейчасъ и назадъ.

— Ну ладно, ужъ ладно, верченая,—слабо отбивалась отъ нея старуха.—Вы, господинъ, не обезсудьте: совсѣмъ дурочка она у меня.

Пройдя узкую тропинку, мы вышли на лѣсную дорогу, черную отъ грязи, всю истоптанную слѣдами копытъ и изборожденную колеями, полными воды, въ которой отражался пожаръ вечерней зари. Мы шли обочиной дороги, сплошь покрытой бурыми прошлогодними листьями, еще не высохшими послѣ снѣга. Кое-гдѣ сквозь ихъ мертвую желтизну подымали свои лиловыя головки крупные колокольчики «сна» — перваго цвѣтка Полѣсья.

— Послушай, Олеся,—началъ я:—мнѣ очень хочется спросить тебя кое о чемъ, да я боюсь, что ты разсердишься... Скажи мнѣ, правду ли говорятъ, что твоя бабка... какъ бы это выразиться?..

— Колдунья? — спокойно помогла мнѣ Олеся.

— Нѣтъ... Не колдунья... — замялся я. — Ну да, если хочешь—колдунья... Конечно, вѣдь мало ли что̀ болтаютъ. Почему ей просто-напросто не знать какихъ-нибудь травъ, средствъ, заговоровъ?.. Впрочемъ, если тебѣ это непріятно, ты можешь не отвѣчать.

— Нѣтъ, отчего же,—отозвалась она просто:—что̀ жъ тутъ непріятнаго? Да она, правда, колдунья. Но только теперь она стала стара и ужъ не можетъ дѣлать того, что̀ дѣлала раньше.

— Что̀ же она умѣла дѣлать? — полюбопытствовалъ я.

— Разное. Лѣчить умѣла, отъ зубовъ пользовала, руду заговаривала, отчитывала, если кого бѣшеная собака уку-

ситъ или змѣя, клады указывала... да всего и не перечислишь.

— Знаешь что̀, Олеся?.. Ты меня извини, а я вѣдь этому всему не вѣрю. Ну, будь со мною откровенна, я тебя никому не выдамъ: вѣдь все это—одно притворство, чтобы только людей морочить?

Она равнодушно пожала плечами.

— Думайте, какъ хотите. Конечно, бабу деревенскую обморочить ничего не сто̀итъ, но васъ бы я не стала обманывать.

— Значитъ, ты твердо вѣришь колдовству?

— Да какъ же мнѣ не вѣрить? Вѣдь у насъ въ роду чары... Я и сама многое умѣю.

— Олеся, голубушка... Если бы ты знала, какъ мнѣ это интересно... Неужели ты мнѣ ничего не покажешь?

— Отчего же, покажу, если хотите, — съ готовностью согласилась Олеся. — Сейчасъ желаете?

— Да, если можно, сейчасъ.

— А бояться не будете?

— Ну вотъ глупости. Ночью, можетъ-быть, боялся бы, а теперь еще свѣтло.

— Хорошо. Дайте мнѣ руку.

Я повиновался. Олеся быстро засучила рукавъ моего пальто и разстегнула запонку у манжетки, потомъ она достала изъ своего кармана небольшой, вершка въ три, финскій ножикъ и вынула его изъ кожанаго чехла.

— Что̀ ты хочешь дѣлать? — спросилъ я, чувствуя, какъ во мнѣ шевельнулось подленькое опасеніе.

— А вотъ сейчасъ... Вѣдь вы же сказали, что не будете бояться!

Вдругъ рука ея сдѣлала едва замѣтное легкое движеніе, и я ощутилъ въ мякоти руки, немного выше того мѣста, гдѣ щупаютъ пульсъ, раздражающее прикосновеніе остраго лезвея. Кровь тотчасъ же выступила во

всю ширину порѣза, полилась по рукѣ и частыми каплями закапала на землю. Я едва удержался отъ того, чтобы не крикнуть, но, кажется, поблѣднѣлъ.

— Не бойтесь, живы останетесь, — усмѣхнулась Олеся.

Она крѣпко обхватила рукой мою руку повыше раны и, низко склонившись къ ней лицомъ, стала быстро шептать что-то, обдавая мою кожу горячимъ прерывистымъ дыханіемъ. Когда же Олеся выпрямилась и разжала свои пальцы, то на пораненномъ мѣстѣ осталась только красная царапина.

— Ну что̀? Довольно съ васъ? — съ лукавой улыбкой спросила она, пряча свой ножикъ. — Хотите еще?

— Конечно, хочу. Только, если бы можно было, не такъ ужъ страшно и безъ кровопролитія, пожалуйста.

— Что̀ бы вамъ такое показать? — задумалась она. — Ну хоть развѣ это вотъ: идите впереди меня по дорогѣ... Только, смотрите, не оборачивайтесь назадъ.

— А это не будетъ страшно? — спросилъ я, стараясь безпечной улыбкой прикрыть боязливое ожиданіе непріятнаго сюрприза.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пустяки... Идите.

Я пошелъ впередъ, очень заинтересованный опытомъ, чувствуя за своей спиной напряженный взглядъ Олеси. Но, пройдя около двадцати шаговъ, я вдругъ споткнулся на совсѣмъ ровномъ мѣстѣ и упалъ ничкомъ.

— Идите, идите! — закричала Олеся. — Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживетъ... Держитесь крѣпче за землю, когда будете падать.

Я пошелъ дальше. Еще десять шаговъ, и я вторично растянулся во весь ростъ.

Олеся громко захохотала и захлопала въ ладоши.

— Ну что̀? Довольны? — крикнула она, сверкая своими бѣлыми зубами. — Вѣрите теперь? Ничего, ничего!.. Полетѣли не вверхъ, а внизъ.

— Какъ ты это сдѣлала? — съ удивленіемъ спросилъ я, отряхиваясь отъ приставшихъ къ моей одеждѣ вѣточекъ и сухихъ травинокъ. — Это не секретъ?

— Вовсе не секретъ. Я вамъ съ удовольствіемъ разскажу. Только боюсь, что, пожалуй, вы не поймете... Не сумѣю я объяснить...

Я дѣйствительно не совсѣмъ понялъ ее. Но, если не ошибаюсь, этотъ своеобразный фокусъ состоитъ въ томъ, что она, идя за мною слѣдомъ шагъ за шагомъ, нога въ ногу и, неотступно глядя на меня, въ то же время старается подражать каждому, самому малѣйшему моему движенію, такъ сказать, отожествляетъ себя со мною. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько шаговъ, она начинаетъ мысленно воображать, на нѣкоторомъ разстояніи впереди меня, веревку, протянутую поперекъ дороги на аршинъ отъ земли. Въ ту минуту, когда я долженъ прикоснуться ногой къ этой воображаемой веревкѣ, Олеся вдругъ дѣлаетъ падающее движеніе, и тогда, по ея словамъ, самый крѣпкій человѣкъ долженъ непремѣнно упасть... Только много времени спустя я вспомнилъ сбивчивое объясненіе Олеси, когда читалъ отчетъ д-ра Шарко объ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ двумя паціентками Сальпетріера, профессіональными колдуньями, страдавшими истеріей. И я былъ очень удивленъ, узнавъ, что французскія колдуньи изъ простонародья прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ совершенно къ той же сноровкѣ, какую пускала въ ходъ хорошенькая полѣсская вѣдьма.

— О! Я еще много чего умѣю, — самоувѣренно заявила Олеся. — Напримѣръ, я могу нагнать на васъ страхъ!

— Что это значитъ?

— Сдѣлаю такъ, что вамъ страшно станетъ. Сидите вы, напримѣръ, у себя въ комнатѣ вечеромъ, и вдругъ

на васъ найдетъ ни съ того ни съ сего такой страхъ, что вы задрожите и оглянуться назадъ не посмѣете. Только для этого мнѣ нужно знать, гдѣ вы живете, и раньше видѣть вашу комнату.

— Ну, ужъ это совсѣмъ просто,—усомнился я.—Подойдешь къ окну, постучишь, крикнешь что-нибудь.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Я буду въ лѣсу въ это время, никуда изъ хаты не выйду... Но я буду сидѣть и все думать, что вотъ я иду по улицѣ, вхожу въ вашъ домъ, отворяю двери, вхожу въ вашу комнату... Вы сидите гдѣ-нибудь... ну, хоть у стола... я подкрадываюсь къ вамъ сзади тихонько... вы меня не слышите... я хватаю васъ за плечо руками и начинаю давить... все крѣпче, крѣпче, крѣпче... а сама гляжу на васъ... вотъ такъ — смотрите...

Ея тонкія брови вдругъ сдвинулись, глаза въ упоръ остановились на мнѣ съ грознымъ и притягивающимъ выраженіемъ, зрачки увеличились и посинѣли. Мнѣ тотчасъ же вспомнилась видѣнная мною въ Москвѣ, въ Третьяковской галлереѣ, голова Медузы, — работа ужъ не помню какого художника. Подъ этимъ пристальнымъ, страннымъ взглядомъ меня охватилъ холодный ужасъ сверхъестественнаго.

— Ну полно, полно, Олеся... будетъ, — сказалъ я съ дѣланнымъ смѣхомъ. — Мнѣ гораздо больше нравится, когда ты улыбаешься — тогда у тебя такое милое, дѣтское лицо.

Мы пошли дальше. Мнѣ вдругъ вспомнилась выразительность и даже для простой дѣвушки изысканность фразъ въ разговорѣ Олеси, и я сказалъ:

— Знаешь, что меня удивляетъ въ тебѣ, Олеся? Вотъ ты выросла въ лѣсу, никого не видавши... Читать ты, конечно, тоже много не могла...

— Да я вовсе не умѣю и читать-то.

— Ну, тѣмъ болѣе... А между тѣмъ ты такъ хорошо говоришь, не хуже настоящей барышни. Скажи мнѣ, откуда у тебя это? Понимаешь, о чемъ я спрашиваю?

— Да, понимаю. Это все отъ бабушки... Вы не глядите, что она такая съ виду. У! Какая она умная! Вотъ, можетъ-быть, она и при васъ разговорится, когда побольше привыкнетъ... Она все знаетъ, ну просто все на свѣтѣ, про что ни спросишь. Правда, постарѣла она теперь.

— Значитъ, она много видѣла на своемъ вѣку? Откуда она родомъ? Гдѣ она раньше жила?

Кажется, эти вопросы не понравились Олесѣ. Она отвѣтила не сразу, уклончиво и неохотно:

— Не знаю... Да она объ этомъ и не любитъ говорить. Если же когда и скажетъ что̀, то всегда проситъ забыть и не вспоминать больше... Ну, однако мнѣ пора, — заторопилась Олеся: — бабушка будетъ сердиться. До свиданья... Простите, имени вашего не знаю.

Я назвался.

— Иванъ Тимоѳеевичъ? Ну, вотъ и отлично. Такъ до свиданья, Иванъ Тимоѳеевичъ! Не брезгуйте нашей хатой, заходите.

На прощанье я протянулъ ей руку, и ея маленькая, крѣпкая рука отвѣтила мнѣ сильнымъ, дружескимъ пожатіемъ.

VI.

Съ этого дня я сталъ частымъ гостемъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Каждый разъ, когда я приходилъ, Олеся встрѣчала меня съ своимъ привычнымъ сдержаннымъ достоинствомъ. Но всегда, по первому невольному движенію, которое она дѣлала, увидѣвъ меня, я замѣчалъ, что она радуется моему приходу. Старуха попрежнему не переставала бурчать что-то себѣ подъ носъ,

но явнаго недоброжелательства не выражала, благодаря невидимому для меня, но несомнѣнному заступничеству внучки; также немалое вліяніе въ благотворномъ для меня смыслѣ оказывали приносимые мною кое-когда подарки: то теплый платокъ, то банка варенья, то бутылка вишневой наливки. У насъ съ Олесей, точно по безмолвному обоюдному уговору, вошло въ обыкновеніе, что она меня провожала до Ириновскаго шляха, когда я уходилъ домой. И всегда у насъ въ это время завязывался такой живой, интересный разговоръ, что мы оба старались поневолѣ продлить дорогу, идя какъ можно тише безмолвными лѣсными опушками. Дойдя до Ириновскаго шляха, я ее провожалъ обратно съ полверсты, и все-таки, прежде чѣмъ проститься, мы еще долго разговаривали, стоя подъ пахучимъ навѣсомъ сосновыхъ вѣтвей.

Не одна красота Олеси меня въ ней очаровывала, но также и ея цѣльная, самобытная, свободная натура, ея умъ, одновременно ясный и окутанный непоколебимымъ наслѣдственнымъ суевѣріемъ, дѣтски-невинный, но и не лишенный лукаваго кокетства красивой женщины. Она не уставала меня разспрашивать подробно обо всемъ, что̀ занимало и волновало ея первобытное, яркое воображеніе: о странахъ и народахъ, объ явленіяхъ природы, объ устройствѣ земли и вселенной, объ ученыхъ людяхъ, о большихъ городахъ... Многое ей казалось удивительнымъ, сказочнымъ, неправдоподобнымъ. Но я съ самаго начала нашего знакомства взялъ съ нею такой серьезный, искренній и простой тонъ, что она охотно принимала на безконтрольную вѣру всѣ мои разсказы. Иногда, затрудняясь объяснить ей что-нибудь, слишкомъ, по моему мнѣнію, непонятное для ея полудикарской головы (а иной разъ и самому мнѣ не совсѣмъ ясное), я возражалъ на ея жадные вопросы: «Видишь ли... Я не сумѣю тебѣ этого разсказать... Ты не поймешь меня».

Тогда она принималась меня умолять:

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, я постараюсь... Вы хоть какъ-нибудь скажите... хоть и непонятно...

Она принуждала меня пускаться въ чудовищныя сравненія, въ самые дерзкіе примѣры, и если я затруднялся подыскать выраженіе, она сама помогала мнѣ цѣлымъ дождемъ нетерпѣливыхъ вопросовъ, въ родѣ тѣхъ, которые мы предлагаемъ заикѣ, мучительно застрявшему на одномъ словѣ. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ ея гибкій, подвижной умъ и свѣжее воображеніе торжествовали надъ моимъ педагогическимъ безсиліемъ. Я поневолѣ убѣждался, что для своей среды, для своего воспитанія (или, вѣрнѣе сказать, отсутствія его) она обладала изумительными способностями.

Однажды я вскользь упомянулъ что-то про Петербургъ. Олеся тотчасъ же заинтересовалась:

— Что̀ такое Петербургъ? Мѣстечко?

— Нѣтъ, это не мѣстечко; это самый большой русскій городъ.

— Самый большой? Самый, самый, что̀ ни на есть? И больше его нѣту? — наивно пристала она ко мнѣ.

— Ну да... Тамъ все главное начальство живетъ... господа большіе... Дома тамъ все каменные, деревянныхъ нѣтъ.

— Ужъ, конечно, гораздо больше нашей Степани? — увѣренно спросила Олеся.

— О, да... немножко побольше... такъ, разъ въ пятьсотъ. Тамъ такіе есть дома, въ которыхъ въ каждомъ народу живетъ вдвое больше, чѣмъ во всей Степани.

— Ахъ, Боже мой! Какіе же это дома? — почти въ испугѣ спросила Олеся.

Мнѣ пришлось, по обыкновенію, прибѣгнуть къ сравненію.

— Ужасные дома. Въ пять, въ шесть, а то и въ семь этажей. Видишь вотъ ту сосну?

— Самую большую? Вижу.

— Такъ вотъ такіе высокіе дома. И съ верху до низу набиты людьми. Живутъ эти люди въ маленькихъ конуркахъ, точно птицы въ клѣткахъ, человѣкъ по десяти въ каждой, такъ что всѣмъ и воздуху-то не хватаетъ. А другіе внизу живутъ, подъ самой землей, въ сырости и холодѣ; случается, что солнца у себя въ комнатѣ круглый годъ не видятъ.

— Ну, ужъ я бъ ни за что не промѣняла своего лѣса на вашъ городъ, — сказала Олеся, покачавъ головой.— Я и въ Степань-то приду на базаръ, такъ мнѣ противно сдѣлается. Толкаются, шумятъ, бранятся... И такая меня тоска возьметъ за лѣсомъ, — такъ бы бросила все и безъ оглядки побѣжала... Богъ съ нимъ, съ городомъ вашимъ, не стала бы я тамъ жить никогда.

— Ну, а если твой мужъ будетъ изъ города? — спросилъ я съ легкой улыбкой.

Ея брови нахмурились, и тонкія ноздри дрогнули.

— Вотъ еще! — сказала она съ пренебреженіемъ. — Никакого мнѣ мужа не надо.

— Это ты теперь только такъ говоришь, Олеся. Почти всѣ дѣвушки то же самое говорятъ и все же замужъ выходятъ. Подожди немного: встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь, — полюбишь — тогда не только въ городъ, а на край свѣта съ нимъ пойдешь.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... пожалуйста, не будемъ объ этомъ, — досадливо отмахивалась она. — Ну къ чему этотъ разговоръ?.. Прошу васъ, не надо.

— Какая ты смѣшная, Олеся. Неужели ты думаешь, что никогда въ жизни не полюбишь мужчину? Ты — такая молодая, красивая, сильная. Если въ тебѣ кровь загорится, то ужъ тутъ не до зароковъ будетъ.

— Ну что жъ—и полюблю!—сверкнувъ глазами, съ вызовомъ отвѣтила Олеся.—Спрашиваться ни у кого не буду...

— Стало-быть, и замужъ пойдешь, — поддразнилъ я.

— Это вы, можетъ-быть, про церковь говорите? — догадалась она.

— Конечно, про церковь... Священникъ вокругъ аналоя будетъ водить, дьяконъ запоетъ «Исаія ликуй», на голову тебѣ надѣнутъ вѣнецъ...

Олеся опустила вѣки и со слабой улыбкой отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, голубчикъ... Можетъ-быть, вамъ и не понравится, что̀ я скажу, а только у насъ въ роду никто не вѣнчался: и мать и бабка безъ этого прожили... Намъ въ церковь и заходить-то нельзя...

— Все изъ-за колдовства вашего?

— Да, изъ-за нашего колдовства,—со спокойной серьезностью отвѣтила Олеся. — Какъ же я посмѣю въ церковь показаться, если уже отъ самаго рожденія моя душа продана ему.

— Олеся... Милая... Повѣрь мнѣ, что ты сама себя обманываешь... Вѣдь это дико, это смѣшно, что̀ ты говоришь.

На лицѣ Олеси опять показалось уже замѣченное мною однажды странное выраженіе убѣжденной и мрачной покорности своему таинственному предназначенію.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы этого не можете понять, а я это чувствую... Вотъ здѣсь, — она крѣпко притиснула руку къ груди: — въ душѣ чувствую. Весь нашъ родъ проклятъ во вѣки вѣковъ. Да вы посудите сами: кто же намъ помогаетъ, какъ не онъ? Развѣ можетъ простой человѣкъ сдѣлать то, что̀ я могу? Вся наша сила отъ него идетъ.

И каждый разъ нашъ разговоръ, едва коснувшись этой необычайной темы, кончался подобнымъ образомъ. Напрасно я истощалъ всѣ доступные пониманію Олеси доводы, напрасно говорилъ въ простой формѣ о гипнотизмѣ, о внушеніи, о докторахъ-психіатрахъ и объ индійскихъ

факирахъ, напрасно старался объяснить ей физіологическимъ путемъ нѣкоторые изъ ея опытовъ, хотя бы, напримѣръ, заговариваніе крови, которое такъ просто достигается искуснымъ нажатіемъ на вену, — Олеся, такая довѣрчивая ко мнѣ во всемъ остальномъ, съ упрямой настойчивостью опровергала мнѣ мои доказательства и объясненія... «Ну хорошо, хорошо, про заговоръ крови я вамъ, такъ и быть, подарю,—говорила она, возвышая голосъ въ увлеченіи спора:—а откуда же другое берется? Развѣ я одно только и знаю, что кровь заговаривать? Хотите, я вамъ въ одинъ день всѣхъ мышей и таракановъ выведу изъ хаты? Хотите, я въ два дня вылѣчу простой водой самую сильную огневицу, хоть бы всѣ ваши доктора отъ больного отказались? Хотите, я сдѣлаю такъ, что вы какое-нибудь одно слово совсѣмъ позабудете? А сны почему я разгадываю? А будущее почему узнаю?»

Кончался этотъ споръ всегда тѣмъ, что и я и Олеся умолкали не безъ внутренняго раздраженія другъ противъ друга. Дѣйствительно, для многаго изъ ея чернаго искусства я не умѣлъ найти объясненія въ своей небольшой наукѣ. Я не знаю и не могу сказать, обладала ли Олеся и половиной тѣхъ секретовъ, о которыхъ говорила съ такой наивной вѣрой, но то, чему я самъ бывалъ нерѣдко свидѣтелемъ, вселило въ меня непоколебимое убѣжденіе, что Олесѣ были доступны тѣ безсознательныя, инстинктивныя, туманныя, добытыя случайнымъ опытомъ, странныя знанія, которыя, опередивъ точную науку на цѣлыя столѣтія, живутъ, перемѣшавшись со смѣшными и дикими повѣрьями, въ темной, замкнутой народной массѣ, передаваясь, какъ величайшая тайна, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Несмотря на рѣзкое разногласіе, въ этомъ единственномъ пунктѣ, мы все сильнѣе и крѣпче привязывались другъ къ другу. О любви между нами не было сказано

еще ни слова, но быть вмѣстѣ для насъ уже сдѣлалось потребностью, и часто въ молчаливыя минуты, когда наши взгляды нечаянно и одновременно встрѣчались, я видѣлъ, какъ увлажнялись глаза Олеси, и какъ билась тоненькая голубая жилка у нея на вискѣ...

Зато мои отношенія съ Ярмолой совсѣмъ испортились. Для него, очевидно, не были тайной мои посѣщенія избушки на курьихъ ножкахъ и вечернія прогулки съ Олесей: онъ всегда съ удивительной точностью зналъ все, что̀ происходитъ въ его лѣсу. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что онъ начинаетъ избѣгать меня. Его черные глаза слѣдили за мною издали съ упрекомъ и неудовольствіемъ каждый разъ, когда я собирался итти въ лѣсъ, хотя порицанія своего онъ не высказывалъ ни однимъ словомъ. Наши комически-серьезныя занятія грамотой прекратились. Если же я иногда вечеромъ звалъ Ярмолу учиться, онъ только махалъ рукой.

— Куда тамъ! Пустое это дѣло, панычъ, — говорилъ онъ съ лѣнивымъ презрѣніемъ.

На охоту мы тоже перестали ходить. Всякій разъ, когда я подымалъ объ этомъ разговоръ, у Ярмолы находился какой-нибудь предлогъ для отказа: то ружье у него неисправно, то собака больна, то ему самому некогда: «Нема часу, панычъ... нужно пашню сегодня орать»,—чаще всего отвѣчалъ Ярмола на мое приглашеніе, и я отлично зналъ, что онъ вовсе не будетъ «оратъ пашню», а проведетъ цѣлый день около монополіи въ сомнительной надеждѣ на чье-нибудь угощеніе. Эта безмолвная, затаенная вражда начинала меня утомлять, и я уже подумывалъ о томъ, чтобы отказаться отъ услугъ Ярмолы, воспользовавшись для этого первымъ подходящимъ предлогомъ... Меня останавливало только чувство жалости къ его огромной нищей семьѣ, которой четыре рубля Ярмолова жалованья помогали не умереть съ голода.

VII.

Однажды, когда я, по обыкновенію, пришелъ передъ вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ, мнѣ сразу бросилось въ глаза удрученное настроеніе духа ея обитательницъ. Старуха сидѣла съ ногами на постели и, сгорбившись, обхвативъ голову руками, качалась взадъ и впередъ и что-то невнятно бормотала. На мое привѣтствіе она не обратила никакого вниманія. Олеся поздоровалась со мной, какъ и всегда, ласково, но разговоръ у насъ не вязался. Повидимому, она слушала меня разсѣянно и отвѣчала невпопадъ. На ея красивомъ лицѣ лежала тѣнь какой-то безпрестанной внутренней заботы.

— Я вижу, у васъ случилось что-то нехорошее, Олеся, — сказалъ я, осторожно прикасаясь рукой къ ея рукѣ, лежавшей на скамейкѣ.

Олеся быстро отвернулась къ окну, точно разглядывая тамъ что̀. Она старалась казаться спокойной, но ея брови сдвинулись и задрожали, а зубы крѣпко прикусили нижнюю губу.

— Нѣтъ... что̀ же у насъ могло случиться особеннаго? — произнесла она глухимъ голосомъ. — Все какъ было, такъ и осталось.

— Олеся, зачѣмъ ты говоришь мнѣ неправду? Это нехорошо съ твоей стороны... А я было-думалъ, что мы съ тобой совсѣмъ друзьями стали.

— Право же, ничего нѣтъ... Такъ... свои заботы... пустячныя...

— Нѣтъ, Олеся, должно-быть, не пустячныя. Посмотри — ты сама на себя непохожа сдѣлалась.

— Это вамъ такъ кажется только.

— Будь же со мной откровенна, Олеся. Не знаю, смогу ли я тебѣ помочь, но, можетъ-быть, хоть совѣтъ ка-

кой-нибудь дамъ... Ну, наконецъ, просто тебѣ легче станетъ, когда подѣлишься горемъ.

— Ахъ, да, правда, не стоитъ и говорить объ этомъ,— съ нетерпѣніемъ возразила Олеся. — Ничѣмъ вы тутъ намъ не можете пособить.

Старуха вдругъ съ небывалой горячностью вмѣшалась въ нашъ разговоръ:

— Чего ты фордыбачишься, дурочка! Тебѣ дѣло говорятъ, а ты носъ дерешь. Точно умнѣе тебя и на свѣтѣ-то нѣтъ никого. Позвольте, господинъ, я вамъ всю эту исторію разскажу по порядку, — повернулась она въ мою сторону.

Размѣры непріятности оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ я могъ предположить изъ словъ гордой Олеси. Вчера вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ заѣзжалъ мѣстный урядникъ.

— Сначала-то онъ честь-честью сѣлъ и водки потребовалъ, — говорила Мануйлиха: — а потомъ и пошелъ, и пошелъ. Выбирайся, говоритъ, изъ хаты въ двадцать четыре часа со всѣми своими потрохами. Если говоритъ, я въ слѣдующій разъ пріѣду и застану тебя здѣсь, такъ и знай, не миновать тебѣ этапнаго порядка. При двухъ, говоритъ, солдатахъ отправлю тебя, анаѳему, на родину. А моя родина, батюшка, далекая, городъ Амченскъ... У меня тамъ теперь и души знакомой нѣтъ, да и пачпорта наши просрочены-распросрочены, да еще къ тому неисправные. Ахъ, Ты, Господи, несчастье мое!

— Почему же онъ раньше позволялъ тебѣ жить, а только теперь надумался? — спросилъ я.

— Да вотъ поди жъ ты... Брехалъ онъ что-то такое, да я, признаться, не поняла. Видишь, какое дѣло: хибарка эта, вотъ въ которой мы живемъ, не наша, а помѣщичья. Вѣдь мы раньше съ Олесей на селѣ жили, а потомъ...

— Знаю, знаю, бабушка, слышалъ объ этомъ... Мужики на тебя разсердились...

— Ну вотъ, вотъ это самое. Я тогда у стараго помѣщика, господина Абросимова, эту халупу выпросила. Ну, а теперь будто бы купилъ лѣсъ новый помѣщикъ, и будто бы хочетъ онъ какія-то болота, что ли, сушить. Только чего же я-то имъ помѣшала?

— Бабушка, а можетъ-быть, все это вранье одно? — замѣтилъ я. — Просто-напросто уряднику «красненькую» захотѣлось получить.

— Давала, родной, давала. Не бере-етъ! Вотъ исторія... Четвертной билетъ давала, не беретъ... Куд-да тебѣ! Такъ на меня вызвѣрился, что я ужъ не знала, гдѣ стою. Заладилъ въ одну душу: «вонъ да вонъ!» Что̀ жъ мы теперь дѣлать будемъ, сироты мы несчастныя! Батюшка родимый, хоть бы ты намъ чѣмъ помогъ, усовѣстилъ бы его, утробу ненасытную. Вѣкъ бы, кажется, была тебѣ благодарна.

— Бабушка! — укоризненно, съ разстановкой произнесла Олеся.

— Чего тамъ — бабушка! — разсердилась старуха. — Я тебѣ уже двадцать пятый годъ — бабушка. Что̀ же, по-твоему, съ сумой лучше итти? Нѣтъ, господинъ, вы ея не слушайте. Ужъ будьте милостивы, если что̀ можете сдѣлать, то сдѣлайте.

Я въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ обѣщалъ похлопотать, хотя, по правдѣ сказать, надежды было мало. Если ужъ нашъ урядникъ отказывался «взять», значитъ, дѣло было слишкомъ серьезное. Въ этотъ вечеръ Олеся простилась со мной холодно и, противъ обыкновенія, не пошла меня провожать. Я видѣлъ, что самолюбивая дѣвушка сердится на меня за мое вмѣшательство и немного стыдится бабушкиной плаксивости.

VIII.

Было сѣренькое теплое утро. Уже нѣсколько разъ принимался итти крупный, короткій, благодатный дождь, послѣ котораго на глазахъ растетъ молодая трава и вытягиваются новые побѣги. Послѣ дождя на минутку выглядывало солнце, обливая радостнымъ сверканіемъ облитую дождемъ молодую, еще нѣжную зелень сиреней, сплошь наполнявшихъ мой палисадникъ; громче становился задорный крикъ воробьевъ на рыхлыхъ огородныхъ грядкахъ; сильнѣе благоухали клейкія коричневыя почки тополя. Я сидѣлъ у стола и чертилъ планъ лѣсной дачи, когда въ комнату вошелъ Ярмола.

— Есть врядникъ, — проговорилъ онъ мрачно.

У меня въ эту минуту совсѣмъ вылетѣло изъ головы отданное мною два дня тому назадъ приказаніе увѣдомить меня въ случаѣ пріѣзда урядника, и я никакъ не могъ сразу сообразить, какое отношеніе имѣетъ въ настоящую минуту ко мнѣ этотъ представитель власти.

— Что̀ такое? — спросилъ я въ недоумѣніи.

— Говорю, что врядникъ пріѣхалъ, — повторилъ Ярмола тѣмъ же враждебнымъ тономъ, который онъ вообще принялъ со мною за послѣдніе дни. — Сейчасъ я видѣлъ его на плотинѣ. Сюда ѣдетъ.

На улицѣ послышалось тарахтѣніе колесъ. Я поспѣшно бросился къ окну и отворилъ его. Длинный, худой, шоколаднаго цвѣта меринъ, съ отвислой нижней губой и обиженной мордой, степенной рысцой влекъ высокую тряскую плетушку, съ которой онъ былъ соединенъ при помощи одной лишь оглобли, — другую оглоблю замѣняла толстая веревка (злые уѣздные языки увѣряли, что урядникъ нарочно завелъ этотъ печальный «выѣздъ» для пресѣченія всевозможныхъ нежелательныхъ толкованій). Урядникъ самъ правилъ лошадью, занимая своимъ чудо-

вищнымъ тѣломъ, облеченнымъ въ сѣрую шинель щегольского офицерскаго сукна, оба сидѣнья.

— Мое почтеніе, Евпсихій Африкановичъ! — крикнулъ я, высовываясь изъ окошка.

— А-а, мое почтенье-съ! Какъ здоровьице? — отозвался онъ любезнымъ, раскатистымъ начальническимъ баритономъ.

Онъ сдержалъ мерина и, прикоснувшись выпрямленной ладонью къ козырьку, съ тяжеловѣсной граціей наклонилъ впередъ туловище.

— Зайдите на минуточку. У меня къ вамъ дѣлишко одно есть.

Урядникъ широко развелъ руками и затрясъ головой.

— Не могу-съ! При исполненіи служебныхъ обязанностей. Ѣду въ Волошу на мертвое тѣло — утопленникъ-съ.

Но я уже зналъ слабыя стороны Евпсихія Африкановича и потому сказалъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— Жаль, жаль... А я изъ экономіи графа Ворцеля добылъ пару такихъ бутылочекъ...

— Не могу-съ. Долгъ службы...

— Мнѣ буфетчикъ по знакомству продалъ. Онъ ихъ въ погребѣ какъ дѣтей родныхъ воспитывалъ... Зашли бы... А я вашему коньку овса прикажу дать.

— Вѣдь вотъ вы какой, право, — съ упрекомъ сказалъ урядникъ. — Развѣ не знаете, что служба прежде всего?.. А они съ чѣмъ, эти бутылки-то? Сливянка?

— Какое сливянка! — махнулъ я рукой. — Старка, батюшка, вотъ что̀!

— Мы, признаться, ужъ подзакусили, — съ сожалѣніемъ почесалъ щеку урядникъ, невѣроятно сморщивъ при этомъ лицо.

Я продолжалъ съ прежнимъ спокойствіемъ:

— Не знаю, правда ли, но буфетчикъ божился, что

ей двѣсти лѣтъ. Запахъ прямо какъ коньякъ и самой янтарной желтизны.

— Эхъ! Что̀ вы со мной дѣлаете! — воскликнулъ въ комическомъ отчаяніи урядникъ. — Кто же у меня лошадь-то приметъ?

Старки у меня дѣйствительно, оказалось нѣсколько бутылокъ, хотя и не такой древней, какъ я хвастался, но я разсчитывалъ, что сила внушенія прибавитъ ей нѣсколько десятковъ лѣтъ... Во всякомъ случаѣ это была подлинная домашняя, ошеломляющая старка, гордость погреба разорившагося магната (Евпсихій Африкановичъ, который происходилъ изъ духовныхъ, немедленно выпросилъ у меня бутылку на случай, какъ онъ выразился, могущаго произойти простуднаго заболѣванія...). И закуска у меня нашлась гастрономическая: молодая редиска со свѣжимъ, только-что сбитымъ масломъ.

— Ну-съ, а дѣльце-то ваше какого сорта? — спросилъ послѣ пятой рюмки урядникъ, откинувшись на спинку затрещавшаго подъ нимъ стараго кресла.

Я принялся излагать ему положеніе бѣдной старухи, упомянулъ про ея безпомощность и отчаяніе, вскользь прошелся насчетъ ненужнаго формализма. Урядникъ слушалъ меня съ опущенной внизъ головой, методически очищая отъ корешковъ красную, упругую, ядреную редиску и пережевывая ее съ аппетитнымъ хрустѣніемъ. Изрѣдка онъ быстро вскидывалъ на меня равнодушные, мутные, до смѣшного маленькіе и голубые глаза, но на его красной огромной физіономіи я не могъ ничего прочесть: ни сочувствія ни сопротивленія. Когда я наконецъ замолчалъ, онъ только спросилъ:

— Ну, такъ чего же вы отъ меня хотите?

— Какъ чего? — заволновался я. — Вникните же, пожалуйста, въ ихъ положеніе. Живутъ двѣ бѣдныя, беззащитныя женщины...

— И одна изъ нихъ прямо бутонъ садовый! — ехидно вставилъ урядникъ.

— Ну ужъ тамъ бутонъ или не бутонъ — это дѣло девятое. Но почему, скажите, вамъ и не принять въ нихъ участія? Будто бы вамъ ужъ такъ къ спѣху требуется ихъ выселить? Ну хоть подождите немного, покамѣстъ я самъ у помѣщика похлопочу. Чѣмъ вы рискуете, если подождете съ мѣсяцъ?

— Какъ, чѣмъ я рискую-съ?! — взвился съ кресла урядникъ. — Помилуйте, да всѣмъ рискую и прежде всего службой-съ. Богъ его знаетъ, каковъ этотъ господинъ Ильяшевичъ, новый помѣщикъ. А, можетъ-быть, каверзникъ-съ... изъ такихъ, которые, чуть что̀, сейчасъ бумажку, перышко и доносикъ въ Петербургъ-съ? У насъ вѣдь бываютъ и такіе-съ!

Я попробовалъ успокоить расходившагося урядника.

— Ну полноте, Евпсихій Африкановичъ. Вы преувеличиваете все это дѣло. Наконецъ, что̀ же? Вѣдь рискъ рискомъ, а благодарность все-таки благодарностью.

— Фью-ю-ю! — протяжно свистнулъ урядникъ и глубоко засунулъ руки въ карманы шароваръ. — Тоже благодарность называется! Что̀ же вы думаете, я изъ-за какихъ-нибудь двадцати пяти рублей поставлю на карту свое служебное положеніе? Нѣтъ-съ, это вы обо мнѣ плохо понимаете.

— Да что̀ вы горячитесь, Евпсихій Африкановичъ. Здѣсь вовсе не въ суммѣ дѣло, а просто такъ... Ну хоть по человѣчеству...

— По че-ло-вѣ-че-ству? — иронически отчеканилъ онъ каждый слогъ. — Позвольте-съ, да у меня эти человѣки вотъ гдѣ сидятъ-съ!

Онъ энергично ударилъ себя по могучему бронзовому затылку, который свѣшивался на воротникъ жирной безволосой складкой.

— Ну, ужъ это вы, кажется, слишкомъ, Евпсихій Африкановичъ.

— Ни капельки не слишкомъ-съ. «Это — язва здѣшнихъ мѣстъ», по выраженію знаменитаго баснописца, господина Крылова. Вотъ кто эти двѣ дамы-съ! Вы не изволили читать прекрасное сочиненіе его сіятельства, князя Урусова, подъ заглавіемъ «Полицейскій урядникъ»?

— Нѣтъ, не приходилось.

— И очень напрасно-съ. Прекрасное и высокоправственное произведеніе. Совѣтую на досугѣ ознакомиться...

— Хорошо, хорошо, я съ удовольствіемъ ознакомлюсь. Но я все-таки не понимаю, какое отношеніе имѣетъ эта книжка къ двумъ бѣднымъ женщинамъ?

— Какое? Очень прямое-съ. Пунктъ первый (Евпсихій Африкановичъ загнулъ толстый, волосатый указательный палецъ на лѣвой рукѣ): «Урядникъ имѣетъ неослабное наблюденіе, чтобы всѣ ходили въ храмъ Божій съ усердіемъ, пребывая, однако, въ ономъ безъ усилія...» Позвольте узнать, ходитъ ли эта... какъ ее... Мануйлиха, что ли?.. Ходитъ ли она когда-нибудь въ церковь?

Я молчалъ, удивленный неожиданнымъ оборотомъ рѣчи. Онъ поглядѣлъ на меня съ торжествомъ и загнулъ второй палецъ.

— Пунктъ вторый: «Запрещаются повсемѣстно лжепредсказанія и лжепредзнаменованія...» Чувствуете-съ? Затѣмъ пунктъ третій-съ: «Запрещается выдавать себя за колдуна или чародѣя и употреблять подобные обманы-съ». Что̀ вы на это скажете? А вдругъ все это обнаружится или стороной дойдетъ до начальства? Кто въ отвѣтѣ? — Я. Кого изъ службы по шапкѣ? — Меня. Видите, какая штукенція.

Онъ опять усѣлся въ кресло. Глаза его, поднятые кверху, разсѣянно бродили по стѣнамъ комнаты, а пальцы громко барабанили по столу.

— Ну, а если я васъ попрошу, Евпсихій Африкановичъ, — началъ я опять умильнымъ тономъ. — Конечно, ваши обязанности сложныя и хлопотливыя, но вѣдь сердце у васъ, я знаю, предоброе, золотое сердце. Что̀ вамъ сто̀итъ пообѣщать мнѣ не трогать этихъ женщинъ?

Глаза урядника вдругъ остановились поверхъ моей головы.

— Хорошенькое у васъ ружьишко, — небрежно уронилъ онъ, не переставая барабанить.—Славное ружьишко. Прошлый разъ, когда я къ вамъ заѣзжалъ и не засталъ дома, я все на него любовался... Чудное ружьецо!

Я тоже повернулъ голову назадъ и поглядѣлъ на ружье.

— Да, ружье недурное, — похвалилъ я. — Вѣдь оно старинное, фабрики Гастингъ-Реннета, я его только въ прошломъ году на центральное передѣлалъ. Вы обратите вниманіе на стволы.

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ... я на стволы-то главнымъ образомъ и любовался. Великолѣпная вещь... Просто, можно сказать, сокровище.

Наши глаза встрѣтились, и я увидѣлъ, какъ въ углахъ губъ урядника дрогнула легкая, но многозначительная улыбка. Я поднялся съ мѣста, снялъ со стѣны ружье и подошелъ съ нимъ къ Евпсихію Африкановичу.

— У черкесовъ есть очень милый обычай дарить гостю все, что̀ онъ похвалитъ, — сказалъ я любезно. — Мы съ вами хотя и не черкесы, Евпсихій Африкановичъ, но я прошу васъ принять отъ меня эту вещь на память.

Урядникъ для виду застыдился.

— Помилуйте, такую прелесть! Нѣтъ, нѣтъ, это уже черезчуръ щедрый обычай!

Однако мнѣ не пришлось долго его уговаривать. Урядникъ принялъ ружье, бережно поставилъ его между своихъ колѣнъ и любовно отеръ чистымъ носовымъ платкомъ пыль, осѣвшую на спусковой скобѣ. Я немного успокоился, увидѣвъ, что ружье по крайней мѣрѣ перешло

въ руки любителя и знатока. Почти тотчасъ Евпсихій Африкановичъ всталъ и заторопился ѣхать.

— Дѣло не ждетъ, а я тутъ съ вами забалакался, — говорилъ онъ, громко стуча о полъ неналѣзавшими калошами. — Когда будете въ нашихъ краяхъ, милости просимъ ко мнѣ.

— Ну, а какъ же насчетъ Мануйлихи, господинъ начальство? — деликатно напомнилъ я.

— Посмотримъ, увидимъ... — неопредѣленно буркнулъ Евпсихій Африкановичъ. — Я вотъ васъ еще о чемъ хотѣлъ попросить... Редисъ у васъ замѣчательный...

— Самъ вырастилъ.

— Уд-дивительный редисъ! А у меня, знаете ли, моя благовѣрная страшная обожательница всякой овощи. Такъ если бы, знаете, того... пучочекъ одинъ.

— Съ наслажденіемъ, Евпсихій Африкановичъ. Сочту долгомъ... Сегодня же съ нарочнымъ отправлю корзиночку. И маслица ужъ позвольте заодно... Масло у меня на рѣдкость.

— Ну, и маслица... — милостиво разрѣшилъ урядникъ. — А этимъ бабамъ вы дайте ужъ знакъ, что я ихъ пока-что не трону. Только пусть онѣ вѣдаютъ, — вдругъ возвысилъ онъ голосъ: — что однимъ спасибо отъ меня не отдѣлаются. А засимъ желаю здравствовать. Еще разъ мерси вамъ за подарочекъ и за угощеніе.

Онъ по-военному пристукнулъ каблуками и грузной походкой сытаго важнаго человѣка пошелъ къ своему экипажу, около котораго въ почтительныхъ позахъ безъ шапокъ уже стояли сотскій, сельскій староста и Ярмола.

IX.

Евпсихій Африкановичъ сдержалъ свое обѣщаніе и оставилъ на неопредѣленное время въ покоѣ обитательницъ

лѣсной хатки. Но мои отношенія съ Олесей рѣзко и странно измѣнились. Въ ея обращеніи со мной не осталось и слѣда прежней довѣрчивой и наивной ласки, прежняго оживленія, въ которомъ такъ мило смѣшивалось кокетство красивой дѣвушки съ рѣзвой ребяческой шаловливостью. Въ нашемъ разговорѣ появилась какая-то непреодолимая неловкая принужденность... Съ поспѣшной боязливостью Олеся избѣгала живыхъ темъ, дававшихъ раньше такой безбрежный просторъ нашему любопытству.

Въ моемъ присутствіи она отдавалась работѣ съ напряженной, суровой дѣловитостью, но часто я наблюдалъ, какъ среди этой работы ея руки вдругъ опускались безсильно вдоль колѣнъ, а глаза неподвижно и неопредѣленно устремлялись внизъ, на полъ. Если въ такую минуту я называлъ Олесю по имени или предлагалъ ей какой-нибудь вопросъ, она вздрагивала и медленно обращала ко мнѣ свое лицо, въ которомъ отражались испугъ и усиліе понять смыслъ моихъ словъ. Иногда мнѣ казалось, что ее тяготитъ и стѣсняетъ мое общество, но это предположеніе плохо вязалось съ громаднымъ интересомъ, возбуждаемымъ въ ней всего лишь нѣсколько дней тому назадъ каждымъ моимъ замѣчаніемъ, каждой фразой... Оставалось думать только, что Олеся не хочетъ мнѣ простить моего, такъ возмутившаго ея независимую натуру, покровительства въ дѣлѣ съ урядникомъ. Но и эта догадка не удовлетворяла меня: откуда, въ самомъ дѣлѣ, могла явиться у простой, выросшей среди лѣса дѣвушки такая чрезмѣрно-щепетильная гордость?

Все это требовало разъясненій, а Олеся упорно избѣгала всякаго благопріятнаго случая для откровеннаго разговора. Наши вечернія прогулки прекратились. Напрасно каждый день, собираясь уходить, я бросалъ на Олесю краснорѣчивые, умоляющіе взгляды, — она дѣлала видъ,

что не понимаетъ ихъ значенія. Присутствіе же старухи, несмотря на ея глухоту, безпокоило меня.

Иногда я возмущался противъ собственнаго безсилія и противъ привычки, тянувшей меня каждый день къ Олесѣ. Я и самъ не подозрѣвалъ, какими тонкими, крѣпкими, незримыми нитями было привязано мое сердце къ этой очаровательной, непонятной для меня дѣвушкѣ. Я еще не думалъ о любви, но я уже переживалъ тревожный, предшествующій любви періодъ, полный смутныхъ, томительно-грустныхъ ощущеній. Гдѣ бы я ни былъ, чѣмъ бы ни старался развлечься, — всѣ мои мысли были заняты образомъ Олеси, все мое существо стремилось къ ней, каждое воспоминаніе объ ея, иной разъ самыхъ ничтожныхъ словахъ, объ ея жестахъ и улыбкахъ, сжимало съ тихой и сладкой болью мое сердце. Но наступалъ вечеръ, и я подолгу сидѣлъ возлѣ нея на низкой шаткой скамеечкѣ, съ досадой чувствуя себя все болѣе робкимъ, неловкимъ и ненаходчивымъ.

Однажды я провелъ такимъ образомъ около Олеси цѣлый день. Уже съ утра я себя чувствовалъ нехорошо, хотя еще не могъ ясно опредѣлить, въ чемъ заключалось мое нездоровье. Къ вечеру мнѣ стало хуже. Голова сдѣлалась тяжелой, въ ушахъ шумѣло, въ темени я ощущалъ тупую безпрестанную боль, — точно кто-то давилъ на него мягкой, но сильной рукой. Во рту у меня пересохло, и по всему тѣлу постоянно разливалась какая-то лѣнивая, томная слабость, отъ которой каждую минуту хотѣлось зѣвать и тянуться. Въ глазахъ чувствовалась такая боль, какъ будто бы я только-что пристально и близко глядѣлъ на блестящую точку.

Когда же позднимъ вечеромъ я возвращался домой, то какъ разъ на серединѣ пути меня вдругъ схватилъ и затрясъ бурный приступъ озноба. Я шелъ, почти не видя дороги, почти не сознавая, куда иду, и шатаясь, какъ

пьяный, между тѣмъ какъ мои челюсти выбивали одна о другую частую и громкую дробь.

Я до сихъ поръ не знаю, кто довезъ меня до дому... Ровно шесть дней била меня неотступная, ужасная полѣсская лихорадка. Днемъ недугъ какъ будто бы затихалъ, и ко мнѣ возвращалось сознаніе. Тогда, совершенно изнуренный болѣзнью, я еле-еле бродилъ по комнатѣ съ болью и слабость въ колѣняхъ; при каждомъ болѣе сильномъ движеніи кровь приливала горячей волной къ головѣ и застилала мракомъ всѣ предметы передъ моими глазами. Вечеромъ же, обыкновенно часовъ около семи, какъ буря, налеталъ на меня приступъ болѣзни, и я проводилъ на постели ужасную, длинную, какъ столѣтіе, ночь, то трясясь подъ одѣяломъ отъ холода, то пылая невыносимымъ жаромъ. Едва только дремота слегка касалась меня, какъ странныя, нелѣпыя, мучительно-пестрыя сновидѣнія начинали играть моимъ разгоряченнымъ мозгомъ. Всѣ мои грезы были полны мелочныхъ, микроскопическихъ деталей, громоздившихся и цѣплявшихся одна за другую въ безобразной сутолокѣ. То мнѣ казалось, что я разбираю какіе-то разноцвѣтные, причудливыхъ формъ ящики, вынимая маленькіе изъ большихъ, а изъ маленькихъ еще меньшіе, и никакъ не могу прекратить этой безконечной работы, которая мнѣ давно уже кажется отвратительной. То мелькали передъ моими глазами съ одуряющей быстротой длинныя яркія полосы обоевъ, и на нихъ, вмѣсто узоровъ, я съ изумительной отчетливостью видѣлъ цѣлыя гирлянды изъ человѣческихъ физіономій — порою красивыхъ, добрыхъ и улыбающихся, порою дѣлающихъ страшныя гримасы, высовывающихъ языки, скалящихъ зубы и вращающихъ огромными бѣлками. Затѣмъ я вступалъ съ Ярмолой въ запутанный, необычайно сложный отвлеченный споръ. Съ каждой минутой доводы, которые мы приводили другъ другу, становились все болѣе тон-

кими и глубокими; отдѣльныя слова и даже буквы словъ принимали вдругъ таинственное, неизмѣримое значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ меня все сильнѣе охватывалъ брезгливый ужасъ передъ невѣдомой, противоестественной силой, что̀ выматываетъ изъ моей головы одинъ за другимъ уродливые софизмы и не позволяетъ мнѣ прервать давно уже опротивѣвшаго спора...

Это былъ какой-то кипящій вихрь человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ, ландшафтовъ, предметовъ самыхъ удивительныхъ формъ и цвѣтовъ, словъ и фразъ, значеніе которыхъ воспринималось всѣми чувствами... Но — странное дѣло — въ то же время я не переставалъ видѣть на потолкѣ свѣтлый ровный кругъ, отбрасываемый лампой съ зеленымъ обгорѣвшимъ абажуромъ. И я зналъ почему-то, что въ этомъ спокойномъ кругѣ съ нечеткими краями притаилась безмолвная, однообразная, таинственная и грозная жизнь, еще болѣе жуткая и угнетающая, чѣмъ бѣшеный хаосъ моихъ сновидѣній.

Потомъ я просыпался, или, вѣрнѣе, не просыпался, а внезапно заставалъ себя бодрствующимъ. Сознаніе почти возвращалось ко мнѣ. Я понималъ, что лежу въ постели, что я боленъ, что я только-что бредилъ, но свѣтлый кругъ на темномъ потолкѣ все-таки пугалъ меня затаенной зловѣщей угрозой. Слабою рукой дотягивался я до часовъ, смотрѣлъ на нихъ и съ тоскливымъ недоумѣніемъ убѣждался, что вся безконечная вереница моихъ уродливыхъ сновъ заняла не болѣе двухъ-трехъ минутъ. «Господи! Да когда же настанетъ разсвѣтъ!» — съ отчаяніемъ думалъ я, мечась головой по горячимъ подушкамъ и чувствуя, какъ опаляетъ мнѣ губы мое собственное тяжелое и короткое дыханіе... Но вотъ опять овладѣвала мною тонкая дремота, и опять мозгъ мой дѣлался игралищемъ пестраго кошмара, и опять черезъ двѣ минуты я просыпался, охваченный смертельной тоской...

Черезъ шесть дней моя крѣпкая натура, вмѣстѣ съ помощью хинина и настоя подорожника, побѣдила болѣзнь. Я всталъ съ постели весь разбитый, едва держась на ногахъ. Выздоровленіе совершалось съ жадной быстротой. Въ головѣ, утомленной шестидневнымъ лихорадочнымъ бредомъ, чувствовалось теперь лѣнивое и пріятное отсутствіе мыслей. Аппетитъ явился въ удвоенномъ размѣрѣ, и тѣло мое крѣпло по часамъ, впивая каждой своей частицей здоровье и радость жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ новой силой потянуло меня въ лѣсъ, въ одинокую, покривившуюся хату. Нервы мои еще не оправились, и каждый разъ, вызывая въ памяти лицо и голосъ Олеси, я чувствовалъ такое нѣжное умиленіе, что мнѣ хотѣлось плакать.

X.

Прошло еще пять дней, и я настолько окрѣпъ, что пѣшкомъ, безъ малѣйшей усталости, дошелъ до избушки на курьихъ ножкахъ. Когда я ступилъ на ея порогъ, то сердце забилось съ тревожнымъ страхомъ у меня въ груди. Почти двѣ недѣли не видалъ я Олеси и теперь особенно ясно понялъ, какъ была она мнѣ близка и мила. Держась за скобку двери, я нѣсколько секундъ медлилъ и едва переводилъ дыханіе. Въ нерѣшимости я даже закрылъ глаза на нѣкоторое время, прежде чѣмъ толкнуть дверь...

Въ впечатлѣніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя послѣдовали за моимъ входомъ, никогда невозможно разобраться... Развѣ можно запомнить слова, произносимыя въ первые моменты встрѣчи матерью и сыномъ, мужемъ и женой, или двумя влюбленными? Говорятся самыя простыя, самыя обиходныя фразы, смѣшныя даже, если ихъ записывать съ точностью на бумагѣ. Но здѣсь каждое

слово умѣстно и безконечно мило уже потому, что говорится оно самымъ дорогимъ на свѣтѣ голосомъ.

Я помню, очень ясно помню только то, что ко мнѣ быстро обернулось блѣдное лицо Олеси, и что на этомъ прелестномъ, новомъ для меня лицѣ въ одно мгновеніе отразились, смѣняя другъ друга, недоумѣніе, испугъ, тревога и нѣжная, сіяющая улыбка любви... Старуха что-то шамкала, топчась возлѣ меня, но я не слышалъ ея привѣтствій. Голосъ Олеси донесся до меня, какъ сладкая музыка:

— Что̀ съ вами случилось? Вы были больны? Охъ, какъ же вы исхудали, бѣдный мой.

Я долго не могъ ей ничего отвѣтить, и мы молча стояли другъ противъ друга, держась за руки, прямо, глубоко и радостно смотря другъ другу въ глаза. Эти нѣсколько молчаливыхъ секундъ я всегда считаю самыми счастливыми въ моей жизни, — никогда, никогда, ни раньше ни позднѣе, я не испытывалъ такого чистаго, полнаго, всепоглощающаго восторга. И какъ много я читалъ въ большихъ темныхъ глазахъ Олеси: и волненіе встрѣчи, и упрекъ за мое долгое отсутствіе, и горячее признаніе въ любви... Я почувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ взглядомъ Олеся отдаетъ мнѣ радостно, безъ всякихъ условій и колебаній, все свое существо.

Она первая нарушила это очарованіе, указавъ мнѣ медленнымъ движеніемъ вѣкъ на Мануйлиху. Мы усѣлись рядомъ, и Олеся принялась подробно и заботливо разспрашивать меня о ходѣ моей болѣзни, о лѣкарствахъ, которыя я принималъ, о словахъ и мнѣніяхъ доктора (два раза пріѣзжавшаго ко мнѣ изъ мѣстечка). Про доктора она заставила меня разсказать нѣсколько разъ подъ рядъ, и я порою замѣчалъ на ея губахъ бѣглую насмѣшливую улыбку.

— Ахъ, зачѣмъ я не знала, что вы захворали! — вос-

кликнула она съ нетерпѣливымъ сожалѣніемъ. — Я бы въ одинъ день васъ на ноги поставила... Ну, какъ же имъ можно довѣриться, когда они ничего, ни-че-го не понимаютъ? Почему вы за мной не послали?

Я замялся.

— Видишь ли, Олеся... это и случилось такъ внезапно... и кромѣ того я боялся тебя безпокоить. Ты въ послѣднее время стала со мной какая-то странная, точно все сердилась на меня, или надоѣлъ я тебѣ... Послушай, Олеся,— прибавилъ я, понижая голосъ: — намъ съ тобой много, много нужно поговорить... только однимъ... понимаешь?

Она тихо опустила вѣки въ знакъ согласія, потомъ боязливо оглянулась на бабушку и быстро шепнула:

— Да... я и сама хотѣла... потомъ... подождите...

Едва только закатилось солнце, какъ Олеся стала меня торопить итти домой.

— Собирайтесь, собирайтесь скорѣе, — говорила она, увлекая меня за руку со скамейки. — Если васъ теперь сыростью охватитъ, — болѣзнь сейчасъ же назадъ вернется.

— А ты куда же, Олеся? — спросила вдругъ Мануйлиха, видя, что ея внучка поспѣшно набросила на голову большой сѣрый шерстяной платокъ.

— Пойду... провожу немножко, — отвѣтила Олеся.

Она произнесла это равнодушно, глядя не на бабушку, а въ окно, но въ ея голосѣ я уловилъ чуть замѣтный оттѣнокъ раздраженія.

— Пойдешь-таки? — съ удареніемъ переспросила старуха.

Глаза Олеси сверкнули и въ упоръ остановились на лицѣ Мануйлихи.

— Да, и пойду!—возразила она надменно.—Ужъ давно объ этомъ говорено и переговорено... Мое дѣло, мой и отвѣтъ.

— Эхъ, ты!.. — съ досадой и укоризной воскликнула старуха.

Она хотѣла еще что-то прибавить, но только махнула рукой, поплелась своей дрожащей походкой въ уголъ и, кряхтя, закопошилась тамъ надъ какой-то корзиной.

Я понялъ, что этотъ быстрый недовольный разговоръ, которому я только-что былъ свидѣтелемъ, служитъ продолженіемъ длиннаго ряда взаимныхъ ссоръ и вспышекъ. Спускаясь рядомъ съ Олесей къ бору, я спросилъ ее:

— Бабушка не хочетъ, чтобы ты ходила со мной гулять? Да?

Олеся съ досадой пожала плечами.

— Пожалуйста, не обращайте на это вниманія. Ну да, не хочетъ... Что̀ жъ!.. Развѣ я не вольна дѣлать, что̀ мнѣ нравится?

Во мнѣ вдругъ поднялось неудержимое желаніе упрекнуть Олесю за ея прежнюю суровость.

— Значитъ, и раньше, еще до моей болѣзни, ты тоже могла, но только не хотѣла оставаться со мною одинъ-на-одинъ... Ахъ, Олеся, если бы ты знала, какую ты причиняла мнѣ боль... Я такъ ждалъ, такъ ждалъ каждый вечеръ, что ты опять пойдешь со мною... А ты, бывало, всегда такая невнимательная, скучная, сердитая... О, какъ ты меня мучила, Олеся!..

— Ну, перестаньте, голубчикъ... Забудьте это, — съ мягкимъ извиненіемъ въ голосѣ попросила Олеся.

— Нѣтъ, я вѣдь не въ укоръ тебѣ говорю, — такъ, къ слову пришлось... Теперь я понимаю, почему это было... А вѣдь сначала — право, даже смѣшно и вспомнить — я подумалъ, что ты обидѣлась на меня изъ-за урядника. И эта мысль меня сильно огорчала. Мнѣ казалось, что ты меня такимъ далекимъ, чужимъ человѣкомъ считаешь, что даже простую дружескую услугу тебѣ отъ меня трудно принять... Очень мнѣ это было горько... Я вѣдь

и не подозрѣвалъ Олеся, что все это отъ бабушки идетъ...

Лицо Олеси вдругъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— И вовсе не отъ бабушки!.. Сама я этого не хотѣла!— горячо, съ задоромъ воскликнула она.

Я поглядѣлъ на нее сбоку, такъ что мнѣ сталъ виденъ чистый, нѣжный профиль ея слегка наклоненной головы. Только теперь я замѣтилъ, что и сама Олеся похудѣла за это время, и вокругъ ея глазъ легли голубоватыя тѣни. Почувствовавъ мой взглядъ, Олеся вскинула на меня глаза, но тотчасъ же опустила ихъ и отвернулась съ застѣнчивой улыбкой.

— Почему ты не хотѣла, Олеся? Почему?—спросилъ я обрывающимся отъ волненія голосомъ и, схвативъ Олесю за руку, заставилъ ее остановиться.

Мы въ это время находились какъ разъ на серединѣ длинной, узкой и прямой, какъ стрѣла, лѣсной просѣки. Высокія, стройныя сосны обступали насъ съ обѣихъ сторонъ, образуя гигантскій, уходящій вдаль коридоръ со сводомъ изъ душистыхъ сплетшихся вѣтвей. Голые, облупившіеся стволы были окрашены багровымъ отблескомъ догорающей зари...

— Почему? Почему, Олеся? — твердилъ я шопотомъ и все сильнѣе сжималъ ея руку.

— Я не могла... Я боялась, — еле слышно произнесла Олеся. — Я думала, что можно уйти отъ судьбы... А теперь... теперь...

Она задохнулась, точно ей не хватало воздуху, и вдругъ ея руки быстро и крѣпко обвились вокругъ моей шеи, и мои губы сладко обжегъ торопливый, дрожащій шопотъ Олеси:

— Теперь мнѣ все равно, все равно!.. Потому что я люблю тебя, мой дорогой, мое счастье, мой ненаглядный!..

Она прижималась ко мнѣ все сильнѣе, и я чувствовалъ, какъ трепетало подъ моими руками ея сильное, крѣпкое, горячее тѣло, какъ часто билось около моей груди ея сердце. Ея страстные поцѣлуи вливались въ мою еще не окрѣпшую отъ болѣзни голову, какъ пьяное вино, и я началъ терять самообладаніе.

— Олеся, ради Бога, не надо... оставь меня, — говорилъ я, стараясь разжать ея руки.—Теперь и я боюсь... боюсь самого себя... Пусти меня, Олеся.

Она подняла кверху свое лицо, и все оно освѣтилось томной, медленной улыбкой.

— Не бойся, мой миленькій,—сказала она съ непередаваемымъ выраженіемъ нѣжной ласки и трогательной смѣлости.—Я никогда не попрекну тебя, ни къ кому ревновать не стану... Скажи только: любишь ли?

— Люблю, Олеся. Давно люблю и крѣпко люблю. Но... не цѣлуй меня больше... Я слабѣю, у меня голова кружится, я не ручаюсь за себя...

Ея губы опять долго и мучительно-сладко прильнули къ моимъ, и я не услышалъ, а скорѣе угадалъ ея слова:

— Ну, такъ и не бойся и не думай ни о чемъ больше... Сегодня нашъ день, и никто у насъ его не отниметъ...

. . . . . .

И вся эта ночь слилась въ какую-то волшебную, чарующую сказку. Взошелъ мѣсяцъ, и его сіяніе причудливо, пестро и таинственно расцвѣтило лѣсъ, легло среди мрака нервными, изсиня блѣдными пятнами на корявые стволы, на изогнутые сучья, на мягкій, какъ плюшевый коверъ, мохъ. Тонкіе стволы березъ бѣлѣли рѣзко и отчетливо, а на ихъ рѣдкую листву, казалось, были наброшены серебристые, прозрачные, газовые покровы. Мѣстами свѣтъ вовсе не проникалъ подъ густой навѣсъ сосновыхъ вѣтвей. Тамъ стоялъ полный, непроницаемый мракъ, и только въ самой серединѣ его скользнувшій не-

вѣдомо откуда лучъ вдругъ ярко озарялъ длинный рядъ деревьевъ и бросалъ на землю узкую правильную дорожку, — такую свѣтлую, нарядную и прелестную, точно аллея, убранная эльфами для торжественнаго шествія Оберона и Титаніи. И мы шли, обнявшись, среди этой улыбающейся живой легенды, безъ единаго слова, подавленные своимъ счастіемъ и жуткимъ безмолвіемъ лѣса.

— Дорогой мой, а я вѣдь и забыла совсѣмъ, что тебѣ домой надо спѣшить, — спохватилась вдругъ Олеся. — Вотъ какая гадкая! Ты только-что выздоровѣлъ, а я тебя до сихъ поръ въ лѣсу держу.

Я обнялъ ее и откинулъ платокъ съ ея густыхъ темныхъ волосъ и, наклонясь къ ея уху, спросилъ чуть слышно:

— Ты не жалѣешь, Олеся? Не раскаиваешься?

Она медленно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Что̀ бы потомъ ни случилось, я не пожалѣю. Мнѣ такъ хорошо...

— А развѣ непремѣнно должно что-нибудь случиться?

Въ ея глазахъ мелькнуло отраженіе знакомаго мнѣ мистическаго ужаса.

— О, да, непремѣнно... Помнишь, я тебѣ говорила про трефовую даму? Вѣдь эта трефовая дама — я, это со мной будетъ несчастье, про что сказали карты... Ты знаешь, я вѣдь хотѣла тебя попросить, чтобы ты и вовсе у насъ пересталъ бывать. А тутъ какъ разъ ты заболѣлъ, и я тебя чуть не полмѣсяца не видала... И такая меня по тебѣ тоска обуяла, такая грусть, что, кажется, все бы на свѣтѣ отдала, лишь бы съ тобой хоть минуточку еще побыть... Вотъ тогда-то я и рѣшилась. Пусть, думаю, что̀ будетъ, то и будетъ, а я своей радости никому не отдамъ...

— Это правда, Олеся. Это и со мной такъ было, — сказалъ я, прикасаясь губами къ ея виску. — Я до тѣхъ

поръ не зналъ, что люблю тебя, покамѣсть не разстался съ тобой. Не даромъ, видно, кто-то сказалъ, что разлука для любви то же, что вѣтеръ для огня: маленькую любовь она тушитъ, а большую раздуваетъ еще сильнѣй.

— Какъ ты сказалъ? Повтори, повтори, пожалуйста,— заинтересовалась Олеся.

Я повторилъ еще разъ это, не знаю кому принадлежащее изреченіе. Олеся задумалась, и я увидѣлъ по движенію ея губъ, что она повторяетъ мои слова.

Я близко вглядывался въ ея блѣдное, закинутое назадъ лицо, въ ея большіе черные глаза съ блестѣвшими въ нихъ яркими лунными бликами, — и смутное предчувствіе близкой бѣды вдругъ внезапнымъ холодомъ заползло въ мою душу.

XI.

Почти цѣлый мѣсяцъ продолжалась наивная, очаровательная сказка нашей любви, и до сихъ поръ вмѣстѣ съ прекраснымъ обликомъ Олеси живутъ съ неувядающей силой въ моей душѣ эти пылающія вечернія зори, эти росистыя, благоухающія ландышами и медомъ утра̀, полныя бодрой свѣжести и звонкаго птичьяго гама, эти жаркіе, томные, лѣнивые іюньскіе дни... Ни разу ни скука, ни утомленіе, ни вѣчная страсть къ бродячей жизни не шевельнулись за это время въ моей душѣ. Я, какъ языческій богъ или какъ молодое, сильное животное, наслаждался свѣтомъ, тепломъ, сознательной радостью жизни и спокойной, здоровой, чувственной любовью.

Старая Мануйлиха стала послѣ моего выздоровленія такъ несносно-брюзглива, встрѣчала меня съ такой откровенной злобой и, покамѣстъ я сидѣлъ въ хатѣ, съ такимъ шумнымъ ожесточеніемъ двигала горшками въ печкѣ,

что мы съ Олесей предпочли сходиться каждый вечеръ въ лѣсу... И величественная зеленая прелесть бора, какъ драгоцѣнная оправа, украшала нашу безмятежную любовь.

Каждый день я все съ бо̀льшимъ удивленіемъ находилъ, что Олеся — эта выросшая среди лѣса, не умѣющая даже читать дѣвушка — во многихъ случаяхъ жизни проявляетъ чуткую деликатность и особенный, врожденный тактъ. Въ любви — въ прямомъ, грубомъ ея смыслѣ — всегда есть ужасныя стороны, составляющія мученье и стыдъ для нервныхъ художественныхъ натуръ. Но Олеся умѣла избѣгать ихъ съ такой наивной цѣломудренностью, что ни разу ни одно дурное сравненіе, ни одинъ циничный моментъ не оскорбили нашей связи.

Между тѣмъ приближалось время моего отъѣзда. Собственно говоря, всѣ мои служебныя обязанности въ Перебродѐ были уже покончены, и я умышленно оттягивалъ срокъ моего возвращенія въ городъ. Я еще ни слова не говорилъ объ этомъ Олесѣ, боясь даже представить себѣ, какъ она приметъ мое извѣщеніе о необходимости уѣхать. Вообще я находился въ затруднительномъ положеніи. Привычка пустила во мнѣ слишкомъ глубокіе корни. Видѣть ежедневно Олесю, слышать ея милый голосъ и звонкій смѣхъ, ощущать нѣжную прелесть ея ласки — стало для меня больше, чѣмъ необходимостью. Въ рѣдкіе дни, когда ненастье мѣшало намъ встрѣчаться, я чувствовалъ себя точно потеряннымъ, точно лишеннымъ чего-то самаго главнаго, самаго важнаго въ моей жизни. Всякое занятіе казалось мнѣ скучнымъ, лишнимъ, и все мое существо стремилось въ лѣсъ, къ теплу, къ свѣту, къ милому, привычному лицу Олеси.

Мысль жениться на Олесѣ все чаще и чаще приходила мнѣ въ голову. Сначала она лишь изрѣдка представлялась мнѣ, какъ возможный, на крайній случай, честный

исходъ изъ нашихъ отношеній. Одно лишь обстоятельство пугало и останавливало меня: я не смѣлъ даже воображать себѣ, какова будетъ Олеся, одѣтая въ модное платье, разговаривающая въ гостиной съ женами моихъ сослуживцевъ, исторгнутая изъ этой очаровательной рамки стараго лѣса, полнаго легендъ и таинственныхъ силъ.

Но чѣмъ ближе подходило время моего отъѣзда, тѣмъ большій ужасъ одиночества и бо̀льшая тоска овладѣвали мною. Рѣшеніе жениться съ каждымъ днемъ крѣпло въ моей душѣ, и подъ конецъ я уже пересталъ видѣть въ немъ дерзкій вызовъ обществу. «Женятся же хорошіе и ученые люди на швейкахъ, на горничныхъ,—утѣшалъ я себя:—и живутъ прекрасно, и до конца дней своихъ благословляютъ судьбу, толкнувшую ихъ на это рѣшеніе. Не буду же я несчастнѣе другихъ, въ самомъ дѣлѣ?»

Однажды въ серединѣ іюня, подъ вечеръ, я, по обыкновенію, ожидалъ Олесю на поворотѣ узкой лѣсной тропинки между кустами цвѣтущаго боярышника. Я еще издали узналъ легкій, быстрый шумъ ея шаговъ.

— Здравствуй, мой родненькій,—сказала Олеся, обнимая меня и тяжело дыша. — Заждался, небось? А я насилу-насилу вырвалась... Все съ бабушкой воевала.

— До сихъ поръ не утихла?

— Куда тамъ! «Ты, говоритъ, пропадешь изъ-за него... Натѣшится онъ тобою вволю, да и броситъ. Не любитъ онъ тебя вовсе...»

— Это она про меня такъ?

— Про тебя, милый... Вѣдь я все равно ни одному ея словечку не вѣрю.

— А она все знаетъ?

— Не скажу навѣрно... кажется, знаетъ. Я съ ней, впрочемъ, объ этомъ ничего не говорю — сама догадывается. Ну, да что̀ объ этомъ думать... Пойдемъ.

Она сорвала вѣтку боярышника съ пышнымъ гнѣздомъ бѣлыхъ цвѣтовъ и воткнула себѣ въ волосы. Мы медленно пошли по тропинкѣ, чуть розовѣвшей на вечернемъ солнцѣ.

Я еще прошлой ночью рѣшилъ во что бы то ни стало высказаться въ этотъ вечеръ. Но странная робость отяжеляла мой языкъ. Я думалъ: если я скажу Олесѣ о моемъ отъѣздѣ и объ женитьбѣ, то повѣритъ ли она мнѣ? Не покажется ли ей, что я своимъ предложеніемъ только уменьшаю, смягчаю первую боль наносимой раны? «Вотъ какъ дойдемъ до того клена съ ободраннымъ стволомъ, такъ сейчасъ же и начну»,—назначилъ я себѣ мысленно. Мы ровнялись съ кленомъ, и я, блѣднѣя отъ волненія, уже переводилъ дыханіе, чтобы начать говорить, но внезапно моя смѣлость ослабѣвала, разрѣшаясь нервнымъ, болѣзненнымъ біеніемъ сердца и холодомъ во рту. «Двадцать семь — мое феральное число, — думалъ я нѣсколько минутъ спустя: — досчитаю до двадцати семи, и тогда!..» И я принимался считать въ умѣ, но когда доходилъ до двадцати семи, то чувствовалъ, что рѣшимость еще не созрѣла во мнѣ. «Нѣтъ,—говорилъ я себѣ:— лучше ужъ буду продолжать считать до шестидесяти,— это составитъ какъ разъ цѣлую минуту, — и тогда, непремѣнно, непремѣнно...»

— Что̀ такое сегодня съ тобой? — спросила вдругъ Олеся. — Ты думаешь о чемъ-то непріятномъ. Что̀ съ тобой случилось?

Тогда я заговорилъ, но заговорилъ какимъ-то самому мнѣ противнымъ тономъ, съ напускной, неестественной небрежностью, точно дѣло шло о самомъ пустячномъ предметѣ.

— Дѣйствительно, есть маленькая непріятность... ты угадала, Олеся... Видишь ли, моя служба здѣсь окончена, и меня начальство вызываетъ въ городъ.

Мелькомъ, сбоку я взглянулъ на Олесю и увидѣлъ, какъ сбѣжала краска съ ея лица, и какъ задрожали ея губы. Но она не отвѣтила мнѣ ни слова. Нѣсколько минутъ я молча шелъ съ ней рядомъ. Въ травѣ громко кричали кузнечики, и откуда-то издалека доносился однообразный, напряженный скрипъ коростеля.

— Ты, конечно, и сама понимаешь, Олеся, — опять началъ я:—что мнѣ здѣсь оставаться неудобно и негдѣ, да наконецъ и службой пренебрегать нельзя...

— Нѣтъ... что̀ же... тутъ и говорить нечего,—отозвалась Олеся, какъ будто бы спокойно, но такимъ глухимъ, безжизненнымъ голосомъ, что мнѣ стало жутко. — Если служба, то, конечно... надо ѣхать...

Она остановилась около дерева и оперлась спиною объ его стволъ, вся блѣдная, съ безсильно упавшими вдоль тѣла руками, съ жалкой, мучительной улыбкой на губахъ. Ея блѣдность испугала меня. Я кинулся къ ней и крѣпко сжалъ ея руки.

— Олеся... что̀ съ тобой? Олеся... милая!..

— Ничего... извините меня... это пройдетъ. Такъ... голова закружилась...

Она сдѣлала надъ собой усиліе и прошла впередъ, не отнимая у меня своей руки.

— Олеся, ты теперь обо мнѣ дурно подумала, — сказалъ я съ упрекомъ. — Стыдно тебѣ! Неужели и ты думаешь, что я могу уѣхать, бросивъ тебя? Нѣтъ, моя дорогая. Я потому и началъ этотъ разговоръ, что хочу сегодня же пойти къ твоей бабушкѣ и сказать ей, что ты будешь моей женой.

Совсѣмъ неожиданно для меня, Олесю почти не удивили мои слова.

— Твоей женой? — Она медленно и печально покачала головой. — Нѣтъ, Ванечка милый, это невозможно!

— Почему же, Олеся? Почему?

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты и самъ понимаешь, что объ этомъ смѣшно и думать. Ну какая я тебѣ жена на самомъ дѣлѣ? Ты—баринъ, ты умный, образованный, а я? Я и читать не умѣю, и куда ступить не знаю... Ты одного стыда изъ-за меня не оберешься...

— Это все глупости, Олеся! — возразилъ я горячо. — Ты черезъ полгода сама себя не узнаешь. Ты не подозрѣваешь даже, сколько въ тебѣ врожденнаго ума и наблюдательности. Мы съ тобой вмѣстѣ прочитаемъ много хорошихъ книжекъ, познакомимся съ добрыми, умными людьми, мы съ тобой весь широкій свѣтъ увидимъ, Олеся... Мы до старости, до самой смерти будемъ итти рука объ руку, вотъ какъ теперь идемъ, и не стыдиться, а гордиться тобой я буду и благодарить тебя!..

На мою пылкую рѣчь Олеся отвѣтила мнѣ признательнымъ пожатіемъ руки, но продолжала стоять на своемъ.

— Да развѣ это одно?.. Можетъ-быть, ты еще не знаешь?.. Я никогда не говорила тебѣ... Вѣдь у меня отца нѣтъ... Я незаконная...

— Перестань, Олеся... Это меньше всего меня останавливаетъ. Что̀ мнѣ за дѣло до твоей родни, если ты сама для меня дороже отца и матери, дороже цѣлаго міра? Нѣтъ, все это мелочи, все это пустыя отговорки!..

Олеся съ тихой, покорной лаской прижалась плечомъ къ моему плечу.

— Голубчикъ... Лучше бы ты вовсе объ этомъ не начиналъ разговора... Ты молодой, свободный... Неужели у меня хватило бы духу связать тебя по рукамъ и по ногамъ на всю жизнь... Ну, а если тебѣ потомъ другая понравится? Вѣдь ты меня тогда возненавидишь, проклянешь тотъ день и часъ, когда я согласилась пойти за тебя. Не сердись, мой дорогой!—съ мольбой воскликнула она, видя по моему лицу, что мнѣ непріятны эти

слова.—Я не хочу тебя обидѣть. Я вѣдь только о твоемъ счастьѣ думаю. Наконецъ ты позабылъ про бабушку. Ну, посуди самъ, развѣ хорошо будетъ съ моей стороны ее одну оставить?

— Что̀ жъ... и бабушкѣ у насъ мѣсто найдется. (Признаться, мысль о бабушкѣ меня сильно покоробила). А не захочетъ она у насъ жить, такъ во всякомъ городѣ есть такіе дома... они называются богадѣльнями... гдѣ такимъ старушкамъ даютъ и покой, и уходъ внимательный...

— Нѣтъ, что̀ ты! Она изъ лѣса никуда не пойдетъ. Она людей боится.

— Ну, такъ ты ужъ сама придумывай, Олеся, какъ лучше. Тебѣ придется выбирать между мной и бабушкой. Но только знай одно—что безъ тебя мнѣ и жизнь будетъ противна.

— Солнышко мое! — съ глубокой нѣжностью произнесла Олеся. — Ужъ за одни твои слова спасибо тебѣ... Отогрѣлъ ты мое сердце... Но все-таки замужъ я за тебя не пойду... Лучше ужъ я такъ пойду съ тобой, если не прогонишь... Только не спѣши, пожалуйста, не торопи меня. Дай мнѣ денька два, я все это хорошенько обдумаю... И съ бабушкой тоже нужно поговорить.

— Послушай, Олеся,—спросилъ я, осѣненный новой догадкой.—А можетъ-быть, ты опять... церкви боишься?

Пожалуй, что съ этого вопроса и надо было начать. Почти ежедневно спорилъ я съ Олесей, стараясь разубѣдить ее въ мнимомъ проклятіи, тяготѣющемъ надъ ея родомъ, вмѣстѣ съ обладаніемъ чародѣйными силами. Въ сущности, въ каждомъ русскомъ интеллигентѣ сидитъ немножко развивателя. Это у насъ въ крови, это внѣдрено намъ всей русской беллетристикой послѣднихъ десятилѣтій. Почемъ знать? — если бы Олеся глубоко вѣровала, строго блюла посты и не пропускала ни одного

церковнаго служенія,—весьма возможно, что тогда я сталъ бы иронизировать (но только слегка, ибо я всегда былъ вѣрующимъ человѣкомъ) надъ ея религіозностью и развивать въ ней критическую пытливость ума. Но она съ твердой и наивной убѣжденностью исповѣдывала свое общеніе съ темными силами и свое отчужденіе отъ Бога, о которомъ она даже боялась говорить.

Напрасно я покушался поколебать суевѣріе Олеси. Всѣ мои логическіе выводы, всѣ мои, иной разъ грубыя и злыя насмѣшки разбивались объ ея покорную увѣренность въ свое таинственное роковое призваніе.

— Ты боишься церкви, Олеся? — повторилъ я.

Она молча наклонила голову.

— Ты думаешь, что Богъ не приметъ тебя? — продолжалъ я съ возрастающей горячностью.—Что у Него не хватитъ для тебя милосердія? У Того, который, повелѣвая милліонами ангеловъ, сошелъ однако на землю и принялъ ужасную, позорную смерть для избавленія всѣхъ людей? У Того, кто не погнушался раскаяніемъ самой послѣдней женщины и обѣщалъ разбойнику-убійцѣ, что онъ сегодня же будетъ съ Нимъ въ раю?..

Все это было уже не ново Олесѣ въ моемъ толкованіи, но на этотъ разъ она даже и слушать меня не стала. Она быстрымъ движеніемъ сбросила съ себя платокъ и, скомкавъ его, бросила мнѣ въ лицо. Началась возня. Я старался отнять у нея цвѣтокъ боярышника. Сопротивляясь, она упала на землю и увлекла меня за собою, радостно смѣясь и протягивая мнѣ свои, раскрытыя частымъ дыханіемъ, влажныя, милыя губы...

Поздно ночью, когда мы простились и уже разошлись на довольно большое разстояніе, я вдругъ услышалъ за собою голосъ Олеси:

— Ванечка! Подожди минутку... Я тебѣ что-то скажу!

Я повернулся и пошелъ къ ней навстрѣчу. Олеся по-

спѣшно подбѣжала ко мнѣ. На небѣ уже стоялъ тонкій серебряный зазубренный серпъ молодого мѣсяца, и при его блѣдномъ свѣтѣ я увидѣлъ, что глаза Олеси полны крупныхъ невылившихся слезъ.

— Олеся, о чемъ ты? — спросилъ я тревожно.

Она схватила мои руки и стала ихъ цѣловать поочередно.

— Милый... какой ты хорошій! Какой ты добрый! — говорила она дрожащимъ голосомъ. — Я сейчасъ шла и подумала: какъ ты меня любишь!.. И знаешь, мнѣ ужасно хочется сдѣлать тебѣ что-нибудь очень, очень пріятное.

— Олеся... Дѣвочка моя славная, успокойся...

— Послушай, скажи мнѣ, — продолжала она: — ты бы очень былъ доволенъ, если бы я когда-нибудь пошла въ церковь? Только правду, истинную правду скажи.

Я задумался. У меня вдругъ мелькнула въ головѣ суевѣрная мысль: а не случится ли отъ этого какого-нибудь несчастья?

— Что̀ же ты молчишь? Ну, говори скорѣе, былъ бы ты этому радъ, или тебѣ все равно?

— Какъ тебѣ сказать, Олеся? — началъ я съ запинкой.—Ну, да, пожалуй, мнѣ это было бы пріятно. Я вѣдь много разъ говорилъ тебѣ, что мужчина можетъ не вѣрить, сомнѣваться, даже смѣяться наконецъ. Но женщина... женщина должна быть набожна безъ разсужденій. Въ той простой и нѣжной довѣрчивости, съ которой она отдаетъ себя подъ защиту Бога, я всегда чувствую что-то трогательное, женственное и прекрасное.

Я замолчалъ. Олеся тоже не отзывалась, притаившись головой около моей груди.

— А зачѣмъ ты меня объ этомъ спросила? — полюбопытствовалъ я.

Она вдругъ встрепенулась.

— Такъ себѣ... Просто спросила... Ты не обращай вниманія. Ну, до свиданія, милый. Приходи же завтра.

Она скрылась. Я еще долго глядѣлъ въ темноту, прислушиваясь къ частымъ, удалявшимся отъ меня шагамъ. Вдругъ внезапный ужасъ предчувствія охватилъ меня. Мнѣ неудержимо захотѣлось побѣжать вслѣдъ за Олесей, догнать ее и просить, умолять, даже требовать, если нужно, чтобы она не шла въ церковь. Но я сдержалъ свой неожиданный порывъ и даже — помню — пускаясь въ дорогу, проговорилъ вслухъ:

— Кажется, вы сами, дорогой мой Ванечка, заразились суевѣріемъ.

О, Боже мой! Зачѣмъ я не послушался тогда смутнаго влеченія сердца, которое — я теперь безусловно вѣрю въ это! — никогда не ошибается въ своихъ быстрыхъ тайныхъ предчувствіяхъ.

XII.

На другой день послѣ этого свиданія пришелся какъ разъ праздникъ св. Троицы, выпавшій въ этомъ году на день великомученика Тимоѳея, когда, по народнымъ сказаніямъ, бываютъ знаменія передъ неурожаемъ. Село Перебродъ въ церковномъ отношеніи считалось приписнымъ, т.-е. въ немъ хотя и была своя церковь, но отдѣльнаго священника при ней не полагалось, а наѣзжалъ изрѣдка, постомъ и по большимъ праздникамъ, священникъ села Волчьяго.

Мнѣ въ этотъ день необходимо было съѣздить по служебнымъ дѣламъ въ сосѣднее мѣстечко, и я отправился туда часовъ въ восемь утра, еще по холодку, верхомъ. Для разъѣздовъ я давно уже купилъ себѣ небольшого жеребчика лѣтъ 6 — 7, происходившаго изъ мѣстной неказистой породы, но очень любовно и тщательно выхоленнаго прежнимъ владѣльцемъ, уѣзднымъ землемѣромъ. Лошадь звали Таранчикомъ. Я сильно привязался къ

этому милому животному съ крѣпкими, тоненькими, точеными ножками, съ косматой чолкой, изъ-подъ которой сердито и недовѣрчиво выглядывали огненные глазки, съ крѣпкими, энергично сжатыми губами. Масти онъ былъ довольно рѣдкой и смѣшной: весь сѣрый, мышастый, и только по крупу у него шли пестрыя, бѣлыя и черныя пятна.

Мнѣ пришлось проѣзжать черезъ все село. Большая зеленая площадь, идущая отъ церкви до кабака, была сплошь занята длинными рядами телѣгъ, въ которыхъ съ женами и дѣтьми пріѣхали на праздникъ крестьяне окрестныхъ деревень: Волоши, Зульни и Печаловки. Между телѣгами сновали люди. Несмотря на ранній часъ и строгія постановленія, между ними уже замѣчались пьяные (водкой по праздникамъ и въ ночное время торговалъ потихоньку бывшій шинкарь Сруль). Утро было безвѣтреное, душное. Въ воздухѣ парило, и день обѣщалъ быть нестерпимо жаркимъ. На раскаленномъ и точно подернутомъ серебристой пылью небѣ не показывалось ни одного облачка.

Справивъ все, что мнѣ нужно было въ мѣстечкѣ, я перекусилъ на скорую руку въ заѣзжемъ домѣ фаршированной еврейской щукой, запилъ ее прескверным, мутнымъ пивомъ и отправился домой. Но, проѣзжая мимо кузницы, я вспомнилъ, что у Таранчика давно уже хлябаетъ подкова на лѣвой передней, и остановился, чтобы перековать лошадь. Это заняло у меня еще часа полтора времени, такъ что, когда я подъѣзжалъ къ перебродской околицѣ, было уже между четырьмя и пятью часами пополудни.

Вся площадь кишмя-кишѣла пьянымъ, галдящимъ народомъ. Ограду и крыльцо кабака буквально запрудили, толкая и давя другъ друга, покупатели; перебродскіе крестьяне перемѣшались съ пріѣзжими, разсѣвшись на

травѣ, въ тѣни повозокъ. Повсюду виднѣлись запрокинутыя назадъ головы и поднятыя вверхъ бутылки. Трезвыхъ уже не было ни одного человѣка. Общее опьяненіе дошло до того предѣла, когда мужикъ начинаетъ бурно и хвастливо преувеличивать свой хмель, когда всѣ движенія его пріобрѣтаютъ разслабленную и грузную размашистость, когда вмѣсто того, напримѣръ, чтобы утвердительно кивнуть головой, онъ осѣдаетъ внизъ всѣмъ туловищемъ, сгибаетъ колѣни и, вдругъ потерявъ устойчивость, безпомощно пятится назадъ. Ребятишки возились и визжали тутъ же, подъ ногами лошадей, равнодушно жевавшихъ сѣно. Въ иномъ мѣстѣ баба, сама еле держась на ногахъ, съ плачемъ и руганью тащила домой за рукавъ упиравшагося, безобразно пьянаго мужа... Въ тѣни забора густая кучка, человѣкъ въ двадцать мужиковъ и бабъ, тѣсно обсѣла слѣпого лирника, и его дрожащій, гнусавый теноръ, сопровождаемый звенящимъ монотоннымъ жужжаніемъ инструмента, рѣзко выдѣлялся изъ сплошного гула толпы. Еще издали услышалъ я знакомыя слова «думки»:

Ой зійшла зоря, тай вечирняя
Надъ Почаевымъ стала.
Ой вышло війско турецкое,
Якъ та черная хмара...

Дальше въ этой думкѣ разсказывается о томъ, какъ турки, не осиливъ Почаевской лавры приступомъ, порѣшили взять ее хитростью. Съ этой цѣлью они послали, какъ будто бы въ даръ монастырю, огромную свѣчу, начиненную порохомъ. Привезли эту свѣчу на двѣнадцати парахъ воловъ, и обрадованные монахи уже хотѣли возжечь ее передъ иконой Почаевской Божіей Матери, но Богъ не допустилъ совершиться злодѣйскому замыслу.

А приснилося старшему чтецу:
Той свичи не брати,

Вывезти еи въ чистое поле,
Сокирами зрубати.

И вотъ иноки

Вывезлы еи въ чистое поле,
Сталы еи рубати,
Кули и патроны на вси стороны
Сталы—геть!—роскидати...

Невыносимо жаркій воздухъ, казалось, весь былъ насыщенъ отвратительнымъ смѣшаннымъ запахомъ перегорѣвшей водки, лука, овчинныхъ тулуповъ, крѣпкой махорки-бакуна и испареній грязныхъ человѣческихъ тѣлъ. Пробираясь осторожно между людьми и съ трудомъ удерживая мотавшаго головой Таранчика, я не могъ не замѣтить, что со всѣхъ сторонъ меня провожали безцеремонные, любопытные и враждебные взгляды. Противъ обыкновенія, ни одинъ человѣкъ не снялъ шапки, но шумъ какъ будто бы утихъ при моемъ появленіи. Вдругъ гдѣ-то въ самой серединѣ толпы раздался пьяный, хриплый выкрикъ, который я однако ясно не разслышалъ, но въ отвѣтъ на него раздался сдержанный хохотъ. Какой-то женскій голосъ сталъ испуганно урезонивать горлана:

— Тише, ты, дурень... Чего орешь! Услышитъ...

— А что̀ мнѣ, что услышитъ? — продолжалъ задорно мужикъ. — Что̀ же онъ мнѣ, начальство, что ли? Онъ только въ лѣсу у своей. . . . . .

. . . . . .

Омерзительная, длинная, ужасная фраза повисла въ воздухѣ вмѣстѣ со взрывомъ неистоваго хохота. Я быстро повернулъ назадъ лошадь и судорожно сжалъ рукоятку нага́йки, охваченный той безумной яростью, которая ничего не видитъ, ни о чемъ не думаетъ и ничего не боится. И вдругъ странная, болѣзненная, тоскливая мысль промелькнула у меня въ головѣ: «Все это уже происходило когда-то, много, много лѣтъ тому назадъ въ моей

жизни... Такъ же горячо палило солнце... Такъ же была залита шумящимъ, возбужденнымъ народомъ огромная площадь... Такъ же обернулся я назадъ въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва... Но гдѣ это было? Когда? Когда?..» Я опустилъ нагайку и галопомъ поскакалъ къ дому.

Ярмола, медленно вышедшій изъ кухни, принялъ у меня лошадь и сказалъ грубо:

— Тамъ, панычъ, у васъ въ комнатѣ сидитъ изъ Мариновской экономіи приказчикъ.

Мнѣ почудилось, что онъ хочетъ еще что-то прибавить, очень важное для меня и непріятное, мнѣ показалось даже, что по лицу его скользнуло бѣглое выраженіе злой насмѣшки. Я нарочно задержался въ дверяхъ и съ вызовомъ оглянулся на Ярмолу. Но онъ уже, не глядя на меня, тащилъ за узду лошадь, которая вытягивала впередъ шею и осторожно переступала ногами.

Въ моей комнатѣ я засталъ конторщика сосѣдняго имѣнія — Никиту Назарыча Мищенку. Онъ былъ въ сѣромъ пиджачкѣ съ огромными рыжими клѣтками, въ узкихъ брючкахъ васильковаго цвѣта и въ огненно-красномъ галстукѣ, съ припомаженнымъ проборомъ по серединѣ головы, весь благоухающій персидской сиренью. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ со стула и принялся расшаркиваться, не кланяясь, а какъ-то ломаясь въ поясницѣ, съ улыбкой, обнажавшей блѣдныя десны обѣихъ челюстей.

— Имѣю честь кланяться, — любезно тараторилъ Никита Назарычъ. — Очень пріятно увидѣться... А я ужъ тутъ жду васъ съ самой обѣдни. Давно я васъ видѣлъ, даже соскучился за вами. Что̀ это вы къ намъ никогда не заглянете? Наши степаньскія барышни даже смѣются съ васъ.

И вдругъ, подхваченный внезапнымъ воспоминаніемъ, онъ разразился неудержимымъ хохотомъ.

— Вотъ, я вамъ скажу, потѣха-то была сегодня! —

воскликнулъ онъ, давясь и прыская. — Ха-ха-ха-ха... Я даже боки рвалъ со смѣху!..

— Что̀ такое? Что̀ за потѣха? — грубо спросилъ я, не скрывая своего неудовольствія.

— Послѣ обѣдни скандалъ здѣсь произошелъ, — продолжалъ Никита Назарычъ, прерывая свою рѣчь залпами хохота. — Перебродскія дивчата... Нѣтъ, ей-Богу, не выдержу... Перебродскія дивчата поймали здѣсь на площади вѣдьму... То-есть, конечно, онѣ ее вѣдьмой считаютъ по своей мужицкой необразованности... Ну, и задали же онѣ ей встряску!.. Хотѣли дегтемъ вымазать, да она вывернулась какъ-то, утекла...

Страшная догадка блеснула у меня въ умѣ. Я бросился къ конторщику и, не помня себя отъ волненія, крѣпко вцѣпился рукой въ его плечо.

— Что̀ вы говорите! — закричалъ я неистовымъ голосомъ. — Да перестаньте же ржать, чортъ васъ подери! Про какую вѣдьму вы говорите?

Онъ вдругъ сразу пересталъ смѣяться и выпучилъ на меня круглые, испуганные глаза.

— Я... я... право, не знаю-съ, — растерянно залепеталъ онъ. — Кажется, какая-то Самуйлиха... Мануйлиха... или... Позвольте... Дочка какой-то Мануйлихи?.. Тутъ что-то такое болтали мужики, но я, признаться, запомнилъ.

Я заставилъ его разсказать мнѣ по порядку все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ говорилъ нелѣпо, несвязно, путаясь въ подробностяхъ, и я каждую минуту перебивалъ его нетерпѣливыми разспросами и восклицаніями, почти бранью. Изъ его разсказа я понялъ очень мало и только мѣсяца два спустя возстановилъ всю послѣдовательность этого проклятаго событія со словъ его очевидицы, жены казеннаго лѣсничаго, которая въ тотъ день также была у обѣдни.

Мое предчувствіе не обмануло меня. Олеся переломила

свою боязнь и пришла въ церковь; хотя она поспѣла только къ серединѣ службы и стала въ церковныхъ сѣняхъ, но ея приходъ былъ тотчасъ же замѣченъ всѣми находившимися въ церкви крестьянами. Всю службу женщины перешептывались и оглядывались назадъ.

Однако Олеся нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы достоять до конца обѣдню. Можетъ-быть, она не поняла настоящаго значенія этихъ враждебныхъ взглядовъ, можетъ-быть, изъ гордости пренебрегла ими. Но когда она вышла изъ церкви, то у самой ограды ее со всѣхъ сторонъ обступила кучка бабъ, становившаяся съ каждой минутой все больше и больше и все тѣснѣе сдвигавшаяся вокругъ Олеси. Сначала онѣ только молча и безцеремонно разглядывали безпомощную, пугливо озиравшуюся по сторонамъ дѣвушку. Потомъ посыпались грубыя насмѣшки, крѣпкія слова, ругательства, сопровождаемыя хохотомъ, потомъ отдѣльныя восклицанія слились въ общій пронзительный бабій гвалтъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать и который еще больше взвинчивалъ нервы расходившейся толпы. Нѣсколько разъ Олеся пыталась пройти сквозь это живое ужасное кольцо, но ее постоянно отталкивали опять на середину. Вдругъ визгливый старушечій голосъ заоралъ откуда-то позади толпы: «Дегтемъ ее вымазать, стерву!» (Извѣстно, что въ Малороссіи мазанье дегтемъ даже воротъ того дома, гдѣ живетъ дѣвушка, сопряжено для нея съ величайшимъ, несмыкаемымъ позоромъ). Почти въ ту же минуту надъ головами бѣснующихся бабъ появилась мазница съ дегтемъ и кистью, передаваемая изъ рукъ въ руки.

Тогда Олеся, въ припадкѣ злобы, ужаса и отчаянія, бросилась на первую попавшуюся изъ своихъ мучительницъ такъ стремительно, что сбила ее съ ногъ. Тотчасъ же на землѣ закипѣла свалка, и десятки тѣлъ смѣшались въ одну общую кричащую массу. Но Олесѣ прямо

какимъ-то чудомъ удалось выскользнуть изъ этого клубка, и она опрометью побѣжала по дорогѣ — безъ платка, съ растерзанной въ лохмотья одеждой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ было видно голое тѣло. Вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ бранью, хохотомъ и улюлюканьемъ, полетѣли камни. Однако погнались за ней только немногія, да и тѣ сейчасъ же отстали... Отбѣжавъ шаговъ на пятьдесятъ, Олеся остановилась, повернула къ озвѣрѣвшей толпѣ свое блѣдное, исцарапанное, окровавленное лицо и крикнула такъ громко, что каждое ея слово было слышно на площади:

— Хорошо же!.. Вы еще у меня вспомните это! Вы еще всѣ наплачетесь досыта!

Эта угроза, какъ мнѣ потомъ передавала та же очевидица событія, была произнесена съ такой страстной ненавистью, такимъ рѣшительнымъ, пророческимъ тономъ, что на мгновеніе вся толпа какъ будто бы оцѣпенѣла, но только на мгновеніе, потому что тотчасъ же раздался новый взрывъ брани.

Повторяю, что многія подробности этого происшествія я узналъ гораздо позднѣе. У меня не хватило силъ и терпѣнія дослушать до конца разсказъ Мищенки. Я вдругъ вспомнилъ, что Ярмола, навѣрно, не успѣлъ еще разсѣдлать лошадь, и, не сказавъ изумленному конторщику ни слова, поспѣшно вышелъ на дворъ. Ярмола, дѣйствительно, еще водилъ Таранчика вдоль забора. Я быстро взнуздалъ лошадь, затянулъ подпруги и объѣздомъ, чтобы опять не пробираться сквозь пьяную толпу, поскакалъ въ лѣсъ.

XIII.

Невозможно описать того состоянія, въ которомъ я находился въ продолженіе моей бѣшеной скачки. Минутами я совсѣмъ забывалъ, куда и зачѣмъ ѣду; остава-

лось только смутное сознаніе, что совершилось что-то непоправимое, нелѣпое и ужасное, — сознаніе, похожее на тяжелую безпричинную тревогу, овладѣвающую иногда въ лихорадочномъ кошмарѣ человѣкомъ. И въ то же время — какъ это странно! — у меня въ головѣ не переставалъ дрожать, въ тактъ съ лошадинымъ топотомъ, гнусавый, разбитый голосъ слѣпого лирника:

Ой вышло війско турецкое,
Якъ та черная хмара...

Добравшись до узкой тропинки, ведшей прямо къ хатѣ Мануйлихи, я слѣзъ съ Таранчика, на которомъ по краямъ потника и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его кожа соприкасалась со сбруей, бѣлыми комьями выступила густая пѣна, и повелъ его въ поводу. Отъ сильнаго дневного жара и отъ быстрой ѣзды кровь шумѣла у меня въ головѣ, точно нагнетаемая какимъ-то огромнымъ, безостановочнымъ насосомъ.

Привязавъ лошадь къ плетню, я вошелъ въ хату. Сначала мнѣ показалось, что Олеси нѣтъ дома, и у меня даже въ груди и во рту похолодѣло отъ страха, но спустя минуту я ее увидѣлъ, лежащую на постели, лицомъ къ стѣнѣ, съ головой, спрятанной въ подушки. Она даже не обернулась на шумъ отворяемой двери.

Мануйлиха, сидѣвшая тутъ же, рядомъ, на землѣ, съ трудомъ поднялась на ноги и замахала на меня руками.

— Тише! Не шуми ты, окаянный, — съ угрозой зашептала она, подходя ко мнѣ вплотную. И, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза своими выцвѣтшими, холодными глазами, она прошипѣла злобно:

— Что̀? Доигрался, голубчикъ?

— Послушай, бабка, — возразилъ я сурово: — теперь не время считаться и выговаривать. Что̀ съ Олесей?

— Тсс... тише! Безъ памяти лежитъ Олеся, вотъ что̀ съ Олесей... Кабы ты не лѣзъ, куда тебѣ не слѣдуетъ,

да не болталъ бы чепухи дѣвчонкѣ, ничего бы худого не случилось. И я-то, дура нѣтая, смотрѣла, потворствовала... А вѣдь чуяло мое сердце бѣду... Чуяло оно недоброе съ того самаго дня, когда ты чуть не силою къ намъ въ хату ворвался. Что̀? Скажешь, это не ты ее подбилъ въ церковь потащиться? — вдругъ съ искривленнымъ отъ ненависти лицомъ накинулась на меня старуха. — Не ты, барчукъ проклятый? Да не лги — и не верти лисьимъ хвостомъ-то, срамникъ! Зачѣмъ тебѣ понадобилось ее въ церковь манить?

— Не манилъ я ея, бабка... Даю тебѣ слово въ этомъ. Сама она захотѣла.

— Ахъ, ты, горе, горе мое! — всплеснула руками Мануйлиха. — Прибѣжала оттуда — лица на ней нѣтъ, вся рубаха въ шматки растерзана... Простоволосая... Разсказываетъ, какъ что̀ было, а сама — то хохочетъ, то плачетъ... Ну, прямо, вотъ, какъ кликуша какая... Легла въ постель... все плакала, а потомъ, гляжу, какъ будто бы и задремала. Я-то, дура старая, обрадовалась-было: вотъ, думаю, все сномъ пройдетъ, перекинется. Гляжу, рука у нея внизъ свѣсилась, думаю: надо поправить, затекетъ рука-то... Тронула я ее, голубушку, за руку, а она вся такъ жаромъ и пышетъ... Значитъ, огневица съ ней началась... Съ часъ безъ умолку говорила, быстро да жалостно такъ... Вотъ только-только замолчала на минуточку. Что̀ ты надѣлалъ? Что̀ ты надѣлалъ съ ней? — съ новымъ наплывомъ отчаянія воскликнула старуха.

И вдругъ ея коричневое лицо собралось въ чудовищную, отвратительную гримасу плача: губы растянулись и опустились по угламъ внизъ, всѣ личные мускулы напряглись и задрожали, брови поднялись кверху, наморщивъ лобъ глубокими складками, а изъ глазъ необычайно часто посыпались крупныя, какъ горошины, слезы. Обхвативъ руками голову и положивъ локти на столъ,

она принялась качаться взадъ и впередъ всѣмъ тѣломъ и завыла нараспѣвъ вполголоса:

— Дочечка моя-а-а! Внучечка миленькая-а-а!.. Охъ, г-о-о-орько мнѣ, то-о-ошно!..

— Да не реви ты, старая, — грубо прервалъ я Мануйлиху. — Разбудишь!

Старуха замолчала, но все съ той же страшной гримасой на лицѣ продолжала качаться взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ крупныя слезы падали на столъ... Такъ прошло минутъ съ десять. Я сидѣлъ рядомъ съ Мануйлихой и съ тоской слушалъ, какъ, однообразно и прерывисто жужжа, бьется объ оконное стекло муха.

— Бабушка! — раздался вдругъ слабый, чуть слышный голосъ Олеси. — Бабушка, кто у насъ?

Мануйлиха поспѣшно заковыляла къ кровати и тотчасъ же опять завыла:

— Охъ, внучечка моя, ро-одная-а-а! Охъ, горько мнѣ ста-а-арой, тошно мнѣ-ѣ-ѣ-ѣ...

— Ахъ, бабушка, да перестань ты! — съ жалобной мольбой и страданіемъ въ голосѣ сказала Олеся. — Кто у насъ въ хатѣ сидитъ?

Я осторожно, на цыпочкахъ, подошелъ къ кровати съ тѣмъ неловкимъ, виноватымъ сознаніемъ своего здоровья и своей грубости, какое всегда ощущаешь около больного.

— Это я, Олеся, — сказалъ я, понижая голосъ. — Я только-что пріѣхалъ верхомъ изъ деревни... А все утро я въ городѣ былъ... Тебѣ нехорошо, Олеся?

Она, не отнимая лица отъ подушекъ, протянула назадъ обнаженную руку, точно ища чего-то въ воздухѣ. Я понялъ это движеніе и взялъ ея горячую руку въ свои руки. Два огромныхъ синихъ пятна — одно надъ кистью, а другое повыше локтя — рѣзко выдѣлялись на бѣлой, нѣжной кожѣ.

— Голубчикъ мой, — заговорила Олеся, медленно, съ трудомъ отдѣляя одно слово отъ другого. — Хочется мнѣ... на тебя посмотрѣть... да не могу я... Всю меня... изуродовали... Помнишь... тебѣ... мое лицо такъ нравилось?.. Правда, вѣдь нравилось, родной?.. И я такъ этому всегда радовалась... А теперь тебѣ противно будетъ... смотрѣть на меня... Ну, вотъ... я... и не хочу...

— Олеся, прости меня, — шепнулъ я, наклоняясь къ самому ея уху.

Ея пылающая рука крѣпко и долго сжимала мою.

— Да что̀ ты!.. Что̀ ты, милый?.. Какъ тебѣ не стыдно и думать объ этомъ? Чѣмъ же ты виноватъ здѣсь? Все я одна, глупая... Ну, чего я полѣзла... въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, солнышко, ты себя не виновать...

— Олеся, позволь мнѣ... Только обѣщай сначала, что позволишь...

— Обѣщаю, голубчикъ... все, что̀ ты хочешь...

— Позволь мнѣ, пожалуйста, послать за докторомъ... Прошу тебя! Ну, если хочешь, ты можешь ничего не исполнять изъ того, что̀ онъ прикажетъ. Но ты хоть для меня согласись, Олеся.

— Охъ, милый... Въ какую ты меня ловушку поймалъ! Нѣтъ, ужъ лучше ты позволь мнѣ своего обѣщанія не держать. Я, если бы и въ самомъ дѣлѣ была больна, при смерти бы лежала, такъ и то къ себѣ доктора не подпустила бы. А теперь я развѣ больна? Это просто у меня отъ испугу такъ сдѣлалось, это пройдетъ къ вечеру. А нѣтъ — такъ бабушка мнѣ ландышевой настойки дастъ или малины въ чайникѣ заваритъ. Зачѣмъ же тутъ докторъ? Ты — мой докторъ самый лучшій. Вотъ ты пришелъ, и мнѣ сразу легче сдѣлалось... Ахъ, одно мнѣ только нехорошо: хочу поглядѣть на тебя хоть однимъ глазкомъ, да боюсь...

Я съ нѣжнымъ усиліемъ отнялъ ея голову отъ по-

душки. Лицо Олеси пылало лихорадочнымъ румянцемъ, темные глаза блестѣли неестественно ярко, сухія губы нервно вздрагивали. Длинныя красныя ссадины избороздали ея лобъ, щеки и шею. Темные синяки были на лбу и подъ глазами.

— Не смотри на меня... Прошу тебя... Гадкая я теперь, — умоляюще шептала Олеся, стараясь своею ладонью закрыть мнѣ глаза.

Сердце мое переполнилось жалостью. Я приникъ губами къ Олесиной рукѣ, неподвижно лежавшей на одѣялѣ, и сталъ покрывать ее долгими, тихими поцѣлуями. Я и раньше цѣловалъ иногда ея руки, но она всегда отнимала ихъ у меня съ торопливымъ, застѣнчивымъ испугомъ. Теперь же она не противилась этой ласкѣ и другой, свободной рукой тихо гладила меня по волосамъ.

— Ты все знаешь? — шопотомъ спросила она.

Я молча наклонилъ голову. Правда, я не все понялъ изъ разсказа Никиты Назарыча. Мнѣ не хотѣлось только, чтобы Олеся волновалась, вспоминая объ утреннемъ происшествіи. Но вдругъ при мысли объ оскорбленіи, которому она подверглась, на меня сразу нахлынула волна неудержимой ярости.

— О! Зачѣмъ меня тамъ не было въ это время! — вскричалъ я, выпрямившись и сжимая кулаки. — Я бы... я бы...

— Ну, полно... полно... Не сердись, голубчикъ, — кротко прервала меня Олеся.

Я не могъ болѣе удерживать слезъ, давно давившихъ мнѣ горло и жегшихъ глаза. Припавъ лицомъ къ плечу Олеси, я беззвучно и горько зарыдалъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ.

— Ты плачешь? Ты плачешь? — Въ голосѣ ея зазвучали удивленіе, нѣжность и состраданіе. — Милый мой... Да перестань же, перестань... Не мучь себя, голуб-

чикъ... Вѣдь мнѣ такъ хорошо возлѣ тебя. Не будемъ же плакать, пока мы вмѣстѣ. Давай хоть послѣдніе дни проведемъ весело, чтобы намъ не такъ тяжело было разставаться.

Я съ изумленіемъ поднялъ голову. Неясное предчувствіе вдругъ медленно сжало мое сердце.

— Послѣдніе дни, Олеся? Почему — послѣдніе? Зачѣмъ же намъ разставаться?

Олеся закрыла глаза и нѣсколько секундъ молчала.

— Надо намъ проститься съ тобой, Ванечка, — заговорила она рѣшительно. — Вотъ какъ только чуть-чуть поправлюсь, сейчасъ же мы съ бабушкой и уѣдемъ отсюда. Нельзя намъ здѣсь оставаться больше...

— Ты боишься чего-нибудь?

— Нѣтъ, мой дорогой, ничего я не боюсь, если понадобится. Только зачѣмъ же людей въ грѣхъ вводить? Ты, можетъ-быть, не знаешь... Вѣдь я тамъ... въ Перебродѣ... погрозилась со зла да со стыда... А теперь чуть что̀ случится, сейчасъ на насъ скажутъ: скотъ ли начнетъ падать, или хата у кого загорится, — все мы будемъ виноваты. Бабушка, — обратилась она къ Мануйлихѣ, возвышая голосъ: — правду вѣдь я говорю?

— Чего ты говорила-то, внучечка? Не разслышала я, признаться! — прошамкала старуха, подходя поближе и приставляя къ уху ладонь.

— Я говорю, что теперь, какая бы бѣда въ Перебродѣ ни случилась, все на насъ съ тобой свалятъ.

— Охъ, правда, правда, Олеся, — все на насъ, горемычныхъ, свалятъ... Не жить намъ на бѣломъ свѣтѣ, изведутъ насъ съ тобой, совсѣмъ изведутъ, проклятики... А тогда, какъ меня изъ села выгнали... Что̀ жъ?.. Развѣ не такъ же было? Погрозилась я... тоже, вотъ, съ досады... одной дурищѣ полосатой, а у нея — хвать — ребенокъ померъ. То-есть ни сномъ ни духомъ тутъ

моей вины не было, а вѣдь меня чуть не убили, окаянные... Камнями стали шибать... Я бѣгу отъ нихъ, да только тебя, малолѣтку, все оберегаю... Ну, думаю, пусть ужъ мнѣ попадетъ, а за что же дитю-то неповинную обижать?.. Одно слово — варвары, висѣльники поганые!

— Да куда же вы поѣдете? У васъ вѣдь нигдѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ нѣтъ... Наконецъ и деньги нужны, чтобы на новомъ мѣстѣ устроиться.

— Обойдемся какъ-нибудь, — небрежно проговорила Олеся. — И деньги у бабушки найдутся, припасла она кое-что.

— Ну ужъ и деньги тоже! — съ неудовольствіемъ возразила старуха, отходя отъ кровати. — Копеечки сиротскія, слезами облитыя...

— Олеся... А я какъ же? Обо мнѣ ты и думать даже не хочешь! — воскликнулъ я, чувствуя, какъ во мнѣ подымается горькій, больной, недобрый упрекъ противъ Олеси.

Она привстала и, не стѣсняясь присутствіемъ бабки, взяла руками мою голову и нѣсколько разъ подъ рядъ поцѣловала меня въ лобъ и щеки.

— Объ тебѣ я больше всего думаю, мой родной. Только... видишь ли... не судьба намъ вмѣстѣ быть... вотъ что̀!.. Помнишь, я на тебя карты бросала? Вѣдь все такъ и вышло, какъ онѣ сказали тогда. Значитъ, не хочетъ судьба нашего съ тобой счастья... А если бы не это, развѣ, ты думаешь, я чего-нибудь испугалась бы?

— Олеся, опять ты про свою судьбу? — воскликнулъ я нетерпѣливо. — Не хочу я въ нее вѣрить... и не буду никогда вѣрить!..

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ... не говори этого, — испуганно зашептала Олеся. — Я не за себя, за тебя боюсь, голубчикъ.

— Нѣтъ, лучше ты ужъ объ этомъ и разговора не начинай совсѣмъ.

Напрасно я старался разубѣдить Олесю, напрасно рисовалъ передъ ней картины безмятежнаго счастья, которому не помѣшаютъ ни завистливая судьба, ни грубые, злые люди. Олеся только цѣловала мои руки и отрицательно качала головой.

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... я знаю, я вижу, — твердила она настойчиво. — Ничего намъ, кромѣ горя, не будетъ... ничего... ничего...

Растерянный, сбитый съ толку этимъ суевѣрнымъ упорствомъ, я наконецъ спросилъ:

— Но вѣдь во всякомъ случаѣ ты дашь мнѣ знать о днѣ отъѣзда?

Олеся задумалась. Вдругъ слабая улыбка пробѣжала по ея губамъ.

— Я тебѣ на это скажу маленькую сказочку... Однажды волкъ бѣжалъ по лѣсу, увидѣлъ зайчика и говоритъ ему: «Заяцъ, а заяцъ, вѣдь я тебя съѣмъ!» Заяцъ сталъ проситься: «Помилуй меня, волкъ, мнѣ еще жить хочется, у меня дома дѣтки маленькія». Волкъ не соглашается. Тогда заяцъ говоритъ: «Ну дай мнѣ хоть три дня еще на свѣтѣ пожить, а потомъ и съѣшь. Все же мнѣ легче умирать будетъ». Далъ ему волкъ эти три дня, не ѣстъ его, а только все стережетъ. Прошелъ одинъ день, прошелъ другой, наконецъ и третій кончается. — «Ну, теперь готовься, — говоритъ волкъ: — сейчасъ я начну тебя ѣсть». Тутъ мой заяцъ и заплакалъ горючими слезами. «Ахъ, зачѣмъ ты мнѣ, волкъ, эти три дня подарилъ! Лучше бы ты сразу меня съѣлъ, какъ только увидѣлъ. А то я всѣ три дня не жилъ, а только терзался!» Милый мой, вѣдь зайчикъ-то этотъ правду сказалъ. Какъ ты думаешь?

Я молчалъ, охваченный тоскливымъ предчувствіемъ

близкаго одиночества. Олеся вдругъ поднялась и присѣла на постели. Лицо ея стало сразу серьезнымъ

— Ваня, послушай... — произнесла она съ разстановкой. — Скажи мнѣ: покамѣстъ ты былъ со мною, былъ ли ты счастливъ? Хорошо ли тебѣ было?

— Олеся! И ты еще спрашиваешь!

— Подожди... Жалѣлъ ли ты, что узналъ меня? Думалъ ли ты о другой женщинѣ, когда видѣлся со мною?

— Ни одного мгновенія! Не только въ твоемъ присутствіи, но, даже и оставшись одинъ, я ни о комъ, кромѣ тебя, не думалъ.

— Ревновалъ ли ты меня? Былъ ли ты когда-нибудь на меня недоволенъ? Не скучалъ ли ты со мною?

— Никогда, Олеся! Никогда!

Она положила обѣ руки мнѣ на плечи и съ невыразимой любовью поглядѣла въ мои глаза.

— Такъ и знай же, мой дорогой, что никогда ты обо мнѣ не вспомнишь дурно или со зломъ, — сказала она такъ убѣдительно, точно читала у меня въ глазахъ будущее. — Какъ разстанемся мы съ тобой, тяжело тебѣ въ первое время будетъ, охъ, какъ тяжело... Плакать будешь, мѣста себѣ не найдешь нигдѣ. А потомъ все пройдетъ, все изгладится. И ужъ безъ горя ты будешь обо мнѣ думать, а легко и радостно.

Она опять откинулась головой на подушки и прошептала ослабѣвшимъ голосомъ:

— А теперь поѣзжай, мой дорогой... Поѣзжай домой, голубчикъ... Устала я немножко. Подожди... поцѣлуй меня... Ты бабушки не бойся... она позволитъ. Позволишь вѣдь, бабушка?

— Да ужъ простись, простись, какъ слѣдуетъ, — недовольно проворчала старуха. — Чего же передо мной таиться-то?.. Давно знаю...

— Поцѣлуй меня сюда, и сюда еще... и сюда, — го-

ворила Олеся, притрогиваясь пальцемъ къ своимъ глазамъ, щекамъ и рту.

— Олеся! Ты прощаешься со мною такъ, какъ будто бы мы уже не увидимся больше! — воскликнулъ я съ испугомъ.

— Не знаю, не знаю, мой милый. Ничего не знаю. Ну, поѣзжай съ Богомъ. Нѣтъ, постой... еще минуточку... Наклони ко мнѣ ухо... Знаешь, о чемъ я жалѣю? — зашептала она, прикасаясь губами къ моей щекѣ. — О томъ, что у меня нѣтъ отъ тебя ребеночка. Ахъ, какъ я была бы рада этому!

Я вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи Мануйлихи. Полнеба закрыла черная туча съ рѣзкими курчавыми краями, но солнце еще свѣтило, склоняясь къ западу, и въ этомъ смѣшеніи свѣта и надвигающейся тьмы было что-то зловѣщее. Старуха посмотрѣла вверхъ, прикрывъ глаза, какъ зонтикомъ, ладонью, и значительно покачала головой.

— Быть сегодня надъ Перебродомъ грозѣ, — сказала она убѣдительнымъ тономъ. — А чего добраго, даже и съ градомъ.

XIV.

Я подъѣзжалъ уже къ Переброду, когда внезапный вихрь закрутилъ и погналъ по дорогѣ столбы пыли. Упали первыя — рѣдкія и тяжелыя — капли дождя.

Мануйлиха не ошиблась. Гроза, медленно накоплявшаяся за весь этотъ жаркій, нестерпимо-душный день, разразилась съ необыкновенной силой надъ Перебродомъ. Молнія блистала почти безпрерывно, и отъ раскатовъ грома дрожали и звенѣли стекла въ окнахъ моей комнаты. Часовъ около восьми вечера гроза утихла на нѣсколько минутъ, но только для того, чтобы потомъ на-

чаться съ новымъ ожесточеніемъ. Вдругъ что-то съ оглушительнымъ трескомъ посыпалось на крышу и на стѣны стараго дома. Я бросился къ окну. Огромный градъ, съ грецкій орѣхъ величиной, стремительно падалъ на землю, высоко подпрыгивая потомъ кверху. Я взглянулъ на тутовое дерево, росшее около самаго дома, оно стояло совершенно голое: всѣ листья были сбиты съ него страшными ударами града... Подъ окномъ показалась еле замѣтная въ темнотѣ фигура Ярмолы, который, накрывшись съ головой свиткой, выбѣжалъ изъ кухни, чтобы притворить ставни. Но онъ опоздалъ. Въ одно изъ стеколъ вдругъ съ такой силой ударилъ громадный кусокъ льду, что оно разбилось, и осколки его со звономъ разлетѣлись по полу комнаты.

Я почувствовалъ себя утомленнымъ и прилегъ, не раздѣваясь, на кровать. Я думалъ, что мнѣ вовсе не удастся заснуть въ эту ночь, и что я до утра буду въ безсильной тоскѣ ворочаться съ боку на бокъ, поэтому я рѣшилъ лучше не снимать платья, чтобы потомъ хоть немного утомить себя однообразной ходьбой по комнатѣ. Но со мной случилась очень странная вещь: мнѣ показалось, что я только на минутку закрылъ глаза; когда же я раскрылъ ихъ, то сквозь щели ставень уже тянулись длинные яркіе лучи солнца, въ которыхъ кружились безчисленныя золотыя пылинки.

Надъ моей кроватью стоялъ Ярмола. Его лицо выражало суровую тревогу и нетерпѣливое ожиданіе: должно-быть, онъ уже давно дожидался здѣсь моего пробужденія.

— Панычъ, — сказалъ онъ своимъ глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось безпокойство. — Панычъ, треба вамъ отсюда уѣзжать...

Я свѣсилъ ноги съ кровати и съ изумленіемъ поглядѣлъ на Ярмолу.

— Уѣзжать? Куда уѣзжать? Зачѣмъ? Ты, вѣрно, съ ума сошелъ?

— Ничего я съ ума не сходилъ,—огрызнулся Ярмола. Вы не чули, что̀ вчерашній градъ наробилъ? У половины села жито какъ ногами потоптано. У кривого Максима, у Козла, у Мута, у Прокопчуковъ, у Гордія Олефира... Наслала-таки шкоду вѣдьмака чортова... чтобъ ей сгинуть!

Мнѣ вдругъ, въ одно мгновеніе, вспомнился весь вчерашній день, угроза, произнесенная около церкви Олесей, и ея опасенія.

— Теперь вся громада бунтуется, — продолжалъ Ярмола. — Съ утра всѣ опять перепились и орутъ... И про васъ, панычу, кричатъ недоброе... А вы знаете, яка у насъ громада?.. Если они вѣдьмакамъ що зробятъ, то такъ и треба, то справедливое дѣло, а вамъ, панычу, я скажу одно — утекайте скорѣйше.

Итакъ, опасенія Олеси оправдались. Нужно было немедленно предупредить ее о грозившей ей и Мануйлихѣ бѣдѣ. Я торопливо одѣлся, на-ходу сполоснулъ водою лицо и черезъ полчаса уже ѣхалъ крупной рысью по направленію Бисова Кута.

Чѣмъ ближе подвигался я къ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, тѣмъ сильнѣе возрастало во мнѣ неопредѣленное, тоскливое безпокойство. Я съ увѣренностью говорилъ самому себѣ, что сейчасъ меня постигнетъ какое-то новое, неожиданное горе.

Почти бѣгомъ пробѣжалъ я узкую тропинку, вившуюся по песчаному пригорку. Окна хаты были открыты, дверь растворена настежь.

— Господи! Что̀ же такое случилось? — прошепталъ я, входя съ замираніемъ сердца въ сѣни.

Хата была пуста. Въ ней господствовалъ тотъ печальный, грязный безпорядокъ, который всегда остается

послѣ поспѣшнаго выѣзда. Кучи сора и тряпокъ лежали на полу, да въ углу стоялъ деревянный остовъ кровати...

Съ стѣсненнымъ, переполненнымъ слезами сердцемъ я хотѣлъ уже выйти изъ хаты, какъ вдругъ мое вниманіе привлекъ яркій предметъ, очевидно, нарочно повѣшенный на уголъ оконной рамы. Это была нитка дешевыхъ красныхъ бусъ, извѣстныхъ въ Полѣсьѣ подъ названіемъ «коралловъ», — единственная вещь, которая осталась мнѣ на память объ Олесѣ и объ ея нѣжной, великодушной любви.

МОРСКАЯ БОЛѢЗНЬ.

I.

Море въ гавани было грязно-зеленаго цвѣта, а дальняя песчаная коса, которая врѣзалась въ него на горизонтѣ, казалась нѣжно-фіолетовой. На молу пахло тухлой рыбой и смоленымъ канатомъ. Было шесть часовъ вечера.

На палубѣ прозвонили въ третій разъ. Пароходный гудокъ засипѣлъ, точно онъ отъ простуды никакъ не могъ сначала выдавить изъ себя настоящаго звука. Наконецъ ему удалось прокашляться, и онъ заревѣлъ такимъ низкимъ, мощнымъ голосомъ, что всѣ внутренности громаднаго судна задрожали въ своей темной глубинѣ.

Онъ ревѣлъ нескончаемо долго. Женщины на пароходѣ, зажавъ уши ладонями, смѣялись, жмурились и наклоняли внизъ головы. Разговаривающіе кричали, но казалось, что они только шевелятъ губами и улыбаются. И когда гудокъ пересталъ, всѣмъ вдругъ сдѣлалось такъ легко и такъ возбужденно-весело, какъ это бываетъ только въ послѣднія секунды передъ отходомъ парохода.

— Ну, прощайте, товарищъ Елена,—сказалъ Васютинскій.—Сейчасъ будутъ убирать сходни. Иду.

— Прощайте, дорогой,—сказала Травина, подавая ему

руку.—Спасибо вамъ за все, за все. Въ вашемъ кружкѣ прямо душой возрождаешься

— И вамъ спасибо, милая. Вы насъ разогрѣли. Мы, знаете, больше теоретики, книгоѣды, а вы насъ какъ живой водой вспрыснули.

Онъ, по обыкновенію, тряхнулъ ея руку, точно дѣйствовалъ насосомъ, больно сжавъ ей пальцы обручальнымъ кольцомъ.

— А качки вы все-таки не бойтесь,—сказалъ онъ.—У Тарханкута васъ дѣйствительно немного поваляетъ, но вы ложитесь заранѣе на койку, и все будетъ чудесно. Супругу и повелителю поклонъ. Скажите ему, что всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ его брошюрку. Если здѣсь не удастся тиснуть, отпечатаемъ за границей... Соскучились, небось?—спросилъ онъ, не выпуская ея руки и съ фамильярнымъ ласковымъ лукавствомъ заглядывая ей въ глаза.

Елена улыбнулась.

— Да. Есть немножко.

— То-то. Я ужъ вижу. Шутка ли, помилуйте—десять дней не видались! Ну, addio, mio carissimo amico. Всѣмъ знакомымъ ялтинцамъ привѣтъ. Чудесная вы, ей-Богу, человѣчица. Прощайте. Всего хорошаго.

Онъ сошелъ на молъ и сталъ какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ стояла Елена, облокотившаяся на буковыя перила борта. Вѣтеръ раздувалъ его сѣрую крылатку, и самъ онъ, со своимъ высокимъ ростомъ и необычайной худобой, съ остренькой бородкой и длинными сѣдѣющими волосами, которые трепались изъ-подъ широкополой черной шляпы, имѣлъ въ наружности что-то добродушно- и комично-воинственное, напоминавшее Донъ-Кихота, одѣтаго по модѣ радикаловъ семидесятыхъ годовъ.

И когда Елена, глядя на него сверху внизъ, подумала о безконечной добротѣ и душевной дѣтской чистотѣ этого

смѣшноватаго человѣка, о долгихъ годахъ каторги, перенесенной имъ, о его стальной непоколебимости въ дѣлѣ, о его безграничной вѣрѣ въ близость освобожденія, о его громадномъ вліяніи на молодежь—она почувствовала въ этой комичности что-то безконечно цѣнное, умиляющее и прекрасное. Васютинскій былъ первымъ руководителемъ ея и ея мужа на революціонномъ поприщѣ. И теперь, улыбаясь ему сверху и кивая головой, она жалѣла, что не поцѣловала на прощанье у него руку и не назвала его учителемъ. Какъ бы онъ сконфузился, бѣдный!

Кранъ паровой лебедки поднялся въ послѣдній разъ кверху, точно гигантская удочка, таща на концѣ цѣпи раскачивающуюся и вращающуюся массу чемодановъ и сундуковъ.

— Все готово!—крикнули снизу.

— Убирай сходни! — отвѣтили наверху изъ рубки и засвистали.

Носильщики въ синихъ блузахъ подняли съ обѣихъ сторонъ сходню на плечи и отнесли ее въ сторону. Подъ пароходомъ что-то забурлило и заклокотало.

По молу проходила грязнолицая, оборванная дѣвочка съ корзиной цвѣтовъ, которые она тономъ нищенки предлагала провожающимъ:

— Бя-я-ринъ, купите цвѣтучковъ!

Васютинскій выбралъ у нея небольшой букетикъ полуувядшихъ фіалокъ и бросилъ его кверху, черезъ бортъ, задѣвъ по шляпѣ почтеннаго сѣдого господина, который отъ неожиданности извинился. Елена подняла цвѣты и, глядя съ улыбкой на Васютинскаго, приложила ихъ къ губамъ

А пароходъ, повинуясь свисткамъ и командѣ и выплевывая изъ боковыхъ нижнихъ отверстій каскады пѣнной воды, уже замѣтно отдѣлился отъ пристани. Онъ, точно большое мудрое животное, сознающее свою непо-

мѣрную силу и боящееся ея, осторожно, бокомъ отваливалъ отъ берега, выбираясь на свободное пространство. Елена долго еще видѣла Васютинскаго, возвышавшагося головой надъ сосѣдями. Онъ ритмически подымалъ и опускалъ надъ головой свою бандитскую шляпу. Елена отвѣчала ему, размахивая платкомъ. Но мало-по-малу всѣ люди на пристани слились въ одну темную, сплошную массу, надъ которой, точно рой пестрыхъ бабочекъ, колебались платки, шляпы и зонтики.

Въ Ялтѣ теперь былъ разгаръ пасхальнаго сезона, и поэтому съ пароходомъ ѣхало необыкновенно много народа. Вся корма, всѣ проходы между бортами и пассажирскими помѣщеніями, всѣ скамейки и шпили, всѣ коридоры и диваны въ салонахъ были завалены и затисканы людьми, тюками, чемоданами, верхней одеждой. Назойливо и скучно кричали грудныя дѣти, пароходные офиціанты увеличивали толкотню, носясь по пароходу взадъ и впередъ безъ всякой нужды; женщины, какъ и всегда онѣ дѣлаютъ въ публичныхъ мѣстахъ, застрѣвали со своей болтовней именно тамъ, гдѣ всего сильнѣе кипѣла суета— въ дверяхъ, въ узкихъ переходахъ; онѣ заграждали общее движеніе и упорно не давали никому дороги. Трудно было себѣ вообразить, какъ размѣстится вся эта масса. Но мало-по-малу все утолклось, улеглось, пришло въ порядокъ, и когда пароходъ, выйдя на середину гавани и не стѣсняясь больше своей осторожностью, взялъ полный ходъ—на палубѣ уже стало просторно.

II.

Травина стояла на кормѣ, глядя назадъ, на уходящій городъ, который бѣлымъ амфитеатромъ подымался вверхъ по горамъ и вѣнчался полукруглой бесѣдкой изъ тонкихъ колоннъ. Глазу было ясно замѣтно то мѣсто, гдѣ спо-

койный, глубокій синій цвѣтъ моря переходилъ въ жидкую и грязную зелень гавани. Далеко у берега, какъ голый лѣсъ, возвышались трубы, мачты и реи судовъ. Море зыбилось. Внизу, подъ винтомъ, вода кипѣла бѣлыми, какъ вспѣненное молоко, буграми, и далеко за пароходомъ среди ровной широкой синевы тянулась, чуть змѣясь, узкая зеленая гладкая дорожка, изборожденная, какъ мраморъ, пѣнными, бѣлыми причудливыми струйками. Бѣлыя чайки, рѣдко и тяжело маша крыльями, летѣли навстрѣчу пароходу къ землѣ.

Еще не качало, но Елена, которая не успѣла пообѣдать въ городѣ и разсчитывала поѣсть на пароходѣ, вдругъ почувствовала, что потеряла аппетитъ. Тогда она спустилась внизъ, въ глубину каютныхъ отдѣленій, и попросила у горничной дать ей койку. Оказалось, однако, что всѣ мѣста заняты. Краснѣя отъ стыда за себя и за другого человѣка, она вынула изъ портмонэ рубль и неловко протянула его горничной. Та отказалась.

— Я бы, барышня, съ моимъ удовольствіемъ, только, ей-Богу, ни одного мѣстечка. Даже свое помѣщеніе уступила одной дамѣ. Вотъ въ Севастополѣ будетъ посвободнѣе.

Елена опять вышла на палубу. Сильный вѣтеръ, дувшій навстрѣчу пароходу, облѣплялъ вокругъ ея ногъ платье и заставлялъ ее нагибаться впередъ и придерживать рукой край шляпы.

Старый, маленькій, красноносый боцманъ прилаживалъ къ правому борту кормы какой-то мѣдный цилиндрическій инструментъ съ циферблатомъ и стрѣлкой. Въ лѣвой рукѣ у него былъ бунтъ изъ бѣлаго плотнаго шнура, свернутаго правильными спиралями и оканчивавшагося мѣдной гирькой съ лопастями по бокамъ.

Прикрѣпивъ прочно мѣдный инструментъ къ борту, боцманъ пустилъ гирьку на отвѣсъ, быстро развертѣлъ

ее правой рукой, такъ что она вмѣстѣ съ концомъ шнура образовала сплошной мрѣющій кругъ, и вдругъ далеко метнулъ ее назадъ, туда, куда уходила зелено-бѣлая дорожка изъ-подъ винта. И въ томъ, какъ гирька со свистомъ описывала длинную дугу, въ той скорости, съ которой потомъ сбѣгали съ лѣвой руки боцмана свернутые круги, а главное — въ дѣловой небрежности, съ какой онъ это дѣлалъ, Елена почувствовала особенное, спеціальное морское щегольство. У нея былъ необыкновенно зоркій глазъ на эти мелочи.

Затѣмъ, когда гирька, скрывшись изъ глазъ, бултыхнула далеко за пароходомъ въ воду, боцманъ вставилъ оставшійся у него въ рукѣ свободный конецъ съ крючкомъ въ заднюю стѣнку инструмента.

— Что̀ это такое?—спросила Травина.

— Лагъ!—сердито отвѣтилъ боцманъ.

Но, обернувшись и увидѣвъ ея милое дѣтское лицо, онъ добавилъ мягче:

— Это лагъ, барышня. Стало-быть, перо въ водѣ вертится, потому какъ съ крыльями, стало-быть, и лаглинь вертится. А тутъ вотъ жубчатки и стрѣлка. Мы, стало-быть, смотримъ на стрѣлку и знаемъ, сколько узловъ прошли. Потому какъ этотъ берегъ скроемъ, а тотъ откроемъ только утромъ. Это у насъ называется лагъ, барышня.

Елена была уже два года замужемъ, но ее очень часто называли барышней, что̀ иногда льстило ей, а иногда причиняло досаду. Она и въ самомъ дѣлѣ была похожа на восемнадцатилѣтнюю дѣвушку со своей тонкой, гибкой фигурой, маленькой грудью и узкими бедрами, въ простомъ костюмѣ изъ бѣлой, чуть желтоватой шершавой кавказской матеріи, въ простой англійской соломенной шляпѣ съ черной бархаткой.

Помощникъ капитана, коренастый, широкогрудый, толстоногій молодой брюнетъ въ бѣломъ короткомъ кителѣ

съ золотыми пуговицами, провѣрялъ билеты. Елена замѣтила это, еще входя на пароходъ. Онъ тогда стоялъ на палубѣ по одну сторону сходни, а по другую стоялъ юнга, ученикъ мореходныхъ классовъ, тонкій, ловкій и стройный въ своей матросской курточкѣ мальчишка, подвижной, какъ молодая обезьянка. Они оба провожали глазами всѣхъ подымавшихся женщинъ и дѣлали за ихъ спинами другъ другу веселыя гримасы, кивая головами, дергая бровями въ ихъ сторону и прищуривая одинъ глазъ. Елена еще издали замѣтила это. Она до дрожи отвращенія ненавидѣла такія восточныя красивыя лица, какъ у этого помощника капитана, очевидно, грека, съ толстыми, почти не закрывающимися, какими-то оголенными губами, съ подбородкомъ, синимъ отъ бритья и сильной растительности, съ тоненькими усами колечкомъ, съ глазами черно-коричневыми, какъ пережженныя кофейныя зерна, и при томъ всегда томными, точно въ любовномъ экстазѣ, и многозначительно-безсмысленными. Но она также считала для себя унизительнымъ проходить въ такихъ случаяхъ мимо незнакомыхъ мужчинъ, опустивъ глаза, краснѣя и дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ. И потому, когда Елена переступила со сходни на палубу и ей загородили дорогу — съ одной стороны этотъ самый морякъ, а съ другой толстая старая женщина съ кульками въ обѣихъ рукахъ, которая, задохнувшись отъ подъема, толклась и переваливалась на одномъ мѣстѣ, она равнодушно поглядѣла на побѣдоноснаго брюнета и сказала, какъ говорятъ нерасторопной прислугѣ:

— Потрудитесь посторониться.

И она съ удовольствіемъ увидѣла, какъ игривая молодцеватость мгновенно слиняла съ его лица отъ ея увѣреннаго пренебрежительнаго тона, и какъ онъ суетливо, безъ всякаго ломанья, отскочилъ въ сторону.

Теперь онъ подошелъ къ Еленѣ, которая стояла, прислонившись къ борту, и, возвращая ей билетъ, нарочно— это она сразу поняла—прикоснулся горячей щекочущей кожей своихъ пальцевъ къ ея ладони и задержалъ руку, можетъ-быть, только на четверть секунды долѣе, чѣмъ это было нужно. И, переведя глаза съ ея обручальнаго кольца на ея лицо и искательно улыбаясь, онъ спросилъ съ вѣжливостью, которая должна была быть свѣтской:

— Виноватъ-съ. Вы, кажется, съ супругомъ изволите ѣхать?

— Нѣтъ, я одна,—отвѣтила Елена и отвернулась отъ него къ борту, лицомъ въ море.

Но въ этотъ моментъ у нея слегка закружилась голова, потому что палуба подъ ея ногами вдругъ показалась ей странно неустойчивой, а собственное тѣло необыкновенно легкимъ. Она сѣла на край скамейки.

Городъ едва бѣлѣлъ вдали въ золотисто-пыльномъ сіяніи, и теперь уже нельзя было себѣ представить, что онъ стоитъ на горѣ. Налѣво плоско тянулся и пропадалъ въ морѣ низкій, песчаный, чуть розоватый берегъ.

III.

Помощникъ капитана нѣсколько разъ проходилъ мимо нея сначала одинъ, потомъ со своимъ товарищемъ, тоже морякомъ, въ кителѣ съ золотыми пуговицами. И хоть она не глядѣла на него, но каждый разъ какимъ-то боковымъ чутьемъ видѣла, какъ онъ закручивалъ усы и подолгу оглядывалъ ее тающимъ бараньимъ взглядомъ черныхъ глазъ. Она даже услышала разъ его слова, сказанныя, навѣрное, въ расчетѣ, чтобы она услышала:

— Чортъ! Вотъ это женщина! Это я понимаю!

— Да-а, бабецъ!—сказалъ другой.

Она встала, чтобы перемѣнить мѣсто и сѣсть напро-

тивъ, но ноги плохо ея слушались, и ее понесло вдругъ въ бокъ, къ запасному компасу, обмотанному парусиной. Она еле-еле успѣла удержаться за него. Тутъ только она замѣтила, что началась настоящая, ощутимая качка. Она съ трудомъ добралась до скамейки на противоположномъ борту и упала на нее.

Стемнѣло. На самомъ верху мачты вспыхнулъ одинокій желтый электрическій свѣтъ, и тотчасъ же на всемъ пароходѣ зажглись лампочки. Стеклянная будка надъ салономъ I-го класса и курительная комната тепло и уютно засіяли огнями. На палубѣ сразу точно сдѣлалось прохладнѣе. Сильный вѣтеръ дулъ съ той стороны, гдѣ сидѣла Елена, мелкія соленыя брызги изрѣдка долетали до ея лица и прикасались къ губамъ, но вставать ей не хотѣлось.

Мучительное, долгое, тянущее чувство какой-то отвратительной щекотки начиналось у нея въ груди и въ животѣ, и отъ него холодѣлъ лобъ и во рту набиралась жидкая щиплющая слюна. Палуба медленно-медленно поднималась переднимъ концомъ кверху, останавливалась на секунду въ колеблющемся равновѣсіи и вдругъ, дрогнувъ, начинала опускаться внизъ все быстрѣе и быстрѣе, и вотъ, точно шлепнувшись о воду, шла опять вверхъ. Казалось, она дышала—то распухая, то опадая, и въ зависимости отъ этихъ движеній Елена ощущала, какъ ея тѣло то становилось тяжелымъ и приплюскивалось къ скамейкѣ, то вслѣдъ затѣмъ пріобрѣтало необычайную, противную легкость и неустойчивость. И эта чередующаяся перемѣна была болѣзненнѣе всего, что̀ Еленѣ приходилось испытывать въ жизни.

Городъ и берегъ давно уже скрылись изъ виду. Глазъ свободно, не встрѣчая препятствій, охватывалъ кругообразную черту, замыкавшую небо и море. Вдали бѣжали неровными грядами бѣлые барашки, а внизу, около па-

рохода, вода раскачивалась взадъ и впередъ длинными скользящими ямами и, взмывая наверхъ, заворачивалась бѣлыми пѣнными раковинами.

— Пардонъ, мадамъ, — услышала Елена надъ собою голосъ.

Она оглянулась и увидѣла все того же черномазаго помощника капитана. Онъ глядѣлъ на нее сладкими, тающими, закатывающимися глазами и говорилъ:

— Извините, если я вамъ позволю дать совѣтъ. Не глядите внизъ, это гораздо хуже, отъ этого происходитъ круженіе головы. Лучше всего глядѣть на какую-нибудь неподвижную точку. Напримѣръ, на звѣзду. А лучше бы всего вамъ лечь.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно, — сказала Елена, отвернувшись отъ него.

Но онъ не уходилъ и продолжалъ заискивающимъ, изнѣженнымъ голосомъ, въ которомъ слышался привычный тонъ пароходнаго соблазнителя:

— Вы меня простите, пожалуйста, что я такъ подошелъ къ вамъ, не имѣя чести... Но мнѣ необыкновенно знакома ваша личность. Позвольте узнать, вы не ѣхали ли прошлымъ рейсомъ съ нами до Одессы? Э-э-э... можно присѣсть?

— Благодарю васъ, — сказала она, подымаясь съ мѣста и не глядя на него. — Вы очень заботливы, но предупреждаю васъ: если вы еще хоть одинъ разъ попробуете предложить мнѣ ваши совѣты или услуги, я тотчасъ же по пріѣздѣ въ Севастополь телеграфирую Василію Эдуардовичу, чтобы васъ немедленно убрали изъ Русскаго Общества пароходства и торговли. Слышали?

Она назвала первое попавшееся на языкъ имя и отчество. Это былъ старый, уморительный пріемъ, «трюкъ», которымъ когда-то спасся одинъ изъ ея друзей отъ преслѣдованія сыщика. Теперь она употребила его почти

безсознательно, и это подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ на первобытный умъ грека. Онъ поспѣшно вскочилъ со скамейки, приподнялъ надъ головой бѣлую фуражку, и даже при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ сквозь стекла надъ салономъ, она увидѣла, какъ онъ быстро и густо покраснѣлъ.

— Ради Бога... Не истолкуйте превратно... Честное слово... Вы, можетъ-быть, подумали? Ей-Богу...

Но въ эту секунду палуба, начавшая скользить внизъ, вдругъ круто качнулась вбокъ, налѣво, и Елена навѣрно упала бы, если бы морякъ во-время ловко и деликатно не подхватилъ ее за талію. Въ этомъ объятіи не было ничего умышленнаго, и она сказала ему нѣсколько мягче:

— Благодарю васъ, но только оставьте меня. Мнѣ нехорошо.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, сказалъ по-морскому: «есть!», и поспѣшно ушелъ.

Елена забралась съ ногами на скамейку, положила локти на буковыя перила и, угнѣздивъ между ними голову, закрыла глаза. Морякъ вдругъ сталъ въ ея глазахъ ничуть не опаснымъ, а смѣшнымъ и жалкимъ трусомъ. Ей вспомнились какіе-то глупые куплеты о пароходномъ капитанѣ, которые пѣлъ ея братъ, студентъ Аркадій—«сумасшедшій студентъ», какъ его звали въ семьѣ. Тамъ что-то говорилось о дамѣ, плывшей на пароходѣ въ Одессу, о внезапно поднявшейся бурѣ и морской болѣзни.

Но кап-питанъ любезный былъ,
Въ каюту пригласилъ,
Онъ лечь въ постель мнѣ далъ совѣтъ
И разстегнуть корсетъ...
Шикъ, блескъ, иммеръ элеганъ...

Ей уже вспомнился мотивъ и серьезное длинное лицо Аркадія, произносившаго говоркомъ дурацкія слова. Въ

другое время она разсмѣялась бы воспоминанію, но теперь ей было все равно, все въ мірѣ для нея было какъ-то скучно, неинтересно и вяло. Чтобы испытать себя, она нарочно подумала о Васютинскомъ и его кружкѣ, о мужѣ, о пріятной работѣ для него на ремингтонѣ, старалась представить давно жданную радость свиданія съ нимъ, которая казалась такой яркой и сладостной тамъ, на берегу—нѣтъ, все выходило какимъ-то сѣрымъ, далекимъ, равнодушнымъ, не трогающимъ сердца. Во всемъ ея тѣлѣ и въ сознаніи осталось только тягучее, раздражающее, разслабленное состояніе полуобморока. Ея кожа съ ногъ до головы обливалась липкимъ холоднымъ потомъ. Невозможно было сжать влажныхъ, замиравшихъ пальцевъ въ кулакъ—такъ они обмякли и обезсилѣли. Казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ наступитъ полный обморокъ и забвеніе. Она ждала этого и боялась.

Но вдругъ въ глазахъ ея стало мутно и зелено, раздражающая щекотка подступила къ горлу, сердце безсильно затрепыхалось гдѣ-то глубоко внизу, въ животѣ. Елена едва успѣла вскочить и наклониться надъ бортомъ.

IV.

На минуту ей стало какъ будто легче.

— Вы бы лучше походили, сударыня, — сказалъ ей участливо тотъ самый старичокъ, котораго Васютинскій задѣлъ цвѣтами по шляпѣ.

Онъ сидѣлъ на сосѣдней скамьѣ и видѣлъ, какъ Еленѣ сдѣлалось дурно.

— Вы походите по воздуху и старайтесь дышать какъ можно рѣже и глубже. Это помогаетъ.

Но она только покачала отрицательно головой и опять, улегшись лицомъ на локоть, закрыла глаза.

Ей съ трудомъ удалось заснуть. Проспала она, должно-

быть, часа два и проснулась отъ внезапнаго всплеска пѣнной воды, которая, взмывъ изъ-за борта, окатила ей волосы и шею. Была глубокая ночь—темная, облачная, безлунная и вѣтреная. Пароходъ валяло съ носа на корму и съ боку на бокъ. Шелъ мелкій косой дождь. На палубѣ было пусто, только въ проходахъ у стѣнъ рубокъ, куда не достигали брызги, лежали спящіе люди.

За лѣвымъ бортомъ въ безконечно далекой чернотѣ ночи, точно на краю свѣта, загорѣлась вдругъ яркая, бѣлая, свѣтящаяся точка маяка; продержавшись съ секунду, она мгновенно гасла, а черезъ нѣсколько секундъ опять вспыхивала, и опять гасла и опять вспыхивала черезъ точные промежутки. Смутное нѣжное чувство прикоснулось вдругъ къ душѣ Елены.

«Вотъ,—подумала она:—гдѣ-то въ одиночествѣ, на пустынномъ мысѣ, среди ночи и бури, сидитъ человѣкъ и слѣдитъ внимательно за этими вспышками огня, и, можетъ-быть, вотъ сейчасъ, когда я думаю о немъ, можетъ-быть, и онъ мечтаетъ о сердцѣ, которое въ это мгновеніе за много верстъ на невидимомъ пароходѣ думаетъ о немъ съ благодарностью».

И ей припомнилось, какъ прошлой зимой ее и ея мужа везъ со станціи Тумы самонадѣянный рязанскій мальчишка. Была ночь и вьюга. Не прошло и получаса, какъ мальчишка потерялъ дорогу, и они втроемъ кружили по какому-то дикому сугробному полю, перерѣзанному канавами, возвращаясь на свои слѣды, только-что прорытые въ цѣлинѣ. Кругомъ, куда бы ни глядѣлъ глазъ, была одна и та же тусклая, мертвая, бѣлесая муть, въ которой сливались однотонно снѣгъ и небо. Когда лошадь попадала въ канавы, всѣмъ троимъ приходилось вылѣзать изъ саней и итти по поясъ въ снѣгу. Ноги у Елены окоченѣли и уже начали терять чувствительность.

Тихое, беззлобное отчаяніе овладѣло ею. Мужъ мол-

чалъ, боясь заразить ее своей тревогой. Мальчишка на козлахъ уже больше не дергалъ веревочными вожжами и не чмокалъ на лошадь. Она шла покорнымъ шагомъ, низко опустивъ голову.

И вдругъ мальчишка закричалъ радостно:

— Вёшка!

Елена сначала ничего не поняла, такъ какъ была впервые въ такой глубокой деревенской глуши. Но когда она увидѣла большую сосновую вѣтку, торчавшую изъ снѣга, и другую вѣтку, смутно темнѣвшую вдали сквозь ночную сѣрую муть, и когда она узнала, что такимъ порядкомъ мужики обозначаютъ дорогу на случай мятели— она почувствовала теплое, благодарное умиленіе. Кто-то, кого она, вѣроятно, ни разу въ жизни не увидитъ и не услышитъ, шелъ днемъ вдоль этой дороги и заботливо втыкалъ налѣво и направо эти первобытные маяки. Пусть онъ даже вовсе не думалъ тогда о заблудившихся путникахъ, какъ, можетъ-быть, не думаетъ теперь сторожъ маяка о признательности женщины, сидящей на борту парохода и глядящей на вспышки далекаго бѣлаго огня,— но какъ радостно сблизить въ мысляхъ двѣ души, изъ которыхъ одна оставила за собою бережный, нѣжный и безкорыстный слѣдъ, а другая принимаетъ этотъ даръ съ безконечной любовью и преклоненіемъ.

И она съ восторгомъ подумала о великихъ словахъ, о глубокихъ мысляхъ, о безсмертныхъ книгахъ, оставленныхъ потомству. «Развѣ это не тѣ же вешки на загадочномъ пути человѣчества?»

Знакомый старый красноносый боцманъ въ клеенчатомъ желтомъ пальто, съ надвинутымъ на голову капюшономъ, съ маленькимъ фонарикомъ въ рукѣ, торопливо пробѣжалъ по палубѣ къ лагу и нагнулся надъ нимъ, освѣтивъ его циферблатъ. На обратномъ пути онъ узналъ Елену и остановился около нея.

— Не спите, барышня? Закачало? Здѣсь всегда такъ. Тарханкутъ. Самое поганое мѣсто.

— Почему?

— Н-ну! Тутъ сколько аваріевъ было. Съ одной стороны мысъ, а съ другой вода кружится, какъ въ котлѣ. Остается только узенькое мѣсто. Вотъ тутъ и угадайте. Вотъ какъ разъ, гдѣ мы сейчасъ идемъ, тутъ «Владиміръ» пошелъ ко дну, когда его «Колумбія» саданула въ бокъ. Такъ и покатился внизъ. И не нашли... Здѣсь ямища саженъ въ четыреста...

Наверху на капитанскомъ мостикѣ засвистали. Боцманъ рванулся-было туда, но остановился и добавилъ торопливо:

— Эхъ, вижу я, барышня, мутитъ васъ. Нехорошо это. А вы, знаете, лимончикъ пососите. А то раскиснете. Да.

Елена встала и пошла по палубѣ, стараясь все время держаться руками за борта и за ручки дверей. Такъ она дошла до палубы III-го класса. Тутъ всюду въ проходахъ, на брезентѣ, покрывавшемъ люкъ, на ящикахъ и тюкахъ, почти навалившись другъ на друга, лежали, спутавшись въ кучу, мужчины, женщины и дѣти.

Иногда на нихъ падалъ свѣтъ лампочекъ, и ихъ лица отъ нездороваго сна и отъ мученій послѣ морской болѣзни казались синевато-мертвенно-блѣдными.

Она пошла дальше. Ближе къ носу парохода на свободномъ пространствѣ, раздѣленномъ пополамъ коновязью, стояли маленькія, хорошенькія лошадки съ выхоленною шерстью и съ подстриженными хвостами и гривами. Ихъ везли въ Севастополь въ циркъ. И жалко и трогательно было видѣть, какъ бѣдныя умныя животныя стойко подавали тѣло то на переднія, то на заднія ноги, сопротивляясь качкѣ, какъ они прищуривали уши и косили недоумѣвающими глазами назадъ, на бушующее море.

Затѣмъ она сошла внизъ по крутой желѣзной лѣстницѣ во II-й классъ. Тамъ заняты были всѣ мѣста; даже въ обѣденной залѣ на диванахъ, шедшихъ вдоль по стѣнамъ, лежали одѣтыми блѣдные, стонущіе люди. Морская болѣзнь всѣхъ уровняла и заставила забыть всѣ приличія. И часто нога еврейскаго комиссіонера со сползающимъ башмакомъ и грязнымъ бѣльемъ, выглядывавшимъ изъ-подъ панталонъ, почти касалась головы красивой, нарядной женщины.

Но въ спертомъ воздухѣ закрытаго со всѣхъ сторонъ помѣщенія такъ отвратительно пахло людьми, человѣческимъ соннымъ дыханіемъ, запахомъ извергнутой пищи, что Елена тотчасъ же быстро поднялась наверхъ, едва удерживая приступъ тошноты.

Теперь качка стала еще сильнѣе. Каждый разъ, когда носъ корабля, взобравшись на волну и на мгновеніе задержавшись на ней, вдругъ рѣшительно, съ возрастающей скоростью врывался въ воду, Елена слышала, какъ его борта съ уханьемъ погружались въ море, и какъ шипѣли вокругъ него точно разсерженныя волны.

И опять зеленая противная муть поплыла передъ ея глазами. Лбу стало холодно, и тошно-томительное ощущеніе обморока овладѣло ея тѣломъ и всѣмъ ея существомъ. Она нагнулась надъ бортомъ, думая, какъ давеча, получить облегченіе, но она видѣла только темное, тяжелое пространство внизу и на немъ бѣлыя волны, то возникающія, то тающія.

Состояніе ея было настолько мучительно, что она невольно подумала о томъ, что если бы была возможность какъ-нибудь вдругъ, сейчасъ же умереть, не сходя съ мѣста, лишь бы окончилось это ощущеніе медленнаго и отвратительнаго умиранія, то она согласилась бы съ равнодушною усталостью. Но не было возможности самой прекратить это насильственно, потому что не было ни воли ни желанія.

V.

Къ ней подходилъ все тотъ же помощникъ капитана. Теперь онъ съ почтительнымъ видомъ остановился довольно далеко отъ нея, разставя ноги для устойчивости, балансируя движеніями тѣла при качкѣ.

— Ради Бога, не разсердитесь, не растолкуйте превратно моихъ словъ,—сказалъ онъ вѣжливо, но просто.— Мнѣ такъ было тяжело и прискорбно, что вы придали недавно какой-то нехорошій смыслъ... Впрочемъ, можетъ-быть, я самъ въ этомъ виноватъ, я не спорю, но я, право, не могу видѣть, какъ вы мучитесь. Ради Бога, не отказывайтесь отъ моей услуги. Я до утра стою на вахтѣ. Моя каюта остается совершенно свободной. Не побрезгуйте, прошу васъ. Тамъ чистое бѣлье... все, что угодно. Я пришлю горничную... Позвольте мнѣ помочь вамъ.

Она ничего не отвѣтила, но мысль о возможности протянуться свободно на удобной, покойной кровати и полежать одной, неподвижно, хоть полчаса, показалась ей необыкновенно пріятной, почти радостной. Теперь она уже не находила никакихъ возраженій противъ фатовской наружности капитана и противъ его предложенія.

— Прошу васъ, дайте мнѣ руку, я проведу васъ,— говорилъ помощникъ капитана съ мягкой ласковостью.— Я пришлю вамъ горничную, у васъ будетъ ключъ, вы можете раздѣться, если вамъ угодно.

У этого грека былъ пріятный голосъ, звучавшій необыкновенно искренно и почтительно, именно въ такомъ тонѣ, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній, какъ умѣютъ лгать женщинамъ опытные женолюбцы и сладострастники, имѣвшіе въ своей жизни множество легкихъ, веселыхъ минутныхъ связей. Къ тому же воля Елены совершенно

угасла, растаяла отъ ужасныхъ приступовъ морской болѣзни.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело!—съ трудомъ выговорила она, почти не двигая холодными, помертвѣвшими губами.

— Идемте, идемте,—сказалъ онъ ласково и какъ-то трогательно, по-братски, помогъ ей подняться со скамейки, поддерживая ее.

Она не сопротивлялась.

Каюта помощника капитана была очень мала, въ ней съ трудомъ помѣщались кровать и маленькій письменный столъ, между которыми едва можно было втиснуть раскладную ковровую табуретку. Но все было щегольски чисто, ново и даже кокетливо. Плюшевое тигровое одѣяло на кровати было наполовину открыто, и свѣжее бѣлье, безъ единой складочки, прельщало глазъ сладостной бѣлизной.

Электрическая лампочка въ хрустальномъ колпачкѣ мягко свѣтила изъ-подъ зеленаго абажура. Около зеркала на складномъ умывальникѣ краснаго дерева стоялъ флакончикъ съ ландышами и нарциссами.

— И вотъ пожалуйста... Ради Бога, — говорилъ помощникъ капитана, избѣгая глядѣть на Елену.—Будьте какъ дома, здѣсь вы все найдете нужное для туалета. Мой домъ—вашъ домъ. Это наша морская обязанность — оказывать услуги прекрасному полу.

Онъ разсмѣялся съ такимъ видомъ, который долженъ былъ показать, что послѣднія слова—не болѣе, какъ милая, дружеская шутка, сказанная небрежно и даже грубовато простымъ и сердечнымъ малымъ.

— Итакъ, не бойтесь, пожалуйста, — сказалъ онъ и вышелъ...

Только разъ, на одно мгновеніе, поворачиваясь въ дверяхъ, онъ взглянулъ на Елену, и даже не въ ея глаза,

а куда-то повыше, туда, гдѣ у нея начинались пышною волной тонкіе золотистые волосы.

Какая-то инстинктивная боязнь, какой-то остатокъ благоразумной осторожности вдругъ встревожилъ Елену, но въ этотъ моментъ полъ каюты особенно сильно поднялся и точно покатился вбокъ, и тотчасъ же прежняя зеленая муть понеслась передъ глазами женщины и тяжело заныло въ груди предобморочное чувство. Забывъ о своемъ мгновенномъ предчувствіи, она сѣла на кровать и схватилась рукой за ея спинку.

Когда ее немного отпустило, она покрыла кровать одѣяломъ, разстегнула кнопки кофточки, крючки лифа и непослушные крючки низкаго мягкаго корсета, который сдавливалъ ея животъ. Затѣмъ она съ наслажденіемъ легла на спину, опустивъ голову глубоко въ подушки и спокойно протянувъ усталыя ноги.

Ей сразу стало до счастья легко.

«Отдохну совсѣмъ и потомъ раздѣнусь»,—подумала она съ удовольствіемъ.

Она закрыла глаза. Сквозь опущенныя вѣки свѣтъ лампочки пріятнымъ розовымъ свѣтомъ ласкалъ глаза. Теперь покачиванія парохода уже не были такъ мучительны. Она чувствовала, что пройдетъ еще немного минутъ, и качка успокоитъ ее и смежитъ ей глаза легкимъ, освѣжающимъ сномъ. Нужно было только лишь не шевелиться.

Но въ дверь постучали. Она вспомнила, что не успѣла запереть дверь, и смутилась. Но это могла быть горничная. Приподнявшись на кровати, она крикнула:

— Войдите!

Вошелъ помощникъ капитана, и вдругъ ясное ощущеніе надвигающагося ужаса потрясло Елену. Голова у моряка была наклонена внизъ, онъ не глядѣлъ на Елену, но у него двигались ноздри, и она даже услышала, какъ онъ коротко и глубоко дышалъ:

— Прошу извиненія, я здѣсь забылъ журналъ,—сказалъ онъ глухо.

Онъ пошарилъ на столѣ, стоя спиной къ Еленѣ и нагнувшись. У нея мелькнула мысль—встать и тотчасъ же уйти изъ каюты, но онъ, точно угадывая и предупреждая ея мысль, вдругъ гибкимъ, чисто-звѣринымъ движеніемъ, въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ двери и заперъ ее двумя оборотами ключа

— Что̀ вы дѣлаете!—крикнула Елена и безпомощно, по-дѣтски, всплеснула руками.

Онъ мягкимъ, но необыкновенно сильнымъ движеніемъ усадилъ ее на кровать и усѣлся съ нею рядомъ. Дрожащими руками онъ взялся за ея кофточку спереди и сталъ ее раскрывать. Руки его были горячи, и точно какая-то нервная, страстно возбужденная сила истекала изъ нихъ. Онъ дышалъ тяжело и даже съ хрипомъ, и на его покраснѣвшемъ лицѣ вздулись вверхъ отъ переносицы двѣ расходящіяся ижицей жилы.

— Дорогая моя... — говорилъ онъ отрывисто, и въ голосѣ его слышалась мучительная, слѣпая, томная страсть.—Дорогая... Я хочу вамъ помочь... вмѣсто горничной... Нѣтъ! Нѣтъ!.. Не подумайте чего-нибудь дурного... Какая у васъ грудь... Какое тѣло..

Онъ положилъ ей на обнаженную грудь горячую, воспаленную голову и лепеталъ, какъ въ забытьѣ:

— Надо совсѣмъ разстегнуться, тогда будетъ лучше. Ради Бога, не думайте, что я чего-нибудь... Одна минута... Только одна минута... Вѣдь никто не узна̀етъ... Вы испытаете блаженство... Вамъ будетъ пріятно.... Никто никогда не узна̀етъ... Это предразсудки.

Она отталкивала его, упираясь руками ему въ грудь, въ голову, и огворила съ отвращеніемъ:

— Пустите меня, гадина... Животное... Подлецъ... Ко мнѣ никто не смѣлъ прикасаться такъ.

Въ ужасѣ и гнѣвѣ она начала кричать безъ словъ, пронзительно, но онъ своими толстыми, открытыми и мокрыми губами зажалъ ей ротъ. Она барахталась, кусала его губы, и когда ей удавалось на секунду отстранить свое лицо, кричала и плевалась. И вдругъ опять томительное, противное, предсмертное ощущеніе обморока обезсилило ее. Руки и ноги сдѣлались вялыми, какъ и все ея тѣло.

— Господи, что̀ вы со мною сдѣлали!—сказала она тихо.—Вы сдѣлали хуже, чѣмъ убійство. Боже мой! Боже мой!

Въ эту минуту постучали въ дверь. Морякъ, все еще сопя, отперъ, и въ каюту вошелъ тотъ веселый, похожій на ловкую обезьянку, юнга, котораго видѣла Елена днемъ около сходни.

— Боже мой! Боже мой! Боже мой!—сказала женщина, закрывъ лицо руками.

VI.

Наступило утро. Въ то время, когда разгружали людей и тюки въ Евпаторіи, Елена проснулась на верхней палубѣ отъ легкой сырости утренняго тумана. Море было спокойно и ласково. Сквозь туманъ розовѣло солнце. Дальняя плоская черта берега чуть желтѣла впереди.

Только теперь, когда постепенно вернулось къ ней застланное сномъ сознаніе, она глубоко охватила умомъ весь ужасъ и позоръ прошедшей ночи. Она вспомнила помощника капитана, потомъ юнгу, потомъ опять помощника капитана. Вспомнила, какъ грубо, съ нескрываемымъ отвращеніемъ низменнаго, пресытившагося человѣка выпроваживалъ ее этотъ красавецъ-грекъ изъ своей каюты. И это воспоминаніе было тяжелѣй всего.

На три часа пароходъ задержался въ Севастополѣ, пока длинные, послушные хоботы лебедокъ выгружали и

нагружали тюки, бочки, связки желѣзныхъ брусьевъ, какія-то мраморныя доски и мѣшки. Туманъ разсѣялся. Прелестная круглая бухта, окаймленная желтыми берегами, лежала неподвижно. Проворные бѣлые и черные катеры легко бороздили ея поверхность. Быстро проносились бѣлыя лодки военнаго флота съ Андреевскимъ косымъ крестомъ на кормѣ. Матросы съ обнаженными шеями всѣ, какъ одинъ, далеко откидывались назадъ, выбрасывая весла изъ воды.

Елена сошла на берегъ и, сама не зная для чего, объѣхала городъ на электрическомъ трамваѣ. Весь гористый, каменный бѣлый городъ казался пустымъ, вымирающимъ, и можно было подумать, что никто въ немъ не живетъ, кромѣ морскихъ офицеровъ, матросовъ и солдатъ — точно онъ былъ завоеванъ.

Она посидѣла немного въ городскомъ саду, равнодушно глядя на его газоны, пальмы и подрѣзанные кусты, равнодушно слушая музыку, игравшую въ ротондѣ. Потомъ она вернулась на пароходъ.

Въ часъ дня пароходъ отвалилъ. Только тогда, послѣ общаго завтрака, Елена потихоньку, точно крадучись, спустилась въ салонъ. Какое-то унизительное чувство, противъ ея воли, заставляло ее избѣгать общества и быть въ одиночествѣ. И для того, чтобы выйти на палубу послѣ завтрака, ей пришлось сдѣлать надъ собой громадное усиліе. До самой Ялты она просидѣла у борта, облокотившись лицомъ на его перила.

Низкій желтый песчаный берегъ постепенно началъ возвышаться, и на немъ запестрѣли рѣдкіе темные кусты зелени. Кто-то изъ пассажировъ сидѣлъ рядомъ съ Еленой и по книжкѣ путеводителя разсказывалъ, нарочно громко, чтобы его слышали кругомъ, о тѣхъ мѣстахъ, которыя шли навстрѣчу пароходу, и она безъ всякаго участія, подавленная кошмарнымъ ужасомъ вчерашняго,

чувствуя себя съ ногъ до головы точно вывалянной въ вонючей грязи, со скукою глядѣла, какъ развертывались передъ нею прекрасныя мѣста Крымскаго полуострова. Проплылъ мысъ Фіолентъ, красный, крутой, съ заострившимися глыбами, готовыми вотъ-вотъ сорваться въ море. Когда-то тамъ стоялъ храмъ кровожадной богини — ей приносились человѣческія жертвы, и тѣла плѣнниковъ сбрасывали внизъ съ обрыва. Прошла Балаклава съ едва замѣтными силуэтами разрушенной генуэзской башни на горѣ, мохнатый мысъ Айя, кудрявый Ласпи, Форосъ съ византійской церковью, стоящей высоко, точно на подносѣ, съ Байдарскими воротами, вѣнчающими гору. А тамъ потянулись среди густой зелени садовъ и парковъ между зигзагами бѣлой дороги—бѣлыя дачи, богатыя виллы, горныя татарскія деревушки съ плоскими крышами. Море нѣжно стлалось вокругъ парохода; въ водѣ играли дельфины.

Крѣпко, свѣжо и радостно пахло морскимъ воздухомъ. Но ничто не радовало глазъ Елены. У нея было такое чувство, точно не люди, а какое-то высшее, всемогущее, злобное и насмѣшливое существо вдругъ нелѣпо взяло и опоганило ея тѣло, осквернило ея мысли, сломало ея гордость и навѣки лишило ее спокойной, довѣрчивой радости жизни. Она сама не знала, что̀ ей дѣлать, и думала объ этомъ такъ же вяло и безразлично, какъ глядѣла она на берегъ, на небо, на море.

Теперь публика вся толпилась на лѣвомъ борту. Однажды мелькомъ Елена увидала помощника капитана въ толпѣ. Онъ быстро скользнулъ отъ нея глазами прочь, трусливо повернулся и скрылся за рубкой. Но не только въ его быстромъ взглядѣ, а даже въ томъ, какъ подъ бѣлымъ кителемъ онъ судорожно передернулъ спиною, она прочла глубокое брезгливое отвращеніе къ ней. И она тотчасъ же почувствовала себя на вѣки вѣчные, до са-

маго конца жизни, связанной съ нимъ и совершенно равной ему.

Прошли Алупку съ ея широкимъ зеленоватымъ, мавританскаго стиля, дворцомъ и съ роскошнымъ паркомъ, весь зеленый, кудрявый Мисхоръ, бѣлый, точно выточенный изъ сахара, Дюльберъ и «Ласточкино Гнѣздо»—красный безобразный домъ съ башней, прилѣпившейся на самомъ краю отвѣсной скалы, падающей въ море.

Подходили къ Ялтѣ. Теперь вся палуба была занята поклажею. Нельзя было повернуться. Въ томъ стадномъ стремленіи, которое всегда охватываетъ людей на пароходахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и на вокзалахъ передъ посадкой и высадкой, пассажиры стали торопливы и недоброжелательны другъ къ другу. Елену часто толкали, наступали ей на ноги и на платье. Она не оборачивалась. Теперь ей начинало становиться страшно передъ мужемъ. Она не могла себѣ представить, какъ произойдетъ ихъ встрѣча, что̀ она будетъ говорить ему? Хватитъ ли рѣшимости у нея сказать ему все? Что̀ онъ сдѣлаетъ? Проститъ? Разсердится? Пожалѣетъ или оттолкнетъ ее, какъ привычную обманщицу и распутницу?

Каждый разъ, представляя себѣ тотъ моментъ, когда она рѣшится наконецъ развернуть передъ нимъ свою бѣдную, оплеванную душу, она блѣднѣла и, закрывая глаза, глубоко набирала въ грудь воздуху.

Густой паркъ Ореанды, благородныя развалины Мраморнаго дворца, красный дворецъ Ливадіи, правильные ряды виноградника на горахъ, и вотъ наконецъ включенный въ подкову горъ, веселый, пестрый амфитеатръ Ялты, золотые купола собора, тонкіе, стройные, темные кипарисы, похожіе на черныя узкія веретёна, каменная набережная и на ней, точно игрушечные, люди, лошади и экипажи.

Медленно и осторожно повернувшись на одномъ мѣстѣ,

пароходъ бокомъ причалилъ къ пристани. Тотчасъ же масса людей, въ грубой овечьей подражательности, ринулась съ парохода по сходнѣ на берегъ, давя, толкая и тиская другъ друга. Глубокое отвращеніе почувствовала Елена ко всѣмъ этимъ краснымъ мужскимъ затылкамъ, къ растеряннымъ, злымъ, пудреннымъ впопыхахъ женскимъ лицамъ, потнымъ рукамъ, изогнутымъ угрожающе локтямъ. Казалось ей, что въ каждомъ изъ этихъ озвѣрѣвшихъ безъ нужды людяхъ сидѣло то же самое животное, которое вчера раздавило ее.

Только тогда, когда пассажиры отхлынули и палуба стала свободна, она подошла къ борту и тотчасъ же увидѣла мужа. И вдругъ все въ немъ: синяя шелковая косоворотка, подтянутая широкимъ кушакомъ, и панталоны на выпускъ, бѣлая широкополая войлочная шляпа, которую тогда носили поголовно всѣ соціалъ-демократы, его маленькій ростъ, круглый животикъ, золотыя очки, прищуренные глаза, напряженная отъ солнечныхъ лучей гримаса вокругъ рта, — все въ немъ вдругъ показалось ей безконечно знакомымъ и въ то же время почему-то враждебнымъ и непріятнымъ. У нея мелькнуло сожалѣніе, зачѣмъ она не телеграфировала изъ Севастополя, что уѣзжаетъ навсегда: такъ, просто, написать бы, безъ всякаго объясненія причинъ.

Но онъ уже увидѣлъ ее издали и размахивалъ шляпой и высоко поднятой палкой.

VII.

Поздно ночью она встала со своей постели, которая отдѣлялась отъ его постели ночнымъ столикомъ, и, не зажигая свѣта, сѣла у него въ ногахъ и слегка прикоснулась къ нему. Онъ тотчасъ же приподнялся и прошепталъ съ испугомъ:

— Что̀ съ тобой, Елочка? Что̀ ты?

Онъ былъ смущенъ и тяжело обезпокоенъ ея сегодняшнимъ напряженнымъ молчаніемъ, и, хотя она ссылалась на головную боль отъ морской болѣзни, онъ чувствовалъ за ея словами какое-то горе или тайну. Днемъ онъ не приставалъ къ ней съ разспросами, думая, что время само покажетъ и объяснитъ. Но и теперь, когда онъ не перешелъ еще отъ сна къ пошлой мудрости жизни, онъ безошибочно, гдѣ-то въ самыхъ темныхъ глубинахъ души, почувствовалъ, что сейчасъ произойдетъ нѣчто грубое, страшное, не повторяющееся никогда вторично въ жизни.

Оба окна были открыты настежь. Сладостно до щекотки пахло невидимыми глициніями. Въ городскомъ саду игралъ струнный оркестръ, и звуки его казались прекрасными и печальными.

— Сергѣй, выслушай меня, — сказала Елена.—Нѣтъ, нѣтъ, не зажигай свѣчу, — прибавила она торопливо, услышавъ, что онъ затарахтѣлъ коробкою со спичками.— Такъ будетъ лучше... безъ огня... То, что̀ я тебѣ скажу, будетъ необычайно и невыносимо тяжело для тебя, но я не могу иначе, и я должна испытать тебя... Прости меня!

Она едва видѣла его въ темнотѣ по бѣлой рубашкѣ. Онъ ощупью отыскалъ стаканъ и графинъ, и она слышала, какъ дрожало стекло о стекло. Она слышала, какъ большими, громкими глотками пилъ онъ воду.

— Говори, Елочка, — сказалъ онъ шопотомъ.

— Послушай! Скажи мнѣ, что̀ бы ты сдѣлалъ или сказалъ, если бы я пришла къ тебѣ и сказала: «Милый Сергѣй, вотъ я, твоя жена, которая никого не любила кромѣ тебя, никого не полюбитъ кромѣ тебя, и я сегодня измѣнила тебѣ. Пойми меня, измѣнила совсѣмъ, до того послѣдняго предѣла, который только возможенъ ме-

жду мужчиною и женщиною». Нѣтъ, не торопись отвѣчать мнѣ. Измѣнила не тайкомъ, не скрываючись, а нехотя, во власти обстоятельствъ... Ну, предположи... капризъ истерической натуры, необыкновенную, неудержимую похоть, ну наконецъ насиліе со стороны пьянаго человѣка... какого-нибудь пѣхотнаго офицера... Милый Сергѣй, не дѣлай никакихъ отговорокъ и отклоненій, не останавливай меня, а отвѣчай мнѣ прямо. И помни, что, сдѣлавъ это, я ни на одну секунду не переставала любить тебя больше всего, что̀ мнѣ дорого.

Онъ помолчалъ, повозился немного на постели, отыскалъ ея руку, хотѣлъ пожать ее, но она отняла руку.

— Елочка, ты испугала меня, я не знаю, что̀ тебѣ сказать, я положительно не знаю. Вѣдь если ты полюбила бы другого, вѣдь ты сказала бы мнѣ, вѣдь ты не стала бы меня обманывать, ты пришла бы ко мнѣ и сказала: «Сергѣй! Мы оба свободные и честные люди, я перестала любить тебя, я люблю другого, прости меня— и разстанемся». И я поцѣловалъ бы твою руку на прощанье и сказалъ бы: «Благодарю тебя за все, что̀ ты мнѣ дала, благословляю твое имя, позволь мнѣ только сохранить твою дружбу».

— Нѣтъ! Нѣтъ... не то.... совсѣмъ не то... Не полюбила, а просто грубо измѣнила тебѣ. Измѣнила потому, что не могла не измѣнить, потому что не была виновата.

— Но онъ тебѣ нравился? Ты испытала сладость любви?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Сергѣй, все время отвращеніе, глубокое, невѣроятное отвращеніе. Ну, вотъ скажи, напримѣръ, если бы меня изнасиловали?

Онъ осторожно привлекъ ее къ себѣ, — она теперь не сопротивлялась. Онъ говорилъ:

— Милая Елочка, зачѣмъ объ этомъ думать? Это все равно, если бы ты спросила меня, разлюблю ли я тебя,

если вдругъ оспа обезобразитъ твое лицо или желѣзнодорожный поѣздъ отрѣжетъ тебѣ ногу. Такъ и это. Если тебя изнасиловалъ какой-нибудь негодяй, — Господи, что̀ не возможно въ нашей современной жизни! — я взялъ бы тебя, положилъ твою голову себѣ на грудь, вотъ какъ я дѣлаю сейчасъ, и сказалъ бы: «Милое мое, обиженное, бѣдное дитя, вотъ я жалѣю тебя какъ мужъ, какъ братъ, какъ единственный другъ и смываю съ твоего сердца позоръ моимъ поцѣлуемъ».

Долго они молчали, потомъ Сергѣй заговорилъ:

— Разскажи мнѣ все!

И она начала такъ:

— Предположи себѣ... Но помни, Сергѣй, что это только предположеніе... Если бы ночью на пароходѣ меня схватилъ неудержимый приступъ морской болѣзни...

И она подробно, не выпуская ни одной мелочи, разсказала ему все, что̀ было съ ней прошлою ночью. Разсказала даже о томъ потрясающемъ и теперь безконечно мучительномъ для нея ощущеніи, которое овладѣло ею въ присутствіи молодого юнги. Но она все время вставляла въ свою рѣчь слова: «Слышишь, это только предположеніе! Ты не думай, что это было, это только предположеніе. Я выдумываю самое худшее, на что способно мое воображеніе».

И когда она замолчала, онъ сказалъ тихо и почти торжественно:

— Такъ это было? Было? Но ни судить тебя ни прощать тебя я не имѣю права. Ты виновата въ этомъ столько же, сколько въ дурномъ, нелѣпомъ снѣ, который приснился тебѣ. Дай мнѣ твою руку!

И, поцѣловавъ ея руку, онъ спросилъ ее еле слышно:

— Такъ это было, Елочка?

— Да, мой милый. Я такъ несчастна, такъ глубоко несчастна. Благодарю тебя за то, что ты утѣшилъ меня,

не разбилъ моего сердца. За эту одну минуту я не знаю, чѣмъ я отблагодарю тебя въ жизни!

И вотъ, съ горькими и радостными слезами, она прижалась къ его груди, рыдая и сотрясаясь голыми плечами и руками и смачивая его рубашку. Онъ бережно, медленно, ласково гладилъ по ея волосамъ рукою.

— Ложись, милая, поспи, отдохни. Завтра ты проснешься бодрая, и все будетъ казаться, какъ давнишній сонъ.

Она легла. Прошло четверть часа. Разслабляюще, томно пахла глицинія, сказочно-прекрасно звучалъ оркестръ вдали, но мужъ и жена не могли заснуть и лежали, боясь потревожить другъ друга, съ закрытыми глазами, стараясь не ворочаться, не вздыхать, не кашлять, и каждый понималъ, что другой не спитъ.

Но вдругъ онъ вскочилъ на кровати и произнесъ съ испугомъ:

— Елочка! А ребенокъ? А вдругъ ребенокъ?

Она помедлила и спросила беззвучно:

— Ты бы его возненавидѣлъ?

— Я его не возненавижу. Дѣти всѣ прекрасны, я тебѣ сто разъ говорилъ объ этомъ и вѣрю—не только словами, но всей душой—что нѣтъ разницы въ любви къ своему или къ чужому ребенку. Я всегда говорилъ, что исключительное материнское чувство—почти преступно, что женщина, которая, желая спасти своего ребенка отъ простой лихорадки, готова была бы съ радостью на уничтоженіе сотни чужихъ, незнакомыхъ ей дѣтей,—что такая женщина ужасна, хотя она можетъ быть прекрасной или, какъ говорятъ, «святой» матерью. Ребенокъ, который получился бы отъ тебя въ такомъ случаѣ, былъ бы моимъ ребенкомъ, но, Елочка... Этотъ человѣкъ, вѣроятно, пережилъ въ своей жизни тысячи подобныхъ приключеній. Онъ несомнѣнно знакомъ со всѣми постыдными

болѣзнями... Почемъ знать... Можетъ-быть, онъ держитъ въ своей крови наслѣдственный алкоголизмъ... сифилисъ... Въ этомъ и есть весь ужасъ, Елочка.

Она отвѣтила усталымъ голосомъ:

— Хорошо, я сдѣлаю все, что ты захочешь.

И опять наступило молчаніе и длилось страшно долго.

Онъ заговорилъ робко:

— Я не хочу лгать, я долженъ признаться тебѣ, что только одно обстоятельство мучитъ меня, что ты узнала радость, физическую радость любви не отъ меня, а отъ какого-то проходимца. Ахъ! Зачѣмъ это случилось? Если бы я взялъ тебя уже не дѣвушкой, мнѣ было бы это все равно, но это, это... милая, — голосъ его сталъ умоляющимъ и задрожалъ:—но вѣдь, можетъ-быть, этого не было? Ты хотѣла испытать меня?

Она нервно и вслухъ разсмѣялась.

— Да неужели серьезно ты думаешь, что я могла тебѣ измѣнить? Конечно, я только испытывала тебя. Ну и довольно. Ты выдержалъ экзаменъ, теперь можешь спать спокойно и не мѣшай мнѣ спать.

— Такъ это правда? Правда? Милая моя, обожаемая, прелестная Елочка. О, какъ я радъ! Ха-ха, я-то, дуракъ, почти повѣрилъ тебѣ. Ничего не было, Елочка?

— Ничего,—отвѣтила она довольно сухо.

Онъ повозился немного и заснулъ.

Но утромъ его разбудилъ какой-то шорохъ. Въ комнатѣ было свѣтло. Елена, блѣдная послѣ безсонной ночи, похудѣвшая, съ темными кругами вокругъ глазъ, съ сухими, потрескавшимися губами, уже почти одѣтая, торопливо доканчивала свой туалетъ.

— Ты куда собралась, дорогая?—спросилъ онъ тревожно.

— Я сейчасъ вернусь, — отвѣтила она: — у меня разболѣлась голова. Я пройдусь, а спать лягу послѣ завтрака.

Онъ вспомнилъ вчерашнее и, протягивая къ ней руки, сказалъ:

— Какъ ты меня испугала, моя милая, недобрая женушка. Если бы ты знала, что̀ ты сдѣлала съ моимъ сердцемъ. Вѣдь такой ужасъ на всю жизнь остался бы между нами. Ни ты ни я никогда не могли бы забыть его. Вѣдь это правда? Все это: помощникъ капитана, юнга, морская болѣзнь, все это—твои выдумки, не правда ли?

Она отвѣтила спокойно, сама удивляясь тому, какъ она, гордая своей всегдашней правдивостью, могла лгать такъ естественно и легко.

— Конечно, выдумки. Просто, одна дама разсказывала въ каютѣ такой случай, который дѣйствительно былъ однажды на пароходѣ. Ея разсказъ взволновалъ меня, и я такъ живо вообразила себя въ положеніи этой женщины, и меня охватилъ такой ужасъ при мысли, что ты возненавидѣлъ бы меня, если бы я была на ея мѣстѣ, что я совсѣмъ растерялась... Но, слава Богу, теперь все прошло.

— Конечно, прошло,—подтвердилъ онъ, обрадованный и совершенно успокоенный. — Господи! Да наконецъ, если бы это случилось, неужели ты стала бы хуже или ниже въ моихъ глазахъ? Какіе пустяки!

Она ушла. Онъ опять заснулъ и спалъ до десяти часовъ. Въ одиннадцать часовъ онъ уже началъ безпокоиться ея отсутствіемъ, а въ полдень мальчишка изъ какой-то гостиницы, въ шапкѣ, обшитой галунами, со множествомъ золотыхъ пуговицъ на курткѣ, принесъ ему короткое письмо отъ Елены:

«Съ девятичасовымъ пароходомъ я уѣхала опять въ Одессу. Не хочу скрывать отъ тебя того, что я ѣду къ Васютинскому, и ты, конечно, поймешь, что̀ я буду дѣлать во всю мою остальную жизнь. Ты — единственный человѣкъ, котораго я любила, и послѣдній, потому что

мужская любовь больше не существуетъ для меня. Ты самый цѣломудренный и честный изъ всѣхъ людей, какихъ я только встрѣчала. Но ты тоже оказался, какъ и всѣ, маленькимъ, подозрительнымъ, собственникомъ въ любви, недовѣрчивымъ и унизительно-ревнивымъ Несомнѣнно, что мы съ тобою рано или поздно встрѣтимся въ томъ дѣлѣ, которое одно будетъ для меня смысломъ жизни. Прошу тебя во имя нашей прежней любви: никакихъ разспросовъ, объясненій, упрековъ или попытокъ къ сближенію. Ты самъ знаешь, что я не перемѣняю своихъ рѣшеній.

«Конечно, весь разсказъ о пароходѣ сплошная выдумка.

«Елена».

ОБИДА.

Истинное происшествіе.

Былъ іюль, пять часовъ пополудни и страшная жара. Весь каменный огромный городъ дышалъ зноемъ, точно раскаленная печь. Бѣлыя стѣны домовъ сіяли нестерпимо для глазъ. Асфальтовые тротуары размягчились и жгли подошвы. Тѣни отъ акацій простерлись по плитяной мостовой жалкія, измученныя, и тоже казались горячими. Блѣдное отъ солнечныхъ лучей море лежало неподвижно и тяжело, какъ мертвое. По улицамъ носилась бѣлая пыль.

Въ это время въ одномъ изъ частныхъ театровъ, въ фойе, заканчивала свою очередную работу небольшая комиссія изъ мѣстныхъ адвокатовъ, которая взялась безплатно вести дѣла жителей, пострадавшихъ отъ послѣдняго еврейскаго погрома. Ихъ было девятнадцать человѣкъ, все помощники присяжныхъ повѣренныхъ, люди молодые, передовые и добросовѣстные. Засѣданіе не требовало никакой нарядности, и потому преобладали легкіе пикейные, фланелевые и люстриновые костюмчики. Сидѣли, гдѣ кому пришлось, по двое и по трое, за мраморными столиками, а предсѣдатель помѣщался за пустующимъ прилавкомъ, гдѣ раньше, еще зимой, продавались конфеты.

Зной, лившійся въ открытыя окна вмѣстѣ съ ослѣпи-

тельнымъ свѣтомъ и уличнымъ грохотомъ, совсѣмъ изморилъ молодыхъ адвокатовъ. Засѣданіе велось лѣниво и немного раздраженно.

Высокій молодой человѣкъ съ бѣлыми усами и рѣдкими волосами на головѣ, предсѣдатель собранія, сладострастно мечталъ о томъ, какъ онъ поѣдетъ сейчасъ на новомъ, только-что купленномъ велосипедѣ на дачу и какъ онъ быстро раздѣнется и, еще не остывшій, потный, бросится въ чистое, благоуханное, прохладное море. При этихъ мысляхъ все его тѣло разслабленно потягивалось и вздрагивало. Въ то же время, нетерпѣливо передвигая передъ собою бумаги, онъ говорилъ вялымъ голосомъ:

— Итакъ, господа, дѣло Рубинчика ведетъ Іосифъ Морицовичъ. Можетъ-быть, у кого-нибудь есть еще заявленія къ порядку дня?

Самый младшій товарищъ — маленькій, толстенькій, очень черный и очень живой караимъ — произнесъ вполголоса, но такъ, что его всѣ услышали:

— Къ порядку дня теперь самое лучшее квасъ со льдомъ...

Предсѣдатель взглянулъ на него строго, вбокъ, но самъ не могъ удержаться отъ улыбки. Онъ уже вздохнулъ и даже положилъ обѣ руки на столъ, чтобы подняться и объявить засѣданіе закрытымъ, какъ театральный сторожъ, стоявшій у дверей, вдругъ отдѣлился отъ нихъ и сказалъ:

— Ваше благородіе... тамъ пришли какихъ-то семь. Просютъ впустить.

Предсѣдатель нетерпѣливо обѣжалъ глазами товарищей.

— Господа, какъ?

Послышались голоса:

— Къ слѣдующему засѣданію. Баста.

— Пусть изложатъ письменно...

— Да, вѣдь, если скоро. Рѣшайте поскорѣе.

— А ну ихъ! Фу, ты, Господи, какое пекло!

— Пустите ихъ,—раздраженно кивнулъ головой предсѣдатель. — И потомъ, пожалуйста, принесите мнѣ нарзану! Только холоднаго, будьте добры.

Сторожъ открылъ дверь и сказалъ въ коридоръ:

— Пожалуйте. Разрѣшили.

И вотъ въ фойе, одинъ за другимъ, вошло семь самыхъ неожиданныхъ, самыхъ неправдоподобныхъ личностей. Сначала показался нѣкто рослый, самоувѣренный, въ щегольской сюртучной парѣ цвѣта сухого морского песка, въ отличномъ бѣльѣ — розовомъ съ бѣлыми полосками, съ пунцовой розой въ петличкѣ. Голова у него, глядя спереди, была похожа формой на стоячій бобъ, а сбоку— на лежачій. Лицо украшалось крутыми, воинственными толстыми усами и остренькой модной бородкой. На носу темно-синее пенснэ, на рукахъ палевыя перчатки, въ лѣвой рукѣ черная съ серебромъ трость, въ правой — голубой носовой платокъ.

Остальные шестеро производили странное, сумбурное и пестрое впечатлѣніе. Точно всѣ они впопыхахъ перемѣшали не только одежды, но и руки, и ноги, и головы. Здѣсь былъ человѣкъ съ великолѣпнымъ профилемъ римскаго сенатора, но облаченный почти въ лохмотья. Другой носилъ на себѣ франтовской фрачный жилетъ, изъ-за круглаго вырѣза котораго пестрѣла грязная малорусская рубаха. Здѣсь были асимметричныя лица арестантскаго типа, но глядѣвшія съ непоколебимой самоувѣренностью. И всѣ эти люди, несмотря на видимую молодость, очевидно, обладали большимъ житейскимъ опытомъ, развязностью, задоромъ и какимъ-то скрытымъ, подозрительнымъ лукавствомъ.

Баринъ въ песочномъ костюмѣ свободно и ловко поклонился головой и сказалъ полувопросительно:

— Господинъ предсѣдатель?

— Да, это я, — отвѣтилъ тотъ. — Что вамъ угодно?

— Мы, вотъ всѣ, кого вы передъ собою видите, — началъ баринъ спокойнымъ тономъ и, обернувшись назадъ, обвелъ рукой своихъ компаньоновъ: — мы являемся делегатами отъ соединенной Ростовско-Харьковской и Одесса-Николаевской организаціи воровъ.

Юристы зашевелились на своихъ мѣстахъ. Предсѣдатель откинулся назадъ и вытаращилъ глаза.

— Организаціи кого-о? — спросилъ онъ въ растяжку.

— Организаціи воровъ, — повторилъ хладнокровно джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. — Что касается до меня, то мои товарищи сдѣлали мнѣ высокую честь, избравъ меня представителемъ делегаціи.

— Очень... пріятно, — сказалъ предсѣдатель неувѣренно.

— Благодарю васъ. Всѣ мы семеро суть обыкновенные воры, конечно, разныхъ спеціальностей. И вотъ организація уполномочила насъ изложить передъ вашимъ почтеннымъ собраніемъ, — джентльменъ опять сдѣлалъ изящный поклонъ, — нашу почтительную просьбу о помощи.

— Я не понимаю, собственно говоря, какое отношеніе... — развелъ руками предсѣдатель. — Но, однако, прошу васъ, продолжайте.

— Дѣло, съ которымъ мы имѣемъ смѣлость и честь обратиться къ вамъ, милостивые государи, — дѣло очень ясное, очень простое и очень короткое. Оно займетъ не болѣе шести-семи минутъ времени, о чемъ считаю долгомъ заранѣе предупредить въ виду поздняго времени и 37-ми градусовъ, которые показываетъ Реомюръ въ тѣни. — Ораторъ слегка откашлялся и поглядѣлъ на отличные золотые часы. — Видите ли: за послѣднее время въ мѣстныхъ газетахъ, въ отчетахъ о прискорбныхъ и ужасныхъ дняхъ послѣдняго погрома, довольно часто стали появляться ука-

занія на то, что въ число погромщиковъ, науськанныхъ и нанятыхъ полиціей, въ это отребье общества, состоявшее изъ пропойцъ, босяковъ, сутенеровъ и окраинныхъ хулигановъ, входили также и воры. Сначала мы молчали, но наконецъ сочли себя вынужденными протестовать предъ лицомъ всего интеллигентнаго общества противъ такого несправедливаго и тяжкаго обвиненія. Я хорошо знаю, что съ законной точки зрѣнія мы — преступники и враги общества. Но вообразите себѣ хоть на одно мгновеніе, господа, положеніе этого врага общества, когда его обвиняютъ огуломъ и за то преступленіе, котораго онъ не только не совершалъ, но которому готовъ противиться всѣми силами души. Несомнѣнно, вѣдь несомнѣнно, что обиду отъ такой несправедливости онъ почувствуетъ гораздо острѣе, чѣмъ средній, благополучный, нормальный обыватель. Такъ вотъ, мы и заявляемъ, что обвиненіе, взведенное на насъ, лишено всякой не только фактической, но и логической подкладки. Это я и намѣренъ доказать въ двухъ словахъ, если почтенное собраніе соблаговолитъ меня выслушать.

— Говорите, — сказалъ предсѣдатель.

— Просимъ, просимъ, — раздалось среди оживившихся адвокатовъ.

— Приношу вамъ мою искреннюю благодарность отъ лица всѣхъ нашихъ товарищей. Повѣрьте, вы никогда не раскаетесь въ вашемъ вниманіи къ представителямъ нашей... ну, да, скажемъ, скользкой, но въ то же время несчастной и нелегкой профессіи. Итакъ, мы начинаемъ, какъ поетъ Джиральдони въ прологѣ изъ «Паяцовъ».

«Кстати я попрошу у господина предсѣдателя позволенія немного утолить жажду. Сторожъ, принеси-ка мнѣ, братецъ, лимонаду и рюмку англійской горькой! Не буду говорить, милостивые государи, о нравственной сторонѣ нашего ремесла и о его соціальномъ значеніи. Вамъ, безъ-

сомнѣнія, лучше меня извѣстенъ удивительный, блестящій парадоксъ Прудона: «собственность — это воровство», парадоксъ, какъ хотите, а все-таки до сихъ поръ не опрокинутый никакими причитаніями трусливыхъ мѣщанъ и жирныхъ поповъ. Примѣръ. Отецъ — энергичный и умный хищникъ — скопилъ милліонъ и оставляетъ его сыну, рахитическому, бездѣятельному и невѣжественному балбесу, вырождающемуся идіоту, безмозглому червю, истинному паразиту. Милліонъ рублей—это въ потенціалѣ милліонъ рабочихъ дней, а, стало-быть—право ни съ того ни съ сего на трудъ, потъ, кровь и жизнь страшной уймы людей. Зачѣмъ? За что? Почему? Совсѣмъ неизвѣстно. Итакъ, господа, отчего же не согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что наша профессія является, до извѣстной степени, какъ бы поправкой къ чрезмѣрному накопленію цѣнностей въ однѣхъ рукахъ, служитъ протестомъ противъ всѣхъ тягостей, мерзостей, произвола, насилія, пренебреженія къ человѣческой личности, противъ всѣхъ этихъ уродствъ, порожденныхъ буржуазно-капиталистическимъ строемъ современнаго общества? Соціальная революція, рано или поздно, все равно перевернетъ этотъ порядокъ. Собственность отойдетъ въ область печальныхъ воспоминаній, и тогда — увы! — сами собой исчезнемъ съ лица земного и мы — les braves chevaliers d'industrie».

Ораторъ остановился и, взявъ изъ рукъ подошедшаго сторожа подносъ, поставилъ его около себя на столикъ.

— Виноватъ. Одну минутку. Получи, братецъ, и кстати, когда отсюда выйдешь, то притвори за собою покрѣпче дверь.

— Слушаю, ваше сіятельство! — гаркнулъ радостно сторожъ.

Ораторъ отпилъ полстакана и продолжалъ:

— Однако въ сторону философскую, экономическую и соціальную сторону вопроса. Не желая утруждать вашего

вниманія, я долженъ однако, заявить, что наше занятіе очень близко подходитъ къ понятію того, что̀ зовется искусствомъ, потому что въ него входятъ всѣ элементы, составляющіе искусство: призваніе, вдохновеніе, фантазія, изобрѣтательность, честолюбіе и долгій, тяжкій искусъ науки. Въ немъ — увы! — отсутствуетъ только добродѣтель, о которой писалъ съ такой блестящей и пламенной увлекательностью великій Карамзинъ.

«Милостивые государи, я далекъ отъ мысли буффонить передъ такимъ почтеннымъ собраніемъ или отнимать у васъ драгоцѣнное время безцѣльными парадоксами. Но не могу не подтвердить хоть кратко мою мысль. Чужому уху нелѣпо, дико и смѣшно слышать о воровскомъ призваніи. Однако, смѣю васъ увѣрить, что такое призваніе существуетъ. Есть люди, которые, обладая особенной силой зрительной памяти, остротой и мѣткостью глаза, хладнокровіемъ, ловкостью пальцевъ и въ особенности тонкимъ осязаніемъ, какъ будто бы спеціально рождены на свѣтъ Божій для того, чтобы быть прекрасными шулерами. Ремесло карманнаго вора требуетъ необыкновенной юркости и подвижности, страшной точности движеній, не говоря уже о находчивости, наблюдательности, напряженномъ вниманіи. У нѣкоторыхъ есть положительное призваніе взламывать денежныя кассы: отъ самаго нѣжнаго дѣтства ихъ влекутъ къ себѣ тайны всяческихъ сложныхъ механизмовъ: велосипедовъ, швейныхъ машинъ, заводныхъ игрушекъ, часовъ. Наконецъ, господа юристы, есть люди съ наслѣдственной враждой собственности. Вы называете это явленіе вырожденіемъ — какъ вамъ угодно. Но я скажу, что истиннаго вора, вора по призванію, не переманишь въ будни честнаго прозябанія никакими пряниками: ни хорошо обезгеченной службой, ни даровыми деньгами, ни женской любовью. Ибо здѣсь постоянная прелесть риска, увлекательная пропасть опасности, зами-

раніе сердца, буйный трепетъ жизни, восторгъ! Вы вооружены покровительствомъ закона, замками, револьверами, телефонами, полиціей, войсками,—мы же только ловкостью, хитростью и смѣлостью. Мы — лисы, а общество — это курятникъ, охраняемый собаками. Извѣстно ли вамъ, что въ деревняхъ самыя художественныя, самыя одаренныя натуры идутъ въ конокрады и въ браконьеры-охотники? Что дѣлать: жизнь до сихъ поръ была такъ скудна, такъ плоска, такъ невыносимо скучна для пылкихъ сердецъ!

«Но я перехожу къ вдохновенію. Безъ сомнѣнія, вамъ, милостивые государи, приходилось читать о сверхъестественныхъ по своему замыслу и выполненію кражахъ? Ихъ въ газетахъ, въ рубрикѣ происшествій, обыкновенно озаглавливаютъ: «грандіозное хищеніе», или «геніальная мошенническая продѣлка», или еще «ловкая продѣлка аферистовъ». Въ этихъ случаяхъ буржуазные отцы семейства разводятъ руками и восклицаютъ: «Какое печальное явленіе! Если бы изобрѣтательность этихъ отщепенцевъ, ихъ удивительное знаніе людской психологіи, ихъ самообладаніе и смѣлость, ихъ несравненныя актерскія способности, — если бы все это обратить въ добрую сторону! Сколько пользы принесли бы эти люди отечеству!» Но давно извѣстно, милостивые государи, что буржуазные отцы семействъ созданы Творцомъ небеснымъ для того, чтобы говорить общія мѣста и пошлости. Мнѣ самому иногда приходится...—что жъ, сознаюсь, мы, воры, народъ сентиментальный,—приходится гдѣ-нибудь въ Александровскомъ паркѣ или на морскомъ берегу любоваться прекраснымъ закатомъ. И я всегда заранѣе увѣренъ, что кто-нибудь непремѣнно около меня скажетъ съ апломбомъ: «а вотъ, поди, нарисуй такъ художникъ, — никто никогда не повѣритъ!» Тогда я оборачиваюсь и, конечно, вижу самодовольнаго, откормленнаго отца семейства, ко-

торый, сказавъ чужую глупость, радуется на свою собственную. Что же касается до любезнаго отечества, то буржуазный отецъ семейства глядитъ на него, какъ на жаренаго индюка: урвалъ кусокъ послаще и ѣшь его потихоньку въ укромномъ мѣстѣ, и славь Бога. Но, собственно, и не въ немъ дѣло. Ненависть къ пошлости отвлекла меня, и я прошу прощенія за лишнія слова. Но дѣло въ томъ, что геній и вдохновеніе, хотя бы они были обращены и не на пользу православной церкви, все-таки остаются рѣдкими и прекрасными вещами. Все идетъ впередъ, и въ воровствѣ есть свое творчество.

«Наконецъ наше ремесло вовсе не такъ ужъ легко и весело, какъ это кажется съ перваго взгляда. Оно требуетъ долговременнаго опыта, постоянныхъ упражненій, медленной и мучительной тренировки. Оно заключаетъ въ себѣ сотни гибкихъ, осторожныхъ пріемовъ, недоступныхъ самому ловкому фокуснику. Но, не желая быть голословнымъ, я, милостивые государи, сейчасъ произведу передъ вами нѣсколько опытовъ. Прошу васъ быть покойными за исполнителей. Всѣ мы въ настоящее время находимся на легальной свободѣ, и хотя за нами, по обыкновенію, слѣдятъ и насъ знаютъ наперечетъ въ лицо, и наши фотографіи украшаютъ альбомы всѣхъ сыскныхъ отдѣленій, но, покамѣстъ, намъ нѣтъ надобности скрываться ни отъ кого. Если же впослѣдствіи вы узнаете кого-либо изъ насъ при иныхъ обстоятельствахъ, то, пожалуйста, мы васъ объ этомъ усиленно просимъ, поступайте всегда сообразно съ тѣмъ, что̀ вамъ велятъ профессіональный долгъ и обязанности гражданина. Мы же, въ благодарность за ваше вниманіе, рѣшили объявить вашу частную собственность неприкосновенной, облечь ее воровскимъ табу. Однако къ дѣлу».

Обернувшись назадъ, ораторъ приказалъ:

— Сысой Великій, прошу.

Огромный сутуловатый малый, съ руками по колѣни, человѣкъ безъ лба и безъ шеи, похожій на заспаннаго ярмарочнаго геркулеса, выдвинулся впередъ. Онъ тупо улыбался и отъ смущенія почесывалъ лѣвую бровь.

— Та тутъ нема чого робить, — сказалъ онъ сипло.

Но за него заговорилъ джентльменъ въ песочномъ костюмѣ, обращаясь къ собранію:

— Милостивые государи. Передъ вами одинъ изъ почтенныхъ членовъ нашей организаціи. По спеціальности онъ взламыватель сундуковъ, желѣзныхъ кассъ и другихъ хранилищъ денежныхъ знаковъ. Иногда при своихъ вечернихъ занятіяхъ онъ пользуется для расплавки металла электрическимъ токомъ отъ освѣтительныхъ проводовъ. Къ сожалѣнію, здѣсь ему не на чемъ показать лучшіе номера своего искусства. Всякую дверь, съ самымъ сложнымъ замкомъ, онъ отпираетъ безукоризненно. Кстати, вотъ эта дверь, должно-быть, заперта?

Всѣ обернулись назадъ къ двери, на которой висѣлъ печатный плакатъ: «Входъ за кулисы постороннимъ лицамъ строго воспрещенъ».

— Да, эта дверь, повидимому, заперта, — подтвердилъ предсѣдатель.

— И чудесно. Сысой Великій, будьте любезны.

— Та це жъ пустое дило, — сказалъ великанъ лѣниво и пренебрежительно.

Онъ подошелъ къ двери, потрясъ ее сначала осторожно рукой, потомъ вытащилъ изъ кармана какой-то маленькій блестящій инструментъ, сдѣлалъ имъ, нагнувшись къ замку, нѣсколько почти незамѣтныхъ движеній и вдругъ, выпрямившись, распахнулъ дверь быстро и безшумно. Предсѣдатель слѣдилъ за нимъ съ часами въ рукахъ: все дѣло заняло не болѣе десяти секундъ.

— Благодарю васъ, Сысой Великій, — сказалъ вѣжливо

джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. — Вы можете итти на мѣсто.

Но предсѣдатель возразилъ съ нѣкоторой тревогой:

— Виноватъ. Все это интересно и очень поучительно, но... скажите, входитъ ли въ профессію вашего уважаемаго коллеги также и искусство затворять двери?

— Ah, mille pardons!—торопливо поклонился джентльменъ. — Я упустилъ это изъ виду. Сысой Великій, будьте добры...

Дверь была такъ же ловко и безшумно заперта. Уважаемый коллега, переваливаясь и усмѣхаясь, возвратился къ своимъ друзьямъ.

— Теперь я буду имѣть честь показать вамъ искусство одного нашего товарища, оперирующаго по части карманныхъ кражъ въ театрахъ и на вокзалахъ, — продолжалъ ораторъ. — Онъ еще чрезвычайно молодъ, но, по его тонкой работѣ, вы можете, до извѣстной степени, судить о томъ, что̀ изъ него выйдетъ впослѣдствіи при нѣкоторомъ прилежаніи. Яша!

Смуглый юноша, въ синей шелковой рубахѣ и лакированныхъ сапогахъ, похожій на цыгана, развязно вышелъ впередъ и остановился около оратора, поигрывая кистями пояса и весело щуря большіе, съ желтыми бѣлками, наглые черные глаза.

Джентльменъ въ песочномъ костюмѣ сказалъ искательно:

— Господа... я принужденъ попросить... не согласится ли кто-нибудь... подвергнуть себя маленькому опыту. Увѣряю васъ, что это будетъ только примѣръ, такъ сказать, игра...

Онъ обводилъ сидящихъ глазами. Маленькій, толстенькій, черный, какъ жукъ, караимъ вышелъ изъ-за своего столика.

— Къ вашимъ услугамъ, — сказалъ онъ смѣшливо.

— Яша! — кивнулъ головой ораторъ.

Яша подошелъ вплотную къ адвокату. Теперь на лѣвой, согнутой рукѣ висѣлъ у него блестящій, шелковый, узорчатый фуляръ.

— Ежели, примѣрно, въ церкви, или, скажемъ, въ буфетѣ въ театрѣ, или тоже въ циркѣ... — началъ онъ сладенькой скороговоркой: — сейчасъ вижу, это идетъ фрейеръ... извините, господинъ, вотъ хоть бы вы... фрейеръ — тутъ ничего нѣтъ обиднаго: просто богатый господинъ, который приличный и ничего не понимаетъ. Первымъ долгомъ: какіе могутъ быть предметы? Предметы самые разнообразные. Обыкновенно сначала часы съ чѣпочкой. Опять-таки — гдѣ? Нѣкоторые носятъ въ верхнемъ карманѣ жилеточки—вотъ здѣсь, нѣкоторые въ нижнемъ — вотъ тутъ. Портомонетъ же почти всегда лежитъ въ брючныхъ карманахъ. Развѣ ужъ какой совсѣмъ ёлодъ положитъ въ пиджакъ. Затѣмъ — порцыгаръ. Натурально, прежде поглядишь, какой: золотой или серебряный съ монограмомъ, а изъ кожанаго кто же станетъ мараться, если себя уважаешь? Порцыгаръ можетъ быть въ семи карманахъ: здѣсь, здѣсь, здѣсь, вотъ здѣсь, здѣсь, тамъ и тутъ. Не такъ-ли-съ? Сообразно съ тѣмъ и оперируешь.

Говоря такимъ образомъ, молодой воръ улыбался, блестѣлъ глазами прямо въ глаза адвокату и быстрыми, ловкими движеніями правой руки указывалъ на разныя мѣста въ его одеждѣ.

— Опять-таки можетъ обращать вниманіе и булавочка вотъ тутъ-съ, въ галстучкѣ. Однако мы избѣгаемъ присвоять. Теперь такой народъ пошелъ, что рѣдко изъ мужчинъ носятъ настоящіе камушки. И вотъ я подхожу-съ. Сейчасъ обращаюсь по-благовоспитанному: господинъ, дозвольте прикуриться, или еще что-нибудь, одно слово, завожу разговоръ. Первое дѣло что̀? Первымъ дѣломъ

гляжу ему прямо въ зѣньки, вотъ такъ, а работаютъ у меня только два пальца: вотъ этотъ-съ и вотъ этотъ-съ.

Яша поднялъ въ уровень своего лица два пальца правой руки, указательный и средній, и пошевелилъ ими.

— Видали? Вотъ этими двумя пальцами вся музыка и играетъ. И, главное, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго: разъ, два, три — и готово! Всякій неглупый человѣкъ можетъ весьма легко выучиться. Вотъ и все-съ. Самое обыкновенное дѣло. Мое почтеніе-съ.

Воръ легко повернулся и пошелъ-было на мѣсто.

— Яша! — вѣско и многозначительно произнесъ джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. — Я-ша! — повторилъ онъ строго.

Яша остановился. Онъ былъ спиной къ адвокату, но, должно-быть, о чемъ-то краснорѣчиво упрашивалъ глазами своего представителя, потому что тотъ хмурилъ брови и отрицательно трясъ головой.

— Яша! — въ третій разъ съ выраженіемъ угрозы произнесъ онъ.

— Эхъ! — крякнулъ досадливо молодой воръ и нехотя повернулся опять лицомъ къ адвокату. — А гдѣ же ваши часики-то, господинъ? — произнесъ онъ тонкимъ голосомъ.

— Ахъ! — схватился карманъ.

— Вотъ видите, теперь — ахъ! — продолжалъ Яша укоризненно. — Вы все время на мою правую ручку любовались, а я тѣмъ временемъ ваши часики лѣвой ручкой соперировалъ-съ. Вотъ именно этими двумя пальчиками. Изъ-подъ кашны-съ. Для того и кашну носимъ. А какъ у васъ чѣпка нестоящая, шнурокъ, должно-быть, на память отъ какой мамзели, а часики золотые, то я чѣпку вамъ оставилъ въ знакъ предмета памяти. Получайте-съ, — прибавилъ онъ со вздохомъ, протягивая часы.

— Однако ловко! — сказалъ смущенный адвокатъ. — Я и не замѣтилъ.

жество. Ему приносились человѣческія жертвы. Но вотъ однажды смѣлыя руки сорвали завѣсу, и всѣ тогда увидѣли, вмѣсто бога, огромнаго, мохнатаго, прожорливаго паука, омерзительнаго спрута. Его бьютъ, въ него стрѣляютъ, его уже расчленили на куски, но онъ все-таки въ бѣшенствѣ послѣдней агоніи простираетъ по всему древнему храму свои гадкіе, цѣпкіе щупальцы. И жрецы, сами приговоренные къ смерти, толкаютъ въ лапы чудовища всѣхъ, кого захватятъ ихъ дрожащіе отъ ужаса пальцы.

«Простите. То, что̀ я сказалъ, вѣроятно, несвязно и дико. Но я нѣсколько взволнованъ. Простите. Я продолжаю. Намъ, ворамъ по профессіи, болѣе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстно, какъ дѣлались эти погромы. Мы толкаемся повсюду: въ кабакахъ, на базарахъ, въ чайныхъ, по ночлежкамъ, по площадямъ, въ порту. Да, мы, именно мы, можемъ присягнуть передъ Богомъ, передъ людьми, передъ потомствомъ, что мы видѣли, какъ грубо, не стыдясь и почти не прячась, организовала полиція массовыя избіенія. Мы ихъ всѣхъ знаемъ въ лицо — и одѣтыхъ и переодѣтыхъ. Они предлагали многимъ изъ насъ принять участіе, но никто изъ нашихъ не былъ настолько подлъ, чтобы дать хоть ложное, хоть вынужденное трусостью согласіе.

«Вы знаете, конечно, какъ всѣ слои русскаго общества относятся къ полиціи? Ее не уважаютъ даже тѣ, кто питается ея темными услугами. Но мы презираемъ и ненавидимъ ее втрое, въ десять разъ. И не за то, что многихъ изъ насъ истязали въ сыскныхъ отдѣленіяхъ, въ этихъ настоящихъ застѣнкахъ, били смертнымъ боемъ, били воловьими жилами и гуттаперчевыми палками, чтобы выпытать сознаніе или заставить предать товарища. Да, конечно, и за то. Но мы, воры, мы всѣ, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, съ безумной страстностью обожаемъ свободу. И потому-то именно мы и ненавидимъ тюремщиковъ всею

ненавистью, на которую способно человѣческое сердце. Я скажу про себя. Меня трижды истязали полицейскіе сыщики до полусмерти. У меня отбиты легкія и печень. По утрамъ я кашляю кровью, пока не отдышусь. Но, если мнѣ скажутъ, что я, пожавъ руку самаго главнаго генерала-отъ-полиціи, предотвращу этимъ такое же четвертое избіеніе, — я откажусь!

«И вотъ газеты говорятъ, что изъ этихъ рукъ мы приняли деньги іудины, омоченныя свѣжей человѣческой кровью. Нѣтъ, господа, это — клевета, колющая насъ въ самую душу съ нестерпимой болью. Ни деньги, ни угрозы, ни обѣщанія не сдѣлаютъ насъ наемными братоубійцами или ихъ пособниками».

— Никогда! Нѣтъ, нѣтъ! — глухо зароптали сзади оратора его товарищи.

— Я скажу больше,—продолжалъ воръ.—Многіе изъ насъ во время этого погрома защищали избиваемыхъ. Нашъ товарищъ, носящій кличку Сысой Великій,—вы его только-что видѣли, господа, — квартировалъ въ это время у еврея-шмуклера на Молдаванкѣ. И онъ отстоялъ своего хозяина съ кочергой въ рукахъ противъ цѣлой орды убійцъ. Правда, Сысой Великій обладаетъ страшной физической силой, и это хорошо извѣстно многимъ изъ обитателей Молдаванки, но все-таки согласитесь, господа, развѣ Сысой Великій не глядѣлъ въ эти минуты прямо въ лицо смерти? Другой нашъ товарищъ — Мартынъ Рудокопъ — вотъ этотъ самый, господа, — ораторъ указалъ на державшагося сзади блѣднаго бородатаго мужчину съ прекрасными темными глазами:—онъ спасъ старую незнакомую еврейку, за которой гналась толпа этой рвани. Ему за это пробили голову желѣзомъ, сломали въ двухъ мѣстахъ руку и перебили ребро. Онъ только-что изъ больницы. Вотъ какъ поступили наиболѣе пылкіе и сильные духомъ. Другіе дрожали отъ злости и плакали отъ безсилія.

«Никто изъ насъ не забудетъ ужасовъ этихъ кровавыхъ дней, этихъ ночей, озаренныхъ пламенемъ пожаровъ, этихъ женскихъ воплей, этихъ неубранныхъ, истерзанныхъ, маленькихъ дѣтскихъ труповъ. Но никто изъ насъ зато и не думаетъ, что полиція и чернь—начало зла. Эти маленькіе, глупые, омерзительные звѣрюшки — они только безсмысленный кулакъ, управляемый подлымъ, расчетливымъ умомъ, возбуждаемый дьявольской волей...

«Да, господа адвокаты, — продолжалъ ораторъ: — мы — воры и заслужили ваше законное презрѣніе. Но когда вамъ, лучшимъ людямъ, понадобятся на баррикадахъ ловкіе, смѣлые, послушные молодчики, которые сумѣютъ весело, съ пѣсней и шуткой встрѣтить смерть ради лучшаго слова въ мірѣ—свобода,—неужели вы изъ-за застарѣлой брезгливости оттолкнете, прогоните насъ?

«Чортъ возьми! Во время французской революціи первой жертвой была проститутка. Она вскочила на баррикаду и, подобравъ съ шикомъ платье, крикнула: «Нука, солдаты, кто изъ васъ посмѣетъ выстрѣлить въ женщину?» Да, чортъ! — воскликнулъ громко ораторъ и ударилъ кулакомъ по мраморной доскѣ стола: — ее убили, но, ей-Богу, ея жестъ былъ великолѣпенъ, и ея слова безсмертно-прекрасны.

«Если вы въ великую минуту прогоните насъ, мы скажемъ вамъ, о, незапятнанные херувимы: «А что̀, если человѣческія мысли обладали бы способностью ранить, убивать, лишать людей чести и имущества, то кто изъ васъ, о, невинные голуби, не заслужилъ бы кнута и каторги?» И тогда мы уйдемъ отъ васъ и построимъ свою собственную веселую, смѣшную, отчаянную воровскую баррикаду и умремъ съ такимъ дружнымъ пѣніемъ, что вы позавидуете намъ, бѣлоснѣжные!

«Впрочемъ, я опять увлекся. Простите. Кончаю. Вы ви-

дите теперь, господа, какія чувства вызвала въ насъ газетная клевета. Вѣрьте же нашей искренности и сдѣлайте что-нибудь, чтобы снять съ насъ это кровавое и грязное пятно, такъ несправедливо насъ заклеймившее. Я кончилъ».

Онъ отошелъ отъ стола и присоединился къ своимъ товарищамъ. Адвокаты вполголоса о чемъ-то перешептывались, подобно тому, какъ это дѣлаютъ члены суда на засѣданіяхъ. Потомъ предсѣдатель всталъ и объявилъ:

— Мы безусловно довѣряемъ вамъ и приложимъ всѣ усилія, чтобы очистить имя вашей корпораціи отъ этого тяжелаго обвиненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мои товарищи уполномочили меня выразить вамъ, господа, наше глубокое уваженіе за ваши горячія гражданскія чувства. Я же, лично съ своей стороны, прошу у представителя делегаціи позволенія пожать ему руку.

И эти два человѣка, оба высокіе и серьезные, стиснули другъ другу руки крѣпкимъ, мужскимъ пожатіемъ.

Адвокаты расходились изъ театра. Но четверо изъ нихъ замѣшкались въ передней около вѣшалокъ: Исаакъ Абрамовичъ никакъ не могъ отыскать своей новой желтой прекрасной шляпы — панамы. Вмѣсто нея на деревянномъ колышкѣ висѣлъ суконный картузъ, лихо приплюснутый съ боковъ

— Яша! — вдругъ послышался снаружи, по ту сторону дверей, строгій голосъ недавняго оратора. — Яша, я тебѣ въ послѣдній разъ говорю, чортъ бы тебя побралъ!.. Слышишь? Ну?..

Тяжелая дверь распахнулась. Вошелъ джентльменъ въ песочномъ костюмѣ. Въ рукахъ у него была шляпа Исаака Абрамовича; на лицѣ играла милая, свѣтская улыбка.

— Господа! Ради Бога простите. Маленькое, смѣшное недоразумѣніе. Одинъ изъ нашихъ товарищей совершенно случайно обмѣнилъ шляпу. Ахъ, это ваша? Тысячу извиненій. Швейцаръ, что̀ же ты, братецъ, зѣваешь? А? Подай сюда вотъ эту фуражку. Еще разъ простите, господа.

И съ любезными поклонами, все съ тою же милою улыбкой, онъ быстро вышелъ на улицу.

ОСЕННІЕ ЦВѢТЫ.

Разсказъ.

Мой милый, сердитый другъ! Я потому пишу — сердитый, что заранѣе воображаю себѣ: сначала ваше изумленіе, а потомъ негодованіе, когда вы получите это письмо и узнаете изъ него, что я не сдержала слова, обманула васъ, уѣхавъ внезапно изъ города, вмѣсто того, чтобы ждать васъ завтра вечеромъ, какъ это было условлено, въ моей гостиницѣ. Дорогой мой, я просто-напросто бѣжала отъ васъ, или нѣтъ, вѣрнѣе — отъ насъ обоихъ, бѣжала отъ того мучительнаго, неловкаго, и ненужнаго, что̀ неминуемо должно было произойти между нами.

И не торопитесь съ ѣдкой улыбкой на губахъ обвинять меня въ спасительномъ благоразуміи: вѣдь вамъ больше всѣхъ на свѣтѣ извѣстно, какъ оно покидаетъ меня въ самыхъ нужныхъ случаяхъ! Богъ свидѣтель, до послѣдней минуты я не знала, поѣду ли я на самомъ дѣлѣ или не поѣду. Вотъ и теперь я совсѣмъ не увѣрена въ томъ, что до конца устою противъ нестерпимаго соблазна еще одинъ разъ, хоть мелькомъ, хоть издали взглянуть на васъ.

Я даже не знаю, удержусь ли я отъ того, чтобы не

выскочить изъ вагона послѣ третьяго звонка, и потому, окончивъ это письмо (если только мнѣ удастся его окончить), я отдамъ его носильщику и прикажу ему опустить письмо въ ящикъ въ тотъ самый моментъ, когда поѣздъ тронется. А я буду изъ окна слѣдить за нимъ и чувствовать, точно при прощаніи съ вами, какъ тоскливо, тоскливо сожмется мое сердце.

Простите меня: все, что̀ я говорила вамъ о лиманахъ, о морскомъ воздухѣ и о докторахъ, будто бы уславшихъ меня сюда изъ Петербурга, все это было неправдой! Я пріѣхала только потому, что меня вдругъ неудержимо потянуло къ вамъ, потянуло снова извѣдать хоть жалкую частицу того горячаго, ослѣпительнаго счастья, которымъ мы когда-то наслаждались расточительно и небрежно, точно сказочные цари.

Я думаю, изъ моихъ разсказовъ вы могли составить себѣ довольно ясное понятіе объ образѣ моей жизни среди того громаднаго звѣринца, который называется петербургскимъ обществомъ. Визиты, театры, балы, обязательные четверги у насъ, благотворительные базары и т. д. и т. д., и во всемъ этомъ я должна участвовать въ качествѣ красивой вывѣски надъ служебными и коммерческими дѣлами мужа. Только, пожалуйста, не ждите отъ меня избитой тирады о мелочности, пустотѣ, пошлости, лживости — я ужъ не помню, какъ это говорится въ романахъ—нашего общества. Я втянулась въ эту жизнь, полную комфорта, приличныхъ манеръ, свѣжихъ новостей, связей и вліяній, и у меня никогда бы не хватило силъ отъ этой жизни отказаться. Но сердце мое не участвуетъ въ ней. Мечутся предо мной какіе-то люди, говорятъ какія-то слова, и сама я что-то дѣлаю, что-то говорю, но ни люди ни слова не затрагиваютъ моей души, и мнѣ минутами кажется, что все это происходитъ гдѣ-то въ страшномъ отдаленіи отъ меня,

точно въ книгѣ или на картинѣ, точно «понарочку», какъ выражалась когда-то моя нянька — Домнушка.

И вдругъ среди этой тусклой и равнодушной жизни меня, точно волной, взмыло наше милое, сладкое прошлое. Случалось ли вамъ когда-нибудь проснуться подъ впечатлѣніемъ одного изъ тѣхъ странныхъ сновъ, которые такъ радостны, что послѣ нихъ цѣлый день ходишь въ какомъ-то блаженномъ опьянѣніи, и въ то же время такъ бѣдны содержаніемъ, что если ихъ разсказать не только постороннему, но даже самому близкому человѣку, — выйдетъ ничтожно и плоско до смѣшного. Разсказывающіе хорошо свои сны часто лгутъ, говоритъ у Шекспира Меркуціо, и — Боже мой, какая въ этомъ глубокая психологическая правда!

Ну, такъ вотъ и я однажды проснулась утромъ послѣ такого сна. Я видѣла себя въ лодкѣ вмѣстѣ съ вами гдѣ-то далеко-далеко въ морѣ. Вы сидѣли на веслахъ, а я лежала на кормѣ и глядѣла въ голубое небо. Вотъ и все. Лодка тихонько покачивалась, а небо было такое глубокое, что мнѣ временами казалось, будто я гляжу внизъ въ бездонную пропасть. И какое-то непостижимое, радостное чувство такъ нѣжно, такъ гармонично овладѣло моей душой, что мнѣ захотѣлось въ одно и то же время заплакать и засмѣяться отъ избытка счастья. Я проснулась, но этотъ сонъ остался въ моей душѣ, точно приросъ къ ней. Небольшимъ усиліемъ воображенія мнѣ часто удавалось вызывать его въ памяти и вмѣстѣ съ этимъ вновь испытать слабую тѣнь той радости, которая его сопровождала.

Иногда это случалось въ гостиной, во время какого-нибудь пустого разговора, который слушаешь не слыша, и тогда я должна была закрывать на нѣсколько мгновеній руками глаза, чтобы не выдать ихъ неожиданнаго сіянія. О, какъ сильно, какъ неотступно повлекло меня

къ вамъ. Точно живая, воскресла предо мной плѣнительная волшебная сказка, въ которой промелькнула шесть лѣтъ тому назадъ подъ ласковымъ южнымъ небомъ наша любовь. Все мнѣ вдругъ вспомнилось: внезапныя ссоры, съ нелѣпой ревностью и смѣшными подозрѣніями, и веселыя примиренія, послѣ которыхъ наши поцѣлуи пріобрѣтали новую прелесть перваго поцѣлуя, нетерпѣливыя ожиданія въ условленномъ мѣстѣ; чувство тоскливой пустоты въ тѣ минуты, когда мы, разставшись вечеромъ, чтобы сойтись опять на другой день утромъ, по многу разъ оборачивались одновременно назадъ и издали, изъ-за плечъ раздѣлявшей насъ толпы, розовой отъ пыльнаго солнечнаго заката, встрѣчались глазами; вспоминалась мнѣ вся эта сверкающая жизнь, полная могучаго, неудержимаго счастья!

Мы не могли усидѣть на мѣстѣ. Насъ жадно тянуло къ новымъ мѣстамъ и новымъ впечатлѣніямъ. Какъ хороши были наши далекія поѣздки въ этихъ допотопныхъ, душныхъ дилижансахъ, завѣшенныхъ грязной парусиной, въ обществѣ хмурыхъ нѣмцевъ, съ жилистыми красными шеями, съ лицами, точно вырѣзанными грубо изъ куска дерева, и чинныхъ тощихъ нѣмокъ, которыя дѣлали широкіе, изумленные глаза, прислушиваясь къ нашему сумасшедшему хохоту. А эти случайные завтраки у какого-нибудь «добраго, стараго, честнаго колониста», подъ тѣнью цвѣтущей акаціи, въ глубинѣ маленькаго, чистенькаго дворика, обнесеннаго бѣлой низкой стѣной и усыпаннаго морскимъ пескомъ? Съ какимъ невѣроятнымъ аппетитомъ набрасывались мы на жареную скумбрію и на мѣстное мутное и кислое вино, не переставая дѣлать тысячи нѣжныхъ и смѣшныхъ глупостей, въ родѣ того историческаго дерзкаго поцѣлуя, который заставилъ всѣхъ дачниковъ въ негодованіи обернуться къ намъ спинами. А теплыя іюльскія ночи на тоняхъ?.. Помните ли

вы этотъ удивительный лунный свѣтъ, который былъ такъ ярокъ, что казался преувеличеннымъ, неправдоподобнымъ; это спокойное озаренное море, играющее переливами серебристаго муара, а на его блестящемъ фонѣ темные силуэты рыбаковъ, которые, выбирая сѣти, однообразно и ритмично, всѣ сразу наклоняются въ одну и ту же сторону?

Но иногда нами овладѣвала потребность въ городскомъ шумѣ, въ сутолокѣ, въ чужихъ людяхъ. Затерявшись въ незнакомой толпѣ, мы бродили, прижавшись другъ къ другу, и еще тѣснѣе, еще глубже сознавали нашу взаимную близость. Помните ли вы это, дорогой мой? Что касается меня, я помню каждую мелочь и болѣю этимъ. Вѣдь это все мое, оно живетъ во мнѣ и будетъ жить всегда, до самой смерти. Я никогда, если бы даже хотѣла, не въ силахъ отдѣлаться отъ него... Понимаете ли, — никогда; а между тѣмъ его на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и я терзаюсь сознаніемъ, что не могу еще разъ по-настоящему пережить и перечувствовать его. Богъ или природа, — я ужъ не знаю, кто, — давъ человѣку почти божескій умъ, выдумали въ то же время для него двѣ мучительныя ловушки: неизвѣстность будущаго и незабвенность, невозвратность прошедшаго.

Получивъ мою короткую записочку, которую я послала вамъ изъ гостиницы, вы тотчасъ же поспѣшили ко мнѣ. Вы торопились и были взволнованы: это я узнала издали по вашимъ скорымъ, нервнымъ шагамъ и по тому еще, что, прежде чѣмъ постучаться, вы довольно долго стояли въ коридорѣ около моего номера. Я сама взволновалась въ эту минуту не меньше васъ, представляя себѣ, какъ вы стоите тамъ, за дверью, всего въ двухъ шагахъ отъ меня, блѣдный, крѣпко притиснувъ руку къ сердцу, глубоко и трудно переводя дыханіе... И почему-то въ то же время мнѣ казалось невозможнымъ, несбыточнымъ,

что я сейчасъ, черезъ нѣсколько секундъ, увижу васъ и буду слышать вашъ голосъ. Я испытывала настроеніе, похожее на то, которое бываетъ въ полуснѣ, когда довольно ясно видишь образы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не просыпаясь, говоришь себѣ: — это неправда, это—сонъ.

Вы измѣнились за это время, возмужали и какъ будто бы выросли; черный сюртукъ идетъ вамъ гораздо больше, чѣмъ студенческій мундиръ, манеры у васъ стали сдержаннѣй, глаза смотрятъ увѣреннѣй и холоднѣй, модная остроконечная бородка положительно краситъ васъ. Вы нашли, что я тоже похорошѣла, и я охотно вѣрю, что вы сказали это искренно, тѣмъ болѣе, что я прочла это въ вашемъ первомъ, бѣгломъ и нѣсколько удивленномъ взглядѣ. Вѣдь каждая женщина, если она не безнадежно глупа, — никогда не ошибется насчетъ того впечатлѣнія, которое произвела ея наружность...

Когда я ѣхала сюда, то всю дорогу, сидя въ вагонѣ, старалась представить себѣ нашу встрѣчу. Признаюсь, я никакъ не думала, что она выйдетъ такой странной, напряженной и неловкой для насъ обоихъ. Мы обмѣнивались незначительными, обыденными словами о моей дорогѣ, о Петербургѣ, о здоровьѣ, но глазами мы пытливо всматривались въ лица другъ друга, ревниво отыскивая въ нихъ новыя черты, наложенныя временемъ и чужой, незнакомой жизнью... Разговоръ у насъ не вязался. Начавъ его на «вы», въ искусственно-оживленномъ тонѣ, мы оба скоро почувствовали, что намъ съ каждой минутой становится все тяжелѣе и скучнѣе его поддерживать. Между нами какъ будто бы стояло какое-то постороннее, громоздкое, холодное препятствіе, и мы не знали, какимъ образомъ удалить его.

Весенній вечеръ тихо угасалъ. Въ комнатѣ сдѣлалось темно. Я хотѣла позвонить, чтобъ приказать принести лампу, но вы попросили меня не зажигать огня. Можетъ-

быть, темнота способствовала тому, что мы рѣшились наконецъ, коснуться нашего прошлаго. Мы заговорили о немъ съ той добродушной и снисходительной насмѣшкой, съ какой взрослые говорятъ о своихъ дѣтскихъ шалостяхъ, но, странно, чѣмъ больше мы старались притворяться другъ передъ другомъ и сами передъ собой — веселыми и небрежными, — тѣмъ печальнѣе становились наши слова... Наконецъ, мы и совсѣмъ замолчали и долго сидѣли — я въ углу дивана, вы — на креслѣ, — не шевелясь, почти не дыша. Въ открытое окно къ намъ плылъ смутный гулъ большого города, слышался стукъ колесъ, хриплыя вскрикиванья трамвайныхъ рожковъ, отрывистые звонки велосипедистовъ, и, какъ это всегда бываетъ весенними вечерами, эти звуки доносились до насъ смягченными, нѣжными и грустно-тревожными. Изъ окна была видна узкая полоса неба — цвѣта блѣдной, вылинявшей бронзы, — и на ней рѣзко чернѣлъ силуэтъ какой-то крыши съ трубами и слуховой вышкой, чуть-чуть сверкавшей своими стеклами. Въ темнотѣ я не различала вашей фигуры, но видѣла блескъ вашихъ глазъ, устремленныхъ въ окно, и мнѣ казалось, что въ нихъ стоятъ слезы.

Знаете ли, какое сравненіе пришло мнѣ въ голову въ то время, когда мы молчали, перебирая въ умѣ наши милыя, трогательныя воспоминанія? Мы точно встрѣтились съ вами послѣ многихъ лѣтъ разлуки, на могилѣ человѣка, котораго мы оба когда-то любили одинаково горячо. Тихое кладбище... весна... вездѣ молодая травка... сирени цвѣтутъ, а мы стоимъ надъ знакомой могилой и не можемъ уйти, отряхнуться отъ объявшихъ насъ смутныхъ, печальныхъ, безконечно милыхъ призраковъ. Этотъ покойникъ — наша старая любовь, дорогой мой!

Вы вдругъ прервали молчаніе, вскочивъ съ кресла и рѣзко его отодвинувъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Мы совсѣмъ измучимъ себя! —

воскликнули вы, и я слышала, какъ тоскливо задрожалъ вашъ голосъ. — Ради Бога, пойдемте на воздухъ, потому что иначе я расплачусь или сойду съ ума!..

Мы вышли. Въ воздухѣ была уже разлита полупрозрачная, мягкая, смуглая тьма весенняго вечера, и въ ней необыкновенно легко, тонко и четко рисовались углы зданій, вѣтки деревьевъ и контуры человѣческихъ фигуръ. Когда мы прошли бульваръ и вы подозвали коляску, я уже знала, куда вы хотите меня повезти.

Тамъ все попрежнему. Огромная площадка, плотно утрамбованная и усыпанная крупнымъ желтымъ пескомъ, яркій голубой свѣтъ висячихъ электрическихъ фонарей, рѣзвые, бодрящіе звуки военнаго оркестра, длинные ряды легкихъ мраморныхъ столиковъ, занятыхъ мужчинами и женщинами, стукъ ножей, неразборчивый и монотонный говоръ толпы, торопливо снующіе лакеи, — все та же подмывающая обстановка дорогого ресторана... Боже мой! Какъ быстро, безостановочно мѣняется человѣкъ, и какъ постоянны, непоколебимы окружающіе его мѣста и предметы. Въ этомъ контрастѣ всегда есть что-то безконечно-печальное и таинственное. Знаете ли, попадались мнѣ иногда дурныя квартиры, даже не просто дурныя, а отвратительныя, невозможныя и при томъ связанныя съ цѣлой кучей непріятныхъ событій, огорченій, болѣзней. Перемѣнишь такую квартиру, и прямо кажется, что въ царство небесное попалъ. Но стоитъ черезъ недѣлю, другую проѣхать случайно мимо этого дома и взглянуть на пустыя окна съ приклеенными бѣлыми билетиками, и— душа сожмется отъ какого-то мучительнаго, томнаго сожалѣнія. Правда, было здѣсь гадко, было тяжело, но все-таки здѣсь какъ будто бы осталась навѣки цѣлая полоса твоей жизни, — невозвратимая полоса!

Такъ же, какъ и раньше, у воротъ ресторана сидятъ дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ. Помнишь, ты всегда вы-

биралъ для меня двѣ розы: темно-карминную и чайную? Когда мы проходили мимо, я по внезапному движенію твоей руки замѣтила, что ты и теперь хочешь сдѣлать то же самое, но ты во-время остановился, и какъ я тебѣ за это благодарна, милый!

Подъ сотнями любопытныхъ взглядовъ мы прошли въ легкую бесѣдку, которая такъ дерзко повисла со страшной высоты надъ моремъ, что, когда глядишь внизъ, перегнувшись черезъ перила, то не видишь берега, и кажется, что плаваешь въ воздухѣ. Подъ нашими ногами шумѣло море; сверху оно казалось такимъ чернымъ и жуткимъ! Недалеко отъ берега торчатъ изъ воды большіе, черные, угловатые камни. На нихъ то и дѣло набѣгали волны и, разбившись, покрывали ихъ буграми бѣлой пѣны; когда же волны уходили назадъ, то отшлифованные прибоемъ мокрые бока камней блестѣли, какъ лакированные, отражая свѣтъ электрическихъ фонарей. Иногда налеталъ легкій вѣтерокъ, насыщенный такимъ крѣпкимъ, здоровымъ запахомъ морскихъ водорослей, рыбы и соленой влаги, что отъ него сама собой расширялась грудь и вздрагивали ноздри...

А насъ все сильнѣе, все тягостнѣе сковывало что-то нехорошее, скучное, принужденное... Когда принесли шампанское, ты, наливая мой бокалъ, сказалъ съ мрачной шутливостью:

— Попробуемъ хоть искусственно приподнять себя. Выпьемъ этого храбраго, добраго вина, какъ говорятъ пылкіе французы.

Нѣтъ, намъ все равно не помогло бы и храброе, доброе вино. Ты самъ понималъ это, потому что сейчасъ же прибавилъ съ длиннымъ вздохомъ:

— А помните, какъ мы съ вами бывали отъ утра до вечера пьяны безъ вина, одной нашей любовью и радостью существованія?

Внизу, въ морѣ, около камней показалась лодка. Большой, бѣлый, стройный парусъ красиво раскачивался, опускаясь и подымаясь на волнахъ. Въ лодкѣ слышался женскій смѣхъ, и кто-то, должно-быть, иностранецъ, насвистывалъ очень вѣрно вмѣстѣ съ оркестромъ мелодіи вальдтейфелевскаго вальса.

Ты тоже слѣдилъ глазами за парусомъ и, не отрываясь отъ него, произнесъ мечтательно:

— Хорошо было бы теперь сѣсть въ такую шлюпку и уѣхать далеко-далеко въ море, такъ, чтобъ берега не было видно... Помните, какъ въ прежнее время?

— Да, умерло наше прежнее время...

Я сказала эту фразу совсѣмъ нечаянно, отвѣчая вслухъ на свои мысли, и тотчасъ же испугалась того неожиданнаго дѣйствія, которое произвели на тебя мои слова. Ты вдругъ такъ сильно поблѣднѣлъ и такъ быстро откинулся на спинку стула, что мнѣ казалось, будто ты падаешь... Черезъ минуту ты заговорилъ глухимъ, точно сразу охрипшимъ голосомъ:

— Какъ странно сошлись наши мысли! Я только-что думалъ о томъ же самомъ. Мнѣ представляется чѣмъ-то дикимъ, невѣроятнымъ, невозможнымъ, что именно мы съ вами, а не какіе-то двое совсѣмъ постороннихъ намъ людей, шесть лѣтъ тому назадъ такъ безумно любили другъ друга и такъ полно, такъ красиво наслаждались жизнью. Тѣхъ двоихъ давно нѣтъ на свѣтѣ. Они умерли... умерли...

Мы поѣхали обратно въ городъ... Дорога шла все время черезъ дачные поселки, застроенные виллами мѣстныхъ милліонеровъ. Мимо насъ проходили изящныя чугунныя рѣшетки и высокія каменныя стѣны, изъ-за которыхъ свѣшивалась на улицу густая зелень платановъ; огромныя, всѣ въ рѣзьбѣ, точно въ кружевахъ, ворота; сады, увѣшанные гирляндами разноцвѣтныхъ фонарей;

ярко освѣщенныя роскошныя веранды; экзотическія растенія въ цвѣтникахъ передъ дачами, похожими на волшебные дворцы. Бѣлыя акаціи пахли такъ сильно, что ихъ сладкій, приторный, конфетный ароматъ чувствовался на губахъ и во рту. Иногда откуда-то насъ вдругъ обдавало на нѣсколько секундъ сыроватымъ холодкомъ, но тотчасъ же опять мы попадали въ душистую теплоту тихой весенней ночи.

Лошади быстро бѣжали, звучно и равномѣрно стуча подковами. Мы плавно покачивались на рессорахъ и молчали. Когда мы были уже недалеко отъ города, я почувствовала, что твоя рука осторожно, медленно обвивается вокругъ моей таліи и тихо, но настойчиво привлекаетъ меня къ тебѣ. Я не сопротивлялась, но и не отдавалась этому объятію. И ты понялъ, тебѣ стало стыдно. Ты оставилъ меня, и когда я, отыскавъ въ темнотѣ твою руку, признательно пожала ее, твоя рука отвѣтила мнѣ дружескимъ, извиняющимся пожатіемъ...

Но я знала, что въ тебѣ все-таки заговоритъ оскорбленное мужское самолюбіе. И я не ошиблась. Передъ тѣмъ, какъ разстаться, у подъѣзда гостиницы, ты попросилъ позволенія навѣщать меня. Я назначила день, и вотъ... прости меня... я тайкомъ убѣжала отъ тебя. Дорогой мой! Если не завтра, то черезъ два дня, черезъ недѣлю въ насъ вспыхнула бы просто-напросто чувственность, противъ которой безсильны и честь, и воля, и разсудокъ. Мы обокрали бы тѣхъ двухъ умершихъ людей, устроивъ тайкомъ фальшивый и смѣшной подлогъ подъ прежнюю любовь. И мертвецы жестоко отмстили бы намъ за это, поселивъ между нами ссору, недовѣріе, холодность и — что всего ужаснѣе — постоянное ревнивое сравненіе настоящаго съ прошлымъ.

Прощайте. Сгоряча я и не замѣтила, какъ перешла въ письмѣ на «ты». Я увѣрена, что черезъ нѣсколько

дней, когда утихнетъ у васъ первая боль оскорбленнаго самолюбія, вы согласитесь со мною и перестанете сердиться на мой неожиданный отъѣздъ.

Сейчасъ въ дверь вошелъ швейцаръ и прозвонилъ первый звонокъ. Но теперь я уже увѣрена, что устою отъ искушенія и не выскочу изъ вагона...

И все-таки наша короткая встрѣча уже начинаетъ въ моемъ воображеніи одѣваться дымкой какой-то нѣжной, тихой, поэтической, покорной грусти. Знакомо ли вамъ это чудное стихотвореніе Пушкина: «Цвѣты осенніе милѣй роскошныхъ первенцевъ полей... Такъ иногда разлуки часъ живѣе самого свиданья...»?

Да, мой дорогой, именно осенніе цвѣты! Приходилось ли вамъ когда-нибудь поздней осенью, въ хмурое, дождливое утро выйти въ садъ? Деревья—почти голыя, сквозятъ и качаются, на дорожкахъ гніютъ опавшіе листья, вездѣ смерть и запустѣніе. И только на клумбахъ, надъ поникшими, пожелтѣвшими стеблями другихъ цвѣтовъ, ярко цвѣтутъ осеннія астры и георгины. Помните ли вы ихъ острый, травяной запахъ? Стоишь, бывало, въ странномъ ощѣпенѣніи около клумбы, дрожа отъ холода, слышишь этотъ меланхолическій, чисто-осенній запахъ, и тоскуешь. Все есть въ этой тоскѣ: и сожалѣніе о быстро промелькнувшемъ лѣтѣ, и ожиданіе холодной зимы со снѣгами и съ воемъ въ печныхъ трубахъ, и грусть по своему собственному, такъ быстро пронесшемуся лѣту... Милый мой, дорогой, единственный! Совершенно такое же чувство владѣетъ теперь моей душой. Пройдетъ еще немного времени, и воспоминаніе о нашей послѣдней встрѣчѣ станетъ и для васъ такимъ же нѣжнымъ, сладкимъ, печальнымъ и трогательнымъ. Прощайте же. Цѣлую васъ въ ваши умные красивые глаза.

Ваша З.

КЪ СЛАВѢ.

Когда я вышелъ въ 18** году изъ земледѣльческой академіи, мнѣ пришлось начинать мое жизненное поприще въ невѣроятной глуши, въ одномъ изъ пограничныхъ юго-западныхъ городковъ. Вѣчная грязь, стада свиней на улицахъ, хатенки, мазанныя изъ глины и навоза... Общество въ такихъ городишкахъ извѣстное: мировой посредникъ, исправникъ, нотаріусъ, акцизные чиновники. Спайки въ этомъ обществѣ не было никакой; всѣ глядѣли врозь, и причиной этому, конечно, были женщины. Сначала заведется адюльтеръ, потомъ недоразумѣніе изъ-за того, кому первому подходить въ соборѣ ко кресту, потомъ чреватая всякими бѣдами сплетня. Сыщутся непремѣнно свои Монтекки и Капулетти, и за ихъ враждой весь городъ слѣдитъ съ животрепещущимъ интересомъ. Словомъ, все разъѣхалось и расклеилось.

Пріѣхалъ къ намъ новый слѣдователь.

Есть, знаете ли, такіе универсальные люди, которые умѣютъ какъ-то сразу, съ одного маху, очаровывать самое разнохарактерное общество. Я думаю, что ихъ тайна очень проста и заключается только въ умѣньи слушать. Чутьемъ какимъ-то угадаетъ онъ ваше слабое мѣсто, подведетъ къ нему разговоръ и тогда ужъ только слушаетъ терпѣливо. Вы передъ нимъ самые лучшіе перлы души высыпаете, а онъ знай себѣ головой киваетъ да погмы-

киваетъ. Этимъ, впрочемъ, однимъ таланты слѣдователя не исчерпывались. Онъ умѣлъ до коликъ смѣшить дамъ, могъ хорошо выпить и въ холостой компаніи прекрасно разсказывалъ скабрезные анекдоты.

Слѣдователь сдѣлался первымъ звеномъ сближенія общества. Можетъ-быть, онъ сдѣлался имъ даже невольно, потому что всѣ взоры на него устремились съ ожиданіемъ чего-то новаго и веселаго. Началось съ любительскихъ спектаклей.

Когда дѣло было совсѣмъ ужъ поставлено на ноги, то и меня къ нему притянули, но я, къ счастью, оказался съ первыхъ же шаговъ никуда негоднымъ. Дали мнѣ въ глупѣйшей переводной драмѣ роль ревниваго мужа, самую безцвѣтную и длинную роль во всей пьесѣ. Вы и представить себѣ не можете, съ какой кротостью я переносилъ на репетиціяхъ всякія издѣвательства. Кто только ни училъ меня, кто надо мной ни ломался! И режиссеръ, и суфлеръ, и любительницы, и даже, я помню, одинъ гимназистъ четвертаго класса, говорившій сиплымъ басомъ и носившій пенснэ. Особенно не давалось мнѣ то мѣсто, когда я узнаю о невѣрности жены и «съ ужасными жестами отчаянія» (такъ стояло въ пьесѣ) кричу ей: «О, проклятіе! Каждый разъ, когда я вспомню о своемъ позорѣ, — я трепещу отъ негодованія!» Какъ дойдетъ до этого мѣста, — любительницы смѣются, а режиссеръ кричитъ: «Вы, какъ манекенъ, держитесь! Видите сами, — здѣсь ремарка: «жесты отчаянія». Смотрите на меня. Вотъ какъ нужно жестикулировать!»

Пришелъ ожидаемый день спектакля. Жутко было. А главное — чѣмъ ближе подходитъ пьеса къ роковому мѣсту, тѣмъ больше я чувствую, что оно меня зарѣжетъ. Наконецъ сценаріусъ выталкиваетъ меня въ спину изъ-за кулисъ. Я стремглавъ вылетаю, ворочаю глазами, вспо-

минаю режиссерскія указанія и дѣлаю первый жестъ отчаянія. Но въ это мгновеніе я, къ ужасу своему, чувствую, что убійственныя слова совсѣмъ вылетѣли изъ моей памяти. Ну, вотъ не могу припомнить и — баста! Прошла минута, можетъ-быть, двѣ, — для меня этотъ ужасъ длился цѣлые года. Я стою, окаменѣвъ въ отчаянной позѣ, и молчу, и ничего не слышу, кромѣ звона въ ушахъ. Наконецъ изъ суфлерской будочки до меня доносится: «О, проклятіе, каждый разъ»... Я дѣлаю послѣднее, невѣроятное усиліе, хватаю себя за волосы и дикимъ голосомъ на весь театръ кричу: «О, проклятіе! Каждый разъ, когда я вспомню о своемъ трезорѣ, я попищу отъ негодованія!» Ну, понятное дѣло, меня изъ кружка въ тотъ же вечеръ выгнали съ величайшимъ тріумфомъ, а перековерканная фраза обратилась въ анекдотъ, и я не удивлюсь, если кто-нибудь изъ васъ его уже слышалъ.

Такимъ образомъ я остался въ сторонѣ. Какъ и нужно было ожидать, на первый разъ всѣ единодушно рѣшили поставить какую-то тяжелую драму, написанную суконнымъ языкомъ, и кромѣ нея, конечно, водевиль. Не обошлось безъ интригъ. Двѣ дамы разсчитывали на главную драматическую роль. Одна основывала свое право на томъ, что видѣла въ этой роли Ѳедотову, другая утверждала, что нарочно для этой роли заказала платье съ кружевными оборочками и дамассе. Не разъ дѣло разстраивалось и вновь склеивалось... Въ концѣ концовъ, передъ самымъ спектаклемъ, барышня, которая должна была играть въ водевилѣ, обидѣлась, закапризничала, заболѣла и отказалась. Отмѣнить водевиль не было возможности, потому что афиши уже были напечатаны и часть билетовъ распродана. Никто не хотѣлъ итти на затычку, по случаю отказа прежней исполнительницы. Тогда кто-то посовѣтовалъ просить Лидочку Гнетневу.

Можетъ-быть, господа, кому-нибудь изъ васъ случалось встрѣтить хоть разъ такую женщину, которая промелькнетъ въ вашей жизни, точно оссіановская тѣнь, и навсегда останется въ памяти, какъ далекое, милое, но странное сновидѣніе? Пусть она на васъ не обращала никакого вниманія, пусть вы сами никогда и не пытались даже полюбить ее, пусть вы потомъ встрѣчали женщинъ умныхъ, чуткихъ, красивыхъ, — ни одинъ образъ не застелетъ этого неуловимо-своеобразнаго тонкаго образа. Такою именно и была Лидочка. Я до сихъ поръ необыкновенно живо умѣю представлять себѣ ея наружность: гибкое, худощавое тѣло, властно очерченныя брови, черные кудри, голубыя жилки на вискахъ, нервный некрасивый ротъ и въ видѣ контраста къ нему прекрасные темные глаза, суровые, почти скорбные, никогда не улыбающіеся. Отецъ Лидочки, служившій у насъ уѣзднымъ казначеемъ, жилъ открыто. Я часто, въ продолженіе многихъ лѣтъ, бывалъ у Гнетневыхъ, и Лидочка на моихъ глазахъ изъ шаловливаго котенка-подростка въ короткихъ платьицахъ выровнялась въ красивую дѣвушку. Все въ ней было очаровательно: и простая, внимательная отзывчивость на чужое горе, и граціозная прелесть каприза, и наивно-рѣзкая правдивость, и застѣнчивость, и еще что-то, что̀ сказывалось во всемъ ея существѣ: не то дерзость, не то какое-то жадное ко всему крайнему любопытство. Не умѣю я, чортъ возьми, всего этого, глубокаго, передать, но такихъ женщинъ на каждомъ шагу не встрѣтишь.

Сначала она наотрѣзъ было-отказалась отъ предложенной роли и согласилась только послѣ долгихъ упрашиваній. На репетиціяхъ я ея почти не видалъ, но догадывался издали, что Лидочку задѣло за живое. Обыкновенно она часто дѣлилась со мной впечатлѣніями, и удивительно какъ ясно и точно она умѣла передавать са

мыя тонкія подробности видѣннаго, слышаннаго и перечувствованнаго. Я встрѣтился съ ней близко уже на самомъ спектаклѣ, за кулисами, куда имѣлъ доступъ, благодаря тому, что принималъ участіе въ писаніи декорацій.

Столкнулись мы какъ разъ передъ ея выходомъ, въ тѣсномъ коридорѣ, между стѣной и кулисами. На ней было бѣлое простенькое платье, схваченное въ таліи голубой ленточкой. Странно измѣнилось ея лицо подъ гримомъ: оно стало какъ будто незнакомымъ, черты его выяснились рѣзче и красивѣй, глаза, подведенные и ярко блестѣвшіе отъ внутренняго волненія и отъ темной краски, казались неестественно-громадными.

— Что̀, — спросилъ я ее: — жутко приходится?

Она прижала обѣ руки къ груди и посмотрѣла на меня какимъ-то просящимъ о помощи взглядомъ.

— Страшно... Тутъ вотъ такъ и бьется... Я, кажется, откажусь выйти на сцену. Ну, куда я дѣну свои руки и ноги? Боже мой, какое мученье!

Позвалъ ее сценаріусъ. Я сталъ прислушиваться. Вмѣсто веселыхъ вступительныхъ словъ ея роли, вмѣсто звонкаго хохота, требуемаго пьесой въ этомъ мѣстѣ, я услышалъ робко срывающійся, какъ будто чужой голосъ и невольно зажмурилъ глаза. Стыдно мнѣ какъ-то стало за Лидочку и страшно. Я зналъ ея нервы и самолюбіе и понималъ, какъ она сама страдаетъ отъ своей неловкости.

Нѣсколько томительныхъ секундъ я ничего не слышалъ, а когда наконецъ боязливо заглянулъ изъ бокового марлеваго окна на сцену, то такъ и окаменѣлъ отъ удивленія. Лидочка не только оправилась, — она была неузнаваема. Каждое движеніе ея отличалось непринужденной и увѣренной граціей, каждое слово произносила она именно такъ, какъ его произносятъ въ обыденной жизни. Впрочемъ, не на одного меня Лидочка произвела

такое впечатлѣніе. Я окинулъ глазами зрительную залу и увидѣлъ всѣ давно знакомыя лица оживленными и улыбающимися.

Вся роль Лидочки заключалась въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ десяткахъ репликъ, чрезвычайно живыхъ и кокетливыхъ. Когда она, напѣвая какой-то мотивъ и подбрасывая на ходу большой резиновый мячъ, направилась къ дверямъ, вслѣдъ ей раздались крики и шумные аплодисменты. Она вернулась и растерянно, немного по-институтски раскланялась. Ее вызвали еще и еще — раза четыре, кажется. Я стоялъ у дверей и отворялъ ихъ. Она вышла задыхающаяся, со сверкающими глазами, съ румянцемъ, выступившимъ даже изъ-подъ грима, съ пересохшими отъ волненія губами. На мое поздравленіе она протянула мнѣ обѣ руки.

Весь этотъ вечеръ Лидочка была чрезвычайно, даже, пожалуй, неестественно оживлена и часто смѣялась нервнымъ, безпричиннымъ смѣхомъ. Я раза два подходилъ къ ней и разсказывалъ что-то. Она слушала меня, не перебивая, но отвѣчала невпопадъ, глядѣла на меня неотступно, но въ ея глазахъ сіяло такое мечтательное счастье, губы складывались въ такую блаженную улыбку, что мнѣ становилось понятно, какъ далеко были ея мысли отъ моихъ разсказовъ. Она смотрѣла на меня, какъ смотритъ замечтавшійся человѣкъ на отдаленный предметъ, на какое-нибудь пятнышко на обояхъ: самого пятнышка не видишь, а оторваться отъ него невозможно.

Такъ и Лидочка, должно-быть, все еще видѣла передъ собой подмостки, возвышающіе ее надъ сотнями головъ, слышала оглушительный, пьянящій плескъ аплодисментовъ, и ее опять тянуло къ тому прекрасному сну, отъ котораго она только-что проснулась.

Среди публики Лидочкинъ дебютъ положительно произвелъ эффектъ, и многіе поспѣшили въ тотъ же вечеръ

высказать ей это въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Мнѣніе большинства обезпечило за ней на слѣдующій спектакль трудную и выдающуюся роль: она должна была играть Офелію.

Взялась она за дѣло съ той страстностью, съ какой она хваталась за все для нея новое, и при томъ — такъ настойчиво, какъ трудно было отъ нея ожидать. Она даже осунулась и поблѣднѣла. Что̀ она тогда чувствовала, какъ работало ея воображеніе — Господь ее знаетъ; никому она объ этомъ не говорила. Но, вѣроятно, въ ея душѣ именно тогда и родился цѣлый міръ новыхъ надеждъ и ощущеній, имѣвшій громадное вліяніе на всю ея послѣдующую жизнь.

Наконецъ поставили и спектакль. Я былъ въ числѣ зрителей — за кулисы меня больше уже не пустили, потому что пошли въ театрѣ строгіе порядки, и спектакль ставилъ настоящій заправскій актеръ не безъ имени.

Лидочка, правда, не избѣгла общей участи дебютантовъ: говорила иногда слишкомъ тихо, дѣлала большія паузы... Но зато я видѣлъ настоящую Офелію, тотъ самый прелестный женственный образъ, который нарисованъ Шекспиромъ. Она такой и явилась предъ нашими глазами: нѣжной и робкой, любящей и въ то же время жертвующей любовью ради придворнаго этикета и безусловнаго преклоненія предъ отцовскою моралью. Она не героиня: въ ней скорѣе больше чисто-дѣтской довѣрчивости и податливости. По натурѣ она пряма и не умѣетъ лгать, но привычка постоянно держаться на виду дѣлаетъ то, что любовь ея никому не кидается въ глаза. Никому и въ голову не приходитъ догадаться, что̀ совершается въ ея душѣ, до тѣхъ поръ, пока долго скрываемая внутренняя борьба не разражается внезапнымъ безуміемъ. Тогда только каждый начинаетъ понимать, что

„Все это ядъ глубокой скорби сердца“.

Лидочкѣ устроили шумную овацію. Кто-то поднесъ ей громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, перевязанный широкими розовыми атласными лентами. Я самъ бѣсновался не хуже другихъ, но все-таки успѣлъ замѣтить по той же блаженной улыбкѣ на Лидочкиныхъ губахъ, по загорѣвшимся щекамъ, что у нея закружилась голова.

Я ее проводилъ домой поздно ночью, счастливую, обезсиленную. Мы шли подъ руку. Было то время весны, когда только начинаетъ распускаться сирень. Въ теплой дремлющей темнотѣ ночи точно разливалась какая-то душистая, сладостная нѣга, точно вѣяло въ лицо чье-то дыханіе, и чьи-то жаркія губы, казалось, вотъ-вотъ приблизятся къ губамъ.

Мы съ Лидочкой шли очень скоро и далеко оставили за собой остальное общество. Я нагнулся и поглядѣлъ на нее сбоку: ея головка была закинута кверху, и глаза устремлены на мигающія серебряныя звѣзды. Почувствовавъ мой взглядъ, она вздрогнула и вдругъ крѣпко прижала къ себѣ мою руку.

— Холодно? — спросилъ я вполголоса.

— Нѣтъ, говоритъ, не холодно, а я отъ своихъ мыслей вздрогнула. Я объ васъ сейчасъ думала.

Страшно мнѣ и сладко отъ ея словъ сдѣлалось.

— Обо мнѣ. Неужели — обо мнѣ?

— Да, — о васъ. Скажите, умѣете вы вставать рано утромъ? Часовъ въ шесть?

Я отвѣчалъ, что я не только въ шесть часовъ готовъ встать, но даже... не помню, право, что̀ я такое именно сказалъ; надо думать, что-нибудь очень глупое.

Мы въ это время подошли къ ихней калиткѣ и остановились, чтобы подождать отставшихъ. Она оглянулась назадъ, потомъ приблизила ко мнѣ лицо и проговорила быстрымъ шопотомъ:

— Завтра... въ нашемъ саду... Рано, рано... часовъ въ шесть, въ половинѣ седьмого... Папа встаетъ поздно...

И опять крѣпко пожала мнѣ руку.

Надо сознаться, господа, что я въ то время былъ чрезвычайно молодъ, непростительно молодъ. Домой дошелъ я точно на крыльяхъ и, ей-Богу, не могу сказать, спалъ или не спалъ въ эту ночь. Бываетъ такое состояніе: не то спишь, не то бодрствуешь, не то грезишь. Это — когда на душѣ есть какое-нибудь особенное, крупное впечатлѣніе. Понятное дѣло, я тогда же догадался, что уже давно влюбленъ въ Лидочку (хотя, говоря откровенно, раньше этой любви не замѣчалось ни малѣйшаго признака). Думалъ я всю ночь, какъ увижу ее завтра робкую, краснѣющую за свою вчерашнюю смѣлость, какъ я ей скажу, что полюбилъ ее съ перваго взгляда... Вотъ только меня останавливало, въ какой формѣ сдѣлать предложеніе? «Позвольте предложить вамъ руку и сердце?» Безобразно: точь въ точь — приглашеніе на контрдансъ. «Хотите ли вы, Лидія Михайловна, быть моей женой?» Гм... Оно какъ будто бы и ничего, но для молодой дѣвицы, пожалуй, немного дѣловито. А? Словомъ, въ этомъ пунктѣ я ни на какомъ ясномъ рѣшеніи не остановился.

Въ шесть часовъ утра, точно отъ внезапнаго толчка, я проснулся съ мыслью о Лидочкѣ и о предстоящемъ свиданіи. Черезъ нѣсколько минутъ, вздрагивая отъ холода и молодого восторга, чувствуя свѣжесть и упругость во всѣхъ мускулахъ, я уже перепрыгивалъ однимъ махомъ заборъ Лидочкина сада.

Утро, какъ нарочно, выдалось прохладное, золотое, веселое, звонкое такое. Трава лоснилась, точно яркій зеленый шелкъ, и на ней тамъ и сямъ дрожали, играя разноцвѣтными огнями, крупные алмазы росы. Солнечные лучи, пробившись сквозь густую чащу липовой аллеи, ложились на пескѣ дорожки круглыми движущимися пят-

нами. Мнѣ казалось, что и птицы пришли въ безумный восторгъ отъ этого чудеснаго утра, такъ онѣ возились въ кустахъ, такъ щебетали, свистѣли и чирикали. Боже мой! А у меня-то, у меня-то какъ въ душѣ пѣлось, сколько во мнѣ трепетало радости и силы!.. Былъ ли я когда-нибудь счастливѣе, чѣмъ въ эти мгновенія? Едва ли.

Я не успѣлъ еще пройти половины аллеи, какъ на другомъ концѣ показалась Лидочка. Она шла очень скоро, склонивъ, по своей милой привычкѣ, голову немного внизъ. Ея тоненькая, изящная фигурка въ простомъ бѣломъ платьѣ то мелькала въ тѣни деревьевъ, то заливалась яркимъ золотымъ свѣтомъ. Я пошелъ ей навстрѣчу. Мнѣ хотѣлось упасть къ ея ногамъ, хотѣлось кричать, смѣяться и пѣть. Въ ея глазахъ еще виднѣлось отраженіе утренняго сна; темные кудри, наскоро причесанные нетерпѣливою рукой, падали на лобъ небрежными локонами. Какъ она была прекрасна; свѣжая, розовая, смѣющаяся!

Лидочка протянула мнѣ обѣ руки. Я нагнулся, поцѣловалъ сначала одну, потомъ другую. Она отняла руки и сказала: «Пойдемте дальше, здѣсь могутъ увидѣть».

Я пошелъ слѣдомъ за Лидочкой, любуясь на красивыя движенія ея тѣла и прислушиваясь къ легкому шуму ея платья, между тѣмъ какъ мое сердце билось восторженно и безпорядочно. Мы зашли въ самый дальній уголъ сада, гдѣ такъ буйно разрослись высокіе кусты сирени, что подъ ними всегда стояла темная и душистая прохлада. Лидочка какъ будто въ нерѣшительномъ раздумьѣ остановилась, стала на цыпочки и схватила рукой густую, упругую кисть бѣлой сирени. Разрѣзной рукавъ капота упалъ внизъ, и я увидѣлъ ея тонкую розовую руку съ дѣвически-острымъ локтемъ. Вѣтка не поддавалась. Лидочка нахмурила брови, перегнула вѣтку такъ,

что она хрустнула, и съ усиліемъ дернула къ себѣ. Листья задрожали, и на насъ вдругъ посыпался цѣлый дождь крупныхъ, холодныхъ капель росы. Я не выдержалъ. Ароматъ сирени, бодрящая свѣжесть ранняго весенняго утра, розовая обнаженная рука въ двухъ вершкахъ отъ моихъ губъ, — все это внезапно лишило меня соображенія.

— Лидія Михайловна, — сказалъ я дрожащимъ, нерѣшительнымъ голосомъ: — знаете ли вы, что я... что вы... что я...

Лидочка обернулась ко мнѣ. Должно-быть, мой тонъ былъ ей очень понятенъ, но на ея лицѣ я не прочелъ ничего, кромѣ удивленія и затаеннаго смѣха, дрожавшаго въ уголкахъ губъ. Моя рѣшимость такъ же быстро пропала, какъ и появилась.

— Что̀ же вы замолчали? — спросила наконецъ Лидочка.

— Я... я... я, собственно, ничего не говорю... Вы вчера сдѣлали мнѣ честь почтить меня своимъ довѣріемъ... Если вамъ нужна услуга беззавѣтно-преданнаго человѣка (я понемногу началъ оправляться отъ смущенія), то я буду васъ просить выбрать непремѣнно меня.

Лидочка понюхала цвѣты, поглядѣла на меня исподлобья и спросила:

— И я могу во всемъ на васъ положиться, какъ на вѣрнаго друга? Ахъ, какое бы это было въ самомъ дѣлѣ счастье; нѣтъ ничего святѣе и безкорыстнѣе дружбы!

Должно-быть, Лидочка замѣтила мои разочарованно вытянутыя губы и сжалилась надо мной. Она не знала, конечно, какъ безкорыстныя друзья-женщины деспотически обращаются съ друзьями-мужчинами. Я поспѣшилъ дать цѣлый десятокъ самыхъ краснорѣчивыхъ увѣреній. Къ своему горю, я уже начиналъ понимать, куда клонится дѣло.

— Если такъ, — сказала Лидочка: — то вы мнѣ можете оказать очень большую услугу. Я рѣшила совсѣмъ отдаться театру. Пусть это, впрочемъ, останется покамѣстъ только между нами. Конечно, мнѣ раньше всего надо учиться и учиться, я это знаю, и вотъ поэтому-то мнѣ и необходимъ опытный и строгій руководитель. Найдите для меня хорошаго профессора и заслужите мою вѣчную признательность.

— Но какъ же, Лидія Михайловна, — пробовалъ я возразить: — вѣдь вамъ извѣстно, что у насъ здѣсь не только профессора...

— Знаю, знаю, — перебила нетерпѣливо Лидочка: — я все это уже обдумала. Скажите, правда, что вы на-дняхъ собираетесь въ Москву?

— Да, собираюсь, но, если вамъ угодно, могу и остаться. Дѣло не къ спѣху.

— Нѣтъ, непремѣнно поѣзжайте и—какъ можно скорѣе. Черезъ недѣлю я тамъ буду съ папой, и вы, если хотите, устроите для меня все. Хорошо? Можете вы это сдѣлать? Ну, вотъ, спасибо вамъ большое. А теперь идите, идите; папа сейчасъ проснется. И помните: самая строгая тайна!

Я ушелъ, повѣся голову. У меня сейчасъ же явилась мысль: какъ это я могъ подумать, что я влюбленъ въ Лидочку? Развѣ я влюбленъ? Просто, я—ея другъ, преданный, вѣрный другъ. Отецъ ея — добрый человѣкъ, но онъ ничего, кромѣ своего казначейства, знать не хочетъ; мать всю жизнь возится съ нервами и докторами. Необходимъ же вѣдь Лидочкѣ другъ и совѣтникъ, который бы охранялъ ея дѣтскую неопытность.

Все-таки, какъ я ни старался утѣшить себя соблазнами солидной роли друга, а въ душѣ у меня ныло и сверлило чувство обиды. Въ то зеленое время я не успѣлъ еще прійти къ заключенію, что судьба осудила меня на

вѣчное безбрачіе. Я, кажется, и на свѣтъ Божій родился съ какими-то особенными качествами стараго холостяка. Сколько дѣвушекъ повѣряло мнѣ свои маленькія тайны, сколько дамъ избирало меня «первымъ другомъ»! А между тѣмъ, едва только мое сердце прилѣпится къ какой-нибудь избранницѣ, — она меня сразу и огорошитъ. Либо порученіе дастъ къ счастливому сопернику, либо изберетъ меня сосудомъ изліянія всякихъ нѣжныхъ, но для меня совсѣмъ неинтересныхъ чувствъ. Отчего это, господа, такъ постоянно выходило? Вѣдь не уродъ я, не калѣка, не женоподобенъ, не скажу, чтобы и глупъ былъ особенно. Неужели взаправду есть несчастные, вылѣпленные изъ спеціально-холостяцкаго матеріала? А впрочемъ, чортъ побери, можетъ-быть, это вовсе и не несчастіе!

Встрѣтились мы съ Лидочкой въ Москвѣ. Обо всемъ сговорились заранѣе. Я и о профессорѣ къ ея пріѣзду разузналъ. Онъ въ то время уже сошелъ со сцены, но фамилію его вы, навѣрно, слыхали отъ вашихъ отцовъ и матерей. Это былъ извѣстный артистъ — Славинъ-Славинскій.

Однажды Лидочка сказала своимъ, что отправляется къ теткѣ, а на самомъ дѣлѣ встрѣтилась со мною въ Пассажѣ, и мы вмѣстѣ отправились куда-то на Прѣсню. Съ трудомъ отыскали домъ, гдѣ жилъ Славинскій: скромная квартира съ дешевенькими обоями и низкими потолками. На стѣнахъ гигантскіе вѣнки съ надписями на лентахъ: «Горе отъ ума», «Кинъ, или геній и безпутство», «Ревизоръ», «Ромео и Джульетта» и дальше: «нашему дорогому», «высокоталантливому», «великому артисту» и т. д., и т. д. Кромѣ насъ въ гостиной дожидался бритый господинъ въ пенснэ съ морщинистымъ презрительнымъ лицомъ и двѣ дамы, обѣ немолодыя и некрасивыя. Вышелъ къ намъ наконецъ профессоръ. Физіономія стараго льва: косматая грива сѣдыхъ волосъ, смѣлые глаза

и широкія ноздри. Онъ перекинулся двумя словами съ бритымъ господиномъ, сухо поклонился обѣимъ дамамъ, затѣмъ подошелъ къ намъ и остановился, вопросительно глядя на Лидочку. Онъ своимъ долголѣтнимъ чутьемъ догадывался, что весь смыслъ нашего визита находится въ ней.

— Чѣмъ могу служить? — спрашиваетъ.

Лидочка мгновенно сдѣлалась пунцовой. Воображаю, сколько она еще раньше перемучилась, представляя себѣ этотъ вопросъ. Но уже никакія смущенія не могли ея поколебать. Она справилась съ собой и сказала, глядя прямо въ глаза профессору:

— Я бы желала... учиться у васъ... драматическому искусству.

Я думаю, всякому изъ васъ, господа, случалось: когда долго готовишь въ умѣ какую-нибудь фразу, — непремѣнно она въ концѣ концовъ станетъ или худой, или пошлой, или напыщенно-неестественной.

Славинскій поглядѣлъ внимательно на Лидочку и сказалъ:

— Будьте добры, зайдите въ мой кабинетъ.

Лидочка умоляюще оглянулась на меня. Профессоръ тотчасъ же поклонился и жестомъ уступилъ мнѣ дорогу. Мы усѣлись въ кресла, а Славинскій принялся ходить изъ угла въ уголъ.

— Для чего, собственно, угодно вамъ брать уроки? — спросилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. — Желаете ли вы поступить на сцену, или такъ... для себя?

Лидочка собралась съ силами и отвѣчала смѣлымъ, но въ то же время срывающимся отъ волненія голосомъ:

— Да, я хочу поступить на сцену.

— Хорошо-съ. А вамъ извѣстно, что вы можете поступить только на провинціальную сцену?

— Извѣстно. Но я полагаю, что впослѣдствіи...

Славинскій покачалъ головой съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: я эти слова слышу уже не въ первый, можетъ-быть, даже не въ сотый разъ...

— Скажите мнѣ правду, милая барышня, вы, вѣрно, играли въ любительскихъ спектакляхъ?

— Играла.

— И, вѣрно, имѣли, къ вашему несчастью, успѣхъ?

— Да, имѣла нѣкоторый... Но почему же къ несчастью?

Славинскій остановился передъ ней съ ласковой улыбкой на своемъ красивомъ лицѣ.

— Потому, милое мое дитя, что нѣтъ въ мірѣ ни одного такого сильнаго яда, какъ слава. И слаще его тоже ничего нѣтъ. Онъ даже въ самыхъ маленькихъ дозахъ дѣйствуетъ неотразимо, хотя и медленно. Шумный успѣхъ, аплодисменты, напечатанная фамилія,—и вы отравлены, и васъ неудержимо тянетъ къ еще и еще большему пріему сладкаго яда. Я вѣдь знаю, что̀ теперь совершается въ вашей милой головкѣ: тысячная публика, слезы восторга, оглушительный ревъ толпы и слава, слава, слава... Охъ, тернистъ, тернистъ этотъ путь! Что̀ стѣсняться? Я не безъ чести прошелъ по нему, но дайте мнѣ начать снова жизнь, я предпочту стать купцомъ или ремесленникомъ. Вѣрьте мнѣ, я уже старикъ, и наконецъ лгать нѣтъ для меня никакого расчета. Черезъ мои руки прошло много молодого народа, такъ же окрыленнаго надеждами, какъ и вы. Но спросите, гдѣ они теперь? Десять, пятнадцать человѣкъ пріобрѣли кое-какую извѣстность. О большинствѣ нѣтъ ни слуху ни духу. Крупный процентъ пошелъ по торной дорогѣ пьянства, двусмысленнаго балаганнаго успѣха, закулисныхъ интригъ и сплетенъ! Я вѣдь, голубчикъ, ни слова не говорю, когда лѣзутъ ко мнѣ офицеры отставные, или купеческіе сынки, или безнадежныя, въ смыслѣ Гименея, дѣвицы. Видали у меня въ гостиной парочку? Это мой

крестъ, за который мнѣ, вѣроятно, многое простится. Но зато каждый разъ, когда судьба приведетъ въ мою гостиную молодое, стремительное существо, — мнѣ все кажется, что я его толкаю собственными руками въ глубокій и грязный омутъ. Вы и представить себѣ не можете, что̀ это за клоака — провинціальная сцена...

Славинскій говорилъ еще долго и убѣдительно. Не помню всѣхъ его словъ, но, по-моему, трудно было не повѣрить его горячей рѣчи.

Лидочка встала и, не поднимая глазъ, начала суетливымъ, нервнымъ движеніемъ надѣвать перчатки.

Славинскій бросился къ ней. Онъ по ея сердитому лицу убѣдился, что его слова были, яко кимвалъ бряцающій, и сталъ извиняться. Онъ сознался, что увлекся, что ему не слѣдовало бы всего этого говорить, и что, въ концѣ концовъ, онъ согласенъ давать уроки. Богъ знаетъ, что̀ имъ руководило въ его страстной рѣчи: расчетливая игра на искренность, или настоящее сердечное сочувствіе?

— Что̀ вы знаете наизусть? — спросилъ Славинскій, когда мы усѣлись.

Оказалось, что Лидочка ничего, кромѣ басенъ, не знаетъ, и тѣ не рѣшается говорить безъ книжки. Профессоръ досталъ съ этажерки одну изъ книгъ въ сафьяновыхъ красныхъ переплетахъ и, развернувъ ее наугадъ, подалъ Лидочкѣ.

— Потрудитесь, говоритъ, прочитать.

Я заглянулъ черезъ Лидочкино плечо и узналъ несравнимую ни съ чѣмъ по красотѣ сцену прощанія Ромео съ Джульеттой, когда Ромео спускается утромъ по лѣстницѣ изъ окна своей возлюбленной. Лидочка начала очень неувѣренно, путалась, немного торопилась, — сцена была ей незнакома, — но все-таки, мнѣ кажется, прочла очень и очень недурно. Профессоръ слѣдилъ за

ней съ большимъ вниманіемъ, хмуря слегка брови при ея ошибкахъ.

— Хорошо, очень хорошо, — сказалъ онъ, когда Лидочка кончила и робко подняла на него глаза. — У васъ есть способности, не беру на себя смѣлости сказать — талантъ. Во всякомъ случаѣ вы можете быть полезной работницей на сценѣ. Только надо учиться, учиться и учиться. Вотъ, потрудитесь прослушать, какъ я прочту вамъ то же самое.

Ну, и прочелъ же!

Вышли мы отъ Славинскаго порядкомъ-таки сконфуженные, хотя профессоръ съ нами былъ чрезвычайно любезенъ. По выраженію Лидочкина лица я видѣлъ, что она осталась непреклонной.

Это было наше послѣднее свиданіе. Затѣмъ какъ-то сразу потерялъ я Лидочку изъ виду, потому что судьба меня вскорѣ опять бросила въ захолустье. Я, господа, захватилъ еще доисторическія времена, такъ сказать. Не только нашего клуба не было, или фонарей на улицахъ, или любительскихъ спектаклей, но и лавокъ на весь городъ было только двѣ. Зато, чего теперь нѣтъ, стоялъ цѣлый полкъ Энэнскихъ гусаръ. Если бы ихъ теперь сюда, то-то наши дѣвицы запрыгали бы! А въ тѣ отдаленныя и невѣжественныя времена присутствіе Энэнскихъ гусаръ въ городѣ не только никого не радовало, но благочестивыя старушки, ложась ночью въ постель и заслыша на улицѣ шпоры, творили, крестясь, молитву про царя Давида и всю кротость его. Да и у меня иной разъ до сихъ поръ волосъ становится дыбомъ при тѣхъ пріятныхъ воспоминаніяхъ, которыя связаны съ энэнцами.

Впрочемъ, между ними были славные ребята и, главное, рѣдкостные питухи. Съ однимъ — корнетомъ Алферовымъ — я жилъ вмѣстѣ на квартирѣ. Что насъ свя-

зало, — всегда оставалось для меня загадкой; мы жили въ тѣснѣйшей дружбѣ, хотя по недѣлямъ не говорили другъ другу ни слова. Правда, корнетъ Алферовъ съ перваго взгляда не поражалъ умомъ, но чѣмъ ближе приходилось его узнавать, тѣмъ онъ казался глупѣе. Говорилъ онъ мало, или, вѣрнѣе, не говорилъ, а выпаливалъ, и всегда съ примѣсью собственныхъ словечекъ: кобылячья голова, дамеща—вмѣсто дама, бекàлія тѐнтерь-вѐнтерь и т. п. Когда онъ бывалъ дома (чтò, впрочемъ, случалось рѣдко), я его всегда заставалъ въ неизмѣнной позѣ лежащимъ на диванѣ: длинныя ноги, закинутыя вверхъ одна на другую, разстегнутая цвѣтная рубашка, гитара въ рукахъ и папироса въ углу рта. Весь его музыкальный репертуаръ, исполняемый необыкновенно фальшивымъ басомъ, состоялъ только изъ двухъ пьесъ. Одна, мажорная— пѣлась въ антрактахъ между кутежами, въ денежную полосу, приблизительно, такимъ образомъ:

Бѣ-сются кони, брещатъ мундштука-ами,
Пѣ-нются, рвутся, храпя-я-ятъ.
Барыни, барышни взорами отчаянными
Вслѣдъ уходящимъ глядятъ.

Минорная пьеса отличалась самыми нелѣпыми словами. Помню только, что тамъ говорилось о томъ,

Какъ пріятно
Умирать въ горячкѣ,
Когда сердце бьется, какъ
У младой собачки.

Словомъ, какъ видите, былъ отличный малый во всѣхъ отношеніяхъ.

Однажды, когда я предавался сладостному послѣобѣденному ничегонедѣланью, влетаетъ Алферовъ въ мою комнату, дѣлая на ходу воздушные пируэты. Въ рукахъ у него большой листъ красной бумаги. Я смотрю на него съ недоумѣніемъ.

— У насъ, чортъ возьми, черезъ три дня будетъ въ городѣ драматическая труппа, — кричитъ Алферовъ. — Труп-па, труппа, труп-па-па!—И, напѣвая польку, которая бросила бы въ потъ послѣдняго тапера, онъ начинаетъ носиться взадъ и впередъ по комнатѣ.

Такъ какъ я достаточно хорошо зналъ Алферова съ его эстетической стороны, то, не переставая удивляться, спрашиваю:

— Что̀ же тутъ такого радостнаго?

— Какъ радостнаго? — изумляется въ свою очередь Алферовъ. — А актрисы? Ура, да здравствуетъ драматическая труппа!

Я беру изъ рукъ Алферова афишу и читаю слѣдующее:

«Русско-малорусское товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Максименка и при участіи артистовъ Императорскихъ театровъ г. Южина и г-жи Вѣриной, будетъ имѣть честь дать въ самое непродолжительное время въ домѣ г. Соловейчика рядъ блестящихъ представленій, въ которыя войдутъ выдающія пьесы какъ русскихъ, такъ и прочихъ заграничныхъ авторовъ.

«Между прочимъ, въ среду, 22 сентября, поставлена будетъ:

ПРОКЛЯТІЕ МАТЕРИ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

«Эта драма, съ успѣхомъ исполнявшаяся на европейскихъ столичныхъ сценахъ и многихъ провинціальныхъ знаменитостей. Въ заключеніе будетъ всѣми артистами труппы поставленъ разнохарактерный дивертисментъ».

Помню я, поразили меня фамиліи актеровъ. Тутъ были: и Сапѣга-Никольскій, и Малининъ-Анчарскій, и Смѣльская, и Андреева-Дольская, и даже наконецъ Гнѣдичъ-Баратынская.

Среди нашей глухой, монотонной жизни даже ученіе мѣстной инвалидной команды было зрѣлищемъ, собиравшимъ весь городъ. Нечего и говорить, что всѣ мѣста на первый спектакль доставались чуть не съ бою, хотя театръ, перестроенный на живую руку изъ яичнаго склада, отличался помѣстительностью. Мой корнетъ въ этотъ вечеръ одѣлся особенно тщательно и крѣпко надушился духами пачули. Входя въ театръ, онъ такъ гремѣлъ саблей и шпорами, что сразу обратилъ на себя общее вниманіе.

Громадная зрительная зала (состоявшая изъ одного только партера) освѣщалась тремя или четырьмя висячими лампами. Глазъ долженъ былъ сначала привыкнуть къ темнотѣ, чтобы различить что-нибудь. Театръ быстро наполнялся. Изъ заднихъ рядовъ, гдѣ, стоя за барьеромъ, помѣщалась толпа еврейчиковъ и солдатъ, привлеченная низкой входной платой, все громче и громче слышались разговоры, кашлянье и смѣхъ. Изъ-за занавѣси, изображавшей двухъ гусей и торчащую изъ воды башню, доносились торопливые удары молотка, топанье ногъ и невнятныя быстрыя фразы. Между сценой и зрительной залой сидѣли, оборотясь лицомъ къ публикѣ, пять или шесть музыкантовъ съ двумя скрипками, флейтой, тромбономъ и турецкимъ барабаномъ: въ полномъ составѣ оркестръ Гершки Шпильмана, игравшій обыкновенно на еврейскихъ свадьбахъ.

Чей-то здоровенный голосъ закричалъ съ галерки: «Пора! Начинайте!» Его поддержали еще нѣсколько голосовъ: «Время! Времечко-о!» Гершко постучалъ два раза нотами о пюпитръ и, крикнувъ: «ша!», оглянулъ музыкантовъ, разбиравшихъ инструменты. Когда всѣ успокоились, онъ взмахнулъ одновременно и головой, и флейтой, приложенной къ губамъ. Такимъ образомъ Шпильманъ игралъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дирижировалъ флейтой, а оркестръ игралъ «Маюфесъ» — національный еврейскій

танецъ. Наконецъ за сценой зазвонили, и занавѣсъ поднялся.

Кажется, пьеса была переводная, съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ средневѣковой жизни, но въ чемъ заключалось ея содержаніе, я такъ и не могъ понять. Что̀ дѣйствительно произвело въ публикѣ неожиданный, но великолѣпный эффектъ, такъ это — иностранныя фамиліи. Выходитъ, напримѣръ, на сцену молодой человѣкъ, подходитъ къ героинѣ и, прикладывая руку къ сердцу, рекомендуется: «Маркиза, я — Фернандо де-ла-Капо-ди-Монте, племянникъ вашего стараго друга графа д'Аргентюеля». Галерка приходитъ въ неописанный восторгъ. «Такъ, такъ, валяй его,—слышатся оттуда голоса: — каттай его на всѣ корки!»

Былъ въ пьесѣ, я помню, іезуитскій патеръ, тайная пружина всей драмы. Онъ говорилъ искусственно-дребезжащимъ голосомъ и все смѣялся шипящимъ смѣхомъ театральнаго злодѣя. Затѣмъ былъ молодой и благородный потомокъ древней фамиліи. Эту роль исполнялъ актеръ, одѣтый въ ботфорты, со шпорами и въ сѣрую фуфайку, запрятанную въ рейтузы Энэнскаго полка (какъ я потомъ узналъ, всѣ бутафорскія и костюмерныя принадлежности собирались за нѣсколько дней до спектакля у довѣрчивыхъ почитателей искусства.) По наущенію коварнаго патера, кто-то въ чемъ-то оклеветалъ благороднаго потомка въ болотныхъ сапогахъ и навлекъ на него проклятіе матери. Потомокъ прощается со своей возлюбленной, идетъ изъ города и, удрученный горемъ, скитается въ лѣсахъ. Тамъ онъ мимоходомъ убиваетъ патера. Наконецъ, тоскуя по возлюбленной, онъ опять идетъ въ городъ и на этотъ разъ появляется передъ публикой обросшій волосами, въ длинной блузѣ, подпоясанной веревкой, съ кухоннымъ ножомъ въ рукахъ. Заставъ возлюбленную въ объятіяхъ вѣроломнаго друга,

онъ убиваетъ обоихъ на мѣстѣ преступленія. Его ведутъ въ тюрьму; онъ по дорогѣ говоритъ еще одинъ монологъ и, вырвавшись изъ рукъ стражи, кидается въ рѣку, куда за нимъ немедленно стремится и его мать, слишкомъ поздно узнавшая о своей ошибкѣ. Масса крови, длинные монологи съ проклятіями, иностранныя имена, — словомъ, раздирательная драма во вкусѣ провинціальныхъ труппъ.

Чѣмъ дальше я слушалъ, тѣмъ сильнѣе возрастало во мнѣ какое-то напряженное, гнетущее чувство не то стыда за этихъ ломающихся людей, не то жалости. Взглянулъ я на сосѣдей — и у нихъ у всѣхъ тоже болѣзненно-сморщенныя лица. Кричитъ человѣкъ, кривляется, бьетъ себя въ грудь, и, чувствуешь, самъ онъ не понимаетъ, какъ непріятно и жалко на него смотрѣть. Такъ бы, кажется, и закричалъ ему: «Добрый человѣкъ, зачѣмъ вы избрали такой неблагодарный и тяжелый трудъ; если вы ужъ ни къ чему больше неспособны, наймитесь гранить булыжникъ; это занятіе и легче, и почетнѣе, и прибыльнѣе, чѣмъ кривляніе, возбуждающее только болѣзненную жалость».

Всего больше меня поразилъ тотъ самый актеръ, который игралъ благороднаго потомка. Судя по голосу, это былъ человѣкъ уже преклоннаго возраста. Вѣроятно, когда-нибудь онъ хоть мелькомъ видѣлъ чью-то игру и твердо запечатлѣлъ въ памяти пять-шесть артистическихъ пріемовъ, преувеличивъ ихъ до послѣдней крайности. Такъ, напримѣръ, въ минуты особенно трагическія онъ уже не ходилъ, какъ ходятъ обыкновенно всѣ люди, хотя бы и удрученные большимъ горемъ, а все падалъ. Опуститъ голову на грудь и начинаетъ наклоняться впередъ тѣломъ, точно падающая статуя, вотъ-вотъ, кажется, грохнется на землю. Но внезапно его ноги дѣлаютъ два быстрыхъ шага впередъ, голова взбрасывается вверхъ, глаза вращаются, и руки съ растопыренными и скрючен-

ными пальцами вытягиваются въ пространство. А между тѣмъ, Боже мой, сколько рвенія влагалъ онъ въ свою роль! Онъ игралъ безъ парика, и, вѣрите ли, я самъ видѣлъ, какъ онъ дѣйствительно рвалъ на себѣ волосы. Когда онъ билъ себя кулаками по впалой груди, удары эти раздавались по всему театру и заставляли галерку ржать.

Когда кончилось первое дѣйствіе, я вышелъ въ холодныя сѣни покурить. Ко мнѣ подбѣжалъ сіяющій и гремящій Алферовъ.

— Былъ! Видѣлъ! — крикнулъ онъ еще издалека. — Одна — прехорошенькая.

— Кого видѣлъ-то?

— Актрисъ. Три — рожи, а одна — прелесть.

— Что̀ же, ты познакомился?

— Нѣтъ еще. Я покамѣстъ — въ щёлку. Знаешь, неловко какъ-то. Я думаю ротмистра попросить, онъ этимъ ничѣмъ не смущается. Вонъ онъ стоитъ, куритъ. Подойдемъ къ нему.

Этотъ ротмистръ, послѣдній отпрыскъ знаменитаго гусарства временъ партизанскихъ войнъ и Дениса Давыдова, уже и въ то отдаленное время являлся въ нашихъ глазахъ почтеннымъ и немного страшнымъ анахронизмомъ. Онъ могъ выпить колоссальное количество всякихъ водокъ и винъ, обладалъ знаменитымъ въ дивизіи голосомъ, рыцарски-вѣжливо обращался съ женщинами и деспотически съ мужчинами. Мы подошли къ нему.

— Голубчикъ, ротмистръ, — не то смѣясь, не то робѣя, не то заискивая, сказалъ Алферовъ: — я хочу съ актрисами познакомиться. Можно это?

Ротмистръ скосилъ на него глаза.

— Ну, а я-то здѣсь при чемъ?

— Знаете, неловко какъ-то. Не умѣю я предлога найти. И вообще... неловко.

— Не умѣешь? А носъ-то свой ты самъ вытираешь?— пустилъ ротмистръ густымъ басомъ. — Иди прямо за кулисы и говори: вотъ, молъ, я такой-то и такой, корнетъ, и меня, молъ, по правдѣ сказать, надо еще въ пеленкахъ держать. Глупъ ты, Алферушка, молодъ и глупъ. Пойдемъ.

Осчастливленный Алферовъ побѣжалъ за ротмистромъ, а я вернулся въ душную залу на свое мѣсто; Гершко опять сыгралъ «Маюфесъ», занавѣсъ медленно и неуклюже поднялся. Въ глубинѣ сцены жестикулировали два актера, въ сторонѣ отъ нихъ, близко къ рампѣ, сидѣла молодая женщина, оборотясь лицомъ къ публикѣ. Въ первомъ дѣйствіи она не выходила, иначе я бы сразу ее замѣтилъ. Сначала я самъ не сознавалъ, почему она такъ приковала къ себѣ мое вниманіе. Потомъ лицо ея показалось мнѣ до такой степени знакомымъ, что я ждалъ только ея голоса. «Если она заговоритъ, — думалъ я: — я, навѣрное, вспомню». И когда она заговорила, я тотчасъ же узналъ Лидочку. Какъ она измѣнилась за эти три года! Ничего еще, если бы она только осунулась и постарѣла; нѣтъ, она еще была настолько молода и красива, чтобы сразу плѣнить веселаго корнета. Но въ ея лицѣ, въ усталыхъ движеніяхъ, въ нервномъ, измученномъ голосѣ сказывалось давнишнее затаенное страданіе, сказывалось даже сквозь привычную ложь театральной напыщенности. Я оставилъ Лидочку шаловливой граціозной дѣвушкой, чуть не ребенкомъ, а теперь съ удивленіемъ и глубокой жалостью смотрѣлъ на женщину, уставшую жить. Видно было, что этотъ страдальческій оттѣнокъ пріобрѣтенъ не на сценѣ, а за кулисами. Въ памяти моей невольно возникъ первый театральный дебютъ Лидочки, — теперь и слѣда не оставалось ея прежней наивно-плѣнительной простоты. Теперь она держалась передъ глазами публики свободно, я сказалъ бы, даже слишкомъ

свободно; теперь она только улыбалась, неестественно показывая зубы, какъ и всѣ до одной актрисы, такъ же напряженно и деревянно хохотала, такъ же ломала руки съ вывертываніемъ наружу локтей. Я поглядѣлъ въ афишку: оказалось, что по сценѣ Лидочка называется Вѣриной.

Едва кончилось третье дѣйствіе, какъ я увидѣлъ Алферова, который торопливо пробирался ко мнѣ, наступая на чужія ноги и звякая оружіемъ по чужимъ колѣнямъ.

— Пойдемъ, голубчикъ, за кулисы, тамъ всѣ наши. Только тебя и дожидаемся. Видалъ Вѣрину? Мамочка! Сейчасъ меня съ ней обѣщали познакомить. Развѣ букетъ закатить? А? Какъ ты думаешь?

Мы пошли кругомъ всего театра узкимъ неосвѣщеннымъ коридоромъ, нѣсколько разъ опускаясь и поднимаясь въ совершенной темнотѣ по какимъ-то лѣстницамъ. Алферовъ, уже знакомый съ расположеніемъ театра, велъ меня за руку. Мы вошли въ уборную, большую сырую комнату съ землянымъ поломъ и съ узкой лѣстницей прямо на сцену. Два угла, отгороженные досками, служили мужчинамъ и женщинамъ для одѣванія. Въ облакахъ табачнаго дыма, при коптящемъ мерцаніи двухъ лампъ, сначала трудно было что-нибудь разобрать. Народа въ уборной толкалось чрезвычайно много. Изъ нашихъ сюда, кромѣ меня, Алферова и ротмистра, забрался еще земскій докторъ, большой, грязный, приторный и болтливый циникъ. На столѣ, по серединѣ комнаты, въ безпорядкѣ были разбросаны: сардинки, яблоки, сыръ, водка, красное вино и пирожное.

Общество было еще недостаточно знакомо и недостаточно пьяно, чтобы чувствовать себя непринужденно. Поэтому нашему приходу всѣ очень шумно и преувеличенно обрадовались. Алферовъ подвелъ меня сначала къ тремъ актрисамъ, которыя подозрительно-чинно сидѣли рядомъ, стѣснившись на узкомъ плетеномъ диванчикѣ.

Первая — старая, очень полная женщина съ добрымъ и смѣшнымъ лицомъ — мнѣ очень понравилась. Алферовъ сказалъ, что это — m-me Венельская, а она сама, крѣпко тряхнувъ мою руку, прибавила съ улыбкой: «комическая старуха». Другая очень бойко и отчетливо назвала себя: «Андреева-Дольская». Лицо этой особы, съ курчавыми и жесткими черными волосами, съ наглымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, съ негритянскимъ ртомъ, краснорѣчиво говорило о низменныхъ инстинктахъ. Третья оказалась вялой, нервной и болѣзненной блондинкой, немного косоватой, но недурненькой. Ея тонкая и длинная рука была холодна и влажна.

Мужской персоналъ отличался затасканными костюмами и полнымъ отсутствіемъ бѣлья. Jeune premier, не въ мѣру развязный и единственный франтоватый человѣкъ во всей труппѣ, назывался Южинымъ. Повидимому, онъ страдалъ хроническимъ воспаленіемъ самолюбія: физіономія его ни на минуту не теряла выраженія готовности немедленно обидѣться.

— Вы не родственникъ тому, знаменитому Южину?— спросилъ я, желая сказать ему пріятное.

Jeune premier тотчасъ же обидѣлся, заложилъ руки въ карманы и отставилъ правую ногу впередъ.

— То-есть почему же это: знаменитому? Что онъ на императорской сценѣ? Да вѣдь тамъ, если ужъ хотите знать, только однѣ бездарности и уживаются!

— Но позвольте, зачѣмъ же такъ строго? — спросилъ я какъ можно мягче. — Тамъ же, вѣдь, всѣ средства есть, чтобы вполнѣ изучить дѣло. По крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется.

Я еще не договорилъ, а Южинъ уже началъ смѣяться горькимъ смѣхомъ.

— Вамъ такъ кажется? — воскликнулъ онъ съ оскорбленнымъ и ироническимъ видомъ. — Вамъ такъ кажется!

И такъ будетъ казаться всякому, кто къ дѣлу близко не стоитъ, а берется судить. Вы говорите: изучить! А я вамъ скажу, что изученіе погубило чистое искусство. Развѣ я могу играть на нервахъ зрителей, если у меня каждый жестъ, каждая поза вызубрена? Знаменитость! Техника, и — ни на грошъ чувства.

— Но какъ же... безъ разработки?

— А такъ-же-съ, — отрѣзалъ jeune premier: — очень просто. Я — напримѣръ. Я на репетиціяхъ никогда не играю и роли не учу. А почему? Потому, что я — артистъ нервный, я играю, какъ-сказется. Эхъ, да развѣ эта публика что-нибудь понимаетъ? Вотъ когда я игралъ въ Торжкѣ съ Ивановымъ-Козельскимъ — меня оцѣнили, меня принимала публика. Это я могу сказать.

— Что̀ вы тамъ говорите про Козельскаго, — вмѣшался чей-то женскій голосъ. — Вашъ Козельскій давнымъ-давно выдохся. Нѣтъ, вотъ, когда я служила съ Новиковымъ... Это — артистъ, я понимаю.

— А я вамъ доложу, что вашъ Новиковъ — маріонетка, — окрысился грубо jeune premier, поблѣднѣвъ и сразу теряя наигранный апломбъ. — И никогда вы съ нимъ не играли!

— А я вамъ доложу, что вы — нахалъ. Васъ въ Торжкѣ гнилыми яблоками закидали, а вы говорите, что васъ принимала публика!

Вскипѣвшая ссора съ трудомъ была потушена антрепренеромъ, добродушнымъ и плутоватымъ толстякомъ.

— Арсеній Петровичъ! Марья Яковлевна! — вопилъ онъ, кидаясь то къ jeune premier'у, то къ артисткѣ, между тѣмъ какъ спорящіе съ злыми лицами порывались другъ къ другу. — Ради Бога! Рад-ди Бога, я васъ прошу. Ну, развѣ можно? Вѣдь опять, какъ въ Ряжскѣ, полиція прикажетъ опустить занавѣсъ. Послушайте, господинъ, не имѣю чести знать вашего святого имечка (онъ под-

бѣжалъ ко мнѣ и взялъ меня за рукавъ), можетъ-быть, вы повліяете? Скажите имъ-съ! И вѣдь, главное, не со зла все это. А, знаете, вотъ тутъ (онъ потеръ кулакомъ кругообразно по груди), вотъ тутъ... кровь, знаете, горячая. Художникъ! Вѣдь умнѣйшій человѣкъ-съ. Почти всю гимназію кончилъ. Впрочемъ, сами сейчасъ изволили слышать, какъ они насчетъ искусства-то...

Потомъ этотъ милый импрессаріо весь вечеръ сновалъ между нами и шопотомъ упрашивалъ, чтобы не давали водки актерамъ. Особенно безпокоился онъ за трагика, игравшаго роль благороднаго потомка.

— Анчарскій, душечка моя, — упрашивалъ онъ: — вѣдь вы же меня зарѣжете. Прошлый разъ васъ въ «Лирѣ» насилу за ноги выволокли. Для чего вамъ пить-съ? Не пей вы этой проклятой водчищи, вы бы украшеніемъ русской сцены могли сдѣлаться.

Трагикъ, старый человѣкъ съ слезящимися глазами, сидѣлъ передъ зеркаломъ и, съ хрустомъ пережевывая огурецъ, расписывалъ себя коричневымъ карандашомъ.

— Не бойся, Иванъ Ивановичъ, — успокоилъ онъ антрепенера: — Анчарскій не выдастъ, Анчарскій знаетъ границу! А безъ этого намъ, трагикамъ, жить невозможно. Сильныя ощущенія!

Въ это время его позвали на сцену, и онъ невѣрными шагами поднялся по лѣстницѣ. Навстрѣчу ему спускалась, держа въ одной рукѣ сумку на длинномъ шнуркѣ и придерживая другою платье, Лидочка.

Не могу я вамъ передать, что̀ сказало ея лицо, когда она меня увидѣла (я бросился къ ней навстрѣчу). На немъ выразилось и усиліе воспоминанія, и недоумѣніе, и тревога, и радость, мгновенно вспыхнувшая и такъ же мгновенно погасшая, замѣнившаяся сухой суровостью.

— Лидія Михайловна, — сказалъ я, волнуясь и загля-

дывая ей въ глаза: — Лидія Михайловна, при какихъ странныхъ условіяхъ намъ приходится встрѣчаться!

Лидочка совсѣмъ враждебно нахмурила властныя брови.

— Да, мы съ вами, кажется, немного знакомы, — сказала она. — Только страннаго въ нашей встрѣчѣ я ничего не вижу.

И, отвернувшись отъ меня, она пошла къ сидящимъ на диванѣ артистамъ. Я въ то время былъ слабъ въ знаніи жизни, и ея сухость глубоко меня уязвила, тѣмъ болѣе, что вся эта сцена произошла передъ многочисленными зрителями и вызвала полузадушенный смѣшокъ. «За что она меня такъ обрѣзала? — думалъ я въ замѣшательствѣ: — я, кажется, кромѣ радости видѣть ее, ничего не высказалъ».

Между тѣмъ Алферовъ, звякая шпорами, уже давно несъ Лидочкѣ страшную чепуху: «То высокое наслажденіе, которое испытали всѣ зрители, которые при видѣ той, которая сумѣла воплотить...» Наконецъ онъ такъ запутался въ роковыхъ «которыхъ», что сконфузился и не ждано не гадано закончилъ рѣчь громогласнымъ требованіемъ шампанскаго.

Пробки захлопали, стулья придвинулись къ столу, уборная сразу наполнилась гуломъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Докторъ, точно съ цѣпи сорвавшись, началъ налѣво и направо сыпать анекдотами, ротмистръ потрясалъ своимъ могучимъ хохотомъ дощатыя стѣны. Алферовъ суетился восторженно и безсмысленно, женщины быстро раскраснѣлись, закурили папиросы и приняли свободныя позы. Говорили всѣ сразу, и никто никого не слушалъ. Оставалась серьезной и все время молчала одна только Лидочка. Напрасно я искалъ встрѣтиться съ ней глазами, — мнѣ такъ много хотѣлось сказать ей, — ея взглядъ скользилъ по мнѣ, какъ по неодушевленному

предмету. На любезности Алферова она даже не считала нужнымъ и отвѣчать.

Чѣмъ больше шумѣли «таланты и поклонники», тѣмъ больше волновался антрепренеръ: «Господа, прошу васъ, тише, пожалуйста, потише, господа. Вѣдь послѣднее дѣйствіе, самое трагическое мѣсто!.. Ради Бога! Вы весь эффектъ испортите, господа! Васъ слышно изъ залы...»

Но неожиданно въ самомъ трагическомъ мѣстѣ драмы изъ зрительной залы донесся до насъ бѣшеный взрывъ хохота и аплодисментовъ. Всѣ изумленно переглянулись. Увы! Это означало только то, что Анчарскій, «знавшій границу», не могъ подняться со стула, несмотря на усилія двухъ сопровождавшихъ его тюремщиковъ. Когда онъ появился наконецъ наверху лѣстницы, ведшей въ уборную, антрепренеръ кинулся на него съ бранью, съ упреками, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Несчастный человѣкъ! Пьяница! Что̀ вы со мной дѣлаете! — вопилъ онъ, потрясая кулакомъ.—Вы вѣдь съ голоду безъ меня подохли бы, я васъ изъ грязи поднялъ, а вы... Какъ это подло, какъ это низко! Пропойца!..

— Другъ мой! — прервалъ его Анчарскій растроганнымъ голосомъ. — Я изнемогъ подъ сладкой тяжестью лавровъ. Оставь меня...

Оглянувшись вокругъ, онъ безсильно палъ рядомъ со мною на свободный стулъ и вдругъ, опустивъ лицо въ ладони, горько заплакалъ.

— Никто меня не понимаетъ, — услыхалъ я сквозь рыданія, а чей-то голосъ съ другого конца стола запѣлъ, что̀ есть мочи:

„И никому меня не жаль“.

— Знаете, о чемъ онъ убивается? — вмѣшалась черноволосая актриса — повидимому, неугомонная и неуживчивая особа. — У него на прошлой недѣлѣ жена сбѣжала.

— Жена? Неужели? — спросилъ я участливо.

— Ну да, жена. Театральная жена.

— То-есть какъ это — театральная?

— Ахъ, какой вы странный. Господа, посмотрите, какой онъ наивный. Онъ не знаетъ, что̀ такое театральная жена!

Нѣкоторые съ любопытствомъ на меня обернулись. Я неизвѣстно отчего сконфузился.

— Это васъ удивляетъ? — высокомѣрно обратился ко мнѣ jeune premier (мнѣ кажется, онъ даже назвалъ меня молодымъ человѣкомъ). — Мы — свободные художники, а не чиновники консисторіи, и потому никогда не прикрываемъ нашихъ отношеній къ женщинѣ обрядовой ложью-съ. У насъ любятъ, когда хочется и сколько хочется. А театральная жена—только терминъ. Я такъ называю женщину, съ которой меня, кромѣ извѣстныхъ физіологическихъ узъ, связываютъ сценическіе интересы...

Онъ долго говорилъ въ этомъ родѣ, но я уже не слушалъ его, меня безпокоило то, что̀ подъ общій шумъ и хохотъ происходило на другомъ концѣ стола между Алферовымъ и Лидочкой. По ея сдвинутымъ бровямъ и гнѣвно сжатому рту я замѣтилъ, что она оскорблена. Алферовъ былъ уже на третьемъ взводѣ. Онъ безпомощно качался взадъ и впередъ на стулѣ, силясь поднять закрывающіяся вѣки.

— Послушайте, — донесся до меня возбужденный, но сдержанный голосъ Лидочки: — вы меня не можете оскорбить. Я и не такую гадость слышала. Но неужели вы не понимаете, что я съ вами не хочу даже говорить.

Алферовъ качнулся на стулѣ.

— К-да я не м-гу? Насъ все равно не слышатъ. Я же отъ чистаго сердца! Квартира, лошади и все такое... Понимаете? И чтобы что-нибудь?.. Н-ни-ни! Ни Боже мой! Потомъ развѣ когда-нибудь за хорошее поведеніе,

а теперь н-ни-ни! L'appetit vient en mangeant. Ты чего насъ подслушиваешь? — погрозился онъ съ пьяной улыбкой, замѣтя мой взглядъ.

Тогда и Лидочка на меня посмотрѣла. Глаза ея засверкали негодованіемъ.

— Скажите, пожалуйста, — воскликнула она, умышленно возвышая голосъ, такъ, чтобы ее всѣ слышали: — вы такъ обращаетесь со всѣми незнакомыми женщинами или только съ тѣми, за которыхъ не можетъ вступиться мужчина?

Алферовъ опѣшилъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы:

— Что̀ такое случилось? Въ чемъ дѣло? Кто кого обидѣлъ?

— Какія нѣжности, подумаешь, — язвительно хихикнула черезъ столъ черноволосая актриса: — точно ея отъ этого убудетъ!

Лидочка перевела на нее сверкающіе глаза. Щеки ея мгновенно поблѣднѣли и такъ же мгновенно вспыхнули яркимъ и неровнымъ румянцемъ.

— Меня отъ этого не убудетъ, m-me Дольская, — крикнула она: — а прибудетъ только скандальной славы про наши бродячія труппы... Вы видите: этотъ господинъ такъ глядитъ на актрису, что съ перваго слова предлагаетъ ей итти на содержаніе. Какой же вамъ нужно еще обиды, если вы этого не понимаете?

Внезапно въ уборной поднялся невообразимый гвалтъ. Актрисы закричали всѣ разомъ, мужчины принялись ругаться между собою, припоминая другъ другу старые счеты въ видѣ какихъ-то разовыхъ и бенефисныхъ, упрекали другъ друга въ воровствѣ и неспособности къ сценѣ. Земскій докторъ пригнулся къ столу и, приставивъ ко рту руки въ видѣ рупора, кричалъ пронзительнымъ голосомъ: — Вззы его, куси его! Вззы, вз-зы! —

Анчарскій, заснувшій-было на стулѣ, поднялся и подошелъ косвенными шагами къ Лидочкѣ, стоявшей посреди кричащей группы актеровъ.

— Дитя мое! — завопилъ Анчарскій, разставляя широко руки. — Божественная Офелія! Преклони свою страдальческую голову на мою растерзанную грудь, и будемъ плакать вмѣстѣ!..

Но Лидочка была близка къ обмороку. Я подбѣжалъ къ ней, оттолкнулъ трагика и схватилъ ее за руку. Она невольно пошла за мною, вся дрожа отъ волненія. Чьи-то услужливыя руки накинули на нее ротонду и платокъ, и мы вышли на улицу. Не знаю, слыхала ли она, но вслѣдъ намъ изъ уборной вылетѣлъ цѣлый потокъ ругани.

– Какъ будто бы мы не знаемъ, что̀ за дрянь эта Вѣрина,—визжала громче всѣхъ Дольская:—прикидывается угнетенной невинностью, а у самой въ Тифлисѣ ребенокъ былъ!

Крупные хлопья снѣга безшумно валились на землю, мелькая точно бѣлыя звѣзды въ ночной тьмѣ. Нога ступала, какъ по пушистому ковру, по слою молодого, мягкаго снѣга.

— Что̀ же вы молчите? — раздражительно обратилась ко мнѣ Лидочка, когда мы отошли шаговъ сто отъ театра.

— Что̀ же здѣсь говорить? — пожалъ я плечами.

Она насильственно разсмѣялась.

— А я, представьте себѣ, была увѣрена, что вы разразитесь благороднымъ негодованіемъ по поводу этого скандала. Давеча вы такъ трагически меня привѣтствовали! «При какихъ странныхъ условіяхъ намъ приходится встрѣчаться». О!! Я отлично поняла смыслъ вашего восклицанія, хотя, можетъ-быть, оно даже невольно у васъ вырвалось. «Прежде ты была женщиной моего общества,—хотѣли вы сказать :—и я относился къ тебѣ съ

тѣмъ условнымъ почтеніемъ, на которое меня обязывало наше знакомство. Теперь я тебя встрѣчаю актрисой; за мои деньги ты должна меня увеселять въ продолженіе двухъ часовъ. Не подумай, пожалуйста, что мы съ тобой встрѣчаемся, какъ равный съ равнымъ».

Я понималъ, что Лидочкѣ нуженъ былъ предлогъ, на который она могла бы излить вскипѣвшую въ ней злобу, и потому продолжалъ молчать. Это ее, повидимому, еще болѣе раздражало.

— И вотъ вы являетесь за кулисы. «Актрисы — это интересно! Легкіе нравы, веселые разговоры и дешевые амуры!» Любопытно взглянуть поближе. У васъ еще сравнительно довольно приличная цѣль. Тотъ пошлякъ прямо явился, какъ... А знаете, что̀ я вамъ скажу? Вы вотъ на насъ пришли какъ на диковинный сбродъ полюбоваться, а, по-моему, этотъ сбродъ чище и лучше, чѣмъ всѣ вы, приглаженные, прилизанные и развратные. Вы видѣли сейчасъ, какъ мы скандальничаемъ, какъ мы пьемъ водку, ругаемся и принимаемъ подачки. Ну что̀ же? Зато вы не видали, какъ тѣ же бродячіе голодные актеры, всѣ — цѣлой труппой закладываютъ послѣднія пальтишки, чтобы помочь больному товарищу! Зато вы не видали, какъ насъ, точно довѣрчивыхъ дѣтей, какъ барановъ, обсчитываетъ ловкій антрепренеръ! Зато вы и представить себѣ не сумѣете, какъ каждый изъ насъ страдаетъ отъ вашего презрительнаго и развратнаго любопытства. О, какъ я ненавижу васъ, покровители искусства, закулисные меценаты! Сто разъ лучше тонуть въ нашей грязи, чѣмъ пользоваться вашими гнусными милостями. Прощайте. Вотъ моя калитка. Благодарю васъ за вашу любезность, хотя я и сама нашла бы дорогу.

Она отворила калитку и пошла впередъ, не оборачиваясь.

— Лидія Михайловна! — воскликнулъ я, простирая къ

ней руки. — Неужели мы такъ и простимся? Вспомните, вѣдь мы никогда не были врагами.

Она остановилась.

— О чемъ же намъ еще говорить? Развѣ у васъ есть теперь что-нибудь общее съ странствующей комедіанткой? А впрочемъ, если уже вы хотите составить цѣлое впечатлѣніе, то зайдите. По крайней мѣрѣ увидите, какъ мы живемъ. Что̀ же вы остановились? Не бойтесь—у меня театральнаго мужа нѣтъ.

Слова ея еще продолжали быть язвительными, но тонъ смягчился. Должно-быть, улеглась острая потребность оскорблять и чувствовать себя оскорбленной, а моя кротость еще болѣе ее обезоружила.

Я вошелъ въ домъ. Лидочка занимала одну комнату. Что̀ это была за комната! Крошечныя окна, низкій, кривой потолокъ съ балками внутрь, известковыя стѣны, синія отъ сырости, узенькая желѣзная кровать и столъ съ зеркаломъ, завѣшеннымъ шитымъ полотенцемъ. Лидочка зажгла грязную лампу безъ абажура и опустилась на стулъ совершенно изнеможенная. Руки ея безсильно легли по колѣнамъ, усталые и грустные глаза неподвижно устремились на огонь лампы. Теперь меня еще больше, чѣмъ въ театрѣ, поразило страдальческое выраженіе ея лица. Повинуясь безотчетному влеченію жалости, я приблизился, осторожно взялъ одну изъ ея блѣдныхъ, тоненькихъ ручекъ и прижалъ къ губамъ. И вдругъ — ласка ли моя подѣйствовала, нервы ли усталые не выдержали — Лидочка порывисто прижала лицо къ моей груди, охватила рукой шею и, вся сотрясаясь, зарыдала. Знаете, всегда такъ: таится-таится въ человѣкѣ давнее нераздѣленное горе, а потомъ какъ прорвется, то и удержу нѣтъ слезамъ. И тутъ Лидочка съ истерическимъ плачемъ, цѣлуя мои руки, передала мнѣ печальную повѣсть своей жизни.

Послѣ нашего московскаго визита къ Славинскому она благополучно воротилась домой. Можетъ-быть, ея сценическое увлеченіе такъ и кончилось бы безъ гибельныхъ послѣдствій, если бы она не встрѣтилась со своей бывшей гимназической подругой — провинціальной артисткой. Богъ знаетъ, что̀ эту артистку заставило расхваливать свою жизнь: природная ли тупость, нечувствительность и неразборчивость, или женское хвастовство, или злой, мстительный умыселъ неудачницы, но встрѣча съ подругой рѣшила Лидочкину участь. Она поступила на сцену. Сначала она все видѣла въ розовомъ свѣтѣ. Внѣшняя сторона дѣла, то-есть бѣдность, голодъ, долги, жалкая театральная обстановка—для нея не существовали. Но вскорѣ къ искусству примѣшалась любовь. Судьба столкнула ее съ артистомъ — его имя и теперь еще довольно извѣстно, я не буду его называть: это красивый лгунъ съ горячими словами и холоднымъ сердцемъ. Онъ записалъ себя въ россійскіе Кины, у него были художественные странности и капризы, а Лидочка должна была восхищаться имъ и находить проблески генія въ проявленіяхъ его животной натуры. Когда Лидочка сказала ему, что черезъ три мѣсяца она должна родить, онъ по-воровски, тайкомъ, бросилъ ее на произволъ судьбы. Ребенокъ умеръ. Что̀ было потомъ? Цѣлая вереница скучныхъ дней, жалкихъ аплодисментовъ по вечерамъ, ночныхъ оргій... Она пріучилась пить. По крайней мѣрѣ не сосетъ за сердце всегдашняя тоска. Родные раньше преслѣдовали ее письмами, и она не прочь была бы возвратиться, но послѣ ребенка въ ней заговорила ея собственная, своеобразная гордость. Если она раньше не пришла, когда еще было время, то какъ же она могла бы прійти, вынужденная крайностью. И въ этой странной гордости я узналъ прежнюю Лидочку.

— Вы мнѣ, родной мой, простите, что я вамъ доро̀-

гой наговорила, — просила она, глядя на меня прекрасными, умоляющими глазами.—Ужъ очень больно мнѣ было. Какъ я васъ увидала, такъ мнѣ все мое прошлое и кинулось въ память, хорошее такое, ничѣмъ не загрязненное. И тому, что̀ объ артистахъ говорила, не вѣрьте. Уколоть мнѣ васъ хотѣлось, злобу свою сорвать. Помните, какъ мы вмѣстѣ были въ Москвѣ у Славинскаго? Тысячу, тысячу разъ онъ былъ правъ. Хотя и онъ тоже хорошъ, нечего сказать!.. Только тутъ не терніи даже, а сплошная мерзость. Вѣдь нѣтъ дня, чтобы меня не оскорбляли чѣмъ-нибудь! И бросила бы я сейчасъ же эту проклятую сцену, да развѣ можно? Я обо всемъ, понимаете, обо всемъ своихъ извѣстила; корабли нарочно за собой сожгла. Съ какими глазами я теперь явлюсь? Ну развѣ объ этомъ можно думать! Развѣ можно? Ради Бога скажите, развѣ можно?

Столько настойчивости было въ этихъ торопливыхъ вопросахъ, такъ жадно они ждали моего отвѣта, что мнѣ стало понятно, какъ часто мучила ее мысль о возвращеніи домой. Я, по возможности, простыми и искренними словами старался ее успокоить: сказалъ, что она не только можетъ, но даже должна возвратиться къ своимъ старикамъ, что она теперь, больная и замученная, вдвое имъ дороже, какъ матери дороже больной ребенокъ, что никогда не поздно отдохнуть физически и нравственно отъ этой тяжелой жизни.

Лидочка очень внимательно меня слушала, не выпуская моей руки и изрѣдка глубоко и прерывисто вздыхая, какъ ребенокъ послѣ долгаго плача. Ея еще не высохшіе отъ слезъ глаза заблестѣли радостной надеждой. Незамѣтно для насъ самихъ мы перешли къ нашимъ общимъ воспоминаніямъ и долго сидѣли рядомъ, тѣсно составивъ стулья, позабывъ о приключеніяхъ этого вечера, не уставая спрашивать и отвѣчать, точно братъ и сестра послѣ

долгой разлуки. Лидочка и смѣялась какимъ-то стыдливымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, и вздыхала, и какъ будто сама не вѣрила тому, что̀ въ ней въ эти минуты происходило. Наконецъ, когда огонь началъ потухать въ лампѣ, я спохватился и сталъ прощаться.

— Я жду васъ завтра, — сказала Лидочка, крѣпко пожимая мою руку. — Помните: какъ вы скажете, такъ и будетъ. Я вамъ такъ вѣрю, что даже принять отъ васъ помощь для меня будетъ легко.

И опять въ эту ночь, такъ же, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ моего прощанія съ Лидочкой, я долго не могъ заснуть, и опять мнѣ пришло въ голову сдѣлать ей предложеніе. Меня растрогалъ разсказъ о ея скитальческой жизни, и мнѣ всѣми силами хотѣлось дать ей отдохнуть, приласкать ее и успокоить. «Женщина, много страдавшая, должна умѣть и много любить, — думалъ я, ворочаясь съ боку на бокъ: — она будетъ самой нѣжной женой и матерью. И ужъ, конечно, если она станетъ моей женой, никто не посмѣетъ упрекнуть ее позоромъ прежней жизни».

Такъ я разсуждалъ, потому что до сихъ поръ не встрѣчалъ еще людей, похожихъ на Лидочку. Но вышло на другой день нѣчто неожиданное, странное, на мой тогдашній взглядъ даже нелѣпое. Вамъ приходилось, господа, слышать, какъ въ церкви возглашаютъ моленіе: «О всякой душѣ христіанской, скорбящей же и озлобленной, чающей Христова утѣшенія»? Вотъ Лидочка-то именно и принадлежала къ этимъ скорбящимъ и озлобленнымъ. Это самые неуравновѣшенные люди. Треплетъ-треплетъ ихъ судьба и такъ въ концѣ концовъ изуродуетъ и ожесточитъ, что и узнать трудно. Много въ нихъ чуткости, нѣжности, состраданія, готовности къ самопожертвованію, доброты сердечной, а съ другой стороны — гордость сатанинская, обидчивая и нелѣпая гордость, по-

стоянное сомнѣніе и въ себѣ, и въ людяхъ, наклонность во всѣхъ своихъ ощущеніяхъ копаться и, главное, какой-то чрезмѣрный, дикій стыдъ. Нащла минута — отдастъ онъ вамъ душу, самое дорогое и неприкосновенное передъ вами выложитъ, а прошла минута—и онъ васъ самъ за свою откровенность уже ненавидитъ и торопится облегчить себя оскорбленіемъ. Позднѣе я догадался, что и Лидочка была изъ числа этихъ загнанныхъ судьбою.

Утромъ меня разбудилъ денщикъ Алферова (самого корнета такъ всю ночь и не было дома). Подаетъ мнѣ Кириллъ записку, у меня и сердце екнуло.

— Отъ кого? — спрашиваю.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Какой-то жидочекъ приносилъ. Сказываетъ, отвѣта не нужно, а самъ убёгъ.

Записка была отъ Лидочки.

«Милостивый государь Николай Аркадьевичъ, — писала Лидочка: — я думаю, вамъ не менѣе меня стыдно за вчерашнее. Все, что я вамъ говорила, — слѣдствіе минутной слабости нервовъ. Какъ вы ни великолѣпны съ вашимъ благоразуміемъ, я предпочитаю свою свободу и любимое дѣло, которому я буду служить такъ же, какъ и другіе, не мудрствуя и не осуждая. Пишу вамъ второпяхъ, потому что меня дожидаютъ лошади Алферова. Повторяю еще разъ, что, кромѣ взаимнаго стыда, между нами ничего быть не можетъ».

Я посмотрѣлъ на часы — было уже далеко за полдень, — поспѣшно одѣлся и кинулся на поиски за Лидочкой. На ея квартирѣ старая и грязная еврейка сказала мнѣ, что «барышня только-что уѣхали». «Такихъ было хорошихъ двохъ коней у въ коляска, точно у габирнатора». Я долго находился бы въ затрудненіи, куда отправиться дальше, если бы меня не осѣнила мысль заѣхать въ театръ. Дѣйствительно, не доходя еще до убор-

ной, я услышалъ въ ней шумъ многочисленной компаніи. Я отворилъ дверь, и моимъ глазамъ представилась слѣдующая сцена:

Посреди комнаты, на столѣ, уставленномъ пустыми и цѣлыми бутылками отъ шампанскаго, стояла Лидочка, растрепанная, раскраснѣвшаяся, съ бокаломъ въ высоко поднятой рукѣ. Кругомъ нея, стоя и сидя, толпились: Алферовъ, докторъ, ротмистръ и еще человѣкъ пять-шесть нашихъ городскихъ шалопаевъ. Въ глубинѣ комнаты, глядя съ недоумѣніемъ и нѣкоторой тревогой на происходившее, стояла группа артистовъ. Моего появленія никто не замѣтилъ, потому что вниманіе всѣхъ было поглощено тѣмъ, что въ эту минуту Лидочка съ выразительной жестикуляціей пѣла съ своего возвышенія:

„Какой обѣдъ намъ подавали!
Какимъ виномъ насъ угощали!
Ужъ я пила, пила, пила
И до того теперь дошла,
Что, право, готова... готова...
Ха-ха-ха-ха-ха...
Тсс... объ этомъ ни слова!“

И вдругъ наши глаза встрѣтились. Она мгновенно поблѣднѣла, пошатнулась, и бокалъ со звономъ и дребезгомъ покатился по полу. Всѣ обернулись на меня.

— Господа, — закричала Лидочка, злобно блеснувъ глазами: — кто хочетъ пить вино изъ моей туфли?

— Я, я, я! — раздалось сразу нѣсколько голосовъ.

— Всѣмъ сразу нельзя. Алферовъ, сними!.

И она протянула свою маленькую ножку Алферову. Тотъ снялъ туфлю и поставилъ въ нее бокалъ.

— Выпьемъ за здоровье Николая Аркадьевича,—продолжала возбужденно Лидочка.—Онъ вчера ночью обра-

щалъ меня на путь спасенія. Да здравствуютъ добродѣтельные молодые люди!

— Уррра! — заорала громогласно подкутившая компанія.

— У него однако губа не дура,—перекричалъ всѣхъ докторъ: — дайте ему за это вина!

Меня охватила злоба.

— Поздравляю васъ, Лидія Михайловна,—сказалъ я съ насмѣшливо-низкимъ поклономъ.—Вы дѣйствительно превосходная артистка, но я теперь только понялъ, какія побужденія влекли васъ на сцену.

Я вышелъ изъ уборной, сопровождаемый общимъ хохотомъ. Впрочемъ, не все ли мнѣ было равно? Настоящей подкладки этой дурацкой сцены никто не зналъ, хотя смѣшная-то роль во всякомъ случаѣ выпала на мою долю... Да и что̀ говорить: злая роль, мстительная и несправедливая...

БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я проводилъ лѣтніе мѣсяцы на дачѣ, вдали отъ пыльнаго, душнаго, наполненнаго суетой и грохотомъ города, въ тихой деревушкѣ, затерявшейся среди густого сосноваго лѣса, верстахъ въ 8-ми отъ станціи желѣзной дороги. Туда только-что начинали въ то время показываться первые піонеры будущей дачной колоніи, которая теперь совершенно заполонила это милое, уютное мѣстечко франтовскими дачными костюмами, сплетнями, любительскими спектаклями, подсолнечной шелухой, фортепіанными экзерсисами и флиртомъ. Теперь уже тамъ нѣтъ ни прежней дешевизны, ни прежней тишины, ни плѣнительной простоты нравовъ.

Прежде, бывало, встанешь рано утромъ вмѣстѣ съ восходомъ солнца, когда росистая трава еще бѣлѣетъ, а изъ лѣса съ его высокими, голыми, красными стволами особенно сильно доносится крѣпкій смолистый ароматъ. Не умываясь, накинувъ только поверхъ бѣлья старое пальтишко, бѣжишь къ рѣкѣ, на ходу быстро раздѣваешься и съ размаху бухаешься въ студеную, розовую отъ зари, еще подернутую легкимъ паромъ, гладкую, какъ зеркало,

водяную поверхность, къ великому ужасу цѣлаго утинаго семейства, которое съ тревожнымъ кряканьемъ и плескомъ поспѣшно расплывается въ разныя стороны изъ прибрежнаго тростника. Выкупаешься и, дрожа отъ холода, съ чувствомъ здоровья и свѣжести во всемъ тѣлѣ, спѣшишь къ чаю, накрытому въ густо заросшемъ палисадникѣ въ тѣни сиреневыхъ кустовъ, образующихъ надъ столомъ душистую зеленую бесѣдку. На столѣ вокругъ блестящаго самовара разставлены: молочникъ съ густыми желтыми сливками, большой ломоть свѣжаго деревенскаго хлѣба, кусокъ теплаго, только-что вырѣзаннаго сотоваго меда на листѣ лопуха, тарелка крупной, покрытой сизоватымъ налетомъ, малины. Около самовара хлопочетъ хозяйская дочка Ганнуся — черноглазая, крѣпкая деревенская дѣвочка, задорная и лукавая. И какъ радостно, какъ молодо звучитъ въ утреннемъ чистомъ воздухѣ ея веселое привѣтствіе: «Здоровеньки булы съ середою, панычу!»

Цѣлый день бродишь съ ружьемъ и собакой по окрестнымъ лѣсамъ и болотцамъ, ловишь съ бѣлоголовыми ребятишками у берега раковъ, тянешь съ рыбаками неводъ и варишь съ ними поздней ночью уху, или сидишь съ удочкой, закрывши отъ солнца голову соломеннымъ брылемъ съ полями въ полъ-аршина шириною, и слѣдишь пристально за поплавкомъ, едва виднымъ въ расплавленномъ и дрожащемъ серебрѣ рѣки. Домой возвращаешься усталый, перепачканный съ ногъ до головы, но бодрый и веселый, съ чудовищнымъ аппетитомъ.

А позднимъ вечеромъ, послѣ того, когда возвратится въ деревню стадо, пыля и толпясь, и наполняя воздухъ запахомъ парного молока и травы, какое наслажденіе сидѣть у воротъ и слушать и смотрѣть, какъ постепенно стихаетъ мирная сельская жизнь!.. Все рѣже, тише и отдаленнѣе раздаются: то скрипъ колесъ, то нѣжная ма-

лорусская пѣсня, то звонкое лошадиное ржанье, то возня и послѣднее щебетанье засыпающихъ птицъ, то, наконецъ тѣ невѣдомые, загадочные, прекрасные аккорды ночной гармоніи, которую каждый слышалъ и которую никто не могъ ни понять ни описать... Огни гаснутъ, въ темно-синемъ небѣ загораются и дрожатъ ясныя серебряныя звѣзды... Сладкія, но неясныя мечты, дорогія воспоминанія тѣснятся въ головѣ. Чувствуешь себя молодымъ, добрымъ и хорошимъ, чувствуешь, какъ стряхивается съ тебя накипѣвшая за зиму городская скука, городское озлобленіе, всѣ городскія недомоганія...

Теперь нѣтъ уже въ моемъ мирномъ пріютѣ ни неподдѣльнаго молока, ни масла безъ маргарина, ни чарующихъ буколическихъ картинъ. Въ лѣсу прибиты роковыя дощечки, запрещающія охоту и собираніе грибовъ и ягодъ, по дорогамъ мчатся, согнувшись въ три погибели, длинноногіе велосипедисты, на рѣкѣ толкутся декольтированные спортсмены въ полосатыхъ фуфайкахъ, а хозяйскія дочери носятъ нитяныя перчатки и давно уже переняли отъ интендантскихъ писарей извѣстный жестокій романсъ про «собачку вѣрную — Фингала».

II.

Когда я пріѣхалъ въ деревню на второе лѣто и съ помощью Ганнуси устраивалъ свою комнату, Ганнуся, въ числѣ прочихъ многочисленныхъ новостей, объявила мнѣ, что напротивъ ихъ хаты, у Комарихи, наняли комнату «какихъ-то двохъ постояльцевъ», мужъ и жена.

— Осипивна каже, що воны вже десять рокивъ, якъ поженылысь. Винъ не дуже красивый, а вона така гарна, така гарна, якъ зиронька ясна... Отъ самы побачите.

Каже Осипивна, той панъ десь тамъ у городи за учителя. Каждынь день по зализной дорози издыть у городъ.

Часа два спустя, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ мою сосѣдку. Маленькій въ четыре окна домикъ, весело выглядывавшій бѣлыми стѣнами изъ густой зелени вишенъ, сливъ, яблокъ и грушъ, былъ напротивъ нашего. Она сидѣла у открытаго, полузавѣшеннаго легкими кисейными занавѣсками окна, въ бѣлой кофточкѣ съ ажурными прошивками на рукавахъ и груди, и, облокотясь на подоконникъ, читала книгу. У нея было одно изъ тѣхъ нѣжныхъ, простыхъ лицъ, мимо которыхъ сначала проходишь равнодушно, но, вглядѣвшись пристальнѣе и понявъ ихъ, невольно очаровываешься свойственнымъ имъ смѣшаннымъ выраженіемъ ласки, мечтательности и, можетъ-быть, затаенной страстности. Всѣхъ мелочей ея лица издали и съ перваго раза я, конечно, не могъ разглядѣть, но успѣлъ замѣтить ея пышные бѣлокурые волосы, не завитые, а заброшенные назадъ, такъ что ея небольшой, заросшій съ боковъ блестящимъ рыжеватымъ пушкомъ лобъ оставался открытымъ; очень тонкія брови, гораздо темнѣе волосъ, съ насмѣшливымъ и наивнымъ въ то же время надломомъ посрединѣ, и маленькія розовыя уши. Впослѣдствіи я разглядѣлъ ее поближе: самой красивой чертой у нея были глаза — продолговатые, темно-сѣрые и очень блестящіе.

Въ началѣ 6-го часа пріѣхалъ мужъ блондинки, господинъ лѣтъ 40, съ типичной наружностью учителя: съ растрепанной бородой, брюнетъ, въ золотыхъ очкахъ, съ усталымъ пріятнымъ лицомъ и тощей фигурой. Онъ пріѣхалъ на простой мужицкой телѣгѣ, закутавшись отъ пыли въ бѣлый парусиновый балахонъ съ капюшономъ, прикрывавшимъ голову. Не успѣлъ онъ еще вылѣзть изъ своего неудобнаго экипажа, какъ жена выбѣжала ему навстрѣчу, накинувъ по дорогѣ на голову бѣлый фуляръ.

Тутъ я разглядѣлъ ея фигуру: она была высока, стройна и гибка, точно сильно выросшій подростокъ, несмотря на то, что ей по лицу можно было дать не менѣе 27 — 28 лѣтъ. Въ то время, какъ ея мужъ неловко перекидывалъ затекшія ноги черезъ высокій бокъ телѣги и осторожно сползалъ на землю, жена что-то оживленно говорила, смѣялась и вынимала изъ телѣги какіе-то пакеты и свертки.

Вслѣдъ за блондинкой изъ калитки стремглавъ выскочилъ мальчикъ лѣтъ семи, очень на нее похожій, тоненькій, блѣдный, вѣроятно, болѣзненный. Онъ съ визгомъ бросился къ отцу на шею и повисъ на ней, болтая въ воздухѣ ножками, голыми по колѣни. Всѣ трое пошли въ хату

Вечеромъ я опять ихъ видѣлъ. Мужъ въ длинной синей блузѣ безъ пояса, въ родѣ той, какую носятъ во время работы художники, сидѣлъ на корточкахъ, нагнувшись надъ одной изъ крошечныхъ клумбъ, разбитыхъ въ ихъ палисадничкѣ передъ домомъ, и съ сосредоточеннымъ терпѣніемъ что-то надъ нею дѣлалъ. Я догадался, что онъ сажаетъ цвѣточныя сѣмена. Сынишка его стоялъ около, заложивъ за спину руки, и внимательно слѣдилъ за работой отца. Стройная фигура блондинки въ бѣломъ платьѣ показывалась то въ домѣ, то въ саду, и я невольно залюбовался ея граціозными, ловкими движеніями. Одинъ разъ она подошла къ мужу, и онъ, не вставая съ корточекъ, поднялъ къ ней вспотѣвшее и улыбающееся лицо и сказалъ ей нѣсколько словъ, указывая на свою работу. Она нагнулась къ нему, сняла съ него шляпу и вытерла его мокрый лобъ носовымъ платкомъ. Онъ на лету поймалъ ея руку и поцѣловалъ.

«Нѣтъ, — подумалъ я, глядя на эту нѣжную и наивную сцену: — хотя дачное сосѣдство и даетъ нѣкоторыя права на безцеремонное знакомство, но я не буду искать его.

Развѣ я посмѣю непрошеннымъ вторженіемъ въ семью отнять у этого, такого славнаго, добраго на видъ человѣка, хоть самую малую часть его домашнихъ радостей? Вмѣсто того, чтобы мирно копаться въ своихъ грядахъ, онъ принужденъ будетъ занимать меня разговоромъ о винтѣ, о погодѣ, о газетахъ, о здоровьѣ, обо всемъ томъ, что ему, навѣрно, такъ давно уже надоѣло въ городѣ. И, кромѣ того, — кто знаетъ? — можетъ-быть, при ближайшемъ знакомствѣ этотъ славный и добрый человѣкъ превратится въ педанта и озлобленнаго неудачника, а мечтательная блондинка окажется сплетницей, или генеральскою дочерью съ аристократической родней и жеманными манерами... Такія превращенія не рѣдкость».

Такимъ образомъ, рѣшивъ въ умѣ не пользоваться правами сосѣдства, я предался своимъ обычнымъ занятіямъ: охотѣ, рыбной ловлѣ, купанью, чтенію и въ промежуткахъ — созерцательному ничегонедѣланію. Сосѣди тоже ничѣмъ не обнаруживали признаковъ особенно сильнаго желанія познакомиться съ моей особой, можетъ-быть, даже по соображеніямъ, одинаковымъ съ моими.

Тѣмъ не менѣе, невольно, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ мелочей ихъ жизни, и, долженъ признаться, эта жизнь зарождала порою въ моей головѣ смутныя желанія своего собственнаго тихаго угла и теплой, неизмѣнной женской ласки. Если бы мнѣ предоставили въ этомъ отношеніи выборъ, я не пожелалъ бы лучшей жены, чѣмъ моя бѣлокурая сосѣдка—столько въ ней было женственности, граціи, шаловливости и заботливости къ мужу. Правда, въ своей женѣ я былъ бы доволенъ отсутствіемъ одной черты, которая въ блондинкѣ мнѣ кинулась въ глаза съ первыхъ же дней: она читала просто запоемъ. Каждую свободную минуту, едва оторвавшись отъ дѣла, она посвящала книгамъ, и до сихъ поръ, когда я ее вспоминаю, она рисуется въ моихъ глазахъ не иначе, какъ сидящей у от-

крытаго окна съ кисейными занавѣсками, или лежащею въ гамакѣ, въ тѣни старыхъ яблонь, и непремѣнно съ книжкою въ рукѣ. По манерѣ ея чтенія и по легкомысленнымъ переплетамъ книгъ я былъ убѣжденъ, что она читаетъ переводные романы. Возвращаясь домой позднею ночью, я всегда заставалъ въ ея окнѣ свѣтъ. Вставала она поздно, въ то время, когда мужъ ея, въ одиночку напившись чаю, уже уходилъ въ городъ, и по ея блѣдному, немного измученному лицу я видѣлъ, что она спала плохо и мало.

III.

Прошло около мѣсяца. Въ городѣ кончились экзамены, и мужъ блондинки совсѣмъ поселился на дачѣ. Цѣлыми днями онъ возился въ своемъ садикѣ: поливалъ его, пололъ, выравнивалъ заступомъ газоны, стругалъ какія-то палочки и втыкалъ ихъ въ землю. Почти у каждаго человѣка, гдѣ бы онъ ни служилъ, чѣмъ бы ни занимался, всегда есть маленькая посторонняя слабость, которую онъ любитъ гораздо болѣе своего «настоящаго» дѣла: у одного охота, у другого клейка картонажей, у третьяго собираніе коллекціи мундштуковъ, у четвертаго какое-нибудь ручное мастерство. Видно было, что страсть учителя — цвѣты: такъ нѣжно онъ за ними ухаживалъ. Въ комнатахъ у него я также замѣтилъ много горшковъ съ рѣдкими растеніями, которыя онъ часто и заботливо вытиралъ губкою, окуривалъ, подрѣзывалъ ножницами и поливалъ.

По субботамъ къ сосѣдямъ пріѣзжали изъ города знакомые, человѣкъ пять мужчинъ, на видъ тоже учителей, съ женами и дѣтьми. Видно было, что гости и хозяева составляютъ давно свыкшееся, сплоченное общество: такъ всѣ они просто и непринужденно держались

другъ съ другомъ. Хозяинъ нанималъ пару простыхъ телѣгъ, вся компанія съ шумомъ и хохотомъ разсаживалась и уѣзжала въ лѣсъ собирать грибы и ягоды. Вечеромъ играли въ винтъ, пѣли, смѣялись и наконецъ оставались на дачѣ ночевать, при чемъ мужчины всѣ до одного лѣзли на сѣновалъ.

Это была счастливая жизнь, незатѣйливая, конечно, не богатая, но радостная, свѣжая, честная, ничѣмъ не смущаемая. И чѣмъ больше я на нее смотрѣлъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что я былъ правъ, избѣгая съ сосѣдями знакомства. Впрочемъ, съ мужемъ мы уже раскланивались издали. Поводомъ къ этому послужило наше обоюдное вмѣшательство въ вооруженное столкновеніе, происшедшее на улицѣ между его сыномъ и маленькимъ братишкой Ганнуси. Однако наши отношенія только одними поклонами и ограничились, но дальше не пошли.

Прошло уже довольно много времени съ моего переѣзда на дачу. Одна за другой отцвѣли: сначала яблони и вишни, потомъ черемуха и за нею сирень. Соловьи уже стали прекращать свои ночные концерты. Блондинка попрежнему читала и хозяйничала, мужъ ея хлопоталъ цѣлый день въ палисадникѣ, я ловилъ окуней и ершей. Знакомство мое съ сосѣдями не подвигалось.

Однажды утромъ къ калиткѣ учителя подъѣхала телѣга. Въ телѣгѣ сидѣлъ плотный, высокій господинъ,—я никогда не видѣлъ его въ числѣ сосѣдскихъ гостей,—по наружности актеръ или пѣвецъ: бритый, съ цѣлой гривой курчавыхъ волосъ, съ большимъ квадратнымъ лбомъ, съ крупными складками у угловъ рта съ высокомѣрно-выдвинувшейся впередъ нижней губой, съ презрительными глазами подъ нависшими наискось, какъ у Рубинштейна, верхними вѣками. Не видя никого вокругъ, пріѣзжій нѣкоторое время сидѣлъ молча въ телѣгѣ и оглядывался по сторонамъ. На стукъ подъѣха-

вшей телѣги изъ сада вышелъ учитель въ своей синей блузѣ, съ заступомъ въ рукѣ. Закрываясь рукою отъ солнца, онъ долго вглядывался въ пріѣзжаго. Потомъ они, должно-быть, узнали другъ друга. Пріѣзжій гибкимъ, сильнымъ движеніемъ спрыгнулъ съ телѣги, учитель кинулся къ нему навстрѣчу, и они расцѣловались.

Особенно растроганъ этимъ событіемъ былъ учитель. Онъ суетился, бросался отъ своего друга къ мужику, снимавшему съ телѣги чемоданъ и прочія вещи пріѣзжаго, и отъ мужика опять къ своему другу. Наконецъ они оба, въ сопровожденіи мужика съ вещами, пошли въ домъ, при чемъ учитель велъ пріятеля, обнявъ его за спину, и любовно заглядывалъ ему въ глаза. Пріѣзжій былъ выше своего друга на цѣлую голову; онъ шелъ легкой и упругой походкой, свойственной людямъ, привыкшимъ къ паркету или къ подмосткамъ.

На крыльцѣ ихъ встрѣтила блондинка. По жестамъ учителя, по церемонному поклону пріѣзжаго и по нѣсколько застѣнчивому движенію, съ какимъ блондинка подала ему руку, я увидѣлъ, что учитель знакомитъ жену съ своимъ другомъ.

«Значитъ, — подумалъ я: — актеръ и учитель не встрѣчались, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять-двѣнадцать. Если человѣкъ рѣшается пріѣхать сюрпризомъ въ семейный домъ, онъ долженъ быть въ очень близкихъ отношеніяхъ къ кому-нибудь въ семьѣ. Словомъ, это — другъ юности или дѣтства моего сосѣда, такой близкій и вѣрный, что ихъ дружбы не охладила даже женитьба одного изъ нихъ. Только гдѣ я его видѣлъ раньше, этого актера? Очень знакомая физіономія. А впрочемъ, можетъ-быть, это еще вовсе и не актеръ.

Однако на другой же день я убѣдился въ основательности моего перваго предположенія. Передъ вечеромъ всѣ трое — и хозяева и ихъ гость — пили въ саду чай. Прі-

ѣзжій что-то разсказывалъ очень оживленно съ красивыми, изысканными движеніями. Вдругъ среди разсказа онъ всталъ, медленно скрестилъ руки на груди и опустилъ голову на грудь, при чемъ лицо его приняло задумчиво-трагическое выраженіе. Очевидно, онъ декламировалъ и, судя по характеру жестовъ, что-нибудь въ родѣ гамлетовскаго «Быть или не быть». Учитель и блондинка смотрѣли на него съ напряженнымъ вниманіемъ. Когда онъ кончилъ и съ дѣланнымъ красивымъ безсиліемъ опустился на скамью, учитель нѣсколько разъ похлопалъ ладонью объ ладонь, какъ будто бы аплодируя. Блондинка не шевелилась. Трудно было сказать, какое впечатлѣніе произвелъ на нее монологъ, но ея лицо — впрочемъ, можетъ-быть, это мнѣ только такъ показалось издали — приняло еще болѣе, чѣмъ когда-либо, мечтательное выраженіе.

Актеръ поселился у моихъ сосѣдей и, повидимому, надолго, потому что привезъ съ собою нѣсколько лѣтнихъ костюмовъ и цѣлый запасъ самаго разнообразнаго и самаго моднаго бѣлья. Фамиліи—какъ его, такъ и его друзей—для меня остались неизвѣстными. «Паны, тай годи»,—отвѣчали наивно на мои разспросы хохлы. Однако я до сихъ поръ убѣжденъ, что актера я раньше видѣлъ на сценѣ, и что онъ принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ свѣтилъ русскаго артистическаго небосклона.

IV.

Два дня учитель не могъ достаточно нарадоваться пріѣзду друга, не отходилъ отъ него ни на шагъ, занималъ разговорами, показывалъ ему въ палисадникѣ свои цвѣты. А цвѣты у него, дѣйствительно, выросли великолѣпные, видно было, что учитель мастеръ своего дѣла.

Но черезъ нѣсколько дней, когда радость по поводу пріѣзда друга утеряла свою первоначальную остроту, и

присутствіе его въ домѣ стало явленіемъ привычнымъ, жизнь учителя вошла въ свою обычную колею. Точно такъ же, какъ и раньше, вставалъ онъ съ восходомъ солнца, самъ приносилъ въ лейкѣ воду изъ ближайшаго колодца и до обѣда въ своей обычной широкой блузѣ рылся въ клумбахъ. Зато жизнь его жены замѣтно перемѣнилась съ пріѣздомъ зктера. Вмѣсто прежней бѣлой кофточки съ прошивками, я теперь постоянно видѣлъ на ней нарядные цвѣтные лифы, надѣтые поверхъ корсета, съ оборками и кружевами. Пышные бѣлокурые волосы, прежде такъ мило зачесанные назадъ, теперь познакомились со щипцами и превратились въ кудрявую гривку. И даже читала она теперь не болѣе часа въ день, потому что все остальное время проводила съ гостемъ. То они ходили рядомъ по узкимъ извилистымъ дорожкамъ палисадника, оживленно разговаривая, то она лежала въ гамакѣ, тихо раскачиваясь и глядя, закинувъ назадъ голову, въ небо, а онъ сидѣлъ рядомъ, съ книгой, и читалъ ей вслухъ, то, захвативъ удочки, они отправлялись на берегъ, и я часто видѣлъ ихъ сидящими близко рядомъ, занятыми разговоромъ и не обращающими вниманія на поплавки...

Разсказы актера и разговоры съ нимъ должны были интересовать молодую женщину. Ничто такъ не привлекаетъ издали людей непосвященныхъ, какъ разсказы артистовъ о закулисныхъ тайнахъ сцены. Я часто видѣлъ, какъ, идя съ нею рядомъ и говоря что-то съ красивой и оживленной жестикуляціей, онъ вдругъ останавливался, заставляя ее тоже остановиться и обернуться къ нему лицомъ, и начиналъ, вѣроятно, для поясненія своихъ словъ, читать наизусть какой-нибудь монологъ. И каждый разъ въ этихъ случаяхъ, глядя на его красивую, мощную фигуру, на эффектную пластичность его жестовъ, я все болѣе и болѣе убѣждался, что это далеко не заурядный артистъ.

Однажды передъ вечеромъ я сдѣлалъ важное открытіе: онъ училъ ее сценическому искусству. Онъ сидѣлъ въ саду на скамейкѣ передъ круглымъ деревяннымъ столомъ, на которомъ обыкновенно пили чай. Она стояла передъ нимъ, точно ученица передъ учителемъ, смущенная, взволнованная, и читала что-то наизусть. Актеръ слушалъ, опустивъ голову внизъ, слегка покачиваясь тѣломъ и плавно ударяя ребромъ правой ладони по столу.

Когда блондинка окончила чтеніе, онъ быстро бросился къ ней, схватилъ обѣ ея руки въ свои и, съ жаромъ пожимая ихъ, что-то заговорилъ. Должно-быть, онъ выражалъ свое восхищеніе. Она отворачивалась и отнимала руки, но онъ не выпускалъ ихъ и продолжалъ говорить, стараясь заглянуть ей въ лицо.

Очевидно, блондинка вкусила сладкаго яда восторженныхъ похвалъ артиста, потому что съ этого дня я каждый вечеръ бывалъ свидѣтелемъ происходившихъ въ саду уроковъ драматической декламаціи. Былъ ли искрененъ актеръ, или нѣтъ, я не знаю, но онъ принялся за занятія съ блондинкой самымъ рѣшительнымъ образомъ. Мужъ не мѣшалъ имъ. Случалось, во время урока онъ подходилъ къ ученицѣ и учителю, слушалъ минутъ съ пять, заложивъ руки въ карманы, потомъ съ добродушнымъ видомъ трепалъ актера по плечу и уходилъ къ своимъ цвѣтамъ

Къ концу мѣсяца я сдѣлалъ другое открытіе, но гораздо болѣе важное, чѣмъ первое. Случилось это также вечеромъ, когда прозрачный воздухъ уже замѣтно стемнѣлъ, и въ немъ носились съ густымъ жужжаньемъ іюньскіе жуки. Блондинка лежала въ гамакѣ. Она такъ глубоко задумалась, глядя по своему обыкновенію вверхъ, что не услыхала шаговъ осторожно къ ней подходящаго актера. Актеръ подкрался совсѣмъ вплотную къ своей ученицѣ, оглянулся по сторонамъ, желая

убѣдиться, не смотритъ ли кто-нибудь за нимъ, и затѣмъ, быстро нагнувшись, поцѣловалъ блондинку въ волосы. Она вздрогнула, слегка привстала въ гамакѣ и вдругъ, къ моему удивленію, вмѣсто того, чтобы разсердиться или крикнуть на актера, она нѣжнымъ движеніемъ обвила руками его шею, притянула его лицо къ своему и... пауза въ три минуты... Я поспѣшно отвернулся. Хотя все мною видѣнное и не касалось меня, но я почувствовалъ къ актеру странную ревнивую зависть.

Въ этотъ вечеръ учитель уѣхалъ въ городъ. Блондинка и актеръ провожали его. Они жали ему на прощанье руку, цѣловали его и смѣялись самымъ дружескимъ и безпечнымъ образомъ. Учитель улыбался имъ и долго еще, сидя въ удаляющейся телѣгѣ, кивалъ головою стоящимъ у калитки женѣ и другу дѣтства.

На другой день, вставъ рано утромъ и выглянувъ въ окно, я былъ пораженъ до такой степени, что сначала не вѣрилъ своимъ глазамъ. Около калитки моего сосѣда стояла телѣга, нагруженная вещами, въ числѣ которыхъ я узналъ весь багажъ, привезенный актеромъ. Вскорѣ и онъ самъ вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ блондинкой. Оба были въ дорожныхъ платьяхъ. Блондинка казалась утомленной, лицо ея поблѣднѣло, вѣки покраснѣли, видно было, что она въ эту ночь не спала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она имѣла видъ человѣка, рѣшившагося на какой-то роковой, невозвратимый шагъ. Поддерживаемая подъ локоть актеромъ, она сѣла въ телѣгу. Слѣдомъ за ней влѣзъ актеръ и сказалъ что-то хохлу, сидѣвшему на облучкѣ. Хохолъ ударилъ кнутомъ лошадей, телѣга загрохотала по дорогѣ и... вдругъ остановилась...

Маленькій учитель въ золотыхъ очкахъ, Богъ вѣсть откуда взявшійся, стоялъ посреди дороги, держа лошадей подъ уздцы. Видъ у него былъ растрепанный,

немножко смѣшной, но чрезвычайно рѣшительный. Онъ кричалъ что-то, чего я не могъ разслышать.

И вдругъ онъ бросился, какъ пуля, въ телѣгу, схватилъ актера за шиворотъ и выкинулъ его на землю. Признаться, это было поразительное зрѣлище. Но дальше было еще страннѣе. Я ожидалъ, что актеръ — этотъ большой, массивный, величественный и гордый человѣкъ — станетъ драться, сопротивляться, или хотя бы, по крайней мѣрѣ, начнетъ объясненіе. Нѣтъ, онъ побѣжалъ впередъ съ поразительной быстротою, потерялъ по дорогѣ круглую шляпу и — я замѣтилъ это! — все время подтягивалъ панталоны. Ей-Богу, я ожидалъ всего, даже кровопролитія, но не этого театральнаго эффекта.

Но конецъ всей этой исторіи меня не только удивилъ, но растрогалъ, потрясъ и почти ужаснулъ.

Они оба — блондинка и учитель — прошли мимо моихъ оконъ, въ разстояніи какихъ-нибудь пяти-шести шаговъ отъ меня. И я почти видѣлъ, какимъ счастьемъ сіяли ея глаза, я видѣлъ и слышалъ, какъ она цѣловала его учительскую, растрепанную бороденку, и слышалъ также, какъ она говорила, задыхаясь:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Никогда въ моей жизни ничто подобное не можетъ повториться. Онъ только притворялся мужчиной, а ты настоящій, смѣлый и любящій мужчина.

Тогда я закрылъ окошко и больше за моими сосѣдями не наблюдалъ.

УЧЕНИКЪ.

I.

Большой, бѣлый, двухъэтажный американскій пароходъ весело бѣжалъ внизъ по Волгѣ. Стояли жаркіе, томные іюльскіе дни. Половину дня публика проводила на западномъ наружномъ балкончикѣ, а половину на восточномъ, въ зависимости отъ того, какая сторона бывала въ тѣни. Пассажиры садились и вылѣзали на промежуточныхъ станціяхъ, и въ концѣ концовъ образовался постоянный составъ путешественниковъ, которые уже давно знали другъ друга въ лицо и порядочно другъ другу надоѣли.

Днемъ лѣниво занимались флиртомъ, покупали на пристаняхъ землянику, вяленую волокнистую воблу, молоко, баранки и стерлядей, пахнувшихъ керосиномъ. Въ продолженіе цѣлаго дня ѣли не переставая, какъ это всегда бываетъ на пароходахъ, гдѣ плавная тряска, свѣжій воздухъ, близость воды и скука чрезмѣрно развиваютъ аппетитъ.

Вечеромъ, когда становилось прохладнѣе, съ береговъ доносился на палубу запахъ скошеннаго сѣна и медвяныхъ цвѣтовъ, и когда отъ рѣки поднимался густой, лѣтній туманъ, всѣ собирались въ салонъ.

Худенькая барышня изъ Москвы, ученица консерва-

торіи, у которой рѣзко выступали ключицы изъ-подъ низко вырѣзанной блузки, а глаза неестественно блестѣли и на щекахъ горѣли болѣзненныя пятна, пѣла маленькимъ, но необыкновенно пріятнаго тембра голосомъ романсы Даргомыжскаго. Потомъ немного спорили о внутренней политикѣ.

Общимъ посмѣшищемъ и развлеченіемъ служилъ тридцатилѣтній симбирскій помѣщикъ, розовый и гладкій, какъ іоркширскій поросенокъ, съ бѣлокурыми волосами ежикомъ, съ разинутымъ ртомъ, съ громаднымъ разстояніемъ отъ носа до верхней губы, съ бѣлыми рѣсницами и возмутительно бѣлыми усами. Отъ него вѣяло непосредственной черноземной глупостью, свѣжестью, наивностью и усердіемъ. Онъ только-что женился, пріобрѣлъ цензъ и получилъ мѣсто земскаго начальника. Всѣ эти подробности, а также дѣвическая фамилія его матери и фамиліи всѣхъ людей, оказавшихъ ему протекцію, были уже давно извѣстны всему пароходу, включая сюда капитана и двухъ его помощниковъ и, кажется, — палубной командѣ. Какъ представитель власти и членъ всероссійской дворянской семьи, онъ пересаливалъ въ своемъ патріотизмѣ и постоянно завирался. Отъ Нижняго до Саратова онъ уже успѣлъ перестрѣлять и перевѣшать всѣхъ жидовъ, финляндцевъ, поляковъ, армяшекъ, малороссовъ и прочихъ инородцевъ.

Во время стоянокъ онъ выходилъ на палубу въ своей фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ и съ двумя значками и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, обнаруживая толстый дворянскій задъ въ сѣрыхъ панталонахъ, поглядывалъ на всякій случай начальственно на матросовъ, на разносчиковъ, на троечныхъ ямщиковъ въ круглыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями. Жена его, тоненькая, изящная, некрасивая петербургская полудѣва, съ очень блѣднымъ лицомъ и очень яркими, злыми губами,

не препятствовала ему ни въ чемъ, была молчалива, иногда при глупостяхъ мужа улыбалась недоброй, тонкой усмѣшкой; бо́льшую часть дня сидѣла на солнечномъ припекѣ, съ желтымъ французскимъ романомъ въ рукахъ, съ пледомъ на колѣняхъ, вытянувъ вдоль скамейки и скрестивъ маленькія, породистыя ножки въ красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ. Какъ-то невольно чувствовалась въ ней карьеристка, будущая губернаторша или предводительша, очень можетъ быть, что будущая губернская Мессалина. Отъ нея всегда пахло помадой crême Simon и какими-то модными духами—сладкими, острыми и терпкими, отъ которыхъ хотѣлось чихать. Фамилія ихъ была Кострецовы.

Изъ постоянныхъ пассажировъ былъ еще артиллерійскій полковникъ, добродушнѣйшій человѣкъ, неряха и обжора, у котораго полусѣдая щетина торчала на щекахъ у подбородка, а китель цвѣта хаки надъ толстымъ животомъ лоснился отъ всевозможныхъ суповъ и соусовъ. Каждый день утромъ онъ спускался внизъ въ помѣщеніе повара и выбиралъ тамъ стерлядку или севрюжку, которую ему приносили наверхъ въ сачкѣ, еще трепещущую, и онъ самъ, священнодѣйствуя, сопя и почмокивая, дѣлалъ рыбѣ ножомъ на головѣ помѣтки во избѣжаніе поварской лукавости, чтобы не подали другую, дохлую.

Каждый вечеръ, послѣ пѣнія московской барышни и политическихъ споровъ, полковникъ игралъ до поздней ночи въ винтъ. Его постоянными партнерами были: акцизный надзиратель, ѣхавшій въ Асхабадъ — человѣкъ совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, сморщенный, со скверными зубами, помѣшанный на любительскихъ спектакляхъ — онъ недурно, бойко и весело разсказывалъ въ промежуткахъ игры, во время сдачъ, анекдоты изъ еврейскаго быта; редакторъ какой-то приволжской газеты, боро-

датый, низколобый, въ золотыхъ очкахъ, и студентъ, по фамиліи Држевецкій.

Студентъ игралъ съ постояннымъ счастіемъ. Онъ быстро разбирался въ игрѣ, великолѣпно помнилъ всѣ назначенія и ходы, относился къ ошибкамъ партнеровъ съ неизмѣняемымъ благодушіемъ. Несмотря на сильныя жары, онъ всегда былъ одѣтъ въ застегнутый на всѣ пуговицы зеленоватый сюртукъ съ очень длинными полами и преувеличенно высокимъ воротникомъ. Спинныя лопатки были у него такъ сильно развиты, что онъ казался сутуловатымъ, даже при его высокомъ ростѣ. Волосы у него были свѣтлые и курчавые, голубые глаза, бритое длинное лицо: онъ немножко походилъ, судя по стариннымъ портретамъ, на 25-лѣтнихъ генераловъ Отечественной войны 1812 года. Однако нѣчто странное было въ его наружности. Иногда, когда онъ не слѣдилъ за собою, его глаза принимали такое усталое, измученное выраженіе, что ему свободно можно было дать на видъ даже и 50 лѣтъ. Но ненаблюдательная пароходная публика этого, конечно, не замѣчала, какъ не замѣчали партнеры необыкновенной особенности его рукъ: большіе пальцы у студента достигали по длинѣ почти концовъ указательныхъ, и всѣ ногти на пальцахъ были коротки, широки, плоски и крѣпки. Эти руки съ необыкновенной убѣдительностью свидѣтельствовали объ упорной волѣ, о холодномъ, не знающемъ колебаній эгоизмѣ и о способности къ преступленію.

Отъ Нижняго до Сызрани какъ-то въ продолженіе двухъ вечеровъ составлялись маленькія азартныя игры. Играли въ двадцать одно, желѣзную дорогу, польскій банчокъ. Студентъ выигралъ что-то рублей около семидесяти. Но онъ это сдѣлалъ такъ мило и потомъ такъ любезно предложилъ обыгранному имъ мелкому лѣсопромышленнику взаймы денегъ, что у всѣхъ получилось впе-

чатлѣніе, что онъ богатый человѣкъ, хорошаго общества и воспитанія.

II.

Въ Самарѣ пароходъ очень долго разгружался и нагружался. Студентъ съѣздилъ выкупаться и, вернувшись, сидѣлъ въ капитанской рубкѣ — вольность, которая разрѣшается только очень симпатичнымъ пассажирамъ послѣ долгаго совмѣстнаго плаванья. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ, пристально слѣдилъ за тѣмъ, какъ на пароходъ взошли порознь три еврея, всѣ очень хорошо одѣтые, съ перстнями на рукахъ, съ блестящими булавками въ галстукахъ. Онъ успѣлъ замѣтить и то, что евреи дѣлали видъ, какъ будто они не знакомы другъ съ другомъ, и какую-то общую черту въ наружности, какъ будто наложенную одинаковой профессіей, и почти неуловимые знаки, которые они подавали другъ другу издали.

— Не знаете — кто это? — спросилъ онъ помощника капитана.

Помощникъ капитана, черненькій, безусый мальчикъ, изображавшій изъ себя въ салонѣ стараго морского волка, очень благоволилъ къ студенту. Во время своихъ очередныхъ вахтъ онъ разсказывалъ Држевецкому непристойные разсказы изъ своей прошлой жизни, говорилъ гнусности про всѣхъ женщинъ, находившихся на суднѣ, а студентъ выслушивалъ его терпѣливо и внимательно, хотя и нѣсколько холодно.

— Эти?—переспросилъ помощникъ капитана. — Несомнѣно комиссіонеры. Должно-быть, торгуютъ мукой или зерномъ. Да вотъ мы сейчасъ узнаемъ. Послушайте, господинъ какъ васъ, послушайте! — закричалъ онъ, перегнувшись черезъ перила. — Вы съ грузомъ? Хлѣбъ?

— Ужѐ! — отвѣтилъ еврей, поднявъ кверху умное, наблюдательное лицо. — Теперь я ѣду для собственнаго удовольствія.

Вечеромъ опять пѣла московская барышня, — «Разстались гордо мы», — земскій начальникъ кричалъ о пользѣ уничтоженія жидовъ и введенія общей, всероссійской порки, полковникъ заказывалъ севрюжку по-американски съ каперсами. Два комиссіонера усѣлись играть въ шестьдесятъ шесть — старыми картами, потомъ къ нимъ, какъ будто невзначай, подсѣлъ третій, и они перешли на преферансъ. При окончательномъ расчетѣ у одного изъ игроковъ не нашлось сдачи, — оказались только крупныя бумажки.

Онъ сказалъ:

— Ну, господа, какъ же мы теперь раздѣлимся? Хотите на черное и красное?

— Нѣтъ, ужъ спасибо, въ азартныя игры не играю, — отвѣтилъ другой. — Да это пустяки. Пускай мелочь останется за вами.

Первый какъ будто бы обидѣлся, но тутъ вмѣшался третій:

— Господа, кажется, мы не пароходные шулера и находимся въ порядочной компаніи. Позвольте, сколько у васъ выигрыша?

— Однако какой вы горячій, — сказалъ первый. — Шесть рублей 20 копеекъ.

— Ну, вотъ... Иду на все.

— Ой, какъ страшно! — сказалъ первый и началъ мѣтать.

Онъ проигралъ и въ сердцахъ удвоилъ ставку. И вотъ черезъ нѣсколько минутъ между этими тремя людьми завязалась оживленная, азартная игра въ польскій банчокъ, въ который банкометъ сдаетъ всѣмъ партнерамъ по три карты и отъ себя открываетъ на каждаго по одной.

Не прошло и получаса, какъ на столѣ ворохами лежали кредитные билеты, столбики золота и груды серебра. Банкометъ все время проигрывалъ. При этомъ онъ очень правдоподобно разыгрывалъ удивленіе и негодованіе.

— Это вамъ всегда такъ везетъ на пароходахъ? — спрашивалъ онъ съ ядовитой усмѣшкой партнера.

— Да. А особенно по четвергамъ, — отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

Неудачный игрокъ потребовалъ новую талію. Но онъ опять сталъ проигрывать. Вокругъ ихъ стола столпились пассажиры перваго и второго классовъ. Игра понемногу разожгла всѣхъ. Сначала вмѣшался добродушный артиллерійскій полковникъ, потомъ акцизный чиновникъ, ѣхавшій въ Асхабадъ, и бородатый редакторъ. У мадамъ Кострецовой загорѣлись глаза, и въ этомъ сказалась ея пылкая, нервная натура.

— Ставьте же противъ него, — сказала она злымъ шопотомъ мужу. — Развѣ вы не видите, что его преслѣдуетъ несчастье.

— Mais, дорогая моя... Богъ знаетъ съ кѣмъ, — слабо протестовалъ земскій начальникъ.

— Идіотъ! — сказала она злымъ шопотомъ. — Принесите изъ каюты мой ридикюль.

III.

Студентъ давно уже понялъ, въ чемъ дѣло. Для него было совершенно ясно, что эти три человѣка составляютъ обыкновенную компанію пароходныхъ шулеровъ. Но, очевидно, ему нужно было кое-что обдумать и сообразить. Онъ взялъ въ буфетѣ длинную, черную сигару и усѣлся на балконѣ, слѣдя, какъ тѣнь отъ парохода скользила по желтой водѣ, игравшей солнечными зайчиками. По-

мощникъ капитана, увидѣвъ его, сбѣжалъ съ рубки, многозначительно смѣясь.

— Профессоръ, хотите, я вамъ покажу одного изъ самыхъ интересныхъ людей въ Россіи.

— Да? — сказалъ равнодушно студентъ, стряхивая ногтемъ пепелъ съ сигары.

— Посмотрите, вонъ тотъ господинъ, съ сѣдыми усами и съ зеленымъ шелковымъ зонтикомъ надъ глазами. Это — Балунскій, король шулеровъ.

Студентъ оживился и быстро посмотрѣлъ направо.

— Этотъ? Да? Въ самомъ дѣлѣ Балунскій?

— Да. Этотъ самый.

— Что же, онъ теперь играетъ?

— Нѣтъ. Совсѣмъ уналъ. Да если бы онъ и сѣлъ играть, такъ вѣдь, вы знаете, мы обязаны предупредить публику... Онъ только торчитъ за столами, смотритъ и больше ничего.

Въ это время Балунскій проходилъ мимо нихъ, и студентъ съ самымъ живымъ интересомъ проводилъ его глазами. Балунскій былъ высокій, прекрасно сложенный старикъ съ тонкими, гордыми чертами лица. Студентъ многое увидалъ въ его наружности: давнишнюю привычку держать себя независимо и увѣренно на глазахъ большой публики, выхоленныя, нѣжныя руки, наигранную внѣшнюю барственность, но также и маленькій дефектъ въ движеніи правой ноги, и побѣлѣвшіе отъ времени швы когда-то великолѣпнаго парижскаго пальто. И студентъ съ неослабнымъ вниманіемъ и съ какимъ-то страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ равнодушной жалости и беззлобнаго презрѣнія слѣдилъ за всѣми этими мелочами.

— Былъ конь, да изъѣздился, — сказалъ помощникъ капитана.

— А внизу идетъ большая игра, — сказалъ спокойно студентъ.

Потомъ, вдругъ повернувшись къ помощнику капитана и глядя ему каменнымъ взглядомъ въ самые зрачки, онъ сказалъ такъ просто, какъ будто заказывалъ себѣ завтракъ или обѣдъ:

— Вотъ что̀, mon cher ami, я къ вамъ приглядываюсь уже два дня и вижу, что вы человѣкъ неглупый и, конечно, стоите выше всякихъ старушечьихъ предразсудковъ. Вѣдь мы съ вами сверхъ-люди, не правда ли?

— Да, вообще... И по теоріи Ницше, вообще...—пробормоталъ важно помощникъ капитана.

— Ну, ладно. Подробности письмомъ.

Студентъ разстегнулъ сюртукъ, досталъ изъ бокового кармана щегольской бумажникъ изъ красной кожи съ золотой монограммой и вынулъ изъ него двѣ бумажки, по сту рублей каждая.

— Держите, адмиралъ! Это ваши,—сказалъ онъ внушительно.

— За что̀?—спросилъ помощникъ капитана, захлопавъ глазами.

— За вашу за прекрасную за красоту, — сказалъ серьезно студентъ. — И за удовольствіе поговорить съ умнымъ человѣкомъ, несвязаннымъ предразсудками.

— Что̀ я долженъ сдѣлать?

Теперь студентъ заговорилъ отрывисто и вѣско, точно полководецъ передъ сраженіемъ:

— Во-первыхъ, не предупреждать никого о Балунскомъ. Онъ мнѣ нуженъ будетъ, какъ контроль и какъ лѣвая рука. Есть?

— Есть! — отвѣтилъ весело помощникъ капитана.

— Во-вторыхъ: укажите мнѣ того изъ официантовъ, который можетъ подать на столъ мою колоду.

Морякъ немножко замялся.

— Развѣ Прокофій? — сказалъ онъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собой.

— Ахъ, это тотъ, худой, желтый, съ висячими усами? Да?

— Да. Этотъ.

— Ну, ну... У него подходящее лицо. Съ нимъ у меня будетъ свой разговоръ и особый расчетъ. Затѣмъ, мой молодой, но пылкій другъ, я вамъ предлагаю слѣдующую комбинацію. Два съ половиной процента съ валового сбора.

— Съ валового сбора? — захихикалъ восторженно помощникъ капитана.

— Да-съ. Это составитъ, приблизительно вотъ сколько... у полковника своихъ, я думаю, рублей тысяча и, можетъ-быть, еще казенныя—скажемъ кругло, двѣ. Земскаго начальника я тоже цѣню въ тысячу. Если удастся развертѣть его жену, то эти деньги я считаю какъ въ своемъ карманѣ. Остальные всѣ — мелочь. Да еще у этихъ сморкачей я считаю сотенъ около шести-восьми... вмѣстѣ...

— У кого?

— А у этихъ пароходныхъ шулеришекъ. У этихъ самыхъ молодыхъ людей, которые, по вашимъ словамъ, торгуютъ зерномъ и мукой.

— Да развѣ? Да развѣ? — спохватился помощникъ капитана.

— Вотъ вамъ и развѣ. Я имъ покажу, какъ нужно играть. Имъ играть въ три листика на ярмаркахъ подъ заборомъ. Капитанъ, кромѣ этихъ двухсотъ, вы имѣете еще сто обезпеченныхъ. Но уговоръ: не дѣлать мнѣ страшныхъ гримасъ, хотя бы я даже проигрался до тла, не соваться, когда васъ не спрашиваютъ, не держать за меня и — главное — что бы со мной ни случилось, даже самое худшее, не обнаруживать своего знакомства со мной. Помните — вы не мастеръ, не ученикъ, а только статистъ.

— Статистъ! — хихикнулъ помощникъ капитана.

— Экій дуракъ, — сказалъ спокойно студентъ.

И, бросивъ окурокъ сигары черезъ бортъ, онъ быстро всталъ навстрѣчу проходившему Балунскому и фамильярно просунулъ ему руку подъ руку. Они поговорили не больше двухъ минутъ, и, когда окончили, Балунскій снялъ шляпу съ льстивымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

IV.

Поздно ночью студентъ и Балунскій сидѣли на пароходномъ балконѣ. Лунный свѣтъ игралъ и плескался въ водѣ. Лѣвый берегъ, высокій, крутой, весь обросшій мохнатымъ лѣсомъ, молчаливо свѣшивался надъ самымъ пароходомъ, который шелъ совсѣмъ близко около него. Правый берегъ лежалъ далекимъ плоскимъ пятномъ. Весь опустившись, сгорбившись еще больше, студентъ небрежно сидѣлъ на скамейкѣ, вытянувъ впередъ свои длинныя ноги. Лицо у него было усталое и глаза тусклые.

— Сколько вамъ можетъ быть лѣтъ? — спросилъ Балунскій, глядя на рѣку.

Студентъ промолчалъ.

— Вы меня извините за нескромность, — продолжалъ, немного помявшись, Балунскій. — Я отлично понялъ, для чего вы меня посадили около себя. Я также понимаю, почему вы сказали этому фушеру, что вы его ударите по лицу, если колода, послѣ провѣрки, окажется вѣрной. Вы это произнесли великолѣпно. Я любовался вами. Но, ради Бога, скажите, какъ вы это дѣлали?

Студентъ, наконецъ, заговорилъ черезъ силу, точно съ отвращеніемъ:

— Видите ли, штука въ томъ, что я не прибѣгаю ни къ какимъ противозаконнымъ пріемамъ. У меня игра на человѣческой душѣ. Не безпокойтесь, я знаю всѣ ваши

старые пріемы. Накладка, передержка, наколка, крапленыя колоды — вѣдь такъ?

— Нѣтъ, — замѣтилъ обидчиво Балунскій. — У насъ были и болѣе сложныя штучки. Я, напримѣръ, первый ввелъ въ употребленіе атласныя карты.

— Атласныя карты? — переспросилъ студентъ.

— Ну, да. На карту наклеивается атласъ. Треніемъ о сукно ворсъ пригибается въ одну сторону, на немъ рисуется валетъ. Затѣмъ, когда краска высохла, ворсъ переворачиваютъ въ другую сторону и рисуютъ даму. Если ваша дама бита, вамъ нужно только провести картой по столу.

— Да, я объ этомъ слышалъ, — сказалъ студентъ. — Одинъ лишній шансъ. Но вѣдь зато и дурацкая игра — штоссъ.

— Согласенъ, она вышла изъ моды. Но это было время великолѣпнаго расцвѣта искусства. Сколько мы употребили остроумія, находчивости... Полубояриновъ подстригалъ себѣ кожу на концахъ пальцевъ; у него осязаніе было лучше, чѣмъ у слѣпого. Онъ узнавалъ карту однимъ прикосновеніемъ. А крапленыя колоды? Вѣдь это дѣлалось цѣлыми годами.

Студентъ зѣвнулъ.

— Примитивная игра.

— Да, да. Поэтому-то я васъ и спрашиваю. Въ чемъ вашъ секретъ? Долженъ я вамъ сказать, что я бывалъ въ большихъ выигрышахъ. Въ продолженіе одного мѣсяца я сдѣлалъ въ Одессѣ и въ Петербургѣ болѣе шестисотъ тысячъ. И кромѣ того выигралъ четырехъэтажный домъ съ бойкой гостиницей.

Студентъ подождалъ — не скажетъ ли онъ еще чего, и, немного погодя, спросилъ:

— Ага! Завели любовницу, лихача, мальчика въ бѣлыхъ перчаткахъ за столомъ, да?

— Да, — отвѣтилъ покорно и печально Балунскій.

— Ну, вотъ, видите: я это угадалъ заранѣе. Въ вашемъ поколѣніи, дѣйствительно, было что-то романтическое. Оно и понятно. Конскія ярмарки, гусары, цыганки, шампанское... Били васъ когда-нибудь?

— Да, послѣ Лебядинской ярмарки я лежалъ въ Тамбовѣ цѣлый мѣсяцъ. Можете себѣ представить, даже облысѣлъ — всѣ волосы вылѣзли. Этого со мной не случалось до тѣхъ поръ, пока около меня былъ князь Кудуковъ. Онъ работалъ у меня изъ десяти процентовъ. Надо сказать, что болѣе сильнаго физически человѣка я не встрѣчалъ въ жизни. Насъ прикрывалъ и его титулъ и сила. Кромѣ того онъ былъ человѣкомъ необыкновенной смѣлости. Онъ сидѣлъ, насасывался тенерифомъ въ буфетѣ, и когда слышалъ шумъ въ игральной комнатѣ, то приходилъ меня выручать. Охъ, какой тарарамъ мы съ нимъ закатили въ Пензѣ. Подсвѣчники, зеркала, люстры...

— Онъ спился? — спросилъ вскользь студентъ.

— Откуда вы это знаете? — спросилъ съ удивленіемъ Балунскій.

— Да оттуда... Поступки людей крайне однообразны. Право, иногда скучно становится жить.

Послѣ долгаго молчанія Балунскій спросилъ:

— А отчего вы сами играете?

— Право, я и самъ этого не знаю, — сказалъ съ печальнымъ вздохомъ студентъ. — Вотъ я далъ себѣ честное слово не играть ровно три года. И два года я воздерживался, а сегодня меня почему-то взмыло. И, увѣряю васъ — мнѣ это противно. Деньги мнѣ не нужны.

— Вы ихъ сохраняете?

— Да, нѣсколько тысячъ. Раньше я думалъ, что сумѣю ими когда-нибудь воспользоваться. Но время пробѣжало какъ-то нелѣпо-быстро. Часто я спрашиваю себя—

чего мнѣ хочется? Женщинами я пресытился. Чистая любовь, бракъ, семья—мнѣ недоступны, или, вѣрнѣе сказать, я въ нихъ не вѣрю. Ѣмъ я чрезвычайно умѣренно и ничего не пью. Копить на старость? Но что̀ я буду дѣлать въ старости? У другихъ есть утѣшеніе — религія. Я часто думаю: ну, вотъ пускай меня сдѣлаютъ сегодня королемъ, императоромъ... Чего я захочу? Честное слово — не знаю. Мнѣ нечего даже желать.

Монотонно журчала вода, разсѣкаемая пароходомъ. Свѣтло, печально и однообразно лила свой свѣтъ луна на бѣлыя стѣнки парохода, на рѣку, на дальніе берега. Пароходъ проходилъ узкимъ, мелкимъ мѣстомъ... «Шесть... ше-е-сть съ половиной!.. Подъ таба-а-къ!»— кричалъ на носу водоливъ.

— Но какъ вы играете? — спросилъ робко Балунскій.

— Да никакъ, — отвѣтилъ лѣниво студентъ. — Я играю не на картахъ, а на человѣческой глупости. Я вовсе не шулеръ. Я никогда ни накалываю ни отмѣчаю колоду. Я только знакомлюсь съ рубашкой и потому играю всегда вторымъ сортомъ. Вѣдь все равно, послѣ двухъ-трехъ сдачъ я буду знать каждую карту, потому что зрительная память у меня феноменальна. Но я не хочу понапрасну тратить энергію мозга. Я твердо убѣжденъ, что если человѣкъ захочетъ быть одураченнымъ, то несомнѣнно онъ и будетъ одураченъ. И я зналъ заранѣе судьбу сегодняшней игры.

— Какимъ образомъ?

— Просто. Напримѣръ: земскій начальникъ тщеславный и глупый дуракъ, простите за плеоназмъ. Жена дѣлаетъ съ нимъ все, что̀ хочетъ. А она женщина страстная, нетерпѣливая и, кажется, истеричная. Мнѣ нужно было обоихъ ихъ втравить въ игру. Онъ дѣлалъ глупости, а она на зло вдвое. Такимъ манеромъ они пропустили тотъ моментъ, когда имъ шло натуральное счастье.

Они имъ не воспользовались. Они стали отыгрываться тогда, когда счастье повернулось къ нимъ спиной. Но за десять минутъ до этого они могли бы меня оставить безъ штановъ.

— Неужели это возможно разсчитать? — спросилъ тихо Балунскій.

— Конечно. Теперь другой случай. Это полковникъ. У этого человѣка широкое, неистощимое счастье, котораго онъ самъ не подозрѣваетъ. И это потому, что онъ широкій, небрежный, великодушный человѣкъ. Ей-Богу, мнѣ было немножко неловко его потрошить. Но уже нельзя было остановиться. Дѣло въ томъ, что меня раздражали эти три жидочка.

— Не вытерпѣлъ — зажглося ретивое? — спросилъ стихомъ изъ Лермонтова старый шулеръ.

Студентъ заскрипѣлъ зубами, и лицо его оживилось немного.

— Совершенно вѣрно, — сказалъ онъ презрительно. — Именно, не вытерпѣлъ. Судите сами: они сѣли на пароходъ, чтобы стричь барановъ, но у нихъ нѣтъ ни смѣлости, ни риска, ни хладнокровія. Когда онъ мнѣ передавалъ колоду, я сейчасъ же замѣтилъ, что у него руки холодныя и трясутся. «Эге, голубчикъ, у тебя сердце прыгаетъ!» Игра-то ихъ была для меня совершенно ясна. Партнеръ слѣва, тотъ, у котораго бородавочка на губѣ заросла волосами, дѣлалъ готовую накладку. Это было ясно, какъ апельсинъ. Нужно было ихъ разсадить, и поэтому-то — тутъ студентъ заговорилъ скороговоркой — я и прибѣгнулъ, cher maître, къ вашему просвѣщенному содѣйствію. И я долженъ сказать, что вы вполнѣ корректно выполнили мою мысль. Позвольте вамъ вручить вашу долю.

— О, зачѣмъ такъ много?

— Пустяки. Вы мнѣ окажете еще одну услугу.

— Слушаю.

— Вы твердо помните лицо земской начальницы?

— Да.

— Такъ вы пойдете къ ней и скажете: деньги ваши были выиграны совершенно случайно. Вы даже можете ей сказать, что я шулеръ. Да, но, понимаете, въ этакомъ возвышенномъ байроновскомъ духѣ. Она клюнетъ. Деньги она получитъ въ Саратовѣ, въ Московской гостиницѣ, сегодня въ шесть часовъ вечера, отъ студента Држевецкаго. Номеръ первый.

— Это, стало-быть, сводничество? — спросилъ Балунскій.

— Зачѣмъ такія кислыя слова? Не проще ли: услуга за услугу.

Балунскій всталъ, потоптался на мѣстѣ, снялъ шляпу. Наконецъ сказалъ неувѣренно:

— Это я сдѣлаю. Это, положимъ, пустяки. Но, можетъ-быть, я вамъ понадоблюсь, какъ машинистъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ студентъ. — Это старая манера дѣйствовать скопомъ. Я одинъ.

— Одинъ? Всегда одинъ?

— Конечно. Кому я могу довѣриться? — возразилъ студентъ со спокойной горечью. — Если я увѣренъ, положимъ, въ вашей товарищеской честности, понимаете, въ каторжной честности, — то я не увѣренъ въ крѣпости вашихъ нервовъ. Другой и смѣлъ, и некорыстолюбивъ, и вѣрный другъ, но... до первой шелковой юбки, которая сдѣлаетъ его свиньей, собакой и предателемъ! А шантажи? Вымогательства? Клянченье на старость? На инвалидность?.. Эхъ!..

— Я вамъ удивляюсь, — сказалъ Балунскій тихо. — Вы — новое поколѣніе. У васъ нѣтъ ни робости, ни жалости, ни фантазіи... Какое-то презрѣніе ко всему. Неужели въ этомъ только и заключается вашъ секретъ?

— Въ этомъ. Но также и въ большомъ напряженіи воли. Вы мнѣ можете вѣрить или не вѣрить, — это мнѣ все равно, — но я сегодня разъ десять заставлялъ усиліемъ воли, чтобы полковникъ ставилъ маленькіе куши, когда ему слѣдовало ставить большіе. Мнѣ это не легко... У меня сейчасъ чудовищно болитъ голова. И потомъ... Потомъ я не знаю, не могу себѣ представить, что̀ это значитъ быть прибитымъ, или раскиснуть отъ замѣшательства. Органически я лишенъ стыда и страха, а это вовсе не такъ весело, какъ кажется съ перваго взгляда. Я, правда, ношу съ собой постоянно револьверъ, но зато ужъ повѣрьте, что въ критическую минуту я о немъ не забуду. Однако... — студентъ дѣланно зѣвнулъ и протянулъ Балунскому руку усталымъ движеніемъ:—однако до свиданія, генералъ. Вижу, у васъ глаза смыкаются...

— Всего лучшаго, — сказалъ почтительно старый шулеръ, склоняя свою сѣдую голову.

Балунскій ушелъ спать. Студентъ, сгорбившись, долго глядѣлъ усталыми, печальными глазами на волны, игравшія, какъ рыбья чешуя. Среди ночи вышла на палубу Кострецова. Но онъ даже не обернулся въ ея сторону.

Оглавленіе

V ТОМА.

Повѣсти и разсказы.

стр.

Гранатовый браслетъ 3

Листригоны.

I. Тишина 64

II. Макрель 68

III. Воровство 73

IV. Бѣлуга 78

V. Господня рыба. Апокрифическое сказаніе 85

VI. Бора 89

VII. Водолазы 94

VIII. Бѣшеное вино 115

Олеся. Повѣсть 122

Морская болѣзнь 218

Обида. Истинное происшествіе 250

Осенніе цвѣты. Разсказъ 272

Къ славѣ 284

Безъ заглавія 325

Ученикъ 329

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп , № 29.

ПОЛУБОГЪ.

I.

Шелъ «Гамлетъ».

Всѣ билеты были распроданы еще утромъ. Публику болѣе всего привлекало то, что въ заглавной роли выступалъ знаменитый Костромской, который лѣтъ десять тому назадъ началъ свою артистическую карьеру въ этомъ же театрѣ въ качествѣ простого статиста-любителя, а потомъ, объѣхавъ всю Россію, въ самое короткое время завоевалъ себѣ такую оглушительную славу, какой до него не добивался еще ни одинъ провинціальный актеръ. Правда, за послѣдній годъ носились и даже проникали въ печать темные, маловѣроятные слухи о томъ, что безшабашное пьянство и развратъ совершенно расшатали и разрушили гигантскій талантъ Костромского, что онъ только по разбѣгу продолжаетъ пользоваться плодами прошлогоднихъ успѣховъ, что антрепренеры частныхъ столичныхъ сценъ уже не съ такимъ рабскимъ искательствомъ соглашаются на его стѣснительныя условія. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ этихъ слухахъ и была доля правды. Однако такова была сила имени Костромского, что три дня подъ рядъ публика длиннымъ хвостомъ стояла у кассы театра, несмотря на бенефисныя цѣны;

барышники же продавали билеты за тройную, четверную и даже пятерную сумму.

Явленіе первое не шло, и сцена уже была готова ко второму. Газъ еще не зажигали. Декораціи королевскаго дворца висѣли странными, грубыми, пестрыми картонами.

Публика понемногу наполняла зрительную залу. Изъ-за занавѣса доносился смутный и однообразный ропотъ.

Костромской сидѣлъ передъ зеркаломъ въ своей уборной. Онъ только-что пришелъ и уже одѣлся въ традиціонный костюмъ датскаго принца — черное трико, ботинки съ пряжками и черный бархатный камзолъ съ кружевнымъ широкимъ воротникомъ. Театральный парикмахеръ стоялъ около него въ подобострастной позѣ, держа въ рукахъ парикъ-блондинъ съ длинными локонами.

— «...Онъ тученъ и задыхается...» — произнесъ Костромской, растеревъ на ладоняхъ кольдкремъ и начиная намазывать имъ лицо.

Парикмахеръ вдругъ засмѣялся.

— Ты чему, дуракъ? — спросилъ актеръ, не отрывая глазъ отъ зеркала.

— Да я... такъ-съ... ничему-съ...

— Ну, вотъ и видно, что дуракъ. Они говорятъ, что я потолстѣлъ и обрюзгъ. А самъ Шекспиръ сказалъ про Гамлета, что онъ тученъ и задыхается. Всѣ они — мерзавцы, эти писаки газетные. Лаютъ на вѣтеръ.

Покончивъ съ кольдкремомъ, Костромской такимъ же образомъ растеръ по лицу тѣлесную краску. Теперь онъ внимательнѣе вглядывался въ зеркало.

«Правда, гримъ — великая штука, а все-таки лицо уже не то, что̀ прежде. Вотъ и подъ глазами мѣшки, а вокругъ рта глубокія складки... щеки опухли... носъ утерялъ благородныя формы. Ну, да мы еще повоюемъ... Кинъ пилъ, Мочаловъ пилъ... наплевать! Пусть говорятъ и про Костромского, что онъ отъ пьянства обрюзгъ. А

вотъ Костромской покажетъ сейчасъ этимъ молодымъ... подсоскамъ этимъ... покажетъ, что̀ можетъ сдѣлать настоящій талантъ».

— Ты, эѳіопъ, видѣлъ меня когда-нибудь?—обратился вдругъ Костромской къ парикмахеру.

Тотъ весь затрепеталъ отъ удовольствія.

— Помилуйте, Александръ Евграфычъ... Да я... Господи... Перваго, можно сказать, русскаго артиста, да чтобы я не видѣлъ? Въ Казани собственными руками для васъ парики изготовлялъ.

— Чортъ тебя знаетъ... не помню, — произнесъ Костромской, проводя вдоль носа бѣлилами узкую и длинную черту:—много васъ было... Налей-ка!

Парикмахеръ налилъ полстакана водки изъ графина, стоявшаго на мраморномъ подзеркальникѣ, и подалъ Костромскому.

Артистъ выпилъ, сморщился и плюнулъ на полъ.

— Вы бы закусывали, Александръ Евграфычъ,—нѣжно посовѣтовалъ пьяница-парикмахеръ:—а то, ежели ее голую... такъ въ голову вдаряетъ крѣпко...

Костромской почти кончилъ гримироваться; еще нѣсколько штриховъ коричневой краски, и «облака печали легли на его измѣнившемся и облагородившемся лицѣ».

— Давай плащъ! — приказалъ онъ парикмахеру, поднимаясь со стула.

Изъ зрительной залы уже доносились въ уборную звуки настраиваемыхъ инструментовъ оркестра.

Толпа все прибывала. Изъ-за стѣнъ слышно было, какъ она живымъ потокомъ вливалась въ театръ, растекалась по ложамъ, партеру и галлереямъ, съ топотомъ и съ тѣмъ же своеобразнымъ гуломъ отдаленнаго моря.

— Давно такого сбора не было, — замѣтилъ съ подобострастнымъ восторгомъ парикмахеръ: — н-ни одного мѣстечка!

Костромской вздохнулъ.

Еще увѣренный въ своемъ громадномъ талантѣ, еще полный откровеннаго самообожанія и безграничной артистической гордости, онъ уже смутно, почти не смѣя самому себѣ въ этомъ сознаться, чувствовалъ, какъ начинаютъ увядать его лавры. Прежде, бывало, онъ и въ театръ не соглашался ѣхать, если ему антрепренеръ не привезетъ въ номеръ условленной полутысячи разовыхъ, а то и прямо раскапризничается въ серединѣ спектакля и уѣдетъ домой, обругавъ на чемъ свѣтъ стоитъ и директора, и режиссера, и всю труппу

Замѣчаніе парикмахера очень живо и больно напомнило ему эти годы колоссальнаго, сказочнаго успѣха. Теперь уже ни одинъ антрепренеръ не привезъ бы ему денегъ впередъ, да и самъ онъ объ этомъ не рѣшился бы заговорить.

— Налей! — приказалъ Костромской парикмахеру.

Больше въ графинѣ уже ничего не оставалось. Однако вино возбудило артиста. Глаза его, на которыхъ нижнія и верхнія вѣки были подведены тонкими и рѣзкими черными чертами, ожили и увеличились, согнутый станъ выпрямился, въ опухшихъ ногахъ, плотно стянутыхъ трико, появились упругость и сила.

Окончивъ туалетъ, онъ привычной рукой быстро прошелся по лицу пуховкой, обмакнутой въ пудру, поглядѣлъ, слегка прищуривъ глаза, въ послѣдній разъ въ зеркало и вышелъ изъ своей уборной.

Когда медленной, самоувѣренной походкой, высоко поднявъ голову, спускался онъ съ лѣстницы — каждое его движеніе казалось проникнутымъ той легкой и граціозной простотой, которой онъ, бывшій приказчикъ суровской лавки, приводилъ въ Москвѣ въ изумленіе видѣвшихъ его актеровъ французской труппы.

II.

Навстрѣчу Костромскому уже мчался сценаріусъ.

Въ зрительной залѣ ярко и весело вспыхнулъ газъ. Нестройный хаосъ оркестра вдругъ смолкъ. Гулъ толпы на мгновеніе прокатился сильнѣе и вдругъ точно ослабѣлъ.

Раздались звуки торжественнаго и громкаго марша.

Костромской подошелъ къ занавѣсу и приложилъ глазъ къ продѣланной въ немъ на высотѣ человѣческаго роста маленькой круглой дырочкѣ. Театръ былъ переполненъ. Только въ первыхъ трехъ рядахъ можно было разсмотрѣть лица. А дальше, куда только ни обращался глазъ,—налѣво, направо, вверху, внизу,—колыхалась въ какомъ-то синеватомъ туманѣ бездна пестрыхъ человѣческихъ пятенъ. Только бѣлые съ золотыми арабесками и бархатными малиновыми барьерами бока ложъ выступали изъ этой волнующейся тьмы. Но, глядя сквозь дырку въ занавѣсѣ, Костромской не нашелъ въ своей душѣ ощущенія — прежде такъ знакомаго и всегда одинаково свѣжаго и могучаго ощущенія — мгновеннаго и радостнаго подъема всѣхъ нравственныхъ силъ. Вотъ уже ровно годъ, какъ онъ пересталъ испытывать его, объяснялъ свое равнодушіе привычкой къ сценѣ и не подозрѣвалъ, что это — начинающійся параличъ истрепанной и усталой души.

На сцену влетѣлъ режиссеръ, весь красный, въ поту, со взъерошенными волосами

— Чортъ! Идіотство! Все къ чорту пошло! Зарѣзали! — вопилъ онъ неистовымъ голосомъ, подбѣгая къ Костромскому. — Эй, вы, дьяволы, давай занавѣсъ! Выйду и анонсирую сейчасъ, что спектакля не будетъ. Нѣтъ Офеліи! Понимаете? Вѣдь Офеліи нѣтъ!

— То-есть какъ это Офеліи нѣтъ? — изумился Костромской и нахмурилъ брови. — Да вы шутите, что ли, мой другъ?

— Вовсе мнѣ не до шутокъ, — огрызнулся режиссеръ. — Вотъ сейчасъ только, за пять минутъ всего, полюбуйтесь-ка, что̀ эта идіотка пишетъ! «Угорѣла, лежу въ постели и играть не могу». А? Нѣтъ, каково вамъ это покажется? Это, батенька, не фунтъ изюму, съ вашего позволенія, а отмѣна спектакля.

— Замѣните же ее кѣмъ-нибудь, — вспыхнулъ Костромской. — Какое мнѣ дѣло до ея фокусовъ?

— А вотъ извольте замѣнить: Боброва — Гертруда, Марковичъ и Смоленская — свободны и уѣхали съ драгунами за городъ. Не комическую же старуху заставить играть сейчасъ Офелію? Какъ вы думаете? Или вотъ еще, если угодно, — дѣвица на выходахъ, не предложить ли ей?

Онъ прямо ткнулъ пальцемъ на проходившую по сценѣ дѣвушку въ скромной шубкѣ и барашковой шапочкѣ, съ блѣднымъ нѣжнымъ личикомъ и большими синими глазами.

Дѣвушка, удивленная этимъ неожиданнымъ обращеніемъ, остановилась.

— Кто это? — освѣдомился вполголоса Костромской, пытливо вглядываясь въ лицо дѣвушки.

— Юрьева. Тутъ у насъ на выходахъ. Страстью къ драматическому искусству воспылала, изволите ли видѣть! — отвѣтилъ режиссеръ громко и совершенно не стѣсняясь.

— Послушайте-ка, Юрьева, вы «Гамлета» читали когда-нибудь? — спросилъ Костромской, приближаясь къ ней.

— Конечно, читала, — произнесла дѣвушка тихимъ, смущеннымъ голосомъ.

— Могли бы сыгра̀ть вотъ сейчасъ Офелію?

— Я ее знаю наизусть, но не знаю, въ состоянiи ли сыграть.

Костромской подошелъ вплотную къ ней и взялъ ее за руку.

— Видите ли... Милевская отказалась играть, а театръ переполненъ. Рѣшайтесь, голубушка! Вы насъ всѣхъ выручите!

Юрьева колебалась и молчала, хотя ей хотѣлось сказать много, очень много знаменитому артисту. Онъ впервые, года три тому назадъ, своей удивительной игрой пробудилъ въ ея молодомъ сердцѣ, самъ, конечно, того не подозрѣвая, неудержимое влеченiе къ сценѣ. Она не пропускала ни одного спектакля, въ которомъ онъ принималъ участiе, и часто послѣ того, какъ видѣла его въ «Кинѣ», или въ «Семьѣ преступника», или въ «Урiэлѣ Акоста», она плакала по ночамъ. Величайшимъ и никогда, повидимому, недостижимымъ счастьемъ она считала тогда возможность... не говорить съ Костромскимъ, нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ она не смѣла и мечтать, а только видѣть его вблизи, въ обыденной обстановкѣ.

Это обожанiе не исчезло и до сихъ поръ, и только такой избалованный славой и пресыщенный женскимъ вниманiемъ артистъ, какъ Костромской, могъ не замѣтить во время репетицiй двухъ синихъ большихъ глазъ, постоянно слѣдившихъ за нимъ съ неотступнымъ и откровеннымъ обожанiемъ.

— Ну, такъ какъ же? Можно принять ваше молчанiе за согласiе? — настаивалъ Костромской, съ пытливой лаской заглядывая въ лицо дѣвушкѣ и придавая своему нѣсколько носовому голосу ту неотразимую задушевность, передъ которой—онъ зналъ!—невозможно устоять женщинѣ.

Рука Юрьевой дрогнула въ рукѣ артиста, рѣсницы ея глазъ опустились, и она отвѣтила покорно:

— Хорошо! Я сейчасъ одѣнусь.

III.

Занавѣсъ поднялся, и, какъ только публика увидѣла своего любимца, театръ задрожалъ отъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ.

Костромской, стоя около трона короля, много разъ раскланивался, прижимая руку къ сердцу и обводя взоромъ ярусы театра съ верху до низу.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, королю удалось, воспользовавшись моментомъ, когда шумъ нѣсколько утихъ, возвысить голосъ и начать свой монологъ:

„Сколько намъ ни драгоцѣнна память брата,
Похищеннаго смертью, и прилично бъ было
Предаться скорби о его потерѣ,
Но благо общее и мудрость наша
Заставили насъ поступить иначе...“

Энтузіазмъ толпы взволновалъ Костромского, и когда король, обращаясь къ нему, назвалъ его братомъ и любезнымъ сыномъ, то слова Гамлета:

„Побольше брата и поменьше сына...“

прозвучали такой мрачной ироніей и скорбью, что невольный трепетъ пробѣжалъ по сердцамъ зрителей.

И на лицемѣрное утѣшеніе королевы Гертруды:

„Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ, умирать“,

онъ медленно, съ упрекомъ поднялъ на нее свои длинныя, до сихъ поръ низко опущенныя рѣсницы, а затѣмъ отвѣтилъ, слегка покачивая головой:

„Да, королева,—всѣмъ живущимъ умирать,
Таковъ нашъ жребій“.

Послѣ этихъ словъ, проникнутыхъ тоской по умершемъ отцѣ, отвращеніемъ къ жизни, покорившейся предъ рокомъ, и горькой насмѣшкой надъ легкомысліемъ ма-

тери, Костромской почувствовалъ особымъ, тонкимъ, необъяснимымъ чутьемъ опытнаго актера, что теперь публика всецѣло принадлежитъ ему, потому что между нимъ и ею образовалась неразрывная связь.

Казалось, никогда и никто не произносилъ еще съ такой удивительной силой отчаянія монологъ, который Гамлетъ говоритъ по уходѣ короля и королевы:

„Для чего ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!“

Носовой голосъ Костромского сдѣлался гибокъ и послушенъ. Онъ то звенѣлъ мощнымъ металломъ, то спускался до нѣжнаго бархатнаго полушопота, то переходилъ въ рыданія, едва сдерживаемыя усиліями воли.

И театръ взревѣлъ, когда съ простымъ и изящнымъ жестомъ Костромской проговорилъ послѣднія слова:

„Но сокрушайся, сердце
Когда языкъ мой говорить не смѣетъ!“

— Нѣтъ-съ, публика знаетъ Костромского, и Костромской знаетъ публику, — сказалъ артистъ, выходя послѣ перваго акта за кулисы. — Эй, ты, крокодилъ, водки! — обратился онъ тотчасъ же къ подошедшему парикмахеру.

IV.

— Ну, что̀ же, папаша, развѣ, по вашему мнѣнію, не хорошъ? — спросилъ маленькій актеръ на выходахъ у Яковлева, патріарха провинціальныхъ театровъ, игравшаго сегодня короля.

Оба стояли на лѣстницѣ, ведущей изъ уборной на сцену.

Яковлевъ пожевалъ своими толстыми, отвисшими губами.

— Хорошъ! Хорошъ-то хорошъ, а все-таки... мальчикъ. Кто видѣлъ въ «Гамлетѣ» Мочалова, того, бра-

тецъ ты мой, уже ничѣмъ не удивишь. А я, братецъ мой, еще вотъ такимъ поросенкомъ, какъ ты, былъ, когда удостоился этого счастья. И когда умирать буду, такъ вспомню этотъ самый мигъ, какъ блаженнѣйшій въ моей жизни. Понимаешь ли, когда на сценѣ онъ вставалъ съ полу и говорилъ: «Оленя ранили стрѣлой», такъ зрители, какъ одинъ человѣкъ, поднимались, не смѣя дохнуть, со своихъ мѣстъ. А вотъ ты нарочно посмотри, что̀ онъ сдѣлаетъ въ этой сценѣ.

— Очень ужъ вы строги, Валерій Николаичъ.

— Ничего не строгъ. Да вы и смотрѣть-то, по правдѣ говоря, не умѣете. Ты думаешь, я на кого гляжу?

— А на кого-съ?

— Ты посмотри-ка, братецъ мой, на Офелію... Вотъ это — актриса!

— Да вѣдь она, Валерій Николаичъ, на выходахъ.

— Идіотъ! Ты вѣдь, небось, и не замѣтилъ, какъ она это сказала:

„Онъ о любви мнѣ говорилъ, но такъ
Былъ нѣженъ, такъ почтителенъ и робокъ!“

Конечно, не замѣтилъ. А я вотъ скоро тридцатый годъ на сценѣ и скажу тебѣ, что еще ничего подобнаго не слыхалъ. Это — талантъ. И помяни мое слово, что ее въ четвертомъ актѣ публика такъ приметъ, что твоему Костромскому жарко сдѣлается. То-то!

V.

Трагедія шла. Предсказаніе патріарха, повидимому, сбывалось. Увлеченія Костромского хватило только на первый актъ. Его уже не могли возбудить вторично ни вызовы, ни рукоплесканія, ни зрѣлище громадной толпы поклонниковъ, набившейся за кулисы и съ нѣжнымъ благоговѣніемъ созерцавшей его. У него теперь въ его рас-

поряженіи оставался лишь крошечный запасъ той энергіи и чувствъ, которыя онъ всего года два-три тому назадъ разбрасывалъ съ царственной щедростью въ каждой сценѣ.

Костромской, опьяненныи первымъ шумнымъ крикомъ, который ему сдѣлала публика, уже растратилъ въ первомъ дѣйствіи этотъ незначительный запасъ. Его воля ослабла, приподнятые нервы размякли, и даже усиленные пріемы алкоголя не могли оживить ихъ. Незримая связь, возникшая сначала между нимъ и публикой, постепенно таяла, и хотя послѣ второго акта зрители аплодировали такъ же искренно, какъ и въ концѣ перваго, но было ясно, что аплодируютъ уже не ему, а обаянію его знаменитаго имени.

Зато съ каждымъ своимъ выходомъ выдвигалась впередъ Офелія — Юрьева. Съ этой незамѣтной актриской, исполнявшей до сихъ поръ самыя невыигрышныя роли наперсницъ и гостей, точно произошло какое-то чудо. Казалось, она цѣликомъ воплотилась въ обликъ дочери Полонія — нѣжной, кроткой и послушной дѣвушки, съ ея глубокими чувствами и сильной любовью, съ ея душой, отравленной ядомъ печали.

Юрьевой еще не рукоплескали, но за ней уже слѣдили, и, когда она появлялась на сценѣ, театръ внимательно смолкалъ. Сама того не подозрѣвая, она боролась съ великимъ артистомъ, вырывая у него вниманіе толпы и успѣхъ, а зрители такъ же безсознательно слѣдили за этой борьбой.

Третій актъ былъ роковымъ для Костромского.

Въ немъ появленію Гамлета предшествуетъ короткая сценка, въ которой король и Полоній условливаются, спрятавшись, подслушать разговоръ Гамлета съ Офеліей, чтобы судить о настоящей причинѣ безумія принца. Костромской вышелъ изъ-за кулисъ медленными шагами, со

скрещенными на груди руками, съ низко упавшей головой, съ чулкомъ, развязавшимся и спустившимся на правой ногѣ.

„Быть или не быть—вотъ въ чемъ вопросъ!“—

произнесъ онъ едва слышно, весь погруженный въ тяжелую задумчивость, не замѣчая Офеліи, стоявшей въ глубинѣ сцены съ раскрытой книгой въ рукахъ.

Этотъ пресловутый монологъ былъ всегда въ исполненіи Костромского лучшимъ мѣстомъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ этомъ же городѣ, на этой же самой сценѣ, послѣ того, какъ Костромской заканчивалъ монологъ воззваніемъ къ Офеліи, въ театрѣ наступала на нѣсколько мгновеній та странная, чудная тишина, которая говоритъ краснорѣчивѣе самыхъ шумныхъ аплодисментовъ. Зато потомъ какой восторгъ охватывалъ всѣхъ зрителей, начиная отъ скромнаго посѣтителя послѣдняго ряда галлереи и кончая изысканнымъ обществомъ ложъ бенуара!..

Увы, теперь и самъ Костромской и публика оставались холодными, хотя онъ и не чувствовалъ этого.

„Ужасное сознанье робкой думы!
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,
И смѣлость быстраго порыва гибнетъ,
И мысль не переходитъ въ дѣло“,—

читалъ онъ, жестикулируя и перемѣняя интонацію по старой памяти, и ему казалось, что вотъ сейчасъ онъ замѣтитъ Офелію, упадетъ передъ ней на колѣни, произнесетъ послѣднія слова, и театръ заплачетъ и закричитъ въ сладкомъ безуміи.

И вотъ онъ замѣтилъ Офелію, обернулся къ зрителямъ съ осторожнымъ предупрежденіемъ: «тише!», затѣмъ, быстро перейдя черезъ всю сцену, опустился на колѣни и воскликнулъ:

„Офелія! О, нимфа,
Помяни грѣхи мои въ молитвахъ!“

и тотчасъ же всталъ, ожидая взрыва рукоплесканій.

Но рукоплесканій не было. Публика недоумѣвала, оставалась холодна и все вниманіе перенесла на Офелію.

Костромской нѣсколько секундъ ничего не могъ сообразить, и только, когда услышалъ около себя нѣжный женскій голосъ, спрашивавшій его: «Принцъ, здоровы ли вы?»—голосъ, въ которомъ дрожали слезы сожалѣнія о погибшей любви,—онъ сразу, въ одинъ мигъ понялъ все.

Это былъ моментъ страшнаго просвѣтлѣнія. Костромской ярко и безпощадно созналъ: и равнодушіе публики, и собственное безвозвратное паденіе, и безусловно близкій конецъ своей шумной, но короткой славы.

О, съ какой ненавистью взглянулъ онъ на эту дѣвушку, такую стройную, прекрасную, невинную и—онъ мучительно чувствовалъ это — такую талантливую! Ему захотѣлось броситься на нее, ударить, свалить на землю, истоптать ногами это нѣжное лицо съ большими синими глазами, смотрѣвшими на него съ любовью и жалостью. Но онъ сдержалъ себя и упавшимъ голосомъ отвѣтилъ:

„Благодарю покорно, я—здоровъ“.

Послѣ этой сцены Костромского вызывали; но онъ слышалъ, что гораздо громче, чѣмъ его имя, раздавалось съ галлереи, переполненной студентами, имя Юрьевой, которая однако отказалась выйти.

VI.

Странствующіе актеры играли «Убійство Гонзаго». Костромской, въ сторонѣ отъ придворныхъ, полулежалъ на землѣ, прислонясь головой къ колѣнамъ Офеліи. Вдругъ онъ поднялъ лицо кверху и, обдавая Юрьеву запахомъ вина, прошепталъ пьянымъ голосомъ:

— Послушайте, мадамъ! Какъ васъ? Послуште!

Она слегка наклонилась къ нему и отозвалась также шопотомъ:

— Что̀?

— Какія у васъ красивыя ноги! Послуште... Вообще вы вся... этакая милочка.

Юрьева молча отвернула отъ него лицо.

— Ей-Богу, милочка, — не унимался Костромской. — Скажите, у васъ въ трушѣ навѣрно есть любовникъ?

Она продолжала молчать.

Костромскому хотѣлось какъ можно сильнѣе обидѣть ее, сдѣлать ей больно, и молчаніе еще больше раздражало его.

— Есть? Это оч-чень, оч-чень глупо съ вашей стороны. Такая мордочка, какъ у васъ, цѣлый капиталъ... Актриса вѣдь вы — простите за откровенность — никакая. Что̀ же вамъ на сценѣ-то дѣлать?

Къ счастью, ему нужно было давать реплику. Онъ оставилъ Юрьеву въ покоѣ, и она отодвинулась отъ него. На глазахъ у нея показались слезы. Въ лицѣ Костромского она почувствовала безпощаднаго и завистливаго врага.

А Костромской ослабѣвалъ съ каждымъ явленіемъ, и когда кончился актъ, то ему пришлось довольствоваться весьма жидкими аплодисментами. Да и аплодировали только свои.

VII.

Начался четвертый актъ. Какъ только безумная Офелія вбѣжала на сцену въ бѣломъ платьѣ, убранная соломой и цвѣтами, смутный ропотъ пробѣжалъ по рядамъ, и вслѣдъ затѣмъ въ театрѣ наступила жуткая тишина.

И, когда Офелія запѣла нѣжнымъ и наивнымъ голосомъ свою пѣсенку о миломъ другѣ, странное духовс-

ніе пронеслось среди публики, точно общій тяжелый вздохъ вырвался изъ тысячи грудей.

„Моего вы знали ль друга?
Онъ былъ бравый молодецъ.
Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Даніи боецъ“.

— Ахъ, бѣдная Офелія! Что̀ ты поешь?—спросила ее съ участіемъ королева.

Безумные глаза Офеліи съ изумленіемъ остановились на королевѣ, точно она раньше не замѣчала ея.

— Что̀ я пою?—спросила она съ изумленіемъ.—Послушайте, какая пѣсня:

„Но далеко за морями,
Въ страшной онъ лежитъ могилѣ;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый,
Ложе—хладная земля“.

Во всемъ театрѣ больше уже не оставалось ни одного равнодушнаго зрителя, всѣ были охвачены однимъ общимъ чувствомъ, всѣ застыли, приковавшись глазами къ сценѣ.

Но пристальнѣе, жаднѣе всѣхъ слѣдилъ изъ-за кулисъ за каждымъ движеніемъ Офеліи Костромской. Въ его душѣ, въ этой больной и гордой душѣ, не знавшей никогда ни удержа ни предѣла своимъ прихотямъ и страстямъ, разгоралась теперь страшная, нестерпимая ненависть. Онъ чувствовалъ, что успѣхъ вечера окончательно вырвала изъ его рукъ эта блѣдная, скромненькая дѣвица на выходахъ. Хмель точно совсѣмъ вышелъ изъ его головы. Онъ еще не зналъ, чѣмъ разразится кипѣвшая въ немъ завистливая злоба, но съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода Юрьевой у среднихъ дверей.

«Все это будетъ хорошо, повѣрьте, только потерпите... А мнѣ хочется плакать, какъ подумаю, что его зарыли въ холодную землю, — слышалъ онъ проникнутыя безумной тоской слова Офеліи. — Братъ все это узна̀етъ,

а васъ благодарю за совѣтъ. Скорѣе карету! Доброй ночи, моя милая, доброй ночи!..»

Юрьева выбѣжала за кулисы, взволнованная, задыхающаяся, поблѣднѣвшая даже подъ гримомъ. Вслѣдъ ей неслись оглушительные крики зрителей. Въ дверяхъ она столкнулась съ Костромскимъ. Онъ умышленно не посторонился, но Юрьева, ударившись плечомъ о его плечо, даже не замѣтила этого: до такой степени она была возбуждена своей ролью и восторженною овацiей публики.

— Юрьева-а! Брав-о-о!...

Она вышла и раскланялась.

Возвращаясь вторично за кулисы, она опять лицомъ къ лицу столкнулась съ Костромскимъ, не дававшимъ ей дороги. Юрьева испуганно взглянула на него и робко сказала:

— Позвольте мнѣ пройти.

— Будьте осторожнѣе, молодая особа!—возразилъ онъ злобно и заносчиво.—Если вамъ хлопаетъ кучка какихъ-то идiотовъ, то это не значитъ, что вы можете безнаказанно толкаться!—И, видя ея молчаливый испугъ, онъ, еще болѣе раздраженный, грубо взялъ ее за руку, оттолкнулъ въ сторону и крикнулъ: — Да проходите же, чортъ возьми, окаменѣлость вы этакая!..

VIII.

Когда послѣ этой дерзкой выходки первоначальное озлобленiе Костромского нѣсколько утихло, онъ тотчасъ же ослабѣлъ, опустился и сталъ еще пьянѣе, чѣмъ прежде; онъ даже позабылъ, что пьеса еще не кончилась, ушелъ въ уборную, медленно раздѣлся и началъ лѣниво стирать гримъ вазелиномъ.

Режиссеръ, озадаченный его долгимъ отсутствiемъ, вбѣжалъ къ нему и остановился въ изумленiи.

— Александръ Евграфычъ! Помилуйте! Что̀ вы дѣлаете? Сейчасъ же вашъ выходъ!

— Оставьте меня, оставьте!—слезливо и въ носъ пробормоталъ Костромской, вытирая лицо полотенцемъ.—Я уже все сыгралъ... оставьте меня въ покоѣ!

— Да какъ же оставьте? Вы съ ума, что ли, сошли? Публика ждетъ.

— Оставьте же меня! — закричалъ Костромской.

Режиссеръ пожалъ плечами и вышелъ изъ уборной. Черезъ минуту занавѣсъ былъ опущенъ, и публика, узнавшая о внезапной болѣзни Костромского, стала расходиться молча и медленно, будто она только-что присутствовала на похоронахъ.

Она дѣйствительно возвращалась съ похоронъ громаднаго самобытнаго таланта, и Костромской былъ правъ, говоря, что онъ сыгралъ «все». Онъ сидѣлъ теперь одинъ, запершись на ключъ въ своей уборной, передъ зеркаломъ, между двумя горѣвшими съ легкимъ трескомъ газовыми рожками, и по старой привычкѣ тщательно вытиралъ лицо, размазывая по немъ пьяныя, но горькія слезы. Точно въ туманѣ вспоминался ему цѣлый рядъ блестящихъ тріумфовъ, сопровождавшихъ первые годы его карьеры. Вѣнки... букеты... тысячные подарки... вѣчные восторги толпы... лесть газетъ... зависть товарищей... баснословные бенефисы... обожаніе красивѣйшихъ женщинъ... Неужели все это прошло? Неужели его талантъ выдохся, исчезъ? Можетъ-быть, даже давно выдохся: годъ или два тому назадъ? А онъ, Костромской, что̀ же онъ теперь такое? Тема для грязныхъ закулисныхъ анекдотовъ, предметъ общихъ насмѣшекъ и недоброжелательства, человѣкъ, оттолкнувшій отъ себя всѣхъ близкихъ своей черствой мелочностью, эгоизмомъ, нетерпимостью и разнузданной заносчивостью... Кончено!

«И если бы Всесильный, — мелькало привычными обрывками въ умѣ Костромского: — не запретилъ грѣха самоубійства... О, Боже, Боже!..» — И жгучія, безсильныя слезы текли по его когда-то красивому лицу, смѣшиваясь съ несошедшей еще краской.

Уже всѣ актеры разошлись изъ театра, когда Костромской вышелъ изъ своей уборной. На сценѣ было почти темно. Нѣсколько рабочихъ возились, убирая послѣднія декораціи. Ощупью, нетвердыми шагами, пошелъ Костромской, минуя кучи наваленнаго всюду бутафорскаго хлама, къ выходу.

Вдругъ до его слуха донеслись сдержанныя, несомнѣнно женскія рыданія.

— Кто здѣсь? — окликнулъ Костромской и подошелъ къ углу, движимый неяснымъ побужденіемъ жалости.

Темная фигура не отвѣчала, только рыданія усилились.

— Кто тутъ плачетъ?—вторично съ испугомъ спросилъ Костромской и тотчасъ же узналъ въ рыдавшей Юрьеву.

Дѣвушка плакала, и ея худенькія плечи судорожно вздрагивали.

Странно. Первый разъ въ жизни черствое сердце Костромского внезапно наполнилось глубокой жалостью къ этой беззащитной, такъ несправедливо обиженной имъ дѣвушкѣ. Онъ положилъ руку на ея голову и заговорилъ теплымъ, проникновеннымъ голосомъ, не рисуясь и не позируя, противъ обыкновенія:

— Дитя мое! Я сегодня страшно оскорбилъ васъ. Прощенія я у васъ не прошу — я знаю, ничѣмъ нельзя искупить ваши слезы. Но если бы вы знали, что̀ происходитъ въ моей душѣ, можетъ-быть, вы бы простили и пожалѣли меня... Сегодня, только сегодня, я узналъ, что пережилъ свою славу. Какое горе можетъ сравниться

съ этимъ? Что̀ значитъ предъ этимъ потеря матери, любимаго ребенка, любовницы? Мы, артисты, живемъ страшными наслажденіями, мы живемъ и чувствуемъ за сотни, за тысячи зрителей, которые приходятъ насъ смотрѣть. Знаете ли вы... Ахъ, вѣдь вы поймете, что я не рисуюсь предъ вами!.. Да. Знаете ли вы, что въ послѣднія пять лѣтъ не было въ нашемъ актерскомъ мірѣ имени славнѣе моего. У ногъ моихъ, у ногъ безграмотнаго приказчика, лежала толпа. И вдругъ въ одно мгновенье кувыркомъ полетѣть съ этой чудовищной высоты!.. — Онъ закрылъ лицо руками. — Ужасно!

Теперь Юрьева уже перестала плакать и съ глубокимъ состраданіемъ глядѣла на Костромского.

— Видите ли, дорогая моя, — продолжалъ онъ, сжимая руками ея холодныя руки: — у васъ несомнѣнный и очень большой талантъ. Оставайтесь на сценѣ! Я не буду вамъ говорить разныя пошлости про зависть и интриги бездарностей, про двусмысленное покровительство театральныхъ меценатовъ, про сплетни того болота, которое называется обществомъ. Все это — вздоръ! Все это — ничто въ сравненіи съ тѣми дивными радостями, которыми даритъ насъ эта презрѣнная, эта обожаемая толпа. Но, — голосъ Костромского нервно задрожалъ: — не переживайте своей славы! Бѣгите со сцены тотчасъ же, какъ вы почувствуете, что угасаетъ въ васъ священный огонь! Не дожидайтесь, дитя мое, пока васъ прогонитъ сама публика.

И, быстро отвернувшись отъ Юрьевой, хотѣвшей что-то сказать ему и даже уже протянувшей вслѣдъ ему руки, онъ поспѣшно вышелъ со сцены.

— Послушайте, Александръ Евграфычъ, — догналъ его на подъѣздѣ режиссеръ: — идите же въ кассу получить деньги.

— Отвяжитесь отъ меня! — досадливо отмахнулся рукой Костромской. — Я кончилъ... Я все кончилъ.

ЛЕНОЧКА.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Крымъ, полковникъ генеральнаго штаба Возницынъ нарочно остановился на два дня въ Москвѣ, гдѣ прошли его дѣтство и юность. Говорятъ, что умныя животныя, предчувствуя смерть, обходятъ всѣ знакомыя, любимыя мѣста въ жильѣ, какъ бы прощаясь съ ними. Близкая смерть не грозила Возницыну, — въ свои сорокъ пять лѣтъ онъ былъ еще крѣпкимъ, хорошо сохранившимся мужчиной. Но въ его вкусахъ, чувствахъ и отношеніяхъ къ міру совершался какой-то незамѣтный уклонъ, ведущій къ старости. Самъ собою сузился кругъ радостей и наслажденій, явились оглядка и скептическая недовѣрчивость во всѣхъ поступкахъ, вывѣтрилась безсознательная, безсловесная звѣриная любовь къ природѣ, замѣнившись утонченнымъ смакованіемъ красоты, перестала волновать тревожнымъ и острымъ волненіемъ обаятельная прелесть женщины, а главное — первый признакъ душевнаго увяданія! — мысль о собственной смерти стала приходить не съ той прежней беззаботной и легкой мимолетностью, съ какой она приходила прежде, —точно долженъ былъ рано или поздно умереть не самъ онъ, а кто-то другой, по фамиліи Возницынъ,—а въ тяжелой, рѣзкой, жестокой, безповоротной и безпощадной ясности, отъ которой по ночамъ холодѣли волосы на головѣ и пугливо падало сердце. И

вотъ его потянуло побывать въ послѣдній разъ на прежнихъ мѣстахъ, оживить въ памяти дорогія, мучительно-нѣжныя, обвѣянныя такой поэтической грустью воспоминанія дѣтства, растравить свою душу сладкой болью по ушедшей навѣки невозвратимой чистотѣ и яркости первыхъ впечатлѣній жизни.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Два дня онъ разъѣзжалъ по Москвѣ, посѣщая старыя гнѣзда. Заѣхалъ въ пансіонъ на Гороховомъ полѣ, гдѣ когда-то съ шести лѣтъ воспитывался подъ руководствомъ классныхъ дамъ по фребелевской системѣ. Тамъ все было передѣлано и перестроено: отдѣленія для мальчиковъ уже не существовало, но въ классныхъ комнатахъ у дѣвочекъ попрежнему пріятно и заманчиво пахло свѣжимъ лакомъ ясеневыхъ столовъ и скамеекъ и еще чудеснымъ смѣшаннымъ запахомъ гостинцевъ, особенно яблоками, которыя, какъ и прежде, хранились въ особомъ шкапу на ключѣ. Потомъ онъ завернулъ въ кадетскій корпусъ и въ военное училище. Побывалъ онъ и въ Кудринѣ въ одной домовой церкви, гдѣ мальчикомъ-кадетомъ онъ прислуживалъ въ алтарѣ, подавая кадило и выходя въ стихарѣ со свѣчою къ Евангелію за обѣдней, но также кралъ восковые огарки, допивалъ «теплоту» послѣ причастниковъ и разными гримасами заставлялъ прыскать смѣшливаго дьякона, за что однажды и былъ торжественно изгнанъ изъ алтаря батюшкой, величественнымъ, тучнымъ старцемъ, поразительно похожимъ на запрестольнаго Бога-Саваоѳа. Проходилъ нарочно мимо всѣхъ домовъ, гдѣ когда-то онъ испытывалъ первыя наивныя и полудѣтскія томленія любви, заходилъ во дворы, поднимался по лѣстницамъ и почти ничего не узнавалъ — такъ все перестроилось и измѣнилось за цѣлую четверть вѣка. Но съ удивленіемъ и съ горечью замѣтилъ Возницынъ, что его опустошенная жизнью, очерствѣлая душа оставалась холодной и

неподвижной и не отражала въ себѣ прежней, знакомой печали по прошедшему, такой свѣтлой, тихой, задумчивой и покорной печали...

«Да, да, да — это старость, — повторялъ онъ про-себя и грустно кивалъ головою. — Старость, старость, старость... Ничего не подѣлаешь...»

Послѣ Москвы дѣла заставили его на сутки остановиться въ Кіевѣ, а въ Одессу онъ пріѣхалъ въ началѣ Страстной недѣли. Но на морѣ разыгрался длительный весенній штормъ, и Возницынъ, котораго укачивало при самой легкой зыби, не рѣшился садиться на пароходъ. Только къ утру Страстной субботы установилась ровная, безвѣтреная погода.

Въ шесть часовъ пополудни пароходъ «Великій Князь Алексѣй» отошелъ отъ мола Практической гавани. Возницына никто не провожалъ, и онъ былъ этимъ очень доволенъ, потому что терпѣть не могъ этой всегда немного лицемѣрной и всегда тягостной комедіи прощанія, когда, Богъ знаетъ зачѣмъ, стоишь цѣлыхъ полчаса у борта и напряженно улыбаешься людямъ, стоящимъ тоскливо внизу на пристани, выкрикиваешь изрѣдка театральнымъ голосомъ безцѣльныя и безсмысленныя фразы, точно предназначенныя для окружающей публики, шлешь воздушные поцѣлуи, и наконецъ-то вздохнешь съ облегченіемъ, чувствуя, какъ пароходъ начинаетъ грузно и медленно отваливать.

Пассажировъ въ этотъ день было очень мало, да и то преобладали третьеклассные. Въ первомъ классѣ, кромѣ Возницына, какъ ему объ этомъ доложилъ лакей, ѣхали только дама съ дочерью. «И прекрасно»,—подумалъ офицеръ съ облегченіемъ.

Все обѣщало спокойное и удобное путешествіе. Каюта досталась отличная — большая и свѣтлая, съ двумя диванами, стоявшими подъ прямымъ угломъ, и безъ верх-

нихъ мѣстъ надъ ними. Море, успокоившееся за ночь послѣ мертвой зыби, еще кипѣло мелкой частой рябью, но уже не качало. Однако къ вечеру на палубѣ стало свѣжо.

Въ эту ночь Возницынъ спалъ съ открытымъ иллюминаторомъ и такъ крѣпко, какъ онъ уже не спалъ много мѣсяцевъ, если не лѣтъ. Въ Евпаторіи его разбудилъ грохотъ паровыхъ лебедокъ и бѣготня по палубѣ. Онъ быстро умылся, заказалъ себѣ чаю и вышелъ наверхъ.

Пароходъ стоялъ на рейдѣ въ полупрозрачномъ молочно-розовомъ туманѣ, пронизанномъ золотомъ восходящаго солнца. Вдали чуть замѣтно желтѣли плоскіе берега. Море тихо плескалось о борта парохода. Чудесно пахло рыбой, морскими водорослями и смолой. Съ большого баркаса, приставшаго вплотную къ «Алексѣю», перегружали какіе-то тюки и бочки. «Майна, вира, вира по малу, стопъ!»—звонко раздавались въ утреннемъ чистомъ воздухѣ командныя слова.

Когда баркасъ отвалилъ и пароходъ тронулся въ путь, Возницынъ спустился въ столовую. Странное зрѣлище ожидало его тамъ. Столы, разставленные вдоль стѣнъ большимъ покоемъ, были весело и пестро убраны живыми цвѣтами и заставлены пасхальными кушаньями. Зажаренные цѣликомъ барашки и индѣйки поднимали высоко вверхъ свои безобразные голые черепа на длинныхъ шеяхъ, укрѣпленныхъ изнутри невидимыми проволочными стержнями. Эти тонкія, загнутыя въ видѣ вопросительныхъ знаковъ шеи колебались и вздрагивали отъ толчковъ идущаго парохода, и казалось, что какія-то странныя, невиданныя допотопныя животныя, въ родѣ бронтозавровъ или ихтіозавровъ, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ, лежатъ на большихъ блюдахъ, подогнувъ подъ себя ноги, и съ суетливой и комической осторожностью оглядываются вокругъ, пригибая головы книзу. А сол-

нечные лучи круглыми яркими столбами текли изъ иллюминаторовъ, золотили мѣстами скатерть, превращали краски пасхальныхъ яицъ въ пурпуръ и сапфиръ и зажигали живыми огнями гіацинты, незабудки, фіалки, лакфіоли, тюльпаны и анютины глазки.

Къ чаю вышла въ салонъ и единственная дама, ѣхавшая въ первомъ классѣ. Возницынъ мимоходомъ быстро взглянулъ на нее. Она была некрасива и немолода, но съ хорошо сохранившейся высокой, немного полной фигурой, просто и хорошо одѣтой въ просторный свѣтло-сѣрый сакъ съ шелковымъ шитьемъ на воротникѣ и рукавахъ. Голову ея покрывалъ легкій синій, почти прозрачный, газовый шарфъ. Она одновременно пила чай и читала книжку, вѣрнѣе всего, французскую, какъ рѣшилъ Возницынъ, судя по компактности, небольшому размѣру, формату и переплету канареечнаго цвѣта.

Что-то страшно знакомое, очень давнишнее мелькнуло Возницыну не такъ въ ея лицѣ, какъ въ поворотѣ шеи и въ подъемѣ вѣкъ, когда она обернулась на его взглядъ. Но это безсознательное впечатлѣніе тотчасъ же разсѣялось и забылось.

Скоро стало жарко и потянуло на палубу. Пассажирка вышла наверхъ и усѣлась на скамьѣ, съ той стороны, гдѣ не было вѣтра. Она то читала, то, опустивъ книжку на колѣни, глядѣла на море, на кувыркавшихся дельфиновъ, на дальній красноватый, слоистый и обрывистый берегъ, покрытый сверху скудной зеленью.

Возницынъ ходилъ по палубѣ, вдоль бортовъ, огибая рубку перваго класса. Одинъ разъ, когда онъ проходилъ мимо дамы, она опять внимательно посмотрѣла на него, посмотрѣла съ какимъ-то вопрошающимъ любопытствомъ, и опять ему показалось, что они гдѣ-то встрѣчались. Мало-по-малу это ощущеніе стало безпокойнымъ и неотвязнымъ. И главное — офицеръ теперь зналъ, что и

дама испытываетъ то же самое, что̀ и онъ. Но память не слушалась его, какъ онъ ее ни напрягалъ.

И вдругъ, поровнявшись уже въ двадцатый разъ съ сидѣвшей дамой, онъ внезапно, почти неожиданно для самого себя, остановился около нея, приложилъ пальцы по-военному къ фуражкѣ и, чуть звякнувъ шпорами, произнесъ:

— Простите мою дерзость... но мнѣ все время не даетъ покоя мысль, что мы съ вами знакомы, или, вѣрнѣе... что когда-то, очень давно, были знакомы.

Она была совсѣмъ некрасива — безбровая блондинка, почти рыжая, съ сѣдиной, замѣтной благодаря свѣтлымъ волосамъ только издали, съ бѣлыми рѣсницами надъ синими глазами, съ увядающей веснущатой кожей на лицѣ. Свѣжъ былъ только ея ротъ, розовый и полный, очерченный прелестно изогнутыми линіями.

— И я тоже, представьте себѣ. Я все сижу и думаю, гдѣ мы съ вами видѣлись, — отвѣтила она. — Моя фамилія — Львова. Это вамъ ничего не говоритъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ... А моя фамилія—Возницынъ.

Глаза дамы вдругъ заискрились веселымъ и такимъ знакомымъ смѣхомъ, что Возницыну показалось—вотъ-вотъ онъ сейчасъ ее узна̀етъ.

— Возницынъ? Коля Возницынъ? — радостно воскликнула она, протягивая ему руку. — Неужели и теперь не узнаёте? Львова — это моя фамилія по мужу... Но нѣтъ, нѣтъ, вспомните же наконецъ!.. Вспомните: Москва, Поварская, Борисоглѣбскій переулокъ — церковный домъ... Ну? Вспомните своего товарища по корпусу... Аркашу Юрлова...

Рука Возницына, державшая руку дамы, задрожала и сжалась. Мгновенный свѣтъ воспоминанія точно ослѣпилъ его.

— Господи... Неужели Леночка?.. Виноватъ... Елена... Елена...

— Владимировна. Забыли... А вы — Коля, тотъ самый Коля, неуклюжій, застѣнчивый и обидчивый Коля?.. Какъ странно! Какая странная встрѣча!.. Садитесь же, пожалуйста. Какъ я рада...

— Да,—промолвилъ Возницынъ чью-то чужую фразу:— міръ въ концѣ концовъ такъ тѣсенъ, что каждый съ каждымъ непремѣнно встрѣтится. Ну, разсказывайте же, разсказывайте о себѣ. Что̀ Аркаша? Что̀ Александра Миліевна? Что̀ Олечка?

Въ корпусѣ Возницынъ тѣсно подружился съ однимъ изъ товарищей — Юрловымъ. Каждое воскресенье онъ, если только не оставался безъ отпуска, ходилъ въ его семью, а на Пасху и Рождество, случалось, проводилъ тамъ всѣ каникулы. Передъ тѣмъ, какъ поступать въ военное училище, Аркаша тяжело заболѣлъ. Юрловы должны были уѣхать въ деревню. Съ той поры Возницынъ потерялъ ихъ изъ виду. Много лѣтъ тому назадъ онъ отъ кого-то вскользь слышалъ, что Леночка долгое время была невѣстой офицера, и что офицеръ этотъ со странной фамиліей Жѐнишекъ—съ удареніемъ на первомъ слогѣ—какъ-то нелѣпо и неожиданно застрѣлился...

— Аркаша умеръ у насъ въ деревнѣ въ девяностомъ году,—говорила Львова.—У него оказалась саркома головы. Мама пережила его только на годъ. Олечка окончила медицинскіе курсы и теперь земскимъ врачомъ въ Сердобскомъ уѣздѣ. А раньше она была фельдшерицей у насъ въ Жмакинѣ. Замужъ ни за что не хотѣла выходить, хотя были партіи и очень приличныя. Я двадцать лѣтъ замужемъ,—она улыбнулась грустно-сжатыми губами, однимъ угломъ рта: — старуха ужъ... Мужъ — помѣщикъ, членъ земской управы. Звѣздъ съ неба не хватаетъ, но честный человѣкъ, хорошій семьянинъ, не пьяница, не картежникъ и не развратникъ, какъ всѣ кругомъ... и за это слава Богу...

— А помните, Елена Владимировна, какъ я былъ въ васъ влюбленъ когда-то! — вдругъ перебилъ ее Возницынъ.

Она засмѣялась, и лицо ея сразу точно помолодѣло. Возницынъ успѣлъ на мигъ замѣтить золотое сверканіе многочисленныхъ пломбъ въ ея зубахъ.

— Какія глупости. Такъ... мальчишеское ухаживаніе. Да и неправда. Вы были влюблены вовсе не въ меня, а въ барышенъ Синельниковыхъ, во всѣхъ четверыхъ по очереди. Когда выходила замужъ старшая, вы повергли свое сердце къ ногамъ слѣдующей за нею...

— Ага! Вы все-таки ревновали меня немножко? — замѣтилъ Возницынъ съ шутливымъ самодовольствомъ.

— Вотъ ужъ ничуть... Вы для меня были въ родѣ брата Аркаши. Потомъ, позднѣе, когда намъ было ужъ лѣтъ по семнадцати, тогда, пожалуй... мнѣ немножко было досадно, что вы мнѣ измѣнили... Вы знаете, это смѣшно, но у дѣвчонокъ — тоже женское сердце. Мы можемъ совсѣмъ не любить безмолвнаго обожателя, но ревнуемъ его къ другимъ... Впрочемъ, все это пустяки. Разскажите лучше, какъ вы поживаете и что̀ дѣлаете.

Онъ разсказалъ о себѣ, объ академіи, о штабной карьерѣ, о войнѣ, о теперешней службѣ. Нѣтъ, онъ не женился: прежде пугала бѣдность и отвѣтственность передъ семьей, а теперь уже поздно. Были, конечно, разныя увлеченія, были и серьезные романы.

Потомъ разговоръ оборвался, и они сидѣли молча, глядя другъ на друга ласковыми, затуманенными глазами. Въ памяти Возницына быстро-быстро проносилось прошлое, отдѣленное тридцатью годами. Онъ познакомился съ Леночкой въ то время, когда имъ не исполнилось еще и по одиннадцати лѣтъ. Она была худой и капризной дѣвочкой, задирой и ябедой, некрасивой со своими веснушками, длинными руками и ногами, свѣт-

лыми рѣсницами и рыжими волосами, отъ которыхъ всегда отдѣлялись и болтались вдоль щекъ прямыя тонкія косы. У нея по десяти разъ на дню происходили съ Возницынымъ и Аркашей ссоры и примиренія. Иногда случалось и поцарапаться... Олечка держалась въ сторонѣ: она всегда отличалась благонравіемъ и разсудительностью. На праздникахъ всѣ вмѣстѣ ѣздили танцовать въ Благородное Собраніе, въ театры, въ циркъ, на катки. Вмѣстѣ устраивали елки и дѣтскіе спектакли, красили на Пасху яйца и рядились на Рождество. Часто боролись и возились, какъ молодыя собачки.

Такъ прошло три года. Леночка, какъ и всегда, уѣхала на лѣто съ семьей къ себѣ въ Жмакино, а когда вернулась осенью въ Москву, то Возницынъ, увидѣвъ ее въ первый разъ, раскрылъ глаза и ротъ отъ изумленія. Она попрежнему осталась некрасивой, но въ ней было нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ красота, тотъ розовый, сіяющій расцвѣтъ первоначальнаго дѣвичества, который, Богъ знаетъ какимъ чудомъ, приходитъ внезапно и въ какія-нибудь недѣли вдругъ превращаетъ вчерашнюю неуклюжую, какъ подрастающій догъ, большерукую, большеногую дѣвчонку въ очаровательную дѣвушку. Лицо у Леночки было еще покрыто крѣпкимъ деревенскимъ румянцемъ, подъ которымъ чувствовалась горячая, весело текущая кровь, плечи округлились, обрисовались бедра и точныя, твердыя очертанія грудей, все тѣло стало гибкимъ, ловкимъ и граціознымъ.

И отношенія какъ-то сразу перемѣнились. Перемѣнились послѣ того, какъ въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ, передъ всенощной, Леночка и Возницынъ, расшалившись въ полутемной комнатѣ, схватились бороться. Окна тогда еще были открыты, изъ палисадника тянуло осенней ясной свѣжестью и тонкимъ виннымъ запахомъ опавшихъ листьевъ, и медленно, ударъ за ударомъ, плылъ

рѣдкій, меланхоличный звонъ большого колокола Борисоглѣбской церкви.

Они сильно обвили другъ друга руками крестъ-накрестъ и, соединивъ ихъ позади, за спинами, тѣсно прижались тѣлами, дыша другъ другу въ лицо. И вдругъ, покраснѣвши такъ ярко, что это было замѣтно даже въ синихъ сумеркахъ вечера, опустивъ глаза, Леночка зашептала отрывисто, сердито и смущенно:

— Оставьте меня... пустите... Я не хочу...

И прибавила со злымъ взглядомъ влажныхъ, блестящихъ глазъ:

— Гадкій мальчишка.

Гадкій мальчишка стоялъ, опустивъ внизъ и нелѣпо растопыривъ дрожащія руки. Впрочемъ, у него и ноги дрожали, и лобъ сталъ мокрымъ отъ внезапной испарины. Онъ только-что ощутилъ подъ своими руками ея тонкую, послушную, женственную талію, такъ дивно расширяющуюся къ стройнымъ бедрамъ, онъ почувствовалъ на своей груди упругое и податливое прикосновеніе ея крѣпкихъ, высокихъ дѣвическихъ грудей и услышалъ запахъ ея тѣла — тотъ радостный, пьяный запахъ распускающихся тополевыхъ почекъ и молодыхъ побѣговъ черной смородины, которымъ они пахнутъ въ ясные, но мокрые весенніе вечера, послѣ мгновеннаго дождя, когда небо и лужи пылаютъ отъ зари и въ воздухѣ гудятъ майскіе жуки.

Такъ начался для Возницына этотъ годъ любовнаго томленія, буйныхъ и горькихъ мечтаній, единицъ и тайныхъ слезъ. Онъ одичалъ, сталъ неловокъ и грубоватъ отъ мучительной застѣнчивости, ронялъ ежеминутно ногами стулья, зацѣплялъ, какъ граблями, руками за всѣ шаткіе предметы, опрокидывалъ за столомъ стаканы съ чаемъ и молокомъ. «Совсѣмъ нашъ Коленька охалпѣлъ»,— добродушно говорила про него Александра Миліевна.

Леночка издѣвалась надъ нимъ. А для него не было большей муки и большаго счастья, какъ стать тихонько за ея спиной, когда она рисовала, писала или вышивала что-нибудь, и глядѣть на ея склоненную шею съ чудесной бѣлой кожей и съ вьющимися легкими золотыми волосами на затылкѣ, видѣть, какъ коричневый гимназическій корсажъ на ея груди то морщится тонкими косыми складками и становится просторнымъ, когда Леночка выдыхаетъ воздухъ, то опять выполняется, становится тѣснымъ и такъ упруго, какъ полно округлымъ. А видъ наивныхъ запястій ея дѣвическихъ свѣтлыхъ рукъ и благоуханіе распускающагося тополя преслѣдовали воображеніе мальчика въ классѣ, въ церкви и въ карцерѣ.

Всѣ свои тетради и переплеты исчертилъ Возницынъ красиво сплетающимися иниціалами Е. и Ю., и вырѣзывалъ ихъ ножомъ на крышкѣ парты посреди пронзеннаго и пылающаго сердца. Дѣвочка, конечно, своимъ женскимъ инстинктомъ угадывала его безмолвное поклоненіе, но въ ея глазахъ онъ былъ слишкомъ свой, слишкомъ ежедневный. Для него она внезапно превратилась въ какое-то цвѣтущее, ослѣпительное, ароматное чудо, а Возницынъ остался для нея все тѣмъ же вихрястымъ мальчишкой, съ басистымъ голосомъ, съ мозолистыми и шершавыми руками, въ узенькомъ мундирчикѣ и широчайшихъ брюкахъ. Она невинно кокетничала со знакомыми гимназистами и съ молодыми поповичами съ церковнаго двора, но, какъ кошкѣ, острящей свои коготки, ей доставляло иногда забаву обжечь и Возницына быстрымъ, горячимъ и лукавымъ взглядомъ. Но если, забывшись, онъ черезчуръ крѣпко жалъ ея руку, она грозилась розовымъ пальчикомъ и говорила многозначительно:

— Смотрите, Коля, я все мамѣ разскажу.

И Возницынъ холодѣлъ отъ непритворнаго ужаса.

Конечно, Коля остался въ этотъ сезонъ на второй годъ въ шестомъ классѣ, и, конечно, этимъ же лѣтомъ онъ успѣлъ влюбиться въ старшую изъ сестеръ Синельниковыхъ, съ которыми танцовалъ въ Богородскѣ на дачномъ кругу. Но на Пасху его переполненное любовью сердце узнало моментъ райскаго блаженства...

Пасхальную заутреню онъ отстоялъ съ Юрловыми въ Борисоглѣбской церкви, гдѣ у Александры Миліевны было даже свое почетное мѣсто, съ особымъ коврикомъ и складнымъ мягкимъ стуломъ. Но домой они возвращались почему-то не вмѣстѣ. Кажется, Александра Миліевна съ Олечкой остались святить куличи и пасхи, а Леночка, Аркаша и Коля первыми пошли изъ церкви. Но по дорогѣ Аркаша внезапно и, должно-быть, дипломатически исчезъ — точно сквозь землю провалился. Подростки остались вдвоемъ.

Они шли подъ руку, быстро и ловко изворачиваясь въ толпѣ, обгоняя прохожихъ, легко и въ тактъ ступая молодыми, послушными ногами. Все опьяняло ихъ въ эту прекрасную ночь: радостное пѣніе, множество огней, поцѣлуи, смѣхъ и движеніе въ церкви, а на улицѣ — это множество необычно-бодрствующихъ людей, темное теплое небо съ большими мигающими весенними звѣздами, запахъ влажной молодой листвы изъ садовъ за заборами, эта неожиданная близость и затерянность на улицѣ, среди толпы, въ поздній предутренній часъ.

Притворяясь передъ самимъ собою, что онъ дѣлаетъ это нечаянно, Возницынъ прижалъ къ себѣ локотокъ Леночки. Она отвѣтила чуть замѣтнымъ пожатіемъ. Онъ повторилъ эту тайную ласку, и она опять отозвалась. Тогда онъ едва слышно нащупалъ въ темнотѣ концы ея тонкихъ пальчиковъ и нѣжно погладилъ ихъ, и пальцы не сопротивлялись, не сердились, не убѣгали.

Такъ подошли они къ воротамъ церковнаго дома. Аркаша оставилъ для нихъ калитку открытой. Къ дому нужно было итти по узкимъ деревяннымъ мосткамъ, проложеннымъ, ради грязи, между двумя рядами широкихъ, столѣтнихъ липъ. Но когда за ними хлопнула затворившаяся калитка, Возницынъ поймалъ Леночкину руку и сталъ цѣловать ея пальцы — такіе теплые, нѣжные и живые.

— Леночка, я люблю, люблю васъ...

Онъ обнялъ ее вокругъ таліи и въ темнотѣ поцѣловалъ куда-то, кажется, ниже уха. Шапка отъ этого у него сдвинулась и упала на землю, но онъ не сталъ ея разыскивать. Онъ все цѣловалъ похолодѣвшія щеки дѣвушки и шепталъ, какъ въ бреду:

— Леночка, я люблю, люблю...

— Не надо, — сказала она тоже шопотомъ, и онъ по этому шопоту отыскалъ губы. — Не надо... Пустите меня... пуст...

Милыя, такія пылающія, полудѣтскія, наивныя, неумѣлыя губы! Когда онъ ее цѣловалъ, она не сопротивлялась, но и не отвѣчала на поцѣлуи и вздыхала какъ-то особенно трогательно — часто, глубоко и покорно. А у него по щекамъ бѣжали, холодя ихъ, слезы восторга. И когда онъ, отрываясь отъ ея губъ, подымалъ глаза кверху, то звѣзды, осыпавшія липовыя вѣтви, плясали, двоились и расплывались серебряными пятнами, преломляясь сквозь слезы.

— Леночка... люблю...

— Оставьте меня...

— Леночка!

И вдругъ она воскликнула неожиданно сердито:

— Да пустите же меня, гадкій мальчишка! Вотъ увидите, вотъ я все, все, все мамѣ разскажу. Непремѣнно!

Она ничего мамѣ не разсказала, но съ этой ночи уже

больше никогда не оставалась одна съ Возницынымъ. А тамъ подошло и лѣто...

* *
*

— А помните, Елена Владимировна, какъ въ одну прекрасную пасхальную ночь двое молодыхъ людей цѣловались около калитки церковнаго дома? — спросилъ Возницынъ.

— Ничего я не помню... Гадкій мальчишка,—отвѣтила она, мило смѣясь. — Однако смотрите-ка, сюда идетъ моя дочь. Я васъ сейчасъ познакомлю... Леночка, это Николай Иванычъ Возницынъ, мой старый-старый другъ, другъ моего дѣтства. А это моя Леночка. Ей теперь какъ разъ столько лѣтъ, сколько было мнѣ въ одну пасхальную ночь...

— Леночка большая и Леночка маленькая, — сказалъ Возницынъ.

— Нѣтъ. Леночка старенькая и Леночка молодая, — возразила спокойно, безъ горечи, Львова.

Леночка была очень похожа на мать, но рослѣе и красивѣе, чѣмъ та въ свои дѣвическіе годы. Рыжіе волосы матери перешли у нея въ цвѣтъ каленаго орѣха съ металлическимъ оттѣнкомъ, темныя брови были тонкаго и смѣлаго рисунка, но ротъ носилъ чувственный и грубоватый оттѣнокъ, хотя былъ свѣжъ и прелестенъ.

Дѣвушка заинтересовалась плавучими маяками, и Возницынъ объяснилъ ей ихъ устройство и цѣль. Потомъ онъ заговорилъ о неподвижныхъ маякахъ, о глубинѣ Чернаго моря, о водолазныхъ работахъ, о крушеніяхъ пароходовъ. Онъ умѣлъ прекрасно разсказывать, и дѣвушка слушала его, дыша полуоткрытымъ ртомъ, не сводя съ него глазъ.

А онъ... чѣмъ больше онъ глядѣлъ на нее, тѣмъ больше его сердце заволакивалось мягкой и свѣтлой грустью — сострадательной къ себѣ, радостной къ ней, къ

этой новой Леночкѣ, и тихой благодарностью къ прежней. Это было именно то самое чувство, котораго онъ такъ жаждалъ въ Москвѣ, только свѣтлое, почти совсѣмъ очищенное отъ себялюбія.

И, когда дѣвушка отошла отъ нихъ, чтобы посмотрѣть на Херсонесскій монастырь, онъ взялъ руку Леночки старшей и осторожно поцѣловалъ ее.

— Нѣтъ, жизнь все-таки мудра, и надо подчиняться ея законамъ,—сказалъ онъ задумчиво.—И, кромѣ того, жизнь прекрасна. Она — вѣчное воскресеніе изъ мертвыхъ. Вотъ мы уйдемъ съ вами, разрушимся, исчезнемъ, но изъ нашего ума, вдохновенія и таланта вырастутъ, какъ изъ праха, новая Леночка и новый Коля Возницынъ... Все связано, все сцѣплено. Я уйду, но я же и останусь. Надо только любить жизнь и покоряться ей. Мы всѣ живемъ вмѣстѣ: и мертвые и воскресающіе.

Онъ еще разъ наклонился, чтобы поцѣловать ея руку, а она нѣжно поцѣловала его въ сильно серебрящійся високъ. И когда они послѣ этого посмотрѣли другъ на друга, то глаза ихъ были влажны и улыбались ласково, устало и печально.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ.

Іюльская теплая ночь еще не начинала свѣжѣть, а въ воздухѣ уже чувствовалась близость зари. Мы съ Гамовымъ шли въ ногу, тѣмъ скорымъ, эластически-широкимъ шагомъ, который вырабатывается послѣ третьей версты; ни онъ ни я, по обыкновенію, не говорили ни слова, но я чувствовалъ, что мой спутникъ волнуется и хочетъ заговорить со мною.

Каждую субботу мы встрѣчались съ нимъ на дачѣ у Елены Александровны и вмѣстѣ оттуда возвращались пѣшкомъ въ Москву. На этихъ вечерахъ его присутствіе почти не было замѣтно. Маленькій, тщедушный, весь обросшій черными волосами, прямыми и жесткими; съ короткой, чуточку рыжеватой бородой, начинающейся подъ самыми глазами; всегда наглухо застегнутый и всегда немного унылый, — онъ былъ самымъ типичнымъ учителемъ математики изъ всѣхъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ. Странно то, что даже на глаза его никто не обращалъ вниманія, и я самъ разглядѣлъ ихъ въ первый разъ только въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь. А между тѣмъ это были удивительные глаза: большіе, черные и постоянно грустные, точно у раненаго оленя; на женскомъ лицѣ они заставили бы забыть объ уродливости прочихъ чертъ, некрасивость же мужского лица дѣлала ихъ незамѣтными.

На вечерахъ у Елены Александровны онъ сидѣлъ на террасѣ, затканной дикимъ виноградомъ, въ самомъ дальнемъ углу. До сихъ поръ, когда я вижу вечеромъ освѣщаемую лампой зелень съ ея мертвеннымъ, жидкимъ цвѣтомъ, я не могу не вспомнить при этомъ лица и понурой фигуры Гамова. Мнѣ всегда казалось, что его душа обременена крупнымъ невысказаннымъ горемъ.

По мѣрѣ того, какъ приходило время прощаться, я начиналъ чувствовать на себѣ его просящій взглядъ. Случалось, съ шапкой въ рукахъ, я заговаривался еще на полчаса, совсѣмъ позабывъ о Гамовѣ. Онъ молча стоялъ рядомъ, не напоминая ни однимъ звукомъ о своемъ присутствіи, и только когда я уже окончательно собирался уходить, онъ постоянно однимъ и тѣмъ же, неизмѣнно-робкимъ тономъ предлагалъ себя въ спутники. До сихъ поръ мнѣ неизвѣстно: пользовался ли я его особой симпатіей, или, просто, онъ считалъ меня физически сильнѣе моихъ товарищей.

Перелѣсокъ, которымъ мы до сихъ поръ шли, кончился. Передъ нами открылось ровное, безъ одного кустика, осеребренное луною поле, сливавшееся вдали съ безоблачнымъ куполомъ неба. Мы свернули съ дороги на росистую траву, заглушавшую шумъ нашихъ шаговъ, и я сталъ поневолѣ чутко прислушиваться и приглядываться къ ночи. Гдѣ-то, очень далеко, всполохнулась и завозилась въ кустѣ птичка, чирикнувъ, точно сквозь сонъ, два раза; по вѣтру еле-еле донеслось звонкое, тревожное ржаніе жеребенка. По травѣ низко стлались сѣдые клочья тумана; они пропадали изъ глазъ и окутывали насъ сыростью, когда мы подходили къ нимъ ближе. Въ воздухѣ пахло скошеннымъ сѣномъ, медомъ и росою.

Ночью, въ открытомъ полѣ, при назойливо-яркомъ свѣтѣ луны, всѣ чувства пріобрѣтаютъ какую-то странную, тонкую воспріимчивость. Мнѣ мало-по-малу начало

сообщаться нервное настроеніе моего спутника; я попробовалъ-было запѣть, но самъ испугался того напряженнаго, фальшиваго звука, который издало мое горло.

Я почувствовалъ на своемъ лицѣ, сбоку, пристальный взглядъ Гамова и повернулъ къ нему голову; онъ, повидимому, дожидался этого движенія

— Скажите, пожалуйста, — произнесъ онъ своимъ, по обыкновенію, вѣжливымъ и немного робкимъ тономъ: — вы изволили слышать сегодняшніе разговоры?

Разговоръ въ этотъ вечеръ шелъ о привидѣніяхъ, предчувствіяхъ, таинственныхъ дамахъ въ бѣломъ и храбрыхъ студентахъ и офицерахъ, — одинъ изъ обыкновенныхъ дачныхъ разговоровъ.

— Конечно, все это ерунда,—продолжалъ Гамовъ, не ожидая моего отвѣта:—и говорилось больше для забавы. Но я замѣтилъ, что вы не принимали участія въ этомъ разговорѣ, и потому, смѣю думать, можете отнестись серьезно къ волнующему меня вопросу.

«Эге! — подумалъ я: — похоже на то, что готовится изліяніе чувствительной души».

— Скажите мнѣ... Впрочемъ, если вамъ смѣшно, вы, конечно, можете не отвѣчать... Боитесь вы чего-нибудь?

Мнѣ показалось, что онъ сразу поблѣднѣлъ, предлагая этотъ вопросъ, и я тогда же замѣтилъ красоту и печальное выраженіе его глазъ, казавшихся еще черпѣе и еще больше на лицѣ, освѣщенномъ луною.

– Я, впрочемъ, не то спрашиваю. Не бояться нельзя, потому что это все отъ нервовъ. Но что̀ для васъ страшнѣе всего? Чего бы вы не могли забыть въ продолженіе всей вашей жизни?

Я по опыту зналъ, какъ взвинчиваютъ воображеніе такіе разговоры, и отвѣчалъ съ намѣреніемъ сухо:

— По правдѣ сказать, я больше всего боюсь маленькихъ зеленыхъ лягушекъ.

— Простите, я не зналъ, что вамъ этотъ разговоръ непріятенъ, — сказалъ Гамовъ и понурилъ покорно голову.

Мнѣ стало тотчасъ же жалко, что я на его учтивый и серьезный вопросъ отвѣчалъ шутовствомъ. Я началъ вывертываться.

— Помилуйте, отчего же? Все равно молча итти скучно. Только я хотѣлъ сказать, что у меня нервы крѣпкіе, и своимъ воображеніемъ я владѣю настолько, что, мнѣ кажется, сумѣю не поддаться никакому страху.

Когда Гамовъ опять заговорилъ ровнымъ, глухимъ голосомъ, то я замѣтилъ странную особенность его рѣчи. Онъ часто переводилъ духъ, но забиралъ очень мало воздуха и какъ будто бы захлебывался. Поэтому фразы у него выходили короткими, отрывистыми, а конецъ ихъ былъ еле слышенъ. Вѣроятно, это происходило отъ какой-нибудь грудной болѣзни.

— А я, голубчикъ, очень многаго, почти всего боюсь. Когда я былъ еще ребенкомъ, меня пугали буками разными, трубочистами, ну, знаете, чѣмъ вообще дѣтей пугаютъ. А я былъ мальчишка очень нервный, воспріимчивый. Должно-быть, страхъ-то на всю жизнь во мнѣ и засѣлъ. Повѣрите ли, я дошелъ до наслажденія страхомъ, и когда мной овладѣваетъ припадокъ этой подлой робости, я стараюсь еще больше себя разстроить... Возьмите вы, напримѣръ, самую невинную вещь: лунныя ночи. Развѣ онѣ не ужасны! Холодный свѣтъ, не то бѣлый, не то синеватый, именно мертвый... Мертвая, одинокая луна, лишенная жизни и воздуха... миріады серебряныхъ точекъ... И земля, такая же точка, песчинка, несущаяся въ вѣчный мракъ... Ужасно! Все, все мнѣ говоритъ яснѣе, что я умру, погибну въ одно прекрасное время, и что моя смерть необходима для какого-то неумолимо-точнаго мірового закона... Ужасно!..

Онъ помолчалъ секундъ десять, часто дыша, и потомъ продолжалъ:

— Вдвоемъ еще ничего. А вотъ, когда одинъ идешь, да въ такомъ ровномъ полѣ, какъ теперь, вотъ тогда напрягаются всѣ чувства. Смотрите, какъ этотъ фальшивый свѣтъ сгладилъ всѣ неровности, точно скатерть— поле, и, кажется, конца ему нѣтъ... А я иду одинъ и думаю, что нѣтъ кругомъ на цѣлыя сотни верстъ, кромѣ меня, ни одного живого существа. И откуда ни посмотри, отовсюду меня видно; захоти я спрятаться, такъ некуда. Но едва я это подумаю, мнѣ уже кажется, что на меня въ самомъ дѣлѣ смотрятъ невидимые для меня глаза, смотрятъ отовсюду, куда я только ни повернусь. И спереди, и съ боковъ, и сзади... Всего страшнѣе, что сзади: такъ и тянетъ обернуться. А сердце стучитъ, такъ стучитъ, что и этому «невидимому», навѣрно, слышно, волосы на головѣ шевелятся... ужасъ, точно холодъ, все тѣло охватываетъ...

Послѣднія слова онъ не произнесъ, а точно выкрикнулъ внезапно зазвенѣвшимъ горловымъ голосомъ. Нервная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ, но я не остановилъ Гамова, хотя и чувствовалъ, что онъ сейчасъ разойдется. Мною овладѣло любопытство.

— Всего же, всего страшнѣе для меня (въ голосѣ Гамова послышался оттѣнокъ таинственности) — это человѣкъ. О! Не тотъ человѣкъ, что̀ преграждаетъ вамъ дорогу на перекресткѣ и хватаетъ васъ за горло... Это очень просто: ему хочется ѣсть и не хочется работать. Я мужчина и силу сумѣю отразить силой. Меня, — и голосъ Гамова вдругъ понизился до шопота:—меня пугаетъ то, что въ каждомъ изъ насъ есть одна темная, закрытая для всякихъ наблюденій, ужасная сторона. Я долженъ начать издалека. Вамъ не скучно, что я такъ много говорю?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста. Мнѣ очень интересно...

— Случалось вамъ видѣть во снѣ, будто вы сдаете трудный экзаменъ? Вамъ задаютъ вопросъ, и вы на него никакъ не можете отвѣтить. Вы усиленно думаете, ломаете голову, но отвѣтъ, какъ нарочно, не идетъ на умъ. Тогда учитель обращается къ одному изъ вашихъ товарищей, тотъ отвѣчаетъ самымъ правильнымъ и блестящимъ образомъ, и вамъ становится стыдно за ваше незнаніе. Случалось это съ вами?

— Не помню, — отвѣчалъ я, еще не понимая, къ чему клонитъ рѣчь Гамовъ.—Во всякомъ случаѣ, если я этого самаго не видалъ, то видалъ подобное. Я понимаю, что̀ вы хотите выразить.

— Понимаете? Ну, и прекрасно. Дальше. Вамъ, навѣрно, приходилось когда-нибудь итти по полю и глубоко задуматься. Такъ задуматься, что, спроси васъ, по какой мѣстности вы шли, вы не сумѣли бы отвѣтить. А между тѣмъ вы старательно переступали ямы, обходили грязныя мѣста и ни разу не упали. А? Отчего это? И много, много такихъ явленій... Я изъ нихъ вывелъ одну, очень странную теорію...

Онъ посмотрѣлъ на небо, на слабо мерцающія звѣзды и помолчалъ.

— Я, видите ли, думаю, что человѣку присущи двѣ воли. Одна — сознательная. Этой волей я ежечасно, ежеминутно управляю своими дѣйствіями и постоянно сознаю въ себѣ ея присутствіе. Ну, однимъ словомъ, она есть то, что̀ всякій привыкъ понимать подъ именемъ воли. А другая воля—безсознательная; она въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряжается человѣкомъ совершенно безъ его вѣдома, иногда даже противъ его желанія. Человѣкъ ея не понимаетъ и не сознаётъ въ себѣ. Во снѣ на экзаменѣ отвѣчаетъ вашъ товарищъ. Но вѣдь товарища-то на самомъ дѣлѣ нѣтъ, отвѣчаете вы же, и вы же удивляетесь

тому, что̀ говорите. Видите, какая двойственность? Даже теперь вотъ, въ настоящую секунду: вы идете, переставляете ноги, махаете руками. Но вѣдь вы о вашихъ рукахъ и ногахъ даже и думать позабыли, потому что заняты разговоромъ. Кто же ими двигаетъ, если не эта вторая, безсознательная воля? А гипнотизмъ, когда одинъ субъектъ, противъ желанія, подчиняется приказаніямъ другого? И много, много... Понимаете вы хоть немного мою мысль?

Глядя на меня своими грустными большими глазами, онъ какъ будто бы извинялся за этотъ странный разговоръ.

— Понимаю отчасти, — отвѣчалъ я неопредѣленно.

— Такъ вотъ этой самой таинственной области въ человѣкѣ я и боюсь, — продолжалъ Гамовъ, опять понижая свой голосъ до шопота.—Разъ эта вторая воля есть, есть и физическій о̀рганъ, который на ряду со всѣми прочими о̀рганами подверженъ болѣзнямъ. Только человѣкъ ничего объ этой волѣ не знаетъ и болѣзни своей не чувствуетъ: въ этомъ самое страшное. Лунатики, сумасшедшіе, преступники съ наслѣдственными влеченіями, бѣсноватые, одержимые противоестественными похотями, эпилептики — всѣ эти несчастные, у которыхъ такъ дико, такъ неожиданно, такъ ужасно проявляются ихъ болѣзни, всѣ они страдаютъ однимъ и тѣмъ же: разстройствомъ ихъ второй воли. Главное — неожиданно и совершенно непонятно. Я боюсь самого себя, боюсь васъ, боюсь всякаго... Ну, вотъ, напримѣръ, мы съ вами идемъ, а я вдругъ останавливаюсь, беру васъ за рукавъ (Гамовъ, дѣйствительно, дотронулся до моего рукава, отчего по моему тѣлу пробѣжала какая-то брезгливая дрожь) и ни съ того ни съ сего, молча, дѣлаю страшную, отвратительнѣйшую гримасу?.. Развѣ это не страшно? Особенно ночью, въ полѣ, одинъ на одинъ?

Я съ болѣзненнымъ любопытствомъ поглядѣлъ въ лицо Гамову. Я почувствовалъ, что, сдѣлай онъ въ самомъ дѣлѣ сейчасъ гримасу — я съ ужасомъ, но въ ту же секунду повторилъ бы ее на своемъ лицѣ. Отъ одной этой мысли мнѣ стало холодно, но, къ счастью, гримасы Гамовъ не сдѣлалъ.

Мы подходили къ тому мѣсту, гдѣ дорога развѣтвлялась на двѣ: одна вела въ Москву, а другая—въ одинъ изъ загородныхъ парковъ. На перекресткѣ росли двѣ корявыя березы.

— Есть у васъ папиросы? — спросилъ Гамовъ. — У меня всѣ вышли.

Мы остановились на перекресткѣ, и онъ сталъ закуривать. Закуривалъ онъ торопливо, и я подумалъ, что ему пришла въ голову еще какая-то мысль. Дѣйствительно, затянувшись поспѣшно нѣсколько разъ подъ рядъ, онъ опять заговорилъ:

— Извѣстенъ вамъ тотъ странный фактъ, что убійцу влечетъ къ мѣсту преступленія? Это, конечно, давно избито и заѣзжено, но зато еще разъ подтверждаетъ мою, вѣроятно, нелѣпую теорію. Вы подумайте только: вѣдь сознательно убійца ни за что не пошелъ бы. Это и неблагоразумно, и мучительно, и, наконецъ, совсѣмъ не нужно. Однако онъ идетъ, идетъ и идетъ, и потомъ ни за что не скажетъ, почему пришелъ... Ну, что̀ вы на это скажете?

Я не зналъ, чѣмъ отвѣтить, кромѣ неопредѣленнаго мычанія; мнѣ становилось неловко. Когда Гамовъ снова торопливо затянулся нѣсколько разъ подъ рядъ, — его лицо, то освѣщаемое огнемъ папиросы, съ длинными тѣнями отъ носа и бровей, то опять тонувшее въ темнотѣ, показалось мнѣ страшнымъ. Къ сожалѣнію, я не могъ теперь его остановить, потому что чувствовалъ себя не въ силахъ сдѣлать это.

Предразсвѣтный легкій вѣтерокъ тронулъ листья въ верхушкѣ березы, подъ которой мы стояли, и они затрепетали съ тревожнымъ шумомъ. Гамовъ съ силою швырнулъ недокуренную папиросу объ землю и кинулъ на меня безпокойный взглядъ.

— Да вотъ, напримѣръ, что̀. Вообразите, что вы идете не со мной, а съ кѣмъ-нибудь другимъ, при совершенно такихъ же обстоятельствахъ и послѣ такого же разговора, какой былъ у насъ съ вами. Точно такъ же, какъ и сейчасъ, вы останавливаетесь подъ этими самыми березами... И вдругъ вашъ спутникъ, обыкновенно молчаливый и робкій на видъ, начинаетъ вамъ разсказывать, какъ онъ два года тому назадъ на этомъ, на вотъ этомъ самомъ мѣстѣ (Гамовъ показалъ пальцемъ передъ собою; голосъ его ослабѣвалъ и обрывался)... убилъ женщину... И, главное, вы видите, что онъ не шутитъ, потому что сообщаетъ такія мелочныя, такія тонкія и своеобразныя подробности, какихъ ни одинъ психологическій писатель не придумаетъ... Ну, хоть вотъ такъ...

Гамовъ задумался, какъ будто бы что-то припоминая. Давешній ужасъ опять проползъ у меня по спинѣ своими мохнатыми лапами...

— Я все это очень умно устроилъ (я говорю отъ имени этого вашего знакомаго). Представьте себѣ: ни отецъ ни мать не знали, что она со мной знакома. О! Даже больше: она меня ненавидѣла, питала ко мнѣ отвращеніе, какъ къ гадинѣ, но я все-таки сумѣлъ овладѣть ея волей и воображеніемъ до невѣроятной степени. Если я въ полдень проходилъ мимо ея окна, она ужъ непремѣнно выходила передъ вечеромъ на Тверской бульваръ. Это условный знакъ у насъ былъ такой (видите, какая мелкая подробность). Покорность такая была оттого, что я случайно проникъ въ ея тайну, очень простую тайну: эта дѣвушка имѣла ребенка. У меня въ ру-

кахъ находились вещественныя доказательства, а дѣвушка эта была единственнымъ утѣшеніемъ нѣжныхъ родителей, да, кромѣ того, сюда и патриціанская гордость примѣшивалась. Да, чортъ! Много было подробностей. (Замѣтьте, все это вамъ говоритъ вашъ предполагаемый знакомый). И все это я сумѣлъ одѣть нѣкоторымъ туманнымъ покровомъ таинственности... Шантажъ, вы хотите сказать? Вотъ именно, именно шантажъ; самое подходящее слово, хотя все это дѣлалось не изъ-за выгоды матеріальной, а потому, что вашъ знакомый дѣвушку любилъ, какъ сорокъ тысячъ... и такъ далѣе... Такимъ образомъ я ей приказалъ однажды лѣтомъ прійти на опредѣленное мѣсто; мы взяли извозчика и поѣхали за городъ на дачу. Дача-то, конечно, была пустымъ предлогомъ: мы тамъ никого не застали. Пришлось возвращаться назадъ пѣшкомъ, вотъ какъ теперь мы съ вами. Даже ночь была такая же лунная, теплая и душистая... Только теперь (Гамовъ вынулъ изъ кармана часы и посмотрѣлъ на нихъ, близко поднеся къ глазамъ) пять минутъ четвертаго, а тогда мы подошли къ перекрестку не позже, какъ въ половинѣ второго...

«Понимаете? Я ее любилъ! Она была изумительно хороша, изумительно! Что-то въ ней было страстное, непокорное и очень сильное: какъ женщина, она обѣщала бездну наслажденія. Она была выше меня ростомъ, гибкая, съ высокой таліей и маленькимъ бюстомъ, точно у классической богини, съ сильными маленькими руками. Ея пышная натура особенно сказывалась въ волосахъ. Эти золотые, нѣжные волосы, мѣстами цвѣта спѣлаго орѣха, просто мѣшали ей. Они не слушались прически и лѣзли ей на глаза; у нея была милая, граціозная привычка откидывать ихъ назадъ быстрымъ движеніемъ головы. Это была необыкновенная женщина!

«Вы не испытывали никогда этого захватывающаго

духъ сладострастія, когда сознаёшь, что любимая тобой женщина, которая тебя презираетъ, находится въ твоихъ рукахъ, и ты ее можешь взять силой? Вѣрно, не испытывали? А у меня въ карманѣ былъ американскій револьверъ Мервинга, и каждый разъ, опуская руку въ правый карманъ пальто и ощущая холодъ металлическаго дула, я думалъ, что если здѣсь выстрѣлить, то ни одна душа не услышитъ. И каждый разъ мнѣ хотѣлось потянуться отъ какого-то чертовски-сладкаго предчувствія... Здѣсь вашъ знакомый кстати сообщитъ вамъ еще одну деталь: револьверъ онъ взялъ изъ того расчета, что отъ него во всякомъ случаѣ меньше крови...

«Боже мой! Какое это наслажденіе! Говорить ей о любви, грозить убить ее, вымогать у нея ласки съ револьверомъ у виска! Ахъ, это необъяснимое сладострастіе... Но знаете (Гамовъ вдругъ остановился и хрипло, растянуто засмѣялся; я не могъ пошевельнуться)... все это, конечно, къ примѣру... Знаете, что̀ она сдѣлала, когда я вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ съ вами, приставилъ къ ея виску револьверъ и грубо, ну, такъ грубо, какъ развѣ можетъ только пьяный солдатъ, потребовалъ, чтобы она мнѣ отдалась? Знаете, что̀ она сдѣлала? Она расхохоталась и назвала меня трусомъ, неспособнымъ даже на такую подлость. И не то, что расхохоталась искусственно, а на самомъ дѣлѣ, громко, презрительно такъ... О, какъ она была великолѣпна въ эту минуту, и какъ я сознавалъ свою собственную мерзость... Но мнѣ было все равно... Я сказалъ, что сію секунду выстрѣлю; она не шевельнулась ни однимъ мускуломъ и все продолжала смѣяться. Глаза у нея стали большіе такіе и дерзкіе... Я едва надавилъ собачку... у меня пальцы обезсилѣли, и затерпли губы... Мысль работала страшно сильно. Я все испытывалъ себя: могу или не могу? Мнѣ какъ будто бы интересно было: сильно

нужно нажать, чтобы выстрѣлить? Я жалъ потихоньку, а со стороны точно самъ за собою наблюдалъ... И вдругъ ея лицо вспыхнуло... По долинѣ грохотъ какой-то дробный прокатился. Я сначала ничего не понималъ... И какая подробность чудовищная мнѣ въ память успѣла врѣзаться: когда ея лицо освѣтилось, я еще успѣлъ на немъ разглядѣть улыбку!..

«Когда я къ ней нагнулся, ея високъ и часть лба были въ крови. Кровь была лужей и на землѣ, а на ея поверхности какія-то бѣловатыя жирныя струйки... Не знаю, можетъ-быть, мнѣ это и показалось. Одна прядь ея золотыхъ волосъ прилипла къ ранѣ. Эта подробность у меня нѣсколько мѣсяцевъ не выходила изъ головы: все хотѣлось взять и отвести эту прядь осторожненько назадъ... Смерть гадка, страшна и таинственна... Но стоять возлѣ... созерцать, какъ молодая, красивѣйшая женщина, за минуту передъ тѣмъ смѣявшаяся, становится холодной вещью!.. И когда я самъ, самъ, своими руками произвелъ это таинственное явленіе!.. Ужасно!!!...»

Гамовъ задыхался. Послѣднія слова онъ произнесъ еле слышно, точно въ раздумьѣ или въ бреду, и закрылъ лицо руками. Когда же онъ отнялъ руки, то я увидѣлъ, что его лицо искажено кривой, измученной улыбкой.

— Ну-съ! А знаете, что̀ всего страшнѣе, мой молодой другъ? Всего страшнѣе то, что я знаю ваши теперешнія мысли. Вы думаете, что вся эта исторія произошла не съ вашимъ выдуманнымъ другомъ, а съ самимъ Гамовымъ. А убійцу-то вотъ и потянуло на самомъ мѣстѣ преступленія разсказать все первому встрѣчному подъ видомъ аллегоріи, такъ сказать, заглянуть въ пропасть? Ну, что̀, правда? Правда?

Когда онъ это сказалъ, я въ тотъ же мигъ съ поразительной ясностью понялъ ту мысль, которая меня давно

уже угнетала и которую я боялся представить себѣ отчетливѣе.

Наши глаза встрѣтились и не могли оторваться; наши лица сошлись страшно близко. Ужасъ нечеловѣческій,— чудовищный ужасъ сковалъ мое тѣло, сжалъ ледяной рукой мое горло, сдвинулъ къ затылку кожу на моемъ черепѣ. Продлись это состояніе еще секунды три — произошло бы что-нибудь нелѣпое. Можетъ-быть, я бросился бы бѣжать и бѣжалъ бы до изнеможенія, трясясь и падая. Можетъ-быть, мы оба съ крикомъ кинулись бы другъ на друга, какъ два дикихъ звѣря...

Вдали по дорогѣ послышался стукъ колесъ. И я и Гамовъ одновременно вздохнули всей грудью, точно пробудясь отъ страшнаго сна, и отвели глаза.

— Ну, я не зналъ, что вы такой нервный,—замѣтилъ-было шутливо Гамовъ, но я не отвѣчалъ ему.

Во всю дорогу мы не сказали другъ другу ни слова и разошлись, не подавъ другъ другу руки.

А на востокѣ уже пылали багряные, желтые и розовые тона. Сизая тяжелая туча одна напоминала объ уходящей ночи, но и она кое-гдѣ была прорѣзана тонкими, длинными полосками червоннаго золота, и края ея играли нѣжными переливами розоваго перламутра.

Гамовъ пересталъ бывать у Елены Александровны, а я хоть и бывалъ, но возвращался съ ея дачи въ Москву другою дорогой.

БЛАЖЕННЫЙ.

Мы сидѣли въ маленькомъ кругломъ скверикѣ, куда насъ загналъ нестерпимый полуденный зной. Тамъ было гораздо прохладнѣе, чѣмъ на улицѣ, гдѣ камни мостовой и плиты тротуаровъ, пронизанные отвѣсными лучами іюльскаго солнца, жгли подошву ноги, а стѣны зданій казались раскаленными. Кромѣ того, и мелкая горячая пыль не проникала туда сквозь сплошную ограду изъ густыхъ старыхъ липъ и раскидистыхъ каштановъ, похожихъ, съ длинными, торчащими кверху розовыми цвѣтами, на гигантскія царственныя люстры. Рѣзвая нарядная дѣтвора наполняла скверъ. Подростки играли въ серсо и веревочку, гонялись другъ за другомъ, или попарно съ важнымъ видомъ ходили, обнявшись, скорыми шагами по дорожкамъ. Меньшіе играли въ «краски», въ «барыня прислала сто рублей» и въ «короля». Наконецъ самые маленькіе копошились на большой кучѣ желтаго теплаго песку, лѣпя изъ него гречичники и куличи. Няньки и бонны, собравшись кучками, судачили про своихъ господъ, а гувернантки сидѣли на скамеечкахъ, прямыя, какъ палки, углубленныя въ чтеніе или работу.

Вдругъ дѣтвора побросала свои развлеченія и стала пристально смотрѣть по направленію входной калитки. Мы тоже обернулись туда. Рослый бородатый мужикъ катилъ передъ собою кресло, въ которомъ сидѣло жалкое, безпомощное существо: мальчикъ лѣтъ 18—20-ти, съ рых-

лымъ, блѣднымъ лицомъ, съ отвисшими губами, красными, толстыми и мокрыми, и со взглядомъ идіота. Бородатый мужикъ провезъ кресло мимо насъ и скрылся за поворотомъ дорожки. Я замѣтилъ, какъ тряслась во всѣ стороны огромная остроконечная голова слабоумнаго и какъ она при каждомъ толчкѣ то падала на плечи, то безсильно опускалась внизъ.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный человѣкъ!—произнесъ тихо мой спутникъ.

Въ его словахъ мнѣ послышалось такое глубокое и такое истинное сочувствіе, что я невольно посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Я зналъ Зимина давно: это былъ добродушный, сильный, мужественный и веселый человѣкъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ. Говоря по правдѣ, я не ожидалъ отъ него такого неподдѣльнаго состраданія къ чужому несчастію.

— Бѣдный-то онъ, конечно, бѣдный, но какой же онъ человѣкъ?—возразилъ я, желая вызвать Зимина на разговоръ.

— Почему же вы отказываете ему въ этомъ?—спросилъ въ свою очередь Зиминъ.

— Ну... какъ вамъ сказать? Это же всѣмъ ясно... У идіотовъ вѣдь нѣтъ никакихъ высшихъ побужденій и свойствъ, отличающихъ человѣка отъ животнаго: ни разума, ни рѣчи, ни воли... Собака или кошка обладаютъ этимъ качествомъ въ гораздо большей степени...

Но Зиминъ прервалъ меня.

— Извините, пожалуйста, я, наоборотъ, глубоко убѣжденъ, что идіотамъ вовсе не чужды человѣческіе инстинкты. Они у нихъ только затуманены... Живутъ гдѣ-то глубоко подъ звѣриными ощущеніями... Видите ли... со мной былъ одинъ случай, послѣ котораго, мнѣ кажется, я имѣю право такъ говорить. Воспоминаніе о немъ ни-

когда не покидаетъ меня, и каждый разъ, когда я вижу такого вотъ блаженнаго, я чувствую себя растроганнымъ чуть ли не до слезъ... Если вы позволите, я разскажу вамъ, почему идіоты внушаютъ мнѣ такую жалость.

Я поспѣшилъ попросить его объ этомъ, и онъ началъ:

— Въ 18.. году я поѣхалъ ранней осенью въ Петербургъ держать экзаменъ въ академію генеральнаго штаба. Я остановился въ первой попавшейся гостиницѣ, на углу Невскаго и Фонтанки. Изъ оконъ моихъ были видны бронзовые кони Аничкова моста, всегда мокрые и блестящіе, точно обтянутые новой клеенкой. Я часто рисовалъ ихъ на мраморныхъ подоконникахъ моего номера.

«Петербургъ меня непріятно поразилъ: все время онъ былъ окутанъ унылымъ сѣрымъ покровомъ затяжного дождя. Но академія, когда я впервые туда явился, прямо меня подавила, ошеломила и уничтожила своей грандіозностью. Я, какъ теперь, помню ея огромную швейцарскую, широкую лѣстницу съ мраморными перилами, анфилады высокихъ, строгихъ аудиторій и навощенные, блестящіе, какъ зеркала, паркеты, по которымъ мои провинціальныя ноги ступали такъ неувѣренно. Офицеровъ въ этотъ день собралось человѣкъ до четырехсотъ. На скромномъ фонѣ армейскихъ зеленыхъ мундировъ сверкали гремящіе палаши кирасировъ, красныя груди улановъ, бѣлые колеты кавалергардовъ; пестрѣли султаны, золотые орлы на каскахъ, разноцвѣтные обшлага, серебряныя шашки. Все это были соперники, и, поглядывая на нихъ, я съ гордостью и волненіемъ пощипывалъ то мѣсто, гдѣ предполагались у меня въ будущемъ усы. Когда мимо насъ, застѣнчивыхъ пѣхотинцевъ, пробѣгали съ портфелями подъ мышкой необыкновенно озабоченные полковники генеральнаго штаба, мы сторонились отъ нихъ въ благоговѣйномъ ужасѣ.

«Экзамены должны были тянуться болѣе мѣсяца. У меня не было ни одной знакомой души во всемъ Петербургѣ, и по вечерамъ, приходя домой, я испытывалъ скуку и томленіе одиночества. Съ товарищами же и говорить не стоило: всѣ они было помѣшаны на синусахъ и тангенсахъ, на качествахъ, которымъ должна удовлетворять боевая позиція, и на среднемъ квадратическомъ отклоненіи снарядовъ. Вдругъ я случайно вспомнилъ, что мой отецъ совѣтовалъ мнѣ разыскать въ Петербургѣ Александру Ивановну Грачеву, нашу дальнюю родственницу, и зайти къ ней. Я взялъ справку въ адресномъ столѣ, отправился куда-то на Гороховую и съ трудомъ, но все-таки нашелъ комнату Александры Ивановны, жившей на заднемъ дворѣ у своей сестры.

«Я вошелъ и остановился, почти ничего не видя. Спиной ко мнѣ, у единственнаго маленькаго окна съ мутно-зелеными стеклами, стояла полная женщина. Она нагнулась надъ керосиновой плитой, отъ которой шелъ густой чадъ, застилавшій комнату и наполнявшій ее запахомъ керосина и пригорѣлаго масла. Женщина обернулась назадъ и стала присматриваться. Въ это время откуда-то изъ угла выскочилъ и быстро подошелъ ко мнѣ мальчикъ, въ распоясанной блузѣ и босикомъ. Взглянувъ на него пристальнѣй, я сразу догадался, что это идіотъ, и хотя не отступилъ передъ нимъ, но скажу откровенно, что въ сердце мое стукнуло чувство, похожее на трусость. Идіотъ глядѣлъ на меня безсмысленно и издавалъ странные звуки, нѣчто въ родѣ: урлы, урлы...

«— Не бойтесь, онъ не тронетъ, — сказала женщина, идя мнѣ навстрѣчу. — Чѣмъ могу служить?

«Я назвалъ себя и упомянулъ про своего отца. Она обрадовалась, оживилась, разохалась и стала извиняться, что у нея не прибрано. Идіотъ принялся еще громче кричать свое: урлы, урлы...

«— Это сыночекъ мой, онъ такой отъ рожденія, — сказала Александра Ивановна съ грустной улыбкой. — Что жъ... Божья воля... Степаномъ его зовутъ...

«Услышавъ свое имя, идіотъ крикнулъ какимъ-то птичьимъ голосомъ:

«— Папанъ!

«Александра Ивановна похлопала его ласково по плечу.

«— Да, да. Степанъ, Степанъ... Видите, догадался, что о немъ говорятъ, и рекомендуется.

«— Папанъ! — крикнулъ еще разъ идіотъ, переводя глаза то на мать, то на меня.

«Чтобы оказать Александрѣ Ивановнѣ вниманіе, я сказалъ ему: «Здравствуй, Степанъ», и взялъ его за руку. Она была холодна, пухла и безжизненна. Я почувствовалъ брезгливость и только изъ вѣжливости спросилъ:

«— Ему, навѣрно, лѣтъ шестнадцать?

«— Ахъ, нѣтъ,—отвѣтила Александра Ивановна.—Это всѣмъ такъ кажется, что ему шестнадцать, а ему уже двадцать девятый идетъ... Ни усы, ни борода не растутъ.

«Мы разговорились. Грачева оказалась тихой, робкой женщиной, забитой неудачами и долгой нуждой. Суровая борьба съ бѣдностью совершенно убила въ ней смѣлость мысли и способность интересоваться чѣмъ-нибудь выходящимъ за узкіе предѣлы этой борьбы. Она жаловалась мнѣ на дороговизну мяса и на дерзость извозчиковъ, разсказывала объ извѣстныхъ ей случаяхъ выигрыша въ лотерею и завидовала счастью богатыхъ людей. Во все время нашего разговора Степанъ не сводилъ съ меня глазъ. Видимо, его поразилъ и заинтересовалъ видъ моего военнаго сюртука. Раза три онъ исподтишка протягивалъ руку, чтобы притронуться къ блестящимъ пуговицамъ, и тотчасъ же отдергивалъ ее съ видомъ испуга.

«— Неужели вашъ Степанъ такъ и не говоритъ ни одного слова? — спросилъ я Александру Ивановну.

«Она печально покачала головой.

«—Нѣтъ, не говоритъ. Есть у него нѣсколько собственныхъ словъ, да что̀ же это за слова! Такъ, бормотанье! Вотъ, напримѣръ, Степанъ у него называется «Папанъ», кушать хочется — «мня», деньги у него называются «тэки»... Степанъ,—обратилась она къ сыну:— гдѣ твои тэки? Покажи намъ твои тэки.

Степанъ вдругъ спрыгнулъ со стула, бросился въ темный уголъ и присѣлъ тамъ на корточки. Я услышалъ оттуда звонъ мѣдной монеты и тѣ же «урлы, урлы», но на этотъ разъ ворчливые, угрожающіе.

«— Боится, — пояснила Александра Ивановна. — Хоть и не понимаетъ, что̀ такое деньги, а ни за что не позволитъ дотронуться... Даже меня къ нимъ не подпускаетъ... Ну, ну, не будемъ трогать тэки, не будемъ, — принялась она успокаивать сына...

«Я сталъ довольно часто бывать у Грачевой. Ея Степанъ заинтересовалъ меня, и мнѣ пришла въ голову мысль вылѣчить его по системѣ какого-то швейцарскаго доктора, пробовавшаго дѣйствовать на своихъ слабоумныхъ паціентовъ медленнымъ путемъ логическаго развитія. «Вѣдь есть же у него нѣсколько слабыхъ представленій о внѣшнемъ мірѣ и объ отношеніи явленій, — думалъ я. — Неужели къ этимъ двумъ-тремъ идеямъ нельзя съ помощью комбинаціи прибавить четвертую, пятую и т. д.? Неужели путемъ упорной гимнастики нельзя хотя немного укрѣпить и расширить этотъ бѣдный умъ?»

«Я началъ съ того, что принесъ Степану куклу, изображающую ямщика. Онъ очень обрадовался, расхохотался и закричалъ, указывая на куклу: «Папанъ!» Повидимому, однако, кукла возбудила въ его головѣ какія-то сомнѣнія, и въ тотъ же вечеръ Степанъ,

всегда благосклонный ко всему маленькому и слабому, попробовалъ на полу крѣпость ея головы. Потомъ я приносилъ ему картинки, пробовалъ заинтересовать его кубиками, разговаривалъ съ нимъ, называя разные предметы и показывая на нихъ. Но, или система швейцарскаго доктора была невѣрна, или я не умѣлъ ее примѣнить на практикѣ, только развитіе Степана не подвигалось ни на шагъ.

«Зато онъ необыкновенно полюбилъ меня въ эти дни. Когда я приходилъ, онъ кидался мнѣ навстрѣчу съ восторженнымъ ревомъ. Онъ не спускалъ съ меня глазъ; когда я переставалъ обращать на него вниманіе, онъ подходилъ и лизалъ, какъ собака, мои руки, сапоги или одежду. Послѣ моего ухода онъ долго не отходилъ отъ окна и испускалъ такіе жалобные вопли, что другіе квартиранты жаловались на него хозяйкѣ.

«А мои личныя дѣла были очень плохи. Я провалился— и провалился съ необычайнымъ трескомъ — на предпослѣднемъ экзаменѣ по фортификаціи. Мнѣ оставалось только собрать пожитки и отправляться обратно въ полкъ. Мнѣ кажется, я во всю мою жизнь не забуду того ужаснаго момента, когда, выйдя изъ аудиторіи, я проходилъ величественный вестибюль академіи. Боже мой! какимъ маленькимъ, жалкимъ и униженнымъ казался я самъ себѣ, сходя по этимъ широкимъ ступенямъ, устланнымъ сѣрымъ байковымъ ковромъ съ красными каемками по бокамъ и съ бѣлой холщевой дорожкой посрединѣ.

«Нужно было какъ можно скорѣе ѣхать. Къ этому меня побуждали и финансовыя соображенія: въ моемъ бумажникѣ лежали всего-навсего: гривенникъ и билетъ на одинъ разъ въ нормальную столовую...

«Я думалъ: получить поскорѣе обратные прогоны (о, какая свирѣпая иронія заключалась для меня въ послѣднемъ словѣ!)—и въ тотъ же день маршъ на вок-

залъ. Но оказалось, что самая трудная вещь въ мірѣ — именно получить прогоны въ Петербургѣ. Изъ канцеляріи академіи меня посылали въ главный штабъ, изъ главнаго штаба — въ комендантское управленіе, оттуда — въ окружное интендантство, а оттуда — обратно въ академію, и наконецъ — въ казначейство. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ были различные часы пріема: гдѣ отъ 9 час. утра до 12, гдѣ отъ 3 до 5 час. Я всюду опаздывалъ, и положеніе мое становилось критическимъ.

«Вмѣстѣ съ билетомъ въ нормальную столовую я истратилъ легкомысленнымъ образомъ и гривенникъ. На другой день при первыхъ приступахъ голода я рѣшилъ продать учебники. Толстый баронъ Вега въ обработкѣ Бремикера и въ переплетѣ пошелъ за четвертакъ, администрація проф. Лобко за 20 копеекъ, солиднаго генерала Дуропа никто не бралъ.

«Еще два дня я былъ въ полусытомъ состояніи. На третій день изъ прежнихъ богатствъ осталось только три копейки. Я, скрѣпя сердце, пошелъ просить взаймы у товарищей, но они всѣ отговаривались «торричелліевой пустотой» кармановъ, и только одинъ сказалъ, что хотя у него и есть нѣсколько рублей, но все-таки онъ взаймы ничего не дастъ, «потому что, — объяснилъ онъ съ нѣжной улыбкой: — часто, давъ другу въ долгъ денегъ, мы лишаемся и друга и денегъ,—какъ сказалъ однажды великій Шекспиръ въ одномъ изъ своихъ безсмертныхъ произведеній»...

«Три копейки! Я предавался надъ ними трагическимъ размышленіямъ: истратить ли ихъ на полдесятка папиросъ, или подождать, когда голодъ сдѣлается невыносимымъ, и тогда купить на нихъ хлѣба?

«Какъ я былъ уменъ, что рѣшился на послѣднее! Къ вечеру я проголодался, какъ Робинзонъ Крузе на своемъ островѣ, и вышелъ на Невскій. Я разъ десять прошелъ

мимо булочной Филиппова, пожирая глазами выставленные въ окнахъ громадные хлѣбы: у нѣкоторыхъ тѣсто было желтое, у другихъ розовое, у третьихъ перемежалось со слоями мака. Наконецъ я рѣшился войти. Какіе-то гимназисты ѣли жареные пирожки, держа ихъ въ кусочкахъ сѣрой промаслившейся бумаги. Я почувствовалъ ненависть къ этимъ счастливцамъ...

«— Что̀ вамъ угодно? — спросилъ меня приказчикъ.

«Я принялъ самый небрежный видъ и сказалъ фатовскимъ тономъ:

«— Отвѣсьте-ка мнѣ фунтъ чернаго хлѣба...

«Но я далеко не былъ спокоенъ, пока приказчикъ широкимъ ножомъ красиво рѣзалъ хлѣбъ. «А вдругъ, — думалось мнѣ:—фунтъ хлѣба сто̀итъ не $2^1/_2$ копейки, а больше? Или что̀ будетъ, если приказчикъ отрѣжетъ съ походцемъ? Я понимаю, можно задолжать въ ресторанѣ пять-десять рублей и приказать буфетчику: «Запиши тамъ за мной, любезный», но какъ быть, если не хватитъ одной копейки?

«Ура! Хлѣбъ сто̀итъ ровно три копейки. Я переминался терпѣливо съ ноги на ногу, когда его завертывали въ бумагу. Какъ только я вышелъ изъ булочной, чувствуя въ карманѣ теплое и мягкое прикосновеніе хлѣба, мнѣ хотѣлось отъ радости закричать и съежиться, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, ложась въ постель послѣ цѣлаго дня бѣготни. И я не могъ утерпѣть, чтобы еще на Невскомъ не сунуть украдкою въ ротъ двухъ большихъ, вкусныхъ кусковъ.

«Да-съ. Я все это разсказываю въ почти веселомъ тонѣ... Но тогда мнѣ было вовсе не до веселья. Прибавьте къ мученіямъ голода острый стыдъ провала, близкую перспективу насмѣшекъ полковыхъ товарищей, очаровательную любезность чиновниковъ, отъ которыхъ зависѣла выдача проклятыхъ прогоновъ... Я вамъ скажу

искренно, что въ эти дни я все время былъ лицомъ къ лицу съ мыслью о самоубійствѣ.

«На другой день голодъ опять сдѣлался невыносимымъ. Я пошелъ къ Александрѣ Ивановнѣ... Степанъ, увидѣвъ меня, пришелъ въ неистовый восторгъ. Онъ рычалъ, подпрыгивалъ и лизалъ рукава моего сюртука. Когда наконецъ я сѣлъ, онъ помѣстился около меня на полу и прижался къ моимъ ногамъ. Александра Ивановна насилу отогнала его.

«Мнѣ очень было тяжело просить бѣдную, испуганную суровой жизнью женщину о деньгахъ, но я рѣшился сдѣлать это.

«— Александра Ивановна, — сказалъ я:—мнѣ ѣсть нечего. Дайте мнѣ, сколько можете, взаймы...

«Она всплеснула руками.

— Голубчикъ мой—ни копеечки. Вчера сама заложила брошку... Сегодня еще было кое-что на базаръ, а завтра ужъ не знаю, какъ быть...

«— Не можете ли вы взять немного у сестры? — посовѣтовалъ я.

«Александра Ивановна боязливо оглянулась кругомъ и зашептала съ ужасомъ:

«— Что̀ вы, что̀ вы, дорогой. Да вѣдь я и такъ изъ милости живу у нея. Нѣтъ, ужъ лучше подумаемъ, нельзя ли какъ-нибудь иначе обойтись?

«Но, что̀ мы ни придумывали, все оказывалось несбывчивымъ. Потомъ мы оба замолчали. Наступалъ вечеръ, и по комнатѣ расползалась унылая, тяжелая мгла. Отчаяніе, ненависть и голодъ терзали меня. Я чувствовалъ себя заброшеннымъ на край свѣта, одинокимъ и униженнымъ.

«Вдругъ кто-то толкнулъ меня въ бокъ. Я обернулся. Это былъ Степанъ. Онъ протягивалъ мнѣ на ладони кучку мѣдныхъ монетъ и говорилъ:

«— Тэки, тэки, тэки...

«Я не понималъ. Тогда онъ бросилъ свои деньги мнѣ на колѣно, крикнулъ еще разъ «тэки» и убѣжалъ въ свой уголокъ.

«Ну, что̀ скрываться? Я заплакалъ, какъ маленькій мальчикъ. Ревѣлъ я очень долго и громко. Александра Ивановна также плакала вмѣстѣ со мною отъ умиленія и жалости, а Степанъ изъ темнаго угла испускалъ жалобные, совершенно осмысленные: «урлы, урлы, урлы»...

«Когда я успокоился, мнѣ стало легче. Неожиданное сочувствіе блаженненькаго вдругъ согрѣло и приласкало мое сердце, показало мнѣ, что еще можно и должно жить, пока есть на свѣтѣ любовь и состраданіе.

«Такъ вотъ почему,—закончилъ Зиминъ свой разсказъ: — вотъ почему я такъ жалѣю этихъ несчастныхъ и не смѣю имъ отказывать въ человѣческомъ достоинствѣ. Да и кстати: его сочувствіе принесло мнѣ счастье. Теперь я очень радъ, что не сдѣлался «моментомъ». Это такъ у насъ въ арміи называли офицеровъ генеральнаго штаба. У меня впереди и въ прошломъ большая, широкая, свободная жизнь. Я суевѣренъ».

СЛАВЯНСКАЯ ДУША.

Чѣмъ дальше я углубляюсь памятью въ прошлое и дохожу наконецъ до событій, сопровождавшихъ мое дѣтство, тѣмъ сбивчивѣе и недостовѣрнѣе становятся мои воспоминанія. Многое, вѣроятно, было мнѣ разсказано впослѣдствіи, въ болѣе сознательное время, тѣми, кто со вниманіемъ и любовью наблюдалъ мои первые шаги; многаго со мною и не было вовсе, а, слышанное или читанное когда-то, оно слишкомъ тѣсно приросло къ моей душѣ. Кто поручится, гдѣ въ этихъ воспоминаніяхъ кончается фактическая сторона, гдѣ начинается давнишняя, обратившаяся въ привычную истину, сказка, и гдѣ наконецъ граница, на которой та и другая такъ причудливо мѣшаются?

Особенно ярко встаетъ въ моемъ воображеніи оригинальная фигура Яся и двухъ его товарищей — даже скажу больше: друзей—на жизненномъ пути: Мацька—стараго кавалерійскаго бракованнаго мерина и дворовой собаки Бутона.

Ясь отличался серьезной медленностью въ словахъ и поступкахъ и всегда имѣлъ видъ человѣка въ самомъ себѣ сосредоточеннаго. Говорилъ онъ очень рѣдко, взвѣшивая сказанное; рѣчь свою старался сдѣлать русской и только въ минуты сильныхъ душевныхъ движеній прорывался малорусскими ругательствами и цѣлыми фразами. Благодаря платьямъ степеннаго покроя и темныхъ цвѣ-

товъ, благодаря торжественному, немного унылому выраженію бритаго лица со значительно поджатыми тонкими губами, онъ производилъ впечатлѣніе двороваго человѣка стараго, добраго времени.

Изо всего рода человѣческаго, кромѣ самого себя, Ясь, кажется, только моего отца и удостоивалъ своимъ уваженіемъ. Къ намъ же, дѣтямъ, къ маменькѣ и ко всѣмъ, какъ своимъ, такъ и нашимъ знакомымъ, онъ относился хотя и почтительно, но съ оттѣнкомъ нѣкотораго жалостливаго и презрительнаго снисхожденія. Изъ какого пункта воздвигалась его непомѣрная гордость—было всегда для меня загадкой. Бываетъ, что слуги съ извѣстною наглостью одѣваются въ часть того обаянія власти, которое исходитъ отъ ихъ господъ. Но отецъ мой, бѣдный докторъ въ еврейскомъ мѣстечкѣ, жилъ такъ скромно и тихо, что ужъ никакъ не могъ подать Ясю повода смотрѣть свысока на окружающее. Не было у Яся также ни одного изъ обыкновенныхъ мотивовъ лакейской наглости: ни столичнаго лоска съ иностранными словцами, ни самоувѣренной неотразимости у окрестныхъ горничныхъ, ни сладкаго искусства бренчать на гитарѣ трогательные романсы — искусства, уже погубившаго столько неопытныхъ сердецъ. Свободные отъ занятій часы онъ проводилъ, лежа въ полномъ бездѣйствіи на своемъ сундукѣ. Книгъ Ясь не только не читалъ, но искренно презиралъ ихъ. Все прочитанное, кромѣ Библіи, было, по его мнѣнію, написано не по правдѣ, а «видъ себѣ», для того только, чтобы деньги выдуривать, а потому всякой книгѣ Ясь предпочиталъ тѣ свои длинныя, тягучія мысли, которыя онъ переворачивалъ во время долгаго лежанія на сундукѣ.

Мацька исключили изъ военной службы за многочисленные пороки, въ числѣ которыхъ самымъ главнымъ была его старость, дошедшая до возмутительныхъ размѣровъ; кромѣ того, переднія ноги были у него согнуты вслѣд-

ствіе опоя и въ мѣстахъ соединенія съ туловищемъ украшались мѣшкообразными приростами, а задними онъ «пѣтушилъ» на ходу, благодаря старинному шпату. Голову съ верблюжьимъ профилемъ по старой военной привычкѣ онъ дралъ кверху, выставляя впередъ острый кадыкъ, и это, вмѣстѣ съ громаднымъ ростомъ, необыкновенной худобой и отсутствіемъ одного глаза, придавало ему видъ воинственно-жалкій и комически-серьезный. Такихъ коней, задирающихъ на ходу голову вверхъ, зовутъ въ полкахъ «звѣздочетами».

Мацько со стороны Яся пользовался гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ, нежели Бутонъ, который иногда проявлялъ несвойственную своему возрасту легкомысленность. Это былъ одинъ изъ тѣхъ большихъ длинношерстныхъ и лохматыхъ псовъ, которые отчасти напоминаютъ крысоловку, увеличенную въ десять разъ, отчасти пуделя, а по природѣ суть самыя породистыя дворняжки. Дома Бутонъ отличался отмѣнной серьезностью и разсудительностью во всѣхъ поступкахъ, но на улицѣ держалъ себя положительно неблагопристойно. Если онъ отправлялся съ отцомъ, то не бѣжалъ скромно сзади экипажа, какъ это дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ порядочные псы. Онъ кидался на всѣхъ встрѣчныхъ лошадей, подпрыгивалъ съ громкимъ лаемъ къ самымъ ихъ мордамъ и только тогда пугливо отскакивалъ въ сторону, если одна изъ нихъ съ тревожнымъ храпомъ нагибала быстро шею, чтобы схватить зубами нахала. Онъ забирался въ чужіе дворы и черезъ нѣсколько секундъ кубаремъ выкатывался оттуда, преслѣдуемый десятками озлобленныхъ собакъ. Онъ заводилъ наконецъ самыя темныя знакомства съ псами, давно пріобрѣвшими низменную репутацію.

У насъ въ Подоліи и на Волыни ничто человѣку не сообщаетъ такого шика, какъ выѣздъ. Иной помѣщикъ давнымъ-давно заложилъ и перезаложилъ имѣніе и ждетъ

со дня на день посѣщенія судебнаго пристава, но если онъ въ воскресенье ѣдетъ «до свентего костела», то непремѣнно въ легкомъ тарантасикѣ, запряженномъ цугомъ четырьмя, а то и шестью прекрасными, горячими польскими лошадьми, и, въѣзжая на главную площадь мѣстечка, обязательно прикажетъ кучеру: «Паль съ бича, Юзефъ». Я увѣренъ однако, что ни одному изъ богатыхъ окрестныхъ пановъ не подавали съ такой помпой его выѣзда, какъ это дѣлалъ Ясь, когда отецъ собирался куда-нибудь. Во-первыхъ, самъ Ясь надѣвалъ высокій клеенчатый картузъ съ четырехугольнымъ козырькомъ и широкій желтый поясъ. Затѣмъ Мацько, запряженный въ рессорный рыдванъ временъ процвѣтанія Рѣчи Посполитой, отводился шаговъ на сто отъ дома. Едва отецъ показывался на крыльцѣ, Ясь торжественно палилъ съ бича; Мацько нѣкоторое время въ раздумьѣ вертѣлъ хвостомъ и потомъ трогался степенной рысцой, вскидывая и поднимая заднія ноги высоко, какъ пѣтухъ. Ровняясь съ крыльцомъ, Ясь дѣлалъ видъ, что съ трудомъ сдерживаетъ нетерпѣливыхъ лошадей, и изо всѣхъ силъ вытягивалъ впередъ руки съ вожжами. Все его вниманіе было поглощено лошадьми, и, что̀ бы ни произошло вокругъ, Ясь не повернулъ бы головы. Вѣроятно, все это дѣлалось для поддержанія нашей фамильной чести.

Вообще о моемъ отцѣ Ясь былъ чрезмѣрно высокаго мнѣнія. Случалось, что какому-нибудь бѣдному еврею или крестьянину приходилось дожидаться своей очереди въ передней, пока отецъ занимался съ другими больными. Ясь часто заводилъ съ нимъ разговоръ, клонившійся единственно къ расширенію докторской популярности отца.

— Ты что̀ думаешь? — спрашивалъ онъ, принявъ на табуреткѣ независимую позу и оглядывая съ ногъ до головы почтительно стоявшаго передъ нимъ паціента.— Ты, можетъ-быть, думаешь, до волостного писаря при-

шелъ, или до станового? Мой панъ, братику, не только повыше станового, а главнѣе самого исправника будетъ. Онъ, братику, все знаетъ на свѣтѣ. Вотъ какъ. У тебя что̀ болитъ?

— У мене шо-сь у середкѣ болыть, — сконфуженно мялся больной: — и у грудяхъ пече...

— Ну, вотъ видишь. А отчего? Чѣмъ ее пользовать? Ты не знаешь, и я не знаю. А панъ на тебя поглядитъ только, — такъ сейчасъ и скажетъ, чи ты будешь живъ, чи помрешь.

Жилъ Ясь очень бережливо и всѣ свои деньги употреблялъ на покупку разныхъ хозяйственныхъ вещицъ, которыя онъ бережно укладывалъ въ своемъ большомъ сундукѣ, окованномъ жестью. Ничто намъ, дѣтямъ, не доставляло такого удовольствія, какъ позволеніе Яся присутствовать при переборкѣ этихъ вещей. Изнутри крышка сундука была оклеена картинами самаго разнообразнаго содержанія. Тутъ, рядомъ съ грозными отечественными генералами въ зеленыхъ усахъ, помѣщались: и хожденіе души по мытарствамъ, и гравюра изъ «Нивы», изображающая этюдъ женской головки, и Соловей-разбойникъ на дубу, старательно раскрывающій правый глазъ навстрѣчу стрѣлѣ Ильи-Муромца. Затѣмъ изъ сундука послѣдовательно выгружалась коллекція пиджаковъ, жилетовъ, полушубковъ, бараньихъ шапокъ, чашекъ и блюдечекъ, проволочныхъ коробокъ, украшенныхъ бисеромъ и тафтяными цвѣточками, и маленькихъ круглыхъ зеркалецъ. Нерѣдко изъ бокового отдѣленія сундука вынималось яблоко, или пара маковниковъ, которые для насъ всегда казались особенно вкусными.

Ясь вообще былъ очень аккуратенъ и старателенъ. Однажды онъ разбилъ большой графинъ отъ воды, и отецъ сдѣлалъ ему выговоръ. На другой день Ясь явился съ двумя цѣлыми графинами. «Все равно, можетъ-быть, я и еще разо-

бью,—пояснилъ онъ:—а въ домѣ все-таки не лишнее». Въ комнатахъ онъ самъ завелъ и постоянно поддерживалъ образцовую чистоту. Онъ ревниво оберегалъ свои права и обязанности и былъ глубоко убѣжденъ, что никто не сумѣетъ лучше его вычистить половъ. Какъ-то между Ясемъ и новой горничной, Евкой, возникъ горячій споръ, кончившійся состязаніемъ на то, кто лучше и чище уберетъ комнаты. Мы были приглашены, какъ эксперты, и, изъ желанія немного посердить Яся, отдали пальму первенства женщинѣ. Мы, дѣти, по незнанію человѣческой души, и не подозрѣвали, какой ударъ нанесли Ясю своимъ жестокимъ рѣшеніемъ. Онъ ушелъ, не сказавъ ни слова, и на другой день всѣмъ въ мѣстечкѣ стало извѣстно, что Ясь запилъ.

Это случалось съ нимъ приблизительно разъ въ два-три года и составляло какъ его, такъ и всей нашей семьи несчастье. Некому было ни нарубить дровъ, ни напоить лошадь, ни принести воды. Пять или шесть дней мы не видѣли Яся и не слыхали о немъ. На седьмой день онъ явился безъ картуза и чемерки, страшный, растрепанный. За нимъ, шагахъ въ тридцати, слѣдовала галдящая толпа евреевъ. Мальчишки кричали и кривлялись. Всѣ знали, что сейчасъ будетъ происходить аукціонъ.

Дѣйствительно, черезъ минуту Ясь выбѣгалъ изъ дома на улицу, держа въ рукахъ почти все содержимое завѣтнаго сундучка. Толпа немедленно окружала его.

— Какъ? Вы мнѣ водки не даете? — кричалъ Ясь, потрясая брюками и жилетами, нанизанными на рукахъ.— Що? У меня денегъ нема? А это що? А це? А це? Це?

И въ толпу однѣ за другими летѣли его одежды и подхватывались десятками хищныхъ рукъ.

— Сколько даешь? — кричалъ Ясь какому-нибудь еврею, завладѣвшему пиджакомъ: — сколько даешь, кобылячья твоя голова?

— Ну-у-у? Пятьдесятъ копеекъ я могу дать,— говорилъ еврей, прищуривая глаза.

— Пятьдесятъ? Пятьдесятъ!? — Отчаяніе Яся доходило до крайнихъ предѣловъ. — Не хочу пятьдесятъ! Давай двадцать копеекъ! Давай злотъ! Это що? Утиральники? Давай за всѣ гривенникъ. Щобъ вамъ очи повылазили! Щобъ васъ болячка задушила! Щобъ вы малэнькими булы здохлы!

Полиція въ нашемъ мѣстечкѣ есть, но всѣ ея обязанности заключаются въ томъ, чтобы крестить у «хозяевъ» дѣтей, и въ подобныхъ случаяхъ она, не принимая никакого участія въ безпорядкѣ, играетъ скромную роль гостя безъ рѣчей. Отецъ, видя расхищеніе Яснаго имущества, не выдерживалъ болѣе своего гнѣвнаго презрѣнія (напился, молъ, идіотъ, и пусть теперь раздѣлывается) и самоотверженно кидался въ галдящую толпу. Черезъ секунду на сценѣ только и оставались: Ясь и отецъ, держащій въ рукахъ какую-нибудь жалкую бритвенницу. Ясь нѣсколько минутъ качался отъ изумленія на мѣстѣ, высоко и безпомощно подымая кверху брови, и вдругъ грохался на колѣни.

— Пане! Пане мой коханый! Чтò жъ ото воны мини зробыли! Пане мой коханый!..

— Иди въ сарай! — сердито приказывалъ отецъ и отталкивалъ отъ себя Яся, который хваталъ и цѣловалъ полы его сюртука. — Иди въ сарай, проспись! И чтобы духу твоего завтра же здѣсь не было.

Ясь покорно отправлялся въ сарай, и тогда для него начинались мучительные часы похмелья, отягченные и усугубленные муками раскаянія. Онъ лежалъ на животѣ, подперевъ голову ладонями и устремивъ глаза въ одну точку передъ собой. Онъ отлично зналъ, чтò теперь происходитъ дома. Ему ясно представлялось, какъ всѣ мы просимъ у отца за Яся, и какъ отецъ нетерпѣливо отма-

хивается отъ насъ руками. Ясь отлично зналъ, что уже на этотъ разъ отецъ навѣрно останется непреклоннымъ.

Иногда, прислушиваясь изъ любопытства у дверей сарая, мы различали доносившіеся оттуда звуки, — странные звуки, похожіе на рычаніе и всхлипываніе.

Въ эти минуты паденія и скорби Бутонъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ навѣстить страждущаго Яся. Умный песъ отлично понималъ, что въ обыкновенное, трезвое время Ясь не допустилъ бы съ его стороны даже намека на фамильярныя отношенія. Поэтому всегда, встрѣчаясь на дворѣ съ суровымъ слугою, Бутонъ дѣлалъ видъ, будто бы онъ что-то внимательно разглядываетъ вдали, или озабоченно ловилъ ртомъ пролетавшую муху. Одно обстоятельство меня всегда удивляло. Мы часто ласкали и порою кормили Бутона, вытаскивали у него изъ шерсти колючіе репяхи, что̀ онъ мужественно и безмолвно переносилъ, несмотря на очевидныя страданія, даже цѣловали его въ холодный, мокрый носъ. И однако всѣ симпатіи и привязанности его цѣликомъ принадлежали Ясю, отъ котораго онъ, кромѣ пинковъ, ничего не видѣлъ. Увы, теперь, когда жестокій опытъ учитъ меня заглядывать во всемъ и на изнанку, я начинаю подозрѣвать, что источникъ Бутоновой привязанности вовсе не былъ такъ загадоченъ: все-таки не мы, а Ясь приносилъ ежедневно Бутону миску послѣобѣденныхъ остатковъ.

Въ мирное время, повторяю, Бутонъ ни за что не рискнулъ бы такъ непосредственно обратиться къ чувствамъ Яся. Но въ дни покаянія онъ смѣло заходилъ въ сарай, садился рядомъ съ лежащимъ Ясемъ и, глядя въ уголъ, вздыхалъ глубоко и сочувственно. Если это не помогало, Бутонъ начиналъ лизать сначала робко, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, руки и лицо своего покровителя. Кончалось тѣмъ, что Ясь, рыдая, обхватывалъ Бутона за шею;

Бутонъ принимался потихоньку подвывать ему, и вскорѣ они сливали свои голоса въ странный, но трогательный дуэтъ.

На другой день Ясь являлся въ комнаты чуть свѣтъ, мрачный и не смѣющій поднять глазъ. Полы и мебель доводилъ онъ до блистательной чистоты къ приходу отца, при одной мысли о которомъ Ясь трепеталъ. Но отецъ оставался неумолимъ. Онъ вручалъ Ясю паспортъ и деньги и приказывалъ немедленно очистить кухню. Мольбы и клятвы оказывались тщетными.

Тогда Ясь рѣшался на крайнее средство.

— Такъ, значитъ, кажете мнѣ, пане, уходить?—спрашивалъ онъ дерзко.

— Да. И немедленно.

— Такъ вотъ не уйду же. Теперь вы гоните, а безъ меня пропадете всѣ, какъ тараканы. Не пойду, тай годи!

— Съ полиціей выведутъ.

— Выведутъ меня?..—возмущался Ясь. — Ну и пусть выводятъ. Пусть весь городъ видитъ, что Ясь двадцать лѣтъ служилъ вѣрой и правдой, а его за это при полиціи въ буцыгарню тянутъ. Пусть выводятъ. Не мнѣ будетъ стыдно, а пану!

И дѣйствительно Ясь оставался. Угрозы отъ него отскакивали безъ воздѣйствія. Не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, онъ работалъ безъ устали, работалъ преувеличенно много, стараясь наверстать потерянное время. Вечеромъ онъ не шелъ спать въ кухню, а ложился въ стойлѣ около Мацька, и конь всю ночь стоялъ, растопыривъ ноги и боясь переступить ими въ прежнее русло. Отецъ мой былъ добродушный и лѣнивый человѣкъ, котораго совершенно подчиняли себѣ привычныя условія, люди и вещи. Къ вечеру онъ прощалъ Яся.

Собою Ясь былъ красавецъ — брюнетъ украинскаго меланхолическаго типа. Дѣвки и молодицы заглядывались

на него, хотя ни одна, пробѣгая перепелкой по двору, не рисковала кокетливо ткнуть Яся въ бокъ кулакомъ или вызывающе улыбнуться: слишкомъ много въ немъ было надменнаго, ледяного презрѣнія къ прекрасному полу. И сладости семейнаго очага также мало прельщали его. «Какъ этая самая баба заведется въ хатѣ,—говорилъ брезгливо Ясь: — такъ сейчасъ воздухъ дурной пойдетъ». Впрочемъ, и то одинъ только разъ, онъ сдѣлалъ попытку въ этомъ направленіи, при чемъ ему суждено было удивить насъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Однажды, когда мы сидѣли за вечернимъ чаемъ, Ясь вошелъ въ столовую совершенно трезвый, но съ взволнованнымъ лицомъ и, таинственно указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ правой руки на дверь, спросилъ шопотомъ:

— Можно «имъ» войти?

— Кто тамъ такой? — спросилъ отецъ. — Пусть входитъ.

Мы всѣ съ ожиданіемъ устремили глаза на дверь, изъ которой медленно выползло странное существо. Это была женщина лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, въ лохмотьяхъ, избитая и безсмысленная.

— Благословите насъ, пане, вступить въ бракъ,—сказалъ Ясь, опускаясь на колѣни. — Становись, дура, — крикнулъ онъ на женщину и потянулъ ее грубо за рукавъ.

Отецъ съ трудомъ пришелъ въ себя отъ изумленія. Онъ долго и горячо толковалъ Ясю, что надо сойти съ ума, чтобы жениться на такой твари. Ясь слушалъ молча, не вставая съ колѣнъ; безсмысленная женщина также не поднималась.

— Такъ не велите, пане, жениться? — спросилъ наконецъ Ясь.

— Не только не велю, — отвѣчалъ отецъ: — но я увѣренъ, что ты этого не сдѣлаешь.

— Значитъ, такъ и будетъ, — сказалъ рѣшительно Ясь. — Вставай, дура! — обратился онъ къ женщинѣ. — Слышишь, что̀ панъ говоритъ? Ну, и пошла вонъ!

И съ этими словами, держа неожиданную гостью за шиворотъ, онъ быстро скрылся вмѣстѣ съ нею изъ столовой.

Это была единственная попытка Яся на брачномъ поприщѣ. Объяснялъ ее себѣ каждый различно, но никто не шелъ дальше догадокъ, а когда спрашивали объ этомъ у Яся, онъ только досадливо отмахивался руками.

Еще таинственнѣе и неожиданнѣе была его смерть. Она произошла такъ внезапно и загадочно и такъ мало имѣла, повидимому, связи съ предшествующими событіями Яспой жизни, что, поставленный въ необходимость разсказать о ней, я чувствую себя не совсѣмъ ловко. Но все-таки я ручаюсь, что все мною разсказанное не только въ самомъ дѣлѣ было, но даже не прикрашено для яркости впечатлѣнія ни однимъ лишнимъ штрихомъ.

Однажды на вокзалѣ, находящемся въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка, повѣсился въ уборной какой-то проѣзжій — хорошо одѣтый и не старый господинъ. Ясь въ тотъ же день попросилъ у отца позволенія пойти посмотрѣть.

Часа черезъ четыре онъ вернулся, прямо прошелъ въ гостиную, гдѣ въ это время сидѣли гости, и остановился у притолоки. Онъ только два дня, какъ отбылъ срокъ своего покаянія въ сараѣ, и былъ совершенно трезвъ.

— Что̀ тебѣ? — спросила маменька.

— Гы-ы-гы! — захохоталъ внезапно Ясь. — Языкъ-то у него наружу вылѣзъ... у пана...

Отецъ прогналъ тотчасъ же его на кухню. Гости поговорили немного о странностяхъ Яся и скоро позабыли объ этомъ маленькомъ случаѣ.

На другой день, проходя въ 8 час. вечера мимо дѣтской, Ясь подошелъ къ моей сестренкѣ и обнялъ ее.

— Прощай, доня, — сказалъ онъ и погладилъ ее по головѣ.

— Прощай, Ясь, — отвѣтила сестра, не подымая головы отъ куклы.

Черезъ полчаса къ отцу въ кабинетъ вбѣжала Евка, блѣдная, трясущаяся.

— Пане... тамъ... на чердакѣ... зависився... Ясь.

И упала.

На чердакѣ висѣлъ на тонкомъ шпагатѣ мертвый Ясь.

Когда слѣдователь допрашивалъ кухарку, она показала, что въ день смерти Ясь былъ очень страненъ.

— Станетъ онъ передъ зеркаломъ, — разсказывала она:—сожметъ себѣ горло руками, ажъ весь покраснѣетъ, а самъ языкъ высунетъ и глаза приплющитъ... Видно, все самъ себѣ представлялся.

Такъ слѣдователь и отнесъ причину смерти Яся къ умственному разстройству.

Когда похоронили Яся въ спеціальномъ для этой цѣли оврагѣ за рощей, то на другой день не могли отыскать Бутона. Оказалось, что вѣрный песъ убѣжалъ на могилу и лежалъ тамъ и вылъ, оплакивая смерть своего суроваго друга. А потомъ исчезъ безъ вѣсти.

Теперь, ставши почти старикомъ, я иногда перебираю свои пестрыя воспоминанія и, задерживаясь мыслью надъ Ясемъ, каждый разъ думаю: какая странная душа,—вѣрная, чистая, противорѣчивая, вздорная и больная,—настоящая славянская душа, жила въ Ясиномъ тѣлѣ!

ИСКУШЕНІЕ.

Вотъ вы все говорите: случай, случай... Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что на всякій пустячный случай можно взглянуть поглубже.

Позвольте замѣтить, что мнѣ теперь уже шестьдесятъ лѣтъ. А это — какъ разъ такой возрастъ, когда человѣку, послѣ всѣхъ его мыканій, страстей и бурленія, остаются три пути: стяжательство, честолюбіе и философія. Даже, собственно, два. Честолюбіе, какъ-никакъ, а все-таки состоитъ въ стяжаніи, накопленіи и расширеніи мірскихъ или небесныхъ возможностей.

Философомъ я себя назвать, конечно, не смѣю: слишкомъ громоздкій титулъ и... какъ-то не къ лицу-съ. Къ тому же всегда на меня можете цыкнуть: «А покажи твой багажъ и твой аттестатъ!» Но зато прожилъ я жизнь чрезвычайно большую и весьма пеструю. Видѣлъ богатство и нищету, и болѣзнь, и войну, и утрату близкихъ, и тюрьму, и любовь, и паденіе, и вѣру, и безвѣріе. И даже — хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, — даже людей видѣлъ. Это немудрено по-вашему? Мудрено-съ. Чтобы другого человѣка разсмотрѣть и понять, нужно первымъ долгомъ умѣть совершенно забыть о собственной персонѣ: о томъ, какое плѣнительное впечатлѣніе произвожу я на окружающихъ и сколь я великолѣпенъ на лонѣ природы. А это мало кто умѣетъ, увѣряю васъ.

И вотъ, грѣшный человѣкъ, люблю я на склонѣ моихъ

дней поразмышлять надъ жизнью. Къ тому же я теперь одинокъ и старъ; ночи-то наши, стариковскія, знаете, какія длинныя? А память и сердце сохранили мнѣ живьемъ тысячи событій — своихъ и всяческихъ. Но одно дѣло пережевывать воспоминанія, какъ корова крапиву, а другое — сопоставлять ихъ умно и съ толкомъ. Что̀ я и называю философіей.

Вотъ мы съ вами коснулись случая и судьбы. Охотно соглашусь съ вами: случай безтолковъ, капризенъ, слѣпъ, безцѣленъ, попросту, глупъ. Но надъ жизнью, т.-е. надъ милліонами сцѣпившихся случаевъ, господствуетъ — я въ этомъ твердо увѣренъ — непреложный законъ. Все проходитъ и опять возвращается, рождается изъ малаго, изъ ничего, разгорается, мучитъ, радуетъ, доходитъ до вершины и падаетъ внизъ, и опять приходитъ, и опять, и опять, точно обвиваясь спирально вокругъ бѣга времени. А этотъ спиральный путь, сдѣлавъ, въ свою очередь, многолѣтній оборотъ, возвращается назадъ и проходитъ надъ прежнимъ мѣстомъ и дѣлаетъ новый завитокъ, — спираль спиралей... И такъ безъ конца.

Вы, конечно, возразите мнѣ, что если бы этотъ законъ на самомъ дѣлѣ существовалъ, — люди давнымъ-давно открыли бы его и читали бы будущее, какъ по какой-нибудь картограммѣ. Нѣтъ, не то. Мы, люди, знаете ли, похожи на ткачей, посаженныхъ вплотную около безконечно длинной и безконечно широкой основы. Какія-то краски передъ глазами, цвѣточки, лазурь, пурпуръ, зелень, и все это бѣжитъ, бѣжитъ и уходитъ... но рисунка, по близости разстоянія, намъ не разобрать. Только людямъ, стоящимъ выше жизни, надъ нами, — геніальнымъ ученымъ, пророкамъ, сновидцамъ, блаженнымъ, юродивымъ и поэтамъ иногда удается уловить въ жизненной суматохѣ острымъ и вдохновеннымъ взоромъ начало гармоничнаго узора и предсказать его конецъ.

Вы находите, что я пышно выражаюсь? Не правда ли? Подождите, дальше будетъ еще курчавѣе. Конечно, если вамъ не скучно... Впрочемъ, что̀ же и дѣлать въ вагонѣ, какъ не болтать?..

Съ закономъ, управляющимъ одинаково мудро какъ теченіемъ созвѣздій, такъ и пищевареніемъ таракана, я охотно мирюсь, вѣрю ему и благословляю его. Но есть Нѣкто или Нѣчто, что̀ сильнѣе судьбы и міра. Если оно Нѣчто, то я назвалъ бы его закономъ логической нелѣпости или нелѣпой логичности, какъ хотите... Я не умѣю выразиться. Если же это Нѣкто, то это такой Духъ, передъ которымъ нашъ библейскій дьяволъ и романтическій сатана оказываются маленькими шутниками и совсѣмъ незлобивыми проходимцами.

Вообразите себѣ власть надъ міромъ, почти божескую, и рядомъ отчаянную мальчишескую проказливость, не вѣдающую ни зла ни добра, но всегда безпощадно жестокую, остроумную и, чортъ возьми, какъ-то странно справедливую! Можетъ-быть, вамъ непонятно? Тогда позвольте высказаться пообразнѣе.

Возьмемъ Наполеона: сказочная жизнь, невѣроятно грандіозная личность, неистощимая власть, — и, глядь, подъ конецъ: крошечный островишко, болѣзнь мочевого пузыря, жалобы на пищу и докторовъ, старческое брюзжаніе въ одиночествѣ... Конечно, этотъ жалкій закатъ былъ только насмѣшкой, одной кривой улыбкой моего таинственнаго Нѣкто. Однако вдумайтесь хорошенько въ эту трагическую біографію, отбрасывая толкованія ученыхъ (у нихъ вѣдь все объясняется просто и законно), и вотъ, не знаю, какъ вы, но я ясно вижу, что въ ней уживаются рядомъ нелѣпость и логичность, а объяснить этого себѣ я не могу.

Генералъ Скобелевъ. Крупная, красивая фигура. Отчаянная храбрость и какая-то преувеличенная вѣра въ

свою судьбу. Вѣчная насмѣшка надъ смертью. Эффектная бравада подъ убійственнымъ огнемъ и вѣчное стремленіе къ риску, какая-то неудовлетворенная жажда опасности. И вотъ—смерть на публичной кровати, въ захватанномъ номерѣ гостиницы, въ присутствіи потаскушки. Опять повторяю: нелѣпо, жестоко, но почему-то логично. Какъ будто обѣ эти жалкія смерти своимъ контрастомъ округлили, оттѣнили, дорисовали два пышныхъ существованія.

Древніе знали этого таинственнаго Нѣкто и боялись его (вспомните Поликратовъ перстень), но они ошибочно принимали его шутки за зависть судьбы.

Увѣряю васъ, т.-е. не увѣряю, а я самъ глубоко въ этомъ увѣренъ, что когда-нибудь, лѣтъ тысячъ черезъ тридцать, жизнь на нашей землѣ станетъ дивно прекрасною. Дворцы, сады, фонтаны... Прекратится тяготѣніе надъ людьми рабства, собственности, лжи и насилія... Конецъ болѣзнямъ, безобразію, смерти... Не будетъ больше ни зависти, ни пороковъ, ни ближнихъ, ни дальнихъ, — всѣ сдѣлаются братьями. И вотъ тогда-то Онъ (замѣтьте, я даже въ разговорѣ называю его съ большой буквы), пролетая однажды сквозь мірозданіе, посмотритъ, лукаво прищурясь, на землю, улыбнется и дохнетъ на нее, — и старой, доброй земли не станетъ. Жалко прекрасной планеты, не правда ли? Но подумайте только, къ какому ужасному, кровавому, оргіастическому концу привела бы эта всеобщая добродѣтель тогда, когда люди успѣли бы ею объѣсться по горло.

Впрочемъ, къ чему намъ такіе пышные примѣры, какъ наша земля, Наполеонъ и древніе греки? Я самъ улавливалъ изрѣдка проявленіе этого страшнаго, неисповѣдимаго закона при самыхъ обыденныхъ обстоятельствахъ. Хотите, я вамъ разскажу объ одномъ простомъ случаѣ, гдѣ я въявь почувствовалъ насмѣшливое дыханіе этого бога?

Дѣло было такъ. Я ѣхалъ изъ Томска въ общемъ вагонѣ I-го класса. Со мной, въ числѣ сосѣдей, былъ молодой путейскій инженеръ, чудесный малый, добродушный толстякъ. Простоватое русское лицо, холеное и круглое, бѣлобрысый, волосы ежикомъ, и сквозь нихъ просвѣчиваетъ розовая кожа... этакій ласковый, добрый іоркширчикъ! И глаза у него были какого-то мутно-голубого поросячьяго цвѣта.

Онъ оказался очень пріятнымъ сосѣдомъ. Я рѣдко видѣлъ такихъ предупредительныхъ людей. Сразу онъ уступилъ мнѣ нижнее мѣсто, самъ помогалъ мнѣ взгромоздить мой чемоданъ на сѣтку и вообще былъ такъ любезенъ, что становилось даже немного неловко. На станціяхъ онъ запасался провизіей и виномъ и съ милымъ радушіемъ угощалъ попутчиковъ.

Я сразу же замѣтилъ, что въ немъ кипитъ и рвется наружу какое-то большое внутреннее счастье, и что ему хочется видѣть вокругъ себя всѣхъ людей также счастливыми.

Такъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ. Черезъ десять минутъ онъ уже началъ выкладывать предо мной свою душу. Правда, я замѣтилъ, что при первыхъ же его изліяніяхъ сосѣди какъ-то неловко заерзали на своихъ мѣстахъ и ужъ слишкомъ преувеличенно-усердно начали наблюдать дорожные пейзажи. Впослѣдствіи я узналъ, что они слышали этотъ разсказъ, по крайней мѣрѣ, по десяти разъ каждый. Ихъ участи не избѣгъ и я.

Ѣхалъ этотъ инженеръ съ Дальняго Востока, гдѣ провелъ пять лѣтъ, и, стало-быть, не видѣлся пять лѣтъ со своей семьей, оставленной въ Петербургѣ. Онъ, собственно, разсчитывалъ пробыть въ командировкѣ самое большее годъ, но сначала задержала казенная работа, потомъ подвернулось выгодное частное предпріятіе, потомъ оказалось невозможнымъ оставить дѣло, которое

стало ужъ черезчуръ большимъ и прибыльнымъ. Теперь, ликвидировавъ всѣ дѣла, онъ возвращался домой. Гдѣ же тутъ было обвинять его за болтливость: пробыть пять лѣтъ вдали отъ любимой семьи и возвращаться домой молодымъ, здоровымъ, съ большой удачей и съ неиспользованнымъ запасомъ любви! Какой человѣкъ могъ бы подавить въ себѣ молчаніе, смирить этотъ страшный зудъ нетерпѣнія, которое возрастаетъ съ каждымъ часомъ, съ каждой сотнею пройденныхъ верстъ?

Я скоро отъ него узналъ всѣ семейныя подробности. Его жену зовутъ Сусанной или «Санночкой», а дочь носитъ странное имя «Юрочка». Онъ оставилъ дочку трехлѣтнимъ ребенкомъ. — «Воображаю, — восклицалъ онъ: — теперь совсѣмъ ужъ барышня, — невѣста!» Узналъ я и дѣвическую фамилію его жены, и всѣ бѣдствія, которыя они испытали вдвоемъ, когда онъ женился, будучи студентомъ послѣдняго курса, не имѣя даже двухъ паръ панталонъ, и какимъ прекраснымъ товарищемъ, нянькой, матерью и сестрой была въ это время для него жена.

Онъ билъ себя въ грудь кулакомъ, краснѣлъ отъ гордости, сіялъ глазами и кричалъ:

— Если бы вы знали! Кр-расавица!.. Будете въ Петербургѣ, я васъ познакомлю. Непремѣнно заходите ко мнѣ, непремѣнно. Безъ всякихъ церемоній и отговорокъ, Кирочная, 156. Я васъ познакомлю, и вотъ вы сами увидите мою старуху. Королева! У насъ на путейскихъ балахъ всегда была королевой бала. Ей-Богу же, приходите, иначе обидите.

И всѣмъ намъ онъ раздавалъ свои визитныя карточки, гдѣ карандашомъ зачеркивалъ свой манчжурскій адресъ и надписывалъ петербургскій, и тутъ же сообщалъ, что эта шикарная квартира была нанята его женою всего лишь годъ тому назадъ по его настоянію, когда дѣла шибко пошли въ гору.

Да... водопадомъ изъ него било! Раза по четыре въ день на большихъ станціяхъ онъ посылалъ домой телеграммы съ отвѣтомъ, уплаченнымъ на другую большую станцію или просто въ поѣздъ номеръ такой-то, пассажиру 1-го класса такому-то. И надо было видѣть его въ тотъ моментъ, когда входилъ кондукторъ и возглашалъ нараспѣвъ: «Телеграмма пассажиру перваго класса такому-то». Увѣряю васъ, у него вокругъ лица образовывался сіяющій нимбъ, какъ у святыхъ угодниковъ. Кондукторовъ онъ награждалъ по-царски; впрочемъ, не однихъ только кондукторовъ. У него была непреодолимая потребность всѣхъ обласкать, осчастливить, одарить. Онъ и намъ совалъ на память разныя бездѣлушки изъ сибирскихъ и уральскихъ камней, въ родѣ брелоковъ, запонокъ и булавокъ, китайскихъ колечекъ, нефритовыхъ божковъ и другія мелочи. Были между ними вещи очень цѣнныя, какъ по стоимости, такъ и по рѣдкой художественной работѣ, и, знаете, невозможно было отвязаться отъ него, несмотря на стѣснительность и неловкость принимать подобные подарки, — такъ ужъ онъ убѣдительно и настойчиво просилъ. Вѣдь это все равно, какъ не устоишь, когда ребенокъ упрашиваетъ васъ взять у него конфетку.

Съ собой же онъ везъ пропасть вещей какъ въ багажѣ, такъ и въ вагонѣ, и все это были подарки для «Санночки» и для «Юрочки». Чудныя вещи были: курмы китайскія шелковыя безцѣнныя, слоновая кость, золото, миніатюры на сардониксѣ, мѣха, расписанные вѣера, лакированныя шкатулочки, альбомы, — и надо было видѣть и слышать, съ какою нѣжностью, съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о своихъ близкихъ людяхъ, показывая эти вещи. Пусть его любовь была немного слѣпа, черезчуръ шумна и слишкомъ эгоистична, пусть она была даже чуть-чуть истерична, но клянусь вамъ, что сквозь эти услов-

ныя и пошлыя завѣсы я прозрѣвалъ настоящую громадную любовь, — любовь острой и жгучей напряженности.

Тоже помню. На одной станціи дѣлали прицѣпку вагона, и стрѣлочнику отрѣзало ступню. Немедленно вагонная публика,—самая праздная и дикая, самая жестокая публика въ мірѣ,—полѣзла глазѣть на кровь. Но инженеръ, не останавливаясь въ толпѣ, подошелъ скромно къ начальнику станціи, поговорилъ съ нимъ немного и передалъ ему изъ бумажника какую-то сумму, должно-быть, немалую, такъ какъ красная щапка была приподнята очень почтительно. Сдѣлалъ онъ это чрезвычайно скоро: одинъ только я и видѣлъ его поступокъ, — у меня на эти вещи вообще глазъ замѣчательный. Впрочемъ, видѣлъ я также и то, какъ онъ, воспользовавшись задержкой поѣзда, успѣлъ все-таки юркнуть въ телеграфъ.

Вотъ какъ сейчасъ помню его идущимъ поперекъ платформы: форменная бѣлая фуражка на затылкѣ; широкая, длинная рубаха-косоворотка изъ прекрасной че-су-чи; черезъ одно плечо ремень съ биноклемъ, черезъ другое, накрестъ, ремень съ сумкой, — идетъ изъ телеграфа такой свѣжій, мясистый, крѣпкій и румяный, со своимъ видомъ раскормленнаго, простоватаго деревенскаго парня.

И чуть большая станція — сейчасъ же ему телеграмма. Кондукторы такъ избаловались, что уже сами бѣгали справляться на телеграфъ, — нѣтъ ли для него депеши. Бѣдный мальчикъ! Не могъ онъ скрыть въ себѣ своей радости и читалъ намъ телеграммы вслухъ, точно у насъ и другихъ заботъ не могло быть, кромѣ его семейнаго счастья. «Будь здоровъ, цѣлуемъ, ждемъ нетерпѣливо, Санночка, Юрочка». Или: «Съ часами въ рукахъ слѣжу по расписанію отъ станціи до станціи твой путь, душой и мыслью съ тобой»,—и все въ этомъ родѣ. Ей-Богу, была даже одна такая телеграмма: «Поставь часы по пе-

тербургскому времени, ровно въ 11 гляди на звѣзду Альфа Большой Медвѣдицы, — я тоже».

Между нами былъ одинъ пассажиръ — владѣлецъ, бухгалтеръ или управляющій золотого пріиска, сибирякъ, ликомъ въ родѣ Моисея Мурина: сухое, длинное лицо, густыя, черныя, суровыя брови и длиннѣйшая, пышная, сѣдѣющая борода,—человѣкъ, какъ видно, чрезвычайно искушенный жизненнымъ опытомъ. Онъ осторожно замѣтилъ инженеру:

— А знаете, молодой человѣкъ, вы напрасно телеграммами такъ злоупотребляете.

— Что̀ вы? Какимъ образомъ напрасно?

— А такъ, что нельзя же все время дамочку держать въ такомъ приподнятомъ и взвинченномъ настроеніи. Надо и чужіе нервы щадить.

Но онъ только разсмѣялся и похлопалъ мудраго человѣка по колѣну.

— Эхъ, батенька, знаю я васъ, людей стараго завѣта. Вы въ дорогу-то собираетесь тишкомъ-тишкомъ, норовите нагрянуть нежданно-негадано. А все ли, молъ, у меня въ порядкѣ около домашняго очага? А?

Но иконописный человѣкъ только шевельнулъ своими бровищами и ухмыльнулся.

— Ну-къ что̀ жъ. И это иногда невредно.

Отъ Нижняго съ нами ѣхали уже другіе пассажиры, отъ Москвы — опять новые. Волненіе моего инженера все нарастало,—что̀ съ нимъ было дѣлать? Онъ умѣлъ быстро со всѣми перезнакомиться. Съ женатыми людьми говорилъ о святости очага, холостымъ пенялъ на неряшливость и разоръ холостой жизни, съ дѣвицами сводилъ разговоръ на единую и вѣчную любовь, съ дамами толковалъ о дѣткахъ. И сейчасъ же переходилъ къ своей Санпочкѣ и своей Юрочкѣ. До сего времени у меня въ памяти осталось, какъ его дочурка говорила: «А я въ жол-

тыфъ сапогафъ», «противъ насъ вантекарскій магазинъ». И еще одинъ разговоръ. Она тискала кошку, а кошка мяукала. Мать ей говоритъ: «Оставь, Юрочка, кошку, ей больно». А она отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мама, это кошкее удовольствіе». И еще, какъ она увидѣла на улицѣ воздушные шары и вдругъ сказала: «Мама, какіе они восторгательные!»

Мнѣ все это казалось нѣжнымъ, трогательнымъ, но немного, признаюсь, и скучноватымъ.

Утромъ мы подъѣзжали къ Петербургу. День былъ мутный, дождливый, кислый. Туманъ не туманъ, а какая-то грязная заволока окутывала ржавыя, жидкія сосенки и похожія на лохматыя бородавки мокрыя кочки, тянувшіяся налѣво и направо вдоль пути. Я всталъ раньше, чтобы успѣть умыться, и въ коридорѣ столкнулся съ инженеромъ. Онъ стоялъ у окна и поглядывалъ то на дорогу, то на часы.

— Добраго утра, — сказалъ я: — что̀ вы дѣлаете?

— Ахъ, здравствуйте, добраго утра. Да вотъ я провѣряю скорость поѣзда, — теперь идемъ около 60-ти верстъ въ часъ.

— По часамъ провѣряете?

— Да. Это очень просто. Отъ столба до столба, видите ли, 25 саженъ — двадцатая часть версты. Стало-быть, если мы проѣхали эти 25 саженъ со скоростью четырехъ секундъ, то часовая скорость равна 45-ти верстамъ; если въ три — то шестидесяти, а въ двѣ — девяноста. Впрочемъ, можно узнать скорость и безъ часовъ, — нужно только умѣть отсчитывать секунды: надо какъ можно скорѣе, но, однако явственно, считать до шести, вотъ такъ: разъ, два, три, четыре, пять, шесть... разъ, два, три, четыре, пять, шесть...— это способъ австрійскаго генеральнаго штаба.

Такъ онъ говорилъ, бѣгая глазами и переминаясь на

мѣстѣ, но я, конечно, отлично зналъ, что весь этотъ счетъ австрійскаго генеральнаго штаба — одинъ только отводъ глазъ, и что просто-напросто инженеръ обманывалъ свое нетерпѣніе.

За станціей «Любань» на него даже жалко стало смотрѣть. Онъ на моихъ глазахъ поблѣднѣлъ, осунулся и какъ будто постарѣлъ. Онъ даже говорить пересталъ. Притворялся, будто бы читаетъ газету, но видно было, что это занятіе ему противно и тошно, да и держалъ онъ газету иногда вверхъ ногами. Посидитъ-посидитъ на мѣстѣ минутъ пять и снова бѣжитъ къ окну, и опять сядетъ и дергается на мѣстѣ, точно подталкиваетъ поѣздъ впередъ, и опять подойдетъ къ окну въ проходѣ и давай провѣрять по часамъ, — такъ и вертитъ головой влѣво и вправо. Ахъ, какъ я знаю, — да и кто не знаетъ? — что дни и недѣли ожиданія пустяки въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ получасомъ, съ послѣднею четвертью часа.

Но вотъ наконецъ семафоръ, безконечная путаница пересѣкающихся рельсовъ, вотъ длинная деревянная платформа, бородатые артельщики въ бѣлыхъ фартукахъ... Инженеръ надѣлъ свое форменное пальто, взялъ ручной сакъ и вышелъ на переднюю площадку. Я же выглянулъ въ окно, чтобы крикнуть носильщика, какъ только поѣздъ остановится. Изъ своего окна я отлично видѣлъ инженера, который также высунулся изъ открытой двери, что̀ ведетъ на ступеньки. Онъ замѣтилъ меня, закивалъ головой и улыбнулся, но я успѣлъ издали замѣтить, что онъ былъ поразительно, неестественно блѣденъ въ эту минуту.

Мимо нашего вагона мелькнула высокая дама въ какой-то серебристой кофточкѣ, въ большой бархатной шляпѣ, подъ синей вуалью. Была съ ней и дѣвочка въ короткомъ платьѣ, съ длинными ножками, въ бѣлыхъ га-

машахъ. Обѣ онѣ тревожно посматривали, одновременно провожая головами каждое окошко. Но онѣ пропустили. Я слышалъ, какъ инженеръ крикнулъ страннымъ, глухимъ и вздрагивающимъ голосомъ:

— Санночка!

Кажется, обѣ обернулись. И вдругъ... Короткій, страшный вопль... Никогда не забуду... Какой-то ни на что непохожій крикъ недоумѣнія, ужаса, боли и жалобы...

На секунду я увидѣлъ голову инженера, безъ шапки, гдѣ-то между низомъ вагона и платформой, увидѣлъ не лицо, а его свѣтлые волосы ежикомъ и розоватое темя, но голова только мелькнула, и больше ничего не осталось...

Потомъ меня допрашивали, какъ свидѣтеля. Помню, какъ я все пытался успокоить его жену, но что̀ въ такихъ случаяхъ скажешь? Я видѣлъ и его: расплюснутый, исковерканный, красный кусокъ мяса. Онъ уже и дышать пересталъ, когда его вынули изъ-подъ вагона. Передавали, что ему сначала отрѣзало ногу, но онъ инстинктивно хотѣлъ поправиться, повернулся и попалъ подъ колеса грудью и животомъ.

И вотъ подходитъ самое страшное во всемъ томъ, что̀ я вамъ разсказываю. Въ эти тяжелыя, никогда не забываемыя минуты меня ни на моментъ не оставляло странное сознаніе: глупая смерть,—думалъ я,—нелѣпая смерть, жестокая, несправедливая, но почему-то съ самаго перваго момента, сейчасъ же послѣ его крика, мнѣ стало яснымъ, что это непремѣнно должно было случиться, что эта нелѣпость логична и естественна. Почему это было такъ? Объясните мнѣ. Развѣ здѣсь не чувствовалась равнодушная улыбка моего дьявола?

Вдова его (я потомъ былъ у нея; она меня очень подробно и много разспрашивала о немъ) такъ и говорила, что оба они искушали судьбу своей нетерпѣливой лю-

бовью, увѣренностью въ свиданіи, увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Что̀ же... можетъ-быть... я ничего вѣрнаго не знаю... На Востокѣ (а вѣдь это истинный кладезь древней мудрости) человѣкъ никогда не скажетъ, что̀ онъ намѣренъ сейчасъ или завтра сдѣлать, не прибавивъ «инш-Алла», что̀ значитъ: «во имя Бога», или же: «да будетъ воля Бога».

Но мнѣ все-таки кажется, что здѣсь было не искушеніе судьбы, а все та же нелѣпая логичность таинственнаго бога. Вѣдь большей радости, чѣмъ это взаимное ожиданіе, когда, побѣждая разстояніе, они издали сливались вмѣстѣ, — большей радости эти люди, навѣрное, никогда бы не испытали. Богъ знаетъ, что̀ ихъ ждало завтра! Разочарованіе? Утомленіе? Скука? Можетъ-быть, ненависть?

ВЪ ТРАМВАѢ.

Уголъ Невскаго и Литейнаго. Зима. Вечеръ. Оттепель.

Влажный туманъ поднимается изъ земли и давитъ улицу. Сквозь его завѣсу не видно домовъ, но огромными голубыми и оранжевыми пятнами сіяютъ электрическіе фонари, багрово горятъ окна кинематографовъ, и вдругъ вырастаютъ золотые злобные глаза ревущихъ автомобилей. Пѣшеходы, экипажи, моторы, трамваи, мальчишки съ ручными лавами вливаются въ этотъ перекрестокъ, задерживаются и кружатся въ немъ, какъ въ водоворотѣ, и растекаются дальше. Шерсть на лошадяхъ вскурчавлена и дымится. И надъ людьми колеблются ихъ испаренія.

Какая толпа! Точно весь городъ безконечными лентами развертывается передъ глазами. Говоръ, смѣхъ, кашель, топотъ, звонки, окрики, гудки и безпрерывное, головокружительное движеніе. Лишь въ самомъ центрѣ сутолоки, величественный и спокойный, какъ монументъ, дирижируетъ толпою, при помощи своей бѣлой палочки, краснолицый и толстый городовой.

Мнѣ сегодня некуда итти и нечего дѣлать. Весь вечеръ я бродилъ по улицамъ, пока не зарябило въ гла-

захъ. Въ душѣ у меня какая-то свѣтлая, легкая и грустная пустота, и въ памяти звучатъ, не отставая, чеканные стихи А. Блока о городѣ.

Трамвай останавливается, не доходя до перекрестка. Я вспоминаю о своей усталости и хочу сѣсть въ вагонъ, отдохнуть. Но, Боже мой, какая дикая, яростная орда осаждаетъ вагонныя ступеньки! Угрожающе поднятые вверхъ локти, цѣпляющіеся пальцы, тѣснящіяся бедра, лица, искривленныя злостью и нетерпѣніемъ. Ахъ, въ эти хмурые, ослизлые петербургскіе вечера—какъ блѣдны, противны и вульгарны бываютъ человѣческія лица. Даже самыя тонкія, самыя нѣжныя изъ нихъ...

Господа мужчины! Интеллигенты! Джентльмены! Покровители слабыхъ!.. Вопросъ всего въ пятачкѣ — не толкайте женщинъ, не давите дѣтей! Дамы! вы! украшеніе міра, лучшіе перлы въ коронѣ Создателя, образъ ангеловъ на землѣ! Вообразите себѣ самихъ себя, лѣзущихъ на площадку съ мужествомъ и манерами пожарнаго солдата, стремящагося по лѣстницѣ въ огонь. Руки ваши растопырены врозь, шляпки набоку, а торопливо вздѣтый кверху подолъ платья позволяетъ видѣть побурѣвшій отъ уличной грязи край нижней юбки, и кончикъ другой нижней юбки изъ краснаго толстаго гаруса, и тотъ глубокій ботинокъ на резинахъ, съ торчащими ушками, который почему-то называется «уткой»... Подумайте, съ какой грустью созерцаетъ это зрѣлище случайный юноша-прохожій — въ душѣ идеалистъ и романтикъ.

Да не изъ чего было и ссориться. Вагонъ тронулся, и — посмотрите — всѣ утряслись, умялись, разсѣлись, всѣмъ хватило мѣста. Недавнее озлобленіе понемногу стихаетъ въ насъ. Нѣкоторое время всѣ мы еще ненавидимъ, по инерціи, почтенную даму, которая ѣдетъ съ пятилѣтнимъ мальчуганомъ. Она за него не заплатила и, собственно говоря, должна была бы держать его на

колѣняхъ, но она посадила его рядомъ съ собою. Конечно, мы были бы въ правѣ сдѣлать ей замѣчаніе и потребовать... Но наши нервы уже отмякли. Да и мальчишка очарователенъ. На немъ бѣлая шапочка и бѣлое пальтецо изъ мохнатаго блестящаго плюша. Такой прелестный бѣлый медвѣжонокъ съ розовой мордочкой и умными черными глазками.

Косимся мы также довольно непріязненно и на дѣвушку отъ портнихи. У нея длинное, блѣдное лицо худо кормленнаго подростка, вздернутый удивленный носъ и пропасть веснушекъ. Она сидитъ на самомъ кончикѣ скамьи съ картонками на колѣняхъ, въ обычной прямой и выжидательной позѣ швейки-ученицы, разносящей заказы. Она занимаетъ слишкомъ много мѣста въ проходѣ своимъ багажомъ. Можно было бы попросить ее на площадку. Но стóитъ ли? Такъ и быть, мы и ей прощаемъ. Всѣ прощаемъ, кромѣ педагога, который сидитъ напротивъ меня и — я знаю — страдаетъ давнишнимъ разстройствомъ печени. Я вижу, какъ онъ поглядываетъ на медвѣжонка и на швею. Если бы онъ могъ разсчитывать на общее сочувствіе, онъ давно возстановилъ бы законный порядокъ въ вагонѣ.

Но мы уже благодушны. Время отъ времени насъ, правда, соединяетъ общее чувство вражды къ новымъ пассажирамъ, влѣзающимъ въ вагонъ на остановкахъ. Вмѣстѣ съ ними къ намъ вторгается сырая уличная мгла... Стучитъ отодвигаемая и задвигаемая дверь, раздражая наши больные петербургскіе нервы... Приходится передвигаться съ насиженнаго, привычнаго мѣста... Но проходитъ минута — двѣ, и пришлецы становятся какъ будто уже своими и вмѣстѣ съ нами начинаютъ ненавидѣть новыхъ, позднѣйшихъ спутниковъ, и вмѣстѣ съ нами привыкаютъ къ нимъ.

Отъ-нечего-дѣлать приглядываюсь къ сосѣдямъ, при-

сматриваюсь къ ихъ ногтямъ, ушамъ, морщинамъ, подбородкамъ, наблюдаю мелкія движенія ихъ пальцевъ и глазъ, когда они берутъ билеты и разсчитываются. Мнѣ кажется, что теперь, издали, по одному только внѣшнему виду я острѣе проникаю въ ихъ души, чѣмъ могъ бы это сдѣлать послѣ десяти лѣтъ тѣснаго знакомства, которое медленно, но неизбѣжно ткетъ между близкими людьми непроницаемую стѣну взаимной лжи, компромиссовъ, лести, рабства, ревности, собственности, скуки, подавляемаго раздраженія и привычки.

Вотъ сидитъ толстый сѣдоусый отставной полковникъ. У него вздрагивающія щеки покрыты сѣтью мелкихъ красныхъ жилокъ, въ ушахъ вата и на рукахъ вязаные напульсники отъ ревматизма. Добрый человѣкъ, крикунъ и хлѣбосолъ. Любитъ собственноручно готовить шашлыкъ и вышиваетъ крестиками по канвѣ. Вся жизнь его въ прошломъ, въ службѣ, и онъ не прочь приврать о томъ, какъ было «у насъ въ полку».

Барышня съ «Musique» подъ мышкой: матовая, мечтательная блѣдность лица, усталые, свѣтлые, многознающіе столичные глаза, безмолвная влюбленность въ профессора, чувственное влеченіе къ музыкѣ, мигрень, плохой желудокъ, шоколадныя конфеты, неразборчивое чтеніе и малокровіе.

Два подрядчика по малярной, а можетъ-быть, и по дровяной части. На толстыхъ головахъ картузы; узко прорѣзанные глаза запухли отъ сна и жира, челюсти, какъ желѣзныя сковороды, мощные желваки на скулахъ, обросшихъ рыжей курчавой шерстью. Оба они посѣтители бѣговъ и темныхъ трактировъ, оба деспоты въ семьяхъ, истязатели дѣтей, а набожны, не пропустятъ ни одного поста — ни Великаго, ни Филипповокъ, ни Петровокъ, ни Спажинокъ, но оба способны задавить человѣка, какъ муху, за копейку и притомъ отличные патріоты...

Вотъ старушка — маленькая, толстая. Все ея лицо исчерчено вдоль и поперекъ морщинами, а губы вѣчно движутся, точно жуютъ или шепчутъ заклинанія, а вѣки подозрительныхъ, живыхъ и быстрыхъ глазъ—глазъ старой опытной мыши — красны и лишены рѣсницъ. И ее я знаю отлично. Это — сутяга... Всегда вы ее встрѣтите въ судѣ—въ коридорахъ, въ канцеляріи, въ залѣ, всегда съ векселями, претензіями, жалобами, встрѣчными исками. Судъ — ея алкоголь, морфій, гашишъ, на который она ухлопываетъ послѣднія крохи отъ своей жалкой пенсіи и отъ продажи домика съ мезониномъ. А откуда-нибудь, изъ Уржума или изъ Гадяча, ея пожилая, многодѣтная дочь, жена экзекутора, пишетъ ей письма съ горькимъ упрекомъ: «Мамаша, для васъ судиться — одно развлеченіе, въ родѣ театра, а вы подумали бы, что теперь зима, а мои ребятишки бѣгаютъ безъ калошъ и кашляютъ».

Дальше сидитъ молодой, чистенькій и юркій аптекарскій ученикъ, а еще дальше — акушерка со своимъ спеціальнымъ сакомъ. За ней, ближе къ углу, двое,—мужъ и жена,—оба крупные, мясистые, съ большими твердыми лицами — онъ земецъ, статистикъ, можетъ-быть, редакторъ журнала «Сыровареніе», она — женщина-врачъ, съ выпуклымъ, массивнымъ, импонирующимъ бюстомъ. И онъ и она въ пенснэ. Смѣшная мысль приходитъ мнѣ въ голову. Въ минуты супружескихъ ласкъ они оба, должно-быть, снимаютъ свои стекла, и отъ этого у каждаго глаза сразу становятся добродушными, мутными и косыми, а на переносицѣ съ двухъ сторонъ остаются красные рубцы.

Въ самомъ углу, слегка прислонившись къ стѣнкѣ, полузакрывъ глаза, спрятавъ руки въ муфточку изъ сѣренькаго, шелковистаго, нѣжнаго шеншиля, сидитъ дама или дѣвушка, съ милымъ-милымъ, ласковымъ лицомъ,

созданнымъ для улыбки счастья. А противъ нея златокудрый, румянощекій студентъ; у него ясные голубые глаза, обликъ красиваго, простоватаго и бойкаго деревенскаго парня, но при этомъ — тонкія, изгибисто вырѣзанныя, породистыя ноздри. И вотъ я вижу, какъ онъ и она невинно и невольно ищутъ взглядовъ другъ друга, встрѣчаются на мигъ, точно нечаянно, глазами и сейчасъ же разбѣгаются, и опять сталкиваются, и опять уклоняются куда-то въ сторону. Старая, какъ міръ, знакомая каждому, наивная, прелестная игра!

Но всѣ пассажиры хранятъ упорное, настороженное подозрительное молчаніе. Мужъ и жена — оба въ стеклахъ — изрѣдка шопотомъ обмѣняются двумя словами и замолчатъ, озираясь искоса на чужихъ. Подрядчики прогудятъ что-то вполголоса, близко наклоняясь другъ къ другу, картузами, и тоже замолчатъ, вздыхая, сонно оглядывая публику, вертя большими пальцами сцѣпленныхъ на колѣняхъ рукъ.

Нѣтъ! Будь въ моей власти, и не бойся я наскочить на оскорбленіе, я бы оживилъ ихъ всѣхъ. Я бы далъ старому полковнику нѣсколько чудесныхъ рецептовъ отъ ревматизма и поговорилъ бы съ нимъ о грязевыхъ курортахъ. Съ супругами въ стеклахъ длинно и скучно побесѣдовалъ бы о политикѣ и о Думѣ. Выслушалъ бы внимательно и сочувственно о всѣхъ судебныхъ передрягахъ, постигшихъ маленькую старушонку.

Для того, чтобы дать исходъ желчи, переполняющей печень педагога, я вынулъ бы медленно изъ кармана портсигаръ, методично досталъ бы оттуда папиросу, постучалъ бы ею о крышку и съ невиннымъ видомъ взялъ бы ее въ ротъ. Воображаю, какъ онъ сразу пожелтѣетъ, заблеститъ очками и зашипитъ на меня: «Здѣсь нельзя курить. Видите надпись!» Но я такъ же спокойно вытащу коробку со спичками и молча потрясу ею. Педагогъ изъ

желтаго сдѣлается бурымъ, потомъ краснымъ и закричитъ: «Кондукторъ, выведите этого нахала. Онъ позволяетъ себѣ курить въ вагонѣ». Тогда съ христіанскимъ смиреніемъ я выйду на площадку, буду курить и молча радоваться, что принесъ хоть минутное облегченіе застоявшейся педагогической душѣ...

А красивой дѣвушкѣ съ муфтой и студенту, что̀ сидитъ напротивъ, я сказалъ бы:

— Дѣти мои, вотъ я вижу, вы нравитесь другъ другу— отчего бы вамъ не заговорить тутъ же, попросту, сердечно и весело.

Но кондукторъ просовываетъ голову въ вагонную дверь и возглашаетъ:

— Бассейная улица!

И студентъ вышелъ, бросая послѣдній робкій взглядъ на сосѣдку. Мнѣ кажется, я вижу, какъ грудь его подъ форменнымъ пальто незамѣтно, но глубоко вздыхаетъ. Онъ выходитъ. Трамвай трогается. А дама поворачивается къ окну, быстро протираетъ маленькой рукой въ желтой шведской перчаткѣ черное вспотѣвшее окно и глядитъ на улицу.

Право, все это какъ въ жизни, въ большой настоящей жизни, въ которой такъ же безсмысленно тѣснятся и толкаются люди, такъ же подозрительно и злобно встрѣчаютъ вновь приходящихъ, такъ же пугливо и замкнуто, со взглядомъ исподлобья, жмутся къ своимъ, къ близкимъ, уже привычнымъ; такъ же приходятъ и испугъ и обида отъ каждой мысли и каждаго слова, высказаннаго въ необычномъ порядкѣ, и такъ же пропускаютъ навѣки изъ-за нелѣпыхъ, мелочныхъ житейскихъ правилъ то величайшее счастье, которое озаряетъ сердца людей только благодаря случаю, мимоходомъ.

И вотъ вся наша планета, прекрасная Земля, представляется мнѣ маленькимъ трамваемъ, несущимся по какой-то загадочной спирали въ вѣчность. Вагоновожатый впереди нея—незримое никѣмъ, покорное своимъ таинственнымъ законамъ Время. Кондукторъ — Смерть.

Да и въ самомъ дѣлѣ: сравнительно съ безконечными вѣками, бывшими до насъ, и тѣми, которые останутся послѣ насъ — не одинаково ли коротки: нашъ путь въ трамваѣ и наша человѣческая жизнь?

— Синимъ билетамъ конецъ! — возглашаетъ Судьба, просунувъ голову въ дверь.

У меня какъ разъ синій. «Конецъ, такъ конецъ, — думаю я. — Вѣдь мнѣ все равно было, куда ѣхать». И я выхожу изъ трамвая на улицу, въ туманъ, тьму и грязь.

Милая барышня съ серебристой муфточкой! Клянусь вамъ, что жизнь страшно коротка. Теперь, въ вашемъ возрастѣ, вы и представить себѣ не можете, до чего она мгновенна. Вы не бойтесь, я не скажу пошлой фразы резервнаго поручика: «а потому надо пользоваться ею во-всю», или «а потому надо брать отъ нея все, что̀ можно»... О, нѣтъ, человѣку надлежитъ быть цѣломудреннымъ въ любви, вѣрнымъ въ дружбѣ, милостивымъ къ больному и падшему, ласковымъ къ звѣрямъ. Но если сердце вдругъ неудержимо потянетъ васъ за собою, не противьтесь его чудесной власти, не вѣрьте ни совѣтамъ дряхлаго опыта, ни расчетамъ, ни принятымъ обычаямъ: вѣрьте сердцу и идите за нимъ. Тѣло обманетъ, сердце — никогда.

А когда настанетъ конецъ вашему билету, ступайте безъ ропота въ темноту. Теперь васъ, навѣрно, дома ждетъ обычный чай съ крендельками и надоѣвшія картины на стѣнахъ, разговоры о театрѣ, о литературѣ, о сегодняшнихъ газетахъ. А тамъ, на Главной Станціи — почемъ

знать?—можетъ-быть, мы увидимъ сіяющіе дворцы подъ вѣчнымъ небомъ, услышимъ нѣжную, сладкую музыку, насладимся ароматомъ невиданныхъ цвѣтовъ. И всѣ будемъ прекрасны, веселы, цѣломудренно-наги, чисты и преисполнены любви.

Но объ одномъ умоляю: не сходите съ трамвая до полной остановки. Нерасчетливо, глупо и некрасиво.

СКАЗКА.

— Папа, разскажи мнѣ какую-нибудь сказку... Да слушай же, что̀ я тебѣ говорю, папочка-аа...

При этомъ семилѣтній Котикъ (его имя было Константинъ), сидѣвшій на колѣняхъ у Холщевникова, старался обѣими руками повернуть къ себѣ голову отца. Мальчика удивляло и даже немного безпокоило, зачѣмъ это папа, вотъ уже цѣлыхъ пять минутъ, смотритъ на огонь лампы такими странными глазами, неподвижными, какъ будто бы улыбающимися и влажными.

— Да, па-па же-е, — протянулъ Котикъ плаксиво. — Ну, чего ты со мной не разговариваешь?

Иванъ Тимоѳеевичъ слышалъ нетерпѣливыя слова своего сына, но никакъ не могъ сбросить съ себя того страннаго очарованія, которое овладѣваетъ человѣкомъ, засмотрѣвшимся на блестящій предметъ. Кромѣ яркаго свѣта лампы, къ этому очарованію примѣшивались и обаяніе тихаго, теплаго, лѣтняго вечера, и уютность небольшой, но миленькой дачной террасы, затканной дикимъ виноградомъ, неподвижная зелень котораго, при искусственномъ освѣщеніи, пріобрѣла фантастическій, блѣдный и рѣзкій оттѣнокъ.

Лампа подъ зеленымъ матовымъ абажуромъ бросала на скатерть стола яркій ровный кругъ... Иванъ Тимоѳеевичъ видѣлъ въ этомъ кругѣ двѣ близко склонившіяся

головы: одну — женскую, бѣлокурую, съ нѣжными и тонкими чертами лица, другую — гордую и красивую голову юноши, съ которой черные волнистые волосы падали небрежно на плечи, на смуглый смѣлый лобъ и на большіе черные глаза, такіе горячіе, выразительные, правдивые глаза. На своихъ щекахъ и на своей шеѣ Холщевниковъ чувствовалъ прикосновеніе нѣжныхъ рукъ Котика и его теплое дыханіе, даже слышалъ запахъ его волосъ, слегка выгорѣвшихъ за лѣто на солнцѣ и напоминавшихъ запахъ перьевъ маленькой птички. Все это вмѣстѣ сливалось въ такое гармоничное, такое радостное и свѣтлое впечатлѣніе, что глаза Холщевникова невольно начали щипать благодарныя слезы.

Двѣ головы, склонившіяся около лампы и почти касавшіяся волосами, принадлежали женѣ Холщевникова и Григорію Баханину, его лучшему другу и ученику. Иванъ Тимоѳеевичъ съ искренней, горячей и заботливой любовью относился къ этому пылкому и безпорядочному молодому человѣку, въ картинахъ котораго опытный глазъ учителя давно уже прозрѣлъ ударъ широкой и дерзкой кисти громаднаго таланта. Въ душѣ Холщевникова совсѣмъ не было зависти, столь свойственной бурной и вульгарной средѣ художниковъ. Наоборотъ, онъ гордился тѣмъ, что будущая знаменитость — Баханинъ бралъ у него первые уроки, и что его жена, Лидія, раньше всѣхъ признала и оцѣнила его ученика.

Баханинъ, молча и не отрываясь, чертилъ карандашомъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бристольской бумаги, и изъ-подъ его руки выходили карикатуры, виньетки, животныя въ человѣческихъ костюмахъ, изящно сплетенные иниціалы, пародіи на картины, выставленныя въ академіи художествъ, тонкіе женскіе профили... Эти небрежные наброски, на которыхъ каждый штрихъ поражалъ смѣлостью и талантомъ, быстро смѣнялись одинъ

за другимъ, вызывая на лицѣ Лидіи Львовны, внимательно слѣдившей за карандашомъ художника, то усиленное вниманіе, то веселую улыбку.

— Ну, вотъ какой ты, папа. Самъ обѣщаешь, а самъ теперь молчишь, — протянулъ обидчиво Котикъ. При этомъ онъ надулъ губки, опустилъ низко голову и, теребя свои пальцы, замоталъ ногами.

Холщевниковъ обернулся къ нему и, чтобы загладить свою вину, обнялъ его.

— Ну, хорошо, хорошо, Котикъ. Я тебѣ разскажу сейчасъ сказку. Не сердись... Только... Что бы тебѣ разсказать?..

Онъ задумался.

— Про медвѣдя, которому отрубили лапу? — сказалъ Котикъ, облегченно вздыхая. — Только я это уже знаю.

Внезапно въ головѣ Холщевникова сверкнула вдохновенная мысль. Развѣ жизнь его не можетъ послужить темой для хорошей, трогательной сказки? Развѣ давно это было?—всего двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—когда онъ, бѣдный, неизвѣстный художникъ, затираемый начальствомъ, оскорбляемый самообожаніемъ, невѣжествомъ и рекламированіемъ бездарностей, не разъ ослабѣвалъ, терялъ голову въ жестокой борьбѣ съ жизнью и проклиналъ тотъ часъ, когда взялся за кисть. Въ это тяжелое время на его пути встрѣтилась Лидія. Она была гораздо моложе его, она была ослѣпительно красива, умна, окружена поклонниками. Онъ, бѣдный, невзрачный, болѣзненный, испуганный жизнью, и мечтать не смѣлъ о любви этого высшаго обворожительнаго существа. Но она первая увѣровала въ него, первая протянула ему руку. Когда, утомленный неудачами и бѣдностью, потерявшій силу и надежду, онъ падалъ духомъ, она ободряла его лаской, нѣжной заботой, веселой шуткой. И ея любовь восторжествовала... Теперь имя Холщевникова извѣстно всякому

грамотному человѣку, его картины украшаютъ галлереи коронованныхъ особъ,—онъ единственный изъ академиковъ, котораго обожаетъ ни во что не вѣрящая среда молодыхъ художниковъ... О матеріальномъ успѣхѣ и говорить нечего... И онъ и Лидія съ избыткомъ вознаграждены за долгіе унизительные годы свирѣпой экономіи, почти нищенства.

Въ то бѣдственное время Иванъ Тимоѳеевичъ и представить себѣ не могъ бы всей этой тихой прелести, этой довольной жизни, согрѣтой неизмѣнной лаской красавицы-жены и нѣжной любовью милаго Котика, этого радостнаго сознанія семейности, которой крѣпкая дружба съ Баханинымъ придавала еще бо́льшую глубину и значеніе.

Тема сказки быстро сложилась въ его головѣ.

— Ну, хорошо, слушай, Котикъ, — началъ онъ, гладя сына по мягкимъ, тонкимъ волосамъ. — Только, чуръ, не перебивать... Ну, такъ вотъ-съ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ король съ королевой.

— И у нихъ не было дѣтей?.. — спросилъ Котикъ тонкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Котикъ, у нихъ были дѣти... Не перебивай, пожалуйста... Наоборотъ, у нихъ дѣтей было чрезвычайно много. Такъ много было дѣтей, что когда король раздѣлилъ всѣмъ сыновьямъ свои богатства, то младшему-то сыну ничего не досталось. Какъ есть ничего не досталось, ни одежды, ни лошадей, ни домовъ, ни слугъ... Ничего... Да... Ну, вотъ, когда король почувствовалъ, что близокъ его конецъ, созвалъ онъ своихъ сыновей и говоритъ имъ: «Милыя дѣти, можетъ-быть, я скоро умру, и потому хочу выбрать изъ васъ наслѣдника... но непремѣнно самаго достойнаго... Вы знаете, что на границѣ моего королевства есть большой-пребольшой дремучій лѣсъ... А въ самой серединѣ лѣса стоитъ мрамор-

ный дворецъ. Только проникнуть туда очень трудно. Многіе пробовали сдѣлать это, но назадъ не возвращались. Ихъ пожирали дикіе звѣри, щекотали до смерти русалки, кусали ядовитыя змѣи... Но вы идите смѣло впередъ... Пусть ни страхъ, ни благоразумные совѣты близкихъ, ни соблазнъ безопасности не останавливаютъ васъ... У воротъ мраморнаго дворца вы увидите трехъ львовъ, прикованныхъ на цѣпяхъ: одному имя — Зависть, другому — Бѣдность, третьему — Сомнѣніе. Львы кинутся на васъ съ оглушительнымъ ревомъ. Но вы идите все прямо и прямо. Во дворцѣ, въ серебряной комнатѣ, на золотомъ треножникѣ, усыпанномъ звѣздами, горитъ вѣчный священный огонь. Итакъ, запомните мои слова: кто изъ васъ зажжетъ отъ этого огня свѣтильникъ и возвратится съ нимъ домой, тотъ и будетъ наслѣдникомъ моего царства».

Иванъ Тимоѳеевичъ, не выпуская Котика изъ своихъ объятій, закурилъ папиросу. Баханинъ и Лидія, повидимому, съ интересомъ прислушивались къ его сказкѣ; Баханинъ даже приложилъ ладонь зонтикомъ къ своимъ глазамъ, стараясь изъ свѣта разглядѣть Холщевникова, сидѣвшаго въ темномъ углу въ качалкѣ.

— Ну-съ, хорошо, — продолжалъ Холщевниковъ: — пустились королевскіе сыновья въ путь. Поѣхалъ и младшій принцъ. Ужъ придворные отговаривали его, отговаривали: ты и молодъ, и слабъ, и болѣзненъ, куда тебѣ за старшими итти? Но онъ отвѣчалъ имъ: «Нѣтъ, и я хочу быть въ мраморномъ дворцѣ и зажечь свой свѣтильникъ у священнаго огня».

«И поѣхалъ. Ну-съ, хорошо. Долго ли, коротко ли, но только доѣхали братья до лѣса. Вотъ старшіе и говорятъ: «Черезъ лѣсъ ѣхать и страшно, и трудно, и далеко, поѣдемъ-ка вокругъ, можетъ-быть, найдемъ другую дорогу». А младшій говоритъ: «Вы, братцы, какъ

хотите, а я поѣду прямо, потому что другой дороги черезъ лѣсъ нѣтъ». Братья ему отвѣчаютъ: «Ты, извѣстно, Иванушка-дурачокъ, нечего съ тобою и разговаривать; съѣдятъ тебя въ лѣсу дикіе звѣри, или самъ умрешь отъ голода». Да. Ну, вотъ, ѣдетъ младшій сынъ, ѣдетъ одинъ день, ѣдетъ другой, ѣдетъ третій. А лѣсъ все гуще и гуще становится. Колючіе кусты хлещутъ ему въ лицо вѣтвями, рвутъ на немъ одежду, волки воютъ ему вслѣдъ, вурдалаки гонятся за нимъ, а онъ все ѣдетъ. На деревьяхъ качаются русалки съ зелеными волосами и манятъ его къ себѣ: «Иди къ намъ. Куда ты ѣдешь? И дворца-то мраморнаго никакого нѣтъ. Все это сказки однѣ, выдумки глупцовъ и мечтателей. Иди къ намъ. Ты будешь жить весело и беззаботно, мы будемъ услаждать слухъ твой музыкой и пѣніемъ. Иди къ намъ». Но онъ не слушаетъ и ѣдетъ все дальше и дальше. Наконецъ пала у него лошадь... А лѣсъ все гуще и гуще; на каждомъ шагу непроходимыя болота, крутые овраги, чаща лѣсная... Не хватило у принца силъ... Повалился онъ на сырую землю и ужъ думаетъ, что ему конецъ приходитъ. «Вѣрно, думаетъ, впрямь дворца никакого нѣтъ мраморнаго, лучше бы вовсе мнѣ было не ходить сюда, или остаться по дорогѣ у русалокъ. А то теперь погибну я ни за что, и некому меня даже похоронить»... Только это онъ подумалъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, появляется передъ нимъ фея въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ и говоритъ ему: «Зачѣмъ ты, принцъ, отчаиваешься и ропщешь? Возьми мою руку и иди». И какъ онъ только дотронулся до ея руки, то сразу почувствовалъ облегченіе, всталъ и пошелъ вмѣстѣ съ прекрасной феей. И когда по дорогѣ онъ ослабѣвалъ и готовъ былъ упасть отъ усталости, фея все крѣпче сжимала его руку. И онъ собирался съ духомъ и шелъ, превозмогая утомленіе».

Холщевниковъ остановился.

— Ну, а что̀ же, папа, дальше?—спросилъ Котикъ, глядя на него темными, внимательными, широко-раскрытыми глазами.

Иванъ Тимоѳеевичъ встряхнулъ волосами, и голосъ его зазвучалъ почти гордо:

— Пришелъ принцъ во дворецъ. Онъ не испугался страшныхъ львовъ: Сомнѣнія, Бѣдности и Зависти, сидѣвшихъ на цѣпяхъ у воротъ, потому что съ нимъ была прекрасная фея. Онъ зажегъ священный огонь отъ золотого жертвенника, усѣяннаго брильянтовыми звѣздами, и пошелъ съ нимъ домой, въ свое королевство. И когда онъ возвращался изъ дворца, то львы лежали у воротъ, какъ ручныя собаки, и лизали слѣды его ступней, лѣсъ разступился въ стороны, образуя широкую гладкую дорогу, а прекрасная фея превратилась въ принцессу (она была раньше заколдована злой волшебницей) и съ тѣхъ поръ никогда уже больше не покидала принца. Что̀ же касается остальныхъ братьевъ, то нѣкоторые испугались трудной дороги и остановились на серединѣ, а иные возвратились домой, и надъ ними все государство смѣялось. А младшій принцъ со своей прекрасной принцессой стали жить да поживать, да добра наживать. Такъ-то, мой Котикъ.

— И все, папа? — спросилъ разочарованнымъ голосомъ мальчикъ, потихоньку сползая съ отцовскихъ колѣнъ.

— Все, мой мальчикъ. Иди-ка теперь лучше, мой маленькій принцъ, спать. Попрощайся съ мамочкой и съ Гришей.

— Нехорошая сказка, — сказалъ мальчикъ, однако послушно всталъ, поцѣловалъ Лидію Львовну, которая заботливо и бережно его перекрестила, потомъ поцѣловалъ Баханина и, взявши за руку отца, пошелъ въ дѣтскую.

Съ помощью няньки онъ раздѣлъ Котика и уложилъ его въ постель. Въ дѣтской было полутемно. Слабо мерцала розовая лампада у образа, отражаясь дрожащими наивными искрами на золотой ризѣ темноликаго угодника.

Котикъ улегся на правый бокъ, подложивъ подъ щеку сложенныя ладони, и спросилъ:

— Ты, папа, всю эту сказку разсказалъ? До конца?

— Всю, Котикъ. А что?

— Да такъ. А гдѣ же теперь этотъ сынъ?

— Сынъ? Сынъ еще не сдѣлался королемъ, но зато онъ женился на феѣ, и у нихъ есть маленькій сынокъ, вотъ въ родѣ моего Котика... Только Котикъ не любитъ писать подъ диктовку, а сынъ принца пишетъ съ удовольствіемъ.

— А отчего же, папа, они называли его Иванушкой-дурачкомъ?

— Потому, голубчикъ, что онъ былъ совсѣмъ простой и бѣдный. Да онъ и впрямь былъ бы дурачкомъ, если бы не повстрѣчался съ прекрасной феей. Заблудился бы онъ, дикіе бы звѣри его...

Глубокое и ровное дыханіе Котика говорило, что онъ заснулъ, не дослушавъ отвѣта на свой вопросъ. Холщевниковъ съ умиленнымъ и растроганнымъ сердцемъ перекрестилъ сына и, тихо ступая своими лайковыми туфлями, вышелъ изъ дѣтской на террасу.

Ни Лидія ни Баханинъ не слышали его шаговъ. Она лежала у него на плечѣ и, закинувъ назадъ голову, съ полуоткрытыми, смѣющимися влажными губами уклонялась отъ его поцѣлуевъ. Черные кудри и пепельные завитки смѣшались... Видно было, что сопротивленіе Лидіи волнуетъ обоихъ: она поблѣднѣла, а смуглое лицо Баханина покрылось розовыми пятнами и приняло умоляющее выраженіе. Наконецъ она, точно обезсилѣвъ, со страстнымъ вздохомъ, похожимъ на стонъ, прижалась губами къ его губамъ и порывисто обвила его шею своей прекрасной полуобнаженной рукой...

Сказка окончилась...

ЧУЖОЙ ХЛѢБЪ.

— Подсудимый, вамъ закономъ предоставлено послѣднее слово,—сказалъ предсѣдатель суда равнодушнымъ тотомъ, съ полузакрытыми отъ утомленія глазами. — Что вы можете прибавить въ разъясненіе или оправданіе вашего поступка?

Обвиняемый вздрогнулъ и нервно схватился длинными, тонкими пальцами за перила, отдѣляющія скамью подсудимыхъ. Это былъ невзрачный, худенькій человѣкъ, съ робкими движеніями и затаенной испуганностью во взглядѣ. Свѣтлые, рѣдкіе, какъ будто свалявшіеся волосы на головѣ и бородѣ и совершенно бѣлыя рѣсницы придавали его блѣдному лицу болѣзненный, анемичный видъ... Онъ обвинялся въ томъ, что, проживая у своего дальняго родственника, графа Венцепольскаго, въ ночь съ 23-го на 24-е января произвелъ въ квартирѣ послѣдняго поджогъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Медицинская экспертиза опредѣлила полную нормальность его душевныхъ и умственныхъ качествъ. По ея словамъ, замѣчалась нѣкоторая повышенная чувствительность нервной системы, наклонность къ неожиданнымъ слезамъ, слабость задерживающихъ центровъ, — но и только.

До сихъ поръ подсудимый казался равнодушнымъ, почти безучастнымъ къ разбирательству его дѣла. Торжественная, подавляющая обстановка судебнаго засѣда-

нія, расшитые мундиры судей, красное съ золотой бахромой сукно судейскаго стола, огромная двухсвѣтная нетопленая зала, величественные портреты по стѣнамъ, публика за барьеромъ, суетливые пристава, исполненные достоинства присяжные, олимпійская небрежность прокурора, безсодержательная развязность защитника — все это произвело на него ошеломляющее впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ попалъ подъ зубья какой-то гигантской машины, остановить которую, хотя бы на мгновеніе, не въ силахъ никакая человѣческая воля.

Много разъ во время рѣчи защитника ему хотѣлось встать и крикнуть: «Вы не то, совсѣмъ не то говорите, господинъ адвокатъ. Дѣло было иначе. Замолчите и дайте мнѣ самому разсказать всю исторію моего преступленія»,—и вслѣдъ за тѣмъ увѣреннымъ голосомъ, въ ясныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ передать всѣ свои тогдашнія мысли, всѣ, даже самыя тонкія, неуловимыя ощущенія... Но машина продолжала вертѣться такъ правильно и такъ безучастно, что сопротивляться ей было невозможно.

Однако послѣднія слова предсѣдателя вдругъ пробудили въ подсудимомъ судорожную энергію отчаянія, являющуюся у людей въ моментъ окончательной гибели, — ту самую энергію, съ которой осужденный на смерть иногда борется на эшафотѣ съ палачомъ, надѣвающимъ на шею веревку.

И умоляющимъ голосомъ онъ воскликнулъ:

— О, да, господинъ предсѣдатель!.. Ради Господа, ради самого Бога, выслушайте меня... позвольте мнѣ разсказать все, все!..

Присяжные засѣдатели изобразили на лицахъ сосредоточенное вниманіе, судьи углубились въ рисованіе пѣтушковъ на лежавшихъ передъ ними листахъ бумаги, публика напряженно затихла. Подсудимый началъ:

— Когда я въ началѣ прошлаго года пріѣхалъ въ этотъ городъ, у меня не было никакихъ плановъ на будущее. Я, кажется, и родился неудачникомъ. Мнѣ никогда ни въ чемъ не везло, и въ сорокъ лѣтъ я оставался такимъ же безпомощнымъ и непрактичнымъ, какъ и во время моей юности.

«Я обратился къ графу Венцепольскому съ просьбой о протекціи для полученія какого-нибудь мѣста. Я разсчитывалъ найти у него помощь, такъ какъ онъ приходился дальнимъ родственникомъ моей покойной матери. Графъ, человѣкъ щедрый и снисходительный къ чужимъ, устроить меня въ то время никуда не могъ, но зато предложилъ мнѣ, до перваго удобнаго случая, поселиться у него въ домѣ.

«Я переѣхалъ къ нему. Сначала онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторые знаки вниманія, но вскорѣ я пріѣлся ему, и онъ пересталъ со мною стѣсняться. Должно-быть, онъ такъ привыкъ къ моему присутствію, что считалъ меня чѣмъ-то въ родѣ мебели. Тогда-то для меня и началась ужасная жизнь приживальщика, — жизнь, полная горькихъ униженій, безсильной злобы, подобострастныхъ словъ и улыбокъ.

«Чтобы понять всю мучительность этой жизни, надо испытать ее. Напрасно независимые и гордые люди думаютъ, что привычка къ прихлебательству въ конецъ притупляетъ у человѣка способность дрожать отъ обиды, плакать отъ оскорбленія. Никогда, никогда не былъ я такъ болѣзненно чувствителенъ къ каждому слову, казавшемуся мнѣ намекомъ на мое паразитство. Душа моя въ это время была сплошной воспаленной раною, — другого сравненія я не могу найти, — и каждое прикосновеніе къ ней терзало ее, какъ обжогъ раскаленнымъ желѣзомъ. Но, чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ меньше я чувствовалъ въ себѣ энергіи, чтобы вырваться изъ этого

унизительнаго положенія. Я всегда былъ слабъ, труслив, и вялъ. Сытая жизнь на графскихъ хлѣбахъ окончательно меня парализовала и развратила, разъѣла, какъ ржавчина, остатки моей самостоятельности. Иногда ночью, ложась спать и переживая вновь безконечный рядъ дневныхъ униженій, я задыхался отъ злобы и говорилъ себѣ: «Нѣтъ, завтра конецъ! Я ухожу, ухожу, бросивъ въ лицо графу много горькихъ и дерзкихъ истинъ. Лучше голодъ и холодъ и платье въ заплатахъ, чѣмъ это подлое существованіе».

«Но наступало «завтра». Рѣшимость моя пропадала. Опять мои губы искривлялись въ жалкую, напряженную улыбку, опять я не смѣлъ и не умѣлъ положить руки на столъ во время обѣда, опять чувствовалъ себя неловкимъ и смѣшнымъ. Когда я отваживался напоминать графу о его обѣщаніи пристроить меня, онъ возражалъ со своимъ барскимъ видомъ:

«— Ну, чего вамъ торопиться, мой милый?.. Развѣ вамъ плохо у меня?.. Поживите пока, а тамъ мы увидимъ...

«Я замолкалъ. Я даже не пробовалъ отказываться, когда графъ дарилъ мнѣ какой-нибудь изъ своихъ немного поношенныхъ костюмовъ. Эти костюмы были великолѣпны, но слишкомъ широки для меня. Одинъ изъ графскихъ гостей какъ-то замѣтилъ, что платье на мнѣ «точно съ двоюроднаго братца»; другой — грязный, циничный господинъ и, какъ говорили, шулеръ — громко расхохотался на это замѣчаніе и нагло спросилъ меня:

«— Вы, Ѳедоровъ, вѣроятно, заказываете платье у одного портного съ графомъ?

«Никто изъ нихъ не звалъ меня по имени-отчеству. Графъ почти всегда забывалъ представлять меня своимъ знакомымъ, изъ которыхъ большинство были такими же приживальщиками около него, какъ и я, но только они

умѣли держать себя съ графомъ на равной ногѣ, почти фамильярно, а я всегда оставался робкимъ и подобострастнымъ. Они ненавидѣли меня той острой, уродливой ненавистью, которая только и можетъ быть между людьми, соперничающими изъ-за милости патрона.

«Прислуга графа относилась ко мнѣ со всей высокомѣрной, хамской наглостью, составляющей особенность людей этой профессіи. За столомъ меня обносили кушаньемъ и винами. Въ ихъ лакейскихъ взглядахъ и словахъ я чувствовалъ презрѣніе, которое они ко мнѣ чувствовали,—презрѣніе работника къ трутню. Я самъ убиралъ свою постель и чистилъ свое платье.

«По вечерамъ иногда составлялся винтъ. Когда не хватало партнера, графъ предлагалъ карточку и мнѣ. У меня никогда не было своихъ денегъ, но я садился, страстно мечтая о выигрышѣ. Я игралъ съ жадностью, съ расчетомъ, съ рискомъ, и даже доходило до того, что внутренно молилъ Бога о помощи. Какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, я проигрывалъ — всегда больше всѣхъ.

«Когда игра кончалась и партнеры разсчитывались, я сидѣлъ съ потупленными глазами, красный отъ стыда, и судорожно ломалъ мѣлокъ. Когда молчать долѣе становилось невозможно, я, стараясь казаться небрежнымъ, говорилъ:

«— Графъ... Пожалуйста... Будьте такъ добры... Я въ настоящую минуту не при деньгахъ... Примите на себя мой проигрышъ... Я вамъ завтра возвращу...

«Конечно, это обѣщаніе никого не обманывало. Всѣ знали, что ни завтра, ни послѣзавтра я своего долга не отдамъ.

«Случалось, что вечеромъ графъ и его гости отправлялись въ ресторанъ, а оттуда къ женщинамъ. Меня приглашали вскользь, мимоходомъ, такимъ тономъ, который

уже самъ по себѣ говорилъ объ отказѣ. Я зналъ, что скажи я «нѣтъ», и меня съ удовольствіемъ оставятъ въ покоѣ. Но, клянусь истиннымъ Богомъ, я никогда не могъ понять, какая сила заставляла меня раньше всѣхъ бѣжать въ переднюю и суетливо надѣвать пальто.

«За ужиномъ много острили и безобразничали. Я долженъ былъ громко и часто смѣяться, но смѣхъ доставлялъ мнѣ столько же удовольствія, какъ ученой собакѣ. Если же меня самого осѣняла веселая мысль или удачный каламбуръ,—я не находилъ для нихъ слушателей. Едва я раскрывалъ ротъ, какъ меня тотчасъ же перебивали. Всѣ отворачивались отъ меня, и я, начиная въ десятый разъ одну и ту же фразу, тщетно перебѣгалъ глазами отъ одного собесѣдника къ другому: ни одни глаза не встрѣчались съ моими.

«Всего ужаснѣе были для меня ночи. Я спалъ въ проходной узкой комнатѣ, скорѣе похожей на коридоръ. Постелью мнѣ служила старая кушетка съ вылѣзшей наружу мочалой, съ горбомъ посрединѣ и съ продавленными пружинами. Двѣ отсутствующія переднія ножки замѣнялъ мой же собственный чемоданъ.

«О, какъ я ненавидѣлъ эту кушетку! Никогда ни къ одному человѣку я не питалъ такой безумной злобы, какъ къ этой старой рухляди, отъ которой отказался бы любой старьевщикъ. По мѣрѣ того, какъ приближалась ночь, меня все болѣе и болѣе охватывалъ невыносимый ужасъ передъ длинной безсонной ночью, ожидавшей меня. Наконецъ я ложился. Горбъ по серединѣ кушетки впирался въ мою спину, заставляя ее выгибаться, пружины рѣзали бока, подушка казалась низкой и ежеминутно сползала. Черезъ пять минутъ начиналась тупая, жестокая боль въ затылкѣ и поясницѣ. Голова разгорячалась, и въ моемъ бѣдномъ мозгу мысли скакали и кружились въ лихорадочномъ вихрѣ... Создавались несбыточные, фан-

тастическіе планы на будущее; ночью я имъ вѣрилъ, этимъ планамъ, но на другое утро они меня пугали, какъ горячечный бредъ.

«Всѣ дневныя впечатлѣнія, каждое мое и чужое слово, каждая обида, каждый плевокъ, каждое униженіе вновь проходили въ моей памяти. Я разбирался въ нихъ съ тѣмъ жгучимъ наслажденіемъ и съ той глубокой, страшной послѣдовательностью, на которую только способенъ умъ одинокаго, оскорбленнаго человѣка, и, воскрешая всѣ эти подлыя мелочи, я выкапывалъ со дна моей души такую гадкую грязь, что... Нѣтъ... о такихъ вещахъ даже и на судѣ, даже и въ свою защиту нельзя говорить...

«Друзья графа, проходя мимо моей кушетки, любили потѣшаться надъ ея убогимъ видомъ. Они называли ее Прокрустовымъ ложемъ.

«Въ тотъ день, когда я совершилъ преступленіе, одинъ изъ знакомыхъ графа, г. Лбовъ, пригласилъ всю компанію въ ресторанъ вспрыснуть полученное имъ наслѣдство. Я тоже сталъ одѣваться. Когда мы вышли на лѣстницу, я нечаянно толкнулъ г. Лбова и извинился. Онъ отвѣчалъ:

«— Ничего, пустяки...

«И потомъ вдругъ прибавилъ:

«— Да вы, Ѳедоровъ, напрасно и ѣхать-то безпокоитесь. Никто васъ не приглашалъ.

«Я остановился на крыльцѣ, раздавленный этими жестокими словами. Гости шумно выходили на крыльцо. Въ дверяхъ кто-то изъ нихъ крикнулъ:

«— Идите и возлягте на ваше Прокрустово ложе.

«А другой подхватилъ:

«— На ваше прохвостово ложе!

«Они ушли, громко смѣясь; я возвратился назадъ и легъ на кушетку. У меня была смутная надежда, что они по-

жалѣютъ о своихъ словахъ и пришлютъ за мной, но никто не приходилъ... Два или три часа я проплакалъ ѣдкими слезами безсильнаго бѣшенства. «Прохвостово» ложе причиняло мнѣ боль. Я поднялся. Ненависть къ кушеткѣ переполнила мое сердце. Я собралъ нѣсколько картонокъ изъ-подъ шляпъ, набилъ ихъ старой газетной бумагой, облилъ керосиномъ, поставилъ подъ кушетку и зажегъ. Все это время я былъ въ какомъ-то забытьѣ...

«Когда я очнулся, вся комната пылала. Я ужаснулся своего поступка и сталъ звать на помощь. Остальное вамъ уже извѣстно, господа присяжные...»

БРЕГЕТЪ.

Я необыкновенно живо помню этотъ длинный декабрьскій вечеръ. Я сидѣлъ у круглаго обѣденнаго стола и при яркомъ свѣтѣ висячей лампы читалъ толстый, истрепанный томъ «Сѣверной Пчелы», тотъ самый милый мнѣ по воспоминаніямъ томъ, который я непремѣнно каждый разъ заставалъ и терпѣливо прочитывалъ съ начала до конца, пріѣзжая на рождественскія каникулы въ Ружичную. Дядя Василій Филипповичъ сидѣлъ противъ меня въ низкомъ и глубокомъ кожаномъ креслѣ, протянувъ вдоль ковровой скамеечки свои подагрическія ноги, обвернутыя одѣяломъ тигроваго цвѣта. Его лицо оставалось въ тѣни; только страшные бѣлые усищи и трубка между ними попали въ свѣтлый кругъ и рисовались чрезвычайно отчетливо. Иногда я отрывался отъ книги и прислушивался къ мятели, разгулявшейся на дворѣ. Всегда есть что-то ужасное, какая-то угрюмая и злобная угроза въ этихъ звукахъ, начинающихся глухимъ рыданіемъ, восходящихъ по хроматической гаммѣ до пронзительнаго визга и опять спускающихся внизъ. А деревья въ это время качаются и гудятъ своими вершинами, вѣтеръ свиститъ и плачетъ въ трубахъ, и при каждомъ новомъ порывѣ бури кажется, будто кто-то бросаетъ въ ставни горсти мелкаго сухого снѣга. И, когда я прислушивался къ этому

дьявольскому концерту, моя мысль невольно останавливалась на томъ, что вотъ я сижу теперь въ ветхомъ помѣщичьемъ домѣ, затерянномъ среди унылыхъ снѣжныхъ равнинъ, сижу глазъ-на-глазъ съ дряхлымъ, больнымъ старикомъ, далеко отъ города, отъ привычнаго общества, и мнѣ начинало казаться, что никогда, никогда ужъ больше не окончится это завываніе вьюги, и эта длительная тоска, и однозвучный ходъ маятника...

— Ты говоришь — случайности, — произнесъ вдругъ Василій Филипповичъ, грузно повертываясь въ своемъ креслѣ и заслоняясь рукой отъ свѣта:—а ты знаешь ли, что жизнь иногда возьметъ да удеретъ такую шутку, что никакой твой романистъ ничего подобнаго не придумаетъ?..

Я сначала не понялъ, къ чему относилось это восклицаніе, но потомъ вспомнилъ, что у насъ за обѣдомъ былъ разговоръ о безбрежности книжнаго вымысла, и спросилъ:

— Почему вы вдругъ объ этомъ заговорили, дядя?

— Да такъ себѣ... сижу я вотъ теперь... тихо кругомъ... на дворѣ погода... ну и того, знаешь, разная старина въ голову лѣзетъ... Припомнился мнѣ одинъ случай, вотъ я и сказалъ...

Дядя замолчалъ и долго съ томительнымъ кряхтѣньемъ укутывалъ больныя ноги. Потомъ онъ началъ:

— Собрались мы разъ у ротмистра фонъ-Ашенберга на именины. Было дѣло зимой. А мы, надо тебѣ сказать, т.-е. нашъ N-скій гусарскій полкъ только-что воротился тогда изъ венгерской кампаніи, и начальство насъ расквартировало по омерзительнымъ деревушкамъ. Глушь и тоска — просто невѣроятныя. Ѣздили мы, правда, по окрестнымъ попамъ — ну, да посуди самъ, что жъ тутъ веселаго? Оставалось намъ только одно—безпросвѣтное пьянство и карты, карты и пьянство. Такъ мы и положили себѣ за правило, что:

...кто въ день два раза не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ...

«Ну, такъ вотъ, собрались мы. Во-первыхъ, штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й... Теперь въ полкахъ старики плачутся, что измельчалъ народъ, и что молодежь никуда не годится. Также и штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й на насъ плакался. А надо тебѣ сказать, что по лѣтамъ онъ былъ самый старшій офицеръ въ полку, и всѣ знали (и весь полкъ этимъ гордился), что онъ въ свое время съ самимъ Денисомъ былъ на ты, а съ Бурцовымъ пилъ и дебоширилъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ подъ рядъ. Затѣмъ былъ майоръ Кожинъ, — этотъ славился по всей легкой кавалеріи своимъ изумительнымъ голосомъ. Чортъ знаетъ, что̀ за голосъ былъ! Иной разъ во время хорошей выпивки возьметъ стаканъ, приставитъ ко рту, да какъ гаркнетъ. Ну, вотъ ты смѣешься,—а у него, честное слово, одни осколки оставались въ рукахъ. Были два поручика — Рѣзниковъ и Бѣлаго; мы ихъ звали «инсепараблями», или мужемъ и женой, потому что они никогда не разставались и всегда жили на одной квартирѣ. Былъ еще казачій есаулъ Сиротко, или иначе— «ежова голова»,—потому что онъ ко всякому слову прибавлялъ—«ежова голова». Потомъ былъ корнетъ графъ Ольховскій—такъ себѣ, телятина, однако ничего... добрый малый, хотя и наивный и глуповатый; его къ намъ только-что изъ юнкеровъ произвели... Былъ также въ этой компаніи поручикъ Чекмаревъ, нашъ общій любимецъ и баловень. Про него даже штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й говорилъ иногда, въ добрую минуту: «Вотъ этотъ мальчишка... еще куда ни шло, у него кишки въ головѣ гусарскія... Этотъ не выдастъ...» Веселый, щедрый, ловкій, красавецъ собою, великолѣпный танцоръ и наѣздникъ,— словомъ, чудесный малый. И что̀ къ нему особенно привлекало наши грубоватыя сердца, такъ это—какая-то

удивительная нѣжность, почти женственность въ улыбкѣ и обращеніи. Кромѣ того, надо тебѣ сказать, что онъ былъ очень богатъ, и его кошелекъ всегда былъ въ общемъ распоряженіи

«Собрались мы всѣ люди холостые (у насъ въ полку женатыхъ всего только двое было) и выпили страшно много. Пили за здоровье хозяина, пили круговую, пили «аршинную»—выстраивали рюмки въ длину на аршинъ и пили,—позвали пѣсенниковъ и съ пѣсенниками пили, вызвали оркестръ полковой — подъ оркестръ пили... Есаулъ Сиротко — ежова голова — къ каждой рюмкѣ говорилъ присловья: «два сапога—пара, безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ домъ не становится», и такъ чуть ли не до пятидесяти, и большая часть изъ нихъ были совсѣмъ неприличныя.

«Въ это время кто-то, кажется, одинъ изъ «инсепараблей», вспомнилъ, что вчера графъ Ольховскій ѣздилъ къ помѣщику играть въ дьябелокъ, иначе ландскнехтъ. Оказалось, что онъ выигралъ полторы тысячи деньгами, караковаго жеребца и золотые часы-брегетъ. Ольховскій намъ эти часы сейчасъ же и показалъ. Дѣйствительно, хорошіе часы: съ рѣзьбой, съ украшеніями, и когда сверху надавить пуговку, то они очень мелодично прозвонятъ, сколько четвертей и который часъ. Старинные часы.

«Ольховскій немного заважничалъ.

«— Это, говоритъ, очень рѣдкая вещь. Я ее ни за что изъ рукъ не выпущу. Весьма вѣроятно, что подобныхъ часовъ во всемъ свѣтѣ не больше двухъ-трехъ экземпляровъ.

«Чекмаревъ на это улыбнулся.

«— Напрасно вы такого лестнаго мнѣнія о вашихъ часахъ. Я вамъ могу показать совершенно такіе же. Они вовсе не такая рѣдкость, какъ вы думаете.

«Ольховскій недовѣрчиво покачалъ головой:

«— Гдѣ же вы ихъ достанете? Простите, но я сомнѣваюсь...

«— Какъ вамъ угодно. Хотите — пари?

«— Съ удовольствіемъ... Когда же вы ихъ достанете?

«Но это пари показалось обществу неинтереснымъ. Есаулъ Сиротко взялъ Ольховскаго за воротъ и оттащилъ въ сторону со словами:

«— Ну, вотъ, ежовы головы, затѣяли ерунду какую-то. Пить, такъ пить, а не пить, такъ ужъ лучше въ карты играть...

«Попойка продолжалась. Вдругъ Кожинъ скомандовалъ своимъ ужасающимъ басомъ:

«— Драбанты — къ чорту! (Драбантами у насъ назывались денщики). Двери на запоръ! Чикчиры долой! Жженка идетъ!..

«Прислуга была тотчасъ же выслана, двери заперты, и огонь потушенъ. Утвердили сахарную голову надъ тремя скрещенными саблями, подъ которыми помѣстили большой котелъ. Ромъ вспыхнулъ синимъ огонькомъ, и штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й затянулъ фальшивымъ баритономъ:

Гдѣ гусары прежнихъ лѣтъ?
Гдѣ гусары удалые?

«Мы подтягивали ему нестройнымъ хоромъ. Когда же дошелъ до словъ:

Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красно-сизыми носа-а-ами,—

голосъ его задрожалъ и зафальшивилъ больше прежняго.

«Жженка еще не сварилась, какъ вдругъ есаулъ Сиротко ударилъ себя по лбу и воскликнулъ:

«— Братцы мои! Ежовы головы! А вѣдь я совсѣмъ-было забылъ, что у меня нынче пріемка обоза. Удирать надо, ребята.

«— Сиди, сиди, врешь все,—сказалъ штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й.

«— Ей-Богу же, голубчикъ, нужно... Пустите, ежовы головы. Къ восьми часамъ надо быть непремѣнно, я вѣдь все равно скоро вернусь. Ольховскій, сколько часовъ теперь? Позвони-ка!

«Мы слышали, какъ Ольховскій шарилъ по карманамъ. Вдругъ онъ проговорилъ озабоченнымъ тономъ:

«— Вотъ такъ штука!..

«— Что̀ такое случилось?—спросилъ фонъ-Ашенбергъ.

«— Да часовъ никакъ не найду. Сейчасъ только положилъ ихъ около себя, когда снималъ ментикъ.

«— А ну-ка, посвѣтите, господа.

«Зажгли огонь, принялись искать часы, но ихъ не находилось. Всѣмъ намъ почему-то сдѣлалось неловко, и мы избѣгали глядѣть другъ на друга.

«— Когда вы у себя ихъ послѣдній разъ помните?— спросилъ фонъ-Ашенбергъ.

«— Да вотъ, какъ только дверь заперли... вотъ сію минуту. Я еще снималъ мундиръ и думаю: положу ихъ около себя: въ темнотѣ, по крайней мѣрѣ, можно будетъ часъ узнать...

«Всѣ замолчали и потупились. Ивановъ 1-й внезапно ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что стоявшія на немъ рюмки зазвенѣли и попадали.

«— Чортъ возьми!—закричалъ онъ хрипло.—Давайте же искать эти поганые часы. Ну, живо, ребята, лѣзь подъ столъ, подъ лавки. Чтобы были!..

«Мы искали около четверти часа и совершенно безплодно. Ольховскій, растерянный, сконфуженный, повторялъ ежеминутно: «Ахъ, господа, да чортъ съ ними...

да ну ихъ къ бѣсу, эти часы, господа»... Но Ивановъ 1-й прикрикнулъ на него, страшно выкатывая глаза:

«— Дуракъ! Наплевать намъ на твои часы. Понимаешь ли ты, что при-слу-ги здѣсь не бы-ло.

«Наконецъ мы сбились съ ногъ въ поискахъ за этими проклятыми часами и сѣли вокругъ стола въ томительномъ молчаніи. Кожинъ тоскливо обвелъ насъ глазами и спросилъ еле слышно:

«— Что̀ же теперь дѣлать, господа?

«— Ну, ужъ это ваше дѣло, что̀ дѣлать, майоръ,—сурово возразилъ Ивановъ 1-й.—Вы между нами старшій... А только часы должны непремѣнно найтись.

«Было рѣшено, что каждый изъ насъ позволитъ себя обыскать. Первымъ подошелъ есаулъ Сиротко, за нимъ штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й. Лицо стараго гусара побагровѣло, и шрамъ отъ сабельнаго удара, шедшій черезъ всю его сѣдую голову и черезъ лобъ до переносицы, казался широкой бѣлой полосой. Дрожащими руками онъ выворачивалъ карманы съ такой силой, точно хотѣлъ ихъ совсѣмъ выбросить изъ чикчиръ, и бормоталъ, кусая усы:

«— Срамъ! Мерзость! Въ первый разъ N-цы другъ друга обыскиваютъ... Позоръ!.. Стыдно моимъ сѣдинамъ, стыдно...

«Такимъ образомъ мы всѣ поочередно были обысканы. Остался одинъ только Чекмаревъ.

«— Ну, Ѳедюша, подходи... что̀ же ты?—подтолкнулъ его съ суровой и грустной лаской Ивановъ 1-й.

«Но онъ стоялъ, плотно прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный, съ вздрагивающими губами, и не двигался съ мѣста.

«— Ну, иди же, Чекмаревъ,—ободрялъ его майоръ Кожинъ. — Видишь, всѣ подходили...

«Чекмаревъ медленно покачалъ головой. Я никогда не

забуду кривой, страшной улыбки, исказившей его губы, когда онъ съ трудомъ выговорилъ:

«— Я... себя... не позволю... обыскивать...

«Штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й вспыхнулъ:

«— Какъ, чортъ возьми? Пять старыхъ офицеровъ позволяютъ себя обыскивать, а ты нѣтъ? У меня вся морда, видишь, какъ исполосована, и зубы выбиты прикладомъ, и однако меня обыскивали... Что же ты лучше насъ всѣхъ? Или у тебя понятія о чести щепетильнѣе, чѣмъ у насъ? Сейчасъ подходи, Ѳедька, слышишь?

«Но Чекмаревъ опять отрицательно покачалъ головой.

«— Не пойду,—прошепталъ онъ.

«Было что-то ужасное въ его неподвижной позѣ, въ мертвенномъ взглядѣ его глазъ и въ его напряженной улыбкѣ.

«Ивановъ 1-й вдругъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ такимъ ласковымъ тономъ, какого никто не могъ ожидать отъ этого стараго пьяницы и грубаго солдата:

«— Ѳедюша, голубчикъ мой, брось глупости... Ты знаешь, я тебя, какъ сына, люблю... Ну, брось, милый, прошу тебя... Можетъ-быть, ты какъ-нибудь... ну, знаешь, того... изъ-за этого дурацкаго пари... понимаешь, пошутилъ... а? Ну, пошутилъ, Ѳедюша, ну, и кончено, ну, прошу тебя....

«Вся кровь бросилась въ лицо Чекмареву и сейчасъ же отхлынула назадъ. Губы его задергались. Онъ молча съ прежней страдальческой улыбкой покачалъ головой... Стало ужасно тихо, и только сердитое сопѣнье майора Кожина оглушительно раздавалось въ этой тишинѣ.

«Ивановъ 1-й глубоко, во всю грудь, вздохнулъ, повернулся бокомъ къ Чекмареву и, не глядя на него, сказалъ глухо:

«— Въ такомъ случаѣ, знаете, поручикъ... мы хотя и не сомнѣваемся въ вашей честности... но, знаете...

(онъ быстро взглянулъ на Чекмарева и тотчасъ же опять отвернулся) знаете, вамъ какъ-то неловко оставаться между нами...

«Чекмаревъ пошатнулся. Казалось, онъ вотъ-вотъ грохнется на полъ. Но онъ справился съ собой и, поддерживая лѣвой рукой саблю, глядя передъ собой неподвижными глазами, точно лунатикъ, медленно прошелъ къ двери. Мы безмолвно разступились, чтобы дать ему дорогу.

«О продолженіи попойки нечего было и думать, и фонъ-Ашенбергъ даже и не пробовалъ уговаривать. Онъ позвалъ денщиковъ и приказалъ имъ убирать со стола. Всѣ мы—совершенно отрезвленные и грустные—сидѣли молча, точно еще ожидали чего-то.

«Вдругъ Байденко, денщикъ хозяина, воскликнулъ:

«— Вашъ выс-кродь! Тутечка якись часы!

«Мы бросились къ нему. Дѣйствительно, на полу, подъ котелкомъ, предназначеннымъ для жженки, лежалъ брегетъ Ольховскаго.

«— Чортъ его знаетъ,—бормоталъ смущенный графъ:— должно-быть, я ихъ какъ-нибудь нечаянно ногой, что ли, туда подтолкнулъ.

«Прислуга была вторично удалена, чтобы мы могли свободно обсудить положеніе дѣла. Молодежь подавала сочувствующіе голоса за Чекмарева, но старики смотрѣли на дѣло иначе.

«— Нѣтъ, господа, онъ оскорбилъ насъ всѣхъ и вмѣстѣ съ нами весь полкъ,— сказалъ своимъ густымъ, рѣшительнымъ басомъ майоръ Кожинъ.—Почему мы позволили себя обыскать, а онъ — нѣтъ? Оскорби одного офицера — это рѣшилось бы очень просто: пятнадцать шаговъ, пистолеты, и дѣло съ концомъ. А тутъ совсѣмъ другое дѣло. Нѣтъ-съ, онъ долженъ оставить N-скій полкъ и оставитъ его.

«Фонъ-Ашенбергъ, Ивановъ 1-й и есаулъ подтвердили это мнѣніе, хотя видно было, что имъ жаль Чекмарева. Мы стали расходиться. Медленно, безмолвно, точно возвращаясь съ похоронъ, вышли мы на крыльцо и остановились, чтобы проститься другъ съ другомъ.

«Какой-то человѣкъ быстро бѣжалъ по дорогѣ, по направленію къ дому фонъ-Ашенберга. Ивановъ 1-й раньше всѣхъ насъ узналъ въ немъ денщика поручика Чекмарева. Солдатъ былъ безъ шапки и казался страшно перепуганнымъ. Еще на ходу онъ закричалъ, еле переводя духъ:

«— Вашъ-скородь... несчастье!.. Поручикъ Чекмаревъ застрѣлились!..

«Мы кинулись на квартиру Чекмарева. Двери были не заперты. Чекмаревъ лежалъ на полу, бокомъ. Весь полъ былъ залитъ кровью, дуэльный большой пистолетъ валялся въ двухъ шагахъ... Я глядѣлъ на прекрасное лицо самоубійцы, начинавшее уже принимать окаменѣлость смерти, и мнѣ чудилась на его губахъ все та же мучительная, кривая улыбка.

«— Посмотрите, нѣтъ ли записки, — сказалъ кто-то.

«Записка дѣйствительно нашлась. Она лежала на письменномъ столѣ, придавленная сверху... чѣмъ бы ты думалъ?.. золотыми часами, брегетомъ, и—что всего ужаснѣе—брегетъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на брегетъ графа Ольховскаго.

«Записку эту я помню наизусть. Вотъ ея содержаніе:

«Прощайте, дорогіе товарищи. Клянусь Богомъ, клянусь страданіями Господа Іисуса Христа, что я не виновенъ въ кражѣ. Я только потому не позволилъ себя обыскать, что въ это время въ карманѣ у меня находился точно такой же брегетъ, какъ и у корнета графа Ольховскаго, доставшійся мнѣ отъ моего покойнаго дѣда. Къ сожалѣнію, не осталось никого въ живыхъ, кто могъ

бы это засвидѣтельствовать, и потому мнѣ остается выбирать только между позоромъ и смертью. Въ случаѣ, если часы Ольховскаго найдутся, и моя невинность будетъ такимъ образомъ доказана, прошу штабъ-ротмистра Иванова 1-го всѣ мои вещи, оружіе и лошадей раздать на память милымъ товарищамъ, а самому себѣ оставить мой брегетъ»

«И затѣмъ подпись».

Дядя Василій Филипповичъ совсѣмъ ушелъ въ тѣнь лампы. Онъ очень долго сморкался и кашлялъ подъ ея прикрытіемъ и наконецъ сказалъ:

— Вотъ видишь, какія случайности есть въ запасѣ у жизни, голубчикъ...

МАРІАННА.

— Удивительное дѣло, господа, какъ глупа бываетъ иногда зеленая юность,—сказалъ задумчиво нашъ хозяинъ.—Боже мой! Если бы теперь къ нашей опытности старыхъ грѣшниковъ да прибавить тогдашнюю силу, смѣлость, тогдашнюю пылкость желаній! Что̀ бы это такое вышло! Подумайте только: какъ часто мы сослѣпу лѣзли на стѣны крѣпости въ то время, когда ея ворота были гостепріимно растворены настежь. Сколько разъ мы принимали за суровый отказъ самые рѣшительные авансы... И я не сомнѣваюсь, что каждый изъ насъ проходилъ съ разинутымъ ртомъ мимо сотни милыхъ, веселыхъ приключеній, которыя оставили бы на всю жизнь нѣжныя воспоминанія!

Говоря это, онъ тихо раскачивалъ въ вольтеровскомъ креслѣ свое массивное тѣло съ огромнымъ животомъ, и его глаза, щурясь отъ дыма сигары, мечтательно улыбались какимъ-то давно исчезнувшимъ о̀бразамъ.

Мы всѣ хорошо знали, что Левъ Максимовичъ—этотъ знаменитый на весь Петербургъ обжора, игрокъ, геніальный творецъ и разрушитель всѣхъ анонимныхъ акціонерныхъ обществъ—былъ въ свое время не послѣднимъ спеціалистомъ по части женскаго вопроса.

Поэтому мы ожидали услышать отъ него одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ пикантныхъ разсказовъ, которыми

онъ насъ нерѣдко угощалъ послѣ своихъ великолѣпныхъ обѣдовъ.

И дѣйствительно онъ началъ:

— Произошло это, господа, очень давно... Я только-что окончилъ университетъ и отбывалъ воинскую повинность. Полкъ мнѣ попался прекрасный, офицеры держались со мной вѣжливо и, насколько позволяла дисциплина, на товарищеской ногѣ. По крайней мѣрѣ у меня и до сихъ поръ сохранились къ нимъ самыя пріятныя чувства.

«Полкъ этотъ стоялъ въ городѣ М., но не весь; каждый изъ четырехъ батальоновъ по очереди отправлялся на зиму въ грязное мѣстечко, котораго я теперь и имени не упомню. Находилось оно на границѣ, и по плотинѣ, соединяющей оба государства, день и ночь ходили двое часовыхъ.

«Мой ротный командиръ—необыкновенно свирѣпый съ виду, но очень добрый усачъ—однажды пригласилъ меня приходить къ нему ежедневно обѣдать, но сдѣлалъ это въ очень оригинальной формѣ. Подозвавъ меня какъ-то послѣ ученья къ себѣ, онъ закричалъ, выкатывая сердито глаза:

«— Ефрейторъ Лаврищевъ! Ты явишься ко мнѣ послѣ ученья на квартиру!

«Я испугался, вытянулся въ струнку и, держа подъ козырекъ, отвѣтилъ:

«— Слушаю, ва-ско-бродіе...

«По правдѣ говоря, я думалъ, что мнѣ предстоитъ длинная распекація за невытянутый носокъ, за выпадъ, сдѣланный «не отъ сердца», или за какую-нибудь иную тонкость солдатской науки. Но я ошибся. Капитанъ принялъ меня очень внимательно, хотя и вращалъ глазами такъ же свирѣпо, какъ и всегда.

«Едва мы сѣли, какъ вошла его жена.

«— Вотъ, Манечка,—сказалъ капитанъ:—представляю тебѣ нашего ефрейтора.

«Ахъ, какая она была миленькая, эта Маріанна Ѳаддеевна! Лицо у нея было такое бѣлое—именно не блѣдное и не матовое, а бѣлое—и все какъ будто бы въ рамкѣ пышныхъ, волнистыхъ волосъ, цвѣта—ну, какъ бы вамъ сказать—цвѣта рыжеватаго соболя. Кожа подъ ея тонкими, но пушистыми бровями слегка розовѣла, точно такъ же, какъ и края ладони,—признакъ, говорятъ, нервной натуры. Глаза темно-каріе, того оттѣнка, который нѣкоторые зовутъ рыжимъ, а другіе—золотымъ, ласковые и дерзкіе... А губы! Именно въ губахъ и заключалось (по крайней мѣрѣ для меня) все очарованіе ея лица. Я никогда потомъ въ жизни не видалъ такихъ губъ: выпуклыхъ, прекрасно-изогнутыхъ, свѣжихъ и выразительныхъ.

«Она протянула мнѣ руку. Странно,—для меня пожатіе руки всегда говоритъ о человѣкѣ гораздо болѣе, нежели его лицо, голосъ, походка и почеркъ. Для меня существуютъ: равнодушныя, презрительныя, обнадеживающія, скупыя, сладострастныя, вѣроломныя, наглыя, гордыя — какія угодно пожатія. Рука Маріанны—теплая, нѣжная, немного длинная и крѣпкая рука—сказала мнѣ: «Я женщина и не обижаюсь, если на меня смотрятъ, какъ на женщину. Скорѣе мнѣ это даже пріятно».

«Съ перваго же дня она установила между мной и собой игриво-легкія отношенія. За обѣдомъ она уже повязывала мнѣ вокругъ шеи салфетку, называя меня «младенцемъ», хлопая меня по рукамъ и т. д. Въ то же время ея дерзкіе глаза смѣялись, а яркія губы смущали меня.

«Я ежедневно обѣдалъ у Завилковскихъ и скоро сдѣлался у нихъ своимъ человѣкомъ. Она со мной совсѣмъ не стѣснялась: заставляла меня держать ей мотки шер-

сти, посылала по разнымъ своимъ порученіямъ, таскала меня за собой по лавкамъ въ качествѣ провожатаго и добровольнаго носильщика... Я цѣлые дни проводилъ около нея. Каждый разъ, когда капитанъ, возвращаясь со службы, заставалъ насъ вмѣстѣ (видитъ Богъ, что ничего «дурного» здѣсь не было), я вскакивалъ, краснѣлъ, какъ мальчишка, и начиналъ громко говорить о постороннихъ предметахъ. Онъ же шевелилъ усами, фыркалъ носомъ, и глаза его вращались со свирѣпымъ выраженіемъ.

«Когда мы играли по вечерамъ въ преферансъ, она постоянно пожимала кончикомъ ботинка мою ногу. Дерзкое сіяніе ея глазъ волновало меня. Ей доставляло удовольствіе играть со мною, какъ кошка играетъ съ мышью. Да и вообще въ ней было много кошачьяго: и зябкость, и осторожная медлительность движеній, и грація, и гибкость, и лукавость

«Вѣроятно, она сознавала мою полную для нея безопасность и потому безнаказанно пробовала на мнѣ свои когти... А я?.. Я только млѣлъ и мучился...

«Трудно вѣдь, господа, въ 22 года, когда кровь такъ горяча, выносить ежедневно подобныя вылазки красивой женщины. Часто, очень часто, уходя отъ Завилковскихъ поздней ночью и шатаясь, какъ пьяный, я съ горечью думалъ о томъ, что она, наэлектризованная этой игрой, остается теперь наединѣ съ мужемъ..

«Если иногда, возбужденный чуть не до потери разсудка кошачьимъ кокетствомъ Маріанны, я хваталъ ея руки и крѣпко сжималъ ихъ съ какимъ-нибудь страстнымъ восклицаніемъ, она мгновенно отрезвляла меня:

«— Что̀ съ вами? Что̀ съ вами, Левъ Максимовичъ? Вы нездоровы? Можетъ-быть, вамъ надо холодной воды? Я сейчасъ прикажу, чтобы Ѳомичевъ принесъ...

«Прошла зима. Въ маѣ нашъ батальонъ долженъ былъ

выступать изъ мѣстечка и итти въ лагери на соединеніе съ полкомъ.

«Кажется, это случилось 3-го числа. Рано утромъ, въ то время, когда капитанъ кричалъ и ругался на казарменномъ дворѣ, наблюдая за укладкой ротнаго имущества, я забѣжалъ къ Маріаннѣ, чтобы проститься съ нею. Я зналъ, что она на другой день уѣзжаетъ въ деревню къ своимъ роднымъ.

«Въ квартирѣ оставались лишь голыя стѣны. Всѣ вещи были еще съ разсвѣтомъ отправлены на вокзалъ. Маріанна сидѣла на полу около окна на большой охапкѣ соломы.

«— Я пришелъ проститься съ вами, Маріанна Ѳаддеевна. Мы больше никогда не увидимся, — сказалъ я грустно.

«Она показала мнѣ знакомъ, чтобы я сѣлъ рядомъ съ ней. Я опустился на солому.

«— Вы будете обо мнѣ изрѣдка вспоминать? — спросила она.

«— Развѣ можно объ этомъ спрашивать? Конечно, буду всегда.

«— И, конечно, дурно?

«— Маріанна Ѳаддеевна!

«Я взялъ ее за руку. Она не сопротивлялась. Я привлекъ ее къ себѣ, хотя это для насъ обоихъ, благодаря вытянутымъ ногамъ, было очень неловко. Ея рѣсницы опустились внизъ, губы раскрылись, дышала она тяжело и часто.

«Я точно обезумѣлъ и сталъ безъ перерыва цѣловать ея щеку, високъ и волосы...

«Она отталкивала меня, но я не обращалъ на это вниманія. Тогда она шопотомъ сказала:

«— Оставьте... Я буду кричать... Я позову прислугу. Оставьте меня...

«Я опомнился и, весь красный, всталъ, отряхаясь отъ приставшихъ къ моей одеждѣ соломинокъ. Мы простились очень холодно. Идя въ казармы, я думалъ: «Чортъ знаетъ, что̀ такое... дернула же меня нелегкая!.. Обидѣлъ ни за что ни про что такую хорошую, милую женщину. Ужъ навѣрно капитанъ будетъ знать объ этомъ приключеніи. Что̀ за позорное положеніе!..»

«Мы выступили изъ мѣстечка, сопровождаемые толпами оборванныхъ мальчишекъ. День былъ жаркій и блестящій. Когда черезъ четыре часа батальонъ дошелъ до большого привала, люди уже утомились и заскучали... Даже пѣсенники пѣли неохотно, только по принужденію начальства.

«Привалъ былъ назначенъ въ тѣнистой и сырой грабовой рощѣ, покрывавшей пологій длинный скатъ. Насъ ожидалъ тамъ очень милый сюрпризъ. Наши батальонныя дамы, заранѣе сговорившись, выѣхали впередъ и приготовили въ рощѣ маленькій завтракъ.

«Я не запомню, чтобы мнѣ было когда-нибудь такъ весело, какъ во время этого завтрака, подъ благоухающимъ навѣсомъ жидкой, веселой, ранней зелени, когда мы сидѣли на землѣ, еще покрытой кое-гдѣ прошлогодними листьями... Наконецъ барабаны забили сборъ. Я поспѣшно схватилъ свое ружье и, прежде чѣмъ итти въ ряды, подошелъ къ Маріаннѣ.

— Простите меня, Маріанна Ѳаддеевна,—сказалъ я виноватымъ голосомъ:—мнѣ не хочется, чтобы у васъ осталось ко мнѣ дурное чувство.

«Она бросила на меня быстрый, лукавый взглядъ и отвѣчала:

«— Да я на васъ вовсе и не думала сердиться...

«Я оторопѣлъ. Я ждалъ гнѣвныхъ словъ, упрековъ, можетъ-быть, даже угрозъ...

«— Какъ? Вы не сердитесь?.. Но я позволилъ себѣ... черезчуръ много... Вы были такъ недовольны...

«Она расхохоталась громкимъ, нервнымъ смѣхомъ:

«— Ха-ха-ха... Это вы были слишкомъ нерѣшительны... Милый мальчикъ, вы совсѣмъ не знаете женщинъ...

«Къ намъ подходилъ капитанъ. Я прошепталъ взволнованно:

«— Но раньше, Маріанна? Раньше? Еще зимой?

«— Да... и зимой, — отвѣчала она, взглянувъ прямо въ лицо своими дерзкими, блестящими глазами.

«Капитанъ подошелъ и закричалъ, теребя часы:

«— Въ строй, ефрейторъ! Въ строй! Что̀ это за болтовня!

«Мы тронулись съ привала. Поднялась пыль. Отдохнувшіе пѣсенники грянули залихватскую пѣсню.

«Я долго-долго оглядывался назадъ, туда, гдѣ изъ-за облаковъ пыли бѣлѣлъ кружевной зонтикъ съ розовой подкладкой. Мою душу терзало позднее сожалѣніе...»

КАПРИЗЪ.

Огромная двухсвѣтная актовая зала университета, казалось, утопала въ цѣломъ морѣ огня, который яркими потоками бросали три газовыя люстры, увѣшенныя сверкающими хрустальными призмочками, и десятки четырехлапыхъ бра, горѣвшихъ въ простѣнкахъ между окнами и дверями. Въ одномъ концѣ залы возвышалась просторная эстрада, красиво замаскированная флагами и густой стѣной живыхъ растеній... На эстрадѣ блестѣлъ свѣжимъ лакомъ концертный рояль съ поднятой вверхъ крышкой.

Повидимому, не оставалось болѣе ни одного свободнаго мѣста, но все новыя и новыя волны зрителей безпрерывно вливались изъ входныхъ дверей. Глядя на тѣхъ, которые уже сидѣли, чувствовалось, что взглядъ теряется въ этомъ волнующемся морѣ головъ, лысинъ, причесокъ, черныхъ фраковъ, мундировъ, свѣтлыхъ дамскихъ платьевъ, медленно движущихся вѣеровъ, тонкихъ рукъ въ бѣлыхъ длинныхъ перчаткахъ, плавныхъ жестовъ и кокетливыхъ, праздничныхъ женскихъ улыбокъ.

На эстраду взобрался и увѣренно, почти гордо подошелъ къ ея краю красивый пѣвецъ. Онъ былъ во фракѣ съ широкимъ вырѣзомъ и съ красной гарденіей въ петличкѣ. Слѣдомъ за нимъ тѣнью, незамѣтно, очутился на своемъ мѣстѣ аккомпаніаторъ, у котораго длинные, прямые и жидкіе волосы падали на оба плеча.

Зала затихла.

Нѣсколько особенно франтоватыхъ студентовъ, кото-

рыхъ можно было по бантикамъ на груди признать за распорядителей вечера, нетерпѣливо толпились въ холодной швейцарской между вѣшалками, загроможденными верхней одеждой,—они ожидали пріѣзда Генріетты Дюкруа, примадонны Парижской Оперы, гастролировавшей въ городѣ весь зимній сезонъ. Хотя знаменитая пѣвица и приняла съ очаровательной любезностью депутацію отъ молодежи и увѣряла, что сочтетъ за большую честь для себя пропѣть на студенческомъ вечерѣ, однако начиналось уже третье отдѣленіе, въ которомъ именно и должна была участвовать дива, а она до сихъ поръ еще не пріѣзжала.

«Неужели надула?»—мелькала тревожная, но не высказываемая мысль въ умахъ озябшихъ распорядителей, и они то и дѣло одинъ за другимъ подбѣгали къ окнамъ и, прижимаясь лицомъ къ стеклу, напряженно вглядывались въ темноту зимней ночи. Дюкруа, назначавшая въ дни своихъ представленій безумныя цѣны на мѣста, была, безъ сомнѣнія, гвоздемъ вечера, главной приманкой для большинства пріѣхавшей публики...

На улицѣ послышался грохотъ подъѣзжающаго экипажа, и мимо оконъ въ одно мгновеніе мелькнули два большихъ яркихъ фонаря. Распорядители быстро кинулись къ дверямъ, волнуясь и оттѣсняя другъ друга.

Дѣйствительно, это была Дюкруа. Она впорхнула въ швейцарскую, улыбаясь студентамъ и указывая рукой на свое горло, укутанное въ тысячные мѣха. Этотъ жестъ означалъ, что она охотно объяснила бы уважительную причину своей неаккуратности, но боится говорить въ нетопленной комнатѣ.

Такъ какъ Дюкруа давно пропустила свой номеръ и разочарованная публика уже перестала ее ожидать, то внезапное появленіе ея на эстрадѣ вышло великолѣп-

нымъ сюрпризомъ. Нѣсколько сотенъ молодыхъ глотокъ и вдвое большее количество здоровыхъ ладоней устроили ей такую долгую и оглушительную встрѣчу, что даже и она, привыкшая быть повсюду кумиромъ публики, почувствовала въ душѣ пріятное щекотаніе лести... Она стояла у края эстрады, слегка наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и обводя ряды зрителей своими большими, черными, смѣющимися глазами. На ней было бѣлое шелковое глянцовитое платье, корсажъ котораго держался на плечахъ при помощи узенькихъ ленточекъ. Прекрасныя обнаженныя руки, низко открытая высокая грудь и длинная, круглая, гордая шея казались выточенными изъ какого-то теплаго, бархатнаго мрамора.

Нѣсколько разъ буря аплодисментовъ утихала, но едва только Дюкруа подходила къ роялю, какъ новый взрывъ восторга заставлялъ ее возвращаться къ рампѣ. Наконецъ она со своей очаровательной улыбкой сдѣлала руками просительный жестъ, указывая на рояль. Крики постепенно стихли, но вся зала продолжала глядѣть на нее влюбленными глазами. И среди полнѣйшей, но живой, внимательной тишины она запѣла одинъ изъ романсовъ Сенъ-Санса.

Алѣксѣй Сумиловъ, студентъ-медикъ II-го курса, стоялъ, прислонившись къ боковой колоннѣ, и слушалъ съ закрытыми глазами пѣніе, нѣжно и страстно раздававшееся съ эстрады. Онъ любилъ музыку какой-то удивительной, болѣзненно-страстной любовью, ощущая ее не только ушами, но всѣмъ тѣломъ, всѣми нервами, всей своей душой... И теперь каждый звукъ чуднаго голоса проникалъ въ самую глубь его существа и отзывался тамъ такой сладкой дрожью, что Алексѣю мгновеніями казалось, будто эти звуки раздаются изъ его собственной груди.

Когда восторженный ревъ толпы подымался послѣ каж-

даго оконченнаго романса, Алексѣй испытывалъ чувство почти физической боли, и глаза его смотрѣли на кричащую публику съ выраженіемъ испуга, мольбы и страданія. Но Дюкруа начинала новую арію, и Алексѣй опять опускалъ вѣки, весь отдаваясь, точно теплымъ морскимъ волнамъ, чарующей музыкѣ. Въ это время онъ страстно желалъ, чтобы вѣчно не смолкало это божественное пѣніе, и чтобы онъ самъ вѣчно стоялъ у своей колонны, жадно наслаждаясь каждой нотой...

Дюкруа должна была биссировать около десяти разъ. Ее отпустили только тогда, когда она все съ той же очаровательной улыбкой показала рукой на горло и сдѣлала головой и плечами жестъ отказа и сожалѣнія. Слѣдомъ за ней на эстраду выскочила какая-то бритая и кудлатая личность въ потертомъ фракѣ стараго фасона и закричала: «Около воздушнаго шара». Сцена изъ народнаго быта, Ивана Ѳедоровича Горбунова».

Сумиловъ глубоко и прерывисто вздохнулъ, какъ будто только-что очнувшись отъ долгаго сладостнаго сновидѣнія.

Онъ сходилъ съ лѣстницы, запруженной кричащимъ, суетящимся народомъ, и старался не наступать на дамскія платья. Кто-то хлопнулъ его сзади по плечу. Сумиловъ обернулся и увидѣлъ юриста Бибера, своего товарища по гимназіи, сына извѣстнаго въ городѣ милліонера.

Биберъ былъ чѣмъ-то радостно взволнованъ. Онъ обнялъ Сумилова за талію и, крѣпко прижимая его къ себѣ, быстро зашепталъ ему на ухо:

— Согласилась!.. Сейчасъ тройки пріѣдутъ... Я послалъ...

— Кто согласился? — спросилъ Сумиловъ.

— Она... Дюкруа... Мы въ «Европейской» ужинъ заказали... Сначала-было ни за что не соглашалась, а по-

томъ ничего... смилостивилась. Тамъ всѣ наши будутъ... Ты поѣдешь, конечно?

— Я? Нѣтъ, не поѣду.

Сумиловъ никогда не принадлежалъ къ компаніи Бибера, состоявшей изъ золотой молодежи университета: сыновей крупныхъ помѣщиковъ, банкировъ и коммерсантовъ. Биберъ самъ это отлично понималъ, но онъ находился въ томъ припадкѣ безпорядочнаго восторга, когда хочется каждому сдѣлать-что-нибудь пріятное. Поэтому онъ запротестовалъ:

— Брось глупости. Ты долженъ... Почему ты не хочешь?

Сумиловъ разсмѣялся.

— Потому что... Ну, просто... Потому что, вѣдь ты знаешь, мои...

— Ну, ладно, ладно... Подробности письмомъ,—воскликнулъ Биберъ, увлекая Сумилова.—Ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ!..

У крыльца стояли тройки. Лошади въ темнотѣ фыркали и мотали головами, отчего бубенчики на ихъ шеяхъ весело звенѣли. Студенты суетливо разсаживались, и въ мерзломъ воздухѣ ихъ голоса раздавались рѣзко и возбужденно.

Сумиловъ сидѣлъ рядомъ съ Биберомъ. Алексѣй до сихъ поръ находился подъ впечатлѣніемъ музыки. Странная иллюзія овладѣла имъ въ то время, когда тройки неслись вперегонку по пустыннымъ улицамъ. Свистъ вѣтра въ ушахъ, визгъ подмерзшаго снѣга подъ полозьями, крики студентовъ и непрерывный звонъ бубенчиковъ сливались для него въ какую-то удивительную, переливчатую мелодію... Въ то же время минутами онъ не постигалъ, или, вѣрнѣе, забывалъ, что съ нимъ дѣлается или куда онъ ѣдетъ.

Ужинъ, на которомъ сначала всѣ, кромѣ Дюкруа, стѣснялись, подъ конецъ принялъ характеръ «оргіи мальчишекъ изступленныхъ». Студенты безпрерывно цѣловали у пѣвицы руки и говорили ей на плохомъ французскомъ языкѣ самые дерзкіе комплименты. Близость красивой, сильно декольтированной женщины опьяняла ихъ всѣхъ гораздо больше, чѣмъ шампанское; въ ихъ глазахъ свѣтилось нескрываемое желаніе. Дюкруа отвѣчала сразу пятерымъ, громко хохотала, откидываясь головой на спинку малиноваго бархатнаго дивана, и била своихъ собесѣдниковъ вѣеромъ по рукамъ и губамъ.

Сумиловъ не привыкъ къ вину, и теперь два бокала, выпитые имъ, пріятно кинулись ему въ голову. Онъ сидѣлъ въ углу и, заслонясь ладонью отъ свѣта канделябра, неотступно глядѣлъ на Дюкруа восхищенными глазами. Внутренно онъ удивлялся смѣлости своихъ товарищей, такъ развязно болтавшихъ съ знаменитой пѣвицей... Эта смѣлость одновременно возбуждала въ немъ и зависть и какое-то ревнивое чувство.

Сумиловъ былъ очень скроменъ, даже болѣе—застѣнчивъ по своей нѣжной натурѣ и по воспитанію, которое онъ получилъ въ хорошей патріархальной семьѣ. Близкіе товарищи называли его барышней. И дѣйствительно, въ немъ было много дѣвственной, наивной, свѣжей непосредственности мысли и чувства.

— Кто этотъ господинъ, что̀ сидитъ въ углу, точно мышь? — спросила вдругъ Дюкруа, указывая на Алексѣя.

Биберъ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Это одинъ изъ нашихъ студентовъ. Его фамилія— Сумиловъ.

— Онъ, должно-быть, поэтъ, этотъ господинъ? Послушайте, господинъ поэтъ, подойдите сюда!—крикнула пѣвица.

Сумиловъ подошелъ и неловко остановился противъ нея, чувствуя, что горячая краска заливаетъ его лицо.

— Ахъ, Боже мой! Да вашъ поэтъ прехорошенькій,— засмѣялась Дюкруа.—У него видъ свѣженькой пансіонерки... Глядите, глядите, онъ даже краснѣетъ... Ахъ, какъ это мило!

Она дѣйствительно съ удовольствіемъ глядѣла на Сумилова, на его стройную, юношески-гибкую и худощавую фигуру, на его разрумянившееся, нѣжное и красивое лицо, все покрытое легкимъ пушкомъ, на бѣлокурые мягкіе волосы, падающіе непослушными прядями на лобъ. И вдругъ, схвативъ быстрымъ, граціознымъ движеніемъ руку Сумилова, Дюкруа заставила его сѣсть рядомъ съ собою на диванъ.

— Отчего это вы не хотѣли подойти ко мнѣ? Вы слишкомъ горды, молодой человѣкъ. Неужели женщина должна дѣлать къ вамъ первый шагъ!

Алексѣй молчалъ. Кто-то изъ студентовъ, никогда не видѣвшій Сумилова въ своей компаніи, вставилъ съ наглой усмѣшкой:

— Madame, нашъ коллега не понимаетъ по-французски ни слова.

Это замѣчаніе подѣйствовало на Алексѣя, какъ ударъ хлыста. Онъ рѣзко повернулся къ говорящему и, глядя на него въ упоръ, отчеканилъ также по-французски, но съ тою изысканностью языка, которая нѣкогда составляла преимущество русской знати и которая еще уцѣлѣла кое-гдѣ въ хорошихъ фамиліяхъ:

— Вы совершенно напрасно, милостивый государь, берете на себя трудъ объясняться за меня, тѣмъ болѣе, что даже не имѣю чести быть съ вами знакомымъ.

Когда онъ это говорилъ, его брови гнѣвно сдвинулись, и большіе голубые глаза съ длинными стрѣлами рѣсницъ потемнѣли.

— Браво, браво, молодой поэтъ! — засмѣялась Дюкруа, не выпуская изъ своихъ рукъ руки Алексѣя. — Какъ васъ зовутъ, мой поэтъ?

Сумиловъ, вспышка котораго уже улеглась, опять сконфузился и опять покраснѣлъ:

— Алексѣй.

— Какъ? Какъ? Але..?

Сумиловъ повторилъ.

— Ахъ, это все равно, что Алексисъ! Ну такъ вотъ, m-r Алексисъ, въ наказаніе за то, что вы не хотѣли ко мнѣ подойти, вы должны меня будете проводить до дома. Я хочу пройтись немного пѣшкомъ, а то боюсь завтра встать съ головной болью.

Карета остановилась у подъѣзда первоклассной гостиницы. Сумиловъ помогъ пѣвицѣ выйти изъ экипажа и сталъ прощаться.

Она взглянула на него исподлобья лукавымъ и нѣжнымъ взоромъ и спросила:

— Развѣ вы не зайдете посмотрѣть мою берлогу?

— Madame... я очень счастливъ.... — залепеталъ смущенно Алексѣй: — но я боюсь... такъ поздно...

— Идемъ! — скомандовала Дюкруа. — Я васъ хочу окончательно наказать...

Пока она переодѣвалась въ будуарѣ, Сумиловъ осматривался кругомъ. Онъ замѣтилъ, что пѣвица сумѣла придать шаблонно-пышной обстановкѣ дорогого номера то кокетливое изящество, на которое способна только парижанка. Всюду были ковры, цвѣты, вѣера, дорогія бездѣлушки, мебель, болѣе удобная для лежанія, чѣмъ для сидѣнья... Воздухъ благоухалъ тонкими духами, пудрой и запахомъ красивой женщины. Этотъ запахъ Сумиловъ слышалъ еще въ то время, когда сидѣлъ въ каретѣ, прикасаясь плечомъ къ плечу пѣвицы.

Дюкруа вышла въ просторномъ бѣломъ, затканномъ золотомъ, пенюарѣ. Замѣтивъ горничную, неслышно и ловко приготовлявшую на мраморномъ столикѣ чай, она сказала:

— Идите спать, я больше не имѣю надобности въ васъ.

Горничная—некрасивая, подвижная, какъ обезьяна, парижанка — вышла, скользнувъ по Сумилову проницательно-насмѣшливымъ взглядомъ. Дюкруа усѣлась съ ногами на низкій и широкій турецкій диванъ, расправляя около ногъ складки своего бѣлаго платья, и повелительнымъ жестомъ указала Алексѣю на мѣсто рядомъ съ собою.

Сумиловъ повиновался.

— Ближе, ближе!—приказала Дюкруа.—Еще ближе!.. Вотъ такъ... Ну, теперь давайте разговаривать, m-r Алексисъ. Во-первыхъ, гдѣ вы научились такъ хорошо владѣть французскимъ языкомъ? Вы выражаетесь, точно маркизъ.

Сумиловъ разсказалъ ей, что у него съ самаго ранняго дѣтства были гувернантки-француженки, и что этотъ языкъ принятъ почти исключительно въ его семьѣ.

— О, значитъ, вы изъ богатаго семейства?—воскликнула Дюкруа.

— Нѣтъ, мы лѣтъ пять тому назадъ разорились.

— Ахъ, бѣдненькій! Значитъ, вы живете своими трудами? Вамъ, должно-быть, это очень тяжело? У васъ есть друзья? Вы, вѣроятно, рѣдко бываете въ обществѣ?

И она засыпала его цѣлой кучей вопросовъ, на которые онъ едва успѣвалъ отвѣчать. Потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, она спросила низкимъ и протяжнымъ голосомъ:

— Скажите, вы любили когда-нибудь женщину?

Онъ посмотрѣлъ на нее, полусмѣясь, полуудивленно.

— Да, любилъ... Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, я былъ влюбленъ въ свою кузину...

— И только?

— Да.

— Честное слово?

— Честное слово.

— И вы никогда не любили женщину совсѣмъ?

Онъ понялъ и, нервно теребя бахрому скатерти, прошепталъ:

— Нѣтъ. Никогда.

— А я?—тѣмъ же замирающимъ шопотомъ спросила Дюкруа, наклоняясь къ нему такъ близко, что онъ почувствовалъ теплоту ея лица.—А я нравлюсь вамъ? Нравлюсь? Да глядите же въ глаза, когда васъ спрашиваютъ!

Она схватила его голову руками и повернула къ себѣ... Ея горячіе и жуткіе глаза сначала испугали Сумилова, потомъ смутили, а потомъ вдругъ и въ его глазахъ зажгли такой же огонь.

Она опустила рѣсницы и со вздохомъ притянула голову Сумилова еще ближе къ себѣ. Губы ея пылали и были влажны.

— Дома г-жа Дюкруа?..

— Нѣту дома.

— Можетъ-быть, вы не замѣтили? Можетъ-быть, она уже вернулась?

Толстый ливрейный швейцаръ съ красной, опухшей и заспанной мордой почесалъ спину о косякъ двери.

— Какъ же это я, напримѣръ, не видалъ, ежели я къ тому обязанъ, чтобы смотрѣть? Да что вы хлопочете? Вотъ уже, почитай, вторую недѣлю каждый день бѣгаете... Коли сказано нѣтъ, такъ, стало-быть, и нѣтъ...

Чего же тутъ еще? Не хотитъ васъ видѣть, и дѣло съ концомъ...

Сумиловъ торопливо вытащилъ изъ кармана кошелекъ. При видѣ рублевой бумажки швейцаръ пересталъ чесать спину и произнесъ снисходительно:

— Попробуйте... подымитесь наверхъ. Можетъ-быть, и есть...

Сумиловъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступеньки. Но передъ дверью номера онъ остановился и схватился инстинктивно за то мѣсто груди, гдѣ такъ судорожно и мучительно колотилось сердце. При этомъ его рука ощутила прикосновеніе лежащаго въ боковомъ карманѣ небольшого револьвера.

Сумиловъ постучался. «Entrez» — послышалось изъ-за двери. Закрывъ на секунду глаза отъ смутнаго предчувствія какого-то ужаса, Алексѣй толкнулъ ручку.

Сегодняшній день онъ считалъ рѣшительнымъ, потому что терпѣть дальше эти мученія неудовлетворенной любви и ревности становилось невозможнымъ.

Когда на утро послѣ перваго вечера Алексѣй пришелъ къ Дюкруа, весь еще полный счастья, она встрѣтила его съ холоднымъ удивленіемъ. На другой день ея не было дома, на третій—то же самое... Камеристка съ наглымъ видомъ захлопывала дверь передъ самымъ его носомъ. Онъ сталъ писать письма, но на первое не получилъ отвѣта, а прочія возвращались ему нераспечатанными.

Алексѣй страдалъ невыносимо. Онъ исхудалъ, осунулся и пожелтѣлъ. И днемъ и ночью его преслѣдовалъ образъ прекрасной парижанки; вездѣ ему рисовалась ея бархатная кожа, ея поцѣлуи.

Дюкруа была не одна. Рядомъ съ ней на диванѣ, такъ хорошо знакомомъ Алексѣю, сидѣлъ какой-то толстый господинъ, судя по лицу, грекъ или армянинъ, съ

масляными черными глазами, горбатымъ носомъ и густыми черными усами.

Увидѣвъ вошедшаго Сумилова, Генріетта быстро поднялась и съ гнѣвнымъ видомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу, не протягивая руки.

— Что васъ заставляетъ преслѣдовать меня всюду, милостивый государь? — спросила она, вызывающе щуря глаза.

Кровь кинулась въ голову Алексѣю. Все потемнѣло передъ его глазами. Онъ рѣзко схватилъ Дюкруа за руку выше кисти и прошепталъ съ искривленными губами:

— Мнѣ надо говорить съ вами... наединѣ... два слова.

Въ его голосѣ и въ выраженіи лица чувствовалась такая страшная настойчивость, что Генріетта невольно повиновалась.

— Хорошо, идите за мной,—сказала она, направляясь въ свой будуаръ.—Но помните, что это послѣднее объясненіе.

Въ полутемномъ будуарѣ онъ опять схватилъ ее за руки, но она быстро вырвалась отъ него.

— Я васъ безумно люблю!—воскликнулъ Алексѣй.— Пощадите меня!

— Это все, что вы хотѣли мнѣ сказать?

— Да... впрочемъ, нѣтъ... не все... Я самъ не знаю, что говорю. Я не сплю по ночамъ... Зачѣмъ, зачѣмъ вы все это сдѣлали?

Она расхохоталась наглымъ, искусственнымъ смѣхомъ опытной актрисы.

— Вотъ какъ! Вы пришли упрекать меня...

Изъ гостиной послышался сдержанный кашель.

— Кто это? — спросилъ грубо Алексѣй.

— Развѣ я вамъ должна давать отчетъ въ моихъ знакомствахъ? — отвѣтила Дюкруа, пожимая презрительно плечами.

Сумиловъ вдругъ почувствовалъ въ душѣ приливъ бѣшенства.

— Отвѣчайте мнѣ: кто этотъ господинъ? Это вашъ любовникъ? Говорите сейчасъ...

— А? Вы непремѣнно хотите знать?

Генріетта приблизила къ нему свое лицо, искаженное злобой, и трясущимися блѣдными губами произнесла:

— Да, это мой любовникъ...

Послышался выстрѣлъ, потомъ отчаянный женскій крикъ, потомъ другой выстрѣлъ, потомъ испуганный вопль изъ сосѣдней комнаты... Отовсюду изъ номеровъ сбѣжались люди... Генріетта еще была жива и, лежа на полу въ лужѣ крови, протяжно и тихо стонала. Сумиловъ лежалъ рядомъ съ ней ничкомъ, касаясь окровавленной головой ея платья. Правая рука его была подвернута подъ тѣло, а плечо лѣвой судорожно вздрагивало, какъ крыло подстрѣленной птицы...

КЛЯЧА.

Моросилъ мелкій дождикъ. Улица казалась пропитанной туманомъ. Незамѣтная холодная влага осѣдала на лица прохожихъ. Всѣ эти люди, куда-то торопливо бѣгущіе съ поднятыми воротниками и раскрытыми зонтиками, имѣли скучный или угрюмый видъ. Встрѣчаясь съ нашей процессіей, они снимали шапки и съ холоднымъ любопытствомъ осматривали: оборванныхъ факельщиковъ съ распухшими, сизыми, звѣрскими лицами, идущихъ парами, подобравъ подолы траурныхъ кафтановъ и шлепая дырявыми сапогами по лужамъ; пару лошадей въ черныхъ попонахъ, съ чехлами для ушей и съ огромными страшными отверстіями для глазъ; черный, обшитый серебрянымъ позументомъ катафалкъ, на вершинѣ котораго стоялъ бѣлый глазетовый гробъ, а на немъ жестяной зеленый вѣнокъ; наконецъ длинный рядъ наемныхъ экипажей, наполненныхъ равнодушными, немного скучающими, немного конфузящимися мужчинами и женщинами.

Въ этой процессіи, медленно ползущей по грязи, подъ сплошнымъ, мелкимъ, осеннимъ дождемъ, было что-то жалкое, подавляющее, ужасное. Мнѣ представлялось, что если бы то, что было раньше бѣднымъ Пашкевичемъ, а теперь плавно колыхалось вмѣстѣ съ бѣлымъ глазетовымъ гробомъ на катафалкѣ, если бы это холодное, уже тлѣющее тѣло могло какъ-нибудь выражать свои жела-

нія, оно раньше всего потребовало бы: «Оставьте меня въ покоѣ, разойдитесь по домамъ, зачѣмъ играть эту страшную комедію?»

— Вы будете на могилѣ говорить рѣчь?—спросилъ я моего сосѣда по извозчику, публициста одной изъ мѣстныхъ газетъ, Васютина—маленькаго желчнаго человѣка, котораго я всегда любилъ за его великодушное горячее сердце, скрывавшееся подъ напускнымъ цинизмомъ.

Онъ нервно поморщился.

— Конечно, не буду.

— Почему же?

Онъ съ досады схватился руками за лицо, ожесточенно стиснулъ его нѣсколько разъ между ладонями, покряхтѣлъ, точно отъ внезапной зубной боли, и заговорилъ съ волненіемъ:

— Почему? А по тому самому, что тамъ и безъ меня этихъ говорильщиковъ найдется пропасть... О, чортъ! Тартюфы, лицемѣры проклятые! Я напередъ знаю всѣ пошлости, которыя они будутъ произносить съ ихъ жреческимъ видомъ. «Святое знамя искусства!.. Неугасимый огонь на священномъ алтарѣ поэзіи!.. Честный сѣятель на нивѣ просвѣщенія!..» Нѣтъ! Если бы я ужъ сталъ говорить, я бы дѣйствительно сказалъ имъ пару теплыхъ словъ.

— Что̀ бы вы имъ сказали, Антонъ Захаровичъ?

— А вотъ что̀ я имъ сказалъ бы... «Всѣ мы, литераторы, веземъ впередъ нашу пресловутую колесницу прогресса. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но въ этомъ также нѣтъ и ничего удивительнаго. И волы и ослы возятъ тяжести, потому что они послушны, упорны, выносливы и въ концѣ концовъ увѣрены, что за свой трудъ они найдутъ въ ясляхъ охапку сѣна... Но знаете ли, что̀ выйдетъ, если въ телѣгу, нагруженную булыжникомъ, запрячь кровную арабскую лошадь? Благородное жи-

вотное будетъ лѣзть изъ кожи, надорветъ спину, разобьетъ грудь, искалѣчитъ ноги и сдѣлается клячей. Тогда его выгонятъ въ поле околѣвать, и оно издохнетъ. А трудолюбивые волы дома еще долго будутъ жевать свое сѣно, возить тяжести и равнодушно отмахиваться хвостомъ, когда ихъ бьютъ по бокамъ палкой...» И я бы кончилъ свою рѣчь такъ: «Милостивые государи! Пашкевичъ былъ талантливѣе насъ всѣхъ, здѣсь собравшихся... Это была избранная натура, нѣжная, возвышенная и пламенная. И хотя онъ, потерявшій всякую способность къ работѣ, терзаемый жестокимъ недугомъ, скончался, никѣмъ не оплаканный, на грязной больничной койкѣ, я все-таки ему завидую».

— Вы его близко знали, Антонъ Захаровичъ?

— На что же еще ближе! Я былъ въ тотъ самый день въ редакціи, когда онъ принесъ свой первый разсказъ. Онъ краснѣлъ, бѣдняга, какъ дѣвочка, и заикался, объясняясь съ секретаремъ. Въ его фигурѣ и словахъ было что-то виноватое; точно онъ совершилъ какой-то несерьезный, дѣтскій поступокъ, надъ которымъ мы, авгуры печатнаго слова, должны будемъ засмѣяться. Когда онъ бралъ свой первый гонораръ, на него было жалко посмотрѣть. Мнѣ кажется, что съ такимъ видомъ человѣкъ совершаетъ свое первое воровство. Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, отчего это я всегда самъ испытывалъ и на другихъ наблюдалъ эту странную неловкость у писателей при полученіи гонорара? Оттого ли, что мы, русскіе, не созрѣли для печатнаго слова, или отъ сомнѣнія въ своихъ силахъ и слѣдовательно въ своемъ правѣ жить литературнымъ трудомъ?

«Я отлично помню его первыя произведенія. Сколько въ нихъ было огня, яркой и смѣлой, почти дерзкой своеобразности. И какъ онъ работалъ надъ ними! Съ любовью, съ безконечнымъ терпѣніемъ. Онъ трудился надъ

ними, какъ ювелиръ надъ драгоцѣннымъ алмазомъ, но читателямъ казалось, что они выливались у него съ одного почерка, такъ они были легки и изящны по формѣ.

«Успѣхъ опьянилъ его, и онъ рѣшилъ отдать всѣ свои силы и самого себя литературѣ. То болото, въ которомъ мы съ вами барахтаемся, ему казалось храмомъ. Компанія бездарныхъ плагіаторовъ, избравшихъ литературу только потому средствомъ къ жизни, что у нихъ не хватало ни ума, ни знаній, ни даже простой грамотности для другихъ профессій, эти господа, рекламирующіе ресторaторовъ и шансонетныхъ пѣвицъ, рисовались въ его чистомъ воображеніи борцами, подвижниками...

«Нѣтъ! Онъ ни разу не приложилъ руки къ позору газетнаго дѣла. Но мало-по-малу его произведенія стали принимать характеръ спѣшной работы. Нужно было жить. Вѣдь никто не накормилъ бы его обѣдомъ и не купилъ бы ему ботинокъ за одну только его талантливость... Онъ хватался за первую попавшуюся тему и часто начиналъ писать, не зная, чѣмъ кончить. Онъ писалъ на краешкѣ редакціоннаго стола, заваленнаго газетами, подъ шумъ, смѣхъ и телефонные звонки. И все-таки, несмотря на эту лихорадочную торопливость, порою въ его разсказѣ вспыхивала такая искра таланта, попадалось такое удивительное сравненіе, такое мастерское описаніе, что радость у меня разливалась по душѣ...

«Я знаю, иные беллетристы выдерживаютъ такое ужасное напряженіе цѣлыми годами. Но Пашкевичъ былъ въ этомъ отношеніи похожъ на тѣ великолѣпные, но черезчуръ нѣжные экзотическіе цвѣты, которые вянутъ безъ оранжерейнаго ухода, тепла и свѣта. Напрасно онъ прибѣгалъ къ вину и морфію. Черезъ полтора года послѣ перваго разсказа онъ уже не могъ выжать изъ своего больного, переутомленнаго мозга ни одного, даже самаго шаблоннаго сюжета

«А жить опять-таки было нужно. Къ тому же онъ женился. Знаете, такъ женился, какъ женятся всѣ эти талантливые безумцы, дѣти въ практической жизни... Какая-то бѣлошвейка, или шляпница, или что-то въ этомъ родѣ... сосѣдство, темная лѣстница и наконецъ глупая... да, положительно, глупая честность, какая-то дурацкая строгость къ самому себѣ... Эта красивая тварь, кажется, презирала Пашкевича всѣми силами своей низкой, мѣщанской душонки, презирала за его кротость и великодушіе, за его неловкость, малокровіе, непрактичность. Она дѣлала ему скандалы на улицѣ и обманывала его со всей мѣстной литературой и военщиной. У нихъ рождались дѣти — писательскія дѣти: блѣдныя, золотушныя, рахитическія. Она кричала ему на своемъ базарномъ жаргонѣ: «Вотъ они, твои дѣти, ты долженъ ихъ кормить, почему же ты не пишешь? Садись сейчасъ же за столъ и пиши!»

«Ахъ, какъ онъ много писалъ въ то время, мой милый, кроткій Пашкевичъ! Онъ сдѣлался репортеромъ и пробовалъ писать передовыя статьи. Но ему былъ труденъ этотъ спеціальный напыщенный языкъ, несравненно болѣе нелѣпый, чѣмъ языкъ полицейскихъ рапортовъ. Иногда онъ по цѣлому часу сидѣлъ въ безсильномъ отчаяніи, стараясь связать два предложенія, оба начинающіяся съ мѣстоименія «который».

«Ну, да что толковать, — воскликнулъ Васютинъ съ озлобленіемъ и горемъ. — Извѣстная исторія: упадокъ силъ, чахотка, слѣпота...

«Въ четыре года сгорѣлъ человѣкъ до тла, что называется. О, подлость!»

Мы пріѣхали на кладбище. У всѣхъ были дѣланныя, торжественныя лица. Земля глухо застучала о крышку гроба. Могильщики торопились кончить.

Изъ толпы вышелъ высокій, плотный господинъ въ

пенснэ, съ маленькой рыжей бородкой на кругломъ лицѣ. Онъ оглянулся по сторонамъ, откашлялся и заговорилъ языкомъ плохихъ некрологовъ:

— Милостивые государи! Еще одна горестная утрата, еще одинъ честный борецъ сошелъ въ безвременную могилу... Покойный Пашкевичъ всегда высоко держалъ то святое знамя, подъ которымъ всѣ мы работаемъ на общественную пользу, онъ сѣялъ «разумное, доброе, вѣчное»... И въ немъ никогда не угасалъ тотъ священный огонь, который...

Сзади послышались странные звуки. Всѣ обернулись. Это Васютинъ рыдалъ, облокотившись на рѣшетку какого-то богатаго мавзолея.

СТРАШНАЯ МИНУТА.

Просторная новая терраса дачи была очень ярко освѣщена лампой и четырьмя канделябрами, разставленными на длинномъ чайномъ столѣ. Іюльскій вечеръ быстро темнѣлъ. Старый липовый садъ, густо обступившій со всѣхъ сторонъ дачу, потонулъ въ тепломъ мракѣ. Только листья сирени, въ упоръ освѣщаемые лампой, рѣзко и странно выступали изъ темноты, неподвижные, гладкіе и блестящіе, точно вырѣзанные изъ зеленой жести. Ни шороха ни звука не доносилось изъ заснувшаго сада. Несмотря на раздвинутыя полотняныя занавѣси, свѣчи горѣли ровнымъ, немигающимъ пламенемъ. Было душно, и чувствовалось, что въ нагрѣтомъ, наэлектризованномъ воздухѣ медленно надвигается ночная гроза. Пахло медомъ, цвѣтущей липой и бузиной.

Варвара Михайловна Рязанцева приготовляла на террасѣ съ помощью горничной чай для собравшихся гостей. Перебравшись на дачу, она и ея мужъ не прекратили по вторникамъ своихъ интимныхъ вечеровъ, которые сдѣлались только малолюднѣе и тѣснѣе, потому что собирались на нихъ исключительно дачные знакомые. Городскимъ было неудобно ѣздить за пятнадцать верстъ на какіе-нибудь три-четыре часа.

Варвара Михайловна веселыми, возбужденными глазами оглядывала столъ, покрытый новой, нигдѣ не смятой ска-

тертью, на снѣжной бѣлизнѣ котораго такъ пріятно веселили глазъ серебряныя сухарницы, молочники и ложки и блестящія хрустальныя вазы съ вареньемъ, конфетами и фруктами. Въ продолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ замужества она интересовалась своимъ небольшимъ хозяйствомъ съ живой и искренней любовью, свойственной молодымъ женщинамъ, привыкшимъ окружать мужа нѣжной заботливостью.

Она обожала своего мужа, несмотря на двадцатилѣтнюю разницу въ ихъ годахъ. Этотъ человѣкъ, извѣстный всему ученому міру крупными работами въ области бактеріологіи, былъ въ частной жизни большимъ ребенкомъ, болѣзненнымъ, хилымъ, безконечно добрымъ, разсѣяннымъ до анекдотической степени и деликатнымъ до робости. Варвара Михайловна гордилась честью носить его славную фамилію неутомимаго ученаго и безукоризненно честнаго человѣка, но еще больше гордилась тѣмъ, что она создала для него и постоянно поддерживала комфортъ и порядокъ семейной жизни и что сумѣла незамѣтно сдѣлаться во всемъ ему необходимою: его нянькою, его памятной книжкой, его другомъ. И теперь, занятая хлопотливыми обязанностями хозяйки, она часто съ заботливой любовью поглядывала черезъ двери въ гостиную, гдѣ въ углу надъ шахматнымъ столикомъ склонилась большая, характерная голова Рязанцева съ открытымъ шишковатымъ лбомъ мыслителя и съ дѣтскими глазами, голубыми и ясными.

Когда чай былъ готовъ, Варвара Михайловна пригласила гостей на террасу. Въ гостиной остались только ея мужъ и его всегдашній партнеръ, старый профессоръ Ильченко, оканчивавшіе партію. Она подошла къ нимъ и, облокотившись сзади на стулъ мужа, спросила, гдѣ они будутъ пить чай. Ильченко, проигравшій уже двѣ партіи и теперь видѣвшій, что никакъ не можетъ защи-

тить своего короля отъ ладьи Рязанцева, всталъ изъ-за стола.

— Я положительно не въ состояніи сегодня скомбинировать двухъ самыхъ простыхъ ходовъ, — сказалъ онъ съ досадою. — Голова — точно свинцовая. Вѣроятно, ночью будетъ гроза.

Онъ вышелъ на террасу. Рязанцевъ, весь вечеръ не видавшій жены, взялъ ее за руку и слегка притянулъ къ себѣ.

— Какая ты сегодня красавица, моя дѣвочка,—сказалъ онъ, ласково ей улыбаясь.

Она стояла передъ мужемъ легкая и граціозная, во всемъ пышномъ расцвѣтѣ своей двадцативосьмилѣтней красоты, съ высокою грудью и гибкой таліей. Легкая кофточка изъ тонкаго бѣлаго крепа, лежавшаго на ней свободными складками и не скрывавшая стройныхъ очертаній ея молодого тѣла, оставляла открытыми по локоть круглыя и крѣпкія, чуть пушистыя руки. У нея было нѣжное, матовое лицо темной шатенки; губы маленькія, полныя и круто изогнутыя, какія встрѣчаются только у женщинъ на картинахъ Рубенса; большіе глаза, казавшіеся вечеромъ совсѣмъ черными, благодаря расширившимся зрачкамъ; пышные, немного жесткіе, черно-рыжеватые волосы, вьющіеся мелкими завитками на вискахъ и на затылкѣ...

— Ты мной доволенъ, папа? — спросила она, нѣжно притрагиваясь пальцами къ его маленькой, жилистой рукѣ.

— Знаешь,—сказалъ Рязанцевъ, любуясь женой:—мнѣ иногда начинаетъ казаться, что ты черезчуръ хороша для такого стараго гриба, какъ я.

Варвара Михайловна покраснѣла. Ей было больно и непріятно слышать такія слова отъ него, котораго она обожала до самозабвенія. Ей часто казалось, что она

еще слишкомъ мало платитъ ему за его трогательную и довѣрчивую любовь къ ней. У нея вдругъ явилось неудержимое желаніе стать передъ нимъ на колѣни и обнять руками его ноги.

— Не смѣй такъ никогда говорить, — прошептала она.

И жестомъ ребенка, берущаго что-нибудь украдкой, она быстро поднесла къ губамъ его руку и поцѣловала ее два раза — сверху и снизу ладони.

Потомъ она вышла на террасу и принялась разливать чай, прислушиваясь къ общему разговору, готовая поддержать его, если онъ ослабѣетъ. Но разговоръ не клеился. Всѣ жаловались на жару и истому передъ грозою. Нѣкоторые поговаривали уже о томъ, какъ бы попасть домой до дождя.

— А что же вашего Андрея Лукича сегодня нѣтъ? — спросила у Варвары Михайловны жена Ильченки, полная, суровая на видъ дама, любившая винтъ и сплетни и державшая своего мужа подъ башмакомъ.

— Я не знаю, отчего его нѣтъ до сихъ поръ, — отвѣтила Варвара Михайловна. — Онъ обѣщалъ быть и даже не одинъ. Съ нимъ придетъ его пріятель... Позвольте, какъ его фамилія?.. Онъ еще такъ извѣстенъ своимъ голосомъ. Ахъ, да, вспомнила: Ржевскій.

— Развѣ вы до сихъ поръ не были съ нимъ знакомы? — спросила удивленно Ильченко.

— Нѣтъ. Но зато я объ немъ очень много слышала.

Ильченко сдѣлала лукавое лицо и погрозила Рязанцевой пальцемъ.

— Смотрите, не влюбитесь. Этотъ господинъ очень опасенъ для молодыхъ женъ и старыхъ мужей.

Госпожа Ильченко принадлежала къ числу тѣхъ привилегированныхъ сплетницъ, которыя подъ предлогомъ «высказыванія всей правды въ глаза» говорятъ повсюду дерзости и гадости, разсѣивая за собою грязь, смуту

и ненависть. Ея никто не любилъ, большинство терпѣть не могло и всѣ побаивались.

Варвара Михайловна ничего не отвѣтила на это циничное предостереженіе и только улыбнулась немного свысока и презрительно, съ сознаніемъ чистоты и ничѣмъ не запятнанной репутаціи. Зато словами Ильченко очень заинтересовалась Марія Ѳедоровна Тиль, гимназическая подруга Рязанцевой, красивая, глупая и сентиментальная вдовушка, за которой считались уже три-четыре всѣмъ извѣстныхъ связи.

— А онъ очень хорошъ, этотъ Ржевскій? — спросила она.

Многіе изъ гостей улыбнулись. Репутація Ржевскаго была очень хорошо извѣстна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Ильченко обязательно сообщила все, что̀ о немъ знала. Хорошъ ли онъ? Это—какъ кому нравится, но, по ея мнѣнію, у него лицо слишкомъ выставочное, такъ сказать, парикмахерское. Нравственности у него нѣтъ никакой, и это-то, кажется, и привлекаетъ къ нему искательницъ приключеній, какъ бабочекъ на огонь, хотя въ то же время, надо ему отдать справедливость, онъ очень молчаливъ относительно своихъ связей. Что̀ касается до его пѣнія, то, правда, поетъ онъ изумительно хорошо. Его съ удовольствіемъ приняли бы на любую сцену, если бы только онъ выразилъ желаніе. Но онъ предпочитаетъ вести свою праздную и легкомысленную жизнь, потому что не нуждается въ средствахъ и не желаетъ себя стѣснять никакими условіями...

Варвара Михайловна не дослышала окончанія характеристики Ржевскаго. Ея чуткое ухо заботливой матери уловило за двѣ комнаты возню, всегда сопровождавшую укладыванье ея четырехлѣтней дочери въ постель. Она извинилась передъ гостями и поспѣшила въ дѣтскую.

Въ полутемной дѣтской, слабо освѣщаемой трепетнымъ

мерцаньемъ лампады передъ образомъ, Аля стояла на колѣняхъ въ своей постели, обнесенной вокругъ высокой сѣткой, въ одной нижней рубашкѣ, съ голой шеей и голыми, милыми дѣтскими ручонками. Старая няня, когда-то носившая на рукахъ Рязанцева, со старческимъ кроткимъ терпѣніемъ уже цѣлыхъ полчаса добивалась, чтобы Аля прочла, какъ слѣдуетъ, «Богородицу». Аля не хотѣла молиться и барахталась въ рукахъ няни, закидывая назадъ голову и звонко смѣясь. Увидѣвъ входящую мать, она быстро вскочила на ноги и протянула ей навстрѣчу руки съ растопыренными пальчиками.

— Молись, Аля, молись... Боженька будетъ сердиться, если узнаетъ, что ты не слушаешься няни, — сказала притворно-строгимъ голосомъ Варвара Михайловна, освобождая свою шею отъ объятій дѣвочки.

— А ты, мама, мнѣ сказку разскажешь? — спросила Аля, лукаво заглядывая снизу въ глаза матери и не выпуская ея шеи.

— Разскажу, разскажу, если ты только будешь умницей.

Варвара Михайловна начала вполголоса, тщательно выговаривая слова, читать молитву, Аля повторяла за ней громко, тоненькимъ голосомъ, забавно коверкая слова и быстро махая рукой все въ одномъ направленіи, отъ плеча къ животу. Окончивъ молитву, она сама добавила обычное: «Спаси, Господи, папу, маму, няню, бабушку, младенца Елену и всѣхъ моихъ родныхъ», и сейчасъ же улеглась на правый бокъ, подложивъ ладони обѣихъ рукъ подъ голову, «какъ спятъ умныя дѣвочки».

— Ну, мама, сказку, — потребовала она.

Варвара Михайловна никогда, разсказывая дочери сказки, не затруднялась выборомъ сюжета. Она начинала прямо: въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жили-были... и затѣмъ вставляла первое по-

павшееся слово: старый-престарый король съ большой сѣдой бородою, или — жилъ-былъ страшный волкъ, который бѣгалъ вокругъ деревни и таскалъ бѣлыхъ овечекъ.

Теперь ей почему-то пришла въ голову волшебница, и она начала тягучимъ, немного таинственнымъ голосомъ, гладя Алю по открытой теплой грудкѣ:

— Однажды жила-была волшебница. Она была такая большая-большая... выше колокольни, и во рту у нея было два ряда острыхъ бѣлыхъ зубовъ и длинный-предлинный красный языкъ со стрѣлою на концѣ...

— Мама, значитъ, она кушала дѣвочекъ? — спросила озабоченно Аля.

— Кушала, только не всѣхъ, а непослушныхъ и замарашекъ. И у нея была еще сова, большая такая птица съ круглыми глазами, которая днемъ ничего не видитъ и сидитъ на деревѣ, а ночью все летаетъ и кричитъ, и достаетъ себѣ пищу. Потомъ у нея была еще черная кошка, а сама волшебница была одноглазая. Только она была не злая, и кто къ ней приходилъ за добрымъ дѣломъ, тому она всегда помогала. Вотъ однажды сидитъ эта волшебница въ своей избушкѣ на курьихъ ножкахъ и слышитъ, что кто-то выходитъ изъ лѣсу...

Она продолжала еще нѣсколько минутъ говорить, что̀ приходило на умъ, пока не услышала ровнаго, глубокаго дыханія заснувшей дѣвочки. Тогда она ее перекрестила, подтыкала подъ ея размякшее тѣльце ссунувшееся одѣяло и вышла изъ дѣтской той мягкой, неслышной походкой, какой умѣютъ ходить однѣ только матери.

Одновременно съ ея возвращеніемъ двое мужчинъ всходили на террасу со стороны сада. Первымъ поднимался Андрей Лукичъ Норичъ, двоюродный братъ Рязанцева, старый, услужливый и хлопотливый холостякъ, преподававшій въ гимназіи греческій языкъ. Слѣдомъ за нимъ

шелъ легкой, самоувѣренной походкой очень высокій, стройный и сильный на видъ господинъ лѣтъ тридцати съ лишкомъ. Онъ былъ красивъ эффектной, сразу бросающейся въ глаза красотою смуглаго брюнета, выхоленнаго, здороваго, самонадѣяннаго, съ темными глазами, влажными и дерзкими, съ яркими чувственными губами подъ небольшими красивыми черными усами: трафаретъ итальянскаго красавца.

Варвара Михайловна невольно съ любопытствомъ остановила на немъ глаза. Ей первый разъ въ жизни приходилось видѣть человѣка съ такой дурной, опасной и всегда необъяснимо-привлекательной для женщины репутаціей, какъ Ржевскій. Но она сейчасъ же поймала себя на этомъ любопытствѣ и сконфузилась и разсердилась на себя. Что̀ ей за дѣло до этого дачнаго Донъ-Жуана? Неужели она позволитъ себѣ спуститься до мелкаго и дурного любопытства, какъ Ильченко или неразборчивая Марья Ѳедоровна? И сейчасъ же ей пришло въ голову сравненіе между Ржевскимъ и ея мужемъ. Тотъ — фатъ, — это сразу видно, — дюжинный, ограниченный человѣкъ, правда, красивый, но именно въ парикмахерскомъ стилѣ, между тѣмъ какъ ея мужъ такой интеллигентный, такой простой, широкій и великодушный. Наконецъ, эта репутація... Развѣ она въ ея глазахъ можетъ имѣть другое значеніе, чѣмъ рядъ грязненькихъ, «дешевыхъ амуровъ», какъ называетъ этотъ сортъ любви какой-то писатель?

Поэтому, когда Андрей Лукичъ подвелъ къ ней и представилъ Ржевскаго, она поздоровалась съ нимъ довольно холодно. Ржевскій поклонился ей почтительно, но все съ той же самоувѣренной улыбкой красавца, знающаго, что онъ безукоризненъ съ внѣшней стороны, прекрасно одѣтъ и любимъ женщинами.

Потомъ Варвара Михайловна нашла, что всѣ сразу,

даже какъ-то неприлично, почти льстиво накинулись на Ржевскаго, хотя онъ разговаривалъ гораздо скромнѣе, чѣмъ можно было предполагать, судя по его улыбкѣ и побѣдоносной манерѣ держать себя. Кто-то спросилъ, правда ли, что онъ знакомъ лично съ Мазини, и Ржевскій очень просто и занимательно разсказалъ о своемъ знакомствѣ съ знаменитымъ пѣвцомъ.

— Мнѣ довелось,—говорилъ онъ:—познакомиться съ нимъ передъ однимъ частнымъ спектаклемъ, который устраивалъ для очень ограниченнаго кружка меломановъ извѣстный Мейеровскій, отличающійся, кстати сказать, въ музыкальномъ отношеніи колоссальнымъ невѣжествомъ. Я тоже былъ приглашенъ участвовать и потому явился на репетицію, назначенную въ домѣ Мейеровскаго. Мнѣ пришлось пѣть послѣднимъ, такъ какъ я немного опоздалъ. Артистовъ собралось человѣкъ десять, все люди мнѣ незнакомые. Пою я, право, теперь ужъ не помню что̀, кажется, арію изъ «Ренегата» Доницетти. Пропѣлъ свое и отхожу отъ рояля. Въ это время подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ, такъ средняго роста, крѣпышъ, брюнетъ, волосы и борода черные, въ живописномъ безпорядкѣ. Вообще лицо энергичное и красивое — разбойничье, подъ глазами складки въ родѣ мѣшковъ. Одѣтъ небрежно. Подходитъ онъ ко мнѣ,—замѣтьте, я его въ первый разъ вижу,—беретъ меня подъ руку и начинаетъ дѣлать на ломаномъ французскомъ языкѣ замѣчанія относительно моего пѣнія. Замѣчанія самаго рѣзкаго свойства, хотя, правда, очень точныя и выразительныя. Мнѣ это показалось немного неумѣстнымъ, и кромѣ того, вы, конечно, знаете, что у каждаго артиста есть свое самолюбіе. Я его перебиваю: «Извините, но, прежде всего, я не имѣю чести васъ знать». Онъ улыбается и самымъ увѣреннымъ тономъ отвѣчаетъ: «Напротивъ, я убѣжденъ, что вы меня знаете. Я — Мазини». И дѣйствительно, онъ

мнѣ далъ много очень мѣткихъ указаній, какихъ я никогда не слышалъ ни отъ одного профессора пѣнія. Помоему, разсказы, существующіе въ публикѣ о дерзости и грубости Мазини, совершенно неосновательны. Онъ на меня произвелъ самое пріятное впечатлѣніе. Языкъ у него очень живой, образный, и все, что̀ онъ говоритъ, онъ пересыпаетъ характерными итальянскими проклятіями и восклицаніями: «Porrche misere!» Съ публикой, въ особенности со своими назойливыми поклонницами, онъ, правда, немного заносчивъ и небреженъ, но этотъ недостатокъ можно ему извинить, если принять во вниманіе его громадную извѣстность, избалованность и не менѣе громадное самолюбіе.

Ржевскій разсказалъ еще нѣсколько своихъ воспоминаній изъ міра оперныхъ знаменитостей. Какъ ни пристрастно отнеслась къ нему съ перваго раза Варвара Михайловна, однако она не могла не оцѣнить, что, разсказывая, онъ все время оставлялъ себя въ тѣни, что̀ совсѣмъ не вязалось съ его самоувѣреннымъ видомъ. И разсказывалъ онъ очень интересно, умѣло передавая изъ своеобразнаго закулиснаго быта такія мелкія, но характерныя стороны, для него самого давно уже ставшія обыденными и скучными, которыя однако (онъ это зналъ) должны были увлечь слушателей своею для нихъ новизной.

Но Варвару Михайловну тревожилъ и волновалъ взглядъ Ржевскаго, неотступно обращенный на нее, какъ будто бы онъ разсказывалъ только для нея одной. Она, не оборачиваясь, чувствовала этотъ внимательный, нѣжный, любующійся взглядъ на своемъ лицѣ, на рукахъ, на тѣлѣ, чувствовала тѣмъ особымъ, тонкимъ инстинктомъ, которымъ одарено большинство женщинъ и который всегда безошибочно имъ говоритъ, насколько онѣ нравятся мужчинѣ. Несмотря на безпричинное враждебное

чувство къ Ржевскому, она все-таки два или три раза, увлеченная тѣмъ, что онъ говорилъ, встрѣтилась съ нимъ глазами и оба раза быстро опустила ихъ въ замѣшательствѣ.

«Надо постараться, чтобы онъ у насъ больше не бывалъ, — вдругъ неожиданно мелькнуло въ головѣ Варвары Михайловны, но она тотчасъ же спохватилась. — Да неужели я въ самомъ дѣлѣ боюсь этого «неотразимаго»? Онъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ это подумать, если я буду сидѣть, какъ въ воду опущенная. Надо быть естественнѣе и хоть что-нибудь изъ простой вѣжливости сказать ему».

Въ это время госпожа Ильченко выразила увѣренность, что Ржевскій, конечно, доставитъ обществу удовольствіе своимъ пѣніемъ.

— Я всегда охотно пою, — сказалъ просто Ржевскій: — но, право, я не увѣренъ, всѣмъ ли мое пѣніе доставитъ удовольствіе?

При этомъ онъ совсѣмъ уже повернулся въ сторону Варвары Михайловны, вызывая ее на отвѣтъ.

— Вы слишкомъ скромны, — сказала Рязанцева, стараясь казаться непринужденной и безотчетно робѣя. — Я такъ много слышала разсказовъ о вашемъ пѣніи, что вамъ было бы совѣстно отказываться.

Когда она говорила эти незначащія слова, глаза ихъ опять встрѣтились. Это былъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ, непонятныхъ для психолога, неуловимыхъ для присутствующихъ взглядовъ, которые говорятъ гораздо больше словъ и которые между людьми, въ первый разъ встрѣчающимися, внезапно, помимо ихъ воли, устанавливаютъ взаимную близость, разрывая условную завѣсу приличій. Такой взглядъ иногда незнакомымъ еще между собою мужчинѣ и женщинѣ смутно, но безошибочно предсказываетъ, что рано или поздно они будутъ принадлежать другъ другу.

— Хорошо, но я надѣюсь, что вы мнѣ будете аккомпанировать? — спросилъ Ржевскій.

— Боюсь, вы останетесь мною недовольны. Но я все-таки попытаюсь...

— О, вы слишкомъ скромны. Въ такомъ случаѣ, если вы окончили свой чай, то начнемте.

Они пошли въ гостиную къ роялю, на которомъ грудами лежали ноты.

— Вы знакомы съ романсами Чайковскаго?—спросила Варвара Михайловна, перебирая тетради и чувствуя очень близко за своей спиной присутствіе Ржевскаго.

— О, конечно.

— Вы ихъ любите?

— А вы?

— А вы?

Она засмѣялась, достала толстый томъ въ шагреневомъ переплетѣ, положила его на пюпитръ и сѣла передъ роялемъ.

— Откройте наугадъ, — посовѣтовалъ Ржевскій. — Чайковскій во всемъ одинаково прекрасенъ.

Она развернула тетрадь на серединѣ и сразу узнала романсъ «Страшная минута», который на нее всегда производилъ сильное впечатлѣніе своей оригинальной мелодіей, страстной и робкой въ одно и то же время.

— Вы это знаете? — спросила она, поднимая кверху голову, чтобы взглянуть на Ржевскаго, и поправляя подъ собою стулъ.

— Да. Начнемте.

Она легко и выразительно сыграла трудную интродукцію и слегка остановилась передъ вступительнымъ тактомъ. Разговоры въ гостиной и на террасѣ сразу притихли.

Ты внимаешь, внизъ склонивъ головку,
Очи опустивъ... —

раздались въ гостиной, точно сразу наполнивъ ее, сильные и нѣжные звуки прекраснаго свѣжаго баритона.

И, тихо вздыхая,
Ты не знаешь, какъ мгновенья эти
Страшны для меня...

Опять Варвара Михайловна почувствовала, что горячій взглядъ Ржевскаго не отрывается отъ ея лица, и что поетъ онъ только для нея одной, какъ за чаемъ для нея одной разсказывалъ. «Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Вѣдь всѣмъ въ глаза бросается»,—подумала она съ испугомъ. Въ то же время она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за аккомпанементомъ, и — странно — никогда еще подъ ея руками рояль не оттѣнялъ такъ красиво и послушно пѣнія, какъ теперь.

Ею понемногу овладѣвало какое-то странное забытье. И комната, и гости, и мужъ, и Аля,—все это отошло куда-то въ глубокую даль, подернулось туманомъ, перестало существовать. На всемъ свѣтѣ остались только двое: онъ, этотъ незнакомый красавецъ, странный и такой близкій къ ней, и—она, взволнованная, испуганная, точно совершающая преступленіе.

Отчего же робкое признанье
Въ сердце такъ тебѣ запало глубоко?
Ты вздыхаешь, ты молчишь и плачешь,—

пѣлъ Ржевскій, и въ голосѣ его звучала такая горячая, тоскливая мольба о взаимной любви, такой настойчивый призывъ, которымъ, казалось, невозможно было противиться.

Въ это время они оба протянули руки, чтобы перевернуть страницу, и пальцы ихъ встрѣтились. Варвара Михайловна почувствовала нѣжное пожатіе, ни для кого, кромѣ ихъ двоихъ, незамѣтное. Она быстро отдернула задрожавшую руку и въ замѣшательствѣ приблизила вспыхнувшее лицо къ нотамъ. А надъ нею все настойчи-

вѣе, гипнотизируя и призывая, лились прекрасные, чарующіе звуки:

Иль слова любви въ устахъ твоихъ нѣмѣютъ?
Или ты меня жалѣешь? Не любишь?

«Это оттого, что гроза приближается»,—обманывала себя Варвара Михайловна, чувствуя, какъ жаркая истома разливается по всему ея тѣлу и какъ трудно и прерывисто дышитъ ея грудь:

Послѣднія слова романса:

Я приговоръ твой жду! Я жду рѣшенья!

Ржевскій пропѣлъ съ такимъ глубокимъ волненіемъ и такъ умоляюще-властно, слегка даже протягивая къ Варварѣ Михайловнѣ руки, что она невольно закрыла глаза, чувствуя, какъ ея сердце забилось часто и тревожно. Окончивъ аккомпанементъ, она, вся потрясенная, усталая, съ блестящими глазами, откинулась на спинку стула. Гости стали настойчиво просить Ржевскаго еще что-нибудь спѣть, но Рязанцева быстро встала изъ-за рояля.

— Я не могу больше аккомпанировать, — сказала она: — слишкомъ душно.

Ее упрашивали долго, но напрасно. Она не хотѣла, потому что боялась этихъ горячихъ глазъ и этого чуднаго, властнаго голоса, и со стыдомъ сознавала, что эта боязнь уже не возмущаетъ ея, какъ раньше. Наконецъ вызвалась аккомпанировать Марья Ѳедоровна, но на первыхъ же тактахъ рубинштейновской «Азры» она сбилась сама, сбила пѣвца и сконфузилась. Второй романсъ она знала еще меньше и въ концѣ концовъ заявила, что она сегодня не въ расположеніи.

Ржевскій самъ сѣлъ за рояль. Нѣкоторое время онъ съ разсѣяннымъ видомъ перебиралъ клавиши, точно что-то припоминая. Варвара Михайловна, стоя въ дверяхъ террасы, видѣла, какъ на его губахъ блуждала неопре-

дѣленная улыбка. Потомъ вдругъ лицо его сдѣлалось сразу серьезнымъ, даже какъ будто бы поблѣднѣло. Онъ медленно поднялъ свои прекрасные глаза на Варвару Михайловну и, глядя на нее въ упоръ, прямо обращаясь къ ней, запѣлъ послѣ бурной прелюдіи, придавая своему голосу и фразировкѣ яркій, своеобразный, цыганскій колоритъ, извѣстный романсъ Тарновскаго:

Чаруй меня! Чаруй меня!
Дай счастье мнѣ, дай жизни радость!
Хотя на мигъ влюбись въ меня,
Твоей любви вкусить дай сладость.

Дикая, огненная, не знающая границъ страсть зазвучала въ его гибкомъ голосѣ вмѣстѣ съ изступленной мольбой, и Варвара Михайловна, точно очарованная, не могла отвести глазъ отъ пристальнаго, говорящаго взгляда Ржевскаго. Ея голова горѣла и тихо кружилась, кровь напряженно билась въ вискахъ, грудь дышала высоко и часто, мгновенно высохшія губы полураскрылись. Она была точно во снѣ, или въ опьянѣніи. Этотъ красивый человѣкъ, сильный и страстный, сразу, въ продолженіе одного вечера, съ какой-то ужасной и плѣнительной дерзостью перешагнулъ черезъ всѣ препятствія, лежащія между ними, и съ каждой минутой она себя чувствовала болѣе и болѣе охваченной его опасной, грѣховной властью, не имѣя силъ сопротивляться.

А онъ между тѣмъ пѣлъ дальше, все ярче и смѣлѣе оттѣняя слова:

Люби меня! Люби меня!
Отдайся мнѣ безъ размышленья;
Твоя любовь полна огня...
Люби меня для наслажденья!

Варвара Михайловна видѣла крупную, мужественную фигуру Ржевскаго, его выразительное лицо съ нервно раздувающимися ноздрями и яркими чувственными гу-

бами, его широкую грудь, сильныя плечи и руки, и волнующія слова романса проникали ее желаніемъ той страсти, которую эти слова и эта наружность обѣщали. Жажда новыхъ, безстыдныхъ поцѣлуевъ, долгихъ объятій, отъ которыхъ захватываетъ дыханіе, жажда всего того, что̀ она встрѣчала до сихъ поръ только въ романахъ и что̀ ей казалось раньше выдуманнымъ, приподнятымъ, даже смѣшнымъ, проснулась въ ней съ безсознательной силой. Глаза ея увлажнились, и сердце ныло тѣмъ особеннымъ, сладкимъ, замирающимъ чувствомъ, которое она испытывала только въ дѣтствѣ, когда, качаясь на качеляхъ, летѣла внизъ съ четырехсаженной высоты.

Когда Ржевскій окончилъ романсъ, изъ сада блеснула дальняя молнія. Дамы испуганно разомъ поднялись со своихъ мѣстъ и принялись торопливо искать шляпы и накидки. Онѣ не слушали приглашеній Рязанцева поужинать, быстро одѣвались, цѣловали одна за другой Варвару Михайловну и поспѣшно уходили, съ оханьемъ и выкрикиваньями, какъ всегда женщины передъ грозой.

Варвара Михайловна разсѣянно прощалась съ гостями. Ее мучила и волновала мысль, что Ржевскому и Андрею Лукичу пріѣхавшимъ изъ Москвы, мужъ ея, по всей вѣроятности, предложитъ переночевать на дачѣ. «Ни за что! Ни за что!—нетерпѣливо повторяла она себѣ.—Если мужъ будетъ просить, я не скажу ни одного слова, и, я думаю, у него не хватитъ дерзости остаться». Смутное, зародившееся гдѣ-то въ сокровенныхъ тайникахъ души предчувствіе говорило ей, что если только Ржевскій проведетъ эту ночь подъ одной съ ней кровлей, то все ея семейное счастье, накопленное четырьмя годами тихой, ничѣмъ не омраченной жизни, должно грубо рушиться и погибнуть.

Когда всѣ гости разошлись, Ржевскій, до сихъ поръ

медлившій, взялъ съ подоконника свою легкую соломенную шляпу. Но Рязанцевъ тотчасъ же запротестовалъ:

— Неужели вы хотите ѣхать въ городъ? Да я васъ ни за что не пущу. Вы даже извозчика теперь нигдѣ не достанете.

Ржевскій повернулъ голову къ Варварѣ Михайловнѣ. Она видѣла, что его глаза просятъ и въ то же время выражаютъ покорную готовность подчиниться ея рѣшенію. Она быстро отвернулась отъ него и, дѣлая видъ, будто не слышитъ словъ мужа, вышла на террасу. Но, лицомъ къ лицу съ жуткимъ молчаніемъ деревьевъ, застывшихъ въ тягостномъ томленіи, среди душной темноты, ей сдѣлалось страшно, и вмѣстѣ съ тѣмъ она почувствовала жалость къ Ржевскому. Варвара Михайловна воротилась въ комнату.

— Черезъ полчаса разразится страшная гроза,— сказала она сухо и избѣгая глядѣть на Ржевскаго.—Вамъ придется остаться.

Онъ молча поклонился ей и положилъ шляпу. Варвара Михайловна рѣшила не оставаться больше съ гостями ни одной минуты. Ей хотѣлось поскорѣе уйти въ свою комнату, лечь, успокоиться, забыться сномъ.

— Развѣ ты не будешь ужинать? — спросилъ ее Рязанцевъ, когда она подошла къ нему, чтобы поцѣловать его въ лобъ, что̀ она всегда дѣлала, прощаясь съ нимъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила она кротко: — я устала.

И, цѣлуя мужа, она точно въ первый разъ замѣтила и его большую лысину, испещренную тоненькими красными жилками, и глубокія морщины на лицѣ, и дряблую желтизну щекъ. «Я на него всегда смотрѣла только какъ на отца», — подумала съ грустью Варвара Михайловна.

Придя къ себѣ, въ свою маленькую комнатку съ веселыми обоями и узкой дѣвичьей кроватью (Рязанцевы всегда спали въ разныхъ комнатахъ), она зажгла передъ

зеркаломъ двѣ свѣчи и стала раздѣваться. Медленными, лѣнивыми движеніями она сняла верхнее платье, освободилась отъ корсета и, вынувъ изъ головы шпильки, быстрымъ, привычнымъ движеніемъ руки распустила по плечамъ и спинѣ волны густыхъ темныхъ волосъ.

Прижавъ крѣпко ладони къ груди, закинувъ назадъ голову и полузакрывъ глаза, она долго оглядывала въ зеркалѣ свою прекрасную полунагую фигуру, и смутное чувство жалости къ себѣ закралось въ первый разъ въ ея душу. Года черезъ четыре, много черезъ пять, думала она, завянетъ это упругое розовое тѣло, старость проведетъ на лицѣ морщины, яркія губы поблѣднѣютъ... А любила ли она хоть одинъ часъ той соблазнительной любовью, къ которой сейчасъ такъ пламенно призывалъ ее Ржевскій? Знала ли она наслажденіе отдать всю свою пышно расцвѣтшую красоту, отдать всю себя сладкимъ ласкамъ? Нѣтъ. Рѣдкія минуты физической близости къ мужу она вспоминала съ холоднымъ отвращеніемъ. Она шла къ нему, исполняя тяжелый долгъ, и ему всегда бывало потомъ неловко передъ ней, и онъ робко уходилъ, прося извиненія, догадываясь о томъ, что̀ его жена испытываетъ въ эти минуты.

— Пропадаетъ молодость, пропадаетъ красота, — шептала съ горечью Варвара Михайловна, глядя на свое отраженіе глазами, затуманившимися тоской. — За что же? За что̀?

Внезапно ее охватилъ стыдъ. «Господи! Что̀ со мною дѣлается?—пронеслось у нея въ головѣ.—Неужели я такая гадкая, безнравственная? Неужели я развратна, и сама до сихъ поръ не знала себя? О, Господи, научи меня! Господи, поддержи меня!»

Она опустилась на колѣни передъ маленькимъ образкомъ, висѣвшимъ въ изголовьѣ ея кровати. Но губы ея машинально шептали привычныя слова, а мысли упрямо

бѣжали отъ молитвы. «Пропадаютъ мои молодость и красота,—печально думала Варвара Михайловна:—и никто, никто не насладится ими».

Окончивъ молитву, она потушила свѣчи и легла. Холодное прикосновеніе простынь и подушекъ сначала нѣсколько успокоило ее, но черезъ пять минутъ она уже металась по постели съ горящей головой, постоянно перевертывая подушки, чтобы найти холодное мѣстечко. Сладкія и грѣшныя мечты, которыя она гнала прочь отъ себя вечеромъ, теперь, въ тишинѣ и темнотѣ, овладѣвали ея воображеніемъ и распаляли его — тѣ фантастическія мечты, которыя хоть разъ въ жизни обуревали ночной порою каждаго смертнаго, которыя недоступны для признаній и которыя утромъ кажутся чудовищнымъ кошмаромъ. Теперь уже поведеніе Ржевскаго не возмущало, не оскорбляло чистоты Варвары Михайловны. Наоборотъ, она всѣми силами души жаждала теперь, чтобы этотъ опьяняющій вечеръ продолжался безъ конца. Она сожалѣла о томъ, что Ржевскій не былъ еще смѣлѣе, а она—еще уступчивѣе. Въ забытьѣ, задыхаясь среди душной и нѣмой темноты, она охватывала руками подушку и тѣсно прижималась къ ней. Порою ей казалось, что она слышитъ въ комнатѣ странные, крадущіеся звуки и чье-то осторожное дыханіе; она прислушивалась, зажимая ротъ рукою, и убѣждалась, что то стучитъ въ ея груди сердце.

«Что̀, если онъ осмѣлится проникнуть ко мнѣ?—спрашивала она себя въ эти мгновенія. — Что̀ можетъ помѣшать этому дерзкому и страстному человѣку? Ну, а что̀ же, если онъ и войдетъ? Одна ночь въ жизни, одна только ночь, полная счастья... Развѣ за нее не сто̀итъ заплатить цѣною долгаго раскаянья, цѣною самоотверженія въ продолженіе всей остальной жизни?»

Молнія блистала все чаще и ярче, громъ рокоталъ глухо и безпрерывно, точно приближающійся голодный

звѣрь, но дождь еще медлилъ, собираясь съ силами, прежде чѣмъ обрушиться на землю. Вдругъ Варвара Михайловна явственно услышала противъ своего окна въ саду, шагахъ въ десяти отъ дома, осторожное и нѣжное пѣніе:

Отчего же робкое признанье
Въ сердце такъ тебѣ запало глубоко?

Чуткимъ ухомъ она сразу узнала и слова и мотивъ и, быстро сѣвъ на кровати, прошептала, точно говоря кому-то на ухо:

— Онъ не знаетъ моего окна. Я отворю.

Но странная тяжесть такъ сковала всѣ ея члены, что она не шевельнулась и замерла, охвативъ колѣни руками.

Ты вздыхаешь, ты молчишь и плачешь...
Иль слова любви въ устахъ твоихъ нѣмѣютъ? —

продолжалъ напѣвать голосъ за окномъ едва слышно, но неотразимо-настойчиво.

— Я отворю,—опять прошептала Варвара Михайловна, глядя расширившимися глазами въ темноту и слыша горячечное біеніе сердца.

Или ты меня жалѣешь? Не любишь?

Голосъ удалялся... «Онъ уйдетъ»,—быстро подумала Варвара Михайловна и, поспѣшно перебѣжавъ босыми ногами отъ кровати къ окну, откинула штору и, стараясь не шумѣть, пріотворила ставни.

Страшный порывъ вѣтра вырвалъ ставни изъ ея дрожащихъ рукъ и съ ожесточеніемъ хлопнулъ ими объ стѣну. Въ то же время все небо мгновенно сдѣлалось ослѣпительно-синимъ, и на немъ рѣзко вырисовались черныя верхушки деревьевъ. Варвара Михайловна зажмурила глаза и, оглушенная раскатомъ грома, грянувшимъ вмѣстѣ съ молніей, отпрянула назадъ.

— Варвара Михайловна... Varbe!.. Ради Бога... Только два слова... — услышала она изъ сада взволнованный шопотъ Ржевскаго.

Она — вся дрожащая, испуганная, съ пересохшимъ ртомъ, стояла нерѣшительно среди комнаты и не отвѣчала на этотъ призывъ.

— Прелестная, чудная!.. — умолялъ подъ самымъ окномъ осторожный шопотъ.

«Ахъ, все равно! — рѣшила внезапно Варвара Михайловна, судорожно стиснувъ руками голову. — Это судьба».

Она сдѣлала два шага къ окну и вдругъ остановилась на мѣстѣ, объятая ужасомъ и стыдомъ.

— Мама! Мама! Мама! — услышала она изъ-за стѣны нетерпѣливые, призывающіе звуки дѣтскаго голоса. — Мама, я боюсь! Мама, гдѣ ты?

Она бросилась въ дѣтскую, сразу позабывъ и объ открытомъ окнѣ, и о стоявшемъ подъ нимъ Ржевскомъ, и о своихъ ночныхъ волненіяхъ. Въ дѣтской было темно, лампадка погасла, няня спала неслышнымъ старческимъ сномъ, а Аля заливалась слезами, призывая мать.

Варвара Михайловна наклонилась надъ кроватью Али, обхватила руками ея маленькое тѣльце, теплое и душистое, и съ горячей любовью крѣпко, какъ только могла, прижала къ себѣ.

— Что̀ съ тобой, моя дочечка? Что̀, моя славная? — спрашивала она, осыпая поцѣлуями шею, руки и ноги ребенка.

— Мама, я боюсь... темно, страшно... Богъ на небѣ гремитъ... — жаловалась дѣвочка, разомъ стихая и тѣсно прижимаясь къ матери.

— Не бойся, не бойся, глупенькая. Я всегда съ тобою, моя дѣвочка, моя кошечка, моя звѣздочка. Хочешь, я сама съ тобой лягу? Хочешь? Ну вотъ такъ, видишь, какая ты умница...

Она долго говорила ей нѣжныя, простыя фразы. Дѣвочка перестала плакать и только изрѣдка нервно, прерывисто вздыхала. Наконецъ она успокоилась совсѣмъ и заснула, слушая ласковыя, баюкающія слова.

Варвара Михайловна долго еще называла заснувшую дочь нѣжными именами, между тѣмъ какъ изъ глазъ ея лились чистыя, радостныя слезы, — первыя слезы выздоровѣвшаго отъ тяжелой болѣзни человѣка.

Гроза разразилась, и дождь освѣжилъ томящуюся землю.

Страшная минута прошла.

КАРТИНА.

I.

На вечерѣ у одного извѣстнаго литератора, послѣ ужина, между собравшимися гостями затѣялся неожиданно горячій споръ о томъ, бываетъ ли въ наше, скудное высокими чувствами, время настоящая, непоколебимая дружба? Всѣ единогласно высказались, что — нѣтъ, такой дружбы не бываетъ, и что теперешняя дружба многихъ испытаній совсѣмъ не можетъ выдержать. Въ опредѣленіи же причинъ, расторгающихъ дружбу, спорщики разошлись. Одинъ говорилъ, что дружбѣ мѣшаютъ деньги, другой — женщина, третій — сходство характеровъ, четвертый — бремя и заботы семейной жизни, и все въ такомъ родѣ.

Когда же спорщики, накричавшись вдоволь и ничего не выяснивъ, устали, тогда одинъ почтенный человѣкъ, до сихъ поръ въ пренія не вступавшій, сказалъ:

— Все, господа, сказанное вами, очень вѣско и замѣчательно. Однако я знаю въ жизни примѣръ, когда дружба прошла сквозь всѣ перечисленныя препятствія и осталась неприкосновенною.

— И что же,—спросилъ хозяинъ:—эта дружба такъ до гроба и продолжалась?

— Нѣтъ, не до гроба. А тому, что она пресѣклась, была особая причина.

— Какая же? — спросилъ хозяинъ.

— Причина очень простая и въ то же время удивительная. Дружбу эту расторгнула святая Варвара.

Такъ какъ изъ гостей никто не понялъ, какъ это святая Варвара могла въ нашъ меркантильный вѣкъ разорвать дружбу, то всѣ просили Аѳанасія Силыча (такъ звали почтеннаго человѣка) объяснить свои загадочныя слова.

Аѳанасій Силычъ на это улыбнулся и отвѣтилъ:

— Тутъ загадочнаго ничего нѣтъ. Исторія эта простая и печальная, исторія страданій большого сердца. И если вамъ дѣйствительно угодно будетъ послушать, то я сейчасъ ее съ удовольствіемъ и разскажу.

Всѣ приготовились слушать, и Аѳанасій Силычъ началъ свой разсказъ:

II.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія была извѣстна богатствомъ, знатностью рода и большою гордостью фамилія князей Бѣлоконь-Бѣлоноговыхъ. Но сама судьба эту фамилію осудила на вымираніе, такъ что теперь объ ней уже нѣтъ и помину. Послѣдній ея боковой отпрыскъ — не въ осужденіе говорю — кончилъ недавно свое земное поприще въ аржановскомъ домѣ (есть такой извѣстный почлежный вертепъ въ Москвѣ) среди золоторотцевъ, пьяницъ и разбойниковъ. Но до него мой разсказъ не коснется, потому что предметомъ его будетъ князь Андрей Львовичъ, съ которымъ и прекратилась прямая линія.

При жизни отца — а это было еще во время крѣпостной зависимости — князь Андрей служилъ въ гвардіи и считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ. Деньгамъ счету не зналъ, танцоръ, красавецъ, женскій любимецъ, дуэлистъ, — ну, чего еще, кажется? Однако, когда папаша скончался, князь Андрей службу бросилъ, какъ его ни уговаривали остаться. «Я, говоритъ, съ вами

пропаду здѣсь, а мнѣ любопытно узнать все, что̀ мнѣ отъ судьбы опредѣлено».

Странный онъ былъ человѣкъ; своеобычный и, такъ сказать, фантастическій. Лестно ему казалось всякую свою мечту сейчасъ же и на дѣлѣ доказать. Какъ только схоронилъ онъ князя Льва Андреевича, такъ сейчасъ и закатился по заграницамъ. Удивительно, гдѣ его ни носило! Высылались ему деньги черезъ всякія агентства и банкирскіе дома, то въ Парижъ, то въ Калькутту, то въ Нью-Іоркъ, то въ Сидней. Это все, опять повторяю, мнѣ доподлинно извѣстно, такъ какъ мой отецъ былъ у него главнымъ управляющимъ надъ всѣми его двумя стами тысячъ десятинъ.

Черезъ четыре года воротился князь Андрей, исхудалый, бородищей оброс, самъ отъ загара коричневый,— и узнать трудно. Какъ пріѣхалъ, да засѣлъ въ своей Пищевской усадьбѣ, да надѣлъ халатъ, только его и видѣли. Заскучалъ.

А я въ то время къ князю очень сдѣлался вхожъ, потому что онъ меня полюбилъ за мой характеръ веселый, и все-таки я кое-какое образованіе получилъ, такъ что могъ ему собесѣдникомъ служить. Опять же я свободный человѣкъ былъ: отецъ меня еще при князѣ Львѣ Андреевичѣ откупилъ.

Всегда князь Андрей встрѣчалъ меня ласково и садиться велѣлъ. Даже сигарами потчевалъ. Сидѣть я при немъ скоро привыкъ, а къ сигарамъ никакъ притерпѣться не могъ — все у меня отъ нихъ въ родѣ морской болѣзни дѣлалось.

Любопытно мнѣ было всѣ эти вещи разсматривать, какія князь изъ путешествія съ собою привезъ. Шкуры тигровыя и львиныя, сабли кривыя, божковъ, чучела звѣрей разныхъ, дорогіе камни и матеріи. А князь, бывало, лежитъ на диванѣ своемъ огромномъ, куритъ и, хоть

надъ моимъ любопытствомъ смѣется, однако все это сейчасъ же объяснитъ. А потомъ, какъ увлечется самъ да начнетъ свои приключенія разсказывать, такъ, повѣрите ли, у меня отъ восторга мураши по спинѣ бѣгали. Только онъ говоритъ-говоритъ, да вдругъ сморщится и замолкнетъ. Ну и я молчу. Тогда князь вдругъ и скажетъ:

— Скучно мнѣ, Аѳанасій. Ну вотъ я весь свѣтъ объѣхалъ, все видѣлъ, въ Мексикѣ лошадей дикихъ ловилъ, въ Индіи на тигровъ охотился, и тонулъ, и пескомъ меня засыпало — ну, а дальше что̀ же? Нѣтъ, говоритъ, ничего на свѣтѣ новаго.

А я ему на это, знаете, по простотѣ отвѣчаю:

— Вамъ бы жениться, князь.

Онъ на это только засмѣется.

— Я бы, говоритъ, женился, когда бы нашелъ женщину такую, чтобы я ею дорожилъ и уважалъ бы ее. Я вотъ всѣхъ націй и сословій женщинъ видѣлъ, и все-таки я не уродъ, и не глупъ, и богатъ, такъ что онѣ мнѣ знаки своего вниманія очень оказывали, а такой женщины, какую мнѣ нужно, я не видѣлъ. Всѣ онѣ либо продажны, либо развратны, либо глупы, либо ужъ черезчуръ добродѣтельны, и съ ними одна тоска. А мнѣ все-таки скучно. Вотъ, другое дѣло, если бы у меня какой-нибудь талантъ или даръ былъ...

Я на это обыкновенно говорю:

— Да какого же вамъ еще, князь, таланта надобно? Слава Богу, изъ себя красавецъ, земли, сами говорите, больше, чѣмъ у иного нѣмецкаго принца, силищей этакой Богъ наградилъ. Я бы и никакого таланта не желалъ.

А князь усмѣхнется на это и скажетъ:

— Глупъ ты, Аѳанасій, и еще черезчуръ молодъ. Поживешь и, коли не исподличаешься, вспомнишь мои эти самыя слова.

III.

Впрочемъ, у князя Андрея былъ свой талантъ и, на мой взглядъ, даже очень большой, а именно — живописный, къ чему онъ еще въ дѣтствѣ оказывалъ наклонности. Будучи за границей, князь почти съ годъ провелъ въ Римѣ, учился рисовать картины и даже, какъ онъ самъ разсказывалъ, одно время думалъ сдѣлаться настоящимъ художникомъ, но почему-то раздумалъ, или залѣнился. Сидя у себя въ Пнищахъ, онъ про свои занятія вспомнилъ и опять принялся рисовать красками. Нарисовалъ рѣку, мельницу, образъ святителя Николая для церкви, — очень хорошо нарисовалъ.

А кромѣ этого занятія было у князя еще одно развлеченіе — ходить на медвѣдя. Въ нашихъ мѣстахъ этого звѣря — страсть сколько. И ходилъ всегда по-мужицки, съ рогатиной и съ ножомъ, а съ собой бралъ только охотника Никиту Дранаго. «Дранымъ» его называли за то, что ему медвѣдь съ черепа кожу своротилъ, такъ онъ навѣки и остался.

Съ народомъ былъ простъ и привѣтливъ. Такъ простъ, что, если понадобится мужику лѣсу на избу, или лошадь пала, сейчасъ такъ прямо къ князю и идетъ, — знаетъ, что отказу не будетъ. Только рабства и лакейства не любилъ и, вотъ тоже, лжи никогда не прощалъ никому.

За что его еще крѣпостные обожали, такъ это за то, что озорства по части женской за нимъ не водилось, — извините за грубое слово. Дѣвки въ нашей сторонѣ на всю Россію красавицы, и другіе господа помѣщики цѣлые гаремы держали, такъ что и для себя и для гостей. А у насъ ни-ни. То-есть, конечно, безъ этого не обходилось, по человѣческой слабости, впрочемъ, тихо и скромно, на сторонѣ, и никому обиды не выходило изъ этого.

Однако, какъ ни былъ князь Андрей съ низшими простъ

и плѣнителенъ, а съ равными и съ начальствомъ былъ гордъ и дерзокъ, даже и безъ надобности. Особенно не любилъ чиновниковъ. Бывало, пріѣдетъ какой-нибудь по откупной части, или по полицейской, или по акцизной (а тогда дворяне еще службу для себя почитали, кромѣ военной, унизительной), пріѣдетъ да, какъ иногда человѣкъ еще новый, и начнетъ пѣтушиться. «Почему то не такъ, да то не этакъ!» Управляющій ему вѣжливо докладываетъ, что, молъ, князево распоряженіе, и отмѣнять никакъ нельзя. Значитъ, понятно: получай свою положенную мзду и удаляйся. А тотъ все храбрится: «Да что̀ мнѣ вашъ князь, я самъ здѣсь закона представитель!» И сейчасъ, чтобы его до самого князя вели. Отецъ, бывало, ужъ изъ жалости остерегаетъ: князь, дескать, у насъ на руку тяжеленекъ. Куда! И слушать не хочетъ. Ну, такимъ манеромъ, онъ и къ князю Андрею наскокомъ является. «Помилуйте, что̀ это за безпорядки! Да гдѣ это видано? Да я, да мы!» Князь все молчитъ-молчитъ, да вдругъ какъ побагровѣетъ, да глазами сверкнетъ — страшный былъ во гнѣвѣ человѣкъ. «На конюшню каналью!»—крикнетъ. Ну, сейчасъ, натурально, расправа. Въ то время многіе помѣщики это одобряли и почему-то все на конюшнѣ. По обычаю предковъ. А потомъ, черезъ дня два, отецъ тайно отъ князя ѣдетъ въ городъ и наказанному везетъ пакетикъ съ радужными. Я, бывало, ужъ осмѣлѣю да и скажу ему: «Князь, а вѣдь чиновникъ-то жаловаться будетъ, какъ бы вамъ въ отвѣтѣ быть не пришлось». А онъ мнѣ на это: «Ну, такъ что̀ же? Пусть съ меня взыскиваетъ Богъ и мой великій государь, а я за продерзость наказать обязанъ».

Да на что же лучше, помилуйте, вѣдь онъ разъ такую штуку губернатору отлилъ. Прибѣгаетъ къ князю Андрею однажды рабочій съ парома и докладываетъ, что на той сторонѣ рѣки губернаторъ. Князь и говоритъ:

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Да онъ, говоритъ, паромъ требуетъ, ваше сіятельство.

Умный былъ мужикъ, зналъ князевъ характеръ.

— Какъ это онъ требуетъ паромъ?

— Исправникъ послалъ сказать, чтобы немедленно паромъ былъ.

Князь сейчасъ же распорядился:

— Не давать парома.

Такъ и не дали. Тогда губернаторъ догадался и присылаетъ записку, что, молъ, такъ и такъ, дорогой Андрей Львовичъ (а они были между собою троюродные кузены), окажи твою любезность, дай мнѣ паромъ. И подписалъ имя и фамилію. Ну, ужъ тутъ самъ князь его любезно на берегу встрѣтилъ и такой банкетъ ему задалъ, что цѣлую недѣлю губернаторъ выѣхать изъ Пнищей не могъ.

А дворянамъ, даже самымъ захудалымъ, князь въ случаѣ недоразумѣній не отказывалъ въ сатисфакціи. Однако его остерегались, потому что знали его характеръ неукротимый, и знали, что онъ въ восемнадцати дуэляхъ на своемъ вѣку участвовалъ. Дуэли же въ ту пору между дворянами были даже очень обыкновеннымъ дѣломъ.

IV.

Такъ и прожилъ князь Андрей въ Пнищевской усадьбѣ года два съ лишкомъ. А тутъ какъ разъ подошелъ царскій освободительный манифестъ, и начался среди господъ помѣщиковъ переполохъ. Многіе даже очень недовольны были, засѣли у себя въ глуши и принялись докладныя записки писать. Другіе, которые поскупѣе и подальновиднѣе, норовили какъ бы со своими выкупными свидѣтельствами да съ землей какую ни на есть выгоду соблюсти. А были и такіе, что въ ту пору очень опасались бунта

крестьянскаго и просили для ихняго огражденія у начальства хоть какихъ-нибудь мѣстныхъ инвалидовъ.

Князь Андрей, когда пришелъ манифестъ, собралъ своихъ мужиковъ и очень простыми словами, однако безъ искательствъ, имъ объяснилъ: «Вы, молъ, теперь свободны, такъ же, какъ и я. Это такъ и должно было случиться. А вы свободу свою во зло не обращайте, потому что начальство вамъ всегда можетъ заглянуть туда, откуда ноги растутъ. Да помните, что какъ былъ я вамъ раньше помощникомъ, такъ и теперь буду. А землю берите на выкупъ, какой сможете поднять».

И съ этими словами уѣхалъ внезапно въ Петербургъ.

А вамъ, господа, я думаю, хорошо извѣстно, что̀ въ то время въ обѣихъ столицахъ дѣлалось. Сразу тогда у дворянъ очутились въ рукахъ цѣлые вороха деньжищъ, и пошла катавасія. На что ужъ удивляли всю Россію откупщики да концессіонеры съ банкирами, однако передъ господами помѣщиками оказались они мальчишками и щенками. Ужасъ, что̀ творилось! Иной разъ за однимъ ужиномъ цѣлыя состоянія пускались на вѣтеръ.

Вотъ такъ князь Андрей въ самый водоворотъ и попалъ и закрутился. Да еще вдобавокъ съ товарищами полковыми встрѣтился и потомъ ужъ никакого удержу знать не хотѣлъ. Однако прожуировалъ недолго, потому что вскорѣ не своей охотой долженъ былъ Петербургъ оставить. И все изъ-за лошадей.

V.

Ужиналъ онъ въ компаніи большой со своими офицерами въ самомъ, что̀ ни на есть, модномъ ресторанѣ. Пили очень много и все больше шампанское. Только вдругъ зашла у нихъ рѣчь о лошадяхъ,—извѣстно, постоянный

разговоръ офицерскій,—у кого въ Петербургѣ лошади самыя рѣзвыя. Одинъ казакъ, — фамиліи его не помню, только знаю, что былъ онъ изъ кавказскихъ владѣтельныхъ князей, — этотъ казакъ и скажи въ ту пору, что рѣзвѣе всѣхъ пара вороныхъ жеребцовъ у...—и назвалъ чрезвычайно высокопоставленную особу.

— Это, говоритъ, не кони, а варвары. Съ ними одинъ только Илья и можетъ управиться, и никому тѣхъ злодѣевъ не обогнать.

А князь Андрей засмѣялся на это.

— Да я, говоритъ, ихъ на своихъ соловыхъ обгоню.

А казакъ говоритъ:

— Нѣтъ, не обгонишь.

— Анъ нѣтъ, обгоню.

— Не обгонишь.

— Обгоню.

— Ну, въ такомъ разѣ, — говоритъ казакъ: — мы съ тобой объ закладъ сейчасъ пойдемъ.

И пошли объ закладъ. Поставили условіе, что ежели князь Андрей осрамится, то онъ казаку пару соловыхъ отдаетъ, и къ нимъ сани и карету съ серебряной сбруей, а если князь Илью обгонитъ, то казакъ долженъ всѣ билеты въ театрѣ оперномъ купить, когда госпожи Барбы представленіе пойдетъ, и самому казаку чтобы забраться на галлерею и никого въ театръ не пускать. А въ то время госпожой Барбо весь бомондъ сильно плѣнялся.

Ну-съ, прекрасно. На другой день князь просыпается и велитъ лошадей соловыхъ закладывать. Коньки на видъ были неважные, такъ себѣ — степнячки косматенькіе, однако довольно прыткіе, а главное — угонистые и въ скачкѣ имѣли чрезвычайно долгій духъ.

Тутъ уже товарищи видятъ, что дѣло не на шутку идетъ, стали князя отговаривать. «Брось ты это самое

пари, потому что какъ бы тебя не упекли за твою фантазію куда-нибудь». Однако князь ихъ не послушалъ и велѣлъ позвать кучера Варѳоломея.

Кучеръ Варѳоломей былъ человѣкъ мрачный и, такъ сказать, отвлеченный. Силищей его Господь наградилъ ни съ чѣмъ несоразмѣрной, такъ что онъ могъ тройку на всемъ скаку остановить. Ажъ лошади на заднія ноги падутъ. Пилъ ужасно, разговаривать ни съ кѣмъ не любилъ, а князя своего, хоть и обожалъ всей душой, но былъ съ нимъ грубъ и заносчивъ, за что̀ иногда свою порцію березовой каши и получалъ. Призвалъ князь Варѳоломея и говоритъ ему:

— Можешь ты, Варѳоломей, нынче одну пару на нашихъ соловыхъ обогнать?

Варѳоломей спрашиваетъ: какую?

Князь ему разсказалъ, ка̀къ и что̀. Варѳоломей затылокъ почесалъ.

— Знаю я, говоритъ, эту пару, да и Илья довольно мнѣ хорошо извѣстенъ. Человѣкъ опасный. Однако, ежели вашему сіятельству угодно, обогнать можемъ. Только въ случаѣ соловые пропадутъ — не гнѣвайтесь.

Князь Андрей ему отвѣчаетъ:

— Хорошо. Сколько же тебѣ теперь надо водки въ твое горло влить?

Но Варѳоломей отъ водки отказался.

— Меня, говоритъ, пьянаго лошади не уважаютъ.

Сѣли и поѣхали. Стали на концѣ Невскаго проспекта. Дожидаются. Заранѣе было извѣстно, что особа въ полдень должна была проѣхать. Такъ и случилось. Въ полдень показалась пара вороныхъ, Илья кучеромъ, и въ саняхъ — особа.

Только далъ имъ князь маленько отъѣхать и говоритъ:

— Валяй!

Пустилъ Варѳоломей соловыхъ. Какъ услышалъ Илья за собой топъ конскій — обернулся; обернулась и особа. Илья далъ конямъ вожжи, и Варѳоломей тоже надбавилъ ходу. А хозяинъ тѣхъ вороныхъ былъ человѣкъ пламенный, безстрашный и до лошадей большой охотникъ. Онъ Ильѣ и говоритъ:

— Чтобы этотъ нахалъ насъ обогнать не смѣлъ.

Что̀ тутъ началось, я и сказать не умѣю. И кучера и кони точно сбѣсились: снѣгъ прямо тучей надъ ними. Сначала-то вороные какъ будто и обогнали, однако долго выдержать не могли, пристали. Князь Андрей около самаго вокзала впередъ выскочилъ, а особа ему этакъ гнѣвно пальцемъ погрозила.

А на другой день князя вызвалъ къ себѣ петербургскій губернаторъ, господинъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ, и сказалъ ему такъ:

— Уѣзжайте-ка вы, князь, скорѣе изъ Петербурга. Если васъ не наказали примѣрно, то это потому только, что особа, которой вы вчера дерзость оказали, имѣетъ большое пристрастіе къ людямъ отчаяннымъ и смѣлымъ. И объ вашемъ пари ей также все извѣстно. Но ужъ больше въ Петербургъ ни ногой, и то благодарите Господа, что дешево отдѣлались.

Однако, господа, я о князѣ Андреѣ заболтался, а къ тому, что̀ обѣщалъ доказать, еще и не приступалъ. Впрочемъ, скоро и конецъ моему повѣствованію. А главное, я хоть и разбросанно, но все-таки личность князя Андрея описалъ, какъ могъ.

VI.

Послѣ знаменитой своей скачки поѣхалъ князь въ Москву и тамъ продолжалъ вести петербургскую линію, только въ увеличенномъ размѣрѣ. Одно время только объ

его причудахъ и было по всему городу разговоровъ. Вотъ тутъ-то и случилось съ нимъ то, надъ чѣмъ онъ въ Пнищахъ издѣвался. Стала на его пути женщина.

Да какая же, я вамъ доложу, женщина! Королева! Теперь и нѣтъ такихъ больше. Красоты самой удивительной... Была она прежде актрисой, потомъ вышла замужъ за купца-милліонера, а когда купецъ умеръ, то она ни за кого замужъ выйти не пожелала, говорила, что ей свобода дорога.

И чѣмъ она прельстила особенно князя, такъ это своею небрежностью. Никого она знать не хотѣла, ни богатыхъ ни знатныхъ, и своимъ большимъ деньгамъ никакого вниманія не оказывала. Какъ увидѣлъ ее князь Андрей, такъ сразу и влюбился. Привыкъ онъ къ тому, чтобы ему сразу на шею вѣшались, и потому женщинъ мало уважалъ. А тутъ вдругъ точно его и не замѣчаютъ. Весела, привѣтлива, букеты и подарки принимаетъ, а чуть онъ о чувствахъ — она сейчасъ же въ смѣхъ. Это князя и уязвило. Прямо даже до затменія разсудка.

Вотъ какъ-то разъ поѣхалъ князь съ Марьей Гавриловной — королеву-то звали Марьей Гавриловной — въ Яръ, слушать цыганъ, и съ ними — большая компанія, человѣкъ въ пятнадцать. Тогда вокругъ князя цѣлая толпа прихвостней вѐтшалась, такъ ее и звали Бѣлоноговскимъ штабомъ. Сидятъ они всѣ за столомъ, пьютъ вино, цыгане имъ поютъ и пляшутъ. Вдругъ Марьѣ Гавриловнѣ курить захотѣлось. Взяла она пахитоску — курили тогда изъ соломы вертушки такія — и ищетъ огня. Князь это увидѣлъ и моментально — хвать билетъ банковый въ тысячу рублей, зажегъ объ свѣчу и подаетъ. Всѣ кругомъ такъ и ахнули, фараоны даже пѣть перестали, и глаза у нихъ отъ жадности блестятъ. Въ это время кто-то за сосѣднимъ столомъ не очень громко, однако довольно явственно сказалъ:

— Дуракъ!

Князь вскочилъ, точно его шиломъ кольнули. А за сосѣднимъ столомъ сидитъ этакій маленькій, тщедушный человѣчекъ и на князя глядитъ прямо въ упоръ самымъ спокойнымъ образомъ. Князь сейчасъ къ нему:

— Какъ вы осмѣлились мнѣ сказать «дуракъ»? Кто вы такой?

Маленькій человѣчекъ ему на это очень хладнокровно:

— Я, говоритъ, художникъ Розановъ. А дуракомъ назвалъ васъ потому, что на эти деньги, что̀ вы сожгли изъ фанфаронства, можно было бы четырехъ больныхъ цѣлый годъ въ больницѣ содержать.

Всѣ сидятъ, ждутъ, что̀ будетъ. Характеръ-то князя неудержимый хорошо былъ извѣстенъ. Или онъ этого маленькаго человѣчка сейчасъ бить начнетъ, или на дуэль вызоветъ, или даже просто прикажетъ посѣчь.

И вдругъ князь, мало помолчавши, обращается къ художнику съ такими неожиданными словами:

— Вы, господинъ Розановъ, совершенно правы. Я дѣйствительно дуракомъ себя передъ хамами показалъ, и теперь, ежели вы мнѣ руки не протянете и отъ меня не возьмете сейчасъ пяти тысячъ для Маріинской больницы, то этимъ мнѣ тяжкую нанесете обиду.

А Розановъ отвѣчаетъ:

— И деньги возьму и руку вамъ протяну съ одинаковымъ удовольствіемъ.

Въ это время Марья Гавриловна князю тихонько шепчетъ:

— Позовите художника къ намъ, а штабу своему велите убраться.

Князь учтиво обратился къ господину Розанову и попросилъ къ нимъ подсѣсть, а потомъ повернулся къ штабу и сказалъ:

— Чтобы я васъ здѣсь больше не видѣлъ.

VII.

И завязалась съ той поры между княземъ и Розановымъ тѣснѣйшая дружба. Другъ безъ друга дня провести не могутъ. Либо художникъ у князя, либо князь Андрей у художника. А Розановъ жилъ тогда на Третьей Мѣщанской, на четвертомъ этажѣ, занималъ двѣ комнаты: одна мастерская, другая спальная. Звалъ его все князь къ себѣ переѣхать, но художникъ отказывался. «Ты мнѣ, говоритъ, и такъ очень дорогъ, а кромѣ того я въ богатствѣ залѣнюсь и свое искусство позабуду». Такъ и не переѣхалъ.

Все имъ другъ въ другѣ интересно было. Начнетъ Розановъ говорить о живописи, о картинахъ разныхъ, о жизни великихъ художниковъ, — князь слушаетъ, слова не проронитъ. А потомъ князь примется про свои приключенія въ дикихъ странахъ разсказывать, — у художника и глаза заблестятъ.

— Постой, скажетъ, вотъ я скоро думаю одну большую картину написать. Тогда у меня хорошія деньги будутъ, и мы вмѣстѣ за границу поѣдемъ.

— Да зачѣмъ тебѣ деньги? — спросилъ князь. — Хочешь, завтра поѣдемъ? Все, что̀ у меня есть, я съ тобой могу подѣлить.

Но художникъ стоялъ на своемъ.

— Нѣтъ, подожди, я картину напишу, а тогда уже и будемъ говорить.

Настоящая была между ними дружба. И даже удивительно: такое вліяніе Розановъ надъ княземъ имѣлъ, что удерживалъ его отъ многихъ горячихъ и необдуманныхъ поступковъ, къ которымъ князь по своей пылкой натурѣ былъ весьма склоненъ.

VIII.

Любовь князя къ Марьѣ Гавриловнѣ не только не уменьшалась, но даже еще болѣе распалялась, только все ему не было успѣха. Онъ у нея сколько разъ руки и сердца на колѣняхъ просилъ, но она ему все одно отвѣчаетъ: «Что же я, говоритъ, сдѣлаю, если я васъ не люблю?»— «Ну, не любите,—говоритъ князь:—можетъ, потомъ слюбится, а безъ васъ я несчастный человѣкъ». А она ему на это отвѣчаетъ: «Мнѣ очень васъ жаль, но вашей бѣдѣ я помочь не могу». — «Да вы, можетъ-быть, кого-нибудь уже любите?»—«Можетъ-быть, и люблю». И сама смѣется.

Затосковалъ князь. Лежитъ у себя дома на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ, хмурый, молчитъ, отъ ѣды его даже отбило. Въ домѣ всѣ на цыпочкахъ ходятъ... Въ одну изъ такихъ минутъ какъ-то пріѣзжаетъ Розановъ, тоже лица на немъ нѣтъ. Вошелъ въ князевъ кабинетъ, поздоровался и молчитъ. И оба молчатъ. Наконецъ художникъ съ духомъ собрался и говоритъ:

— Послушай, Андрей Львовичъ, мнѣ больно, что я тебѣ сейчасъ дружеской рукой ударъ нанесу.

Князь, лежа лицомъ къ стѣнкѣ, отзывается:

— Пожалуйста, безъ прелюдій, говори прямо.

Тогда художникъ прямо и объяснился:

— Теперь мнѣ Марья Гавриловна въ родѣ какъ жена.

Князь спрашиваетъ:

— Можетъ-быть, ты съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, — говоритъ художникъ: — я съ ума не сошелъ. Марью Гавриловну я давно любилъ, но не смѣлъ ей своихъ чувствъ открыть. А сегодня утромъ она мнѣ сказала: — «Что намъ другъ отъ друга прятаться? Я давно вижу, что вы меня любите, и сама я также васъ люблю. Только замужъ за васъ не выйду, а будемъ такъ...»

Разсказалъ художникъ всю эту исторію, а князь ле-

житъ, не шевелится и ни слова въ отвѣтъ. Розановъ посидѣлъ, поглядѣлъ, да и вышелъ тихонько изъ кабинета.

IX.

Однако черезъ недѣлю переломилъ себя князь Андрей, хотя ему это многаго стоило, потому что онъ даже сѣдиной пошелъ. Пріѣхалъ онъ къ Розанову и объявилъ ему:

— Я вижу, насильно милъ не будешь, а только я изъ-за бабы не хочу единственнаго друга терять.

Розановъ его обнялъ и заплакалъ. А Марья Гавриловна ему руку протянула (она тутъ же была) и говоритъ:

— Я васъ очень уважаю, Андрей Львовичъ, и тоже хочу быть вашимъ другомъ.

Тогда князь совсѣмъ повеселѣлъ. и лицо у него сдѣлалось ясное.

— А вѣдь признайтесь, говоритъ, не назови меня Розановъ тогда въ Ярѣ дуракомъ, вы бы его не полюбили?

Она только улыбается.

— Очень даже вѣроятно, говоритъ.

А черезъ недѣлю вотъ что̀ случилось. Пріѣхалъ къ нимъ князь Андрей скучный, разсѣянный. Говорилъ о томъ, о другомъ, а у самого какъ будто мысль какая-то въ головѣ гвоздемъ сидитъ. Художникъ, зная натуру князя, спрашиваетъ, что̀ съ нимъ?

— Да такъ, пустяки, — говоритъ князь.

— Ну, а все-таки?

— Да, говорю, пустяки. Предпріятіе это, банкъ дурацкій, гдѣ мои деньги лежали...

— Ну?

— Лопнулъ. И теперь у меня всего имущества только то, что̀ на мнѣ есть.

— Это дѣйствительно пустяки, — сказалъ Розановъ

и сейчасъ же позвалъ Марью Гавриловну и приказалъ ей очистить верхъ дома для помѣщенія князя.

X.

Такъ и поселился князь Андрей у Розанова. Цѣлый день лежитъ на диванѣ, читаетъ романы французскіе и ногти шлифуетъ. Но это ему скоро наскучило, и онъ однажды сказалъ Розанову:

– А ты знаешь, я вѣдь тоже рисовать-то учился.

Розановъ удивился.

— Не можетъ быть?

— Нѣтъ, учился. Я тебѣ даже и картины свои покажу.

Посмотрѣлъ Розановъ и говоритъ:

— У тебя очень большія способности, только ты дурацкую школу прошелъ.

Князь такъ и обрадовался.

— Ну, а что̀, спрашиваетъ, ежели я теперь заниматься буду, могу я что-нибудь путное написать?

— И даже очень можешь.

— А если я до сихъ поръ баклуши билъ?

— Это ничего не значитъ. Трудомъ одолѣешь.

— А голова моя сѣдая?

— Тоже ничего. Другіе позднѣй начинали. Если хочешь, я и самъ съ тобой займусь.

И начали вдвоемъ заниматься. Розановъ только удивляется, какой у князя развертывается громадный даръ къ живописи. А князь въ работу такъ и въѣлся, отходить не хочетъ, такъ что ужъ художникъ силкомъ его отрывалъ.

Прошло мѣсяцевъ съ пять. Разъ приходитъ Розановъ къ князю Андрею и говоритъ ему:

— Ну, коллега, теперь ты созрѣлъ и уже понимаешь,

что такое рисунокъ и школа. Прежде ты былъ дикаремъ, а теперь у тебя и вкусъ тонкій вырабатывается. Пойдемъ со мною, я тебѣ покажу ту картину, о которой уже не разъ намекалъ. До сихъ поръ она для всѣхъ была тайной, а тебѣ я ее покажу, и ты мнѣ свое мнѣніе скажешь.

Повелъ онъ князя въ мастерскую, поставилъ его въ надлежащій уголъ зрѣнія и открылъ занавѣсъ, опущенный надъ картиной. А на картинѣ была изображена святая Варвара, омывающая прокаженному на ногѣ язвы.

Долго стоялъ князь передъ картиной, и лицо у него сдѣлалось мрачное, точно потемнѣло.

— Ну, какъ же ты находишь? — спрашиваетъ Розановъ.

А князь отвѣчаетъ со злобой:

— Такъ нахожу, что я теперь больше къ кистямъ никогда и притрогиваться не буду.

XI.

Картина художника Розанова была произведеніемъ высокаго вдохновенія и труда. Представляла она, какъ святая Варвара стоитъ на колѣняхъ передъ прокаженнымъ и омываетъ его ужасную ногу, а лицо у нея свѣтлое, радостное и красоты неземной. А прокаженный смотритъ на нее съ молитвеннымъ восторгомъ и неизъяснимою благодарностью. Удивительная была картина! Розановъ готовилъ ее для выставки, но объ ней заранѣе прокричали газеты и молва. Повалила въ мастерскую Розанова публика. Придутъ, взглянутъ на святую Варвару да на прокаженнаго, да такъ и стоятъ по часу и болѣе. И тѣхъ, которые ничего въ искусствѣ не понимали, слеза прошибала. Одинъ англичанинъ былъ тогда въ Москвѣ, мистеръ Бродлей, такъ онъ съ перваго раза предложилъ

Розанову за картину пятнадцать тысячъ. Однако Розановъ не согласился.

А съ княземъ въ то время что-то странное приключилось. Ходитъ пасмурный, исхудалый, ни съ кѣмъ не говоритъ. Запивать началъ. Розановъ пробовалъ его разговорить — отвѣчаетъ дерзостями. А когда публика изъ мастерской уходила, сядетъ князь Андрей передъ мольбертомъ со святой Варварой и сидитъ цѣлыми часами неподвижно, смотритъ...

Такъ это продолжалось недѣли двѣ слишкомъ, а тамъ и случилось неожиданное и, поистинѣ скажу, ужасное дѣло.

Приходитъ однажды Розановъ домой и спрашиваетъ, дома ли князь Андрей Львовичъ. Слуга ему докладываетъ, что князь спозаранку ушелъ, а самому Розанову записку оставилъ.

Взялъ Розановъ записку и прочелъ. А въ запискѣ вотъ что̀ стояло:

«Прости мой ужасный поступокъ. Я былъ въ безуміи и черезъ минуту уже раскаялся. Я ухожу совсѣмъ, потому что у меня не хватаетъ силъ убить себя». И затѣмъ подпись.

Тогда Розановъ все понялъ. Кинулся онъ въ мастерскую и увидѣлъ, что его божественное произведеніе лежитъ на полу истерзанное, растоптанное, искрошенное ножомъ...

Тогда онъ заплакалъ и сказалъ:

— Мнѣ не жаль картины, а мнѣ жаль его. Зачѣмъ онъ мнѣ не сказалъ, что̀ у него въ душѣ было. Я бы самъ тогда поскорѣе картину продалъ или подарилъ кому-нибудь.

А объ князѣ Андреѣ съ той поры нѣтъ ни слуху ни духу, и никому неизвѣстно, что̀ онъ пережилъ послѣ своего безумнаго поступка.

МЯСО.

I.

Борисъ Полубояриновъ, студентъ-медикъ, проснулся, какъ и всегда, въ началѣ восьмого часа. На дворѣ было свѣтло, хотя солнце еще не всходило; замерзшіе на оконныхъ стеклахъ ледяные узоры — снѣжныя елочки, кладбищенскіе кресты и пальмы — окрасились въ розовый нѣжный цвѣтъ утренней зари. День обѣщалъ быть морознымъ и яснымъ.

Борисъ вскочилъ съ постели и быстро, съ ощущеніемъ здоровой свѣжести и молодой силы во всемъ тѣлѣ, принялся за свой обычный туалетъ. Прежде всего—сильный холодный душъ, заставившій его затрепетать и громко расхохотаться, затѣмъ — полчаса упражненій съ гирями и каучукомъ, послѣ того — тщательное занятіе зубами и ногтями и въ концѣ концовъ — десять минутъ передъ зеркаломъ, посвященныя прическѣ, галстуку и молодымъ, чуть темнѣющимъ усикамъ.

Покончивъ съ туалетомъ, Борисъ позвонилъ. По давно заведенному обыкновенію, лакей принесъ ему четыре только-что сваренныхъ всмятку яйца, накрытыхъ салфеткой, холодное мясо, полбутылки англійскаго портера и чай. Борисъ, живо интересовавшійся гигіеной и читавшій по этому вопросу все, что выходило у насъ и за грани-

цей, уже цѣлый годъ велъ жизнь въ предѣлахъ строгаго и точнаго режима: аккуратность въ распредѣленіи времени, спортъ всѣхъ родовъ и видовъ, хорошее питаніе и отсутствіе излишествъ и волненій. По положенію и связямъ своихъ родителей Борисъ принадлежалъ къ замкнутому и весьма немногочисленному кружку N — скихъ студентовъ-аристократовъ. Этотъ кружокъ, взявшій за образецъ аристократическіе кружки Кембриджа и Оксфорда, ничего не имѣлъ общаго съ тѣми студентами, которые бѣлыми подкладками, исковерканнымъ, разслабленнымъ произношеніемъ, скандалами, лихачами и лжепатріотическими громкими чувствами пріобрѣли себѣ такую некрасивую репутацію. Кружокъ Бориса требовалъ отъ членовъ прежде всего полной корректности и умѣнія держать себя съ той изящной и безукоризненной простотой, которая служитъ лучшимъ доказательствомъ воспитанія и хорошаго тона. Князь Бѣлый-Погорѣльскій, высочайшій типъ истаго джентльмена, первый показывалъ въ этомъ отношеніи товарищамъ недосягаемые примѣры порядочности. Онъ пользовался уваженіемъ всего кружка, къ нему обращались, какъ къ третейскому судьѣ въ щекотливыхъ случаяхъ, его выбирали делегатомъ во всѣхъ рискованныхъ исторіяхъ, гдѣ надо было пустить въ ходъ громкое имя и связи. Тѣмъ не менѣе Prince Pogorelsky всегда оставался на значительномъ разстояніи отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Борисъ втайнѣ обожалъ князя и тщательно копировалъ и покрой его сюртуковъ и его плѣнительную простоту въ обращеніи; отъ него же онъ перенялъ себялюбивую страсть къ гигіенѣ тѣла и къ физическимъ упражненіямъ. Но до высоты своего образца — онъ это чувствовалъ — Борисъ никогда не смогъ бы подняться. Князь Бѣлый-Погорѣльскій изумительно-хорошо владѣлъ рапирой, плавалъ, какъ профессіоналъ, гребъ, какъ матросъ, считалъ за собою два вело-

синедныхъ рекорда, «выбрасывалъ» двумя руками пятипудовую желѣзную штангу, говорилъ по-французски, какъ парижанинъ, и ходилъ пѣшкомъ безъ устали, несмотря на то, что отецъ недавно подарилъ ему пару отличныхъ вороныхъ рысаковъ. Къ князю Погорѣльскому никто изъ малознакомыхъ не посмѣлъ бы подойти, взять его за талію и фамильярно сказать: «Ecoutez, cher ami», какъ это сдѣлалъ недавно въ курилкѣ по отношенію къ Борису Телѣгинъ — фатишка и скандалистъ изъ купеческихъ сынковъ. Но во всякомъ случаѣ Борису льстило, что онъ такъ радушно принятъ въ кружкѣ князя Бѣлаго.

Окончивъ завтракъ, Борисъ посмотрѣлъ въ свой календарь, гдѣ противъ каждаго дня на бѣломъ листкѣ онъ самъ вписывалъ заранѣе, что̀ въ этотъ день надо предпринять. Сегодня день былъ не особенно занятъ: «Анатомическій театръ непремѣнно», «Лекція Т.», «Вечеромъ у В. К.». Первая отмѣтка заставила Полубояринова брезгливо сморщить носъ: посѣщеніе анатомическаго театра онъ давно уже откладывалъ со дня на день изъ какой-то странной нерѣшительности, такъ что въ концѣ концовъ получилъ даже замѣчаніе отъ профессора. Зато послѣднее — «вечеръ у В. К.» — вызвало на губахъ Бориса довольную улыбку. Подъ этими иниціалами подразумѣвалась жена одного изъ пріятелей его отца. Борисъ недавно, всего мѣсяца два тому назадъ, сошелся съ нею. Третьяго-дня онъ узналъ, что мужъ ея сегодня долженъ отправиться въ командировку, и такимъ образомъ цѣлыхъ двое сутокъ были въ распоряженіи Бориса.

II.

Утро было ясное, сверкающее. Снѣгъ, нападавшій ночью и еще не изборожденный полозьями, лежалъ ровными пеленами, розовыми на солнцѣ, синеватыми въ тѣни.

Въ воздухѣ стоялъ прозрачный морозный блескъ, захватывавшій при дыханіи горло.

Борисъ шелъ по направленію къ анатомическому театру большими гимнастическими шагами, засунувъ руки въ карманы лѣтняго пальто (обыкновеніе носить зимою лѣтнее пальто онъ перенялъ у князя Бѣлаго, который въ этомъ случаѣ тоже подражалъ гвардейскимъ офицерамъ). Его радовало и ясное утро, и чувство бодрости и здоровья во всѣхъ членахъ, и веселое, звонкое поскрипываніе снѣга подъ ногами. Въ иныхъ мѣстахъ упругій снѣгъ такъ плотно слежался, что звенѣлъ подъ каблукомъ точно чугунная плита. Порою Бориса обгоняли извозчичьи сани, визжа полозьями, но онъ не хотѣлъ садиться, — на ходьбу Борисъ смотрѣлъ, какъ на физическое упражненіе.

Но по мѣрѣ приближенія къ анатомическому театру Борисъ почувствовалъ, что его мысли принимаютъ непріятный оттѣнокъ. Конечно, пойти необходимо, нечего и говорить. И профессоръ на-дняхъ сказалъ, что, кажется, г. Полубояриновъ не посѣщаетъ анатомическаго театра, и товарищи нѣсколько разъ спрашивали, отчего онъ не приходитъ? Могутъ подумать, что изъ трусости. Но эта пачкотня ужасно противна. Потомъ, навѣрное, цѣлый день будетъ казаться, что руки пахнутъ. И наконецъ Борисъ питаетъ рѣшительное отвращеніе къ покойникамъ. Тутъ не трусость, — это, конечно, было бы смѣшно, — нѣтъ, а просто чувство здороваго, сильнаго человѣка при видѣ смерти и разрушенія. Не будь желанія отца, Борисъ непремѣнно выбралъ бы другой факультетъ, тѣмъ болѣе, что «наши» почти всѣ на юридическомъ, кромѣ этого психопата Мельникова, помѣшавшагося на математикѣ, и двухъ филологовъ, которые готовятся куда-то въ китайскіе посланники. Отецъ держится того мнѣнія, что медицинскій факультетъ одинъ только можетъ пріучить къ по-

стоянному и упорному труду. Странное мнѣніе. Положимъ, ему простительно такъ думать, потому что онъ самъ — медицинское свѣтило.

Вдали показалось громадное сѣрое зданіе анатомическаго театра. По дорогѣ начали Борису попадаться студенты. Они шли туда же кучками по три, по четыре человѣка, съ книгами подъ мышками. Съ нѣкоторыми Борисъ былъ знакомъ и издали раскланялся. Одинъ изъ студентовъ, Затонскій, трудолюбивый и скромный молодой человѣкъ, отдѣлился отъ своихъ товарищей и догналъ Бориса.

— Здравствуйте, Полубояриновъ, — сказалъ Затонскій, задыхаясь отъ быстрой ходьбы. — Вы знаете, что мы съ вами въ одной партіи?

— Да, благодарю васъ, — Борисъ пожалъ ему руку и, видя, что Затонскій хочетъ уйти, задержалъ его и добавилъ: — Пожалуйста, пойдемте вмѣстѣ. Вы знаете, я вѣдь въ первый разъ, такъ не согласитесь ли вы быть моимъ Вергиліемъ?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Затонскій, широко улыбаясь.—Мнѣ самому въ первый-то разъ жутко было.

Но Борисъ не хотѣлъ признаться въ своей нерѣшительности.

— Мнѣ не то, чтобы жутко, — сказалъ онъ:—а просто я не знаю, куда тамъ нужно итти, что̀ дѣлать, ка̀къ держать инструментъ.

— Э, пустяки! Вамъ и рѣзать-то ничего не придется. Такъ, сначала только посмотрите, пока не привыкнете.

III.

Они вмѣстѣ вошли въ шинельную и раздѣлись. Борису казалось, что онъ уже отсюда слышитъ тяжелый, гнилой запахъ. Онъ вздрогнулъ отъ какого-то ощуще-

нія, похожаго на холодъ, и — странно — послѣ этого уже никакъ не могъ согрѣться и все дрожалъ мелкой нервной дрожью.

— Что̀ вы такой блѣдный, Полубояриновъ? — окликнулъ его студентъ, товарищъ Бориса по гимназіи. — Не выспались?

Въ шинельной было тѣсно и шумно. Одни приходили, другіе уходили; дверь поминутно открывалась и закрывалась, впуская каждый разъ рѣзкую холодную струю воздуха. Между молодыми, свѣжими, словно дѣвическими лицами мелькали серьезныя, бородатыя физіономіи студентовъ послѣдняго курса. Эти пользовались правомъ носить штатское платье, и молодежь относилась къ нимъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго почтенія.

Полубояриновъ и Затонскій изъ шинельной прошли въ длинную анатомическую залу, освѣщенную съ обѣихъ сторонъ высокими окнами; цѣлый потокъ яркаго свѣта лился сверху изъ громаднаго стекляннаго купола. Вдоль обѣихъ стѣнъ и посрединѣ, саженяхъ въ двухъ одинъ отъ другого, стояли три длинныхъ ряда высокихъ столовъ, сверху обитыхъ цинкомъ. Затонскій, въ качествѣ опытнаго человѣка, давалъ поясненія.

— Видите, по діагоналямъ желобки? — говорилъ онъ, указывая на поверхность одного незанятаго столика. — Это — для стока всякихъ жидкостей. А посрединѣ отверстіе и трубка, проведенная внутрь стола. Вотъ поглядите. — Затонскій выдвинулъ сбоку стола ящикъ, обитый изнутри металломъ. — Въ этотъ ящикъ все и стекаетъ. Цинковые столы — самые лучшіе. Мраморные, пожалуй, и чище, но зато скользятъ: руку упереть негдѣ. А всего хуже работать на деревянныхъ — тѣ прямо насквозь пропитываются.

Они шли дальше. Запахъ становился все гуще, тяжелѣе и невыносимѣе. Борису казалось, что онъ весь про-

питывается этимъ ужаснымъ запахомъ; голова его слегка кружилась отъ непривычки. Вокругъ одного стола столпились кучкой студенты, и въ просвѣтахъ между ихъ черными сюртуками Борисъ съ содроганіемъ замѣчалъ желтое оголенное тѣло. Онъ подошелъ ближе. На столѣ, лицомъ внизъ, весь голый и—что̀ показалось всего ужаснѣе Борису—безъ подстилки («точно вещь какая»,—подумалъ онъ) лежалъ плотный мужчина съ синей шеей и приподнятыми плечами. Борису особенно бросились въ глаза руки трупа, съ грязными отекшими пальцами, изъ которыхъ большіе были загнуты внутрь, къ ладони. Одинъ изъ студентовъ, въ передникѣ, ловкими движеніями подрѣзывалъ кожу на спинѣ. Отъ разрѣзаннаго свѣжаго трупа пахло сырой говядиной, какъ изъ двери мясной лавки.

Оглянувшись кругомъ, Полубояриновъ замѣтилъ, что почти всѣ столы заняты. Вокругъ двухъ столовъ студентовъ не было — и трупы лежали совсѣмъ на виду, неподвижные, вытянутые, желтые, съ высоко поднятыми грудными клѣтками. И Борисъ съ невольной жадностью и съ выраженіемъ брезгливаго ужаса на лицѣ приковывался глазами къ трупамъ, мимо которыхъ они съ Затонскимъ проходили. И опять его чуткое, повышенное обоняніе различало новый оттѣнокъ запаха: отъ давнишнихъ труповъ, политыхъ дезинфицирующими жидкостями, пахло жаренымъ мясомъ—тѣмъ самымъ запахомъ, который до обѣда дразнитъ аппетитъ, а послѣ обѣда такъ противенъ.

Голова его кружилась сильнѣй и сильнѣй. Его всего болѣе ужасала своей простотой та мысль, что вотъ эти люди, которые ходили, думали, говорили, надѣялись, любили, точно такъ же, какъ и онъ ходитъ, любитъ и думаетъ, вдругъ, въ какія-нибудь двѣ-три минуты, въ силу какого-то непостижимаго, но, вѣроятно, очень простого закона, они стали тѣмъ, чѣмъ они теперь есть: холод-

ными, отвратительными, гніющими предметами. Борисъ, благодаря своему тепличному воспитанію, въ первый разъ столкнулся такъ близко и такъ жестоко съ ужаснымъ лицомъ смерти и съ мыслью о ея неизбѣжности. Конечно, онъ давно зналъ, что люди умираютъ, но зналъ это какъ-то неувѣренно, поверхностно, теоретически, и теперь его привело въ трепетъ то новое для него сознаніе, что и его тѣло, сильное и здоровое, когда-нибудь станетъ такимъ же холоднымъ, страшнымъ предметомъ, какъ и тѣ, что̀ лежатъ на цинковыхъ столахъ. Когда прежде онъ видѣлъ мертвеца при сіяніи свѣчъ, въ кадильномъ дымѣ, въ парчевомъ гробу,—тогда ужасъ смерти смягчался торжественностью обряда и той надеждой на будущую жизнь, которую обѣщали слова печальныхъ молитвъ. Теперь же Бориса въ первый разъ охватило мгновенно страшное значеніе смерти...

IV.

— А вотъ наша партія. Что̀ вы такъ задумались, Полубояриновъ? — сказалъ Затонскій.

Они подошли къ четыремъ стоящимъ въ концѣ залы студентамъ и поздоровались. Кто-то опять замѣтилъ Полубояринову про его блѣдность.

— Ну, теперь всѣ въ сборѣ, можно и за трупомъ итти, — сказалъ высокій и плечистый студентъ Дорошенко, занявшій какъ-то невольно въ партіи роль руководителя. — Айда, братцы, въ трупарню. У насъ 105-й номеръ. Помните?

Всѣ тронулись за нимъ слѣдомъ.

— Что̀ это за 105-й номеръ? — спросилъ Борисъ у своего путеводителя.

— Это номеръ трупа. Ихъ всѣхъ здѣсь по номерамъ расписываютъ. Увидите сами. Хорошо, если еще свѣ-

жій трупъ попадется, а то иной разъ... просто мочи нѣтъ...

У дверей трупарни студентовъ встрѣтилъ Захарычъ, старый севастопольскій унтеръ, сѣдой, пьяный и небритый, но съ николаевской выправкой.

— Какой номеръ?

— 105-й, — отвѣтилъ за всѣхъ Дорошенко.

Захарычъ отворилъ дверь и впустилъ партію. Тяжелый, жирный запахъ на нѣсколько секундъ заставилъ Бориса закрыть лицо руками. Вся комната сплошь была, точно дровами, завалена трупами, и тутъ дѣйствительно Борисъ увидѣлъ, что у каждаго трупа на ногѣ была проставлена грубыми чернильными мазками цифра. Въ углу въ безпорядкѣ валялась куча грязнаго, частью кроваваго тряпья. Все это были одежды, въ которыхъ привезли покойниковъ.

Захарычъ, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, глуповатымъ, вѣчно улыбающимся гигантомъ, положили 105-й номеръ на носилки и подняли. Борисъ видѣлъ, какъ заколыхалась стриженая голова и заколыхались опустившіяся съ носилокъ блѣдныя руки. Но когда несущимъ пришлось около двери сдѣлать поворотъ, то въ кучкѣ студентовъ произошла давка. Кто-то нечаянно толкнулъ Бориса впередъ, и онъ не успѣлъ отстраниться, какъ одна изъ болтающихся холодныхъ каменныхъ рукъ задѣла его по лицу. Борисъ дико вскрикнулъ, затрясся и упалъ безъ чувствъ.

V.

Переодѣвшись дома съ ногъ до головы и надушившись крѣпкой эссенціей модныхъ духовъ, чтобы заглушить преслѣдовавшій его трупный запахъ, Борисъ махнулъ рукой на лекцію и отправился въ «гимнастическое обще-

ство», гдѣ въ эту пору собирался спортсменскій кружокъ князя Бѣлаго-Погорѣльскаго. Его инстинктивно тянуло туда, гдѣ было больше шума и движенія.

Зала, когда въ нее вошелъ Борисъ, была полна. Посрединѣ пять или шесть паръ гимнастовъ въ проволочныхъ маскахъ, въ замшевыхъ нагрудникахъ, съ уродливыми перчатками на рукахъ, фехтовали, громко топая ногами при выпадахъ. Нѣсколько человѣкъ въ трико работали на трапеціяхъ и турникахъ. Пахло здоровымъ потомъ и деревомъ пола, только-что сбрызнутаго водой.

Борисъ прямо прошелъ въ тотъ конецъ залы, гдѣ около пирамиды съ тяжестями собралась густая кучка зрителей, тѣсно обступившая трехъ молодыхъ людей въ трико съ голыми мускулистыми руками и шеями.

— А! Борисъ Ильичъ! Боренька! — послышались навстрѣчу Полубояринову дружескія привѣтствія.—Идите, идите сюда скорѣй! У насъ здѣсь интересное состязаніе.

Борисъ подошелъ ближе и поздоровался съ знакомыми. Состязались: князь Бѣлый, извѣстный мѣстный силачъ податной инспекторъ Шахтинъ и профессіональный геркулесъ изъ цирка — Францъ Ризенкампфъ. Ризенкампфъ внушалъ кружку серьезное опасеніе своими чугунными мышцами, вокругъ которыхъ чуть не лопалась обтягивавшая ихъ кожа.

Состязаніе началось съ пяти пудовъ. Каждый изъ трехъ бралъ, ладонями внутрь, длинную желѣзную штангу съ большими шарами на концахъ, взбрасывалъ ее на грудь, а съ груди толчкомъ всего тѣла выкидывалъ кверху. Послѣ каждаго тура въ шары всыпали горсть или двѣ картечи. Князь отсталъ на 5 1/2 пудахъ. Ризенкампфъ, весь мокрый отъ усилій, еле справлялся со своей тяжестью, пыхтя и багровѣя. Шахтинъ работалъ удивительно чисто и только все болѣе и болѣе блѣднѣлъ,— онъ, какъ и всѣ почти силачи, злоупотребляющіе гирями, страдалъ

порокомъ сердца. Видно было, что побѣда останется за Шахтинымъ.

Но Борисъ на этотъ разъ вяло слѣдилъ за состязаніемъ. Мысли его упорно и однообразно возвращались къ утреннимъ впечатлѣніямъ. Онъ глядѣлъ остановившимися глазами, какъ шарами перекатывались упругія мышцы Ризенкампфа подъ тонкой глянцовитой кожей, и думалъ о томъ, какъ въ этой массѣ, состоящей изъ мяса и костей, когда-нибудь угаснетъ жизнь, точно пламя свѣчи отъ дуновенія, провалятся эти маленькіе, голубые, нѣмецкіе глаза, разлѣзутся и сгніютъ страшные мускулы. И для чего стараться устраивать свою жизнь, для чего хлопотать, наслаждаться, огорчаться, если въ концѣ концовъ единственная цѣль жизни, это—сдѣлать изъ человѣка разлагающуюся мертвую матерію? О, какъ это безсмысленно! И красавецъ Погорѣльскій, и блѣдный силачъ Шахтинъ, и Затонскій—всѣ, всѣ, и—что̀ всего̀ ужаснѣе и несправедливѣе—и онъ самъ, Борисъ, когда-нибудь станетъ такимъ же, какъ этотъ 105 номеръ. Какая же цѣль жизни послѣ этого?

Къ Борису подошелъ художникъ Ивичъ, постоянно съ нимъ фехтовавшій, и, взявъ его подъ руку, спросилъ, будетъ ли онъ сегодня драться. Борисъ задержалъ руку Ивича и пошелъ съ нимъ вдоль залы. Ивичъ всегда очень нравился ему какой-то особенной мягкостью, почти нѣжностью, придававшей его лицу, улыбкѣ и голосу чарующее выраженіе, и Борису вдругъ неудержимо захотѣлось разсказать художнику все, что̀ его въ этотъ день волновало. Разсказъ Бориса былъ нестроенъ, мѣстами неясенъ. Онъ очень спѣшилъ и мучился тѣмъ, что не можетъ найти достаточно сильныхъ и точныхъ выраженій для своихъ мыслей, но тѣмъ не менѣе Ивичъ, слушавшій чрезвычайно внимательно, сразу понялъ то главное, что̀ хотѣлъ выразить Борисъ.

— Это впечатлѣніе и мнѣ знакомо, — сказалъ онъ,

ласково улыбаясь. — Однажды, когда я еще былъ въ Москвѣ, при мнѣ какой-то господинъ бросился въ половодье съ Чугуннаго моста. Народу на мосту — цѣлая пропасть, и всѣ кричали, охали, подавали совѣты, однако помочь никто не рѣшался. А господинъ этотъ то нырнетъ, то опять покажется, и все руками машетъ, судорожно такъ, видно, ужъ самъ не радъ, что бросился. Ну, покамѣстъ тамъ лодки отвязывали да круги спасательные, онъ послѣдній разъ выплылъ, крикнулъ что-то, — разобрать нельзя было, — пошелъ внизъ точно камень, и только надъ нимъ — буль-буль-буль, пузыри запрыгали. Я тогда еще совсѣмъ молодъ былъ, и меня вдругъ точно обухомъ по головѣ хватило: — неужели такая простая штука — человѣческая жизнь? Нѣсколько пузырей — и все кончено, всѣ ощущенія, мысли, чувства! И, помню, меня тогда страшно удивило, что я до тѣхъ поръ какъ будто бы не зналъ, что люди умираютъ, а въ тотъ день вдругъ узналъ и повѣрилъ. Я, знаете, даже думаю, что это ощущеніе долженъ испытать каждый человѣкъ въ періодъ возмужанія.

— Да, вы это очень хорошо выразили!—промолвилъ задумчиво Борисъ.

— А вамъ, — разсмѣялся художникъ и пожалъ руку Борису:—вамъ я совѣтую теперь какъ можно меньше оставаться наединѣ съ самимъ собой. Отправляйтесь-ка вы въ театръ или куда-нибудь на вечеръ, да поухаживайте за женщинами, да вина хорошаго выпейте. Такъ-то и ладно будетъ.

Борисъ посмотрѣлъ на часы. Уже пора было ѣхать къ Валеріи Карловнѣ, но, противъ обыкновенія, онъ не ощущалъ при этой мысли того сладкаго, истомнаго сердцебіенія, которое онъ всегда испытывалъ, отправляясь въ условленный часъ на свиданіе. Валерія Карловна была его первой настоящей связью.

VI.

— Дома барыня?—спросилъ Полубояриновъ отворившую на его звонокъ горничную Стасю.

Онъ всегда задавалъ этотъ вопросъ для соблюденія приличія, такъ какъ отлично видѣлъ по лукавому, хорошенькому личику Стаси, что она посвящена во всѣ тайны своей госпожи.

— Баринъ уѣхалъ, а Валерія Карловна у себя. Пожалуйте!

Борисъ былъ сравнительно очень недавно знакомъ съ Валеріей Карловной. Его представили ей на маленькомъ вечерѣ у Челищевыхъ мѣсяца два съ половиною тому назадъ. Ему сразу очень понравилась эта темная шатенка съ кошачьими движеніями, вся въ завиткахъ, — завитки у нея были и на лбу, и на вискахъ, и на бѣлой прекрасной шеѣ, — съ ртомъ упоительно яркимъ. Если бы онъ былъ тогда наблюдательнѣе и опытнѣе, онъ замѣтилъ бы, что и онъ ей нравится, — по крайней мѣрѣ Челищевы въ тотъ же вечеръ пригласили его посѣщать ихъ домъ. Ему теперь смѣшно было вспомнить, какъ долго онъ оставался въ наивномъ невѣдѣніи. Она первая взяла на себя починъ и анонимнымъ письмомъ назначила ему свиданіе въ маскарадѣ. Онъ влюбился въ нее такъ слѣпо и безразсудно, какъ только можетъ влюбиться подростокъ въ замужнюю женщину, влюбился до такой степени, что ревновалъ ее даже къ мужу, плѣшивому добродушному генералу, державшему гдѣ-то на сторонѣ веселую дѣвицу. Все въ ней ему казалось мило: и едва уловимый польскій акцентъ въ разговорѣ, и нѣкоторая вульгарность въ интимныя минуты, и легкомысленные, насмѣшливые взгляды на семью, замужество и обязанности женщины. Кромѣ того, его мужскому самолюбію чрезвычайно льстила эта связь съ дамой изъ свѣта, и онъ иногда позволялъ себѣ

въ тѣсномъ товарищескомъ кругу, развалившись въ креслѣ, дымя папиросой и положивъ самымъ невозможнымъ образомъ ногу на ногу, разсказывать нѣкоторыя пикантныя подробности своихъ свиданій, разсказывать тономъ стараго, искусившагося мужчины, не называя, впрочемъ, имени.

Валерія Карловна встрѣтила его въ полутемномъ коридорѣ. На ней былъ атласный черный капотъ съ широкими рукавами, разрѣзанными отъ кисти до плеча.

— Милый, милый! — залепетала она, обвивая его шею голыми руками и прижимаясь къ нему. — Ты у меня сегодня до утра? Да? Правда? И завтра тоже, слышишь, непремѣнно, непремѣнно! Онъ на цѣлыхъ два дня уѣхалъ. Дай мнѣ твою шапку.

Она повела его въ свой будуаръ, идя впередъ и держа обѣими руками его руку, точно боясь, что онъ хочетъ уйти. О, какъ хорошо былъ знакомъ Борису этотъ будуаръ — «спальня баядерки», какъ онъ называлъ его мысленно, весь въ цвѣтахъ, установленный турецкими диванами, на которыхъ удобнѣе было лежать, чѣмъ сидѣть, съ китайскими зонтами вмѣсто абажуровъ надъ лампами, весь пропитанный яркимъ запахомъ розы. Сколько разъ, уходя отсюда раннимъ утромъ и ложась дома спать, Борисъ съ наслажденіемъ чувствовалъ отъ своихъ рукъ и лица этотъ тонкій запахъ цвѣтовъ, смѣшанный съ запахомъ пудры и свѣжаго женскаго тѣла.

VII.

Борисъ сѣлъ, а Валерія Карловна принялась болтать, смѣясь и сопровождая разговоръ жестами и мимикой.

— Ты думаешь, мой генералъ такъ прямо взялъ и уѣхалъ? О, нѣтъ. Онъ мнѣ прежде прочелъ родительское внушеніе: «Дитя мое (и она начала копировать гене-

рала), веди себя хорошо, не кушай много фруктовъ, ты знаешь, какъ тебѣ это вредно. Если будешь выходить, закутывайся получше». И потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, заговорилъ дѣтскимъ голосомъ: «Дусецка, будесъ умница, я тебѣ конфетку пливезу». Ахъ, я болтаю, ты, можетъ-быть, кушать хочешь? — перебила она свою болтовню: — я нарочно велѣла твоихъ любимыхъ рябчиковъ достать.

Въ столовой она сняла крышку съ одного изъ блюдъ, стоящихъ на столикѣ, накрытомъ на два прибора. Запахъ жареной птицы заставилъ Бориса вздрогнуть отъ отвращенія.

— Ахъ, ради Бога, не надо! Закрой! Закрой скорѣе! — сказалъ онъ, морщась и махая руками. — Будь добра, налей лучше мнѣ вина.

Она исполнила его просьбу, потомъ, шумя капотомъ и шелковой юбкой, опустилась передъ нимъ на колѣни и, взявъ его руки въ свои, опять принялась щебетать:

— У меня нынче была Софи Ренталь, и, вообрази, мы говорили о тебѣ. Она тебя находитъ недурнымъ. Какая дерзость! А я только улыбнулась, конечно, незамѣтно для нея, и говорю: «Удивляюсь, что̀ вамъ можетъ въ немъ нравиться! Такъ себѣ, мальчикъ бѣлобрысый, да и не мужчина еще». Ты, конечно, знаешь, милый, я ей это нарочно сказала. Ты лучше всѣхъ въ мірѣ. Ты мой милый, милый, милый, милый...

И, повторяя это слово и смѣясь, она съ каждымъ разомъ цѣловала поочередно его руки. Онъ нагнулся, чтобы поднять ее. Она, какъ будто бы этого и ждала, вскочила къ нему на колѣни и жадно прильнула своимъ прекраснымъ ртомъ къ его губамъ.

Борисомъ внезапно овладѣло брезгливое чувство. Запахъ дичи и ощущеніе голыхъ рукъ на щекахъ вдругъ

съ ужасной силой перенесли его въ анатомическій театръ, и онъ съ поразительной ясностью вспомнилъ болтавшуюся мертвую руку, задѣвшую его по лицу. Одно мгновеніе ему даже показалось, что онъ галлюцинируетъ, и ему сдѣлалось тошно.

— Извини, Валя, — сказалъ Борисъ, вставая и осторожно освобождаясь изъ ея объятій:—я сегодня страшно разстроенъ и не могу долго быть.

Онъ протянулъ ей руку, но она не двигалась и, крѣпко закусивъ нижнюю губу, тяжело дышала.

— Дай мнѣ фуражку! — сказалъ Борисъ. — Я обѣщаю, что приду завтра.

Она вся вспыхнула, бросила его шапку на полъ и почти закричала:

— Вотъ ваша шапка! Идите!.. Вы помните нашъ адресъ? Жандармская, 35. Такъ вотъ... забудьте его навсегда... Мальчишка!

VIII.

Придя домой, Полубояриновъ долго ходилъ взадъ и передъ по своему кабинету. Голова его горѣла, въ виски что-то стучало напряженно, неровно и часто.

— Боже мой, Боже мой! — шепталъ онъ тоскливо. — Жить и постепенно этого ожидать, каждый день, каждую минуту! А потомъ? Потомъ будешь лежать, какъ тѣ голые, будешь лежать годъ, двадцать лѣтъ, сто... И объ этомъ позабудутъ... всѣ... Для чего же мнѣ эта жизнь, если я каждую секунду долженъ думать о смерти? Ахъ, какъ все это гадко, какъ это все гадко!

Въ это время его взглядъ упалъ на револьверъ, висѣвшій надъ диваномъ на гвоздикѣ. Борисъ взялъ его, взвелъ курокъ и посмотрѣлъ на барабанъ. Всѣ шесть гнѣздъ были заряжены. Борисъ сѣлъ передъ зеркаломъ

и, взявъ дуло въ ротъ, положилъ палецъ на собачку.

«Вѣдь какая глупость—жизнь,—мелькнуло у него въ головѣ, точно какой-то отрывокъ изъ стараго романа:—маленькій свинцовый шарикъ въ одну секунду погаситъ ее, и царь природы, со всѣми радостями и огорченіями, станетъ кускомъ земли. Стоитъ только надавить на собачку и...»

Борисъ слегка нажалъ палецъ. Собачка упруго подалась.

Борисъ поглядѣлъ на себя въ зеркало и увидѣлъ блѣдное лицо съ испуганно блестящими глазами. Сердце его такъ и колотилось въ груди.

«Ну, теперь еще... чуть-чуть...»

Собачка еще подалась, но съ большой упругостью.

«Теперь одно только ничтожное усиліе, и конецъ!—подумалъ съ ужасомъ Борисъ.—Ну!..»

Вдругъ имъ овладѣлъ такой ужасъ смерти, что, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, онъ швырнулъ револьверъ на кровать.

«Жить! Жить! Жить!—точно закричали въ немъ тысячи оглушающихъ голосовъ.—Жить во что бы то ни стало, какъ можно больше, какъ можно шире!»

И Борису страшно захотѣлось сейчасъ же, сію минуту прильнуть къ чашѣ жизненныхъ радостей и пить изъ нея до усталости, до самозабвенія. «Къ Валеріи!»—жадно закричало у него въ головѣ, и онъ, быстро схвативъ фуражку, безъ пальто и калошъ, выбѣжалъ на улицу . . . . . .

. . . . . .

— Милый мой,—говорила на разсвѣтѣ Валерія Карловна, провожая до двери усталаго, блѣднаго, едва стоявшаго на ногахъ, но счастливаго Бориса:—отчего ты сегодня былъ такой странный, точно...—она задумалась,

пріискивая выраженіе: — точно ты за одинъ день большимъ сдѣлался, мой мальчикъ?

Онъ посмотрѣлъ на нее, засмѣялся и, вспомнивъ слова художника, отвѣтилъ:

— Да, Валя, ты нашла настоящее слово. Я сдѣлался большимъ, потому что понялъ жизнь и смерть. Теперь уже поздно, а завтра ночью я тебѣ разскажу все подробно.

ПЕЧАЛЬНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

(О Комарѣ, Слонѣ и Верблюдѣ. Эта исторія случилась какъ разъ подъ Новый годъ, и была такая печальная, что многія дѣти плакали, когда ее читали).

На одной изъ улицъ Главнаго Верблюда жилъ Старый Слонъ. Старый, древній Слонъ. Прожилъ онъ на своемъ вѣку лѣтъ двѣсти. Это, если считать по пальцамъ на рукахъ и на ногахъ, то придется считать цѣлый день. Старше его были только: Воронъ, Попугай и Змѣя.

Слонъ раньше работалъ въ циркѣ, ходилъ по канату и по бутылкамъ, стоялъ на заднихъ лапахъ, а также игралъ на шарманкѣ. Была у него одна пѣсенка, особенно любимая, про Чижа, печальная-препечальная. Начиналась она такъ: ми—до—ми—до—фа—ми—ре.

У этого Слона былъ другъ Комаръ. Жилъ Комаръ на Собачьихъ Выселкахъ и пускалъ кровь разнымъ звѣрямъ. Очень онъ любилъ музыку. Какъ, бывало, Слонъ заиграетъ Чижиную пѣсню, сейчасъ Комаръ прилетитъ и сядетъ на шарманку. Сидитъ и слушаетъ.

«Чижикъ, Чижикъ, гдѣ ты былъ»... И оба размякнутъ. Плачетъ Слонъ, и у Комара слеза идетъ.

Вотъ какъ-то разъ и прилетѣлъ Комаръ къ Слону. Поговорили о томъ, о семъ, о пятомъ и десятомъ, немножко посплетничали о Быкѣ, о Страусѣ, о Верблюдѣ. Наконецъ Комаръ и говоритъ:

— А ну-ка, старикъ, сыгралъ бы ты мнѣ что-нибудь? А? Для слуха.

А Слонъ только того и дожидался, у него даже глаза загорѣлись. Взялся хоботомъ за ручку и заигралъ. А Комаръ тоненько-претоненько запищалъ:

«Чижикъ, Чижикъ».

Не могъ Слонъ эту пѣсню играть безъ слезъ, и расплакался, и Комаръ тоже расплакался; ползетъ да ползетъ по шарманкѣ все ближе къ Слону, чтобы лучше слышать, а Слонъ какъ всхлипнетъ, какъ потянетъ носомъ, такъ Комара къ себѣ въ носъ и втянулъ.

Кончилъ играть. — Гдѣ мой Комаръ? Гдѣ мой Комаръ?

— Гдѣ? Гдѣ?

Сломалъ дерево. Опрокинулъ домъ. Кричалъ такъ, что разбудилъ весь городъ. Нѣтъ и нѣтъ Комара. Только на другой день его вычихнулъ. Но ужъ куда! Совсѣмъ дохлый Комаръ и даже ножками не дрыгаетъ.

ЧЕРНЫЙ ТУМАНЪ.

Петербургскій случай.

Помню отлично, какъ онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ съ своего лѣниваго, жаркаго, чувственнаго юга. Такъ отъ него и вѣяло черноземной силой, сухимъ и знойнымъ запахомъ ковыля, простой поэзіей тихихъ зорь, гаснущихъ за деревьями вишневыхъ садиковъ. Казалось, что конца не будетъ его неистощимому степному здоровью, и его свѣжей, наивной непосредственности.

Прямо съ поѣзда вторгся онъ въ меблированныя комнаты, гдѣ я жилъ. Это было зимою, въ семь часовъ утра, когда на петербургскихъ улицахъ еще горятъ фонари, а усталыя клячи влекутъ по домамъ спящихъ ночныхъ извозчиковъ. Онъ былъ неумолимъ. Онъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ номерной дѣвушки и говорилъ зычнымъ голосомъ на весь коридоръ:

— Что̀ ты мнѣ будешь разсказывать? Хиба жъ я его не знаю? Онъ же мнѣ больше, чѣмъ родной братъ. Ну, чего тамъ... показывай, гдѣ!..

Мы вмѣстѣ съ нимъ учились въ одной южной гимназіи, гдѣ онъ, однако курса не окончилъ. Я любилъ его, правда, не больше, чѣмъ родного брата, — это онъ преувеличилъ впопыхахъ, — но все-таки любилъ искренно и тепло. Однако, хотя я и сразу узналъ его голосъ съ

этими гортанными, мягкими «г», съ провинціальной широтой діапазона, — я не могу сказать, чтобы въ первый моментъ я особенно сильно обрадовался. Знаете, если человѣкъ проваландался цѣлую ночь, по случаю первопутка, за городомъ и легъ въ постель около четырехъ часовъ утра, да еще легъ съ не совсѣмъ свѣжей головой, и если еще при этомъ ему предстоитъ днемъ серьезная и срочная работа... Словомъ, я ругался подъ своимъ одѣяломъ и твердо рѣшилъ, если онъ войдетъ, притвориться спящимъ или мертвымъ, какъ жукъ, котораго положили на ладонь.

Не тутъ-то было. Онъ ураганомъ ворвался ко мнѣ въ номеръ, облобызалъ меня со стремительной радостью, поднялъ на рукахъ съ кровати, какъ ребенка, еще разъ облобызалъ и принялся тормошить. На него невозможно было сердиться. Съ мороза отъ него такъ вкусно пахло яблоками и еще чѣмъ-то здоровымъ, крѣпкимъ, усы и борода были мокры, лицо горѣло свѣжимъ румянцемъ, глаза блестѣли.

— Ну, ну, чего тамъ валяться, вставай!— кричалъ онъ возбужденно. — Вставай, а не то я тебѣ салазки сейчасъ загну.

— Послушай, ты, жалкій, несчастный провинціалъ, — пробовалъ я его усовѣстить: — у насъ въ Петербургѣ никто не встаетъ раньше одиннадцати. Прилягъ на диванъ, или спроси чаю, или пошли за газетами и читай, но дай мнѣ подремать хоть съ полчаса.

Нѣтъ, на него ничто не дѣйствовало. Онъ былъ такъ начиненъ разсказами о прошломъ и планами на будущее, такъ переполненъ новыми впечатлѣніями, что, кажется, готовъ былъ лопнуть подъ ихъ напоромъ, не служи я ему въ видѣ спасительнаго клапана. Во-первыхъ, поклоны: оказывается, всѣ меня до сихъ поръ помнятъ, любятъ и съ удовольствіемъ читаютъ мои экономическія статьи. Я былъ

польщенъ и дѣлалъ видъ, что не забылъ ни одно изъ этихъ диковинныхъ именъ, всѣхъ этихъ Гузиковъ, Палабухъ, Лядушенко, Чернышей и прочихъ добрыхъ знакомыхъ. Во-вторыхъ, Петербургъ совершенно ошеломилъ его:

— Чортъ его батька знаетъ, какой городище! Что ты думаешь: у вокзала только одни лихачи стоятъ. Ни одного ваньки!

— Лихачи? — спросилъ я съ сомнѣніемъ.

— А ей-Богу! Я, не разобравши, сѣлъ на одного, гляжу, а онъ на резинахъ. Ну, думаю, влетѣлъ я. Хотѣлъ-было ужъ назадъ лѣзть, да стыдно стало, тутъ городовой стоитъ и всѣхъ торопитъ. Хорошо еще, что дешево отдѣлался, всего полтора цѣлковыхъ.

— Гмм... самое большое нужно было платить полтинникъ, — замѣтилъ я.

— Ну, это ты, братецъ, тоже бре-бре... Чтобы лихачу въ такой конецъ полтинникъ?.. Охъ, и улица же у васъ! А народъ-то, Господи — точно у насъ на паромѣ. Такъ и бѣгутъ, такъ и бѣгутъ. А на одномъ мосту, братецъ, четыре лошади. Ты видѣлъ? Здорово! Хорошо, братецъ, у васъ живутъ!

Онъ такъ все время и говорилъ: у васъ и у насъ, — черточка, общая всѣмъ провинціаламъ. Немало поразили его также и костры, разложенные по случаю сильнаго холода на перекресткахъ улицъ.

— Это же для чего? — спрашивалъ онъ меня съ наивнымъ любопытствомъ.

Я отвѣтилъ совершенно серьезно:

— Это, видишь ли, городская управа отапливаетъ улицы. Для того, чтобы въ казенныхъ учрежденіяхъ выходило меньше дровъ...

Онъ сдѣлалъ круглые глаза и совершенно круглый, глупый ротъ, и отъ удивленія могъ произнести только одинъ звукъ:

— О?!

Но потомъ опомнился и принялся хохотать — хохотать раскатисто, оглушительно, молодо. Я вынужденъ былъ ему напомнить, что всѣ жильцы въ номерахъ еще спятъ, что перегородки сдѣланы изъ папье-маше, и что мнѣ не хотѣлось бы выслушивать отъ хозяйки замѣчанія.

Пришла Приша съ самоваромъ. Она искоса посматривала на Бориса съ такимъ же выраженіемъ недовѣрія и тревоги, какъ глядѣла бы на лошадь, которую ввели въ комнату. Она была истая петербургская горничная, дѣвушка щепетильная и «не безъ понятіевъ».

Въ пять часовъ мы обѣдали на Невскомъ въ огромномъ и скверномъ ресторанѣ. Двухсвѣтная зала, румыны, плюшевая мебель, электричество, зеркала, видъ монументальнаго метрдотеля, а въ особенности зрѣлище восьмипудовыхъ, величественно-наглыхъ лакеевъ во фракахъ, съ крутыми усищами на толстыхъ мордахъ, — все это совершенно ошеломило моего наивнаго друга. Во все время обѣда онъ сидѣлъ растерянный, неловкій, заплетая ноги за переднія ножки стула, и только за кофе сказалъ со вздохомъ, медленно качая головой:

— Н-да-а... ресторація... У насъ бы не повѣрили... Прямо капище Ваала и жрецовъ его. Ужъ лучше бы ты меня привелъ куда попроще. А здѣсь я вижу все одну только аристократію. Навѣрно, все князья и графы. (Увы, я долженъ сознаться, что онъ выговаривалъ «грахвы», съ мягкимъ «г» и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ).

Но вечеромъ, у меня въ номерѣ, онъ опять оживился. Тутъ я его спросилъ въ первый разъ серьезнымъ и положительнымъ образомъ, что онъ однако намѣренъ съ собою дѣлать дальше. До сихъ поръ мы касались этого вопроса, второпяхъ, какъ-то разбросанно и фантастично.

Онъ напыжился, точно молодой пѣтушокъ, и отвѣтилъ гордо:

— Я пріѣхалъ завоевывать Петербургъ!

Такія именно слова часто произносятъ у французскихъ романистовъ ихъ молодые герои, только-что пріѣхавшіе въ Парижъ и глядящіе на него съ высоты какого-нибудь чердака. Я улыбнулся скептически. Онъ замѣтилъ это и сталъ съ особенной горячностью, комичность которой усиливалась его хохлацкимъ говоромъ, убѣждать меня, что въ его лицѣ даровитый, широкій провинціальный югъ побѣждаетъ анемичный, безтемпераментный, сухой столичный сѣверъ. Это неизбѣжный законъ борьбы двухъ характеровъ, и исходъ ея всегда легко предугадать. О, можно привести сколько угодно именъ. Министры, писатели, художники, адвокаты. Берегись, дряблый, холодный, блѣдный, скучный Петербургъ! Югъ идетъ!

Мнѣ хотѣлось ему вѣрить, или, вѣрнѣе, не хотѣлось его разочаровывать. Мы помечтали вмѣстѣ. Онъ досталъ изъ корзины бутылку славной домашней сливянки, и мы ее дружно распили.

— А шо (онъ выговаривалъ вмѣсто «что» — «шо»)? А шо? Дѣлаютъ у васъ въ Питерѣ такую сливовицу?—спрашивалъ онъ презрительно и гордо. — Вотъ то-то. А ты еще споришь!..

Понемногу онъ устроился. Я поселилъ его рядомъ съ собою, въ тѣхъ же самыхъ меблированныхъ комнатахъ, пока въ кредитъ, въ чаяніи трофеевъ отъ будущихъ побѣдъ надъ дряблымъ сѣверомъ. Удивительно, онъ сразу завоевалъ общую благосклонность, оттѣснивъ на задній планъ прежняго фаворита — поэта съ рыжими, курчавыми волосами, какъ у картиннаго дьякона. Хозяйка (всѣмъ извѣстно, что такое петербургская хозяйка меблированныхъ комнатъ: полная сорокапятилѣтняя дама, съ завитушками въ родѣ штопоровъ на лбу, всегда въ черномъ платьѣ и затянутая въ корсетъ) — хозяйка часто приглашала его по утрамъ къ себѣ пить кофе — высо-

кая честь, о которой многіе, даже старинные жильцы никогда не смѣли мечтать. Онъ за эту любезность разсказывалъ ей содержаніе утреннихъ газетъ и давалъ ей дѣльные совѣты въ безчисленныхъ сутяжническихъ дѣлахъ («вѣдь всякому лестно обидѣть бѣдную вдову!..»). Чортъ возьми, онъ, какъ истый хохолъ, былъ, при всей своей кажущейся простотѣ, очень ловкимъ и практичнымъ малымъ, съ быстрой сметкой и съ добродушнымъ лукавствомъ. Привыкла къ нему и Ирина и даже, кажется, поглядывала на него съ такимъ... впрочемъ, я не хочу сплетничать. Скажу однако, что онъ былъ очень красивъ въ эту пору: высокій, крѣпкій, съ меланхолическими черными глазами и со смѣющимся молодымъ, краснымъ ртомъ подъ темными хохлацкими усами.

Онъ былъ болѣе правъ, чѣмъ я, старый петербургскій скептикъ. Ему повезло. Можетъ-быть, это происходило оттого, что вообще человѣкъ бодрый и самоувѣренный въ такой же степени умѣетъ подчинить себѣ судьбу, въ какой стпеени судьба вертитъ и швыряетъ въ разныя стороны людей растерянныхъ и слабыхъ. А можетъ-быть, ему просто помогали тѣ своеобразныя черты характера, которыя онъ привезъ съ собою изъ нѣдръ провинціальнаго юга: хитрость, наблюдательность, безмятежный и открытый тонъ рѣчи, природная склонность къ юмору, здоровые нервы, неиздерганные столичной сутолокой? Можетъ-быть, тутъ было и то и другое, но, во всякомъ случаѣ, я долженъ былъ признать, что въ его лицѣ югъ наглядно и успѣшно завоевываетъ сѣверъ.

Мой пріятель быстро, въ какихъ-нибудь три-четыре дня, нашелъ себѣ занятія въ управленіи одной изъ крупнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ и уже черезъ мѣсяцъ обратилъ на себя вниманіе начальства. Ему поручили провѣрить какіе-то тамъ графики движеній поѣздовъ, или что-то въ этомъ родѣ. Все дѣло можно было легко окон-

чить въ недѣлю или въ двѣ, но Борисъ почему-то особенно упорно и настойчиво имъ заинтересовался. Онъ бѣгалъ зачѣмъ-то въ Публичную Библіотеку, таскалъ къ себѣ на домъ толстые справочники, сплошь наполненные цифрами, дѣлалъ по вечерамъ таинственныя математическія выкладки. Кончилось все это тѣмъ, что онъ представилъ своему начальству такую схему движенія пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ, которая совмѣщала въ себѣ и простоту, и наглядность, и многія другія практическія удобства. Его похвалили и отмѣтили. Черезъ полгода онъ уже получалъ полтораста рублей въ мѣсяцъ и завѣдывалъ почти самостоятельной службой.

Но, кромѣ того, онъ имѣлъ постоянные уроки музыки— онъ былъ отличный музыкантъ, писалъ для газетъ статьи, и дѣльныя статьи, по желѣзнодорожнымъ вопросамъ, пѣлъ по субботамъ и воскресеньямъ въ извѣстномъ церковномъ хорѣ, а также иногда и въ оперныхъ и въ опереточныхъ хорахъ. Работать онъ могъ поразительно много, но безъ натуги, безъ насилія надъ собой, а какъ-то естественно-легко, съ развальцемъ, съ шуточкой, съ наружной лѣнивой манерой. И, всегда съ лукавой усмѣшечкой, онъ все къ чему-то присматривался и примѣривался, и выходило такъ, какъ будто бы онъ только игралъ съ настоящимъ, разминалъ свои непочатыя силы, но въ то же время зорко и терпѣливо поджидалъ своей линіи. Для какихъ-то тайныхъ, далекихъ, извѣстныхъ только ему одному, цѣлей изучалъ онъ по самоучителямъ Туссена и Лангеншейдта французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Я слышалъ иногда, какъ онъ за стѣнкой повторялъ съ ужасающимъ прононсомъ: «л'абель бурдонъ, ла мушъ воль». Когда я спрашивалъ, для чего это ему нужно, онъ отвѣчалъ съ лукавымъ простодушіемъ: «А такъ. Все равно нема никакого дѣла».

Онъ умѣлъ веселиться. Гдѣ-то, на Васильевскомъ

Островѣ онъ отыскалъ своихъ земляковъ, «полтавскихъ хлопцевъ», которые ходили въ вышитыхъ рубашкахъ съ ленточками вмѣсто галстуковъ и въ широчайшихъ шароварахъ, засунутыхъ въ сапоги, курили люльки, при чемъ демонстративно сплевывали на полъ, черезъ губу, говорили «эге жъ» и «хиба» и презирали кацаповъ съ ихъ городской культурой. Я былъ раза два на ихъ вечеринкахъ. Тамъ пили «горилку», но не здѣшнюю, а какую-то особенную, привезенную «видтыля», ѣли ломтями розовое свиное мясо; ѣли толстыя, огромныя колбасы, которыя были такъ велики, что ихъ надо было укладывать на тарелкѣ спиралью въ десять или пятнадцать оборотовъ. Но также тамъ и пѣли—пѣли чудесно, съ необыкновенной грустью и стройностью. И, какъ теперь, помню я Бориса, когда, проведя нервно рукой по своимъ длиннымъ, красивымъ, волнистымъ волосамъ, онъ начиналъ запѣвъ старинной казацкой пѣсни:

Ой, у поли жито
Копытами сбито...

Голосъ былъ у него теплый, нѣжный, чуть-чуть вибрирующій, и когда я его слышалъ, то каждый разъ у меня что-то щекотало и вздрагивало въ груди, и хотѣлось безпричинно плакать.

А потомъ опять пили горилку и подъ конецъ «вдаряли гопака». Пиджакъ летѣлъ съ широкихъ плечъ Бориса въ уголъ комнаты, а самъ онъ лихо носился изъ конца къ конецъ и притопывалъ «чоботами», и присвистывалъ, и лукаво поводилъ черными бровями.

Ой, кто до кого,
А я до Параски,
Бо у меня чортъ ма штанивъ,
А въ нее запаски...

Онъ сдѣлался главой этого милаго хохлацкаго хутора, затерявшагося среди суровыхъ параллельныхъ улицъ Пе-

тербурга. Было въ немъ что-то влекущее, чарующее, неотразимое. И все удавалось ему шутя, словно мимоходомъ. Теперь я уже окончательно вѣрилъ въ его побѣду надъ сѣверомъ, но что-то необъяснимое, что-то тревожное не выходило изъ моей души, когда я думалъ о немъ.

Началось это весной. Вскорѣ послѣ Пасхи, которая была въ томъ году поздней, мы поѣхали съ нимъ однажды на острова. Былъ ясный, задумчивый, ласковый вечеръ. Тихія воды рѣкъ и каналовъ мирно дремали въ своихъ берегахъ, отражая розовый и лиловый свѣтъ погасавшаго неба. Молодая, сѣроватая зелень прибрежныхъ и черныхъ столѣтнихъ липъ такъ наивно и такъ радостно смотрѣлась въ воду. Мы долго молчали. Наконецъ, подъ обаяніемъ этого прелестнаго вечера, я сказалъ медленно:

— Какъ хорошо! За одинъ такой вечеръ можно влюбиться въ Петербургъ.

Онъ не отвѣтилъ. Я поглядѣлъ на него украдкой, сбоку. Лицо его было пасмурно и точно сердито.

— Тебѣ не нравится? — спросилъ я.

Борисъ слабо, съ выраженіемъ досады, махнулъ рукой.

— Э, декорація! — произнесъ онъ брезгливо. — Все одно, какъ въ оперѣ. Развѣ же это природа?..

Черные глаза его вдругъ приняли странное, мечтательное выраженіе, и онъ заговорилъ тихимъ, отрывистымъ, волнующимъ голосомъ:

— Теперь вотъ въ Малороссіи такъ настоящая весна. Цвѣтетъ черемуха, калина... Лягушки кричатъ по заводямъ, поютъ соловьи... Тамъ ночь, такъ ужъ ночь, — черная, жуткая, съ тайной страстью... А дни какіе теперь тамъ стоятъ!.. Какое солнце, какое небо! Что̀ ваша Чухонія? Слякоть...

Онъ отвернулся въ сторону и замолчалъ. Но я понялъ уже инстинктомъ, что въ сердцѣ моего друга совершается что-то неладное, нездоровое.

И вправду, начиная съ этого вечера, Борисъ затосковалъ и точно опустился. Я уже не слышалъ за стѣной его мелодичнаго мурлыканья; онъ уже не влеталъ ко мнѣ бомбой въ комнату по утрамъ; пропала его обычная разговорчивость. И только когда заходила рѣчь о Малороссіи, онъ оживлялся, глаза его дѣлались мечтательными, прекрасными и жалкими, и точно глядѣли вдаль, за многія сотни верстъ.

— Поѣду я на лѣто туда!— говорилъ онъ рѣшительно. — Какого чорта! Хоть отдохну немного отъ проклятаго Питера.

Но поѣхать ему «туда» такъ и не удалось. Служба задержала его. Среди лѣта мы простились, — обстоятельства гнали меня за границу. Я оставилъ его грустнымъ, раздраженнымъ, въ конецъ измученнымъ бѣлыми ночами, которыя вызывали въ немъ безсонницу и тоску, доходившую до отчаянія. Онъ проводилъ меня на Варшавскій вокзалъ.

Вернулся я обратно въ самый разгаръ отвратительной, мокрой, туманной петербургской осени. О, какъ памятны мнѣ эти первыя, печальныя, озлобляющія впечатлѣнія. Грязные тротуары, мелкій, неперестающій дождикъ, сѣрое, какое-то ослизлое небо, и на фонѣ этой картины грубые дворники со своими метлами, обдерганные, запуганные извозчики, женщины въ уродливыхъ барашковыхъ калошахъ, съ мокрыми подолами юбокъ, желчные, сердитые люди съ вѣчнымъ флюсомъ, кашлемъ и человѣконенавистничествомъ. Но еще болѣе поразила и огорчила меня перемѣна, происшедшая съ Борисомъ.

Когда я вошелъ къ нему, онъ лежалъ одѣтый на неубранной постели, заложивъ подъ голову руки, и не поднялся при моемъ появленіи.

— Борисъ, здравствуй! — сказалъ я, уже что-то предчувствуя, и встрѣтилъ холодный отчужденный взглядъ.

Потомъ онъ, очевидно, рѣшилъ, что нужно поздороваться, всталъ, какъ будто по обязанности поцѣловался со мной и опять легъ. Большихъ усилій стоило мнѣ уговорить его пойти пообѣдать куда-нибудь въ ресторанъ. Дорогой онъ молчалъ, шелъ сутулый, безучастный, точно его вели по веревочкѣ, и всякій вопросъ мнѣ приходилось повторять по два раза.

— Послушай, да что это наконецъ съ тобой? Подмѣнили тебя, что ли? — говорилъ я, трогая его за плечо.

Онъ досадливо отмахнулся.

— Такъ... надоѣло все...

Нѣкоторое время мы шли рядомъ, не разговаривая. Я вспомнилъ его неубранную, затхлую комнату, безпорядокъ, сухіе куски хлѣба на столѣ, окурки на блюдечкахъ, и сказалъ рѣшительно и съ возбужденіемъ:

— Знаешь что, милый другъ, — ты, по-моему, просто-напросто боленъ... да нѣтъ, ты не маши руками, а слушай, что я тебѣ скажу. Эти вещи запускать не слѣдуетъ... деньги-то у тебя есть...

У меня быстро созрѣлъ планъ лѣченія моего захандрившаго друга, немного, правда, устарѣвшій, немного пошлый и, если хотите, немного даже гнусный. Просто-напросто я рѣшилъ свезти его въ какое-нибудь мѣсто злачное, гдѣ поютъ и танцуютъ, гдѣ люди сами не знаютъ, что дѣлаютъ, но увѣрены, что веселятся, и этой увѣренностью заражаютъ другихъ.

Пообѣдавъ гдѣ-то, къ одиннадцати часамъ отправились мы въ Аквариумъ, чтобы создать настроеніе кутежа. Взялъ я лихача, и помчалъ онъ насъ мимо брани встрѣчныхъ извозчиковъ, мимо облитыхъ грязью пѣшеходовъ.

Я поддерживалъ колеблющуюся, исхудавшую спину Борпса; онъ попрежнему упорно молчалъ и только разъ недовольно сказалъ:

— Куда мы такъ спѣшимъ?

Густая толпа, дымъ, гамъ оркестра, голыя плечи женщинъ, подкрашенные глаза, бѣлыя пятна столовъ, красныя, оскотинившіяся лица мужчинъ — весь этотъ шабашъ пьянаго веселья подѣйствовалъ на Бориса совсѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. По моей просьбѣ онъ пилъ, но не пьянѣлъ, и взглядъ его становился все тоскливѣе. Толстая напудренная женщина въ страусовомъ боа на голой жирной шеѣ подсѣла къ намъ на минуту, попробовала заговорить съ Борисомъ, потомъ испуганно посмотрѣла на него и молча быстро ушла, и въ толпѣ еще разъ оглянулась на нашъ столикъ. И мнѣ отъ этого взгляда сдѣлалось жутко, точно я заразился чѣмъ-то смертельнымъ, точно возлѣ насъ стоялъ кто-то черный и молчаливый.

— Выпьемъ, Борисъ!—крикнулъ я, пересиливая шумъ оркестра и звонъ посуды.

Сморщившись, какъ отъ зубной боли, онъ сказалъ что-то нѣмымъ движеніемъ губъ, и я угадалъ фразу:

— Уйдемъ отсюда...

По моему настоянію, изъ Акваріума мы поѣхали еще въ одно мѣсто и вышли изъ него на разсвѣтѣ въ холодныя, синія сумерки ранняго петербургскаго утра. Улица, по которой мы шли, была длинная и узкая, какъ коридоръ. Отъ сонныхъ каменныхъ пятиэтажныхъ ящиковъ вѣяло холодомъ ночи. Невыспавшіеся дворники шаркали метлами, передергивали плечами озябшіе ночные извозчики и ругались хрипло. Спотыкаясь, навалясь грудью на веревку, срединой улицы везли мальчишки нагруженныя платформы. Въ дверяхъ мясныхъ лавокъ висѣли красныя, развороченныя туши мертвой, отвратительной говядины. Борисъ шелъ понуро, потомъ вдругъ схватилъ меня за руку и крикнулъ, указывая въ конецъ улицы:

— Вотъ онъ... вотъ...

— Что̀ такое? — спросилъ я испуганно.

— Видишь... туманъ.

Пятые этажи тонули во мглѣ, которая, точно обвисшее брюхо черной змѣи, спускалась въ коридоръ улицы и затаилась и замерла, нависнувъ, какъ будто приготовилась кого-то схватить...

Борисъ трясъ меня за руку и говорилъ съ глазами, загорѣвшимися внезапной злобой:

— Понимаешь ты, что̀ это такое? Понимаешь — это городъ дышитъ, это не туманъ, а дыханіе этихъ камней съ дырами. Здѣсь вонючая сырость прачечныхъ, копоть каменнаго угля, здѣсь грѣхъ людей, ихъ злоба, ненависть, испаренія ихъ матрацовъ, запахъ пота и гнилыхъ ртовъ... Будь ты проклятъ, анаѳема, звѣрь, звѣрь — ненавижу!

Голосъ Бориса ломался и звенѣлъ. Костлявыми кулаками онъ трясъ въ воздухѣ.

— Успокойся, — говорилъ я, обнимая его за плечи.— Ну, успокойся, — смотри, ты пугаешь людей.

Борисъ поперхнулся и закашлялся надолго.

— Смотри, — сказалъ онъ, корчась отъ кашля, и показалъ мнѣ платокъ, въ который плюнулъ.

И я увидѣлъ на бѣлизнѣ платка большое кровавое пятно:

— Это онъ меня съѣлъ... туманъ...

Молча мы подходили къ его квартирѣ.

Въ апрѣлѣ, передъ Пасхой, я зашелъ какъ-то къ Борису. День былъ на рѣдкость теплый. Пахло талымъ снѣгомъ, землей, и солнце свѣтило застѣнчиво и робко, какъ улыбается помирившаяся женщина послѣ слезъ. Онъ стоялъ у открытой форточки и нюхалъ воздухъ. Когда

я вошелъ, Борисъ обернулся медленно, и на лицѣ у него было какое-то ровное, умиротворенное, дѣтское выраженіе.

— Хорошо теперь у насъ въ Полтавской губерніи,— улыбаясь, сказалъ онъ вмѣсто привѣтствія.

И вдругъ для меня стало совершенно ясно и понятно, что этотъ человѣкъ умретъ скоро, можетъ-быть—даже въ этотъ же мѣсяцъ.

— Хорошо!— добавилъ онъ раздумчиво и, вдругъ оживившись, торопясь, хватая меня за руки, заговорилъ:

— Сашенька, милый мой, отвези меня до дому.... отвези, голубчикъ, ну, что̀ тебѣ сто̀итъ, отвези!

— Да развѣ я отказываюсь? Конечно, поѣдемъ.

И вотъ передъ самой Пасхой мы тронулись въ путь. Когда мы отъѣзжали отъ Петербурга, былъ сырой, холодный день, и надъ городомъ висѣлъ густой и черный туманъ, тотъ черный туманъ, который отравилъ душу и съѣлъ тѣло моего бѣднаго друга.

Но чѣмъ больше подвигались мы на югъ, тѣмъ возбужденнѣе и радостнѣе становился мой Борисъ. Весна какъ будто шла намъ навстрѣчу. И, когда мы впервые увидѣли бѣлыя мазаныя хатенки Малороссіи, она была уже въ полномъ расцвѣтѣ. Борисъ не отрывался отъ окна. На насыпи синѣли большіе, крупные простые цвѣты, носящіе поэтическое названіе «сна», и Борисъ съ восторгомъ разсказывалъ о томъ, какъ при помощи этихъ цвѣтовъ у нихъ въ Малороссіи красятъ пасхальныя яйца.

Дома, у себя, подъ голубымъ ласковымъ небомъ, подъ пышными, еще не жаркими лучами солнца, Борисъ сталъ быстро оживать, точно онъ отходилъ душой отъ какого-то долгаго, цѣпкаго, ледяного кошмара.

Но тѣломъ онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Черный туманъ убилъ въ немъ что-то главное, дающее жизнь и желаніе жизни.

Спустя двѣ недѣли по пріѣздѣ онъ уже не вставалъ съ кровати.

Все время онъ не сомнѣвался въ томъ, что скоро умретъ, и умеръ мужественно и просто.

Я былъ у него за день до его смерти. Крѣпко пожимая своей сухой, горячей, исхудавшей рукой мою руку и улыбаясь ласково и грустно, онъ говорилъ:

— Помнишь нашъ разговоръ о сѣверѣ и югѣ, еще тогда давно, помнишь? Не думай, я отъ своихъ словъ не отпираюсь. Ну, положимъ, я не выдержалъ борьбы, я погибъ... Но за мной идутъ другіе, — сотни, тысячи другихъ. Ты пойми — они должны одержать побѣду, они не могутъ не побѣдить. Потому что тамъ черный туманъ на улицахъ и въ сердцахъ и въ головахъ у людей, а мы приходимъ съ ликующаго юга, съ радостными пѣснями, съ милымъ яркимъ солнцемъ въ душѣ. Другъ мой, люди не могутъ жить безъ солнца!

Я поглядѣлъ на него внимательно. Онъ только-что умылся и причесалъ гладко назадъ свои волосы, смочивъ ихъ водой; они были еще влажны, и это придавало его лицу жалкое, и невинное, и праздничное выраженіе, за которымъ всего яснѣе чувствовалась близость смерти. Помню также, что онъ все время пристально и какъ будто съ удивленіемъ разсматривалъ свои ногти и ладони, точно они были чужіе.

На другой день меня спѣшно позвали къ нему, но я засталъ уже не моего друга, а только его тѣло, умиравшее безсознательно, въ быстрой агоніи.

Еще рано утромъ онъ попросилъ отворить окно, и оно такъ и оставалось открытымъ. Въ комнату изъ стараго сада лѣзли вѣтки бѣлой сирени съ ея упругими, свѣжими, благоухающими цвѣтами. Свѣтило солнце. Какъ сумасшедшіе, кричали дрозды...

Борисъ затихалъ. Но въ самую послѣднюю минуту онъ

вдругъ быстро поднялся и сѣлъ на кровати; и въ его широко раскрывшихся глазахъ показался безумный ужасъ. И когда онъ опять упалъ на подушки и, глубоко вздохнувъ, вытянулся всѣмъ тѣломъ, точно онъ хотѣлъ потянуться передъ крѣпкимъ длиннымъ сномъ, — это выраженіе ужаса еще долго не сходило съ его лица.

Что онъ увидѣлъ въ эту послѣднюю минуту? Можетъ-быть, его душевнымъ глазамъ представился тотъ бездонный, вѣчный, черный туманъ, который неизбѣжно и безжалостно поглощаетъ и людей, и звѣрей, и травы, и звѣзды, и цѣлые міры?..

Когда его одѣвали, я не могъ видѣть его страшныхъ желтыхъ ногъ и вышелъ изъ комнаты. Но когда я вернулся, онъ уже лежалъ на столѣ, и таинственная улыбка смерти тихо лежала вокругъ его глазъ и губъ. Окно все еще было открыто. Я отломилъ вѣтку сирени — мокрую, тяжелую отъ бѣлыхъ гроздьевъ — и положилъ ее Борису на грудь.

Свѣтило солнце, такое радостное, и нѣжное, и равнодушное... Въ саду кричали дрозды... За рѣкой, на той сторонѣ, звонили къ поздней обѣднѣ.

КЛОУНЪ.

Пьеса въ 1-мъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клоунъ Рембо.
Эмма, его жена.
Энрико, ихъ сынъ, наѣздникъ.
М-lle Ольга, наѣздница.
Директоръ.
Конюхъ.
Докторъ.
Полицейскій.

Зрители, молодые люди въ формахъ учебныхъ заведеній, артисты, атлеты и пр. Дѣйствіе происходитъ въ уборной цирка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Рембо въ клоунскомъ костюмѣ гримируется передъ зеркаломъ, сидя. Около другого зеркала стоитъ Энрико, готовый къ выходу. Мать зашиваетъ на немъ рукавъ куртки. За кулисами оркестръ играетъ испанскій мотивъ. Рембо и Энрико насвистываютъ. Музыка кончается. Аплодисменты. Пауза.

Энрико (поетъ романъ Тости).

Сердце мое болитъ, исходитъ кровью,
Смерти недолго осталось мнѣ ждать...

М-lle Ольга (вбѣгая, продолжаетъ).

Недугъ ужасный мой зовутъ любовью...

Рембо и Энрико (вмѣстѣ). Браво, браво, браво, браво! (Аплодируютъ).

Рембо. Накинь плащъ, Ольга. Ты совсѣмъ разгорячена. Проклятая уборная, изо всѣхъ щелей дуетъ.

(На сценѣ аплодисменты).

Ольга (Энрико, который накинулъ ей на плечи бурнусъ). Mercі, мой милый. Сегодня было весело работать. Циркъ биткомъ набитъ. (Ставитъ ногу на стулъ и поправляетъ башмакъ).

Эмма. Праздникъ.

Рембо. Подождите, дѣти мои. Когда вы женитесь, мы будемъ работать вчетверомъ, и у насъ будетъ свой собственный циркъ. Сначала, конечно, небольшой, полотняный... маленькое шапито... а потомъ,—почемъ знать?—можетъ-быть, и каменный...

Директоръ (въ дверяхъ). М-Ле Ольга, на манежъ!

(Ольга выбѣгаетъ, сбросивъ бурнусъ).

Рембо. У васъ будутъ собственныя лошади, маленькіе пони, верблюды и ослики. Эмма станетъ показывать высшую школу ѣзды, а я буду служить у васъ клоуномъ... Ольга отличная артистка...

Эмма (сыну). Не вертись же такъ, Энрико. Не вертись, я тебѣ говорю. Я уколола себѣ руку. Ты такой нетерпѣливый.

Рембо. Да. Мальчикъ живой. Послушай, Энрико, какой я выдумалъ трюкъ. Понимаешь, твой номеръ кончается, оркестръ перестаетъ, а я сижу въ оркестрѣ и все продолжаю играть на дудочкѣ. Шталмейстеръ говоритъ: «Г-нъ клоунъ, здѣсь нельзя играть. Если хотите работать, сойдите на манежъ». Я точно не слышу. Онъ подымается наверхъ, но я бѣгу вдоль ложъ, подымаюсь на граденъ и опять внизъ въ партеръ. Но вдругъ шталмейстеръ кричитъ: «Постойте, г-нъ клоунъ, постойте! Посмотрите!» Показываетъ на полицейскаго. А я вдругъ—хлопъ!—въ обморокъ. «Г-нъ клоунъ, что съ вами?»—Что? Я подохъ.

Ольга (входитъ. За ней конюхъ несетъ букетъ и футляръ). Ну, слава Богу, отдѣлалась. Нужно будетъ непремѣнно сказать директору: ужасно фальшивый галопъ у лошади, все

сбивается на лѣвую ногу. Просто надоѣдаетъ. Посмотри, Энрико, какіе подарки. Правда, мило?

(Энрико, не глядя, насвистываетъ, оканчивая костюмъ. Эмма ему помогаетъ).

Ольга. Отчего же ты не хочешь поглядѣть? Фи, какъ это нехорошо, Энрико!

Эмма. Покажите-ка мнѣ, Ольга. Нѣтъ, право, недурно. Шесть рубиновъ и брильянтики. Посмотри же, Энрико.

Энрико. Я въ этомъ ничего не понимаю. Ну да, браслетъ какъ браслетъ. Это тотъ помѣщикъ подарилъ?

Ольга. Конечно, онъ. Кому же еще?

Энрико (сухо). Ты хочешь, чтобы я поздравилъ тебя? Поздравляю!

Ольга. Ну вотъ, что опять за глупости. Человѣкъ, который похожъ на таракана... а ты даже къ нему ревнуешь. Стыдно тебѣ!

Рембо. Дѣти мои, не ссорьтесь. Успѣете нассориться, когда будете мужемъ и женой.

Энрико. Неизвѣстно еще, будемъ ли.

Рембо. Сынъ мой, ты глупъ.

Ольга. Нѣтъ, милый Энрико, ты подумай только. Я, конечно могла бы отказаться. Но зачѣмъ обижать человѣка безъ причины. Вѣдь онъ мнѣ подарилъ это не какъ женщинѣ, а какъ артисткѣ.

Энрико. Неправда. Онъ постоянно трется въ уборной и за кулисами и щиплетъ фигурантокъ изъ кордебалета. Когда онъ говоритъ съ тобой, у него гадкіе глаза. И потомъ: какую чепуху онъ говорилъ тебѣ о твоихъ ножкахъ и еще о чемъ-то! Противно было слушать.... Mercі, мама. (Отходитъ, но, вдругъ вернувшись, цѣлуетъ съ особой нѣжностью руку у матери). Mercі, милая мама... А ты слушала и улыбалась. Ты! Моя невѣста!

Рембо. Энрико, ты глупъ. И ты самъ хорошо знаешь,

что артисткамъ нельзя отказываться отъ подарковъ. Поди спроси хоть у директора.

Ольга (въ сторонѣ). Энрико, поди сюда. Поди, я тебѣ скажу два слова. (Тянетъ рукой). Иди же!

Энрико. Ну! Въ чемъ дѣло?

Рембо. Сейчасъ они поцѣлуются, и конецъ. И прекрасно.

Ольга (обнимаетъ его за шею. Тихо). Милый мой Энрико, когда я думаю о твоей любви, мнѣ всегда бываетъ такъ хорошо, такъ тепло! Я ночью проснусь, вспомню о тебѣ и засмѣюсь отъ радости.

Энрико (цѣлуетъ ее). Извини меня.

Ольга. Слушай. Я назначила день нашей свадьбы черезъ мѣсяцъ. Хочешь черезъ двѣ недѣли?

Энрико. Ольга! Прелесть моя!

Ольга. Мнѣ стыдно признаваться, но у меня нѣтъ больше терпѣнія ждать. Если бы можно было черезъ недѣлю!

Рембо. Не шепчитесь такъ громко, дѣти. Я все слышу.

Энрико. Мы съ тобой будемъ такъ счастливы!

Ольга. Такъ счастливы! Такъ счастливы! Дорогой мой, я пьянѣю отъ любви... Мы оба съ тобой такіе молодые, сильные, красивые. Слушай, ты давно меня просилъ... Хочешь—приди сегодня ко мнѣ. Ты проводишь меня домой и останешься у меня. И мы всю ночь будемъ говорить о нашей любви. О нашей любви...

Энрико. А ты хочешь этого?

Ольга. А ты?

Энрико. А ты?

Ольга. Хорошо. Поцѣлуй меня еще разъ.

Рембо. Друзья мои, не довольно ли? На какой лошади ты сегодня работаешь?

Эмма. Да. На какой?

Энрико (весело). Право, не знаю. Не все ли равно? Кажется, Альказаръ.

Ольга (пылко). Ну что̀, развѣ я не правду говорила, что мы имѣемъ право нарушить контрактъ? И я вотъ еще разъ говорю, отецъ, что это не директоръ, а какой-то барышникъ, цыганъ. Альказара надо было ужъ давно продать татарамъ... Онъ бьетъ задомъ и кусается. (Кричитъ въ дверь) Конюхъ, конюхъ!

Энрико. Перестань, Ольга. Это смѣшно.

Рембо. Да.

Конюхъ. Что̀ прикажете, барышня?

Ольга. Подите взгляните въ расписаніе. На комъ работаетъ m-r Энрико?

Конюхъ. Я знаю, барышня. Я самъ сѣдлалъ. На Альказарѣ.

Эмма. На Альказарѣ!

Ольга. Опять эта лошадь!

Рембо (спокойно). Эмма, я тебѣ сто разъ говорилъ, чтобы ты никогда не смѣла такъ глупо кричать. Совѣтую то же самое и тебѣ, Ольга. (Конюху) Можешь итти.

Энрико (смѣясь). Ольга, душа моя. Кричи сколько хочешь, но, ради Бога, не волнуйся за меня. Великолѣпный жеребецъ—сильный и красивый. По крайней мѣрѣ не деревянная лошадь.

Ольга. Прошлый разъ онъ закинулся.

Энрико. Пустяки. Въ Кіевѣ у Готфруа было хуже. Помнишь, отецъ, эту сѣрую кобылу... (Щелкаетъ пальцами). Какъ ее?.. Англійское имя...

Рембо. Дэзи.

Энрико. Да, Дэзи. Ужасно капризная была тварь. Я тогда работалъ жокея и дѣлалъ на нее прыжки. Сначала въ мѣшкѣ, а потомъ съ кипящимъ самоваромъ. И какъ-то нечаянно уронилъ на лошадь самоваръ и облилъ кипяткомъ... А она сразу черезъ барьеръ и на публику... Сумасшедшая. Страшный былъ переполохъ.

Рембо. Сынъ мой, не хвастайся удачей. Этого не слѣдуетъ дѣлать.

Директоръ (къ дверяхъ). Энрико, на манежъ. Поздравляю, m-lle Ольга.

Энрико. All right! Отецъ, передай рейтпечъ.

Рембо. Allez! (Бросаетъ ему хлыстъ).

Энрико (ловитъ). Hopp! (Подходитъ къ Ольгѣ). Ольга! Прекрасная моя Ольга! Ты не шутила надо мной? Не смѣялась?

Ольга. О, милый, конечно, нѣтъ. Я такъ тебя люблю, такъ люблю!

(За сценой вальсъ).

Энрико. Теперь я совсѣмъ спокоенъ. Мы будемъ съ тобой цѣловаться цѣлую ночь. Да?

Ольга. Да, милый, да, да... Ты проводишь меня изъ цирка.

Директоръ (въ дверяхъ). Энрико, allez!

(Энрико бѣжитъ къ двери).

Эмма (внезапно). Энрико, постой на одну секунду.

(Онъ возвращается. Мать креститъ и цѣлуетъ его).

Энрико (добродушно). Ну, что̀ за нѣжности, мама.

Ольга. Энрико, а со мной. (Цѣлуетъ его, а потомъ его руку). Прощай.

(Энрико убѣгаетъ, за сценой вальсъ. Пауза).

Ольга. Посмотрите, мама, какой хорошенькій браслетъ. Не правда ли? (Надѣваетъ браслетъ). Но я его не буду носить. Я велю сдѣлать изъ него для Энрико кольцо или брелокъ къ часамъ. Рубинъ—это наша любовь, а брильянты—наше счастье.

Эмма. Дурочка.

Ольга. Ахъ, мама, мнѣ такъ весело сегодня. Мнѣ ужасно весело! Я хочу танцовать. (Кружится по уборной въ тактъ вальсу). Я хочу танцовать, хочу пѣть, хочу плакать отъ нѣжности. (Останавливается. Пауза). Нѣтъ... мнѣ что-то не хочется танцовать. Я устала. Отецъ, почему я устала?

Рембо. Устала, и все тутъ.

Ольга. Отецъ, я пойду переодѣнусь, а въ антрактѣ вернусь, и мы пойдемъ вмѣстѣ. Хорошо? Энрико меня проводитъ. Да?.. Отчего я вдругъ такъ устала? (Ушла).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Рембо. Какая милая дѣвочка! Но все-таки я скажу, что женскій умъ—это нѣчто такое, чего мужчина не можетъ себѣ вообразить. Смотрите, сколько вы обѣ надѣлали глупостей. Энрико смѣлый и ловкій мальчикъ. Это всякій скажетъ. Шести лѣтъ онъ началъ работать безъ лонжи. Замѣть, у него не было ни одного неудачнаго паденія.

Эмма. А когда онъ разрѣзалъ себѣ руку?

Рембо. Это былъ пустякъ. Такъ, царапина. Но я вотъ что̀ хочу сказать. Конечно, Альказаръ—скверная лошадь, но зачѣмъ же объ этомъ говорить мальчику передъ выходомъ? Я увѣренъ, что Альказаръ ему ничего не сдѣлаетъ,—лошади уважаютъ людей смѣлыхъ,—но зачѣмъ же волновать мальчика, когда онъ идетъ на манежъ?

Эмма. Не сердись.

Рембо. Нѣтъ, нѣтъ, я не сержусь. Я вовсе не сержусь. Во-вторыхъ: дѣвочка вдругъ говоритъ ему «прощай». Прощаются только передъ смертью.

Эмма. Я вѣдь не виновата, что ты не въ духѣ.

Рембо (жонглируя двумя шарами). Повторяю же, что я не сержусь. Ну, затѣмъ, въ-третьихъ: мальчикъ идетъ на манежъ, ты его возвращаешь, чтобы перекрестить. Конечно, это прекрасно и трогательно. Но вѣдь ты раньше этого не дѣлала? И, кромѣ того, есть такая примѣта: если воротить человѣка, идущаго на дѣло, то это вѣрный признакъ неудачи.

Эмма. Суевѣріе.

Рембо. Да, конечно, суевѣріе. Однако джеттатура, ко-

торую ты носишь—тоже суевѣріе. Ну, чѣмъ поможетъ тебѣ эта коралловая ручка?

Эмма. Позволь, я тебя застегну. (Помогаетъ ему одѣться).

Рембо. Mercі... Ты говоришь: суевѣріе, суевѣріе, однако ты помнишь, какъ несчастный Бенедетти сказалъ утромъ:— «Я не вернусь».

Эмма. Да.

Рембо. И сорвался съ турника... А впрочемъ, довольно, старуха... Не нужно печальныхъ мыслей. Ты знаешь, что̀ я еще придумалъ для своего выхода? Понимаешь: выбѣгаю съ дудочкой на манежъ и кричу: «Я плисолъ, я плисолъ, я плисолъ»...

(Музыка перестаетъ. Оба настораживаются, слышны аплодисменты).

Эмма. Ахъ!.. Что̀ это?

Рембо. Ничего не случилось. Энрико сидитъ теперь на Альказарѣ бокомъ и улыбается дамамъ. Ты знаешь, кого мнѣ напоминаетъ нашъ мальчикъ? Покойнаго Блондена.

Эмма. Я то же самое хотѣла сказать.

Рембо. Правда. Какъ часто мы съ тобой говоримъ одни и тѣ же слова. Кстати, мы говорили о примѣтахъ. Ты знаешь, есть такая смѣшная примѣта: если два человѣка въ одно и то же время сказали одно и то же слово, то нужно взяться за мизинцы и что-нибудь задумать—непремѣнно исполнится.

Эмма (протягивая руку). Ну!

Рембо (смѣется). Что̀ ты задумала?

Эмма. А ты что̀?

Рембо. Нѣтъ, ты скажи первая.

Эмма. О мальчикѣ?

Рембо (смѣется). Конечно, о мальчикѣ. (За сценой оркестръ играетъ польку). Ты напрасно за него безпокоишься. Онъ сильный и ловкій и, я думаю, удачливый.

Эмма (робко). Отчего ты тогда не хотѣлъ отдать его въ училище?

Рембо. Я думаю, что было бы совсѣмъ напрасно. Кровь всегда должна сказаться... (Задумчиво) Я плисолъ, я плисолъ... Ты посчитай: у тебя прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, всѣ цирковые, у меня тоже. Стало-быть, по четыре поколѣнія. Это такъ же вѣрно, какъ то, что у предковъ-пьяницъ— потомки-пьяницы.

Эмма. Послушай! Я наконецъ вспомнила.

Рембо. Твой сонъ?

Эмма. Да. Это было такъ страшно. Мнѣ снилось, что откуда-то къ намъ пришли люди, очень много людей, и они что-то несли на рукахъ и прятали отъ меня. Они закрывались отъ меня.

Рембо. Что̀ несли?

Эмма. Не знаю. Не могу вспомнить.

Рембо. Ты, правда, не знаешь?

Эмма. Нѣтъ, я не знаю, не знаю... Не спрашивай меня...

Рембо (свиститъ въ тактъ мотиву). Да и мнѣ самому сегодня тяжело съ утра. Хорошо будетъ, когда они женятся. Оба они такіе славные.

Эмма. Она милая.

(Пауза. Музыка перестаетъ играть. Оба вздрагиваютъ. За сценой аплодисменты).

Рембо (кричитъ). Конюхъ! (Входитъ конюхъ). Скажи моему сторожу, чтобы вывелъ изъ клѣтки собакъ. И, пожалуйста, чтобы Бишку никто не смѣлъ трогать. (Конюхъ уходитъ). Вотъ видишь ли, Эмма, почему я такъ увѣренъ въ сынѣ. Смотри, онъ одинаково ловокъ на турникѣ, и въ воздушной работѣ, и на канатѣ. А если будетъ нужно, изъ него выйдетъ прекрасный клоунъ. (За сценой музыка играетъ галопъ). Нѣтъ, все-таки Ольга была права. Альказара слѣдовало бы застрѣлить. Лошадь старая и капризная. Знаешь что̀? Пойдемъ сегодня всѣ вчетверомъ ужинать. Покутимъ немного, мнѣ такъ радостно глядѣть на ихъ любовь.

Эмма. Смотри, не сглазь.

Рембо (смѣется). Ничего,—у меня глаза сѣрые. Однако я буду одѣваться. Дай мнѣ, Эмма, пальто и все другое.

(Эмма подаетъ ему длинное до пятъ пальто, смятую шапку, чемоданъ и пр. Онъ одѣвается).

Эмма. Сегодня утромъ за кофе я разбила чашку...

Рембо. Я тебѣ куплю новую, еще лучше. И ты къ ней такъ же привыкнешь, какъ къ старой.

Эмма. Можно ко всему привыкнуть... Отчего Ольга вдругъ стала такая печальная?

Рембо. Не знаю. Просто устала.

(Пауза).

Эмма. Понимаешь, они кого-то принесли... Это я про свой сонъ... Я въ тревогѣ кинулась къ нимъ... но они отталкивали меня и все смѣялись, такъ тихо смѣялись... и закрывали отъ меня то, что̀ они несли.

Рембо. Что̀ они несли?

Эмма. Не знаю, я не знаю.

Рембо (гнѣвно). Эмма, я тебѣ приказываю замолчать. Слышишь—замолчи. Я не хочу этого... Я сейчасъ пойду готовиться къ выходу. Собери вещи. И подождите меня послѣ моего номера. Мнѣ нужно будетъ сказать нѣсколько...

(Музыка рѣзко обрывается. Тишина. Потомъ крики ужаса и шумъ бѣготни по коридору).

Эмма (кидаясь къ двери). Что̀ случилось? Что̀ такое случилось?! Это онъ, онъ!

Рембо (хватаетъ ее за руку). Не смѣй! Я тебѣ говорю, не смѣй... Оставайся здѣсь!

Эмма. Пусти меня. Это Энрико... Онъ упалъ... Пусти меня... Мой сонъ, мой сонъ!..

Рембо. Я прошу тебя... Ты его только напугаешь...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Входитъ большая толпа. Зрители, молодые люди въ учебныхъ формахъ, артисты, въ униформѣ полицейскій, директоръ, потомъ докторъ. Вносятъ на чьей-то шубѣ разбившагося Энрико. Онъ неподвиженъ.

Голоса. Осторожнѣе, осторожнѣе въ дверяхъ... Господи, какой ужасъ. Какъ она его копытомъ! Заходите впередъ. Тише около дверей... такъ, такъ... Опускайте на полъ. Тихонько. Осторожно. Ахъ, бѣдняга, бѣдняга!

Эмма. Энрико! Мой Энрико!.. (Наклоняется къ сыну и стонетъ. Рембо около нея).

Голоса. Пошлите за докторомъ. Здѣсь долженъ быть цирковый докторъ. Я видѣлъ, какъ онъ ударился спиною о барьеръ. Ужасъ! Навѣрно, переломъ позвоночника... Господа, навѣрно, въ циркѣ есть же какой-нибудь докторъ... Нѣтъ, это настоящее безобразіе—выпускать такихъ лошадей... Это безобразіе!

Директоръ (артисту). Идите, анонсируйте, что ничего опаснаго нѣтъ... Обморокъ.

Околоточный. Господа, прошу постороннихъ разойтись. Прошу васъ, очистите уборную. Господинъ студентъ, будьте добры... Что-съ? Извольте удалиться... Господа, ну что вамъ здѣсь нужно?.. Вамъ что-съ?

Докторъ. Я врачъ. Состою врачомъ при циркѣ.

Директоръ. Это нашъ докторъ. Докторъ, пожалуйте сюда.

Околоточный. Ахъ, виноватъ. Пожалуйста... Проходите... Такой несчастный случай... Господа, я вамъ сто разъ говорю: очистите уборную. Осадите!

Голоса. Не имѣете права... Самъ кричишь.

Околоточный. Михальчукъ, замѣть этого!.. Послѣдній разъ, прошу честью, господа... Пожалуйте... пожалуйте.

(Постепенно уборная пустѣетъ. Публика съ ропотомъ удаляется, тѣснимая околоточнымъ. На сценѣ остаются: Рембо, Эмма, Энрико, директоръ, два-три артиста, докторъ и околоточный).

Эмма. Докторъ! Вѣдь онъ живъ? Скажите скорѣе... Ахъ, вѣдь это мой сынъ...

Рембо. Тише, Эмма.

Докторъ. Тише, мадамъ. Не волнуйтесь заранѣе. Положеніе опасное, но онъ живъ. Нѣтъ ли воды? А еще лучше нашатырнаго спирту или одеколону? Не отчаивайтесь, мадамъ.

Рембо. Вотъ одеколонъ... вода, докторъ. (Подаетъ).

Докторъ. Спасибо... Я боюсь, что не всѣ кости въ порядкѣ... Сейчасъ посмотримъ... Очень глубокій обморокъ.

(Энрико стонетъ).

Эмма. О, Боже мой, Боже мой! Энрико! Ой, ой, ой, ой...

Докторъ. Не надо, не надо такъ...

Рембо. Эмма!

(Эмма продолжаетъ стонать).

Директоръ (подходя къ двери, кричитъ въ нее). Господинъ капельмейстеръ! Давайте!.. Ахъ, это вы, m-lle Ольга! Какое несчастье!

(Музыка играетъ вальсъ. Рембо снимаетъ пальто, остается въ клоунскомъ костюмѣ и въ шляпѣ).

Ольга. Ахъ! Энрико! Онъ умеръ!

Эмма. Мальчикъ мой! Мальчикъ мой!

Рембо (беретъ Ольгу за руку). Ольга... будь тверда. Онъ только въ обморокѣ.

Ольга. Хорошо, отецъ. Я буду тверда. Милая мама, онъ живъ... Я вамъ говорю, онъ живъ...

Докторъ. Еще попрошу: нѣтъ ли какой-нибудь мягкой чистой тряпочки. И пошлите кого-нибудь въ аптеку за бинтомъ. Спросите: хирургическій бинтъ, ваты, марли.

Рембо (обращается къ товарищу-артисту). Антоній, другъ, сходите поскорѣе въ аптеку. Вотъ здѣсь деньги, около зеркала.

(Ольга подаетъ тряпку).

Докторъ. Хорошо. Рвите ее на длинныя полосы пошире... вотъ такъ. (Энрико стонетъ). Теперь помогите мнѣ.

Эмма. Мой мальчикъ! (Склоняется къ нему).

Докторъ (нетерпѣливо). Да вы же сами ему дѣлаете больно... Ради Бога... кто-нибудь... возьмите ее... дайте ей воды... Она мѣшаетъ мнѣ.

(Рембо и другой артистъ отводятъ Эмму на сторону. Она тихо плачетъ).

Докторъ. Вотъ такъ... такъ... Теперь, барышня, помогите мнѣ его повернуть на бокъ. Я посмотрю позвоночникъ. Держите руку.

Директоръ. Рембо, подите ко мнѣ на минутку.

Рембо. Сейчасъ. (Подходитъ). Въ чемъ дѣло?.. Поскорѣе.

Директоръ. Рембо, вашъ выходъ. Прошу васъ итти на манежъ.

Рембо. На манежъ? Да что̀ вы говорите!

Директоръ. Полно, Рембо. Будьте же мужчиной. Будьте добрымъ товарищемъ.

Рембо. Вы съ ума сошли. Оставьте меня. Поглядите на этихъ двухъ женщинъ. Изъ чего у васъ сдѣлано сердце?

Директоръ. Вы по контракту не имѣете права отказываться... Я возьму неустойку...

Рембо. Берите, что̀ хотите. Отказываюсь. Къ чорту васъ вмѣстѣ съ вашимъ контрактомъ. Уйдите отсюда! Ну! Слышите? Сейчасъ уйдите!

Энрико (очень громко). Ольга! (Вздрагиваетъ и вытягивается).

Ольга. Любовь моя!

Эмма (вырываясь). Пустите меня! Энрико!

Директоръ (удерживая Рембо за руку). Рембо, послушайте.

Рембо. Уйдите.

Директоръ. Вашъ номеръ послѣдній въ отдѣленіи. Кромѣ васъ никто еще не одѣтъ. Понимаете ли вы меня? Сейчасъ публика начнетъ расходиться. Понимаете ли вы, что̀ это значитъ? Они потребуютъ назадъ деньги... дурное впечатлѣніе... завтра газеты подхватятъ. Идите, Рембо!

Рембо. У меня вѣдь сынъ умираетъ. Ахъ! Пустите мою руку. Пустите меня!

Директоръ. Рембо, я требую этого не отъ своего имени, а отъ всѣхъ товарищей. Вы давно служите. Вы знаете, что, если публика разойдется—будетъ скандалъ на весь городъ. А это значитъ—конецъ, зарѣзъ для цирка. Насъ перестанутъ посѣщать.

Рембо. Лжете! Неправда! Скажите имъ, что на манежѣ каждый вечеръ разбиваются люди до смерти, и они толпой къ вамъ повалятъ... Увеличьте цѣны въ десять разъ, все равно билеты будутъ разбираться за недѣлю.

Артистъ (въ дверяхъ). Рембо, ради Бога идите, кромѣ васъ никого нѣтъ. Публика расходится.

Директоръ. Видите? Изъ-за вашего упрямства погибнетъ дѣло. Теперь середина сезона. Вы сдѣлаете своихъ товарищей нищими. Поймите это.

Другой артистъ (стоя около Эммы). Рембо, директоръ правъ. Тебѣ надо итти на манежъ.

Рембо (ему горько). Адвенъ, ты мой старый товарищъ... Скажи честно, нѣтъ, только честно: ты бы пошелъ, если бы здѣсь лежалъ не мой бѣдный мальчикъ, а твоя Алиса?

Другой артистъ. Клянусь Богомъ, я бы пошелъ.

Рембо. И ты лжешь! О, Боже мой! Дорогой докторъ! (Подбѣгаетъ). Дорогой докторъ! Скажите... Скажите имъ что-нибудь! Вы подумайте только. Вотъ лежитъ мой Энрико, мой единственный мальчикъ. Вотъ онъ, разбитый, можетъ-быть, умирающій... А я долженъ итти, кувыркаться въ опилкахъ, разбивать себѣ носъ о барьеръ...

Докторъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели его нельзя никѣмъ замѣнить? Правда, помощи отъ него никакой...

Артистъ (въ дверяхъ). Да скорѣе же, Рембо! Allez!

Другой артистъ. Рембо, будь же товарищемъ. Allez!

Директоръ. Ну вотъ, теперь вы видите, Рембо? Идите же. Allez!

Рембо. О, дьяволы! Хорошо. Я иду. (Съ рыданіемъ) Я плисолъ!.. Я плисолъ!.. (Кидается къ сыну). Энрико. обожае-

мый мой мальчикъ! Докторъ, спасите мнѣ его. Вотъ я сталъ на колѣни. Дайте мнѣ поцѣловать вашу руку. Не хотите? Ну, извините, извините меня... Спасите его ради матери... Я всю жизнь...

Артистъ (въ дверяхъ). Рембо!

Рембо. Ахъ!.. Иду! (Пробѣгая мимо директора, швыряетъ ему въ лицо шляпу). Звѣрь! (За кулисами громко) Я плисолъ... Я плисолъ!

(Директоръ уходитъ за нимъ, поднявъ сначала шляпу. Пауза. Музыка перестаетъ).

Докторъ (встаетъ, нервно вытираетъ лицо платкомъ). Такъ я... пойду...

Эмма. Докторъ! Ахъ! (Падаетъ на трупъ сына).

Ольга. Куда вы? Куда вы?

Околоточный (смотритъ на доктора. Тотъ медленно опускаетъ голову. Тихо). Пойдемте. Надо подписать протоколъ.

Ольга (обнявъ мать, плачетъ). Мама! Мама! Мама! Мама

(За сценой взрывъ аплодисментовъ и хохотъ).

Занавѣсъ.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ.

Дорогой другъ мой!

Опять, какъ и прошлой весной, я пріѣхала сюда, на берегъ моря, въ нашу санаторію. Даже и номеръ мнѣ попался тотъ же самый. Только въ немъ зимой перемѣнили обои, и потому въ комнатѣ до сихъ поръ слегка пахнетъ клеемъ. Не знаю, какъ у другихъ, но у меня этотъ запахъ всегда вызываетъ ту сладкую и тихую грусть, которая такъ неразрывно связана съ воспоминаніями дѣтства. Можетъ-быть, это осталось у меня еще съ института. Помню, какъ, бывало, привозили меня туда послѣ долгихъ лѣтнихъ каникулъ. Ходишь по давно знакомымъ дортуарамъ, по классамъ, по коридорамъ и вездѣ слышишь запахъ клея, свѣжей краски, известки и лака. И чувствуешь съ тревожной грустью, что опять переступаешь черезъ какую-то новую грань жизни и смутно жалѣешь о прошедшемъ, оставшемся по ту сторону — сѣромъ, будничномъ, непріятномъ, но уже потому безконечно-миломъ, что оно прошло и никогда-никогда не повторится... Ахъ, это прошлое! Какое таинственное, неотразимое обаяніе сохраняетъ оно надъ нашей душой! Вѣдь и вамъ, мой дорогой, я только потому осмѣливаюсь писать, что сегодня съ самаго утра чувствую себя во власти прошлогоднихъ воспоминаній.

Я сижу въ настоящую минуту за письменнымъ столомъ, но стóитъ мнѣ оторвать отъ него глаза, и я вижу море, то самое море, въ которое мы съ вами—помните?—были такъ поэтически влюблены. Впрочемъ, даже и не глядя, я чувствую его. Оно какъ будто бы подымается вверхъ ровной, темно-синей пеленой до половины моего окна, раскрытаго настежь. Надъ нимъ—голубое небо, совсѣмъ безоблачное и торжественно-спокойное. А подъ окномъ цвѣтетъ яблоня. Одна изъ ея вѣтвей—такая пышная, вся сплошь покрытая нѣжными цвѣтами, прозрачно-бѣлыми на солнцѣ и чуть-чуть розовыми въ тѣни,—заглядываетъ ко мнѣ въ комнату. Когда съ моря набѣгаетъ легкій вѣтерокъ, она слабо раскачивается, точно кланяясь мнѣ съ тихимъ дружескимъ привѣтомъ, и еле слышно шуршитъ о зеленый рѣшетчатый ставень. Я смотрю и не могу досыта насмотрѣться на эти плавныя движенія бѣлой, осыпанной цвѣтами вѣтки, которая съ такой мягкой, прелестной отчетливостью, такъ граціозно рисуется на глубокой, могучей и радостной синевѣ моря... И мнѣ просто хочется плакать отъ умиленія передъ этой незатѣйливой красотой.

Наша санаторія тонетъ (простите за старенькое сравненіе) въ бѣлыхъ волнахъ цвѣтущихъ грушъ, яблонь, миндаля и абрикосовъ. Говорятъ, что на языкѣ прежнихъ обитателей-черкесовъ эта очаровательная приморская деревушка называлась «Бѣлой невѣстой». Какое милое и какое вѣрное названіе! Такъ и вѣетъ отъ него колоритнымъ языкомъ восточной поэзіи, чѣмъ-то выхваченнымъ прямо изъ «Пѣсни пѣсней» царя Соломона.

Дорожки нашего сада густо покрыты падающими съ деревьевъ легкими бѣлыми лепестками, а когда подымается вѣтеръ, то кажется, будто снѣгъ крупными хлопьями медленно опускается съ деревьевъ на землю. Эти легкія снѣжинки залетаютъ ко мнѣ въ комнату, осыпаютъ

письменный столъ, садятся на платье и на волосы... и я не могу, да и не хочу отдѣлаться отъ воспоминаній, которыя волнуютъ меня и кружатъ мнѣ голову, какъ старое ароматное вино...

Это было прошлой весной, на третій или на четвертый день послѣ вашего пріѣзда въ санаторію. Было такое же тихое, прохладное, сіяющее утро. Мы сидѣли на южной верандѣ, я—въ креслѣ-качалкѣ, крытомъ голубой парусиной (помните это кресло?), а вы — на перилахъ веранды, прислонившись къ угловому столбу и обхвативъ его рукой. Боже мой! Вотъ и сейчасъ, написавъ эти строчки, я остановилась, закрыла на нѣсколько мгновеній глаза руками, и опять передо мною съ необыкновенной ясностью стало ваше тогдашнее лицо — худое, блѣдное, съ тонкими, изящными чертами, съ прядью темныхъ волосъ, небрежно свѣсившихся на бѣлый лобъ, и съ глубокими, печальными глазами. Я представляю себѣ даже ту задумчивую и разсѣянную улыбку, которая чуть замѣтно трогала ваши губы, когда вы говорили, мечтательно глядя на падающіе лепестки бѣлыхъ цвѣтовъ:

— Вотъ и яблони осыпаются... А весна вѣдь только въ самомъ началѣ. Отчего этотъ быстрый и пышный расцвѣтъ южной весны всегда возбуждаетъ во мнѣ такое болѣзненное ощущеніе тоски и неудовлетворенности? Кажется, не далѣе, какъ вчера, я съ волненіемъ глядѣлъ, какъ наливаются первыя почки, а сегодня ужъ облетаютъ цвѣты, и знаешь, что завтра придетъ холодная осень. Не правда ли, какъ это похоже на нашу жизнь? Смолоду живешь однѣми надеждами, все думаешь, вотъ-вотъ настанетъ что-то великое, захватывающее, а потомъ вдругъ точно проснешься и видишь, что у тебя ничего не осталось, кромѣ воспоминаній и тоски по прошлому, и самъ не можешь сказать, въ какую пору про-

шла твоя настоящая жизнь — полная, сознательно-прекрасная жизнь.

Видите, какъ хорошо помню я ваши слова. Все, что связано съ вами, запечатлѣлось въ моей душѣ яркими, выпуклыми образами, которыми я такъ же дорожу, любуюсь и наслаждаюсь, какъ скупой своимъ золотомъ. Я вамъ признаюсь даже, что и пріѣхала я сюда только потому, что мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть хоть изъ окна кусочекъ нашего моря и нашего неба, чувствовать тонкій ароматъ цвѣтущей яблони, слышать по вечерамъ сухое стрекотаніе кузнечиковъ и... безъ конца переживать воображеніемъ тѣ наивныя, блѣдныя воспоминанія, надъ мелочностью которыхъ разсмѣялся бы здоровый человѣкъ. Ахъ, эти здоровые люди!.. Съ ихъ грубымъ аппетитомъ къ жизни, съ бездной могучихъ ощущеній, испытываемыхъ ихъ крѣпкимъ тѣломъ и равнодушно-расточительной душой, они даже и представить себѣ не могутъ тѣхъ неуловимо-тонкихъ, непередаваемо-сложныхъ оттѣнковъ настроеній, которые постоянно испытываемъ мы, обреченные чуть не съ самаго дня рожденія на однообразное прозябаніе въ больницахъ, курортахъ и санаторіяхъ!..

Здѣсь все попрежнему. Только васъ нѣтъ, мой дорогой другъ и учитель. Вы, конечно, догадываетесь, что я, по газетнымъ вѣстямъ, узнала о томъ, что ваше здоровье поправилось, и что вы снова заняли каѳедру. Нашъ милѣйшій, жизнерадостный, какъ и всегда, докторъ подтвердилъ это, сіяя отъ самодовольствія. Безъ сомнѣнія, онъ приписываетъ ваше выздоровленіе своей системѣ теплыхъ ваннъ и изобрѣтенному имъ пищевому режиму. Ни въ то, ни въ другое, какъ вамъ извѣстно, я не вѣрю, но тѣмъ не менѣе готова была расцѣловать этого добродушнаго эгоиста и наивнаго корыстолюбца за его сообщеніе о вашемъ здоровьѣ

Зато мной онъ совсѣмъ недоволенъ: это я видѣла по тому, какъ онъ покачивалъ головой, морщилъ губы и громко, съ озабоченной серьезностью, дышалъ носомъ, когда выслушивалъ и выстукивалъ мою грудь. Въ заключеніе, онъ совѣтовалъ мнѣ перебраться куда-нибудь на настоящій югъ, — въ Ментону, или даже въ Каиръ; совѣтовалъ съ неуклюжей и шутливой осторожностью, плохо однако маскировавшей безпокойство, которое бѣгало въ его глазахъ. Очевидно, онъ боится того плохого впечатлѣнія, которое произведетъ среди его паціентовъ моя смерть, и заранѣе хочетъ избавить ихъ отъ этой непріятности. Мнѣ очень жаль будетъ причинить невольно ущербъ доброй репутаціи его заведенія, но все-таки я считаю себя въ правѣ позволить себѣ роскошь умереть именно въ этомъ мѣстѣ, освященномъ трогательной прелестью ранней весны.

Тѣмъ болѣе, что это случится гораздо скорѣе, чѣмъ онъ предполагаетъ; можетъ-быть, даже раньше, чѣмъ облетятъ послѣдніе бѣлые лепестки съ моей яблони. Скажу вамъ по секрету, что я уже не хожу никуда дальше веранды, да и это мнѣ страшно трудно, хотя у меня все же хватаетъ мужества отвѣчать безпечной улыбкой на тревожно-вопросительные взгляды доктора. Но не думайте, что я жалуюсь вамъ въ себялюбивой надеждѣ вызвать къ себѣ состраданіе. Нѣтъ! Я просто хочу воспользоваться правомъ умирающей говорить то, о чемъ изъ условной стыдливости молчатъ здоровые люди. Кромѣ того, мнѣ хочется сказать вамъ, что смерть совсѣмъ не страшитъ меня, и что вамъ, мой другъ, только вамъ я обязана этимъ философскимъ спокойствіемъ. Я теперь вполнѣ понимаю ваши слова: «Смерть есть наиболѣе простое и нормальное изъ всѣхъ жизненныхъ явленій. Человѣкъ рождается на свѣтъ и живетъ вслѣдствіе однѣхъ случайностей, но только умираетъ по неизбѣжному за-

кону». Этотъ прекрасный афоризмъ сталъ мнѣ теперь особенно понятенъ.

Да, вы многому научили меня. Безъ васъ я никогда не постигла бы тѣхъ тонкихъ, медленныхъ наслажденій, которыя можетъ дать прочитанная книга, изящная и глубокая мысль творческаго ума, вдохновенная музыка, красота солнечнаго заката, ароматъ цвѣтка и, главное—самое главное — духовное общеніе двухъ утонченныхъ натуръ, у которыхъ, благодаря тяжелому недугу, нервная воспріимчивость доходитъ до степени экзальтаціи, а взаимное пониманіе принимаетъ характеръ безмолвнаго ясновидѣнія.

Помните ли вы наши долгія, неторопливыя прогулки вдоль морского берега, подъ отвѣсными лучами солнца, въ тѣ знойные, лѣнивые, полуденные часы, когда все, кажется, замираетъ въ безсильной истомѣ, и только волны съ тихимъ шелестомъ и шипѣніемъ набѣгаютъ на желтый горячій песокъ и уходятъ назадъ въ сверкающее море, оставляя послѣ себя влажную зубчатую кайму, которая такъ же быстро исчезаетъ, какъ слѣдъ отъ дыханія на стеклѣ? Помните ли, какъ тайкомъ отъ доктора, не позволявшаго никому оставаться на воздухѣ послѣ солнечнаго заката, мы пробирались въ теплыя лунныя ночи на террасу? Свѣтъ мѣсяца прорѣзывалъ густыя шпалеры изъ дикаго винограда и причудливымъ легкимъ кружевомъ ложился на полу и на бѣлой стѣнѣ. Въ темнотѣ мы не видѣли, но угадывали другъ друга, и боязливый шопотъ, которымъ мы должны были изъ предосторожности разговаривать, сообщалъ даже самымъ простымъ словамъ глубокое, интимное, волнующее значеніе. Помните ли, какъ въ дождливые дни, когда море на цѣлыя сутки заволакивалось туманомъ, а въ воздухѣ пахло мокрымъ пескомъ, рыбою и освѣженными листьями, мы забирались въ мою уютную комнату и читали Шекспира,

читали понемножку, какъ истинные лакомки, вдумчиво наслаждаясь каждой страницей, каждой искрой этого великаго ума, который становился для меня еще глубже, еще проникновеннѣе, благодаря вашимъ тонкимъ комментаріямъ. Эти книжки въ мягкихъ переплетахъ изъ нѣжнаго зеленаго сафьяна и теперь со мной. Въ нихъ, на нѣкоторыхъ страницахъ, до сихъ поръ остались кое-гдѣ ваши «отмѣтки рѣзкія ногтей», и когда я вновь вижу эти уцѣлѣвшіе символы, такъ живо напоминающіе мнѣ о вашемъ нѣжномъ восторгѣ передъ красотами и безднами шекспировскаго генія, мной овладѣваетъ тихое, меланхолическое умиленіе.

Помните ли... Ахъ, я безъ конца готова была бы повторять этотъ вопросъ, но я чувствую, что уже начинаю уставать, а, между прочимъ, мнѣ еще хочется сказать вамъ такъ много.

Вѣдь вы, конечно, можете себѣ представить, что здѣсь, въ санаторіи, я осуждена на вѣчное молчаніе. Меня просто изъ себя выводятъ эти обычныя, стереотипныя фразы, которыми обмѣниваются наши больные, встрѣчаясь поневолѣ за завтракомъ, за обѣдомъ, за чаемъ. Говорятъ все объ одномъ и томъ же: одинъ взялъ сегодня утромъ ванну двумя градусами ниже вчерашняго, другой съѣлъ винограду на фунтъ больше, третій взобрался, не останавливаясь, на крутой откосъ, ведущій къ морю, и — представьте! — даже не запыхался. О своихъ болѣзняхъ разсказываютъ подолгу, съ эгоистичнымъ удовольствіемъ, иногда съ противными подробностями... Каждому непремѣнно хочется увѣрить остальныхъ, что такихъ необычайныхъ осложненій и такихъ жестокихъ страданій, какъ у него, не можетъ быть ни у кого другого. Бѣда, когда сталкиваются два конкурента, хотя бы по вопросу о простой головной боли. Тутъ пускаются въ ходъ презрительныя пожатія плечами, кривыя прони-

ческія улыбки, высокомѣрныя мины и самые «ледяные» взгляды. — «Что вы мнѣ говорите о своей мигрени! Ха-ха! Это, право, даже смѣшно! Воображаю, что бы вы сказали, если бы у васъ были такія жестокія боли, какія я испытываю каждый день!» Болѣзнь здѣсь служитъ предметомъ гордости и соревнованія, какимъ-то страннымъ патентомъ на смѣшное самоуваженіе, чѣмъ-то въ родѣ почетнаго ордена. Положимъ, я замѣчала это явленіе и у здоровыхъ людей, но здѣсь, среди больныхъ... оно становится ужаснымъ, отвратительнымъ, невѣроятнымъ!..

Поэтому я всегда радуюсь, когда наконецъ остаюсь одна въ моемъ уютномъ и недоступномъ уголкѣ. Впрочемъ, нѣтъ, — я не одна: со мной постоянно мы и моя любовь. Вотъ я выговорила это слово, и оно вовсе не обожгло моихъ губъ, какъ это бываетъ въ романахъ.

Впрочемъ, я и сама не знаю, можно ли называть любовью это тихое, блѣдное, полумистическое чувство?

Я не стану отъ васъ скрывать, что дѣвушки нашего круга имѣютъ о любви гораздо болѣе точныя и реальныя свѣдѣнія, чѣмъ это предполагаютъ ихъ родители, благодушно глядя сквозь пальцы на модное ухаживаніе. Въ институтѣ объ этомъ предметѣ говорятъ очень много, при чемъ любопытство придаетъ ему какія-то таинственныя, преувеличенныя, даже уродливыя свойства. Изъ романовъ и изъ разсказовъ замужнихъ подругъ мы узнаёмъ о безумныхъ поцѣлуяхъ, о жаркихъ объятіяхъ, о ночахъ блаженства, о нѣгѣ, и Богъ знаетъ о чемъ еще. Все это мы воспринимаемъ инстинктомъ, полусознательно, и — вѣроятно, въ зависимости отъ темперамента, испорченности и догадливости—въ большей или меньшей степени глубоко...

Въ этомъ смыслѣ моя любовь — не любовь, а сентиментальная и смѣшная игра воображенія. Больная, хилая и слабая — я съ самаго дѣтства питала ужасъ ко всѣмъ

явленіямъ, гдѣ такъ или иначе выказывается физическая мощь, грубое здоровье и алчность къ жизни. Быстрая ѣзда на лошадяхъ, видъ рабочаго, несущаго на спинѣ огромную тяжесть, большая толпа, громкій крикъ, чрезмѣрный аппетитъ, сильные запахи — все это приводитъ меня въ трепетъ, или вызываетъ во мнѣ брезгливость. И эти же самыя чувства я испытываю, когда моя мысль случайно остановится на настоящей чувственной любви здоровыхъ людей, съ ея тяжелыми, нелѣпыми и безстыдными деталями.

Но если назвать любовью то исключительно тонкое духовное сліяніе двухъ людей, при которомъ чувства и мысли одного, какими-то таинственными токами, передаются другому, когда слова уступаютъ мѣсто безмолвнымъ взглядамъ, когда чуть замѣтное дрожаніе вѣкъ или слабая тѣнь улыбки въ глазахъ говорятъ иной разъ гораздо больше, чѣмъ длинное признаніе въ любви у «людей шаблона» (употребляю ваше же выраженіе), когда, быстро встрѣтившись глазами за общимъ столомъ или въ гостиной, при входѣ новаго лица или послѣ только-что сказанной кѣмъ-нибудь глупости, два человѣка умѣютъ безъ словъ подѣлиться общимъ впечатлѣніемъ — однимъ словомъ, если такого рода отношенія можно назвать любовью, то я смѣло скажу, что не только одна я, но что мы оба съ вами любили другъ друга...

И даже... даже не той любовью, которую насмѣшливо называютъ братской. Это я знаю потому, что у меня очень ярко сохранилось воспоминаніе объ одномъ случаѣ... единственномъ случаѣ, разсказывая о которомъ я боюсь покраснѣть. Это произошло надъ обрывомъ моря, въ виноградной бесѣдкѣ, которую и теперь, какъ и въ прошломъ году, съ жеманной чувствительностью называютъ «бесѣдкой любви». Было тихое-тихое утро, и море казалось зеленымъ, того блѣднаго и блестящаго зеленаго цвѣта,

который бываетъ у нѣкоторыхъ породъ малахита; иногда по его спокойной глади медленно проползало плоское, неровное фіолетовое пятно — тѣнь отъ облака. Въ предшествующую ночь я плохо спала, и потому встала вся разбитая, съ головной болью и туго натянутыми нервами. За чаемъ я поссорилась съ докторомъ, не такъ изъ-за его запрещенія купаться въ открытомъ морѣ, какъ изъ-за его самоувѣреннаго и пышущаго здоровьемъ вида. Жалуясь вамъ на него въ бесѣдкѣ, я расплакалась. Помните ли вы этотъ случай? Вы растерялись, говорили какія-то безсвязныя, но милыя, ласковыя слова и осторожно гладили меня, какъ ребенка, по волосамъ. Это участіе совсѣмъ растрогало меня, я прижалась головой къ вашему плечу, и вы... вы поцѣловали меня нѣсколько разъ подъ рядъ въ високъ и въ щеку. И я должна сознаться (такъ я и знала, что покраснѣю на этомъ мѣстѣ письма!..), что эти поцѣлуи не только не были мнѣ противны, но даже доставили мнѣ пріятное, чисто-физическое удовольствіе, похожее на ощущеніе легкой, теплой волны, пробѣжавшей по всему моему тѣлу съ головы до ногъ.

Но этотъ случай былъ единственный. Вѣдь вы сами, мой другъ, говорили неоднократно, что для такихъ, какъ мы съ вами, истощенныхъ туберкулезомъ людей цѣломудріе является не добродѣтелью, а долгомъ.

И все-таки эта любовь, блеснувшая на мой печальный закатъ, была такъ ясна, такъ нѣжна, такъ болѣзненно-прекрасна! Помнится мнѣ, еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой-институткой, я лежала въ лазаретѣ, въ громадной, пустой, страшно высокой комнатѣ, лежала почему-то отдѣльно отъ другихъ больныхъ и невыносимо скучала. И вотъ однажды мое вниманіе привлекла простая, но удивительная вещь: за окномъ, въ амбразурѣ, изъ мха, покрывавшаго кое-гдѣ выступы старой до-екатерининской стѣны, выросъ цвѣтокъ. Это былъ настоящій

больничный цвѣтокъ, съ вѣнчикомъ въ видѣ крошечной желтой звѣздочки и съ длиннымъ, тонкимъ, хрупкимъ, бѣлесовато-зеленымъ стебелькомъ. Я почти не отрывала отъ него глазъ и чувствовала къ нему какую-то жалостливую, задумчивую любовь. Дорогой мой, любимый! Этотъ больной, слабый желтый цвѣтокъ — вѣдь это моя любовь къ вамъ.

Вотъ и все, что я хотѣла сказать. Прощайте. Я знаю, что мое письмо немного растрогаетъ васъ, и это мнѣ заранѣе пріятно. Вѣдь такой любовью, именно такой, васъ, навѣрное, никто не любилъ и не полюбитъ...

Правда, есть у меня одно желаніе: это видѣть васъ въ тотъ таинственный часъ, когда завѣса начнетъ приподыматься передъ моими глазами. Не для того, чтобы цѣпляться за васъ въ безсмысленномъ страхѣ, а для того, чтобы въ минуту упадка, ослабленія воли, мгновеннаго и невольнаго страха, который — почемъ знать? — можетъ-быть, овладѣетъ мною, вы крѣпко сжали бы мои руки и сказали бы мнѣ своими прекрасными глазами:

— Смѣлѣй, мой другъ... еще нѣсколько секундъ, и ты будешь знать все!..

Но я устою противъ этого соблазна. Сейчасъ я запечатаю это письмо, напишу адресъ, и вы получите его черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я перешагну «загадочную черту знанія».

Послѣднимъ моимъ чувствомъ будетъ глубокая благодарность къ вамъ, озарившему мои послѣдніе дни любовью. Прощайте. Не тревожьтесь за меня, мнѣ хорошо... Вотъ, я закрыла глаза, и по моему тѣлу опять бѣжитъ теплая, сладостная волна, какъ и тогда... въ виноградной бесѣдкѣ... Голова такъ тихо и пріятно кружится. Прощайте!

НАТАЛЬЯ ДАВЫДОВНА.

Она шестнадцать лѣтъ была классной дамой въ N — скомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и пользовалась исключительнымъ, безпримѣрнымъ уваженіемъ со стороны какъ директрисы, такъ и всего высшаго начальства. Въ ней чтили ея педагогическую строгость, суровую преданность дѣлу и многолѣтній опытъ. Между другими классными дамами ходили слухи, что она пользуется у директрисы привилегіей интимныхъ докладовъ послѣ вечерняго чая. Поэтому ея не любили, сторонились отъ нея и побаивались.

Институтки трепетали передъ ней, и классъ ея всегда былъ образцовымъ по благонравію и успѣхамъ: этого однако она достигала безъ криковъ, безъ наказаній, даже безъ жалобъ родителямъ дѣвочекъ и начальству. Было что-то властное въ ея холодномъ, немигающемъ взорѣ, чувствовалась увѣренная сила въ спокойномъ тонѣ ея голоса. Бойкая школьная семья ей одной изъ всѣхъ дамъ не могла дать хлесткаго, ходячаго прозвища.

Окончивъ курсъ въ институтѣ съ золотой медалью, она въ немъ же осталась классной дамой. У нея не было ни дѣтства, ни прошлаго, ни чего-нибудь похожаго на самый невинный институтскій романъ — точно она и на свѣтъ Божій родилась только для того, чтобы стать классной дамой.

Однако она была красива. У нея было лицо съ тонкими чертами, желтоватое и смуглое, усыпанное хоро-

шенькими родинками. Такія лица, слегка чахоточнаго типа, всегда нравятся мужчинамъ. Ея таліи завидовалъ весь институтъ. Тѣмъ не менѣе никто не покушался за нею ухаживать. Каждому казалось, что онъ однимъ легкомысленнымъ помысломъ обидитъ эту дѣвушку, всю себя посвятившую воспитанію дѣтей.

Кто-то изъ знатныхъ попечителей института назвалъ ее «безсмѣннымъ часовымъ». Дѣйствительно, службѣ она посвящала двадцать часовъ въ сутки — остальные четыре часа шли на сонъ. Впрочемъ, иногда, проснувшись среди ночи, она неслышными шагами обходила дортуары, какъ и всегда, туго затянутая корсетомъ, застегнутая на всѣ пуговки форменнаго платья. Отъ нея не укрывалась ни одна мелочь изъ сѣрой жизни ея птичника, точно она обладала способностью читать помыслы въ самомъ ихъ зернѣ.

За все время своей долгой службы Наталья Давыдовна только однажды воспользовалась долгимъ отпускомъ — именно тогда, когда, по совѣту докторовъ, она вынуждена была уѣхать на четыре мѣсяца, для поправленія своего расшатаннаго службой здоровья, купаться въ одесскихъ лиманахъ. Кромѣ этого случая, она почти не покидала стѣнъ института. Только изрѣдка, не чаще раза въ два или три мѣсяца, она испрашивала позволеніе провести ночь съ субботы на воскресенье у своей больной тетки, жившей гдѣ-то на самомъ краю города и страдавшей нѣсколько лѣтъ подъ рядъ жестокой женской болѣзнью, не позволявшей этой почтенной женщинѣ никогда вставать съ кресла.

Но, проведя мучительную ночь у постели больной, страдавшей страшной безсонницей и къ тому же капризной и раздражительной, Наталья Давыдовна рано утромъ уже являлась въ институтъ, чтобы вмѣстѣ со своимъ классомъ поспѣть къ обѣднѣ. По окончаніи службы, когда директриса, первой приложившись ко кресту, становилась

на видномъ мѣстѣ около клироса, а всѣ классныя дамы, возвращаясь отъ креста, дѣлали ей реверансы, она знакомъ головы подзывала къ себѣ Наталью Давыдовну:

— Eh bien! Comment se porte madame votre tante?

— Princesse, Dieu seul peut la sauver. Elle souffre beaucoup, — отвѣчала классная дама, вздыхая и глядя признательно на начальницу.

— Pourquoi n'êtes vous pas restée encore auprès d'elle?

— Je suis venue pour remplir mon devoir, princesse.

— Mais vous même, mon enfant, vous avez l'air maladif.

— Ma tante n'a pas fermé l'œil pendant toute la nuit.

— Pauvre enfant! Vous perdez votre santé. Allez vite vous reposer, ma chérie. Я сейчасъ же прикажу прислать вамъ бульону и вина.

Видъ въ эти воскресенья у Натальи Давыдовны бывалъ совсѣмъ болѣзненный. Казалось, она только-что встала послѣ тяжкаго недуга, или очнулась отъ безумной оргіи: такъ было блѣдно и истомлено ея лицо со ввалившимися, окруженными тѣнью глазами, съ пересохшими и искусанными губами.

Но дѣло въ томъ, что никакой тетки у Натальи Давыдовны вовсе даже и не было. И всего удивительнѣе то, что въ продолженіе шестнадцати лѣтъ никто въ этомъ ни разу не усомнился.

Разъ въ два или три мѣсяца, въ субботу, послѣ всенощной, Наталья Давыдовна скромно спрашивала директрису:

— Me permettrez vous, princesse, d'aller voir ma tante?

— Mais certainement, mon enfant. Seulement ne vous fatiguez pas trop.

И Наталья Давыдовна, убѣдившись, по обыкновенію,

что ея птичникъ спитъ крѣпкимъ сномъ утомившейся за день молодости, медленно выходила изъ институтскихъ воротъ, мимо почтительно кланявщихся ей сторожей и швейцаровъ.

Отойдя довольно далеко отъ ограды, она вынимала изъ кармана густую черную вуаль, окутывала ею лицо, и вдругъ вся мгновенно измѣнялась. Это уже была кокотка, искательница приключеній, швейка изъ хорошаго магазина—все, что угодно, только не пунктуальная и строгая классная дама. Она шла свободной, развратной, слегка развинченной походкой женщины, привыкшей принадлежать сотнямъ мужчинъ. Она провожала головой встрѣчныхъ прохожихъ, вызывающе смѣялась, когда ее затрагивали, и въ то же время, осторожная и внимательная, она зорко слѣдила, чтобы не попасться близко на глаза кому-нибудь, видѣвшему ее раньше.

Ея красивая фигура привлекала мужчинъ, но на всѣ предложенія она отрицательно кивала головой, отдѣлываясь отъ самыхъ настойчивыхъ дерзкимъ, иногда циничнымъ восклицаніемъ, спасаясь отъ пьяныхъ бѣгствомъ. Она искала. Давній опытъ и безошибочный инстинктъ тайной развратницы указывали ей среди сотенъ обращенныхъ на нее съ вожделѣніемъ лицъ, то, которое ей было нужно. Во взглядѣ, въ хищномъ профилѣ нижней челюсти, въ плотоядной улыбкѣ бѣлыхъ и мелкихъ зубовъ, въ походкѣ, эта Мессалина узнавала черты страстнаго, ненасытнаго и неутомимаго самца, и выбирала его. Къ красивой наружности, къ возрасту, къ костюму она оставалась совершенно равнодушной; иногда это бывалъ старикъ, иногда горбатый, иногда едва оперившійся кадетъ. Намѣченная ею жертва никогда не ускользала отъ нея. Случайное прикосновеніе ея локтя, бѣглый взглядъ, самый тонъ, которымъ она произносила шаблонныя уличныя фразы, заставляли желать ея близости. Безъ сомнѣ-

нія, существуютъ какія-то тайныя, незримыя нити, по которымъ мысли одного человѣка могутъ мгновенно сообщаться съ мыслями другого, хотя бы даже только-что встрѣченнаго на улицѣ.

Она везла своего избранника куда-нибудь на край города, въ грязную гостиницу съ самой скверной репутаціей, и цѣлую ночь напролетъ, безъ отдыха, предавалась тѣмъ наслажденіямъ, какія только могло изобрѣсти ея необузданное воображеніе. Утромъ, когда ея случайный другъ, утомленный чудовищной оргіей, засыпалъ тяжелымъ сномъ, поминутно вздрагивая, она тихо выскальзывала изъ постели, одѣвалась и, заплативъ за всѣ ночные расходы, спѣшила на извозчикѣ въ институтъ. Ни разу никому она не дала второго свиданія, хотя всѣ, въ промежуткѣ между двумя ласками, умоляли ее объ этомъ.

Однажды ея любовникомъ былъ солдатъ, немолодой, очень грузный человѣкъ, кажется, штабный писарь. Это случилось въ декабрѣ. Подъ утро, когда стало разсвѣтать и занавѣски вырисовались на побѣлѣвшихъ окнахъ, онъ, возбужденный ея ласками, обнялъ ее, положивъ голову на ея грудь, и вдругъ захрипѣлъ и остался неподвижнымъ. Черезъ нѣсколько секундъ, въ продолженіе которыхъ Наталья Давыдовна безпокойно разспрашивала его, что съ нимъ, писарь сталъ холодѣть. Тогда она догадалась и, внѣ себя отъ ужаса, закричала такимъ отчаяннымъ голосомъ, что номерная прислуга сбѣжалась и выломала двери.

Черезъ полчаса явилась полиція и судебный слѣдователь. Судебный слѣдователь, человѣкъ пожилой и умный, сразу узналъ Наталью Давыдовну, которую онъ видѣлъ каждый четвергъ въ пріемной залѣ института, куда пріѣзжалъ навѣщать свою дочь. Онъ хотѣлъ замять исторію, но его поразило ея безстыдство. Оправившись отъ ужаса, въ который ее привелъ мертвецъ, обнимавшій ея нагую грудь,

и видя, что все равно ея положеніе въ институтѣ погибло, — она стала цинично-откровенна. Она стояла передъ слѣдователемъ въ одной юбкѣ, убирала длинные волосы, закинувъ назадъ голыя руки, и, не выпуская изо рта шпилекъ, говорила ему:

— Васъ удивляетъ, какъ это шестнадцать лѣтъ никто не имѣлъ даже и тѣни подозрѣнія? Ахъ, это-то и доставляло мнѣ страшное удовольствіе. Знаете ли, иногда оставшись одна въ своей комнатѣ, я задыхалась отъ смѣха, когда вспоминала объ этомъ. Это было восхитительно! Слыть чуть ли не святой и по ночамъ распутничать. Да что̀ я вамъ говорю! Вы, женатые мужчины, не хуже меня понимаете эти тайныя наслажденія. Повѣрите ли: никому и въ голову не приходило, что я ѣздила въ Одессу вовсе не для лимановъ, а просто потому, что была беременна.

Слѣдователь глядѣлъ на нее съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ.

— Но неужели вы ни разу не столкнулись съ вашими знакомыми? — спросилъ онъ, недоумѣвая.

Она расхохоталась.

— Нѣтъ, къ счастью, не встрѣтилась. Да, все равно, я ничѣмъ не рисковала, если бы и встрѣтилась. Я бы предложила ему пойти со мной — и только. Ну, скажите, вотъ вы, именно, почтенный человѣкъ и семьянинъ... Развѣ это предложеніе не заставило бы васъ одной своей оригинальностью побѣжать за мной? Вы, навѣрное, уже отъ своей дочери порядочно наслышались о моихъ добродѣтеляхъ!

И затѣмъ, воткнувши гребенки въ волосы и сѣвъ на кресло, она спокойно прибавила:

— Потрудитесь послать за посыльнымъ. Я хочу его отправить въ институтъ за моими вещами и документами. Кстати: распорядитесь, чтобы мнѣ дали позавтракать.

ПО-СЕМЕЙНОМУ.

Было это... право, теперь мнѣ кажется порой, что это было триста лѣтъ тому назадъ: такъ много событій, лицъ, городовъ, удачъ, неуспѣховъ, радостей и горя легло между нынѣшнимъ и тогдашнимъ временемъ. Я жилъ тогда въ Кіевѣ, въ самомъ началѣ Подола, подъ Александровской Горкой, въ номерахъ «Днѣпровская Гавань», содержимыхъ бывшимъ пароходнымъ поваромъ, уволеннымъ за пьянство, и его женою Анной Петровной—сущей гіеной по коварству, жадности и злобѣ.

Насъ, постоянныхъ жильцовъ, было шестеро, всѣ—люди одинокіе. Въ первомъ номерѣ обиталъ самый старинный постоялецъ. Когда-то онъ былъ купцомъ, имѣлъ ортопедическій и корсетный магазинъ, потомъ втянулся въ карточную игру и проигралъ все свое предпріятіе; служилъ одно время приказчикомъ, но страсть къ игрѣ совершенно выбила его изъ колеи. Теперь онъ жилъ Богъ знаетъ какимъ нелѣпымъ и кошмарнымъ образомъ. Днемъ спалъ, а поздно вечеромъ уходилъ въ какіе-то тайные игорные притончики, которыхъ множество на берегу Днѣпра, около большого рѣчного порта. Былъ онъ—какъ всѣ игроки не по расчету, а по страсти — широкимъ, вѣжливымъ и фатальнымъ человѣкомъ.

Въ номерѣ третьемъ жилъ инженеръ Бутковскій. Если вѣрить ему, то онъ окончилъ лѣсной, горный, путейскій

и технологическій институты, не считая заграничной высшей школы. И правда, въ смыслѣ всевозможныхъ знаній, онъ былъ похожъ на фаршированную колбасу, или на чемоданъ, куда, собираясь въ путь, напихали всякаго тряпья сверхъ мѣры, придавили верхнюю крышку животомъ и съ трудомъ заперли чемоданъ на ключъ, но если откроешь, то все лѣзетъ наружу. Онъ свободно и даже безъ просьбы говорилъ о лоціи, объ авіаціи, ботаникѣ, статистикѣ, дендрологіи, политикѣ, объ ископаемыхъ бронтозаврахъ, астрономіи, фортификаціи, септаккордахъ и доминантахъ, о птицеводствѣ, огородничествѣ, облѣсеніи овраговъ и городской канализаціи. Онъ запивалъ разъ въ мѣсяцъ на три дня, когда говорилъ исключительно по-французски и по-французски же писалъ въ это время коротенькія записочки о деньгахъ своимъ бывшимъ коллегамъ-инженерамъ. Потомъ дней пять онъ отлеживался подъ синимъ англійскимъ клѣтчатымъ пледомъ и потѣлъ. Больше онъ ничего не дѣлалъ, если не считать писемъ въ редакцію, которыя онъ писалъ всюду и по всякимъ поводамъ: по случаю осушенія болотъ Полѣсья, открытія новой звѣзды, артезіанскихъ колодцевъ и т. д. Если у него бывали деньги, онъ ихъ разсовывалъ въ разныя книги, стоявшія у него на этажеркѣ, и потомъ находилъ ихъ, какъ сюрпризы. И, помню, часто онъ говорилъ (онъ картавилъ):

— Дгугъ мой. Возьмите, пгошу васъ, съ полки Элизэ Геклю, томъ четвертый. Тамъ между двухсотой и тгехсотой стганицами должны быть пять гублей, котогые я вамъ долженъ.

Собою же онъ былъ совсѣмъ лысъ, съ бѣлой бородой и сѣдыми бакенбардами вѣеромъ.

Въ восьмомъ номерѣ жилъ я. Въ седьмомъ — студентъ съ толстымъ безусымъ лицомъ, заика и папинька (теперь онъ прокуроръ съ большой извѣстно-

стью). Въ шестомъ — нѣмецъ Карлъ, шоссейный техникъ, жирный остзеецъ, трясущійся пивопійца. А пятый номеръ нанимала проститутка Зоя, которую хозяйка уважала больше, чѣмъ насъ всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Во-первыхъ, она платила за номеръ дороже, чѣмъ мы, во-вторыхъ — платила всегда впередъ, а въ-третьихъ — отъ нея не было никакого шума, такъ какъ къ себѣ она водила — и то лишь изрѣдка — только гостей солидныхъ, пожилыхъ и тихихъ, а больше ночевала на сторонѣ, въ чужихъ гостиницахъ.

Надо сказать, что всѣ мы были и знакомы и какъ будто бы незнакомы. Одолжались другъ у друга заваркой чая, иголкой, ниткой, кипяткомъ, газетой, чернилами, конвертами и бумагой.

Всѣхъ номеровъ было въ нашемъ прибѣжищѣ девять. Остальные три занимались на ночь или на время случайными парочками. Мы не сердились. Мы ко всему привыкли.

Наступила быстрая южная весна. Прошелъ ледъ по Днѣпру: рѣка разлилась такъ мощно, что до самаго горизонта затопила лѣвый, низменный черниговскій берегъ. Стояли теплыя темныя ночи, и перепадали короткіе, но обильные дожди. Вчера деревья едва зеленовато сѣрѣли отъ почекъ, а на утро проснулся — и видишь, какъ они вдругъ заблестѣли нѣжными, яркими первыми листиками.

Тутъ подошла и Пасха съ ея прекрасной, радостной, великой ночью. Мнѣ некуда было пойти разговѣться, и я просто въ одиночествѣ бродилъ по городу, заходилъ въ церкви, смотрѣлъ на крестные ходы, иллюминацію, слушалъ звонъ и пѣніе, любовался милыми дѣтскими и женскими лицами, освѣщенными снизу теплыми огнями свѣ-

чекъ. Была у меня въ душѣ какая-то упоительная грусть— сладкая, легкая и тихая, точно я жалѣлъ безъ боли объ утраченной чистотѣ и ясности моего дѣтства.

Когда я вернулся въ номера, меня встрѣтилъ нашъ курносый коридорный Васька, шустрый и лукавый мальчуганъ. Мы похристосовались. Улыбаясь до ушей и обнаруживая всѣ свои зубы и десны, Васька сказалъ мнѣ:

— Барышня съ пятаго номера велѣла, чтобы вы зашли до ее.

Я немного удивился. Мы съ этой барышней совсѣмъ не были знакомы.

— Она и записку вамъ прислала, — продолжалъ Васька. — Вонъ на столѣ лежитъ.

Я взялъ разграфленный листокъ, вырванный изъ записной книжки, и подъ печатной рубрикой «Приходъ» прочиталъ слѣдующее:

«Глубокожамый № 8.

«Если вамъ свободно и не по Брезгуете очень прошу васъ зати ко мнѣ У номеръ разговеца свяченой пасхой.

«Извѣсная вамъ Зоя Крамаренкова».

Я постучалъ къ инженеру, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Онъ стоялъ передъ зеркаломъ и съ упорствомъ всѣми десятью пальцами приводилъ въ порядокъ свои жесткія, запущенныя сѣдины. На немъ былъ лоснившійся сюртукъ, видавшій виды, и бѣлый галстукъ вокругъ заношеннаго, порыжѣвшаго съ краю воротничка.

Оказывается, онъ тоже получилъ пригласительную записку. Мы пошли вмѣстѣ.

Зоя встрѣтила насъ на порогѣ, извиняясь и краснѣя. У нея было самое заурядное, самое типичное лицо русской проститутки: мягкія, добрыя, безвольныя губы, носъ немного картофелемъ и безбровые сѣрые глаза навыкатѣ — «лупетки». Но ея улыбка — нынѣшняя, домашняя. безыскусственная улыбка, такая застѣнчивая,

тихая и женственная — вдругъ на мгновеніе дѣлала лицо Зои прелестнымъ.

У нея уже сидѣли игрокъ и шоссейный Карлъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ студента, здѣсь собрались всѣ постоянные обитатели номеровъ «Днѣпровская Гавань».

Комната у нея была именно такая, какой я себѣ ее представлялъ. На комодѣ пустыя бомбоньерки, налѣпныя картинки, жирная пудра и щипцы для волосъ. На стѣнахъ линялыя фотографіи безусыхъ и курчавыхъ фармацевтовъ, гордыхъ актеровъ въ профиль и грозныхъ прапорщиковъ съ обнаженными саблями. На кровати гора подушекъ подъ тюлевой накидкой, но на столѣ, покрытомъ бумагой, вырѣзанной какъ кружево, красовались пасхи, куличъ, яйца, нога ветчины и двѣ бутылки какого-то таинственнаго вина.

Мы похристосовались съ ней щека объ щеку, цѣломудренно и манерно, и сѣли закусывать. Надо сказать, что всѣ мы въ этотъ часъ представляли собою странное и рѣдкое зрѣлище: четверо мужчинъ, въ конецъ изжеванныхъ и изглоданныхъ неудачной жизнью, четверо старыхъ клячъ, которымъ въ общей сложности было, во всякомъ случаѣ, больше двухсотъ лѣтъ, и пятая — наша хозяйка — уже немолодая русская проститутка, т.-е. самое несчастное, самое глупое и наивное, самое безвольное существо на всей нашей планетѣ.

Но какъ она была неуклюже мила, какъ застѣнчиво гостепріимна, какъ дружески и деликатно проста!

— Получайте, — ласково говорила она, протягивая кому-нибудь изъ насъ тарелку: — получайте и кушайте, пожалуйста. Номеръ шестой, вы, я знаю, больше пиво пьете. Мнѣ Вася разсказывалъ. Такъ достаньте около васъ подъ столомъ. А вамъ, господа, я налью вина. Это очень хорошее вино. Тенерифъ. У меня есть одинъ знакомый пароходчикъ, такъ онъ его постоянно пьетъ.

Мы четверо знали все въ жизни и, конечно, знали, на какія деньги былъ устроенъ весь этотъ пасхальный столъ вмѣстѣ съ пивомъ и «Тенерифомъ». Но это знаніе однако, совсѣмъ не коробило и не угнетало насъ.

Зоя разсказывала о своихъ ночныхъ впечатлѣніяхъ. Въ Братствѣ, гдѣ она отстояла заутреню, была страшная тѣснота, но Зоѣ удалось занять хорошее мѣсто. Чудесно пѣлъ академическій хоръ, а Евангеліе читали сами студенты, и читали поочередно на всѣхъ языкахъ, какіе только есть на свѣтѣ: по-французски, по-нѣмецки, по-гречески и даже на арабскомъ языкѣ. А когда святили на дворѣ пасхи и куличи, то сдѣлалась такая толкотня, что богомольцы перепутали свои припасы и перессорились.

Потомъ Зоя задумалась, развздыхалась и стала мечтательно вспоминать Великую недѣлю у себя въ деревнѣ.

— Такіе мы цвѣточки собирали, называются «сонъ», синенькіе такіе, они первые изъ земли выходятъ. Мы дѣлали изъ нихъ отваръ и красили яйца. Чудесный выходилъ синій цвѣтъ.

«А чтобы желтый былъ цвѣтъ, такъ мы лукомъ яйца обертывали, шелухой, — и въ кипятокъ. А то еще разноцвѣтными тряпочками красили. А потомъ цѣлую недѣлю ходили по селу и били яйцо объ яйцо. Сначала носикомъ, потомъ ж..кой, кто перебьетъ другого, тотъ забираетъ себѣ. Одинъ парнишка досталъ гдѣ-то въ городѣ каменное яйцо — такъ онъ всѣхъ перекокалъ. Но когда дознались, въ чемъ дѣло, то у него всѣ яйца отняли, а самого поколотили.

«И цѣлую Святую недѣлю у насъ качели. Однѣ — большія посередь села: это общественныя. А то еще отдѣльно у каждыхъ воротъ маленькія качели — дощечка и пара веревокъ. Такъ всю недѣлю качаются всѣ — мальчишки и дѣвчонки, и всѣ поютъ: Христосъ Воскресе. Хорошо у насъ!»

Мы слушали ее молча. Жизнь такъ долго и ожесточенно колотила насъ по головамъ, что, казалось, навѣки выбила изъ насъ всякія воспоминанія о дѣтствѣ, о семьѣ, о матери, о прежнихъ Пасхахъ.

Между тѣмъ коленкоровая занавѣска на окнѣ холодно поголубѣла отъ разсвѣта, потомъ стала темнѣть и переходить въ желтый тонъ и вдругъ незамѣтно стала розовой отъ отраженнаго солнца.

— Вы не боитесь, господа, я открою окно? — сказала Зоя.

Она подняла занавѣску и распахнула раму. Вслѣдъ за нею и мы всѣ подошли къ окну.

Было такое свѣтлое, чистое, праздничное утро, какъ будто кто-то за ночь взялъ и вымылъ заботливыми руками и бережно разставилъ по мѣстамъ: и это голубое небо, и пушистыя бѣлыя облака на немъ, и высокіе старые тополи, трепетавшіе молодой, клейкой, благоухающей листвой. Днѣпръ разстилался подъ нами на необозримое пространство — синій и страшный у береговъ, спокойный и серебряный вдали. На всѣхъ городскихъ колокольняхъ звонили.

И вдругъ всѣ мы невольно обернулись. Инженеръ плакалъ. Ухватившись руками за косякъ оконной рамы и прижавшись къ нему лбомъ, онъ качалъ головой и весь вздрагивалъ отъ рыданій. Богъ вѣсть, что̀ дѣлалось въ его старческой, опустошенной и израненной душѣ неудачника. Я зналъ его прежнюю жизнь только слегка, по случайнымъ намекамъ: тяжелая женитьба на распутной бабенкѣ, растрата казенныхъ денегъ, стрѣльба изъ револьвера въ любовника жены, тоска по дѣтямъ, ушедшимъ къ матери...

Зоя жалостно ахнула, обняла инженера и положила его сѣдую, съ красной бугристой плѣшью голову себѣ на грудь и стала тихо гладить его плечи и щеки.

— Ахъ, миленькій, ахъ, вы, мой бѣдненькій, — говорила она пѣвуче. — Сама вѣдь я знаю, какъ трудно вамъ жить. Всѣ вы, какъ песики заброшенные... старенькіе... одинокіе. Ну, ничего, ничего... потерпите, голубчики мои... Богъ дастъ, все пройдетъ, и дѣла поправятся, и все пойдетъ по-хорошему... Ахъ, вы, родненькій мой...

Съ трудомъ инженеру удалось справиться. Вѣки у него набрякли, бѣлки покраснѣли, а распухшій носъ сталъ почти синимъ.

— Чогтъ! Негвы пгоклятые! Чогтъ! — говорилъ онъ сердито, отворачиваясь къ стѣнѣ.

И по его голосу я слышалъ, что у него въ горлѣ, во рту и въ носу еще стоятъ ѣдкія невылившіяся слезы.

Черезъ пять минутъ мы стали прощаться, и всѣ почтительно поцѣловали руку у Зои. Мы съ инженеромъ вышли послѣдними, и какъ разъ у самыхъ дверей Зоинаго номера на насъ наскочилъ возвращавшійся изъ гостей студентъ.

— Ага! — воскликнулъ онъ, улыбаясь и многозначительно вздернувъ брови. — Вы в-вонъ откуда? Гм... раззговѣлись, значитъ?

Въ тонѣ его голоса мы услышали опредѣленную гнусность. Но инженеръ великолѣпно и медленно смѣрилъ его взглядомъ отъ сапогъ до верха фуражки и послѣ длинной паузы сказалъ черезъ плечо тономъ непередаваемаго презрѣнія:

— Сссусликъ!

ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА.

Мы жили тогда въ Рязанской губерніи, въ 120-ти верстахъ отъ ближайшей станціи желѣзной дороги и въ 25-ти верстахъ отъ большого торговаго села Тумы. «Тума желѣзная, а люди въ ней каменные», — такъ мѣстные жители сами про себя говорили. Жили мы въ старомъ, заброшенномъ имѣніи, гдѣ въ 1812 году былъ построенъ плѣнными французами огромный деревянный домъ съ колоннами и ими же былъ разбитъ громадный липовый паркъ въ подражаніе Версалю.

Представьте себѣ наше комическое положеніе: въ нашемъ распоряженіи 23 комнаты, но изъ нихъ отапливается только одна, да и то такъ плохо, что въ ней къ утру замерзаетъ вода и створки дверей покрываются инеемъ. Почта приходитъ то разъ въ недѣлю, то разъ въ два мѣсяца, и привозитъ ее случайный мужичонка за пазухой своего зипуна, мокрую отъ снѣга, съ размазанными адресами и со слѣдами любознательности почтоваго чиновника. Вокругъ насъ столѣтній боръ, гдѣ водятся медвѣди и откуда среди бѣлаго дня голодные волки забѣгаютъ въ окрестныя села таскать зазѣвавшихся собачонокъ. Мѣстное населеніе говоритъ непонятнымъ для насъ пѣвучимъ, цокающимъ и гокающимъ языкомъ, и смотритъ на насъ исподлобья, пристально, угрюмо и безцеремонно. Оно убѣждено твердо, что лѣсъ принадле-

житъ Богу и мужику, а управляющій имѣніемъ, нѣмецъ-менонитъ изъ Сарепты, опустившійся и разлѣнившійся отъ бездѣйствія, только и знаетъ, что ходитъ каждый день въ лѣсъ отнимать топоры у мужиковъ-лѣсокрадовъ. Къ нашимъ услугамъ прекрасная французская библіотека XVIII столѣтія, но весь ея чудесный эльзевиръ обглоданъ мышами. А старинная портретная галлерея въ двухсвѣтной залѣ, погибшая отъ сырости, плѣсени и дыма— скоробилась, почернѣла и потрескалась.

Представьте себѣ сосѣднюю деревню, всю занесенную снѣгомъ, представьте себѣ еще неизбѣжнаго въ русской деревнѣ дурачка Сережу, который ходитъ зимою почти голымъ, попа, который подъ праздникъ не играетъ въ преферансъ и пишетъ доносы, деревенскаго старосту— глупаго, хитраго человѣка, дипломата и попрошайку, говорящаго на ужасномъ «столичномъ» языкѣ. Если вы все это себѣ представите, то вы, конечно, поймете, что мы дошли до скуки, до одурѣнія. Насъ уже больше не увлекали ни облавы на медвѣдей, ни охота съ гончими на зайцевъ, ни стрѣльба изъ пистолетовъ въ цѣль, черезъ три комнаты на разстояніи 25 шаговъ, ни писаніе по вечерамъ совмѣстныхъ юмористическихъ стиховъ. Признаться, мы перессорились между собою.

Да и то сказать: если бы насъ спросили каждаго поочередно, зачѣмъ мы пріѣхали сюда, то, кажется, ни одинъ не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ. Я въ то время занимался живописью, Валеріанъ Александровичъ писалъ символическіе стихи, а Васька увлекался Вагнеромъ и игралъ призывъ Тристана къ Изольдѣ на старыхъ, разбитыхъ, съ пожелтѣвшими клавишами, клавикордахъ.

Къ Рождеству деревня вдругъ оживилась. На Тристенкѣ, въ Бородинѣ, въ Брылинѣ, Шустовѣ, Никифоровскомъ, въ Козлахъ мужики начали варить пиво, то самое, густое, тяжелое пиво, отъ котораго чугунѣетъ

лицо и руки дѣлаются какъ лубки. Между крестьянами, несмотря на преддверіе праздника, было настолько много пьяныхъ, что въ Дягилевѣ сынъ проломилъ своему отцу голову, вырвавъ съ этой цѣлью стягъ изъ забора, а въ Круглицахъ опился до смерти какой-то древній старикъ. Рождество невольно увлекло насъ. Первый визитъ мы сдѣлали на Попиху: къ попу и псаломщику, потомъ забрели ни съ того, ни съ сего къ церковному сторожу Андрею, потомъ къ двумъ сельскимъ учительницамъ, а потомъ все пошло очень легко: отъ учительницъ мы попали къ доктору въ Туму, потомъ къ волостному писарю, гдѣ насъ ожидалъ цѣлый банкетъ, затѣмъ къ уряднику, къ хромоногому фельдшеру, потомъ къ мѣстному кулаку, Василію Егорову, который скупалъ со всей окрестности шкуры, холстъ, зерно, лѣсъ, кнуты, лукошки и веретена. И пошло, и поѣхало!..

Нужно признаться, что мы чувствовали себя немного неловко. Мы никакъ не могли войти въ темпъ этой жизни, которая устоялась въ теченіе множества лѣтъ. Несмотря на нашу внѣшнюю развязность, мы все-таки были людьми съ другой планеты. Выходило такъ, что мы нашихъ сосѣдей разсматривали въ микроскопъ, а они насъ — въ телескопъ. Правда, мы дѣлали попытки притвориться своими людьми, — этакими веселыми малыми въ русскомъ стилѣ. Когда у псаломщика дѣвица сорока лѣтъ, Анна Игнатьевна, съ мозолистыми руками, которыми она обыкновенно сама запрягала шоколаднаго мерина и возила на салазкахъ бадью съ водой, которую сама же вытягивала обледянѣлой веревкой изъ вонючаго колодца,—когда она вдругъ на вечеринкѣ дѣлала стыдливый видъ, потупляла глаза, разводила руки и пѣла:

„Ондрей Николаевичъ,
Доступаемъ, доступаемъ мы до васъ,
Безпокоить хочемъ васъ, хочемъ васъ.

Безпокой прошу, покорно приношу,—
Кого любишь, того выбери,
За собою поведи, поведи,
Молодой назови, назови“—

тогда мы храбро цѣловали ее въ самыя губы, несмотря на ея притворное сопротивленіе и кокетливый визгъ, что̀, конечно, полагалось по обычаю.

Послѣ этихъ насильственныхъ поцѣлуйчиковъ мы всѣ становились въ кругъ: четверо отпускныхъ семинаристовъ, псаломщикъ, экономка изъ сосѣдняго имѣнія, двѣ сельскія учительницы, урядникъ въ штатской формѣ, дьяконъ, мѣстный фельдшеръ и мы — три эстета, искавшіе въ то время аристократической, изысканной красоты въ звукахъ, словахъ и краскахъ. Стараясь держать себя возможно лучше, мы кружились въ общемъ хороводѣ налѣво и направо при общемъ ревѣ и топотѣ, въ то время какъ герой, распорядитель танцевъ и мѣстный левъ, семинаристъ Воздвиженскій, носился по всей комнатѣ, выдѣлывая балетныя па и щелкая надъ головой пальцами.

„Какъ во городѣ королевна, королевна,
По-загороду королевичъ, королевичъ,
Молодой сынъ-короличекъ гуляе,
Онъ гуляе,
Онъ невѣсту себѣ выглядае, выглядае,—
Не моя ли расхорошая гуляе, тамъ гуляе,
Золотой перстень возсіяе, возсіяе“.

Потомъ вдругъ хоровод̀ъ останавливался, и всѣ начинали пѣть уже нѣсколько въ другомъ, торжественномъ тонѣ:

„Растворились королевскія ворота,
Король королевнѣ поклонился,
Королевна ему еще ниже“.

И тутъ фельдшеръ и псаломщица выступали другъ про-

тивъ друга и низко кланялись другъ другу, а хоръ продолжалъ:

„Ты подвинься, сударчикъ, поближе,
Прижмись ко грудямъ потѣснѣе,
Поцѣлуй, поцѣлуй понѣжнѣе“.

Наконецъ мы попали въ министерскую тумскую школу. Этого нельзя было избѣжать: раньше тамъ было около пятнадцати репетицій, на которыхъ дѣтей дрессировали, какъ ученыхъ собакъ, и, кажется, особенно имѣли при этомъ въ виду насъ, петербургскихъ гостей. Мы пошли. Елка разожглась сразу, благодаря пороховому шнуру. Что̀ касается программы, то я зналъ ее заранѣе наизусть... «Я изъ лѣсу вышелъ, былъ сильный морозъ. Гляжу, поднимается медленно въ гору лошадка, везущая хворосту возъ.—А кой тѣ годочекъ?—Шастой миновалъ». Хотя надо сказать, что крошечный шестилѣтній мужичонка, въ огромной шапкѣ изъ собачьяго мѣха и въ отцовскихъ кожаныхъ рукавицахъ объ одномъ пальцѣ—настоящій прирожденный артистъ—былъ очарователенъ со своей важной серьезностью и сиплымъ баскомъ.

Остальное, нужно сказать, было очень гнусно сдѣлано. Въ такомъ ложномъ народномъ духѣ.

Мнѣ давно знакомы эти обычные номера: «Демьянова уха» въ лицахъ, почему-то малорусскія пѣсни съ исковерканнымъ до-нельзя произношеніемъ, какіе-то стишки слащаваго дамскаго рукодѣлія, которые были исполнены хоромъ: «Вотъ рождественская елка, днесь сегодня собрались, вотъ Петрушка, вотъ лошадка, вотъ и цѣлый паровозъ». Учитель, маленькій, чахоточный человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ и крахмаленномъ бѣльѣ, одѣтомъ, очевидно, только на этотъ случай, то игралъ на скрипкѣ, то дирижи-

ровалъ смычкомъ, то задавалъ тонъ до-ми-соль-ми-до и время отъ времени стукалъ смычкомъ по головамъ мальчишекъ

Мѣстный попечитель училища, нотаріусъ изъ заштатнаго городка, отъ умиленія жевалъ губами и высовывалъ толстый, точно у попугая, короткій языкъ, потому что вся эта дрессировка была сдѣлана въ его честь.

Наконецъ учитель подошелъ къ самому лучшему номеру своей программы. До сихъ поръ мы смѣялись, но тутъ намъ пришлось почти заплакать. Вышла впередъ маленькая дѣвчонка, лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, дочь стражника, кстати, очень похожая на него лошадинымъ профилемъ и, конечно, первая ученица въ училищѣ, и начала

„Попрыгунья-стрекоза лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла, какъ зима катитъ въ глаза“.

— «Кумушка, мнѣ странно это,—разсудительно заговорилъ шершавый мальчишка въ отцовскихъ валенкахъ, такъ лѣтъ семи: — а работала ль ты въ лѣто?»

— «До того ль, голубчикъ, было въ мягкихъ муравахъ у насъ»... — отвѣтила дочка стражника.

И вотъ тутъ-то и сказалось прославленное русское гостепріимство.

Стрекоза отвѣчаетъ:

«Я все пѣла».

И тутъ учитель Капитонычъ взмахнулъ одновременно скрипкой и смычкомъ, — о, это былъ эффектъ, давно подготовленный! — и вдругъ таинственнымъ полушопотомъ весь хоръ началъ пѣть

„Ты все пѣла,—это дѣло,
Такъ поди же попляши,
Такъ поди же, такъ поди же
Такъ поди же попляши“.

Мнѣ вовсе не трудно сознаться въ томъ, что въ это время у меня волосы стали дыбомъ, какъ стеклянныя трубки, и мнѣ казалось, что глаза этой дѣтворы и глаза всѣхъ набившихся биткомъ въ школу мужиковъ и бабъ устремлены только на меня, и даже больше,—что глаза полутораста милліоновъ глядятъ на меня, точно повторяя эту проклятую фразу: «Ты все пѣла, это — дѣло, такъ поди же попляши. Такъ поди же попляши».

Не знаю, какъ долго тянулось это монотонное, журчащее и въ то же время какое-то зловѣщее и язвительное причитаніе. Но помню ясно, что въ тѣ минуты тяжелая, печальная и страшная мысль точно разверзлась въ моемъ умѣ. «Вотъ,—думалъ я:—стоимъ мы, малая кучка интеллигентовъ, лицомъ къ лицу съ неисчислимымъ, самымъ загадочнымъ, великимъ и угнетеннымъ народомъ на свѣтѣ. Что̀ связываетъ насъ съ нимъ? Ничто. Ни языкъ, ни вѣра, ни трудъ, ни искусство. Наша поэзія—смѣшна ему, нелѣпа и непонятна, какъ ребенку. Наша утонченная живопись — для него безполезная и неразборчивая пачкотня. Наше богоискательство и богостроительство — сплошная блажь для него, вѣрующаго одинаково свято и въ Параскеву-Пятницу и въ лѣшаго съ баешникомъ, который водится въ банѣ. Наша музыка кажется ему скучнымъ шумомъ. Наша наука недостаточна ему. Нашъ сложный трудъ смѣшонъ и жалокъ ему, такъ мудро, терпѣливо и просто оплодотворяющему жестокое лоно природы. Да. Въ страшный день отвѣта, что̀ мы скажемъ этому ребенку и звѣрю, мудрецу и животному, этому многомилліонному великану? Ничего. Скажемъ съ тоской: «Я все пѣла». И онъ отвѣтитъ намъ съ коварной мужицкой улыбкой: «Такъ поди же попляши»...

Я не знаю также, какъ это поняли мои товарищи, но изъ министерскаго училища мы вышли молча, не обмѣнявшись впечатлѣніями.

Черезъ три дня мы разъѣхались, и до сихъ поръ между нами холодныя отношенія. Вышло такъ, какъ будто бы невинными устами этихъ сопливыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ намъ произнесли самый тяжелый, безповоротный смертный приговоръ. И когда я ѣхалъ обратно отъ стоешника Ивана Александровича Караулова до Горѣли и отъ Горѣли до Козловъ и отъ Козловъ до Зиньтабровъ и дальше по желѣзной дорогѣ, меня все время преслѣдовалъ этотъ ироническій, какъ будто бы злой напѣвъ: «Такъ поди же попляши».

Только одинъ Богъ знаетъ судьбы русскаго народа... Ну, что̀ же, если нужно будетъ, попляшемъ!

Я ѣхалъ цѣлую ночь до станціи.

На голыхъ, обледянѣлыхъ вѣтвяхъ березъ сидѣли звѣзды, какъ будто бы самъ Богъ внимательной рукой украсилъ деревья. Я думалъ о томъ, что это красиво, но уже никакъ не могъ, какъ и теперь не могу, отдѣлаться отъ мысли: «Такъ поди же попляши»...

КОРОЛЕВСКІЙ ПАРКЪ.

Фантазія.

Наступило начало XXVI-го столѣтія по христіанскому лѣтосчисленію. Земная жизнь людей измѣнилась до неузнаваемости. Цвѣтныя расы совершенно слились съ бѣлыми, внеся въ ихъ кровь ту стойкость, здоровье и долговѣчность, которой отличаются среди животныхъ всѣ гибриды и метисы. Войны навѣки прекратились еще съ середины XX столѣтія, послѣ ужасающихъ побоищъ, въ которыхъ принялъ участіе весь цивилизованный міръ и которыя обошлись въ десятки милліоновъ человѣческихъ жизней и въ сотни милліардовъ денежныхъ расходовъ. Геній человѣка смягчилъ самые жестокіе климаты, осушилъ болота, прорылъ горы, соединилъ моря, превратилъ землю въ пышный садъ и въ огромную мастерскую и удесятерилъ ея производительность. Машина свела трудъ къ четыремъ часамъ ежедневной и для всѣхъ обязательной работы. Исчезли пороки, процвѣли добродѣтели. По правдѣ сказать... все это было довольно скучно. Не даромъ же въ срединѣ тридцать второго столѣтія, послѣ великаго южно-африканскаго возстанія, направленнаго противъ докучнаго общественнаго режима, все человѣчество въ какомъ-то радостно-пьяномъ безуміи бросилось на путь войны, крови, заговоровъ, разврата и жестокаго, неслыханнаго деспотизма,—бросилось и—Богъ вѣсть, въ ко-

торый разъ за долголѣтнюю исторію нашей планеты — разрушило и обратило въ прахъ и пепелъ всѣ великія завоеванія міровой культуры.

Все мирное и сытое благополучіе, предшествовавшее этому стихійному разгрому, пришло само собою, безъ крови и насилія. Земные властители молча и покорно уступили духу времени и сошли съ своихъ троновъ, чтобы растворитъся въ народѣ и принять участіе въ его созидательномъ трудѣ. Они сами поняли, что обаяніе ихъ власти давно уже стало пустымъ словомъ. Недаромъ много столѣтій подъ рядъ ихъ принцессы сбѣгали изъ дворцовъ съ лакеями, обезьяньими поводырями, крупье, цыганами, таперами и бродячими фокусниками. И недаромъ же ихъ принцы, великіе герцоги, эрцгерцоги и просто герцоги закладывали наслѣдственные скипетры въ ссудныхъ кассахъ, а тысячелѣтнія короны клали къ ногамъ кокотокъ, а кокотки дѣлали изъ нихъ украшенія для своихъ фальшивыхъ волосъ.

Но многіе изъ ихъ потомковъ — слѣпо, гордо, безстрашно и, по-своему, трагически увѣренные въ божественности и неизсякаемости власти, почіющей на нихъ въ силу наслѣдственной преемственности — отказались презрительно отъ общенія съ чернью и никогда не переставали считать себя повелителями и отцами народовъ. Они брезговали прибѣгнуть къ самоубійству, которое попрежнему считали унизительною слабостью для лицъ королевскихъ домовъ. Они ни за что не соглашались омрачить сіяніе своихъ старинныхъ гербовъ недостойнымъ бракомъ. И ихъ изнѣженныя, тонкія и бѣлыя руки никогда не запачкались физическимъ трудомъ — этимъ удѣломъ рабовъ.

Тогда народное правительство, давно уничтожившее тюрьмы, наказанія и насиліе, построило для нихъ въ роскошномъ общественномъ паркѣ большой, свѣтлый и очень

удобный домъ, съ общей гостиной, столовой и залой и съ отдѣльными маленькими, но уютными комнатками. Пропитаніе же и одежда опредѣлены имъ отъ доброхотныхъ даяній народа, и бывшіе владыки безмолвно соглашаются между собою — глядѣть на эти маленькіе подарки, какъ на законную дань вассаловъ. А для того, чтобы прозябаніе вѣнценосцевъ не было безцѣльнымъ, практичное правительство разрѣшаетъ школьникамъ изучать исторію прошлаго на этихъ живыхъ обломкахъ старины.

И вотъ, собранные въ одно мѣсто, предоставленные самимъ себѣ и своей бездѣятельности, они медленно разрушаются тѣломъ и опускаются душою въ общественной богадѣльнѣ. Они еще хранятъ въ своей наружности отблескъ былого величія. Ихъ породистыя лица, утонченныя и облагороженныя строгимъ подборомъ въ теченіе сотенъ поколѣній, попрежнему отличаются своими покатыми лбами, орлиными носами и крутыми подбородками, годными для медальныхъ профилей. Ихъ руки и ноги, какъ и раньше, малы и изящны. Ихъ движенія остались величественными, а улыбки очаровательными.

Но это только на народѣ, передъ посѣтителями парка... Оставаясь одни, въ стѣнахъ богадѣльни, они превращаются въ сморщенныхъ, кряхтящихъ, недужныхъ старичковъ, завистливыхъ, бранчивыхъ, подозрительныхъ и черствыхъ. Они садятся вчетверомъ за винтъ — два короля и два великихъ герцога. И пока идетъ сдача, они спокойны, вѣжливы и любезно предупредительны. Но давнишнее взаимное раздраженіе, всегда накопляющееся между людьми, долго и поневолѣ живущими вмѣстѣ, скупость, нервность и вспыльчивость скоро перессорили ихъ. И король сардинскій, отхаживая отыгранныя трефы, изысканно-любезно замѣчаетъ герцогу сенъ-бернардскому:

— Надѣюсь, ваше высочество, что вы не задержали, какъ въ прошлую игру, одну трефу про запасъ?

А герцогъ отвѣчаетъ на это съ горечью:

— Лишь происки враговъ и общее паденіе нравственности заставляютъ меня жить въ одной клѣткѣ съ такой старой мартышкой, какъ вы, Sir.

И всѣ они отлично знаютъ, что у дамы бубенъ оторванъ уголокъ, а у девятки пикъ на крапѣ чернильное пятно, и, входя въ маленькую сдѣлку со своей совѣстью, тайно пользуются этими наивными примѣтами.

Изрѣдка, во время обѣда, они, какъ индюки сквозь сонъ, еще произносятъ вѣскія фразы:

— Мой народъ и моя армія...

— О, если бы вы знали, какъ обожали моего отца подданные... Они и до сихъ поръ... Я могу вамъ дать прочитать письмо, полученное мною отъ моей партіи... Не знаю только, куда я его дѣвалъ...

— Да. И до меня дошли свѣдѣнія, что у меня, въ моихъ горахъ, идетъ сильное броженіе...

— Люди должны же когда-нибудь одуматься и возвратиться къ законному порядку вещей...

Но никто этого бормотанія не слышалъ и никто, даже услышавъ, ему не вѣрилъ. У нихъ у всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ, остался лишь одинъ вѣрный подданный, убѣжденный сторонникъ королевской власти — ихъ глухой, полуослѣпшій, почти столѣтній прислужникъ, бывшій солдатъ.

Ихъ мелочная, пустяковая жизнь вся переполнена сплетнями, интригами, взаимнымъ подглядываніемъ и подслушиваніемъ. Они засматриваютъ другъ другу въ чашки и горшки, въ столики, подъ одѣяла и въ грязное бѣлье, упрекаютъ другъ друга болѣзнями и старческимъ безобразіемъ, и всѣ завидуютъ графу Луарскому, супруга котораго открыла мелочную лавочку по близости отъ морского порта и, благодаря торговлѣ, имѣетъ возможность покупать сигары своему державному мужу.

Ихъ сыновья и дочери еще въ отрочествѣ оставили ихъ, чтобы утонуть, исчезнуть въ народѣ. Но зато по праздникамъ принцевъ еще навѣщаютъ ихъ жены и совсѣмъ уже дряхленькія матери, которымъ, какъ и всѣмъ женщинамъ, въ обыкновенные дни прегражденъ доступъ въ «Домъ Королей». Онѣ подбираютъ на улицахъ и на площадяхъ всѣ газетныя и устныя сплетни и обольщаютъ своихъ старыхъ дѣтей несбыточными надеждами, и вмѣстѣ съ ними вслухъ мечтаютъ о томъ, какъ они подымутъ въ своей странѣ травосѣяніе, и какъ нужно и важно для государства разведеніе чернослива, швейцарскихъ розъ, лимбургскаго сыра, спаржи и ангорскихъ котовъ. Послѣ такихъ разговоровъ бѣдные старые короли видятъ во снѣ фейерверки, парады, знамена, балы, торжественные выходы и ревущую отъ восторга толпу. А на утро многіе изъ нихъ послѣ безпокойнаго сна принимаютъ горькую воду, и вся богадѣльня отъ скуки слѣдитъ за исходомъ лѣкарства.

И вотъ попрежнему, какъ и тысячи лѣтъ тому назадъ, наступила весна. Что̀ бы ни было — весна навсегда останется милымъ, радостнымъ, свѣтлымъ праздникомъ, такъ же, какъ остается ея вѣчнымъ спутникомъ яйцо—символъ безконечности и плодотворности жизни.

Въ «Паркѣ Королей» распустились клейкія благоухающія тополевыя почки, зазеленѣли газоны, и сладостно и мощно запахло обнаженной, еще мягкой землей, совершающей снова великую тайну материнства. А сквозь вѣтви деревьевъ опять засмѣялось старое, чудесное голубое небо.

Вѣнценосцы выползли изъ своихъ комнатокъ на воздухъ и тихо бродятъ по дорожкамъ парка, опираясь на

костыли. Весна, которая такъ томно и властно зоветъ куда-то молодыя сердца, разбудила и въ ихъ старческой крови печальную и неясную тревогу. Но молодежи, заполнявшей въ эти свѣтлые дни прекрасный паркъ, они казались еще болѣе далекими, странными и чужими — подобными загробнымъ выходцамъ.

Старый, совсѣмъ одинокій, бездѣтный и вдовый король Трапезундскій, величественный старецъ съ коническимъ, уходящимъ назадъ лбомъ, съ горбатымъ носомъ и серебряной бородой до пояса, усѣлся на зеленой скамейкѣ, въ самой дальней, уединенной аллеѣ. Солнце и воздухъ пьяно разморили его тѣло и наполнили его душу тихой тоской. Точно сквозь сонъ слышалъ онъ знакомыя фразы, которыми, при видѣ его, обмѣнивались рѣдкіе прохожіе:

— Это король Трапезундскій. Посмотри въ національномъ музеѣ портретъ его пра-прадѣда Карла XXV, прозваннаго Неукротимымъ. Одно и то же лицо.

— Ты слыхалъ о его предкѣ Альфонсѣ XIX? Онъ разорилъ всю страну въ угоду французской актрисѣ, своей любовницѣ, и дошелъ до того, что самъ продавалъ шпіонамъ иностранныхъ державъ планы своихъ укрѣпленій.

— А Людовикъ Кровавый?.. Двадцать тысячъ человѣкъ въ одно утро были разстрѣляны у казарменныхъ стѣнъ.

Но гордая душа отринутаго народомъ владыки не содрогнулась и не съежилась отъ этого зловѣщаго синодика. Да. Такъ и нужно было поступать его предкамъ. Не только королевскія желанія, но и прихоти должны быть священны для народовъ. И посягающій на божественную власть — достоинъ смерти.

И вдругъ онъ услышалъ надъ собою нѣжный дѣтскій голосокъ и поднялъ склоненную внизъ бѣлую голову.

— Милый дѣдушка. Отчего вы всегда такой скучный? Васъ обижаетъ кто-нибудь? Дѣдушка, позвольте вамъ подарить вотъ это сахарное яичко. Нельзя грустить въ та-

кой прелестный праздникъ. Вы поглядите, дѣдушка: здѣсь стеклышко, а за стеклышкомъ барашекъ на травкѣ. А когда вамъ надоѣстъ глядѣть, вы можете это яичко скушать. Его можно ѣсть, оно сахарное.

Король привлекъ къ себѣ эту добрую, совсѣмъ незнакомую ему, свѣтловолосую и голубоглазую дѣвочку и, гладя ея голову дрожащею рукою, сказалъ съ грустной улыбкой:

— Ахъ, дорогое мое дитя, милое дитя, у меня нѣтъ зубовъ, чтобы грызть сахаръ.

Теперь дѣвочка въ свою очередь погладила ручкой его жесткую, морщинистую щеку и сказала тоненькимъ голоскомъ:

— Ахъ, бѣдный, бѣдный дѣдушка. Какой же вы старенькій, какой несчастненькій... Тогда знаете что̀? У насъ нѣтъ дѣдушки... Хотите быть нашимъ дѣдушкой? Вы умѣете разсказывать сказки?

— Да, милое дитя. Чудесныя старыя сказки. Про желѣзныхъ людей, про вѣрныя сердца, про побѣды и кровавые праздники...

— Вотъ и славно. А я буду васъ водить гулять, буду рвать для васъ цвѣты и плести вѣнки. Мы оба надѣнемъ по вѣнку, и это будетъ очень красиво. Смотрите, вотъ у меня въ рукахъ цвѣты. Синенькіе — это фіалки, а бѣлые—подснѣжники. Я вамъ спою всѣ пѣсни, какія только знаю. Хорошо? Я буду дѣлиться съ вами конфетами...

И странно: король, котораго не могли поколебать ни доводы книгъ, ни слова политиковъ, ни жестокіе уроки жизни, ни исторія — вдругъ сразу всей душой понялъ, какъ смѣшна и безполезна была его упрямая вѣра въ отошедшее. Нестерпимо захотѣлось ему семьи, ласки, ухода, дѣтскаго лепета... И, цѣлуя свѣтлые волосы дѣвочки, онъ сказалъ едва слышно:

— Я согласенъ, добрая дѣвочка... я согласенъ. Я былъ такъ одинокъ во всю мою жизнь... Но какъ на это посмотритъ твой папа...

Тогда дѣвочка убѣжала и черезъ минуту вернулась, ведя за руку высокаго загорѣлаго мужчину со спокойными и глубокими сѣрыми глазами, который, низко опустивъ шляпу, произнесъ:

— Если бы вы согласились, ваше величество, на то, о чемъ болтаетъ моя дѣвчурка, мы были бы безконечно счастливы, ваше величество.

— Бросьте величество... — сказалъ старикъ, вставая со скамьи и просто и крѣпко пожимая руку гражданина.— Отнынѣ моего величества больше не существуетъ.

И они всѣ вмѣстѣ, втроемъ, вышли навсегда изъ «Парка Королей». Но въ воротахъ старикъ внезапно остановился, и обернувшіеся къ нему спутники увидѣли, что по его бѣлой бородѣ, какъ алмазъ по серебру, бѣжитъ свѣтлая слеза.

— Не думайте... — сказалъ старикъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — не думайте, что я буду... ужъ вовсе для васъ безполезенъ... Я умѣю... я умѣю клеить прекрасныя коробочки изъ разноцвѣтнаго картона...

И въ восторгѣ отъ его словъ бѣшено бросилась ему на шею рыженькая дѣвочка.

СЧАСТЛИВАЯ КАРТА.

Игра окончилась. Баронъ фонъ-Оксенбахъ (или что-то въ этомъ родѣ: фамиліи его никто навѣрное не зналъ, но многіе увѣряли, что онъ передергиваетъ) общипалъ всю компанію дочиста. Когда кто-то сталъ просить его прометать еще одну талію на запись, этотъ длинный, худой нѣмецъ, съ бѣлыми рѣсницами и водянистыми глазами, отвѣтилъ, улыбаясь своей улыбкой скелета и стуча костяжкой средняго пальца по столу: «Денежки на столъ, господа... на столъ денежки...» Надо сказать, что такая безцеремонная предусмотрительность была совершенно въ духѣ того мѣста, гдѣ велась игра, т.-е. отчаяннаго картежнаго вертепа, скрывавшагося подъ фирмой приличнаго, почти патріархальнаго дома.

Было часовъ около восьми зимняго утра, и при его сѣромъ свѣтѣ желтые огни оплывшихъ свѣчей горѣли какъ на дневной панихидѣ. Отворенныя форточки оконъ не давали тяги, а табачный дымъ, пропитавшій всю залу своимъ ѣдкимъ запахомъ, висѣлъ въ воздухѣ голубовато-прозрачными неподвижными пеленами. Все говорило о безсонной, безпорядочной ночи: раскрытые ломберные столы, сплошь исчерченные мѣломъ и закапанные виномъ, полъ, усѣянный окурками и перегнутыми, разорванными, скомканными картами, опрокинутые стулья, утомленныя фигуры лакеевъ, заспанныя лица которыхъ были блѣдны

до того, что приняли зеленовато-влажный, мертвенный оттѣнокъ.

Двое игроковъ еще оставались въ залѣ. Увлеченные до сихъ поръ азартомъ, они только теперь почувствовали, что сильно проголодались, и, стоя у подоконника, наскоро закусывали холодной телятиной, запивая ее большими глотками краснаго вина. Въ этомъ домѣ каждый постоянный посѣтитель чувствовалъ себя въ то же время полновластнымъ хозяиномъ, потому что здѣсь и обстановка, и буфетъ, и прислуга содержались исключительно на средства, получаемыя отъ продажи картъ.

— Однако вамъ сегодня чертовски не везло, Власъ Ильичъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, толстый, выхоленный и веселый брюнетъ.

Онъ недавно только началъ постигать сокровенныя таинства баккара, макао и фараона и сильно волновался во время игры. Другой, наоборотъ, одинаково хладнокровно встрѣчалъ удачу и неудачу. Когда онъ металъ, то, глядя на его спокойное, скучающее, преждевременно-старческое лицо, всегда казалось, что онъ играетъ только изъ снисхожденія къ усиленной просьбѣ партнеровъ. Между тѣмъ въ душѣ онъ былъ самымъ страстнымъ игрокомъ, и молодежь зеленаго поля, удивляясь ему, въ то же время охотно признавала его авторитетъ въ спорныхъ вопросахъ. Перваго звали Григоріемъ Михайловичемъ Жедринскимъ, а въ товарищескомъ кругу просто — Гри-Гри. Фамилія второго была Миллеръ.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе собесѣдника, Миллеръ лѣниво зѣвнулъ. Минуты двѣ спустя онъ сказалъ:

— Да. Не особенно. Этому нѣмцу такое дурацкое счастье валитъ, что никакимъ умѣньемъ не поможешь...

— Умѣньемъ? — живо переспросилъ Гри-Гри. — Неужели вы, Власъ Ильичъ, серьезно вѣрите въ это умѣнье?.. Я давно уже слышу о какомъ-то знаніи игры,

о выдержкѣ, объ умѣніи ставить во-время большіе и маленькіе куши.... Но, признаться, я во все это плохо вѣрю... Даже — простите мою смѣлость — меня смѣшитъ, когда объ этомъ говорятъ такіе опытные игроки, какъ вы...

Миллеръ улыбнулся.

— Молодости свойственны легкомысленныя сужденія, Гри-Гри. Это изрекъ еще какой-то очень древній философъ. Но не безпокойтесь, вы когда-нибудь, лѣтъ этакъ черезъ десять, сами на практикѣ удостовѣритесь, что у картъ есть свои особые законы, привычки и симпатіи, къ которымъ нужно зорко присматриваться. Откуда это?— я не знаю. Можетъ-быть, карта складывается такъ или этакъ въ зависимости отъ индивидуальной тасовки каждаго изъ партнеровъ? Понаблюдайте хорошенько, и вы убѣдитесь, что игра одного вечера совершенно не похожа на предыдущую: сегодня выигрываетъ только банкометъ, завтра наоборотъ — понтирующіе; сегодня бьются большею частью фоски и черныя масти, завтра — фигуры и красныя; вчера банкометъ билъ каждыя ваши двѣ карты, а третью давалъ, нынче же онъ бьетъ четыре, а даетъ пятую. Сумѣйте поймать характеръ, настоящій характеръ игры и пользуйтесь имъ. Вотъ вамъ и все умѣнье. Впрочемъ...

Миллеръ замолчалъ.

— Что впрочемъ? Что такое? — заинтересовался Жедринскій.

— Дѣло въ томъ, что бываютъ изрѣдка такіе случаи, которые разбиваютъ въ дребезги всю эту научно-азартную теорію... Необъяснимые, ужасные случаи... Представьте себѣ, у меня выпала однажды такая колея, что я билъ подъ рядъ около пятидесяти картъ!.. Ахъ, это самое несчастное воспоминаніе во всей моей жизни...

— Это воспоминаніе—не секретъ?—спросилъ Гри-Гри.

— Если хотите, дѣйствительно, секретъ... Однако намъ

съ вами пора уже расходиться. Идемте, и я по дорогѣ разскажу вамъ эту странную исторію. Кстати подышимъ свѣжимъ воздухомъ.

Вотъ что̀ разсказалъ Миллеръ.

«Если бы вы были постарше лѣтъ на пятнадцать, то вы, навѣрное, въ свое время сильно интересовались бы процессомъ моего брата — Николая Ильича. Теперь это—пропащій, опустившійся человѣкъ. Катастрофа, разразившаяся надъ его головой, превратила его въ развалину. Хотя срокъ его ссылки давно уже окончился, но онъ прозябаетъ до сихъ поръ въ Сибири, сдѣлавшись кабацкимъ завсегдатаемъ, какимъ-то темнымъ, подпольнымъ адвокатомъ. Никто не повѣритъ, что раньше это былъ свѣтскій человѣкъ съ блестящей карьерой впереди и остроумнѣйшій изъ собесѣдниковъ... Дѣло въ томъ, что онъ, состоя директоромъ одного крупнаго общественнаго учрежденія, растратилъ ввѣренныя ему деньги. Есть основаніе думать, что преступленіе было совершено съ вѣдома и чуть ли даже не съ участіемъ болѣе высшихъ лицъ, и что мой братъ добровольно принялъ на себя всю отвѣтственность. Говорили, что это была съ его стороны дурацкая, но все-таки рыцарская жертва ради одной женщины. Конечно, не мнѣ объ этомъ судить. Скажу только одно, что въ то время, когда случилось это несчастіе, не только родственники принимали участіе въ судьбѣ брата, но даже личности, на первый взглядъ, какъ будто бы совершенно ему постороннія.

«Всѣмъ, кому надо было дать, чтобы потушить дѣло, мы роздали болѣе или менѣе крупныя суммы. Иныхъ прельстили вниманіемъ и промессами, другихъ обработали черезъ женщинъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ оказалось, что нити жизни или смерти моего брата держитъ въ своихъ рукахъ одна чрезвычайно значительная особа... Фамилія этого человѣка вамъ, я думаю, не-

интересна?.. Что̀ же касается до имени, то... то назовемъ его, пожалуй, хоть Сергѣемъ Ивановичемъ...

«Но, когда мы навели справки—результаты получились самые плачевные. «Не беретъ!—ни прямо, ни явно, ни тайно. И ни на какіе соблазны не клюнетъ...»

«Одно время дѣло казалось совсѣмъ погибшимъ. Но, къ счастью, свѣтъ изобилуетъ добрыми совѣтчиками, и кто-то—я теперь уже не помню, кто именно—натолкнулъ насъ на мысль, что если Сергѣй Ивановичъ и «не беретъ», то во всякомъ случаѣ выиграть въ штоссъ нѣсколько тысячъ рублей не откажется. Когда же онъ узнаетъ, что обыгранный имъ партнеръ—родной братъ такого-то, то уже, противъ воли, ему будетъ неловко вредить и т. д. Однимъ словомъ, вы понимаете эту комбинацію?..

«Меня представили ему въ Англійскомъ клубѣ. Высокій, красивый старикъ, съ почтенной сѣдовласой наружностью, но въ глазахъ, въ цвѣтѣ лица, въ очеркѣ губъ есть что-то такое... неуловимое... что̀ понятно только завзятымъ игрокамъ и говоритъ о постоянной, запойной картежной страсти.

«Мы сѣли. Игра шла исключительно между мной и Сергѣемъ Ивановичемъ. Другіе игроки были почти подставными персонажами, потому что вели копеечную игру.

«Мы играли въ старинный классическій штоссъ. Тогда еще не было другихъ игръ, кромѣ штосса и ландскнехта. Онъ металъ. Я сразу убѣдился, что имѣю дѣло съ противникомъ, обладающимъ прекраснѣйшей выдержкой. Въ этомъ отношеніи обмануться невозможно, потому что извѣстные манеры и пріемы въ игрѣ вырабатываются только долголѣтнимъ опытомъ.

«Но, какъ на зло, мнѣ повалила великолѣпная карта. Чуть ли не каждую сдачу я бралъ у него куши по второй картѣ. Тогда произошла курьезнѣйшая вещь: я сталъ

изо всѣхъ силъ стараться проиграть, но не тутъ-то было! Когда я шелъ отъ маленькихъ кушей, выигрывалъ Сергѣй Ивановичъ, но чуть только, разсчитывая проиграть, я увеличивалъ ставку и шелъ угломъ, или транспортомъ, или въ цвѣтъ и въ масть и абцугами, или на очки,— тотчасъ же выигрышъ падалъ на мою сторону... Всѣ мои обыкновенныя наблюденія и вычисленія оказывались тутъ пуфомъ. Но такъ какъ проиграть надо было во что бы то ни стало, то я, сдѣлавъ очень ловкій маневръ, самъ завладѣлъ колодой. Для меня было очевиднымъ, что въ тотъ вечеръ долженъ проигрывать банкометъ... И вотъ тутъ и подошла эта сверхъестественная колейка... Понимаете ли, Гри-Гри, въ теченіе часа я не далъ ему ни одной карты! Не знаю, что̀ обо мнѣ подумалъ Сергѣй Ивановичъ, но даю вамъ слово, что, если когда-нибудь такъ нелѣпо повезло бы моему партнеру, я не усомнился бы, что имѣю дѣло съ шулеромъ, и пустилъ бы ему въ голову колодой, если не бутылкой или шандаломъ.

«Менѣе чѣмъ черезъ часъ всѣ наличныя деньги Сергѣя Ивановича — если не ошибаюсь, тысячъ двѣнадцать съ чѣмъ-то—лежали около меня. Онъ всталъ и хотѣлъ уйти изъ клуба, сохраняя при этомъ совершенно равнодушный видъ джентльмена и стараго игрока. Я уже зналъ, что Сергѣй Ивановичъ никогда не играетъ на запись, но, тѣмъ не менѣе, на-авось, сталъ его упрашивать продолжать игру. Къ моему удивленію, онъ согласился. У него недостало обычной выдержки.

«Я предложилъ ему на выборъ:—понтировать или держать банкъ. Онъ предпочелъ послѣднее, и колоды — уже второй разъ за этотъ вечеръ—перешли къ нему... И опять повторилась та же чудовищная штука: онъ давалъ мнѣ карту за картой въ самомъ началѣ таліи.

«Я уже пересталъ думать о расчетѣ. Эти сумасшедшія карты окончательно сбили меня съ толку. Я все время

шелъ на-не и все выигрывалъ, выигрывалъ и выигрывалъ...

«Наконецъ Сергѣй Ивановичъ захотѣлъ посчитаться. Мы подвели итогъ, и когда получилась сумма, превышающая сто тысячъ, Сергѣю Ивановичу вдругъ измѣнило его спокойствіе. Онъ поблѣднѣлъ, весь какъ-то осунулся и проговорилъ еле слышно, съ напряженной улыбкой на губахъ:

«— Это больше, чѣмъ я могу вамъ завтра отдать...

«Онъ всталъ, но пошатнулся и долженъ былъ ухватиться за спинку стула, чтобъ не упасть.

«— Э, — стоитъ ли изъ-за такихъ пустяковъ прекращать игру! — воскликнулъ я веселымъ тономъ. — Садитесь-ка и сдавайте карты.

«Но онъ молчалъ, попрежнему улыбающійся и почти такой же бѣлый, какъ его сѣдые, шелковистые усы.

«Тогда я приподнялъ съ колоды нѣсколько картъ и сказалъ:

«— Хотите все на смарку?—я указалъ свободной рукой на запись.—Красная моя—черная ваша. Идетъ?

«Моментъ былъ ужасный. Всѣ присутствующіе затихли и глядѣли, какъ привороженные, въ лицо Сергѣя Ивановича, ожидая отвѣта.

«— Идетъ, — прошепталъ онъ еле слышно.—Только... простите... насъ познакомили, но я не ясно разслышалъ вашу фамилію.

«Я назвался. Мнѣ показалось, что, услышавъ мою фамилію, Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ. Нѣсколько секундъ онъ какъ будто бы колебался. Можетъ-быть, онъ понялъ весь смыслъ сегодняшней игры. Почемъ знать?

«— Идетъ, — произнесъ онъ вдругъ болѣе твердымъ тономъ. — Черная масть.

«Я еще раньше замѣтилъ, что у восьмерки пикъ слегка надорвался уголъ, и очень ловко перевернулъ на ней ко-

лоду. Сергѣй Ивановичъ вздохнулъ во всю грудь и вдругъ опустился, точно осѣлъ на стулъ.

«— Ого! Счастье перемѣнилось... Будемъ продолжать!— вскричалъ я веселымъ тономъ. — Берите колоду...

«Но онъ быстро оправился отъ овладѣвшей имъ минутной слабости духа. Какъ я его ни уговаривалъ отыграть у меня обратно свои двѣнадцать тысячъ, онъ не согласился. Простился онъ со мной чрезвычайно сухо, почти пренебрежительно. Я пробовалъ намекнуть о братѣ, но онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Я упомянулъ-было вскользь о томъ, что мы можемъ сойтись на другой день, но онъ тотчасъ же меня обрѣзалъ, отчеканивая каждый слогъ:

«— Нѣтъ-съ, мы съ вами больше играть не будемъ-съ»...

Миллеръ замолчалъ.

— Чѣмъ кончилась вся эта исторія? — спросилъ Гри-Гри.

— Ну, а какъ вы думаете, юноша, чѣмъ она могла кончиться? Развѣ могъ простить этотъ вліятельный, самолюбивый и корректный человѣкъ, этотъ впослѣдствіи министръ съ почти неограниченной властью, развѣ онъ могъ простить, что я, тогда еще совсѣмъ мальчишка—ну, вотъ въ родѣ васъ—подарилъ ему, шутя, все его состояніе, а можетъ-быть, даже и честь. Развѣ забываются такіе унизительные моменты, какой пережилъ онъ, когда согласился играть на «черную и красную», заявивши раньше, что уже проигралъ болѣе, чѣмъ можетъ отдать. Напротивъ, я слышалъ впослѣдствіи, что самый настойчивый и— если хотите — самый пристрастный голосъ, раздавшійся въ обвиненіе моего брата, принадлежалъ именно Сергѣю Ивановичу...

ВЪ КЛѢТКѢ ЗВѢРЯ.

У меня былъ въ Гатчинѣ одинъ настоящій другъ — содержатель панорамы и звѣринца, со входомъ въ 30 коп. для взрослыхъ и 15 коп. для дѣтей и солдатъ. Звѣринецъ, правда, состоялъ изъ одного только боа-констриктора, скользкаго, лѣниваго, холоднаго, объѣвшагося животнаго, страдавшаго вѣчнымъ запоромъ. Его выползень до сихъ поръ хранится у меня на стѣнѣ въ видѣ чешуйчатаго прозрачнаго чехла, полутора саженъ длины. Многое мнѣ этотъ змѣиный укротитель разсказывалъ во время перерывовъ между представленіями, а также въ пивной позднимъ вечеромъ, по окончаніи панорамы, и у меня дома и среди игры на бильярдѣ.

Онъ мнѣ говорилъ о томъ, какъ у Гагенбека въ Гамбургѣ дрессируютъ тюленей, львовъ, слоновъ и дикобразовъ. О томъ, что любая мышь слушается тонкаго звука, произведеннаго втягиваніемъ воздуха между сжатыми губами: этотъ звукъ издаютъ крысиные вожаки, какъ сигналъ къ вниманію. О томъ, что любого слона можно навѣки задобрить, давая ему понемножку, въ продолженіе недѣли, жевательнаго англійскаго табаку, который продается въ прессованномъ видѣ. Этого лакомаго угощенія слонъ никогда не забудетъ и узнаетъ васъ хоть черезъ пять лѣтъ, и затрубитъ вамъ навстрѣчу.

И вотъ однажды мы разговорились съ нимъ о закулисныхъ цирковыхъ драмахъ.

— ...Да, да, да,—сказалъ онъ задумчиво.—Мнѣ тоже приходилось читать разсказы изъ цирковой жизни. Все это—неправда. Самый любимый мотивъ у писателей—это, непремѣнно, месть покинутой женщины: подпиливается проволока, тушится не во-время электричество, лошади даютъ отраву, и такъ далѣе...

«Конечно, — неправда. У насъ, у цирковыхъ людей, совсѣмъ нѣтъ профессіональной зависти. Понимаете? Ежеминутный страхъ разбиться, искалѣчиться, быть укушеннымъ или даже растерзаннымъ — понимаете? — этотъ страхъ парализуетъ всякую ревность. Если я тебѣ не помогу — ты мнѣ тоже не поможешь... А наши женщины, вопреки вашей беллетристикѣ, очень цѣломудренны и прекрасныя матери и жены. Да вѣдь и то сказать... Ежедневная тренировка... Вечеромъ работа въ манежѣ, постоянное напряженіе мускуловъ, потѣніе, цирковые сквозняки, профессіональные ревматизмы... какой же тутъ темпераментъ? Еще у клоуновъ, именно у шпрехъ-клоуновъ — потому что они похожи немного на актеровъ—есть что-то въ родѣ ревности, зависти и мести. У борцовъ — конечно. Но мы ихъ презираемъ. Развѣ это искусство? Понимаете?

«Но бываютъ случаи... Бываютъ, бываютъ... Благодарю васъ. За ваше здоровье! Бываетъ такъ, что человѣкъ сѣдѣетъ въ какихъ-нибудь три-четыре минуты. Всего хорошаго!

«У меня былъ одинъ случай. Я работалъ съ медвѣдемъ. А у меня былъ около него человѣкъ Яшка. Очень способный малый, и если бы не пьяница, то изъ него вышелъ бы прекрасный дрессировщикъ. Онъ зналъ, что я его разсчитаю къ концу сезона. Меня въ конюшнѣ предупреждали, что онъ готовитъ мнѣ какую-то пакость,

но я не обращалъ вниманія. Своихъ звѣрей я всегда самъ кормилъ.

«Можете себѣ представить, что̀ этотъ подлецъ сдѣлалъ? Передъ самымъ моимъ бенефисомъ, въ самый вечеръ, онъ кинулъ Михалъ Потапычу въ клѣтку только-что зарѣзаннаго, еще трепыхавшагося голубя со связанными ногами.

«Какъ и всегда, вывожу я моего Мишку. И можете себѣ представить? Глаза совсѣмъ багровые, капризничаетъ, не хочетъ дѣлать ни одного номера. Кровь попробовалъ. А публика?

«Вы знаете, что̀ такое эта публика? Во время самаго рискованнаго номера она начинаетъ аплодировать, а когда показываешь имъ какой-нибудь пустякъ, они шикаютъ и затаиваютъ дыханіе. Я ничего не могъ подѣлать съ Михалъ Потапычемъ, и мнѣ начали свистать. Вполнѣ естественно, что я разнервничался. Онъ стоитъ на заднихъ ногахъ, реветъ и — знаете, какъ это у медвѣдей? — все старается дать мнѣ пощечину, то лѣвой, то правой лапой. А это значитъ—черепъ набокъ. Зрители думаютъ, что все это такъ и надо. Но вотъ въ партерѣ закричалъ какой-то ребенокъ. Дѣти — вы понимаете — они тѣ же звѣрята. Они чувствуютъ душой — не разумомъ. И вотъ начался переполохъ...

«Конечно, медвѣдь никому бы не принесъ никакого вреда: ну, примялъ бы кого-нибудь, оцарапалъ... настоящей жертвой могъ бы быть только я. Но я въ это мгновенье понялъ, что сейчасъ, сію минуту произойдетъ толкотня, давка, стихійное умопомѣшательство.

«Я не знаю ни одного животнаго, которое бы такъ глупо, безтолково и безпощадно вело себя въ толпѣ, какъ человѣкъ. Ей-Богу, лошади — и тѣ куда умнѣе, на что ужъ глупыя животныя!

«Все это я взвѣсилъ въ одну секунду. Оглядываюсь

назадъ — нѣтъ ни моихъ людей ни шталмейстеровъ. Что мнѣ было дѣлать? Я начинаю его бить изо всѣхъ силъ хлыстомъ по мордѣ. Я вообще никогда не бью звѣрей, а Михалъ Потапыча даже никогда и не трогалъ: онъ былъ звѣрь очень умный, разсудительный и злопамятный, съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства. Правда, потомъ пришлось его пристрѣлить.

«Онъ стоитъ на заднихъ лапахъ и дерется. А я его хлещу. Въ это время у меня мысль: заманить его съ манежа въ коридоръ, и притомъ такъ, чтобы публика не перепугалась. И вотъ я пячусь задомъ, бью звѣря, а онъ на меня и—чувствую—свирѣпѣетъ съ каждой секундой. Въ конюшнѣ онъ на меня бросился и началъ мять. Не помню, какъ его стащили,—я былъ въ обморокѣ,—но, слава Богу, увелъ съ манежа.

«Такихъ случаевъ у насъ бываетъ много. Потеря равновѣсія, не во-время вывихнувшаяся рука, неудачный каскадъ, неожиданный капризъ животныхъ. Случается намъ во время прямого и обратнаго сальтомортале неудачно опереться на ноги, и—вотъ!—всѣ въ циркѣ слышатъ точно выстрѣлъ изъ дѣтскаго пистолета. Это у человѣка лопнула ахиллесова пята, и человѣкъ навѣки уродъ, калѣка, бремя для семьи; или же онъ будетъ скитаться по пивнымъ и за пять копеекъ жрать рюмки и блюдечки и глотать горящую паклю. Но все это у насъ не въ счетъ. Понимаете?

«Но вотъ когда я испыталъ настоящій ужасъ... и совершенно случайно, по пустякамъ. Сейчасъ разскажу...

«Былъ бенефисъ моего друга Антоніо, музыкальнаго клоуна. Въ тотъ день мы очень много пили. Въ этотъ сезонъ работала въ циркѣ Зенида съ ея львами. Вечеръ былъ необыкновенно удачный: смѣшной и веселый, и весь точно импровизація. Потомъ, когда публика уже разошлась, мы сидѣли съ Антоніо въ моей уборной и пили

какой-то очень жестокій коньякъ по его рекомендаціи. Огни въ циркѣ были уже потушены. И вотъ,—какъ это ни смѣшно вамъ покажется,—выйдя изъ уборной, мы заблудились въ коридорѣ. Отворяемъ одну дверь—уборная, отворяемъ другую — контора цирка, третья — опять чья-то уборная. Темно, бредемъ почти ощупью, очень весело настроены и, повторяю, оба пьяны.

«Смѣемся. Наконецъ, я ощупываю какую-то дверную ручку. Вваливаемся. Инстинктъ мнѣ подсказываетъ, что здѣсь пахнетъ сырымъ мясомъ и звѣринымъ пометомъ. Ощупываю кругомъ — рѣшетка. Почему-то намъ приходитъ дурацкая мысль: сѣсть на полъ. Садимся, и вотъ я вижу въ разстояніи двухъ-трехъ дюймовъ отъ себя пару зеленыхъ горящихъ глазъ. Потомъ я слышу чьи-то мягкіе, бархатные, но тревожные шаги и біеніе могучаго хвоста о желѣзо рѣшетки. Когда мы освоились съ темнотой, то, вѣроятно, одновременно поняли, что залѣзли въ клѣтку къ звѣрямъ Зениды. Они насъ не трогали. Давно извѣстно, что у пьяныхъ, у лунатиковъ и у дѣтей есть какой-то особенный бережливый Богъ. Но мы отрезвились въ одну секунду и, признаюсь, выползли изъ клѣтки на четвереренькахъ, задомъ. Антоніо какъ-то инстинктивно захлопнулъ дверь. Но онъ на другой день даже не могъ объ этомъ и вспомнить.

«Никогда въ жизни я не забуду этихъ мягкихъ, вкрадчивыхъ шаговъ, этого сдержаннаго звѣринаго дыханія, этого отвратительнаго запаха сырого перегнившаго мяса изъ невидимыхъ пастей, этихъ фосфорическихъ глазъ, мелькавшихъ въ темнотѣ то здѣсь, то тамъ... Но чувства испуга ни я, ни Антоніо не испытали въ эту минуту. Только на другой день вечеромъ, когда я вспомнилъ наше приключеніе, то одинъ, лежа въ кровати, задрожалъ и вспотѣлъ отъ ужаса. Понимаете?»

ТОСТЪ.

Истекалъ двухсотый годъ новой эры. Оставалось всего пятнадцать минутъ до того мѣсяца, дня и часа, въ которомъ, два столѣтія тому назадъ, послѣдняя страна съ государственнымъ устройствомъ, самая упрямая, консервативная и тупая изъ всѣхъ странъ, — Германія, — наконецъ рѣшилась разстаться со своей давно устарѣвшей и смѣшной національной самобытностью и, при ликованіи всей земли, радостно примкнула къ всемірному анархическому союзу свободныхъ людей. По древнему же, христіанскому лѣтоисчисленію теперь былъ канунъ 2906 года.

Но нигдѣ не встрѣчали новаго, двухсотаго года съ такимъ гордымъ торжествомъ, какъ на Сѣверномъ и Южномъ полюсахъ, на главныхъ станціяхъ великой Электроземно-Магнитной Ассоціаціи. Въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ много тысячъ техниковъ, инженеровъ, астрономовъ, математиковъ, архитекторовъ и другихъ ученыхъ спеціалистовъ самоотверженно работали надъ осуществленіемъ самой вдохновенной, самой героической идеи II-го вѣка. Они рѣшили обратить земной шаръ въ гигантскую электромагнитную катушку и для этого обмотали его съ сѣвера до юга спиралью изъ стального, одѣтаго въ гуттаперчу троса, длиною около четырехъ мил-

ліардовъ километровъ. На обоихъ полюсахъ они воздвигли электропріемники необычайной мощности и наконецъ соединили между собою всѣ уголки Земли безчисленнымъ множествомъ проводовъ. За этимъ удивительнымъ предпріятіемъ тревожно слѣдили не только на Землѣ, но и на всѣхъ ближайшихъ къ ней планетахъ, съ которыми у обитателей Земли поддерживались постоянныя сообщенія. Многіе глядѣли на затѣю Ассоціаціи съ недовѣріемъ, иные съ опасеніемъ и даже съ ужасомъ.

Но истекшій годъ — былъ годомъ, полнымъ блестящей побѣды Ассоціаціи надъ скептиками. Неистощимая магнитная сила Земли привела въ движеніе всѣ фабрики, заводы, земледѣльческія машины, желѣзныя дороги и пароходы. Она освѣтила всѣ улицы и всѣ дома и обогрѣла всѣ жилыя помѣщенія. Она сдѣлала ненужнымъ дальнѣйшее употребленіе каменнаго угля, залежи котораго уже давно изсякли. Она стерла съ лица земли безобразныя дымовыя трубы, отравлявшія воздухъ. Она избавила цвѣты, травы и деревья — эту истинную радость земли — отъ грозившаго имъ вымиранія и истребленія. Наконецъ она дала неслыханные результаты въ земледѣліи, поднявъ повсемѣстно производительность почвы почти въ четыре раза.

Одинъ изъ инженеровъ Сѣверной станціи, избранный на сегодня предсѣдателемъ, всталъ со своего мѣста и поднялъ кверху бокалъ. Всѣ тотчасъ же замолкли. И онъ сказалъ:

— Товарищи! Если вы согласны, то я сейчасъ же соединюсь съ нашими дорогими сотрудниками, работающими на Южной станціи. Они только-что сигнализировали.

Огромная Зала Совѣщанія безконечно уходила вдаль. Это было великолѣпное зданіе изъ стекла, мрамора и желѣза, все украшенное экзотическими цвѣтами и пыш-

ными деревьями, скорѣе похожее на прекрасную оранжерею, чѣмъ на общественное мѣсто. Снаружи его стояла полярная ночь, но, благодаря дѣйствію особыхъ конденсаторовъ, яркій солнечный свѣтъ весело заливалъ и зелень растеній, и столы, и лица тысячи пирующихъ, и стройныя колонны, поддерживавшія потолокъ, и чудесныя картины, и статуи въ простѣнкахъ. Три стѣны Залы Совѣщанія были прозрачны, но четвертая, спиной къ которой помѣщался предсѣдатель, представляла собою бѣлый четырехугольный экранъ, сдѣланный изъ необыкновенно нѣжнаго, блестящаго и тонкаго стекла.

И вотъ, получивъ согласіе общества, предсѣдатель дотронулся пальцемъ до маленькой кнопки, заключенной въ столѣ. Экранъ мгновенно освѣтился ослѣпительнымъ внутреннимъ свѣтомъ и сразу точно растаялъ, а за нимъ открылся такой же высокій, уходящій вдаль прекрасный стеклянный дворецъ, и такъ же, какъ и здѣсь, сидѣли за столами сильные, красивые люди, съ радостными лицами, въ легкихъ сверкающихъ одеждахъ. И тѣ и другіе, раздѣленные разстояніемъ въ 20.000 верстъ, узнавали другъ друга, улыбались другъ другу и въ видѣ привѣтствія подымали кверху бокалы. Но изъ-за общаго смѣха и восклицаній они пока еще не слышали голосовъ своихъ далекихъ друзей.

Тогда опять всталъ и заговорилъ предсѣдатель, и тотчасъ замолчали его друзья и сотрудники на обоихъ концахъ земного шара.

И онъ сказалъ:

— Дорогіе мои сестры и братья! И вы, прелестныя женщины, къ которымъ теперь обращена моя страсть! И вы, сестры, прежде любившія меня, вы, къ которымъ мое сердце преисполнено благодарностью! Слушайте. Слава вѣчно-юной, прекрасной, неисчерпаемой жизни. Слава единственному Богу на землѣ — Человѣку. Возда-

димъ хвалу всѣмъ радостямъ Его тѣла и воздадимъ торжественное, великое поклоненіе Его безсмертному уму!

«Вотъ гляжу я на васъ—гордые, смѣлые, ровные, веселые — и горячей любовью зажигается моя душа! Ничѣмъ не стѣсненъ нашъ умъ, и нѣтъ преградъ нашимъ желаніямъ. Не знаемъ мы ни подчиненія, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилія, ни обмана. Каждый день разверзаетъ передъ нами цѣлыя бездны міровыхъ тайнъ, и все радостнѣе познаёмъ мы безконечность и всесильность знанія. И самая смерть уже не страшитъ насъ, ибо уходимъ мы изъ жизни, не обезображенные уродствомъ старости, не съ дикимъ ужасомъ въ глазахъ и не съ проклятіемъ на устахъ, а красивые, богоподобные, улыбающіеся, и мы не цѣпляемся судорожно за жалкій остатокъ жизни, а тихо закрываемъ глаза, какъ утомленные путники. Трудъ нашъ — это наслажденіе. И любовь наша, освобожденная отъ всѣхъ цѣпей рабства и пошлости — подобна любви цвѣтовъ: такъ она свободна и прекрасна. И единственный нашъ господинъ — человѣческій геній!

«Друзья мои! Можетъ-быть, я говорю давно извѣстныя общія мѣста? Но я не могу поступить иначе. Сегодня съ утра я читалъ, не отрываясь, замѣчательную и ужасную книгу. Эта книга — Исторія революцій XX столѣтія.

«Часто мнѣ приходило въ голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и нелѣпой казалась мнѣ жизнь нашихъ предковъ, отдаленныхъ отъ насъ девятью вѣками.

«Порочные, грязные, зараженные болѣзнями, уродливые, трусливые — они были похожи на омерзительныхъ гадовъ, запертыхъ въ узкую клѣтку. Одинъ кралъ у другого кусокъ хлѣба и уносилъ его въ темный уголъ и ложился на него животомъ, чтобы не увидалъ третій. Они отнимали другъ отъ друга жилища, лѣса, воду, землю

и воздухъ. Кучи обжоръ и развратниковъ, подкрѣпленныя ханжами, обманщиками, ворами, насильниками, натравляли одну толпу пьяныхъ рабовъ на другую толпу дрожащихъ идіотовъ и жили паразитами на гноѣ общественнаго разложенія. И земля, такая обширная и прекрасная, была тѣсна для людей, какъ темница, и душна, какъ склепъ.

«Но и тогда среди покорныхъ вьючныхъ животныхъ, среди трусливыхъ пресмыкающихся рабовъ, вдругъ подымали головы нетерпѣливые гордые люди, герои съ пламенными душами. Какъ они рождались въ тотъ подлый, боязливый вѣкъ, — я не могу понять этого! Но они выходили на площади и на перекрестки и кричали: «Да здравствуетъ свобода!». И въ то ужасное кровавое время, когда ни одинъ частный домъ не былъ надежнымъ убѣжищемъ, когда насиліе, истязаніе и убійство награждались по-царски, эти люди въ своемъ священномъ безуміи кричали: «Долой тирановъ!».

«И они обагряли своей праведной, горячей кровью плиты тротуаровъ. Они сходили съ ума въ каменныхъ мѣшкахъ. Они умирали на висѣлицахъ и подъ разстрѣломъ. Они отрекались добровольно отъ всѣхъ радостей жизни, кромѣ одной радости — умереть за свободную жизнь грядущаго человѣчества.

«Друзья мои! Развѣ вы не видите этого моста изъ человѣческихъ труповъ, который соединяетъ наше сіяющее настоящее съ ужаснымъ, темнымъ прошлымъ? Развѣ вы не чувствуете той кровавой рѣки, которая вынесла все человѣчество въ просторное, сіяющее море всемірнаго счастья?

«Вѣчная память вамъ, невѣдомые! вамъ, безмолвные страдальцы! Когда вы умирали, то въ прозорливыхъ глазахъ вашихъ, устремленныхъ въ даль вѣковъ, свѣтилась улыбка. Вы провидѣли насъ, освобожденныхъ, силь-

ныхъ, торжествующихъ, и въ великій мигъ смерти посылали намъ свое благословеніе.

«Друзья мои! Пусть каждый изъ насъ тихо, не произнеся ни слова, наединѣ съ собственнымъ сердцемъ, выпьетъ бокалъ въ память этихъ далекихъ мучениковъ. И пусть каждый почувствуетъ на себѣ ихъ примиренный, благословляющій взглядъ!..»

И всѣ выпили молча. Но женщина необычайной красоты, сидѣвшая рядомъ съ ораторомъ, вдругъ прижалась головой къ его груди и беззвучно заплакала. И на вопросъ его о причинѣ слезъ, она отвѣтила едва слышно:

— А все-таки... какъ бы я хотѣла жить въ то время... съ ними... съ ними...

ДЕМИРЪ-КАЯ.

Восточная легенда.

Вѣтеръ упалъ. Можетъ-быть, сегодня намъ придется ночевать въ морѣ. До берега 30 верстъ. Двухмачтовая фелюга лѣниво покачивается съ боку на бокъ. Мокрые паруса висятъ.

Бѣлый туманъ плотно окружилъ судно. Не видно ни звѣздъ, ни неба, ни моря, ни ночи. Огня мы не зажигаемъ.

Сеидъ-Аблы, старый, грязный и босой капитанъ фелюги, тихимъ, важнымъ, глубокимъ голосомъ разсказываетъ древнюю исторію, которой я вѣрю отъ всего сердца. Вѣрю потому, что ночь такъ странно молчалива, потому что подъ нами спитъ невидимое море, и мы, окутанные туманомъ, плывемъ медленно въ бѣлыхъ густыхъ облакахъ.

«Звали его Демиръ-Кая. По-вашему это значитъ — Желѣзная Скала. Такъ называли его за то, что этотъ человѣкъ не вѣдалъ ни жалости, ни стыда, ни страха.

«Онъ разбойничалъ со своей шайкой въ окрестностяхъ Стамбула, и въ благословенной Ѳессаліи, и въ гористой Македоніи, и на тучныхъ пастбищахъ болгарскихъ. Девяносто девять человѣкъ погибло отъ его руки, и въ числѣ томъ были женщины, старики и дѣти.

«Но вотъ однажды въ горахъ его окружило сильное войско падишаха — да продлитъ Аллахъ дни его! Три дня отбивался Демиръ-Кая, точно волкъ отъ стаи собакъ. На утро четвертаго дня онъ прорвался, но — одинъ. Часть его товарищей погибла во время яростной погони, остальные же приняли смерть отъ руки палача въ Стамбулѣ на круглой площади.

«Израненный, истекающій кровью, лежалъ Демиръ-Кая у костра въ неприступной пещерѣ, гдѣ его пріютили дикіе горные пастухи. И вотъ среди ночи явился къ нему свѣтлый ангелъ съ пылающимъ мечомъ. Узналъ Демиръ-Кая вѣстника смерти, посланника неба Азраила, и сказалъ:

«— Да будетъ воля Аллаха! Я готовъ.

«Но ангелъ сказалъ:

«— Нѣтъ, Демиръ-Кая, часъ твой еще не прищелъ. Слушай волю Божію. Когда ты встанешь съ одра смерти, пойди, вырой изъ земли твои сокровища и обрати ихъ въ золото. Потомъ ты пойдешь прямо на востокъ и будешь итти до тѣхъ поръ, пока не дойдешь до мѣста, гдѣ сходятся семь дорогъ. Тамъ построишь ты домъ съ прохладными комнатами, съ широкими диванами, съ чистой водой въ фонтанахъ для омовеній, съ ѣдой и питьемъ для странниковъ, съ ароматнымъ кофе и благовоннымъ наргиле для усталыхъ. Зови къ себѣ всѣхъ, кто идетъ и ѣдетъ мимо, и служи имъ, какъ послѣдній рабъ. Пусть твой домъ — будетъ ихъ домомъ, твое золото — ихъ золотомъ, твой трудъ — ихъ отдохновеніемъ. И знай, что настанетъ время, когда Аллахъ забудетъ твои тяжкіе грѣхи и проститъ тебѣ кровь дѣтей Его.

«Но Демиръ-Кая спросилъ:

«— Какое же знаменіе дастъ мнѣ Господь, что грѣхи мои прощены?

«И ангелъ отвѣтилъ:

«— Изъ костра, что̀ тлѣетъ возлѣ тебя, возьми обгорѣлую головню, покрытую пепломъ, и посади въ землю. И когда мертвое дерево одѣнется корой, пуститъ ростки и зацвѣтетъ, — то знай, — насталъ часъ твоего искупленія.

«Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ. По всей странѣ падишаха—да продлитъ Аллахъ дни его!—шла слава о гостиницѣ у семи дорогъ на пути изъ Джедды въ Смирну. Нищій уходитъ оттуда съ рупіями въ дорожной сумѣ, голодный — сытымъ, усталый — бодрымъ, раненый — исцѣленнымъ.

«Двадцать лѣтъ, двадцать долгихъ лѣтъ глядѣлъ каждый вечеръ Демиръ-Кая на чудесный обрубокъ дерева, вкопанный во дворѣ, но онъ оставался черенъ и мертвъ. Потускнѣли у Демиръ-Кая орлиные глаза, согнулся его могучій станъ, и волосы на головѣ его стали бѣлы, какъ крылья ангела.

«Но вотъ однажды раннимъ утромъ услышалъ онъ конскій топотъ и выбѣжалъ на дорогу, и увидѣлъ всадника, который мчался на взмыленной лошади. Кинулся къ нему Демиръ-Кая, схватилъ коня подъ уздцы и молилъ всадника:

«— О, братъ мой, зайди въ домъ ко мнѣ. Освѣжи лицо свое водою, подкрѣпи себя пищей и питьемъ, услади уста твои сладкимъ благоуханіемъ кальяна.

«Но путникъ крикнулъ въ злобѣ:

«— Пусти меня, старикъ! Пусти!

«И плюнулъ онъ въ лицо Демиръ-Кая и ударилъ его рукоятью бича по головѣ, и поскакалъ дальше.

«Загорѣлась въ Демиръ-Кая гордая разбойничья кровь. Поднялъ онъ съ земли тяжелый камень и бросилъ его вслѣдъ обидчику, и разбилъ ему черепъ. Покачался всадникъ на сѣдлѣ, схватился за голову, упалъ на дорожную пыль.

«Съ ужасомъ въ сердцѣ подбѣжалъ къ нему Демиръ-Кая и сказалъ скорбно:

«— Братъ мой, я убилъ тебя!

«Но умирающій отвѣтилъ:

«— Не ты убилъ меня, а рука Аллаха. Слушай. Паша нашего вилайета — жестокій, алчный, несправедливый человѣкъ. Мои друзья затѣяли противъ него заговоръ. Но я прельстился богатой денежной наградой. Я хотѣлъ ихъ выдать. И вотъ, когда я торопился съ моимъ доносомъ, меня остановилъ камень, брошенный тобою. Такъ хочетъ Богъ. Прощай.

«Удрученный горемъ, вернулся Демиръ-Кая въ своей дворъ. Лѣстница добродѣтели и раскаянія, по которой онъ такъ терпѣливо всходилъ вверхъ цѣлыя двадцать лѣтъ, подломилась подъ нимъ и рухнула въ одинъ короткій мигъ лѣтняго утра.

«Въ отчаяніи поглядѣлъ онъ туда, гдѣ взоръ его привыкъ ежедневно останавливаться на черной, обугленной головнѣ. И вдругъ — о, чудо! — онъ видитъ, что на его глазахъ умершее дерево пускаетъ ростки, покрывается почками, одѣвается благоуханной зеленью и расцвѣтаетъ нѣжными желтыми цвѣтами.

«Тогда упалъ на колѣни Демиръ-Кая и радостно заплакалъ. Ибо онъ понялъ, что великій и всемилостивый Аллахъ въ неизреченной премудрости Своей простилъ ему девяносто девять загубленныхъ жизней за смерть одного предателя».

СЧАСТЬЕ.

Сказка.

Одинъ великій царь велѣлъ привести къ себѣ поэтовъ и мудрецовъ своей страны. И спросилъ онъ ихъ:

— Въ чемъ счастье?

— Въ томъ,— отвѣтилъ поспѣшно первый: — чтобы всегда видѣть сіяніе твоего божественнаго лица и вѣчно чувствовать...

— Выколоть ему глаза, — сказалъ царь равнодушно. — Слѣдующій!..

— Счастье — это власть. Ты, царь, счастливъ!—вскричалъ второй.

Но царь возразилъ съ горькой улыбкой:

— Однако я страдаю геморроемъ и не властенъ исцѣлить его. Вырвать ему ноздри, канальѣ. Дальше!..

— Быть богатымъ! — сказалъ, заикаясь, слѣдующій.

Но царь отвѣтилъ:

— Я богатъ, а вопрошаю о счастьѣ. Довольно ли тебѣ слитка золота вѣсомъ въ твою голову?

— О, царь!..

— Ты получишь его. Привяжите ему на шею слитокъ золота вѣсомъ въ его голову и бросьте этого нищаго въ море.

И царь крикнулъ нетерпѣливо:

— Четвертый!

Тогда вползъ на животѣ человѣкъ въ лохмотьяхъ, съ лихорадочными глазами, и забормоталъ:

— О, премудрый! Я хочу малаго! Я голоденъ! Сдѣлай меня сытымъ, и я буду счастливъ и прославлю имя твое во всей вселенной.

— Накормите его,—сказалъ царь брезгливо.—И, когда онъ умретъ отъ объяденія, придите сказать мнѣ объ этомъ.

И пришли также двое. Одинъ—мощный атлетъ съ розовымъ тѣломъ и низкимъ лбомъ. Онъ сказалъ со вздохомъ:

— Счастье въ творчествѣ.

А другой былъ блѣдный, худой поэтъ, на щекахъ котораго горѣли красныя пятна. И онъ сказалъ:

— Счастье въ здоровьѣ.

Царь же улыбнулся съ горечью и произнесъ:

— Если бы въ моей волѣ было перемѣнить ваши судьбы, то черезъ мѣсяцъ ты, о, поэтъ, молилъ бы боговъ о вдохновеньи, а ты, о, подобіе Геркулеса, бѣгалъ бы къ врачамъ за редукціонными пилюлями. Идите оба съ миромъ. Кто тамъ еще?

— Смертный! — сказалъ гордо седьмой, украшенный цвѣтами нарцисса. — Счастье въ небытіи!

— Отрубите ему голову!—молвилъ лѣниво властелинъ.

— Царь, о, царь, помилуй!.. — залепеталъ приговоренный и сталъ блѣднѣе лепестковъ нарцисса.—Я не то хотѣлъ сказать.

Но царь устало махнулъ рукой, зѣвнулъ и произнесъ коротко:

— Уведите его... Отрубите ему голову. Слово царя твердо, какъ агатъ.

Приходили еще многіе. Одинъ изъ нихъ сказалъ только два слова:

— Женская любовь!..

— Хорошо,—согласился царь:—дайте ему сотню красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ моей страны. Но дайте ему также и кубокъ съ ядомъ. А когда настанетъ время—скажите мнѣ: я приду посмотрѣть на его трупъ.

И еще одинъ сказалъ:

— Счастье въ томъ, чтобы каждое мое желаніе исполнялось мгновенно.

— А что̀ ты сейчасъ хочешь?—спросилъ лукаво царь.

— Я?

— Да. Ты.

— Царь... вопросъ слишкомъ неожиданъ.

— Закопать его живымъ въ землю. Ахъ, и еще одинъ мудрецъ? Ну, ну. Подойди поближе... Можетъ-быть, ты знаешь, въ чемъ счастье?

Мудрецъ же—и онъ былъ истинный мудрецъ—отвѣтилъ:

— Счастье въ прелести человѣческой мысли.

Брови у царя дрогнули, и онъ закричалъ гнѣвно:

— Ага! Человѣческая мысль! Что̀ такое человѣческая мысль?

Но мудрецъ — ибо онъ былъ истинный мудрецъ — лишь улыбнулся сострадательно и ничего не отвѣтилъ.

Тогда царь велѣлъ ввергнуть его въ подземную темницу, гдѣ была вѣчная темнота и гдѣ не было слышно ни одного звука извнѣ. И когда черезъ годъ привели къ царю узника, который ослѣпъ, оглохъ и едва держался на ногахъ, то на вопросъ царя:—«Что̀? И теперь ты счастливъ?»—мудрецъ отвѣтилъ спокойно:

— Да, я счастливъ. Сидя въ тюрьмѣ, я былъ и царемъ, и богачомъ, и влюбленнымъ, и сытымъ, и голоднымъ, — все это давала моя мысль.

— Что̀ же такое мысль? — воскликнулъ царь нетерпѣливо. — Знай, что черезъ пять минутъ я тебя повѣшу и плюну въ твое проклятое лицо! Утѣшитъ ли тебя тогда твоя мысль? И гдѣ будутъ тогда твои мысли, которыя ты расточалъ по землѣ?

Мудрецъ же отвѣтилъ спокойно, ибо онъ былъ истинный мудрецъ:

— Дуракъ! Мысль безсмертна.

СИЛЬНѢЕ СМЕРТИ.

— Прощай...

— Ахъ, нѣтъ, милый... Не говори: прощай... До свиданья...

— Прощай...

— Значитъ... никогда?

— Ты сама знаешь... прощай.

— Никогда?

Онъ не нашелъ отвѣта на этотъ страстный вопросъ. Онъ радовался тому, что уѣзжалъ, разрывая наконецъ эту тягостную, трехлѣтнюю, наскучившую связь, но смутное чувство жалости не позволяло ему быть жестокимъ.

Зазвонилъ второй звонокъ.

Сверху, съ площадки вагона онъ видѣлъ ее, стоящую на платформѣ, такую маленькую и печальную, съ такимъ давно знакомымъ, грустнымъ лицомъ, въ томъ же самомъ давно знакомомъ платьѣ... И ему припомнился афоризмъ какого-то остряка: «Часто въ любви бѣгство является побѣдой».

Онъ сказалъ съ нетерпѣніемъ:

— Къ чему намъ въ сотый разъ тревожить одно и то же? Вѣдь и ты и я согласились, что разлука неизбѣжна.

Она отвѣтила еле слышно:

— Да. Ты этого хотѣлъ...

— А ты? Развѣ ты только-что не соглашалась со мной? Или тебѣ еще мало тѣхъ униженій, которыя мы перенесли въ этомъ бракѣ втроемъ?

Она молчала. Онъ мысленно нашелъ въ ея взглядѣ

сходство со взглядомъ умной и преданной собаки, которую только-что побилъ сгоряча хозяинъ.

Звонокъ залился мелкой, длинной трелью, потомъ замеръ на мгновенье, и одинъ за другимъ прозвучали три медленныхъ, громкихъ удара.

Онъ сошелъ внизъ, и она уже подняла вверхъ вуаль для прощальнаго поцѣлуя, какъ вдругъ внезапная мысль заставила ее отшатнуться.

— Дорогой мой,—прошептала она, задыхаясь.—Дорогой мой... еще одна послѣдняя просьба...

— Что̀?

— Сейчасъ мы разстанемся... Навсегда... Я знаю, ты меня не любишь больше... Но... подари мнѣ еще часъ... Смотри, — теперь безъ четверти одиннадцать. Дай мнѣ слово, что сегодня въ двѣнадцать часовъ ты обо мнѣ вспомнишь... Вѣдь это тебѣ не будетъ трудно?..

Онъ засмѣялся.

— Хорошо. Въ этомъ нѣтъ никакого труда. Но для чего ты просишь?

— Ты даешь слово?

— Да. Даю слово. Только зачѣмъ ты просишь меня объ этомъ?

— Видишь ли. Въ это же самое время, минута въ минуту, секунда въ секунду, я буду думать о тебѣ. Думать со всѣмъ напряженіемъ воли, со всей силой любви. Почемъ знать? Можетъ-быть, для воли не существуетъ разстояній, и мы увидимся еще разъ.

— Какъ ты странно говоришь...

— Но помни, ты далъ слово...

— Я его сдержу. Не безпокойся.

— Ты будешь думать, крѣпко, глубоко, страстно?

— Да, да. Прощай.

— До свиданія...

Онъ сидѣлъ въ купэ и невольно слѣдилъ за ритмическимъ постукиваніемъ колесъ... Странно-радостное чувство свободы почти мгновенно исчезло изъ его души, уступивъ мѣсто неожиданной, тусклой, невыносимой тоскѣ. Какая-то таинственная сила съ неумолимой ясностью вызвала въ его памяти самыя тонкія, самыя незначительныя подробности этого романа, который онъ только-что закончилъ, съ облегченіемъ прочитавъ его послѣднюю страницу. Почему не выходили изъ его ума эти двѣ удивительныя строки великаго поэта:

Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй?

Было около полуночи.

Ритмъ колесъ, колыханье красной занавѣски фонаря, нервные свистки паровоза не давали ему спать... А мысль все упорнѣе летѣла къ печальной, маленькой, давно знакомой, покинутой женщинѣ... Теперь этотъ гордый, свободолюбивый человѣкъ отдалъ бы и свою гордость и свою свободу за возможность на одинъ только мигъ увидѣть брошенную имъ женщину. И вдругъ, открывъ глаза и точно очнувшись отъ минутной полудремоты, онъ увидалъ ее передъ собою, сидящую на диванѣ, покрытомъ полотнянымъ чехломъ... Она ничего не говорила, но глаза ея глядѣли съ безконечной любовью и молчаливымъ упрекомъ.

— Кто ты? Зачѣмъ ты здѣсь?!—закричалъ онъ, вскакивая въ ужасѣ со своего мѣста.

Она печально покачала головой и въ мигъ разсѣялась, расплылась, какъ предутренній туманъ.

На другой день онъ узналъ, что она отравилась въ ту же ночь, когда онъ уѣхалъ изъ города.

ИСКУССТВО.

У одного геніальнаго скульптора спросили:

— Какъ согласовать искусство съ революціей?

Онъ отдернулъ занавѣску и сказалъ:

— Смотрите.

И показалъ имъ мраморную фигуру, которая представляла раба, разрывающаго оковы страшнымъ усиліемъ мышцъ всего тѣла.

И одинъ изъ глядѣвшихъ сказалъ:

— Какъ это прекрасно!

Другой сказалъ:

— Какъ это правдиво!

Но третій воскликнулъ:

— О, я теперь понимаю радость борьбы!

ALLEZ!

Этотъ отрывистый, повелительный возгласъ былъ первымъ воспоминаніемъ m-lle Норы изъ ея темнаго, однообразнаго, бродячаго дѣтства. Это слово раньше всѣхъ другихъ словъ выговорилъ ея слабый, младенческій язычокъ, и всегда, даже въ сновидѣніяхъ, вслѣдъ за этимъ крикомъ вставали въ памяти Норы: холодъ нетопленой арены цирка, запахъ конюшни, тяжелый галопъ лошади, сухое щелканье длиннаго бича и жгучая боль удара, внезапно заглушающая минутное колебаніе страха.

— Allez!..

Въ пустомъ циркѣ темно и холодно. Кое-гдѣ, едва прорѣзавшись сквозь стеклянный куполъ, лучи зимняго солнца ложатся слабыми пятнами на малиновый бархатъ и позолоту ложъ, на щиты съ конскими головами и на флаги, украшающіе столбы; они играютъ на матовыхъ стеклахъ электрическихъ фонарей и скользятъ по стали турниковъ и трапецій тамъ, на страшной высотѣ, гдѣ перепутались машины и веревки. Глазъ едва различаетъ только первые ряды креселъ, между тѣмъ какъ мѣста за ложами и галлерея совсѣмъ утонули во мракѣ.

Идетъ дневная работа. Пять или шесть артистовъ въ шубахъ и шапкахъ сидятъ въ креслахъ перваго ряда около входа въ конюшни и курятъ вонючія сигары. Посреди манежа стоитъ коренастый, коротконогій мужчина

съ цилиндромъ на затылкѣ и съ черными усами, тщательно закрученными въ ниточку. Онъ обвязываетъ длинную веревку вокругъ пояса стоящей передъ нимъ крошечной пятилѣтней дѣвочки, дрожащей отъ волненія и стужи. Громадная бѣлая лошадь, которую конюхъ водитъ вдоль барьера, громко фыркаетъ, мотая выгнутой шеей, и изъ ея ноздрей стремительно вылетаютъ струи бѣлаго пара. Каждый разъ, проходя мимо человѣка въ цилиндрѣ, лошадь косится на хлыстъ, торчащій у него изъ-подъ мышки, и тревожно храпитъ, и, прядая, влечетъ за собою упирающагося конюха. Маленькая Нора слышитъ за своей спиной ея нервныя движенія и дрожитъ еще больше.

Двѣ мощныя руки обхватываютъ ее за талію и легко взбрасываютъ на спину лошади, на широкій кожаный матрацъ. Почти въ тотъ же моментъ и стулья, и бѣлые столбы, и тиковыя занавѣски у входовъ — все сливается въ одинъ пестрый кругъ, быстро бѣгущій навстрѣчу лошади. Напрасно руки замираютъ, судорожно вцѣпившись въ жесткую волну гривы, а глаза плотно сжимаются, ослѣпленные бѣшенымъ мельканіемъ мутнаго круга. Мужчина въ цилиндрѣ ходитъ внутри манежа, держитъ у головы лошади конецъ длиннаго бича и оглушительно щелкаетъ имъ...

— Allez!..

А вотъ она, въ короткой газовой юбочкѣ, съ обнаженными худыми, полудѣтскими руками, стоитъ въ электрическомъ свѣтѣ подъ самымъ куполомъ цирка на сильно качающейся трапеціи. На той же трапеціи, у ногъ дѣвочки виситъ внизъ головою, уцѣпившись колѣнами за штангу, другой коренастый мужчина въ розовомъ трико съ золотыми блестками и бахромой, завитой, напомаженный и жестокій. Вотъ онъ поднялъ кверху опущенныя руки, развелъ ихъ, устремилъ въ глаза Норы острый, прицѣливающійся и гипнотизирующій взглядъ акробата

и... хлопнулъ въ ладони. Нора дѣлаетъ быстрое движеніе впередъ, чтобы ринуться внизъ, прямо въ эти сильныя, безжалостныя руки (о, съ какимъ испугомъ вздохнутъ сейчасъ сотни зрителей!), но сердце вдругъ холодѣетъ и перестаетъ биться отъ ужаса, и она только крѣпче стискиваетъ тонкія веревки. Опущенныя безжалостныя руки подымаются опять, взглядъ акробата становится еще напряженнѣе... Пространство внизу, подъ ногами, кажется бездной.

— Allez!..

Она балансируетъ, едва переводя духъ, на самомъ верху «живой пирамиды» изъ шестерыхъ людей. Она скользитъ, извиваясь гибкимъ, какъ у змѣи, тѣломъ, между перекладинами длинной бѣлой лѣстницы, которую внизу кто-то держитъ на головѣ. Она перевертывается въ воздухѣ, взброшенная наверхъ сильными и страшными, какъ стальныя пружины, ногами жонглера въ «икарійскихъ играхъ». Она идетъ высоко надъ землей по тонкой, дрожащей проволокѣ, невыносимо рѣжущей ноги... И вездѣ тѣ же глупо-красивыя лица, напомаженные проборы, взбитые коки, закрученные усы, запахъ сигаръ и потнаго человѣческаго тѣла, и вездѣ все тотъ же страхъ и тотъ же неизбѣжный, роковой крикъ, одинаковый для людей, для лошадей и для дрессированныхъ собакъ:

— Allez!..

Ей только-что минуло шестнадцать лѣтъ, и она была очень хороша собою, когда однажды во время представленія она сорвалась съ воздушнаго турника и, пролетѣвъ мимо сѣтки, упала на песокъ манежа. Ее тотчасъ же, безчувственную, унесли за кулисы и тамъ, по древнему обычаю цирковъ, стали изо всѣхъ силъ трясти за плечи, чтобы привести въ себя. Она очнулась и застонала отъ боли, которую ей причинила вывихнутая рука. «Публика волнуется и начинаетъ расходиться,—говорили

вокругъ нея: — идите и покажитесь публикѣ!..» Она послушно сложила губы въ привычную улыбку, улыбку «граціозной наѣздницы», но, сдѣлавъ два шага, закричала и зашаталась отъ невыносимаго страданія. Тогда десятки рукъ подхватили ее и насильно вытолкнули за занавѣски входа, къ публикѣ.

— Allez!..

Въ этотъ сезонъ въ циркѣ «работалъ» въ качествѣ гастролера клоунъ Менотти, — не простой, дешевый бѣдняга-клоунъ, валяющійся по песку, получающій пощечины и умѣющій, ничего не ѣвши со вчерашняго дня, смѣшить публику цѣлый вечеръ неистощимыми шутками, — а клоунъ-знаменитость, первый соло-клоунъ и подражатель въ свѣтѣ, всемірно-извѣстный дрессировщикъ, получившій почетные призы и т. д. и т. д. Онъ носилъ на груди тяжелую цѣпь изъ золотыхъ медалей, бралъ по 200 рублей за выходъ, гордился тѣмъ, что вотъ уже пять лѣтъ не надѣваетъ другихъ костюмовъ, кромѣ муаровыхъ, неизбѣжно чувствовалъ себя послѣ вечеровъ «разбитымъ» и съ приподнятой горечью говорилъ про себя: «Да! Мы—шуты, мы должны смѣшить сытую публику!» На аренѣ онъ фальшиво и претенціозно пѣлъ старые куплеты, или декламировалъ стихи своего сочиненія, или продергивалъ думу и канализацію, что въ общемъ производило на публику, привлеченную въ циркъ безшабашной рекламой, впечатлѣніе напыщеннаго, скучнаго и неумѣстнаго кривлянья. Въ жизни же онъ имѣлъ видъ томно-покровительственный и любилъ съ таинственнымъ, небрежнымъ видомъ намекать на свои связи съ необыкновенно красивыми, страшно богатыми, но совершенно наскучившими ему графинями.

Когда, излѣчившись отъ вывиха руки, Нора впервые показалась въ циркъ, на утреннюю репетицію, Менотти задержалъ, здороваясь, ея руку въ своей, сдѣлалъ устало-

влажные глаза и разслабленнымъ голосомъ спросилъ ее о здоровьѣ. Она смутилась, покраснѣла и отняла свою руку. Этотъ моментъ рѣшилъ ея участь.

Черезъ недѣлю, провожая Нору съ большого вечерняго представленія, Менотти попросилъ ее зайти съ нимъ поужинать въ ресторанъ той великолѣпной гостиницы, гдѣ всемірно-знаменитый, первый соло-клоунъ всегда останавливался.

Отдѣльные кабинеты помѣщались въ верхнемъ этажѣ, и, взойдя наверхъ, Нора на минуту остановилась — частью отъ усталости, частью отъ волненія и послѣдней цѣломудренной нерѣшимости. Но Менотти крѣпко сжалъ ея локоть. Въ его голосѣ прозвучала звѣриная страсть и жестокое приказаніе бывшаго акробата, когда онъ прошепталъ:

— Allez!..

И она пошла... Она видѣла въ немъ необычайное, верховное существо, почти бога... Она пошла бы въ огонь, если бы ему вздумалось приказать.

Въ теченіе года она ѣздила за нимъ изъ города въ городъ. Она стерегла брильянты и медали Менотти во время его выходовъ, надѣвала на него и снимала трико, слѣдила за его гардеробомъ, помогала ему дрессировать крысъ и свиней, растирала на его физіономіи кольдъ-кремъ и — что̀ всего важнѣе — вѣрила съ пыломъ идолопоклонника въ его міровое величіе. Когда они оставались одни, онъ не находилъ, о чемъ съ ней говорить, и принималъ ея страстныя ласки съ преувеличенно-скучающимъ видомъ человѣка пресыщеннаго, но милостиво позволяющаго обожать себя.

Черезъ годъ она ему надоѣла. Его разслабленный взоръ обратился на одну изъ сестеръ Вильсонъ, совершавшихъ «воздушные полеты». Теперь онъ совершенно не стѣснялся съ Норой и нерѣдко въ уборной, передъ глазами

артистовъ и конюховъ, колотилъ ее по щекамъ за непришитую пуговицу. Она переносила это съ тѣмъ же смиреніемъ, съ какимъ принимаетъ побои отъ своего хозяина старая, умная и преданная собака.

Наконецъ, однажды, ночью, послѣ представленія, на которомъ первый въ свѣтѣ дрессировщикъ былъ освистанъ за то, что черезчуръ сильно ударилъ хлыстомъ собаку, Менотти прямо сказалъ Норѣ, чтобы она немедленно убиралась отъ него ко всѣмъ чертямъ. Она послушалась, но у самой двери номера остановилась и обернулась назадъ съ умоляющимъ взглядомъ. Тогда Менотти быстро подбѣжалъ къ двери, бѣшенымъ толчкомъ ноги распахнулъ ее и закричалъ:

— Allez!..

Но черезъ два дня ее, какъ побитую и выгнанную собаку, опять потянуло къ хозяину. У нея потемнѣло въ глазахъ, когда лакей гостиницы съ наглой усмѣшкой сказалъ ей: «Къ нимъ нельзя-съ, они въ кабинетѣ, заняты съ барышней-съ».

Нора взошла наверхъ и безошибочно остановилась передъ дверью того самаго кабинета, гдѣ годъ тому назадъ она была съ Менотти. Да, онъ былъ тамъ: она узнала его томный голосъ переутомившейся знаменитости, изрѣдка прерываемой счастливымъ смѣхомъ рыжей англичанки. Она быстро отворила дверь.

Малиновыя съ золотомъ обои, яркій свѣтъ двухъ канделябровъ, блескъ хрусталя, гора фруктовъ и бутылки въ серебряныхъ вазахъ, — Менотти, лежащій безъ сюртука на диванѣ, и Вильсонъ съ разстегнутымъ корсажемъ, запахъ духовъ, вина, сигары, пудры, — все это сначала ошеломило ее; потомъ она кинулась на Вильсонъ и нѣсколько разъ ударила ее кулакомъ въ лицо. Та завизжала,—и началась свалка...

Когда Менотти удалось съ трудомъ растащить обѣихъ

женщинъ, Нора стремительно бросилась передъ нимъ на колѣни и, осыпая поцѣлуями его сапоги, умоляла возвратиться къ ней, Менотти съ трудомъ оттолкнулъ ее отъ себя и, крѣпко сдавивъ ее за шею сильными пальцами, сказалъ:

— Если ты сейчасъ не уйдешь, дрянь, то я прикажу лакеямъ вытащить тебя отсюда!

Она встала, задыхаясь, и зашептала:

— А-а! Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ...

Взглядъ ея упалъ на открытое окно. Быстро и легко, какъ привычная гимнастка, она очутилась на подоконникѣ и наклонилась впередъ, держась руками за обѣ наружныя рамы.

Глубоко внизу на мостовой грохотали экипажи, казавшіеся сверху маленькими и странными животными, тротуары блестѣли послѣ дождя, и въ лужахъ колебались отраженія уличныхъ фонарей.

Пальцы Норы похолодѣли, и сердце перестало биться отъ минутнаго ужаса... Тогда, закрывъ глаза и глубоко переведя дыханіе, она подняла руки надъ головой и, поборовъ привычнымъ усиліемъ свою слабость, крикнула, точно въ циркѣ:

— Allez!..

ВЕЧЕРНІЙ ГОСТЬ.

Лампа бросаетъ на письменный столъ, за которымъ я сижу, ровный и яркій кругъ свѣта. Все, что внѣ этого круга — темно, пусто и безжизненно, все чуждо мнѣ и забыто мною. Весь міръ сосредоточился въ маленькомъ, свѣтломъ, кругломъ пространствѣ, гдѣ мнѣ знакомо каждое чернильное пятно, каждая царапина, каждая шероховатость. Больше мнѣ ничего не нужно. Листъ бумаги ослѣпительно-бѣлъ, и края его рѣзко и прямо рисуются на зеленомъ сукнѣ. Секунды вечера бѣгутъ съ кроткой, неторопливой однообразностью, въ свѣтломъ кругѣ все такъ просто, ярко, уютно, близко, привычно и мечтательно. Больше мнѣ ничего, ничего не нужно!

И вотъ кто-то стучится въ двери. Разъ-два-три... Быстро и настойчиво спѣшатъ одинъ за другимъ три глухихъ, тревожныхъ удара. Дремотное очарованіе свѣтлаго круга исчезаетъ мгновенно и безслѣдно, какъ картина съ экрана волшебнаго фонаря. Я снова въ комнатѣ, въ домѣ, въ городѣ... Жизнь ворвалась ко мнѣ подобно тому, какъ вторгается уличный шумъ въ распахнутое окно.

Кто стоитъ тамъ, за дверями? Вотъ онъ сейчасъ войдетъ сюда, и я увижу его лицо, услышу звукъ его голоса, возьму его руку. Я прикоснусь къ нему зрѣніемъ и слухомъ, тѣломъ и мыслью. О, какъ это просто,

и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ таинственно, непонятно, почти ужасно!..

Вѣдь нѣтъ ни одного ничтожнаго явленія, которое не оставило бы во мнѣ неизгладимаго слѣда. Тихая ночная возня мыши подъ поломъ и смертная казнь, рожденіе ребенка и шуршаніе осенняго листа, ураганъ на морѣ и тиканье карманныхъ часовъ, ласка любимой женщины и объявленіе о ваксѣ, — все, все, — и малое и большое, сознанное мною и несознанное, — все притрогивается къ моему мозгу, все чертитъ на немъ непонятные знаки. Каждая прожитая мною минута кладетъ вѣчную, но неизвѣстную мнѣ печать на мой характеръ, на мою любовь или отвращеніе къ жизни, на умъ, на здоровье, на память и воображеніе, на всю мою грядущую жизнь, а можетъ-быть, даже на жизнь моихъ дѣтей и внуковъ. Но я не знаю ни очереди событій, ни времени ихъ прихода, ни ихъ стихійной силы, ни ихъ темнаго значенія...

Я не знаю, что̀ будетъ со мною завтра... Только плоскіе, самодовольные, тупые фарисеи и утонченные духомъ, избранные, ясновидящіе люди знаютъ это, или обманываютъ себя и другихъ, что знаютъ. Я же не знаю, что̀ будетъ со мною черезъ часъ, черезъ минуту; я живу, какъ лотерейный игрокъ, для котораго судьба ворочаетъ колесо съ сюрпризами.

Почему такъ волнуетъ людей азартная игра? Потому что, ставя деньги на девятку бубенъ, мы не знаемъ заранѣе, куда она ляжетъ; направо — мы проигрываемъ, налѣво — выигрываемъ. Потому что передъ нашими глазами будущее мгновенно дѣлается прошедшимъ, а надежды и расчеты превращаются въ разочарованіе и радость; потому что карточная игра есть та же жизнь, но жизнь сокращенная, усиленная и напряженная, подобно жизни подъ колпакомъ съ кислородомъ; потому что въ карточной игрѣ мы чувствуемъ душою, какъ мимо насъ

проходитъ грозное божество, располагающее случаями и возможностями.

Но явленія простой, обыденной жизни не потрясаютъ насъ, и мы живемъ въ нихъ равнодушно и слѣпо. А между тѣмъ ежедневно, ежечасно, — обѣдаемъ ли мы, идемъ ли на любовное свиданіе, подписываемъ ли дѣловую бумагу, сидимъ ли въ театрѣ, играемъ ли въ карты, вводимъ ли въ свой домъ новаго друга, покупаемъ или продаемъ, спимъ или бодрствуемъ, — мы, въ сущности, только то и дѣлаемъ, что вынимаемъ и вынимаемъ изъ огромной урны, которую намъ на каждомъ шагу предлагаетъ жизнь. У картъ, въ концѣ концовъ, только два билета, одинъ съ выигрышемъ, другой съ проигрышемъ, а у жизни ихъ милліоны, помноженные на милліоны, и изъ нихъ ни одного — пустого. Въ карточной игрѣ вы расплачиваетесь по окончаніи таліи наличными деньгами, а жизнь знаетъ безконечное количество способовъ и сроковъ расплаты. Она расплачивается — то скупо, какъ ростовщикъ, то сторицей, какъ получившій наслѣдство кутила, то явно, какъ евангельская вдовица, иногда съ быстротой и неожиданностью револьвернаго выстрѣла, иногда съ медленностью упорной, неизлѣчимой болѣзни...

Это необъяснимо, таинственно и, благодаря своей простотѣ, прямо ужасно. Представьте себѣ, что какой-нибудь тиранъ, настоящій земной тиранъ, геніальный безумецъ, которому прискучили и стали прѣсными обычныя формы наслажденія неограниченною властью, вздумалъ бы ввести въ своемъ государствѣ ежегодную лотерею жизни. Въ извѣстный день и въ извѣстный часъ воины сгоняютъ палками народъ на большую площадь, посреди которой стоитъ ваза, до верху наполненная билетами, опредѣляющими точно и подробно жизнь каждаго подданнаго на цѣлый годъ. Въ этихъ билетахъ предусмотрѣно все, что можетъ изобрѣсти человѣческое воображеніе: богатство,

слава, власть, позоръ, тюрьма, любовь, самоубійство, ордена, изгнаніе, война, трудъ, почести, пытка, смертная казнь... Попробуйте представить и самого себя ждущимъ своей очереди въ толпѣ несчастныхъ этого утонченнаго тирана. О, какъ поблѣднѣетъ ваше лицо, какъ задрожатъ и ослабѣютъ ваши ноги, когда подведутъ васъ къ роковой урнѣ, какъ мучительно забьется ваше сердце отъ двухъ противоположныхъ и равно могучихъ желаній— ускорить и отдалить моментъ выбора!..

А мы вытягиваемъ такіе билеты ежедневно, но только по слѣпотѣ, по суевѣрію, по трусости и по привычкѣ — не замѣчаемъ и не хотимъ замѣчать этого, не размышляемъ надъ этимъ и не вѣримъ въ это. Одинъ говоритъ: «я устрою свою жизнь такъ-то»; другой говоритъ: «я знаю, что и черезъ годъ, и черезъ два, и черезъ десять лѣтъ я такъ же буду сидѣть въ этомъ самомъ креслѣ и подписывать эти самыя исходящія бумаги»; третій увѣренъ больше, чѣмъ въ своемъ существованіи, въ томъ, что онъ до самой смерти не выйдетъ изъ стѣнъ своей богадѣльни... И если увѣренность не обманетъ ихъ, то эти самодовольные люди говорятъ сами себѣ, своимъ дѣтямъ и своимъ знакомымъ: «Вотъ я захотѣлъ получить почести и получилъ. Настойчивость и трудъ могутъ всего достигнуть. Каждый человѣкъ своему счастью кузнецъ». Но слова ихъ такъ же наивны и глупы, какъ слова того человѣка, который, желая доказать самому себѣ свою независимость отъ судьбы, скажетъ: «а вотъ я сейчасъ ударю пальцемъ объ столъ», и дѣйствительно ударитъ. И первые судятъ еще глупѣе, чѣмъ второй, потому что ихъ глупость сложнѣе и путаннѣе.

Ибо, во-первыхъ: окостенѣніе человѣка въ какой-нибудь опредѣленной, окончательной формѣ уже не есть жизнь, а первый симптомъ смерти, такъ какъ жизнь заключается въ непрерывности движенія. Во-вторыхъ, если

бы ему, теперешнему ему, показать его тогдашнюю душу, вывернувъ ее хорошенько наизнанку, онъ удивился бы и не повѣрилъ, что это его душа, а если бы и повѣрилъ, то отказался бы понять, какимъ образомъ, благодаря какимъ вліяніямъ и столкновеніямъ она могла такъ поразительно измѣниться. А въ-третьихъ, этотъ человѣкъ, чтущій не душу, а облекающую ее оболочку, никогда не пойметъ того, что самыя важныя явленія жизни, т.-е. рожденіе, любовь и смерть, очевидно, до ужаса подвержены колебаніямъ случая.

Кто изъ насъ знаетъ смыслъ и причину нашего появленія на свѣтъ? Меньше всего объ этомъ знаютъ наши родители. Въ зачатіи и рожденіи ребенка, въ образованіи его души и тѣла, а стало-быть, и въ складѣ всей его послѣдующей жизни одинаково важную роль играютъ: и съѣденный днемъ обѣдъ, и прочитанная наканунѣ книжка, и запахъ цвѣтовъ въ палисадникѣ, и случайный мотивъ, засѣвшій въ головѣ, и еще тысячи тысячъ причинъ, и изъ нихъ, можетъ-быть, самая пустая и ничтожная, которую человѣкъ и самъ не замѣтилъ и о которой никогда не вспомнитъ, — была самою важной и могучей причиной.

То же и любовь. Кто скажетъ намъ, гдѣ, когда и какъ подпадемъ мы ея страшной власти, иногда прекрасной, иногда разрушительной, иногда пошлой? Мы не знаемъ заранѣе ни своихъ женъ ни своихъ любовницъ. Пріятель вводитъ меня въ кружокъ своихъ близкихъ знакомыхъ, у тѣхъ я знакомлюсь съ другими, черезъ нихъ попадаю къ третьимъ, а у четвертыхъ встрѣчаю чужую, новую, неизвѣстную мнѣ до сихъ поръ женщину. И когда меня ей представляютъ, я самъ не знаю, что въ эту минуту я вытащилъ изъ урны судьбы свой билетъ, на которомъ написано: вотъ именно съ этой чужой тебѣ женщиной ты будешь многіе годы ѣсть за однимъ столомъ, спать рядомъ, рождать дѣтей, и люди будутъ звать

васъ женою и мужемъ. И сколько тысячъ разъ два человѣка, которые всею душой, всѣми мыслями многіе годы жаждутъ найти другъ друга, встрѣчаются на улицѣ, даже слегка касаются другъ друга локтемъ, и расходятся, чтобы никогда больше не увидѣться!

А дѣти? Думалъ ли я о нихъ раньше? Могу ли я себѣ представить хоть приблизительно, что̀ передамъ я имъ изъ своего тѣла, изъ своего ума и души, передамъ не только своего, но и принадлежащаго моему отцу, дѣду и прадѣду? Могу ли я предвидѣть всѣ мелочные для меня, но роковые для ребенка случаи, которые оставятъ неизгладимыя черты въ его душѣ?

И все это кончается смертью, самой вѣрной и самой случайной гостьей, къ которой мы незамѣтно подготовляемъ себя всѣмъ: одеждой, питьемъ, пищей, квартирами, настроеніемъ духа, любовью и ненавистью.

Нѣтъ, я ничего, ничего не понимаю въ этой жизни. Я съ покорнымъ, тупымъ страхомъ вытягиваю свой билетъ и самъ не могу прочесть его непонятной надписи.

И никогда мнѣ это не бывало такъ ясно, какъ въ этотъ вечерній часъ, когда въ моихъ дверяхъ послышался тревожный стукъ. Вотъ, подумалъ я, пришла и стоитъ тамъ судьба со своимъ волшебнымъ колесомъ. Иди и вынимай твой жребій. Кто скажетъ мнѣ, что̀ принесъ съ собою этотъ стоящій за дверями человѣкъ: радость или скорбь, любовь или ненависть? Будетъ ли его приходъ началомъ перелома въ моей жизни, или онъ скользнетъ по ней, оставивъ едва замѣтный слѣдъ, о которомъ я сейчасъ же забуду и не вспомню никогда до самой смерти и даже послѣ нея? И мнѣ приходитъ въ голову суевѣрная мысль, что если бы я теперь громко спросилъ: «кто тамъ?», то равнодушный, беззвучный голосъ отвѣтилъ бы мнѣ: «судьба».

Я громко говорю: «войдите!». Между его стукомъ и

моимъ восклицаніемъ не прошло и секунды, но мысли, которыя пронеслись за этотъ короткій промежутокъ въ моей головѣ, приподняли уголокъ завѣсы надъ какой-то черной бездной и уже состарили меня. И я чувствую, что короткій, нервный стукъ человѣка уже связалъ меня съ нимъ незримыми путами.

Я слышу, какъ онъ отворяетъ дверь. Сейчасъ между нами произойдетъ самая обыденная и самая непонятная вещь. Мы начнемъ разговаривать. Онъ съ помощью звуковъ разной высоты и силы будетъ выражать въ условной формѣ свои мысли, а я буду воспринимать эти звуковыя колебанія и разгадывать ихъ условное значеніе, и его мысли станутъ моими мыслями.

О! какъ непонятны для насъ, какъ таинственны, какъ странны самыя простыя жизненныя явленія. А мы, не постигая ихъ, не умѣя въ нихъ разобраться, громоздимъ ихъ одно на другое, переплетаемъ, связываемъ, уширяемъ, мы устраиваемъ знакомства и браки, пишемъ книги, говоримъ проповѣди, учреждаемъ министерства, ведемъ войну и торговлю, дѣлаемъ новыя изобрѣтенія, и потомъ создаемъ исторію! И каждый разъ, когда я думаю объ огромности, сложности, непонятности и стихійной случайности этого общаго сплетенія жизней, то моя собственная жизнь представляется мнѣ ничтожной пылинкой, затерявшейся въ вихрѣ урагана...

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ.

Было часовъ шесть-семь хорошаго сентябрьскаго утра, когда полуторагодовалый пойнтеръ Джекъ, коричневый, длинноухій, веселый песъ, отправился вмѣстѣ съ кухаркой Аннушкой на базаръ. Онъ отлично зналъ дорогу и потому увѣренно бѣжалъ все время впереди, обнюхивая мимоходомъ тротуарныя тумбы и останавливаясь на перекресткахъ, чтобы оглянуться на кухарку. Увидѣвъ въ ея лицѣ и походкѣ подтвержденіе, онъ рѣшительно сворачивалъ и пускался впередъ оживленнымъ галопомъ.

Обернувшись такимъ образомъ около знакомой колбасной лавки, Джекъ не нашелъ Аннушки. Онъ бросился назадъ такъ поспѣшно, что даже его лѣвое ухо завернулось отъ быстраго бѣга. Но Аннушки не было видно и съ ближняго перекрестка. Тогда Джекъ рѣшился оріентироваться по запаху. Онъ остановился и, осторожно водя во всѣ стороны мокрымъ, подвижнымъ носомъ, старался уловить въ воздухѣ знакомый запахъ Аннушкинаго платья, запахъ грязнаго кухоннаго стола и сѣраго мыла. Но въ эту минуту мимо Джека прошла торопливой походкой какая-то женщина и, задѣвъ его по боку шуршащей юбкой, оставила за собою сильную струю отвратительныхъ китайскихъ духовъ. Джекъ досадливо махнулъ головою и чихнулъ,—Аннушкинъ слѣдъ былъ окончательно потерянъ.

Однако пойнтеръ вовсе не пришелъ отъ этого въ уныніе. Онъ хорошо былъ знакомъ съ городомъ и потому всегда очень легко могъ найти дорогу домой: стоило только добѣжать до колбасной, отъ колбасной до зеленной лавки, затѣмъ повернуть налѣво мимо большого сѣраго дома, изъ подваловъ котораго всегда такъ вкусно пахло пригорѣлымъ масломъ,— и онъ уже на своей улицѣ. Но Джекъ не торопился. Утро было свѣжее, яркое, а въ чистомъ, нѣжно-прозрачномъ и слегка влажномъ воздухѣ всѣ оттѣнки запаховъ пріобрѣтали необычайную тонкость и отчетливость. Пробѣгая мимо почты съ вытянутымъ, какъ палка, хвостомъ и вздрагивающими ноздрями, Джекъ съ увѣренностью могъ сказать, что не болѣе минуты тому назадъ здѣсь останавливался большой, мышастый, немолодой догъ, котораго кормятъ обыкновенно овсянкой.

И дѣйствительно, пробѣжавъ шаговъ двѣсти, онъ увидѣлъ этого дога, трусившаго степенной рысцой. Уши у дога были коротко обрѣзаны, и на шеѣ болтался широкій, истертый ремень.

Догъ замѣтилъ Джека и остановился, полуобернувшись назадъ. Джекъ вызывающе закрутилъ кверху хвостъ и сталъ медленно подходить къ незнакомцу, дѣлая видъ, будто смотритъ куда-то въ сторону. Мышастый догъ сдѣлалъ то же со своимъ хвостомъ и широко оскалилъ бѣлые зубы. Потомъ они оба зарычали, отворотивъ другъ отъ друга морды и какъ будто бы захлебываясь.

«Если онъ мнѣ скажетъ что-нибудь оскорбительное для моей чести или для чести всѣхъ порядочныхъ пойнтеровъ вообще, я вцѣплюсь ему въ бокъ, около лѣвой задней ноги, — подумалъ Джекъ. — Догъ, конечно, сильнѣе меня, но онъ неповоротливъ и глупъ. Ишь, стоитъ болванъ бокомъ и не подозрѣваетъ, что открылъ весь лѣвый флангъ для нападенія».

И вдругъ... Случилось что-то необъяснимое, почти сверхъестественное. Мышастый догъ внезапно грохнулся на спину, и какая-то невидимая сила повлекла его съ тротуара. Вслѣдъ за этимъ та же невидимая сила плотно охватила горло изумленнаго Джека... Джекъ уперся передними ногами и яростно замоталъ головой. Но незримое «что-то» такъ стиснуло его шею, что коричневый пойнтеръ лишился сознанія.

Онъ пришелъ въ себя въ тѣсной желѣзной клѣткѣ, которая тряслась по камнямъ мостовой, дребезжа всѣми своими плохо свинченными частями. По острому собачьему запаху Джекъ тотчасъ же догадался, что клѣтка уже много лѣтъ служила помѣщеніемъ для собакъ всѣхъ возрастовъ и породъ. На козлахъ впереди клѣтки сидѣли два человѣка, наружности не внушавшей никакого довѣрія.

Въ клѣткѣ уже собралось довольно многочисленное общество. Прежде всего Джекъ замѣтилъ мышастаго дога, съ которымъ онъ чуть не поссорился на улицѣ. Догъ стоялъ, уткнувши морду между двумя желѣзными палками, и жалобно повизгивалъ, между тѣмъ какъ его тѣло качалось взадъ и впередъ отъ тряски. Посрединѣ клѣтки лежалъ, вытянувши умную морду между ревматическими лапами, старый бѣлый пудель, выстриженный наподобіе льва, съ кисточками на колѣнкахъ и на концѣ хвоста. Пудель, повидимому, относился къ своему положенію съ философскимъ стоицизмомъ, и, если бы онъ не вздыхалъ изрѣдка и не помаргивалъ бровями, можно было бы подумать, что онъ спитъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла, дрожа отъ утренняго холода и волненія, хорошенькая, выхоленная левретка съ длинными, тонкими ножками и остренькой мордочкой. Время отъ времени она нервно зѣвала, свивая при этомъ трубочкой свой розовый язычокъ и сопровождая каждый зѣвокъ длиннымъ тонкимъ визгомъ...

Ближе къ заднему концу клѣтки плотно прижалась къ рѣшеткѣ черная гладкая такса съ желтыми подпалинами на груди и бровяхъ. Она никакъ не могла оправиться отъ изумленія, которое придавало необыкновенно комичный видъ ея длинному, на вывороченныхъ низкихъ лапкахъ, туловищу крокодила и серьезной мордочкѣ съ ушами, чуть не волочившимися по полу.

Кромѣ этой, болѣе или менѣе свѣтской компаніи, въ клѣткѣ находились еще двѣ несомнѣнныя дворняжки. Одна изъ нихъ, похожая на тѣхъ псовъ, что̀ повсемѣстно зовутся Бутонами и отличаются низменнымъ характеромъ, была косматa, рыжа и имѣла пушистый хвостъ, завернутый въ видѣ цифры 9. Она попала въ клѣтку раньше всѣхъ и, повидимому, настолько освоилась со своимъ исключительнымъ положеніемъ, что давно уже искала случая завязать съ кѣмъ-нибудь интересный разговоръ. Послѣдняго пса почти не было видно; онъ забился въ самый темный уголъ и лежалъ тамъ, свернувшись клубкомъ. За все время онъ только одинъ разъ приподнялся, чтобы зарычать на близко подошедшаго къ нему Джека, но и этого было довольно для возбужденія во всемъ случайномъ обществѣ сильнѣйшей антипатіи къ нему. Во-первыхъ, онъ былъ фіолетоваго цвѣта, въ который его вымазала шедшая на работу артель маляровъ. Во-вторыхъ, шерсть на немъ стояла дыбомъ и при этомъ отдѣльными клоками. Въ-третьихъ, онъ, очевидно, былъ золъ, голоденъ, отваженъ и силенъ; это сказалось въ томъ рѣшительномъ толчкѣ его исхудалаго тѣла, съ которымъ онъ вскочилъ навстрѣчу опѣшившему Джеку.

Молчаніе длилось съ четверть часа. Наконецъ Джекъ, котораго ни въ какихъ жизненныхъ случаяхъ не покидалъ здравый юморъ, замѣтилъ фатовскимъ тономъ:

— Приключеніе начинаетъ становиться интереснымъ.

Любопытно, гдѣ эти джентльмены сдѣлаютъ первую станцію?

Старому пуделю не понравился легкомысленный тонъ коричневаго пойнтера. Онъ медленно повернулъ голову въ сторону Джека и отрѣзалъ съ холодной насмѣшкой:

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, молодой человѣкъ. Джентльмены сдѣлаютъ станцію въ живодернѣ.

— Какъ!.. Позвольте... виноватъ... я не разслышалъ,— пробормоталъ Джекъ, невольно присаживаясь, потому что у него мгновенно задрожали ноги.—Вы изволили сказать: въ жи...

— Да, въ живодернѣ, — подтвердилъ такъ же холодно пудель и отвернулся.

— Извините... но я васъ не совсѣмъ точно понялъ... Живодерня... Что же это за учрежденіе—живодерня? Не будете ли вы такъ добры объясниться?..

Пудель молчалъ. Но такъ какъ левретка и такса присоединились къ просьбѣ Джека, то старикъ, не желая оказаться невѣжливымъ передъ дамами, долженъ былъ привести нѣкоторыя подробности.

— Это, видите ли, mesdames, такой большой дворъ, обнесенный высокимъ, остроконечнымъ заборомъ, куда запираютъ пойманныхъ на улицахъ собакъ. Я имѣлъ несчастье три раза попадать въ это мѣсто.

— Эка невидаль!—послышался хриплый голосъ изъ темнаго угла.—Я въ седьмой разъ туда ѣду.

Несомнѣнно, голосъ, шедшій изъ угла, принадлежалъ фіолетовому псу. Общество было шокировано вмѣшательствомъ въ разговоръ этой растерзанной личности и потому сдѣлало видъ, что не слышитъ ея реплики. Только одинъ Бутонъ, движимый лакейскимъ усердіемъ выскочки, закричалъ:

— Пожалуйста, не вмѣшивайтесь, если васъ не спрашиваютъ!

И тотчасъ же искательно заглянулъ въ глаза важному мышастому догу.

— Я тамъ бывалъ три раза, — продолжалъ пудель:—но всегда приходилъ мой хозяинъ и бралъ меня оттуда (я занимаюсь въ циркѣ, и, вы понимаете, мною дорожатъ)... Такъ вотъ-съ, въ этомъ непріятномъ мѣстѣ собираются заразъ сотни двѣ или три собакъ...

— Скажите, а бываетъ тамъ порядочное общество? — жеманно спросила левретка.

— Случается. Кормили насъ необыкновенно плохо и мало. Время отъ времени неизвѣстно куда исчезалъ одинъ изъ заключенныхъ, и тогда мы обѣдали супомъ изъ...

Для усиленія эффекта, пудель сдѣлалъ небольшую паузу, обвелъ глазами аудиторію и добавилъ съ дѣланнымъ хладнокровіемъ:

— ...Изъ собачьяго мяса.

При послѣднихъ словахъ компанія пришла въ ужасъ и негодованіе.

— Чортъ возьми! Какая низкая подлость!—воскликнулъ Джекъ.

— Я сейчасъ упаду въ обморокъ... мнѣ дурно,—прошептала левретка.

— Это ужасно... ужасно! — простонала такса.

— Я всегда говорилъ, что люди подлецы! — проворчалъ мышастый догъ.

— Какая страшная смерть!—вздохнулъ Бутонъ.

И только одинъ голосъ фіолетоваго пса звучалъ изъ своего темнаго угла мрачной и циничной насмѣшкой:

— Однако этотъ супъ ничего... недуренъ... хотя, конечно, нѣкоторыя дамы, привыкшія къ цыплячьимъ котлетамъ, найдутъ, что собачье мясо могло бы быть немного помягче.

Пренебрегши этимъ дерзкимъ замѣчаніемъ, пудель продолжалъ:

— Впослѣдствіи, изъ разговора своего хозяина я узналъ, что шкура нашихъ погибшихъ товарищей пошла на выдѣлку дамскихъ перчатокъ. Но — приготовьте ваши нервы, mesdames,—но этого мало. Для того, чтобы кожа была нѣжнѣе и мягче, ее сдираютъ съ живой собаки.

Отчаянные крики прервали слова пуделя:

— Какое безчеловѣчіе!..

— Какая низость!

— Но это же невѣроятно!

— О, Боже мой, Боже мой!

— Палачи!..

— Нѣтъ, хуже палачей!..

Послѣ этой вспышки наступило напряженное и печальное молчаніе. Въ умѣ каждаго слушателя рисовалась страшная перспектива сдиранія заживо кожи.

— Господа, да неужели нѣтъ средства разъ навсегда избавить всѣхъ честныхъ собакъ отъ постыднаго рабства у людей? — крикнулъ запальчиво Джекъ.

— Будьте добры, укажите это средство,—сказалъ съ ироніей старый пудель.

Собаки задумались.

— Перекусать всѣхъ людей и баста!—брякнулъ догъ озлобленнымъ басомъ.

— Вотъ именно-съ, самая радикальная мысль, — поддержалъ подобострастно Бутонъ. — По крайности будутъ бояться.

— Такъ-съ... перекусать... прекрасно-съ,— возразилъ старый пудель.—А какого вы мнѣнія, милостивый государь, относительно арапниковъ? Вы изволите быть съ ними знакомы?

— Гм... — откашлялся догъ.

— Гм... — повторилъ Бутонъ.

— Нѣтъ-съ, я вамъ доложу, государь мой, намъ съ людьми бороться не приходится. Я немало помыкался по

бѣлу свѣту и могу сказать, что хорошо знаю жизнь... Возьмемъ, напримѣръ, хоть такія простыя вещи, какъ конура, арапникъ, цѣпь и намордникъ, — вещи, я думаю, всѣмъ вамъ, господа, не безызвѣстныя?.. Предположимъ, что мы, собаки, со временемъ и додумаемся, какъ отъ нихъ избавиться... Но развѣ человѣкъ не изобрѣтетъ тотчасъ же болѣе усовершенствованныхъ орудій? Непремѣнно изобрѣтетъ. Вы поглядѣли бы, какія конуры, цѣпи и намордники строятъ люди другъ для друга! Надо подчиняться, господа, вотъ и всё-съ. Таковъ законъ природы-съ.

— Ну, развелъ философію, — сказала такса на ухо Джеку. — Терпѣть не могу стариковъ съ ихъ поученіями.

— Совершенно справедливо, mademoiselle, — галантно махнулъ хвостомъ Джекъ.

Мышастый догъ съ меланхолическимъ видомъ поймалъ ртомъ залетѣвшую муху и протянулъ плачевнымъ голосомъ:

— Эхъ, жизнь собачья!..

— Но гдѣ же здѣсь справедливость, — заволновалась вдругъ молчавшая до сихъ поръ левретка. — Вотъ хоть вы, господинъ пудель... извините, не имѣю чести знать имени...

— Арто, профессоръ эквилибристики, къ вашимъ услугамъ, — поклонился пудель.

— Ну вотъ, скажите же мнѣ, господинъ профессоръ, вы, повидимому, такой опытный песъ, не говоря уже о вашей учености; скажите, гдѣ же во всемъ этомъ высшая справедливость? Неужели люди настолько достойнѣе и лучше насъ, что безнаказанно пользуются такими жестокими привилегіями...

— Не лучше и не достойнѣе, милая барышня, а сильнѣй и умнѣй, — возразилъ съ горечью Арто. — О! мнѣ прекрасно извѣстна нравственность этихъ двуногихъ жи-

вотныхъ... Во-первыхъ, они жадны, какъ ни одна собака въ мірѣ. У нихъ настолько много хлѣба, мяса и воды, что всѣ эти чудовища могли бы быть вдоволь сытыми цѣлую жизнь. А между тѣмъ какая-нибудь десятая часть изъ нихъ захватила въ свои руки всѣ жизненные припасы и, не будучи сама ихъ въ состояніи сожрать, заставляетъ остальныхъ девять десятыхъ голодать. Ну, скажите на милость, развѣ сытая собака не удѣлитъ обглоданной кости своей сосѣдкѣ?

— Удѣлитъ, непремѣнно удѣлитъ,—согласились слушатели.

— Гм! — крякнулъ догъ съ сомнѣніемъ.

– Кромѣ того, люди злы. Кто можетъ сказать, чтобы одинъ песъ умертвилъ другого изъ-за любви, зависти или злости? Мы кусаемся иногда — это справедливо. Но мы не лишаемъ другъ друга жизни.

— Дѣйствительно такъ, — подтвердили слушатели.

— Скажите еще, — продолжалъ бѣлый пудель : — развѣ одна собака рѣшится запретить другой собакѣ дышать свѣжимъ воздухомъ и свободно высказывать свои мысли объ устроеніи собачьяго счастья? А люди это дѣлаютъ!

— Чортъ побери! — вставилъ энергично мышастый догъ.

— Въ заключеніе я скажу, что люди лицемѣрны, завистливы, лживы, негостепріимны и жестоки... И все-таки люди господствуютъ и будутъ господствовать, потому что... потому что такъ уже устроено. Освободиться отъ ихъ владычества невозможно... Вся собачья жизнь, все собачье счастье въ ихъ рукахъ. Въ теперешнемъ нашемъ положеніи, каждый изъ насъ, у кого есть добрый хозяинъ, долженъ благодарить судьбу. Одинъ хозяинъ можетъ избавить насъ отъ удовольствія ѣсть мясо товарищей и чувствовать потомъ, какъ съ него живьемъ сдираютъ кожу.

Слова профессора нагнали на общество уныніе. Болѣе никто не произнесъ ни слова. Всѣ безпомощно тряслись и шатались при толчкахъ клѣтки. Догъ скулилъ жалобнымъ голосомъ. Бутонъ, державшійся около него, тихонько подвывалъ ему.

Вскорѣ собаки почувствовали, что колеса ихъ экипажа ѣдутъ по песку. Черезъ пять минутъ клѣтка въѣхала въ широкія ворота и очутилась среди огромнаго двора, обнесеннаго кругомъ сплошнымъ заборомъ, утыканнымъ наверху гвоздями. Сотни двѣ собакъ, тощихъ, грязныхъ, съ повѣшенными хвостами и грустными мордами, еле бродили по двору.

Дверь клѣтки отворилась. Всѣ семеро только-что пріѣхавшихъ псовъ вышли изъ нея и, повинуясь инстинкту, сбились въ кучу.

— Эй, послушайте, какъ васъ тамъ... эй, вы, профессоръ!.. — услыхалъ пудель сзади себя чей-то голосъ.

Онъ обернулся: передъ нимъ стоялъ съ самой наглой улыбкой фіолетовый песъ.

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ,—огрызнулся старый пудель. — Не до васъ мнѣ.

— Нѣтъ, я только одно замѣчаньице... Вотъ вы въ клѣткѣ-то умныя слова говорили, а все-таки одну ошибочку сдѣлали... Да-съ.

— Да отвяжитесь отъ меня, чортъ возьми! Какую тамъ еще ошибочку?

— А насчетъ собачьяго счастья-то... Хотите, я вамъ сейчасъ покажу, въ чьихъ рукахъ собачье счастье?

И вдругъ, прижавши уши, вытянувъ хвостъ, фіолетовый песъ понесся такимъ бѣшенымъ карьеромъ, что старый профессоръ эквилибристики только разинулъ ротъ. «Лови его! Держи!»—закричали сторожа, кидаясь вслѣдъ за убѣгающей собакой.

Но фіолетовый песъ былъ уже около забора. Однимъ

толчкомъ отпрянувъ отъ земли, онъ очутился наверху, повиснувъ передними лапами. Еще два судорожныхъ движенія, и фіолетовый песъ перекатился черезъ заборъ, оставивъ на его гвоздяхъ добрую половину своего бока.

Старый бѣлый пудель долго глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ понялъ свою ошибку.

УБІЙЦА.

Говорили о теперешнихъ событіяхъ: о казняхъ и разстрѣлахъ, о заживо сожженныхъ, объ обезчещенныхъ женщинахъ, объ убитыхъ старикахъ и дѣтяхъ, о нѣжныхъ свободолюбивыхъ душахъ, навсегда обезображенныхъ, затоптанныхъ въ грязь мерзостью произвола и насилія.

Хозяинъ дома сказалъ:

— Какъ измѣнился масштабъ жизни — страшно подумать! Давно ли?—лѣтъ пять тому назадъ—все русское общество волновалось и ужасалось по поводу какого-нибудь одиночнаго случая насилія. Городовые избили въ кутузкѣ чиновника, земскій начальникъ арестовалъ пріѣзжаго студента за непочтеніе. А теперь! Тамъ разстрѣляна цѣлая толпа безъ предупрежденія; тамъ казнили по ошибкѣ одного однофамильца вмѣсто другого; тамъ стрѣляютъ людей просто такъ себѣ, отъ-нечего-дѣлать, чтобы разрядить зарядъ; тамъ хватаютъ и сѣкутъ нагайками молодого человѣка, сѣкутъ безъ всякаго повода, для дарового развлеченія солдатамъ и офицерамъ. И уже—вотъ!—это не возбуждаетъ въ насъ ни удивленія, ни переполоха. Все стало привычнымъ...

Кто-то нервно завозился въ углу дивана. Всѣ обернулись туда, чувствуя, что этотъ человѣкъ сейчасъ заговоритъ, хотя не видѣли его. И онъ началъ говорить тихимъ, преувеличенно-ровнымъ тономъ, но съ такими частыми паузами между словами и съ такими странными

вздрагиваніями въ голосѣ, что всѣмъ стало ясно, какъ трудно ему сдерживать внутреннее волненіе и скорбь.

— Да... я вотъ что̀ хотѣлъ... По-моему это... неправда, что можно... привыкнуть въ этому. Я понимаю еще убійство... изъ мести — тутъ есть какая-то громадная... какая-то звѣриная радость. Понимаю убійство въ гнѣвѣ, въ ослѣпленіи страстью, изъ ревности. Ну, наконецъ, убійство на дуэли... Но когда люди дѣлаютъ это механически... безъ раздраженія, безъ боязни какой бы то ни было отвѣтственности... и не ожидая даже сопротивленія... нѣтъ, это для меня такъ же дико, ужасно и непостижимо, какъ непостижима для меня психологія палача... Когда я читаю или думаю о погромахъ, объ усмирительныхъ экспедиціяхъ или о томъ, какъ на войнѣ приканчиваютъ плѣнныхъ, чтобы не обременять ими отряда, я теряю голову. Я стою точно надъ какой-то черной, смрадной бездной, въ которую способна падать иногда человѣческая душа... И я ничего не понимаю... мнѣ жутко и гадко... до тошноты... но... странное, мучительное, больное любопытство приковываетъ меня... къ ужасу... ко всей безмѣрности этого паденія.

Онъ помолчалъ немного, прерывисто вздохнулъ, и, когда опять заговорилъ, то по его измѣнившемуся голосу, ставшему внезапно глухимъ, можно было догадаться, что онъ закрылъ глаза руками.

— Ну, что̀ же... все равно... я это долженъ разсказать... На моей душѣ тоже лежитъ этотъ давнишній кровавый бредъ... Около десяти лѣтъ тому назадъ я совершилъ убійство... Я никому до сихъ поръ не говорилъ... но... все равно... Видите ли—у меня въ имѣніи, въ людской избѣ, жила кошка. Такая худая, маленькаго роста, заморышъ... скорѣе похожая на котенка... бѣлой шерсти... но такъ какъ она жила всегда подъ печкой, то всегда была грязно-сѣрой, какой-то голубой...

«Все это произошло зимой... да, поздней зимой. Было утро — чудесное, тихое, безвѣтреное. Свѣтило солнце, уже теплое, и на снѣгъ было невозможно смотрѣть, такъ онъ сверкалъ. Въ этотъ годъ навалило снѣгу необыкновенно много,—и всѣ мы ходили на лыжахъ. И вотъ въ это утро я надѣлъ лыжи и пошелъ осмотрѣть плодовый питомникъ, который за ночь попортили зайцы. Я двигался тихонько вдоль правильныхъ рядовъ молодыхъ яблонекъ, и, какъ теперь помню, — снѣгъ казался розовымъ, а тѣни отъ маленькихъ деревьевъ лежали совсѣмъ голубыя, и такія прелестныя, что хотѣлось стать на колѣни около нихъ и уткнуться лицомъ въ пушистый снѣгъ.

«И вотъ ко мнѣ подходитъ старый работникъ Языкантъ. Его какъ-то иначе звали, но такое ужъ у него было прозвище. Идемъ съ нимъ рядомъ, — онъ тоже на лыжахъ, — говоримъ о томъ, о семъ. Вдругъ онъ засмѣялся:

«— А наша кощенка, баринъ, безъ ноги осталась.

«Я спросилъ: почему?

«—Да должно-быть попала въ волчій капканъ. Полъ-ноги начисто.

«Тогда я захотѣлъ поглядѣть на нее, и мы пошли къ людской избѣ. Вскорѣ намъ дорогу пересѣкъ тоненькій слѣдокъ изъ частыхъ красныхъ пятнышекъ. Онъ велъ къ завалинкѣ, подъ которой сидѣла раненая кошка. Увидѣвъ насъ, она зажмурилась, жалобно разинула ротъ и длинно мяукнула. Мордочка у нея была необыкновенно худенькая и грязная. Правая передняя лапка была перекушена повыше колѣннаго сустава, и странно торчала впередъ, точно раненая рука, и изъ нея рѣдкими каплями капала кровь, и высовывалась наружу бѣлая тонкая косточка.

«Я приказалъ Языканту:

«— Поди ко мнѣ въ спальню и принеси ружье. Оно на коврѣ, надъ кроватью.

«— Да что ей сдѣлается? Залижетъ! — возразилъ рабочій.

«Но я настоялъ на своемъ. Мнѣ хотѣлось прекратить мученіе изуродованнаго животнаго. Кромѣ того, я былъ увѣренъ, что рана непремѣнно будетъ гноиться, и кошка все равно издохнетъ отъ зараженія крови.

«Языкантъ принесъ ружье. Одинъ его стволъ былъ заряженъ мелкой дробью для рябчиковъ, другой волчиной картечью. Я поманилъ кошку — кись, кись, кись. Она тихо замяукала и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Тогда я зашелъ вправо, такъ, чтобы она пришлась ко мнѣ лѣвымъ бокомъ, прицѣлился и выстрѣлилъ. До животнаго было не болѣе шести-семи шаговъ, и сейчасъ же послѣ выстрѣла мнѣ показалось, что въ боку у нея образовалась черная дыра, величиною въ моихъ два кулака. Но я не убилъ ея. Она пронзительно закричала и бросилась бѣжать отъ меня съ необыкновенной быстротой, совсѣмъ не прихрамывая.

«Я видѣлъ, какъ она перебѣжала широкій, шаговъ въ полтораста, дворъ и юркнула въ темный четырехугольникъ открытой сушилки. Мнѣ сдѣлалось стыдно, и досадно, и противно. Я побѣжалъ вслѣдъ за нею. По дорогѣ моя нога выскочила изъ лыжнаго стремени. Я упалъ бокомъ въ снѣгъ и насилу выбрался. Движенія мои были неловки, въ рукавъ полушубка набрался снѣгъ, а руки сильно дрожали.

«Я вошелъ въ сушилку. Тамъ было совсѣмъ темно. Я хотѣлъ покликать кошку, но почему-то застыдился. Но вдругъ я услышалъ наверху тихое, злобное урчаніе. Я поглядѣлъ вверхъ и увидѣлъ только ея глаза — двѣ зеленыхъ горящихъ точки. Она сидѣла на печкѣ.

«Я выстрѣлилъ по этимъ точкамъ наугадъ, почти не

цѣлясь. Кошка фыркнула, закричала, заметалась... Потомъ затихла... Я уже хотѣлъ уйти, но опять съ печки послышалось длительное, злое урчаніе. Я оглянулся. Два зеленыхъ огонька свѣтились изъ темноты, съ выраженіемъ такой дьявольской ненависти, что волосы у меня на головѣ зашевелились, и кожа на темени похолодѣла.

«Я быстро пошелъ домой. Готовыхъ ружейныхъ патроновъ у меня больше не было, но зато былъ револьверъ Смита и Вессона и къ нему цѣлая коробка патроновъ. Я зарядилъ всѣ шесть гнѣздъ и вернулся въ сушилку.

«Кошка издали встрѣтила меня своимъ ужаснымъ урчаньемъ. Я выпустилъ въ нее всѣ шесть патроновъ, потомъ вернулся домой, опять зарядилъ оружіе и снова сдѣлалъ шесть выстрѣловъ. И каждый разъ бѣшеное фырканье, царапанье и метанье на печкѣ, мучительные крики и потомъ два зеленыхъ огня и яростное долгое урчанье.

«Мнѣ уже не было ее жалко, но и не было во мнѣ раздраженія. Я точно отупѣлъ, и холодная, тяжкая, ненасытная потребность убійства управляла моими руками, ногами, всѣми моими движеніями. Но сознаніе мое спало, окутанное какой-то грязной, скользкой пеленой. И самому мнѣ было холодно, и въ груди и въ животѣ я чувствовалъ противную щекочущую близость обморока. И я не могъ остановиться.

«Помню я также, что свѣтлое, милое зимнее утро какъ-то странно измѣнилось и потемнѣло: пожелтѣлъ снѣгъ, посѣрѣло небо, а во мнѣ самомъ было деревянное, скучное равнодушіе ко всему, и къ небу, и къ солнцу, и къ деревьямъ, съ ихъ чистыми голубыми тѣнями.

«Я возвращался изъ дому къ сушилкѣ въ третій разъ и опять съ заряженнымъ револьверомъ. Но изъ сушилки вышелъ Языкантъ, держа въ рукѣ за заднія ноги что-то

красное, истерзанное, съ вывалившимися кишками, кричащее.

«Увидѣвъ меня, онъ сказалъ грубо:

«— Чего ужъ тамъ... не надо... иди... я самъ...

«Онъ старался не глядѣть мнѣ въ глаза, но я ясно увидѣлъ вокругъ его рта выраженіе суроваго отвращенія, и я зналъ, что это отвращеніе относится ко мнѣ.

«Онъ зашелъ за уголъ и, сильно размахнувшись, ударилъ кошку головой о бревно. И все было кончено...»

Разсказывающій помолчалъ немного. Слышно было, какъ онъ сморкался и возился на диванѣ. Потомъ онъ продолжалъ еще тише, чѣмъ прежде, съ оттѣнкомъ тоски и недоумѣнія:

— Такъ вотъ... Цѣлый день этотъ кровавый сонъ не выходилъ изъ моей головы. И ночью я долго не спалъ и все думалъ о грязной бѣлой кощенкѣ. И все ловилъ себя на той мечтѣ, что я опять иду на сушилку, и опять слышу страдальческое и злобное урчаніе, вижу эти зеленыя точки, полныя ужаса и ненависти, и все стрѣляю, стрѣляю въ нихъ... Я долженъ признаться, господа... что это — самое тяжелое, самое отвратительное впечатлѣніе изъ всей моей жизни!.. Мнѣ вовсе не жаль этой шелудивой бѣлой кошки... Нѣтъ... Мнѣ приходилось стрѣлять лосей, медвѣдя... Три года тому назадъ я пристрѣлилъ на скачкахъ лошадь. Наконецъ я былъ на войнѣ, чортъ возьми!.. Нѣтъ, нѣтъ, это не то. Но до конца моихъ дней я не забуду, какъ внезапно со дна моей души поднялась и завладѣла ею, ослѣпила, залила ее какая-то темная, подлая, но въ то же время непреодолимая, невѣдомая, грозная сила. Ахъ, этотъ кровавый туманъ, это одеревянѣніе, это обморочное равнодушіе, это тихое влеченіе убивать!..

Онъ опять примолкъ. Чей-то низкій голосъ произнесъ изъ дальняго угла:

— Да, правда... Какое тяжелое воспоминаніе.

Но тотъ, что разсказывалъ, вдругъ перебилъ его съ горячностью:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы подумайте только, вы ради Бога подумайте объ этихъ несчастныхъ, которые шли и убивали, убивали, убивали. Я думаю, день имъ казался чернымъ, какъ ночь! Я думаю, ихъ тошнило отъ крови, но они все равно не могли остановиться. Они могли въ эти дни спать, ѣсть, пить, даже разговаривать, даже смѣяться, но это были не они, а владѣвшій ими дьяволъ съ мутными глазами и съ липкой кожей... Я говорю «несчастные», потому что воображаю себѣ ихъ не сейчасъ, а потомъ, гораздо позднѣе, когда они будутъ стариками. Вѣдь они никогда, никогда не забудутъ той мерзости и того ужаса, которые въ эти дни навѣки исковеркали и опоганили ихъ души. И я воображаю себѣ ихъ длинныя, безсонныя старческія ночи, ихъ отвратительные сны! Имъ все будетъ грезиться, что они идутъ по длиннымъ унылымъ дорогамъ, подъ темнымъ небомъ, и что по обѣимъ сторонамъ пути стоятъ безконечной цѣпью обезоруженные, связанные люди, и они бьютъ ихъ, стрѣляютъ въ нихъ, разбиваютъ головы прикладами... И нѣтъ уже въ убійцахъ ни гнѣва, ни сожалѣнія, ни раскаянія, но не могутъ они остановиться, ибо кровавый грязный бредъ овладѣлъ ихъ мозгомъ. И они будутъ просыпаться въ ужасѣ, будутъ дрожать, увидѣвъ свое отраженіе въ зеркалѣ, будутъ плакать и богохульствовать и будутъ завидовать тѣмъ, чью жизнь еще раньше, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, прекратила мстительная рука. Но дьяволъ, выпившій ихъ душу, никогда не оставитъ ихъ. И даже въ предсмертной агоніи ихъ глаза будутъ видѣть пролитую ими кровь.

БРИЛЬЯНТЫ.

Южный вечеръ — жаркій и темный. Запыленныя акаціи надъ горячимъ асфальтомъ тротуаровъ лѣниво просыпаются отъ тяжкой дневной дремоты. Нарядная толпа стремится двумя непрерывными потоками туда и обратно.

Въ одномъ мѣстѣ образовался водоворотъ. Подходятъ, останавливаются, тѣснятъ другъ друга, задерживаютъ, сгущаютъ общее движеніе и отходятъ прочь. Уходя, бросаютъ послѣдній прощальный взглядъ... Быстрый, тревожный взглядъ.

Но другіе подолгу стоятъ здѣсь, опершись грудью и локтями о круглую желѣзную палку, ограждающую зеркальное стекло магазина, стоятъ, съ блѣдными лицами, съ широко раскрытыми, неподвижными глазами.

На бѣлыхъ плюшевыхъ щиткахъ, рядъ надъ рядомъ, освѣщенные скрытыми рефлекторами, горятъ разноцвѣтныя капли огня. Какъ радуетъ, какъ очаровываетъ нашъ глазъ въ ночной темнотѣ ихъ волшебный блескъ!

Въ срединѣ два брильянта, каждый величиной въ лѣсной орѣшекъ. Ихъ граней, ихъ очертаній не видно. Это не камни—это два странные таинственные огня. Они горятъ, дрожатъ, играютъ, переливаются, смѣются тысячами неуловимыхъ, сіяющихъ, лукавыхъ улыбокъ, и манятъ, и обѣщаютъ, и обманываютъ...

Вотъ блеснулъ синій снопъ лучей. Такого цвѣта не

бываетъ ни на небѣ, ни въ морѣ: бываетъ только въ раннемъ дѣтствѣ, когда слушаешь сказку. Блеснулъ, затрепеталъ и скрылся, и вотъ уже льется оттуда, точно кровавое вино, точно зарево огромнаго пожара, точно безумная, пьяная радость, красный торжествующій огонь. Но — мгновеніе, незамѣтный поворотъ головы, сотрясеніе мостовой подъ экипажемъ, — и загорѣлось зеленое сіяніе, тихое, глубокое, загадочное, похожее на мерцаніе іюньскаго свѣтляка въ густой травѣ. Еще мигъ — и заструился веселый золотой свѣтъ солнца, и вдругъ заметались, заплясали всѣ цвѣта радуги...

Ахъ, человѣческія лица! Сосредоточенныя, хмурыя, блѣдныя подъ этимъ отраженнымъ, разсѣяннымъ, матовымъ свѣтомъ — какъ много говорятъ они печальнаго, и злого, и глупаго! У женщинъ хищно раздуваются ноздри, и зубы влажно блестятъ изъ-за полураскрытыхъ губъ. Ихъ тѣснятъ, толкаютъ, но онѣ не чувствуютъ этого, обвороженныя чудеснымъ блескомъ, увлеченныя однимъ стремленіемъ.

Юноша и дѣвушка. Оба стройные, гибкіе, красивые. Можетъ-быть, они только-что тайно встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ — встрѣтились съ волненіемъ, съ нѣжностью, съ прелестной боязливостью. Кто-нибудь изъ нихъ опоздалъ на свиданье. Была сцена притворной холодности, ревности, вражды сквозь неудержимыя, ласкающія, шаловливыя улыбки. И вотъ они стоятъ здѣсь, забывъ другъ о другѣ, загипнотизированные лукавой игрой брильянтовъ, ушедшіе въ странныя нездоровыя грезы.

Жена съ мужемъ. Старикъ. Беременная женщина. Двое юркихъ, прекрасно одѣтыхъ пройдохъ, съ голодными глазами. Посыльный, задержавшійся впопыхахъ на секунду. Кокотка. Жена съ мужемъ. Нѣтъ, впрочемъ, это не мужъ и жена... но все равно они забыли, потеряли, не чувствуютъ другъ друга, хотя ихъ руки еще соприкасаются.

И во всѣхъ этихъ лицахъ, во всѣхъ этихъ глазахъ, которые на минуту становятся безцвѣтными, бездонными и лживыми,—я читаю одно и то же жадное слово:

— Если бы!

— Если бы чудо?.. Если бы найти на улицѣ?.. Если бы чья-то неожиданная сказочная щедрость?.. Если бы... Если бы украсть, но такъ, чтобы никто никогда не зналъ объ этомъ?..

Кто знаетъ, что̀ оказалось бы въ лучшихъ душахъ человѣческихъ, если бы можно было незамѣтно проникать въ нихъ и наблюдать ихъ самые тайные, самые скрытые изгибы? Сколько столповъ, сколько твердыхъ мужей, сколько честныхъ гражданъ оказалось бы ворами, убійцами, прелюбодѣями? И кто можетъ сказать непоколебимо, что̀ страшнѣй—мысли или дѣло, и гдѣ ихъ границы?

Самое странное, смѣшное, нелѣпое, необыкновенное въ мірѣ — это людскія условности. Вотъ лежатъ два кусочка сгущеннаго углерода, два кусочка угля, двѣ блестящія побрякушки. Но въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточены: богатство, роскошь, почетъ, женская любовь, власть...

Такъ сложилась жизнь, такъ условились люди.

Особенно власть. О, какъ понятно мнѣ, почему самые прославленные исторіей, самые кровожадные тираны человѣчества были въ то же время такими тонкими знатоками, цѣнителями и собирателями драгоцѣнныхъ камней. Для нихъ, пресыщенныхъ всѣми крайними формами власти и наслажденія, драгоцѣнности являлись жгучими, но пока еще сокрытыми символами дальнѣйшаго безконечнаго расширенія ихъ личности. Это была та же огромная, страшная власть одного надъ милліонами, но власть, чудесно сконцентрированная въ маленькомъ предметѣ, который могъ помѣститься и въ кулакѣ. Это была власть въ потенціальномъ видѣ.

Изъ-за драгоцѣнныхъ камней велись кровопролитныя войны. Земныя владыки не легко разстаются съ этими маленькими вещицами. Подобострастная исторія сохранила намъ анекдотъ о томъ, какъ улыбающаяся царица Клеопатра выпила, растворивъ въ бокалѣ вина, жемчужину, равной которой по величинѣ и красотѣ не было въ мірѣ. Но, вѣроятно, никто не знаетъ, что̀ случилось сейчасъ же послѣ этого безумно-великолѣпнаго пиршества.

Случилось же вотъ что̀:

Возвратясь съ пира въ свою опочивальню, Клеопатра приказала раздѣть себя. Нубійская рабыня неосторожно прикоснулась рукой къ обнаженному плечу царицы, и царица въ порывѣ гнѣва вонзила въ ея черную грудь острую головную булавку. Когда же рабыня застонала, Клеопатра воскликнула въ ярости:

— Не смѣй кричать! Дура!

Въ это время евнухъ, стоя почтительно на четвереньках, благоговѣйно напомнилъ императрицѣ о судьбѣ плѣннаго грека-философа. Прежде у Клеопатры былъ тонкій замыселъ: устроить съ этимъ ученымъ публичный диспутъ въ присутствіи высокихъ римскихъ гостей и, показавъ себя во всемъ блескѣ ума и краснорѣчія, великодушно возвратить плѣннику свободу. Но теперь, огорченная потерей многоцѣнной жемчужины, она закричала съ раздраженіемъ и со слезами въ голосѣ:

— Что̀ ты ко мнѣ пристаешь съ глупостями! Удавить его!

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Слушай: теперь я разскажу тебѣ о бѣлыхъ ночахъ далекаго сѣвера.

Все время онѣ вспоминались мнѣ здѣсь, на югѣ, среди этой чрезмѣрной, пышной и декоративной природы, вспоминались, какъ иногда сквозь туманъ многихъ годовъ вспоминается робкій поцѣлуй холодныхъ дѣвическихъ устъ,—такой быстрый, трепещущій, пугливый поцѣлуй въ полутьмѣ вечера, у окна, заставленнаго цвѣтами, за занавѣской, которую слабо надуваетъ вѣтеръ.

Здѣсь, на югѣ, были изумительныя ночи! Помню я одну изъ нихъ — такую черную, точно небо и земля были покрыты чернымъ бархатомъ. Какая-то сдержанная страсть, какое-то жгучее желаніе наполняло воздухъ и бродило между деревьями и подымалось изъ травы въ пьяномъ запахѣ цвѣтовъ. И казалось, что кто-то шепчетъ въ темнотѣ непонятныя безумныя слова, чьи-то раскрытыя, опаленныя зноемъ губы приближаются къ лицу, чье-то тихое, жаркое дыханіе касается щеки и шевелитъ волосы на вискахъ... И ни одной звѣзды на небѣ, закрытомъ тяжелой, низкой сплошной тьмой!

Были сказочныя лунныя ночи съ небомъ, одѣтымъ въ голубой атласъ, и съ моремъ, одѣтымъ въ синій атласъ, залитыя сіяньемъ золота и дрожащимъ блескомъ серебра, праздничныя ночи, сопровождаемыя сладостной музыкой

волнъ. Были яркія, бурныя ночи, прекрасныя и страшныя, какъ лицо разгнѣваннаго ангела. Были томительныя, странныя ночи, съ безпокойнымъ вѣтромъ, напрягавшимъ нервы, съ оранжевымъ свѣтомъ въ бѣлыхъ облакахъ, набѣгавшихъ на луну, съ мечущейся травой и качающимися деревьями.

Какъ часто тогда грезились мнѣ петербургскія бѣлыя ночи... Бѣлыя, мистическія, безсонныя ночи!

Нѣтъ возможности описать ихъ нѣжнаго, тревожнаго, болѣзненнаго очарованія. Ихъ странное томленіе начинается съ восьми, девяти, одиннадцати часовъ вечера. Ждешь ночи, сумерекъ, но ихъ нѣтъ. Занавѣски на окнахъ бѣлыя. Тянетъ на улицу...

Полночь. Часъ ночи. На улицѣ много народа. Но кажется, что всѣ держатся около стѣнъ, идутъ осторожными, уклончивыми шагами, говорятъ вполголоса. Точно, вотъ-вотъ, въ этомъ фальшивомъ полусвѣтѣ, въ этомъ полуснѣ откроется надъ городомъ какая-то старинная тайна, и всѣ предчувствуютъ ее и боятся ея.

Небо распростерлось надъ землей — однотонное, мокрое, молочно-бѣлое. Ясно издалека видны фигуры людей, даже ихъ лица, видны вывѣски магазиновъ, видны кроткія рѣсницы у спящихъ извозчичьихъ лошадей.

Широкая рѣка, такая спокойная въ своей темной гранитной рамѣ. Вся она, какъ жидкое бѣлое молоко. Только рѣдкія лѣнивыя морщинки на ней отливаютъ въ изломахъ синимъ цвѣтомъ. Все — и небо, и вода — похоже на игру перламутра, съ его неуловимыми розовыми и голубыми оттѣнками.

И вотъ я вхожу въ широкую уединенную улицу. Насколько хватаетъ глазъ, на ней нѣтъ ни одного человѣка. Шаги мои будятъ звонкіе отзвуки. Налѣво, направо — огромныя зданія, въ четыре, пять этажей. Но ни въ одномъ окнѣ нѣтъ огня, только блѣдный свѣтъ

неба плоско блеститъ въ черныхъ стеклахъ, которыя похожи теперь на ослѣпшіе глаза.

Громадный домъ протянулся отъ переулка. Слѣпыя окна въ пять рядовъ. Сколько людей живетъ здѣсь? Триста, четыреста человѣкъ? Мнѣ кажется, я вижу, какъ они лежатъ сверху донизу и вдоль, одинъ надъ другимъ, лежатъ на спинѣ, на боку, съ раскрытыми ртами, терзаемые нездоровыми сновидѣніями, лежатъ такъ близко и такъ далеко другъ отъ друга!

Кто знаетъ, какія злыя шутки есть въ распоряженіи у судьбы? Вотъ, можетъ-быть, два человѣка, которые всю жизнь ищутъ, алчутъ другъ друга, лежатъ теперь рядомъ, голова къ головѣ, ноги къ ногамъ, раздѣленные только четвертью аршина стѣны? И, можетъ-быть, никогда въ жизни имъ не суждено встрѣтиться, узнать другъ друга, напоить взаимную жажду свѣтомъ и счастьемъ. Триста человѣкъ спятъ и грезятъ въ этомъ каменномъ чемоданѣ, другъ надъ другомъ. О, какой ужасъ скрывается въ этой мысли!

Мокрыя бѣлесоватыя зданія. Ни души на улицѣ. Жуткая, необычайная греза овладѣваетъ моимъ воображеніемъ...

Кто знаетъ, чѣмъ кончится длинная исторія нашей планеты, этой крошечной песчинки, несущейся по таинственнымъ спиралямъ въ какую-то страшную, безвѣстную и безконечную пропасть? Несомнѣнно настанетъ время, когда вымрутъ послѣдніе жалкіе, истощенные люди, дрожащіе отъ безсилія и отъ того, что они уже осмѣлились заглянуть въ бездну. Не все ли равно, отчего они погибнутъ: отъ холода, отъ зноя, отъ болѣзней, отъ безумія, отъ войны?

Но зданія переживутъ ихъ, зданія, годы которыхъ— столѣтія. И вотъ будутъ проходить дни и ночи, и опять дни и ночи, и опять, и опять... И по ночамъ будутъ

стоять молча огромные дома, и церкви, и статуи съ незрячими, устремленными впередъ глазами, и музеи, и театры... И безсонный свѣтъ бѣлыхъ ночей будетъ таинственно ласкать бронзу и камень и будетъ дробиться въ уцѣлѣвшихъ стеклахъ мертвыхъ, слѣпыхъ оконъ. И ничьи, ничьи одинокіе шаги не разбудятъ звонкаго ночного отзвука.

Я выхожу на широкую, длинную улицу. Люди идутъ, сгорбившись, осторожно, крадучись. Точно въ старинной сказкѣ у нихъ нѣтъ тѣни, и это мнѣ кажется страшнымъ...

Вотъ намазанное женское лицо. Безпощадно выступаютъ круглыя, грубо почерненныя брови, пудра на дряблой кожѣ, рдѣющій пунцовый румянецъ на щекахъ. Не все ли равно! Вѣдь и она умретъ и утучнитъ гнилью своего тѣла равнодушную землю. Но зданія переживутъ и ее, и насъ, и нашихъ правнуковъ. И когда на землѣ никого не останется, опустѣвшія зданія будутъ загадочно въ тишинѣ и полусвѣтѣ бѣлой ночи глядѣть своими мрачными, слѣпыми глазами.

Наступаетъ утро. Въ небѣ и въ широкой рѣкѣ зажигаются глубокіе, но не яркіе цвѣта, точно въ драгоцѣнномъ опалѣ — нѣжные, переливающіеся цвѣта: розовый, голубой, лиловый.

ПУСТЫЯ ДАЧИ.

О, какъ долго памятна будетъ мнѣ эта таинственная ночь, въ которую лѣто сдѣлалось осенью.

Было въ ней что-то напряженное, и страстное, и нѣжное, и больное, какъ въ послѣдней ласкѣ передъ разлукой, какъ въ долгомъ прощальномъ поцѣлуѣ, смѣшанномъ со слезами. Неподвижныя облака на небѣ, внимательныя звѣзды, тихое море, томныя деревья — все притаилось въ чуткомъ и тревожномъ ожиданіи, въ молчаніи, въ предчувствіи... Можетъ-быть, они вспоминали о прошлой зимѣ, о снѣгѣ, о холодѣ, о вѣтрѣ?

Мы сидѣли на самомъ краю обрыва, надъ моремъ. И вотъ настала тишина,—тотъ странный внезапный моментъ тишины, который слышишь иногда даже въ городѣ, въ разгаръ дневного шума. Оборвались дрожащіе звуки мандолины, стихли разговоры, и замеръ золотой дѣвическій смѣхъ.

Кто-то произнесъ мечтательно и грустно:

— Это послѣдняя ночь лѣта. Послѣдняя ночь...

Помню: я тогда поглядѣлъ направо, на югъ. Тамъ — отъ земли до полнеба — сгрудились тяжкія сонныя тучи, и въ нихъ бѣгали зарницы. А подъ ними простирались кроткія усталыя поля и черные холмы, и рѣдкія деревья стояли, какъ черные печальные призраки.

И почудилось мнѣ, что тамъ, на поляхъ, сверхъ хол-

мовъ и деревьевъ, лежитъ кто-то большой, невидимый, всезнающій, жестокій и веселый, — лежитъ молча, на животѣ и на локтяхъ, лежитъ, подперевъ ладонями густую курчавую бороду. Тихо, съ злобной радостью улыбается онъ чему-то идущему и молчитъ, и молчитъ, и лукаво щуритъ глаза, играющіе беззвучными фіолетовыми молніями...

Потомъ сразу стало холодно. Поднялся вѣтеръ съ востока. Мы ушли...

А подъ утро съ моря, изъ-за той, вонъ, далекой прямой черты, оттуда, снизу, вырвалась буря — вся черная, въ бѣлой косматой пѣнѣ. Въ страхѣ шарахнулись волны на берегъ, въ ужасѣ заметались деревья, простирая въ одну сторону дрожащія безсильныя руки, и нашъ домъ до утра трясся подъ напорами вѣтра.

Что̀ дѣлалось тогда на морѣ! Тамъ грохотали тысячи нагруженныхъ телѣгъ, шумѣлъ лѣсъ, взрывались скалы, кто-то въ ярости рвалъ пополамъ исполинскіе куски шелка... А когда мы проснулись, была осень.

Такъ началась осень...

И вотъ я ѣду сегодня на велосипедѣ по узкой извилистой дорожкѣ парка. Хруститъ и взвизгиваетъ гравій подъ колесами. Лѣвая сторона лица моего обращена къ солнцу, и ей тепло, а правой холодно.

По бокамъ дорожки — плотные, мелкіе кусты. Сквозь нихъ теперь сквозитъ небо и кажется такимъ густымъ, такимъ невѣроятно синимъ. Все стало просторно, голо, неряшливо и неуютно, точно знакомая комната, изъ которой вынесли мебель. Шелестятъ серебрянымъ звукомъ коричневые, скоробившіеся листья...

Гимназистомъ я однажды черезъ двѣ недѣли послѣ лѣтнихъ каникулъ вернулся на дачу, гдѣ провелъ три мѣсяца. Было все пустынно, тихо, глухо и грустно. О, какъ хорошо помню я эту задумчивую грусть, эту слад-

кую медленную тоску, отъ которой, какъ отъ вина, сжималось сердце и кружилась голова. «Все, что̀ прошло,— думалъ я:—все осталось въ моей памяти, оно — мое, во мнѣ, я могу его вызвать силой воображенія. Но ничто, ничто не вернется больше! Ни одна черта!»

Такъ я думалъ тогда, но теперь моя душа не воспринимаетъ уже болѣе этой поэтической, нѣжной печали: въ ней безсильно и горько шевелится только грусть по прежней грусти. Плачетъ беззлобная, смирившаяся зависть...

Оставленныя пустыя дачи. Окна криво забиты снаружи досками. Кругомъ соръ—тотъ соръ, который всегда остается отъ дачниковъ. На клумбахъ среди обнаженной черной земли доцвѣтаютъ яркія астры и георгины. Я слышу ихъ травянистый, меланхолическій осенній запахъ... Здравствуй, осень моей жизни!

Вечеромъ къ намъ на балконъ приходятъ чужія, брошенныя голодныя собаки. Онѣ тихо, безъ волненія жмутся къ ногамъ и робко заглядываютъ въ глаза просящими, испуганными глазами. Онѣ останутся здѣсь на зиму. Мнѣ страшно думать о тѣхъ лютыхъ ночахъ, когда онѣ будутъ дрожать отъ холода и ужаса, въ снѣгу, подъ занесенными балконами... Море реветъ въ эти ночи, и деревья стонутъ отъ вѣтра, и кругомъ не горитъ ни одного огня... Бѣдные, ласковые друзья, что̀ вы будете чувствовать, кому вы будете жаловаться въ эти ночи?

По праздникамъ къ намъ уже не наѣзжаютъ нарядныя парочки, которыя ходятъ, обнявшись и колеблясь отъ любви и отъ того, что не смотрятъ на дорогу, а на небо или въ глаза другъ другу. Зато пріѣзжаютъ мрачные люди, съ галстуками на боку, съ растеряннымъ взглядомъ, и ходятъ въ одиночку по глухимъ мѣстамъ у моря и въ паркѣ.

Гравій шуршитъ подъ гуттаперчей колесъ. Вотъ мѣсто, гдѣ одной ночью въ началѣ іюня моего лица неожиданно

коснулась вѣтка сирени, и я вздрогнулъ, сначала отъ испуга, а потомъ отъ счастья, потому что мнѣ показалось, что это цвѣтокъ поцѣловалъ меня въ щеку. Вотъ еще одно мѣсто. Здѣсь я встрѣтилъ одну дѣвушку. Она была мнѣ незнакома, и я потомъ не встрѣчалъ ея больше. Изъ глазъ ея лился снопами голубой свѣтъ, въ которомъ было все: радость жизни, восторгъ молодости, сіяющее счастье первой любви. Помню, я улыбнулся, и она отвѣтила мнѣ— она улыбнулась такъ лучезарно, такъ эгоистично-виновато, такъ прекрасно-легкомысленно. Она прошла дальше. Я оглянулся. Она не шла, а точно танцовала, не касаясь ногами земли, какъ мотылекъ, опьяненный свѣтомъ. И мнѣ захотѣлось упасть на землю и цѣловать тѣ мѣста, на которыя ступали ея бѣлыя туфли. Почему?—Я не зналъ этого...

А вотъ старая гнилая скамейка. На ней вырѣзаны чьи-то имена и девизы. О, милая!

Здравствуй, моя осень. Въ моемъ сердцѣ не осталось даже грусти. Но я благословляю и вѣтку, и дѣвушку, и море, и холодное небо, и печальныя послѣднія георгины...

СТОЛѢТНИКЪ.

Это происходило въ большой оранжереѣ, принадлежавшей очень странному человѣку — милліонеру и нелюдиму, тратившему всѣ свои несмѣтные доходы на рѣдкіе и красивые цвѣты. Оранжерея эта, по своему устройству, по величинѣ помѣщеній и по богатству собранныхъ въ ней растеній, превосходила знаменитѣйшія оранжереи въ мірѣ. Самыя разнообразныя, самыя капризныя растенія, начиная отъ тропическихъ пальмъ и кончая блѣдными полярными мхами, росли въ ней такъ же свободно, какъ и у себя на родинѣ. Тутъ были: гигантскія латаніи и фениксы съ ихъ широкими зонтичными листьями; фиговыя и банановыя, саговыя и кокосовыя пальмы возвышали къ стеклянному потолку длинные голые стволы, увѣнчанные пышными пучками раскидистыхъ листьевъ. Здѣсь же росли многіе диковинные экземпляры, въ родѣ эбеноваго дерева съ чернымъ стволомъ, крѣпкимъ, какъ желѣзо; кусты хищной мимозы, у которой листья и цвѣты при одномъ прикосновеніи къ нимъ мелкаго насѣкомаго быстро сжимаются и высасываютъ изъ него соки; драцены, изъ стеблей которыхъ вытекаетъ густой, красный, какъ кровь, ядовитый сокъ. Въ кругломъ, необычайно большомъ бассейнѣ плавала Царственная Викторія, каждый листъ которой можетъ удержать на себѣ ребенка, и здѣсь же выглядывали бѣлые вѣнчики индійскаго лотоса, распускаю-

щаго только ночью свои нѣжные цвѣты. Сплошными стѣнами стояли темные, пахучіе кипарисы, олеандры съ блѣдно-розовыми цвѣтами, мирты, апельсинныя и миндальныя деревья, благоухающіе китайскіе померанцы, твердолистые фикусы, кусты южной акаціи и лавровыя деревья.

Тысячи различныхъ цвѣтовъ наполняли воздухъ оранжереи своими ароматами: пестрыя съ терпкимъ запахомъ гвоздики; яркія японскія хризантемы; задумчивые нарциссы, опускающіе передъ ночью внизъ свои тонкіе бѣлые лепестки; гіацинты и левкои—украшающіе гробницы; серебристые колокольчики дѣвственныхъ ландышей; бѣлыя съ одуряющимъ запахомъ панкраціи; лиловыя и красныя шапки гортензій; скромныя ароматныя фіалки; восковыя, нестерпимо благоуханныя туберозы, ведущія свой родъ съ острова Явы; душистый горошекъ; пеоніи, напоминающія запахомъ розу; вервена, цвѣтамъ которой римскія красавицы приписывали свойство придавать кожѣ особенную свѣжесть и нѣжность, и потому клали ихъ въ свои ванны, и наконецъ великолѣпные сорта розъ всевозможныхъ оттѣнковъ: пурпурнаго, ярко-краснаго, пунцоваго, коричневаго, розоваго, темно-желтаго, нѣжно-желтаго, палеваго и ослѣпительно-бѣлаго.

Другіе цвѣты, лишенные аромата, отличались зато пышною красотою, какъ, напримѣръ, холодныя красавицы камеліи, разноцвѣтныя азаліи, китайскія лиліи, голландскіе тюльпаны, огромныя яркія георгины и тяжелыя астры.

Но было въ оранжереѣ одно странное растеніе, которое, повидимому, ничѣмъ не могло бы обратить на себя вниманіе, кромѣ развѣ своей уродливости. Прямо изъ корня выходили у него длинные, аршина въ два, листья, узкіе, мясистые и покрытые острыми колючками. Листья эти, числомъ около десяти, не поднимались кверху, а стлались по землѣ. Днемъ они были холодны а ночью ста-

новились теплыми. Цвѣты никогда не показывались между ними, но зато торчалъ вверхъ длинный, прямой, зеленый стержень. Это растеніе называлось Столѣтникомъ.

Цвѣты въ оранжереѣ жили своей особенной, для людей непонятной жизнью. Конечно, у нихъ не было языка для того, чтобы разговаривать, но все-таки они другъ друга понимали. Можетъ-быть, имъ для этого служилъ ихъ ароматъ, вѣтеръ, который переносилъ цвѣточную пыль изъ одной чашечки въ другую, или теплые солнечные лучи, заливавшіе всю оранжерею сквозь ея стеклянныя стѣны и стеклянный потолокъ. Если такъ изумительно понимаютъ другъ друга пчелы и муравьи, почему не предположить, что, хоть въ малой степени, это возможно и для цвѣтовъ?

Между нѣкоторыми цвѣтами была вражда, между другими — нѣжная любовь и дружба. Многіе соперничали между собою въ красотѣ, ароматѣ и высотѣ роста. Иные гордились древностью рода. Случалось иногда, что въ яркое весеннее утро, когда вся оранжерея казалась наполненной золотой пылью и въ распустившихся чашечкахъ дрожали алмазы росы, между цвѣтами начинался общій несмолкаемый разговоръ. Разсказывались чудныя благоухающія исторіи о далекихъ жаркихъ пустыняхъ, о тѣнистыхъ и сырыхъ лѣсныхъ уголкахъ, о диковинныхъ пестрыхъ насѣкомыхъ, свѣтящихся ночью, о вольномъ голубомъ небѣ родины и о свободномъ воздухѣ далекихъ полей и лѣсовъ.

Одинъ только уродъ Столѣтникъ былъ изгнанникомъ въ этой семьѣ. Онъ не зналъ никогда ни дружбы, ни участія, ни состраданія, ни разу въ продолженіе многихъ длинныхъ лѣтъ ничья любовь не согрѣла его своимъ тепломъ. И онъ такъ привыкъ къ общему презрѣнію, что давно уже переносилъ его молча, затаивъ въ глубинѣ души острое страданіе. Такъ же привыкъ онъ быть и по-

стояннымъ предметомъ общихъ насмѣшекъ. Цвѣты никогда не прощаютъ своимъ собратьямъ уродливости.

Однажды іюльскимъ утромъ въ теплицѣ распустился цвѣтокъ рѣдкой кашемирской розы, темно-карминнаго цвѣта, съ чернымъ бархатнымъ отливомъ на сгибахъ, удивительной красоты и чуднаго запаха. Когда первые лучи солнца заглянули сквозь стекла, и цвѣты, проснувшись одинъ за другимъ отъ легкой ночной дремоты, увидѣли распустившуюся розу, то со всѣхъ сторонъ послышались шумные возгласы восхищенія: «Какъ хороша эта молодая Роза! Какъ она свѣжа и ароматна! Она будетъ лучшимъ украшеніемъ нашего общества! Это — наша царица». И она слушала эти похвалы, стыдливая, вся рдѣющая, вся облитая золотомъ солнца—точно настоящая царица. И всѣ цвѣты, въ видѣ привѣта, наклоняли передъ ней свои волшебные вѣнчики.

Проснулся и несчастный Столѣтникъ, взглянулъ—и затрепеталъ отъ восторга.

— О, какъ ты прекрасна, Царица!—прошепталъ онъ.

И когда онъ это сказалъ, вся оранжерея наполнилась неудержимымъ смѣхомъ. Закачались отъ хохота надутые чванные тюльпаны, вздрогнули листья стройныхъ пальмъ, зазвенѣли бѣлые колокольчики ландышей, даже скромныя фіалки улыбнулись сострадательно изъ своихъ темныхъ кругленькихъ листьевъ.

— Чудовище! — закричалъ, задыхаясь отъ смѣха, толстый Піонъ, привязанный къ палкѣ. — Какъ у тебя достало дерзости говорить комплименты? Неужели ты не понимаешь, что даже твой восторгъ отвратителенъ?

— Кто это?—спросила, улыбаясь, молодая Царица.

— Этотъ уродъ?—воскликнулъ Піонъ. — Никто изъ насъ не знаетъ, кто онъ и откуда. Онъ носитъ очень глупое имя — Столѣтника.

— Меня сюда привезли совсѣмъ маленькимъ деревцомъ,

но онъ и тогда былъ такъ же великъ и такъ же гадокъ,—сказала высокая старая Пальма.

— Онъ никогда не цвѣтетъ, — сказалъ Олеандръ.

— Но зато весь покрытъ колючками, — добавилъ Миртъ. — Мы только удивляемся тѣмъ людямъ, которые къ намъ приставлены. Они ухаживаютъ за нимъ гораздо больше, чѣмъ за нами. Точно это какое-нибудь сокровище!

— Я вполнѣ понимаю, отчего за нимъ такъ ухаживаютъ, — сказалъ Піонъ. — Подобныя чудовища такъ рѣдки, что ихъ можно отыскать только разъ въ сто лѣтъ. Вѣроятно, онъ за это и называется Столѣтникомъ.

Такъ до самаго полудня насмѣхались цвѣты надъ бѣднымъ Столѣтникомъ, а онъ молчалъ, прижавъ къ землѣ холодные листья.

Послѣ полудня стало нестерпимо душно. Въ воздухѣ чуялось приближеніе грозы. Тучи, плывшія по небу, дѣлались все темнѣе и темнѣе. Становилось трудно дышать. Цвѣты въ истомѣ поникли нѣжными головками и затихли въ неподвижномъ ожиданіи дождя.

Наконецъ вдали, точно рычаніе приближающагося звѣря, послышался первый глухой раскатъ грома. Наступило мгновеніе томительнаго затишья, и въ доски, которыми садовники быстро прикрывали стекла оранжереи, глухо забарабанилъ дождь. Въ оранжереѣ стало темно, какъ ночью.

И вдругъ Роза услышала около себя слабый шопотъ:

— Выслушай меня, Царица. Это я, несчастный Столѣтникъ, восторгъ котораго передъ твоей красотой вызвалъ у тебя утромъ улыбку. Ночная темнота и гроза дѣлаютъ меня смѣлѣе. Я полюбилъ тебя, красавица. Не отвергай меня!

Но Роза молчала, томясь отъ духоты и ужаса передъ грозой.

— Послушай, красавица, я уродливъ, листья мои колючи и некрасивы, но я открою тебѣ мою тайну. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, тамъ, гдѣ непроницаемыя сѣти ліанъ обвиваютъ стволы тысячелѣтнихъ баобабовъ, куда не ступала до сихъ поръ человѣческая нога—тамъ моя родина. Разъ въ сто лѣтъ я расцвѣтаю только на три часа и тотчасъ же погибаю. Отъ моихъ корней вырастаютъ новые побѣги, для того, чтобы опять погибнуть черезъ сто лѣтъ. И вотъ я чувствую, что черезъ нѣсколько минутъ я долженъ расцвѣсть. Не отвергай меня, красавица! Для тебя, для тебя одной я буду цвѣсти и для тебя умру!

Но Роза, поникнувъ головкой, не отвѣчала ни слова.

— Роза! За одинъ только мигъ счастья я отдамъ тебѣ цѣлую жизнь. Неужели этого мало твоей царственной гордости? Утромъ, когда взойдутъ первые лучи солнца...

Но въ это мгновеніе гроза разразилась съ такой страшной силой, что Столѣтникъ долженъ былъ замолчать. Когда же передъ утромъ кончилась гроза, то въ оранжереѣ раздался громкій трескъ, точно отъ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ.

— Это расцвѣлъ Столѣтникъ,—сказалъ главный садовникъ и побѣжалъ будить владѣльца оранжереи, который уже двѣ недѣли дожидался съ нетерпѣніемъ этого событія.

Доски со стеклянныхъ стѣнъ были сняты. Вокругъ Столѣтника, молча, стояли люди, и всѣ цвѣты съ испугомъ и восхищеніемъ обернули къ нему свои головы.

На высокомъ зеленомъ стержнѣ Столѣтника расцвѣли пышные гроздья бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ невиданной красоты, которые издавали чудный, неописуемый ароматъ, сразу наполнившій всю оранжерею. Но не прошло и получаса, какъ цвѣты начали незамѣтно розовѣть, потомъ

они покраснѣли, сдѣлались пурпурными и наконецъ почти черными.

Когда же взошло солнце, цвѣты Столѣтника одинъ за другимъ завяли. Вслѣдъ за ними завяли и свернулись уродливые листья, и рѣдкое растеніе погибло, чтобы опять возродиться черезъ сто лѣтъ.

И Царица поникла своей благоухающей головой.

ЛОЛЛИ.

Посвящается памяти Энрико Адвена, жокея.

— Мистеръ Чарли,—обратился я однажды къ старому наѣзднику, съ которымъ мы пили каждый вечеръ за однимъ и тѣмъ же столомъ пиво:—вотъ вы мнѣ разсказали уже много интересныхъ случаевъ изъ вашей цирковой жизни. Знаете ли, что̀ мнѣ кажется замѣчательнымъ въ вашихъ разсказахъ? Это то, что никакой роли въ нихъ не играетъ судьба. Сколько разъ вы сами были на волосокъ отъ смерти, а если спросить, что̀ васъ спасло, вы всегда отвѣтите: или случайно повисли ногой въ петлѣ, или упали на сложенный коверъ, или взбѣсившаяся лошадь остановилась, испуганная внезапно раскрытымъ зонтикомъ... Но неужели изо всего вашего громаднаго запаса воспоминаній у васъ не найдется ни одного случая, въ которомъ сама судьба, или, если хотите, Провидѣніе вмѣшалось бы въ человѣческую жизнь? (Я говорю, собственно, про жизнь цирковаго артиста). Случалось ли вамъ видѣть или хоть слышать о такомъ случаѣ, гдѣ какая-то непостижимая сила заставляетъ увѣровать въ себя,—то въ таинственномъ сплетеніи цѣлой цѣпи событій, то въ неясномъ предчувствіи, то въ пророческомъ снѣ? Или наконецъ въ загадочной симпатіи душъ? Вы меня понимаете, мистеръ Чарли?

Мистеръ Чарли былъ самымъ старымъ шталмейстеромъ гостившаго у насъ цирка. Онъ занимался репетированіемъ съ молодыми артистами, училъ «работѣ» дѣтей и помогалъ директору въ дрессировкѣ лошадей. Изрѣдка, когда нечѣмъ было заполнить программы, его выпускали въ послѣднемъ номерѣ на вольтижировку, и бѣдный, ожирѣвшій старикъ въ своемъ розовомъ трико, съ нафабренными усами, съ жалкими остатками волосъ на головѣ, завитыми и расчесанными прямымъ рядомъ, всегда кончалъ тѣмъ, что, не соразмѣривъ прыжка съ тактомъ галопирующей лошади, падалъ спиною на песокъ арены, вызывая безжалостный смѣхъ «райка». А между тѣмъ лѣтъ двадцать тому назадъ (у старика до сихъ поръ цѣлы всѣ газетные отзывы) не было во всей Европѣ такого безстрашнаго, граціознаго и изобрѣтательнаго жокея и прыгуна, какъ мистеръ Чарли. Его «номера» до сихъ поръ служатъ вѣнцомъ гимнастическаго совершенства для лучшихъ наѣздниковъ. То было далекое, славное время, и объ этомъ времени мистеръ Чарли любилъ поговорить, когда мы съ нимъ проводили зимніе вечера въ пивной, напротивъ цирка, попивая пиво и куря: я—папиросы, а онъ австрійскія сигары—длинныя, черныя и необыкновенно вонючія.

— Я васъ очень хорошо понимаю, — отвѣтилъ на мой вопросъ мистеръ Чарли: — только.... видите ли... мнѣ трудно вамъ объяснить... Мы тамъ, у себя въ циркѣ, мало вѣримъ въ рокъ. Намъ вѣдь каждый вечеръ приходится такъ крѣпко разсчитывать на свои нервы, свою ловкость, свою силу, что поневолѣ только въ себя вѣришь и на себя одного надѣешься. Поэтому-то, должно-быть, у насъ нѣтъ такихъ случаевъ, которые васъ интересуютъ... Впрочемъ... помню я одно происшествіе... Только въ немъ принимали одинаковое участіе: и судьба, и дрессированный слонъ, по имени Лолли... Что это было

за славное животное!.. Да, если хотите, я вамъ разскажу все по порядку?

Я изъявилъ полнѣйшую готовность слушать и приказалъ принести двѣ большихъ кружки пива.

— Это случилось въ 1861 году, — началъ мистеръ Чарли своимъ характернымъ, ломанымъ языкомъ международнаго наѣздника и сальтоморталиста.—Въ томъ году, когда я вмѣстѣ съ циркомъ знаменитаго когда-то Паоли странствовалъ по венгерскимъ городамъ, больше похожимъ на деревни, раскинувшіяся на десятки верстъ. Труппа у насъ была разноплеменная, но прекрасно подобранная; все артисты высшей пробы — смѣлые, ловкіе... настоящіе художники... Публика насъ принимала радушно, и представленія всегда давали полные сборы.

«Въ Эрлау къ намъ присоединился со своими пятью дрессированными слонами одинъ очень загадочный господинъ. На афишахъ онъ назывался Энрико, но это имя было, очевидно, вымышленное. Настоящаго же его имени и происхожденія никто не зналъ. Судя по наружности, въ его жилахъ текла немалая примѣсь арабской или негритянской крови. Это былъ очень высокій и необыкновенно сильный мужчина, молчаливый, всегда сумрачный, жестокій съ людьми и животными, не терявшій ни при какихъ опасностяхъ своей суровой медлительности и самоувѣренности... Его темное, красивое лицо съ немигающими громадными черными глазами было зло и властно. Мнѣ всегда безотчетно казалось, что на душѣ этого человѣка лежитъ что-то страшное, чего онъ никому не повѣдаетъ, — можетъ-быть, кровавое преступленіе... Никого въ труппѣ онъ не удостоивалъ своимъ разговоромъ. Впрочемъ, всѣ какъ-то чутьемъ избѣгали близости съ нимъ. Даже его умные слоны, повидимому, ненавидѣли его со всей силою, на которую только способны ненавидѣть эти великодушныя, терпѣливыя, хотя и мстительныя жи-

вотныя. Во время репетицій Энрико обращался съ ними такъ рѣзко и смѣло, что мы иногда не были увѣрены, что онъ выйдетъ живымъ съ арены: онъ билъ ихъ безъ милосердія по головѣ и по хоботу за каждую малѣйшую ошибку. Странно было видѣть ужасъ этихъ велицкановъ передъ истязавшимъ ихъ пигмеемъ...

«Однако хозяинъ очень дорожилъ Энрико, потому что его слоны привлекали постоянно множество зрителей. Особенно нравилась публикѣ пантомима подъ заглавіемъ «Жемчужина Индіи». Я не помню теперь точно ея содержанія, но суть заключалась въ томъ, что сынъ знатнаго раджи влюбляется въ плѣнную принцессу чужого племени, обреченную на смертную казнь. Послѣдняя сцена пантомимы изображала городскую площадь, полную народа. Воины влекутъ индіанку со связанными руками; вслѣдъ за ними выступаетъ Энрико въ роли палача съ самымъ большимъ изъ своихъ слоновъ—Лолли. Индіанку кладутъ на землю; слонъ по приказанію палача уже заноситъ надъ грудью дѣвушки свою страшную ногу, чтобы раздавить ее, но... влюбленный въ плѣнницу сынъ раджи неожиданно появляется на сценѣ и останавливаетъ казнь. Конечно, сейчасъ выступаетъ кордебалетъ, и среди общихъ танцевъ и веселья происходитъ помолвка принца и принцессы.

«Индіанку въ этой пантомимѣ всегда изображала m-lle Лоренцита — звѣзда нашей труппы. Старые артисты до сихъ поръ вспоминаютъ ея имя съ благоговѣніемъ. Это была геніальная наѣздница и удивительной красоты женщина: русская полька по матери, итальянка по отцу— она совмѣщала въ себѣ всѣ прелести обѣихъ націй. Безстрашію ея не было предѣловъ, и жизнью она дорожила не больше, чѣмъ вчерашнимъ днемъ. Когда она на своемъ громадномъ ворономъ жеребцѣ Вулканѣ—бѣшеномъ животномъ, не знавшемъ никого, кромѣ хозяйки — вылетала

сумасшедшимъ карьеромъ на арену, публика замирала отъ страха и восторга. Она не боялась никакихъ каскадовъ, и малѣйшая фальшь еще больше возбуждала ея смѣлость, точно опьяняла ее... Теперешнія артистки и падать-то не умѣютъ. Упадетъ на плохомъ гротескѣ и сейчасъ же непремѣнно головой въ барьеръ... Нѣтъ... теперь вовсе нѣтъ порядочныхъ наѣздницъ!

«Да на что же лучше? Я вамъ разскажу про Лоренциту такой случай. Когда она служила въ будапештскомъ циркѣ, то однажды въ послѣднемъ номерѣ, по недосмотру укротителя, вырвался изъ клѣтки дрессированный тигръ. Публикой овладѣлъ ужасъ... Крикъ, давка, вопли женщинъ... Даже многіе артисты обезумѣли отъ страха и бросились къ выходу. Въ эту секунду Лоренцита, которая давно уже окончила свой номеръ и изъ партера глядѣла на конецъ представленія, быстро соскакиваетъ на манежъ и ошеломляетъ звѣря ударами своего хлыста, частыми и сильными, какъ молнія. Звѣрь оцѣпенѣлъ отъ боли и изумленія. Въ то же время, пришедши въ себя, укротитель накидываетъ ему на шею петлю и при помощи подбѣжавшихъ артистовъ тащитъ обратно въ клѣтку. И все это было такъ мгновенно и такъ великолѣпно, что очевидецъ, разсказывавшій мнѣ этотъ случай — славный, очень смѣлый артистъ — не успѣлъ еще оправиться отъ испуга, какъ тигръ уже сидѣлъ въ клѣткѣ, стараясь разгрызть прутья зубами.

«Такъ вотъ что была за женщина Лоренцита! Впрочемъ, вы, вѣроятно, о ней что-нибудь слыхали? Ея жизнь такъ изобиловала всякаго рода приключеніями, что нерѣдко служила сюжетомъ для многочисленныхъ романовъ, изображающихъ—и, надо сказать, очень невѣрно—нашъ бытъ. Самой громкой эпохой въ ея жизни было ея замужество съ австрійскимъ банкиромъ — графомъ З., когда она прожила въ годъ около двухъ милліоновъ гульденовъ.

Однако, несмотря на такое баснословное богатство, она бросила однажды своего мужа, влюбившись въ странствующаго шута, хозяина собачьяго театра — пьяницу и жестокаго человѣка, который, какъ говорятъ, постоянно измѣнялъ ей и даже билъ ее ремнемъ, возвращаясь домой пьянымъ. Она умерла на 28-мъ году отъ скоротечной чахотки въ одной изъ петербургскихъ больницъ.

«Нечего уже и говорить о томъ, что Лоренциту постоянно окружала густая толпа поклонниковъ. Все-таки она свою первую любовь подарила не богатому старику, не титулованному военному красавцу, а своему же брату-артисту.

«Вы, можетъ-быть, и не повѣрите мнѣ, что когда-то у меня не было соперниковъ въ моей профессіи, но это такъ. Я былъ одинаковъ и на турникѣ, и въ воздушной работѣ, и въ сальтоморталяхъ. Но моимъ лучшимъ номеромъ все-таки были прыжки съ арены на лошадь, и въ нихъ мнѣ до сихъ поръ нѣтъ равнаго. Старый Кукъ еще, пожалуй... да и тотъ... Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы хвастаться, я вамъ покажу, что̀ обо мнѣ говорили газеты...»

Старикъ полѣзъ въ боковой карманъ за бумажникомъ, наполненнымъ газетными вырѣзками, которыя я читалъ, по крайней мѣрѣ, разъ пятьдесятъ. Но я поспѣшилъ его успокоить увѣреніемъ, что его слава надолго пережила его артистическую карьеру.

— Къ тому же, — продолжалъ мистеръ Чарли, польщенный моимъ комплиментомъ: — я былъ въ то время и собой недуренъ, хорошо сложенъ, смѣлъ и силенъ. У меня до сихъ поръ хранится порядочная пачка разныхъ записочекъ отъ обожательницъ цирковаго искусства, которыя... Были... гм... и кольца и жетоны во дни бенефисовъ, но... brisons... Однимъ словомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что Лоренцита обратила на меня вниманіе.

«Началось у насъ, конечно, съ того, что я поддерживалъ ея маленькую ножку въ то время, когда она садилась на сѣдло, держалъ для нея баллоны и ленты, передавалъ ей букеты и подарки. Потомъ, какъ-то разъ передъ ея выходомъ, когда она, кутаясь въ длинный бѣлый бурнусъ, выглядывала изъ-за портьеры на манежъ, мы съ ней объяснились. Оказалось, что она давно уже меня полюбила.

«Это было самое лучшее время въ моей жизни. Она была для меня самой нѣжной и внимательной женой, самымъ вѣрнымъ другомъ, какого только можно себѣ вообразить. Мнѣ казалось, что моему блаженству не будетъ конца.

«И все намъ въ это время улыбалось. Публика насъ любила, директоръ дорожилъ нами и платилъ намъ большое жалованье... Мы съ Лоренцитой рѣшили жить какъ можно бережливѣе, чтобы скопить немного денегъ и снять свой собственный циркъ, сначала, конечно, самый маленькій, переносный, подъ полотняной крышей — «шапитò», какъ у насъ называется.

«Однажды, когда послѣ вечерняго представленія мы шли съ Лоренцитой домой, мнѣ показалось, что она сильно не въ духѣ, будто чѣмъ-то взволнована или разсержена. Я спросилъ о причинѣ, и она со свойственной ей пылкостью тотчасъ же разсказала мнѣ, что во время моего номера, когда она глядѣла на меня изъ боковой ложи, къ ней сзади подкрался этотъ проклятый Энрико и обнялъ ее.

«— Я и раньше замѣчала на себѣ его пристальные взгляды,—прибавила Лоренцита:—но не приписывала имъ никакого значенія. Оказывается, что это животное питаетъ ко мнѣ нѣжныя чувства.

«Я былъ взбѣшенъ этимъ разсказомъ и хотѣлъ сейчасъ же пойти на квартиру Энрико и сломать объ его

голову мою палку; но Лоренцита повисла у меня на шеѣ и умоляла не дѣлать скандала, который только дастъ поводъ къ какимъ-нибудь грязнымъ слухамъ. Я принужденъ былъ согласиться съ нею, но рѣшилъ слѣдить зорко съ этого времени за Энрико.

«Однако прошло около двухъ недѣль, и я не замѣчалъ ничего особеннаго. Лоренцита и я стали уже забывать о дерзости Энрико, какъ внезапно произошло безобразное и страшное событіе.

«Лоренцита, надо вамъ сказать, чрезвычайно привязалась къ Лолли, одному изъ слоновъ этого негодяя. Каждый день утромъ, во время репетиціи, въ тѣ часы, когда Энрико еще не приходилъ въ циркъ, она бѣжала къ своему любимцу (онъ помѣщался отдѣльно отъ прочихъ слоновъ) съ цѣлымъ запасомъ булокъ, варенья и сахару. Она опустошала для него чуть ли не весь буфетъ. Конфеты, которыя ей подносились безчисленными поклонниками,—а она терпѣть не могла сладкаго,—шли постоянно на угощеніе Лолли. Цѣлый часъ иногда проводила она около своего любимца, лаская его и называя тысячами нѣжныхъ именъ: «крошечка моя Лолли, котеночекъ мой, птичка маленькая». И надо было видѣть, какъ этотъ «крошечка» двухсаженной длины, въ полторы сотни пудовъ вѣсомъ, обожалъ мою Лоренциту. Какъ только издали раздавались ея легкіе шаги, слонъ испускалъ радостные крики, похожіе на звуки трубы. Онъ тихонько терся хоботомъ о руки Лоренциты и осторожно дулъ ей въ лицо. Въ этомъ выражалась его нѣжнѣйшая любовь къ моей женѣ.

«Однажды, зайдя, по обыкновенію, къ слону, Лоренцита, къ своему удивленію, застала тамъ Энрико, который былъ занятъ съ Лолли странной дрессировкой. По свистку хозяина, слонъ неуклюже подымался на заднія ноги и стоялъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока Энрико не уда-

рялъ его слегка хлыстомъ по брюху. Тогда гигантъ быстро, всей тяжестью своего массивнаго тѣла валился на переднія ноги. Эта штука повторилась еще раза два или три. Лоренцита хотѣла уже незамѣтно выйти изъ загородки, какъ вдругъ Энрико неожиданно повернулся въ ея сторону и, замѣтивъ ее, быстро подошелъ къ ней.

«— А, наконецъ-то ты пришла! — воскликнулъ онъ, протягивая къ ней руки.

«И, видя, что она хочетъ бѣжать отъ него, онъ охватилъ ее крѣпко руками и поцѣловалъ.

«Лоренцита съ трудомъ вырвалась отъ него, выхватила изъ его рукъ хлыстъ и, нѣсколько разъ со страшной силой ударивъ его по лицу, кинулась изъ дверей въ коридоръ. Разъяренный Энрико бросился за ней и, догнавъ ее у входа на арену, еще разъ схватилъ ее. Лоренцита закричала отъ боли и негодованія.

«Какъ только я услышалъ крикъ Лоренциты (я въ это время дѣлалъ на сѣдлѣ сальтомортале), я мигомъ спрыгнулъ на землю и очутился за кулисами... Увидѣвъ жену въ объятіяхъ Энрико, я бросился на него, схватилъ его за шею, и мы оба упали и покатились по полу. Онъ былъ вчетверо сильнѣе меня, но бѣшенство придало мнѣ страшную силу. Я не помню, что̀ я съ нимъ дѣлалъ, но, когда меня почти въ безпамятствѣ отъ него оттащили, мы оба были въ крови...

«Впрочемъ, вечеромъ мы всѣ трое должны были всетаки участвовать въ представленіи, замазавъ кольдъкремомъ и краской ушибы на лицѣ. Таковы наши цирковые нравы.

«Сначала все шло благополучно. Мы съ Энрико встрѣчались нѣсколько разъ въ коридорахъ и расходились, не глядя другъ на друга, съ судорожно стиснутыми кулаками и челюстями. Но мнѣ казалось, что на его лицѣ играетъ зловѣщая усмѣшка.

«Наконецъ началась и «Жемчужина Индіи». Я представлялъ сына раджи, Лоренцита — плѣнную индіанку, Энрико, по обыкновенію, палача.

«Наступила послѣдняя сцена. Я стоялъ за входной портьерой и видѣлъ все самымъ отчетливымъ образомъ. Воины ввели Лоренциту съ завязанными назадъ руками. Когда ее клали на разостланный по землѣ красный коверъ, она замѣтила изъ-за портьеры мое лицо и улыбнулась мнѣ.

«Подъ звуки заунывнаго марша вышелъ на арену Энрико-палачъ, ведя за собой громаднаго, неуклюжаго Лолли. Слонъ остановился въ шагѣ около моей жены и сейчасъ же узналъ ее, протянулъ къ ней свой длинный хоботъ и ласково дунулъ ей въ лицо.

«Музыка, по знаку директора, перестала играть. Въ ту же минуту Энрико свистнулъ, и слонъ, присѣвъ на заднія лапы, поднялъ верхнюю часть туловища надъ лежащей Лоренцитой. Энрико слегка нагнулся къ Лоренцитѣ и что-то, повидимому, спросилъ ее. Она отрицательно покачала головой.

«Въ циркѣ наступило необычное молчаніе,—такое молчаніе, что мнѣ явственно былъ слышенъ легкій ударъ хлыста Энрико по животу слона... Слонъ внезапно дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Казалось, онъ вотъ-вотъ обрушится внизъ, на распростертое тѣло Лоренциты... Энрико повторилъ свой ударъ, на этотъ разъ сильнѣе прежняго.

«Я сразу понялъ ужасный замыселъ Энрико: онъ хотѣлъ раздавить жену подъ передними ногами громаднаго животнаго. Но, прежде чѣмъ я рѣшился броситься ей на помощь, произошло нѣчто невѣроятное.

«Слонъ вдругъ отказался слушаться своего хозяина. Онъ осторожно опустился на всѣ четыре ноги, не задѣвъ Лоренциты, — она же спокойно лежала между его ногами. Обозленный Энрико сталъ изо всей силы бить слона по

хоботу и свистать, стараясь вторично поднять его на заднія ноги. Слонъ не повиновался. «Довольно, довольно!» — кричала взволнованная публика.

«Тогда Энрико употребилъ самое рѣшительное средство: онъ укололъ хоботъ Лолли длинной булавкой... Но въ эту секунду, обвитый страшнымъ хоботомъ, поднятый на воздухъ и съ силой брошенный внизъ, онъ уже лежалъ безъ чувствъ на пескѣ арены...

«Впрочемъ, онъ на другой день пришелъ въ себя...»

— Ну, а Лоренцита? — спросилъ я мистера Чарли, когда онъ угрюмо замолчалъ вслѣдъ за послѣдними словами.

Онъ долго молчалъ, потомъ принялся насвистывать какой-то веселый маршъ и наконецъ отвѣтилъ мрачнымъ тономъ:

— Всѣ женщины одинаковы, сэръ, потому что всѣ онѣ непроницаемы. Что же касается моей... она черезъ мѣсяцъ убѣжала отъ меня съ этимъ мерзавцемъ Энрико.

ИСПОЛИНЫ.

Невольный стыдъ овладѣваетъ мною при начинаніи этого разсказа. Увы! Въ немъ участвуетъ вся рождественская бутафорія: вечеръ сочельника, снѣгъ, веселая толпа, освѣщенныя окна игрушечныхъ магазиновъ, бѣдныя дѣти, глазѣющія съ улицы на елки богачей, и румяный окорокъ, и вѣщій сонъ, и счастливое пробужденіе, и добродѣтельный извозчикъ.

Но войдите же и въ мое положеніе, господа читатели! Какъ мнѣ обойтись безъ этого реквизита, если моя правдивая исторія произошла именно какъ разъ въ ночь подъ Рождество. Она могла бы случиться когда угодно: подъ Пасху или въ Троицу, въ самый будничный изъ будничныхъ понедѣльниковъ, но также и въ годовщину памяти любимаго національнаго героя. Это все равно. Моя бѣда лишь въ томъ, что судьбѣ было угодно пригнать все, что я сейчасъ разскажу, почему-то непремѣнно къ Рождеству, а не къ другому сроку.

Въ эту самую ночь, съ 24-го на 25-е декабря, возвращался къ себѣ домой съ рождественской елки учитель гимназіи, по предмету русской грамматики и литературы, г. Костыка. Былъ онъ... пьянъ не пьянъ, но грузенъ, удрученъ и раздражителенъ. Давали знать себя: поросенокъ съ кашей, окорокъ, полендвица и колбаса съ чеснокомъ. Пиво и домашняя наливка подпирали подъ горло.

Сердилъ проигрышъ въ преферансъ: ужъ, правда, Костыку преслѣдовало какое-то фатальное невезеніе во весь вечеръ. А главное было досадно то, что во время ужина, въ спорѣ о воспитаніи юношества — надъ нимъ, старымъ педагогомъ, одержалъ верхъ какой-то молокососъ-учителишка, едва соскочившій съ университетской скамьи, либералишка и верхоглядъ. Т.-е. нѣтъ, верха-то онъ, положимъ, не одержалъ, потому что слова и убѣжденія Костыки основаны на незыблемыхъ устояхъ учительской мудрости. Но... другіе — мальчишки и дѣвчонки... они аплодировали и смѣялись, и блестѣли глазами, и дразнили Костыку: «Что̀, старина? Приперли васъ?»

И потому-то, съ бурчащимъ животомъ, съ изжогой въ груди, съ распухшей головой, проклялъ онъ сначала обычай устраивать елки—обычай, если не языческій, то, должно-быть, нѣмецкій, а во всякомъ случаѣ св. церковью не установленный. Потомъ, прислонившись на минутку къ фонарному столбу, помянулъ чернымъ словомъ пиво и окорокъ. Затѣмъ онъ упрекнулъ мысленно хозяина сегодняшней вечеринки, добродушнаго учителя математики, въ расточительности. «Изъ какихъ это, спрашивается, денегъ такіе пиры закатывать? Навѣрно, женину ротонду заложилъ!» Дѣтишекъ, торчавшихъ на улицѣ у магазинной витрины, Костыка обозвалъ хулиганами и воришками и вздохнулъ о старомъ, добромъ времени, когда розга и нравственность шли ручка объ ручку. Добродѣтельный извозчикъ (который въ святочныхъ разсказахъ обыкновенно возвращаетъ бѣдному, но честному банковскому чиновнику портфель съ двумя милліонами, забытый наканунѣ у него въ саняхъ), этотъ самый извозчикъ запросилъ на Пески «полтора цѣлковенькихъ, потому какъ на рѣзвенькой и по случаю праздничка», а когда Костыка предложилъ ему двугривенный, то извозчикъ назвалъ Костыку почему-то «носоклюемъ», а Костыка тщетно взы-

валъ къ городовому о своей обидѣ: извозчикъ умчался на рѣзвенькой, городовой тащилъ куда-то вдаль пьяную бабу — и тогда Костыка заодно предалъ анаѳемѣ и русскій народъ съ его самобытностью, и Думу, и отруба, и волость, и всяческія свободы.

Въ такомъ-то хмуромъ и придирчивомъ настроеніи онъ взобрался къ себѣ домой, на пятый этажъ, проклянувъ кстати мимоходомъ и городскую культуру, въ лицѣ заспаннаго и ворчливаго швейцара. Очень долго онъ балансировалъ съ зажженной лампой, въ родѣ цирковаго жонглера, притворяющагося пьянымъ. Разбудилъ-было жену, которая раньше его уѣхала съ вечеринки, но та мигомъ выгнала его изъ спальни. Попробовалъ полюбезничать съ «прислугой за все», новгородской каменной бабой Авдотьей, но получилъ жестокій отпоръ, послѣ котораго въ теченіе семи секундъ искалъ равновѣсія по всему кабинету, отъ двери до стѣны.

И вотъ тогда-то онъ съ великими усиліями нашарилъ въ сѣняхъ запасную, потайную бутылку пива, открылъ ее, налилъ стаканъ, усѣлся за столъ, вперилъ мутные глаза въ огненный кругъ лампы и отдался скорбнымъ, неповоротливымъ, вязкимъ мыслямъ.

«За что? — горько думалъ онъ. — За что, о, Лапидарскій, ты меня обидѣлъ передъ учениками и обществомъ? Или ты умнѣе меня? Или ты думаешь, что если сорвалъ нѣсколько дѣвическихъ улыбокъ — то ты и правъ? Ты, можетъ-быть, думаешь, что и я самъ не былъ глупъ и молодъ, что и я не упивался несбыточными надеждами и дерзкими замыслами? Погляди, братъ, вотъ они, живые-то свидѣтели».

Онъ широко обвелъ рукою вокругъ себя, вокругъ стѣнъ, на которыхъ висѣли аккуратно прибитые, — сохраненные частью по скупости, частью по механической привычкѣ, частью для полноты обстановки, — портреты ве-

ликихъ русскихъ писателей, пріобрѣтенные когда-то, давнымъ-давно, въ телячьи годы восторженныхъ словъ... И ему вдругъ показалось, что по лицамъ этихъ исполиновъ, отъ глазъ къ глазамъ, быстро пробѣгаютъ, точно летучія молніи, страшныя искры насмѣшки и презрѣнія.

Костыка вздрогнулъ, отвернулся, протеръ глаза и тотчасъ же, для собственнаго успокоенія, вернулся къ прежней нити мыслей, на которую сталъ нанизывать свои жалобы, упреки и мелочные счеты. Но стаканъ все-таки еще дрожалъ въ его рукѣ.

«Нѣтъ, Лапидарскій, нѣтъ! Я, братецъ, погляжу на тебя лѣтъ черезъ пять-десять, когда ты поймешь, что̀ это такое за шуточка бѣдность, зависимость и власть... когда ты узна̀ешь, чего сто̀итъ семья, а съ ней болѣзни, родины, крестины, сапожишки, юбчонки... Ты, вотъ, кричишь теперь: Марксъ, Ницше, свобода, народъ, пролетаріатъ, великіе завѣты... Погоди, милый! Запое-ешь! Будешь, какъ и я. Скажутъ тебѣ: лѣпи единицы — будешь лѣпить. Пусть стрѣляются, травятся и выскакиваютъ изъ оконъ. Идіоты. Скажутъ тебѣ: будь любвеобиленъ— будешь; скажутъ: маршируй — будешь. Во̀тъ и все. И будешь сытъ и пригрѣтъ и начальству пріятенъ. И будешь, какъ и я, скучать по праздникамъ о томъ, что некого изловить въ ошибкѣ, некому поставить «единъ», некого выключить съ волчьимъ паспортомъ».

И опять онъ невольно обернулся къ стѣнамъ, на которыхъ симметрично висѣли фотографіи человѣческихъ лицъ — гнѣвныхъ, презрительныхъ, божественно-ясныхъ, прекрасно-мудрыхъ, страдальческихъ, измученныхъ, гордыхъ и безумныхъ.

— Смѣетесь? — закричалъ вдругъ Костыка и ударилъ кулакомъ по столу. — Такъ? Хорошо же! Такъ вотъ, я заявляю вамъ, что всѣ вы—дилетанты, самоучки и безграмотны. Это я говорю вамъ — профессіоналъ и автори-

тетъ! Я, я, я, который сейчасъ произведу вамъ экзаменъ. Будь вы хоть распрогеніи, но если ваша жизнь, ваши нравы, мысли и слова преступны, безнравственны и противозаконны — то единица, волчій паспортъ и — вонъ изъ гимназіи на всѣ четыре стороны. Пускай потомъ родители плачутъ.

«Вотъ вы, молодой человѣкъ! Хорошаго роду. Получили приличное образованіе. Къ стихамъ имѣли способность. Къ чему вы ее употребили? Что̀ писали? Гавриліаду? Оду къ какой-то тамъ свободѣ или вольности? Ставлю нуль съ двумя минусами. Ну, хорошо. Исправились... Такъ и быть — тройка. Стали на хорошую дорогу. Нѣтъ, извольте: камеръ-юнкерскій мундиръ вамъ показался смѣшнымъ. Вѣдь нищимъ были, подумайте-ка. Еще нуль. Стишки писали острые противъ вельможъ? Нуль съ двумя. А дуэль? А злоба? За нехристіанскія чувства единица.

«А вы, господинъ офицеръ? Могли бы служить, дослужились бы до дивизіоннаго командира, а почемъ знать, можетъ-быть, и выше. Кто вамъ мѣшалъ развивать свой геній? Ну... тамъ оду на случай иллюминаціи, экспромптъ по случаю полкового праздника?.. А вы предпочли ссылку, опалу. И опять-таки умерли позорно. Вѣрно кто-то сказалъ: собакѣ — собачья смерть. Итакъ: талантъ — три съ минусомъ, поведеніе—нуль, вниманіе—нуль, нравственность — единица, законъ Божій — нуль.

«Вы, г. Гоголь. Пожалуйте сюда. За малорусскія тенденціи—нуль съ минусомъ. За осмѣяніе предержащихъ властей — нуль, за одинъ извѣстный поступокъ противъ нравственности — нуль. За то, что жидовъ ругали — четыре. За покаяніе передъ кончиной — пять».

Такъ онъ злорадно и властно экзаменовалъ одного за другимъ безмолвныхъ исполиновъ, но уже чувствовалъ, какъ въ его душу закрадывался холодный, смертельный

страхъ. Онъ похвалилъ Тургенева за внѣшнее благообразіе и хорошій стиль, но упрекнулъ его любовью къ иноземкѣ. Пожалѣлъ объ инженерной карьерѣ Достоевскаго, но одобрилъ за полячишекъ. «Да и православіе ваше было какое-то сектантское,—замѣтилъ Костыка.— Не то хлыстовщина, не то штунда».

Но вдругъ его глаза столкнулись съ гнѣвными, расширенными, выпуклыми, почти безцвѣтными отъ боли глазами, — глазами человѣка, который, высоко поднявъ величественную бородатую голову, пристально глядѣлъ на Костыку. Сползшій пледъ покрывалъ его плечи.

— Ваше превосходительство...—залепеталъ Костыка и весь холодно и мокро задрожалъ.

И раздался хриплый, грубоватый голосъ, который произнесъ медленно и угрюмо:

— Рабъ, предатель и...

И затѣмъ пылающія уста Щедрина произнесли еще одно страшное, скверное слово, которое великій человѣкъ если и произноситъ, то только въ секунды величайшаго отвращенія. И это слово ударило Костыку въ лицо, ослѣпило ему глаза, озвѣздило его зрачки молніями...

...Онъ проснулся, потому что, задремавши надъ стаканомъ, клюнулъ носомъ о стаканъ и ушибъ себѣ переносицу. «Слава Богу, сонъ! — подумалъ онъ радостно. — Слава Богу! А-а! Такъ-то вы, г. губернаторъ? Хорошо же-съ. Свидѣтелей, благодаря Бога, нѣтъ...»

И съ ядовитой усмѣшкой, дрожащими руками онъ отцѣпилъ отъ гвоздя портретъ Салтыкова, отнесъ его въ самый укромный уголокъ своей квартиры и повѣсилъ тамъ великаго сатирика на вѣки вѣчные, къ общему смѣху и поруганію.

НАЧАЛЬНИЦА ТЯГИ.

Самый правдоподобный святочный разсказъ.

Этотъ разсказъ, который я сейчасъ попробую передать, былъ какъ-то разсказанъ въ небольшомъ обществѣ однимъ знаменитымъ адвокатомъ. Имя его, конечно, извѣстно всей грамотной Россіи. По нѣкоторымъ причинамъ я однако не могу и не хочу назвать его фамиліи, но вотъ его приблизительный портретъ: высокій ростъ, низкій и очень широкій лобъ, какъ у Рубинштейна; бритое, точно у актера, лицо, но ни за актера ни за лакея его никто не осмѣлился бы принять; сѣдѣющая грива, львиная голова, настоящій ротъ оратора, — рупоръ, самой природой какъ будто бы созданный для страстныхъ, потрясающихъ словъ.

Среди нашего разговора онъ вдругъ расхохотался. Такъ искренно расхохотался, какъ даже старые люди смѣются своимъ юношескимъ воспоминаніямъ.

— Ну, конечно, господа,—сказалъ онъ:—такъ пародировать святочные разсказы, какъ мы сейчасъ дѣлаемъ, можно до безконечности. Не устанешь смѣяться... А вотъ я вамъ сейчасъ, если позволите, разскажу, какъ мы однажды втроемъ... нѣтъ, виноватъ, вчетверомъ...

нѣтъ, даже и не вчетверомъ, а впятеромъ встрѣчали Рождество... Увѣряю васъ, что это будетъ гораздо фантастичнѣе всѣхъ святочныхъ разсказовъ. Видите ли: жизнь въ своей простотѣ гораздо неправдоподобнѣе самаго изощреннаго вымысла...

«Мы трое были приглашены на елку къ владѣльцу мѣднопрокатнаго завода Щекину, въ окрестностяхъ Сиверской. На утро намъ обѣщали облаву на лисицъ и на волковъ съ обкладчиками-костромичами, а если бы не удалось, то простую охоту съ гончими. Въ этомъ приглашеніи было много соблазнительнаго. Елку предполагали устроить въ лѣсу, — настоящую, живую елку, но только съ электрическимъ освѣщеніемъ. Кромѣ того тамъ была цѣлая орава очаровательныхъ дѣтишекъ — милыхъ, свободныхъ, ничѣмъ не стѣсненныхъ — такихъ, съ которыми себя чувствуешь въ сто разъ лучше, чѣмъ со взрослыми, и самъ, незамѣтно для себя, становишься мальчуганомъ двѣнадцати лѣтъ. А еще кромѣ того у Щекиныхъ въ эти дни собиралось все, что только бывало въ Петербургѣ талантливаго и интереснаго.

«А мы трое были: вашъ покорный слуга, тогда помощникъ присяжнаго повѣреннаго, одинъ начинающій басъ — теперь онъ міровая извѣстность—и третій, нынѣ покойникъ, — онъ умеръ четыре года тому назадъ, — или, вѣрнѣе, не умеръ, а его съѣла служебная карьера.

«Ѣхали мы въ самомъ блаженномъ, въ самомъ радужномъ настроеніи. Накупили конфетъ, тортовъ, волшебныхъ фонарей, фейерверковъ, лыжъ, микроскоповъ, коньковъ и прочей дряни. Были похожи на дачныхъ мужей. Но настроеніе наше начало портиться уже на вокзалѣ. Огромная толпища стояла у всѣхъ дверей, ведущихъ на платформу — едва-едва ее сдерживали желѣзнодорожные сторожа. И уже чувствовалась между этими людьми та безпричинная взаимная ненависть, которую можно наблю-

дать только въ церквахъ, на пароходахъ и на желѣзной дорогѣ.

«По второму звонку все это стадо ринулось на дебаркадеръ. Опасаясь за наши покупки, мы вышли послѣдними. Мы прошли весь поѣздъ насквозь, отъ хвоста до головы. Мѣстъ не было. Въ третьемъ классѣ насъ встрѣтили сравнительно спокойно какіе-то добродушные мужички, даже потѣснились, чтобы дать намъ мѣсто. Но было совсѣмъ стыдно злоупотреблять ихъ гостепріимствомъ. Они и такъ сидѣли другъ у друга на головахъ. Во второмъ классѣ было почти то же самое, но ужъ съ оттѣнкомъ недружелюбія. Напримѣръ: одинъ чиновникъ ѣхалъ явно по безплатному билету; я попробовалъ намекнуть ему, что желѣзнодорожный уставъ строго требуетъ, чтобы лица, ѣдущія по безплатному билету, уступали свои мѣста пассажирамъ по первому требованію. Но онъ почему-то назвалъ меня нахаломъ и дуракомъ и сказалъ: «Вы сами не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло». Я подумалъ, что это переодѣтый министръ, и мы перешли въ первый классъ.

«Тутъ намъ сразу повезло. Конечно, всѣ купэ были закрыты, какъ это и всегда бываетъ, но случайно одна дверка отворилась, и одинъ изъ насъ, именно третій товарищъ, успѣлъ просунуть руку въ створку, помѣшавъ двери захлопнуться. Оказывается, въ купэ сидѣла дама, такъ лѣтъ тридцати—тридцати двухъ, прехорошенькая, но въ ту секунду очень озлобленная и похожая на пороховую бочку, подъ которую только-что подложили фитиль.

«— Куда вы лѣзете, развѣ вы не видите, что это купэ занято?

«Ахъ, Боже мой, всѣ мы хорошо знаемъ, какъ нелѣпо, нетактично и жестоко ведутъ себя дамы, а особенно чиновныя, въ первыхъ двухъ классахъ поѣздовъ

и пароходовъ. Онѣ занимаютъ вдвоемъ полвагона съ надписью: «дамское отдѣленіе», въ то время, когда въ слѣдующей половинѣ мужчины стиснуты, какъ сардины въ нераскупоренной коробкѣ. Но попробуйте попросить у нихъ гостепріимства для больного старика или утомленнаго дорогой шестилѣтняго мальчика, — сейчасъ же крики, скандалъ, «полное право» и т. д. Однако такая же дама способна влѣзть со своими баулами, картонками, зонтиками и всякой дрянью въ сосѣднее «мужское отдѣленіе», стѣснить всѣхъ своимъ присутствіемъ, заявить: «Я, знаете, не переношу дамскаго общества», и завести на цѣлую ночь утомительную трескотню, съ визгами, игривымъ хохотомъ, ахами, ломаньемъ и кокетствомъ, отъ которыхъ на утро чувствуешь себя разбитымъ гораздо больше, чѣмъ тряской и безсонницей. Въ сопровожденіи бонны, кормилицы и четырехъ орущихъ чадъ она входитъ въ купэ, гдѣ вы сидите тихонько, съ послушнымъ, скромнымъ ребенкомъ, останавливается на порогѣ и съ отвращеніемъ фыркаетъ: «Фу! И здѣсь какихъ-то дѣтей напихали!». Словомъ, все это и многое другое мы прекрасно изучили и были увѣрены, что никакія мѣры кротости, увѣщаванія и логика не помогутъ, но, какъ и всегда, въ пятисотый разъ пробовали тронуть сердитую даму.

«Ѳедоръ Ивановичъ приложилъ руку къ сердцу и на самой обольстительной нотѣ своего изумительнаго голоса сказалъ:

«— Прелестная синьора... намъ только три станціи... если прикажете, мы будемъ сидѣть у вашихъ ногъ.

«Это оперное вступленіе насъ и погубило. Почемъ знать, если бы онъ былъ одинъ?.. Можетъ, она и смилостивилась бы. Но насъ было трое. И, вѣроятно, поэтому фитиль достигъ своей цѣли, и бочка разорвалась. Откровенно говоря, я никогда не слышалъ ни раньше ни позже такой ругани. Въ продолженіе двухъ минутъ она успѣла

насъ назвать: желѣзнодорожными ворами, безбилетными зайцами, убійцами, которые въ своихъ гнусныхъ цѣляхъ прибѣгаютъ къ хлороформу, и даже... простите, барыня... поставщиками живого товара въ Константинополь.

«Потомъ, въ своемъ гнѣвѣ, она закричала:

«— Кондукторъ!

«Но развѣ могъ прійти ей на помощь кондукторъ? Вѣроятно, въ эту минуту онъ съ трудомъ прокладывалъ себѣ дорогу въ самомъ заднемъ вагонѣ по человѣческимъ головамъ.

«Тогда, ошеломленный ея бурнымъ натискомъ, я позволилъ себѣ робко спросить:

«— Сударыня, вы ѣдете однѣ... Можетъ-быть, вы знаете случайно, кому принадлежатъ вотъ эти вещи: четыре картонки, два чемодана, плетеная корзина, деревянная лошадь почти въ натуральную величину, вотъ эти горшки съ гіацинтами, игрушечныя ружья, барабаны и сабли, этотъ портъ-пледъ, наконецъ этотъ тортъ и банки съ вареньемъ?

«— Не знаю, — сухо отвѣтила она и отвернулась къ окну.

«— Сударыня, — продолжалъ я тономъ рабской мольбы: — вы сами видите, что мы нагружены, какъ верблюды. Мы падаемъ съ ногъ отъ усталости... Мы не обезпокоимъ васъ долго своимъ присутствіемъ. Всего лишь три станціи... Не позволите ли вы положить эти чужія вещи наверхъ, въ сѣтки? Ну, хотя бы изъ христіанскаго милосердія.

«— Не позволю... — отвѣтила дама.

«— Но вѣдь все равно, вещи не ваши. Не такъ ли? Если бы мы сами попробовали ихъ перемѣстить.

«Опять на насъ повернулось красное, пылающее лицо.

«— Ого! Попробуйте. Попробуйте только! Да вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло? Нахалы! Вы сами не знаете, къ кому пристаете. Я — начальница тяги! Я васъ въ двадцать четыре часа...

«Мы не дослушали. Мы вышли въ коридоръ для небольшого совѣщанія. Къ намъ присоединился какой-то милый, чистенькій, маленькій, серебряный старичокъ въ золотыхъ очкахъ. Онъ все время былъ свидѣтелемъ нашихъ перекоровъ. Онъ-то намъ и далъ одинъ очень простой, но ехидный совѣтъ.

«Когда поѣздъ сталъ замедлять ходъ передъ второй станціей и дама начала суетиться, мы торжественно вошли въ купэ. Старичокъ злорадно шелъ за нами.

«— Итакъ, сударыня, вы все-таки подтверждаете, что эти вещи вамъ не принадлежатъ? — спросилъ третій, умершій.

«— Дуракъ! Я вамъ сказала, что эти вещи не мои.

«— Позвольте узнать, — а чьи? — спросилъ старичокъ голосомъ малиновки.

«— Не твое дѣло.

«Въ это время поѣздъ остановился. Вбѣжали носильщики. Дама велѣла одному изъ нихъ, — она даже назвала его Семеномъ, — взять вещи.

«Ну, ужъ тутъ мы горячо вступились за чужую собственность! Мы всѣ четверо были свидѣтелями того, что вещи принадлежатъ вовсе не дамѣ, а какой-то забывчивой пассажиркѣ. Конечно, это дѣло насъ не касается, но принципіально и т. д. Вчетверомъ мы прослѣдовали въ жандармскую контору. Дама извивалась, какъ ужъ, но мы ее взяли въ настоящіе тиски. Она говорила: «Да! Вещи мои!». Тогда мы отвѣчали: — «Не угодно ли вамъ заплатить за всѣ мѣста, которыя вы занимали? Желѣзной дорогѣ убытокъ, а мы, какъ честные люди, этого не можемъ допустить». Тогда она кричала: «Нѣтъ, эти

вещи не мои! А вы — хулиганы!». Тогда мы говорили: «Сударыня, вы на нашихъ глазахъ хотѣли присвоить эти вещи».—«Повторяю же вамъ, болваны, что это мои собственныя вещи... а вы обращались съ беззащитной женщиной, какъ свиньи!». Но тутъ уже выступалъ ядовитый старичокъ, пѣлъ соловьемъ и въ качествѣ безпристрастнаго свидѣтеля удостовѣрялъ наше истинно-джентльменское поведеніе, а также и то, что мы два часа слишкомъ стояли на ногахъ (воображаю, какъ ему въ его долгой жизни насолили дамы первыхъ двухъ классовъ!).

«Кончилось тѣмъ, что она растерялась и заплакала. Ну, тутъ ужъ и мы размякли. Дали ей воды, басъ проводилъ ее до извозчика, и дурацкій протоколъ былъ очень легко и быстро уничтоженъ. Одинъ только старичокъ покачалъ укоризненно на каждаго изъ насъ головою и безмолвно испарился въ темнотѣ.

«Но когда мы опять сошлись втроемъ на платформѣ и поглядѣли на часы, то убѣдились въ томъ, что если и поспѣемъ къ Щекинымъ, то только къ девяти часамъ утра. Это уже выходило за предѣлы нашей шутки. Стали разспрашивать у сторожа, какая здѣсь лучшая гостиница, т.-е. гдѣ меньше клоповъ.

«И вдругъ слышимъ знакомый, но уже теперь славный, теплый голосъ:

«— Господа, куда вы собираетесь?

«Оглядываемся. Смотримъ — наша дама. И совсѣмъ новое лицо: милое русское лицо.

«— Если вы не побрезгуете, поѣдемте ко мнѣ на елку... Вы на меня не сердитесь... я все-таки женщина... А съ этими желѣзными дорогами просто голову растеряешь.

«Скажу по правдѣ, никогда мнѣ не было такъ весело, какъ въ этотъ вечеръ. Даже фейерверки, противъ обыкновенія, горѣли чудесно. И ребята тамъ попались чу-

десные. А съ Анной Ѳедоровной мы и до сихъ поръ закадычные друзья».

Онъ нагнулся, чтобы его глазамъ не мѣшала тѣнь, и спросилъ:

— Правда, Анна Ѳедоровна?

Густой смѣющійся голосъ изъ темноты отвѣтилъ:

— Безстыдникъ. Языкъ у васъ, у адвокатовъ, такъ ужъ подвѣшенъ, что не можете не переврать!..

ТЕЛЕГРАФИСТЪ.

Зима. Поздняя ночь. Я сижу на казенномъ клеенчатомъ диванѣ въ телеграфной комнатѣ захолустной пограничной станціи. Мнѣ дремлется. Тихо, точно въ лѣсу. Я слышу, какъ шумитъ кровь у меня въ ушахъ, а четкое постукиваніе аппарата напоминаетъ мнѣ о невидимомъ дятлѣ, который гдѣ-то высоко надо мною упорно долбитъ сосновый стволъ.

Напротивъ меня согнулся надъ желтымъ блестящимъ ясеневымъ столикомъ дежурный телеграфистъ Саша Врублевскій. Тѣнь, падающая отъ зеленаго абажура лампы, разрѣзываетъ его лицо пополамъ: верхъ въ тѣни, но тѣмъ ярче освѣщены кончикъ носа, крупныя суровыя губы и острый бритый подбородокъ, выходящій изъ отложного бѣлаго воротника.

Съ большимъ трудомъ я различаю глубокія глазныя впадины и внутри ихъ опущенныя выпуклыя вѣки, придающія всему лицу, такъ хорошо знакомому, некрасивому, милому, скуластому лицу, то выраженіе важнаго покоя, которое мы видимъ только у мертвыхъ.

Саша Врублевскій горбатъ. Я знаю только двѣ породы горбатыхъ людей. Одни — и это большинство — высокомѣрны, сладострастны, злобны, подозрительны, мстивы, скупы и жадны. Другіе же, немногіе, а въ особенности Саша Врублевскій, кажутся мнѣ лучшими брильянтами

въ вѣнцѣ истиннаго христіанства. Когда я беру въ свои руки ихъ слабыя, нѣжныя, чуткія и безпомощныя ручки, у меня въ сердцѣ такое чувство, точно ко мнѣ ласкается больной ребенокъ. И когда я думаю о Сашиной душѣ, она мнѣ представляется чѣмъ-то въ родѣ большой прекрасной бабочки, — такой трепетной, робкой и нѣжной, что малѣйшее грубое прикосновеніе сомнетъ и оскорбитъ красоту ея крыльевъ. Онъ кротокъ, безсребренникъ, ко всему живому благожелателенъ и ни о комъ ни разу не отозвался дурно. Иногда онъ говоритъ мнѣ съ ласковой, чуть-чуть укоризненной насмѣшкой:

— Несправедливые вы люди, господа писатели. Какъ только у васъ въ романѣ или повѣсти появится телеграфистъ, — такъ непремѣнно какой-то олухъ царя небеснаго, станціонный хлыщъ, что-то въ родѣ интендантскаго писаря. Поетъ подъ гитару лакейскіе романсы, крутитъ усы и стрѣляетъ глазами въ дамъ изъ перваго класса. Ей-Богу же, милочка, такой типъ перевелся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Надо слѣдить за жизнью. Вспомните-ка, какъ мы выдержали почтово-телеграфную забастовку, а вѣдь у насъ большинство — многосемейные. Знаете, милочка, бѣдность-то вездѣ плодуща, а жалованье наше — гроши. И если вышвырнутъ тебя изъ телеграфа съ волчьимъ паспортомъ — куда пойдешь? Такъ-то, милочка. Мнѣ, сравнительно, легко тогда было, я три языка знаю иностранныхъ, въ случаѣ чего не пропалъ бы. А другіе, милочка, прямо несли на это дѣло свои головы и потроха.

Никогда ему не измѣняетъ его свѣтлое, терпѣливое, чуть прикрашенное мягкой улыбкой благодушіе. Вотъ и сейчасъ: у него виситъ на лентѣ очень важная, срочная, едва ли не шифрованная телеграмма изъ-за границы, а онъ уже больше четверти часа никакъ не можетъ ее отправить, и все изъ-за того, что главная ге-

редаточная станція занята съ одной изъ промежуточныхъ самымъ горячимъ флиртомъ. Телеграфистъ съ передаточной загадалъ барышнѣ съ промежуточной какое-то слово, начинающееся на букву «л», и — такой насмѣшникъ! — стучитъ и стучитъ все одни и тѣ же знаки:

. — . . . — . . . — . . . — . .

Но барышня никакъ не можетъ отгадать этого труднаго слова. Она пробуетъ «лампу, лошадь, лукъ, лагери, лимонъ, лихорадку».

— Лихорадка — похоже, но не то, — издѣвается передаточная станція.

«Лира, лава, лакъ, луна, лебедь», — мучается недогадливая барышня.

Тогда Врублевскій, которому надоѣло ждать, считаетъ нужнымъ вмѣшаться.

— Барышня, подайте ему — «люблю» — и освободите линію: срочная.

— Подождутъ, — легкомысленно возражаютъ съ передаточной.

Но Врублевскій дѣлаетъ развязному телеграфисту строгое замѣчаніе и черезъ минуту, не глядя на ленту, уже ловитъ привычнымъ слухомъ покаянный отвѣтъ:

— Извините, товарищъ, но вы сами были молоды и понимаете безъ словъ...

Я вижу, какъ легкая улыбка раздвигаетъ усы надъ толстыми, освѣщенными губами Врублевскаго. Ему самому не больше двадцати шести лѣтъ, но всѣ сослуживцы относятся къ нему, какъ къ старику.

— Вотъ такъ они цѣлыми вечерами и романсуютъ, — говорилъ онъ, перебирая ленту, закрутившуюся кудрявыми завитками. — Что же, дай Богъ. Кажется, у нихъ дѣло серьезное. Онъ — славный мальчикъ, и Катерина Сергѣевна — хорошая, работящая дѣвушка. Устроятся вмѣстѣ на станціи, и лучше не надо. И какъ это пре-

красно, что женщинѣ наконецъ начинаютъ давать настоящую работу. А то вѣдь раньше имъ, бѣдняжкамъ, прямо дѣваться было некуда. Сиди и вымаливай у Бога жениха. Когда еще дѣвушкой — отецъ ворчитъ: «Хлѣбъ только даромъ ѣшь. Хоть бы нашелся какой-нибудь болванъ, взялъ бы тебя, сокровище этакое». А вышла замужъ — пеленки, тряпки, кухня, роды, стирка, дѣтей кормить надо. И мужъ оретъ: «Дармоѣдка, обѣдъ невкусный; только деньги тратить умѣешь да ходить круглый годъ брюхатой. Поди, сбѣгай за пивомъ и за папиросами...» А ужъ если, милочка, заработокъ общій, — онъ ужъ такъ разговаривать не посмѣетъ.

Саша умолкаетъ и, поймавъ начало телеграммы, начинаетъ сосредоточенно ее выстукивать. Лицо его съ опущенными вѣками неподвижно, и только пальцы его правой руки едва замѣтно, но быстро и точно вздрагиваютъ на клавишѣ. Мной опять овладѣваетъ дремота, и опять я въ тихомъ мутно-зеленомъ лѣсу, и опять гдѣ-то далеко старается надъ деревомъ неугомонный дятелъ. Въ это время я думаю о многихъ странныхъ вещахъ. О томъ, что весь земной шаръ перекрещенъ, какъ настоящими нервами, телеграфными линіями, и что вотъ сидитъ передо мной нервный узелъ — милый Саша Врублевскій, безвѣстный служитель механическаго прогресса. Добру или злу онъ служитъ, счастію или несчастію будущаго человѣчества? Телеграфъ былъ первымъ важнымъ практическимъ примѣненіемъ таинственной силы электричества. Гораздо позднѣе — появились телефоны, электрическія лампы и кухни, трамваи, безпроволочный телеграфъ, автомобили, аэропланы. Но человѣчество идетъ впередъ, все быстрѣе съ каждымъ годомъ, все стремительнѣе съ каждымъ шагомъ. Вчера мы услышали объ удивительныхъ лучахъ, пронизывающихъ насквозь человѣческое тѣло, а почти сегодня открытъ радій съ

его удивительными свойствами. Человѣкъ уже подчинилъ себѣ силу водопадовъ и вѣтеръ, — безъ сомнѣнія, онъ скоро заставитъ работать на себя морской прибой, солнечный свѣтъ, облака и лунное притяженіе. Онъ внѣдрится въ глубь земли и извлечетъ оттуда новые металлы, еще болѣе могущественные и загадочные, чѣмъ радій, и обратитъ ихъ въ рабство. Завтра или послѣзавтра — я въ этомъ увѣренъ — я буду изъ Петербурга разговаривать съ моимъ другомъ, живущимъ въ Одессѣ, и въ то же время видѣть его лицо, улыбку, жесты. Очень близко время, когда разстоянія въ 500 — 1000 верстъ будутъ покрываться за одинъ часъ; путешествіе изъ Европы въ Америку станетъ простой предобѣденной прогулкой, пространство почти исчезнетъ, и время помчится бѣшенымъ карьеромъ. Но я съ ужасомъ думаю объ огромныхъ городахъ будущаго, въ особенности, когда воображаю себѣ ихъ вечера. На небѣ сіяютъ разноцвѣтные плакаты торговыхъ фирмъ, высоко въ воздухѣ снуютъ ярко освѣщенные летучіе корабли, надъ домами, сотрясая ихъ, проносятся съ грохотомъ и ревомъ поѣзда, по улицамъ сплошными рѣками, звеня, рыча и блестя огромными фонарями, несутся трамваи и автомобили; вертящіяся вывѣски кинематографовъ слѣпятъ глаза, и магазинныя витрины льютъ огненные потоки. Ахъ, этотъ ужасный міръ будущаго — міръ машинъ, горячечной торопливости, нервнаго зуда, вѣчнаго напряженія ума, воли и души! Не несетъ ли онъ съ собой повальнаго безумія, всеобщаго дикаго бунта, или, что̀ еще хуже, преждевременной дряхлости, внезапной усталости и разслабленія? Или — почемъ знать? — можетъ-быть, у людей выработаются новые инстинкты и чувства, произойдетъ необходимое перерожденіе нервовъ и мозга, и жизнь станетъ для всѣхъ удобной, красивой и легкой? Нѣтъ, милый Саша Врублевскій, никто намъ не отвѣтитъ на эти во-

просы, хотя ты самъ, вотъ сейчасъ, сидя за телеграфнымъ аппаратомъ, безсознательно куешь будущее счастье или несчастье человѣчества.

Но тутъ я замѣчаю, что Врублевскій уже съ минуту что-то говоритъ мнѣ. Я стряхиваю съ себя лѣнивое оцѣпенѣніе, встаю и присаживаюсь за столикъ. Теперь мнѣ совсѣмъ не видно лица моего пріятеля, — между нами лампа и аппаратъ, — но моя рука лежитъ такъ близко около его руки, что я ощущаю исходящій изъ нея теплый ровный токъ.

— Это вышло точь-въ-точь, какъ бываетъ въ водевиляхъ, — говоритъ онъ своимъ нервнымъ, высокимъ, чуть хриплымъ, очень пріятнымъ голосомъ. — Она была влюблена по уши въ моего товарища Деспотъ-Зиновичъ-Братошинскаго, а я былъ влюбленъ въ нее. Деспотъ же, городской левъ и донъ-жуанъ, порхалъ только съ цвѣтка на цвѣтокъ и обѣдалъ и ужиналъ по крайней мѣрѣ въ десяти семействахъ, гдѣ были барышни-невѣсты. Однако онъ былъ чудесный парень, широкій и добрый человѣкъ. Его раздавилъ поѣздъ, когда онъ былъ начальникомъ станціи Волчьей. Я объ ея любви ничего не зналъ... Нѣтъ, это, пожалуй, невѣрно... Я... какъ бы выразиться... я въ этомъ отношеніи точно заклеилъ воскомъ свои глаза и уши. И вотъ она сидитъ за піанино, а я около нея, сбоку. Она беретъ, не глядя на клавиши, какіе-то аккорды, слегка повернувъ ко мнѣ опущенную голову, и говоритъ объ одномъ человѣкѣ, котораго она любитъ, несмотря на его недостатки; говоритъ, что она скорѣе умретъ, чѣмъ обнаружитъ передъ нимъ свое чувство, что этотъ человѣкъ съ ней исключительно любезенъ и внимателенъ, но что она не знаетъ его мыслей и намѣреній, — можетъ-быть, онъ только играетъ сердцемъ бѣдной дѣвушки, и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Я же, идіотъ, нахожусь въ полной увѣренности, что

иносказательная рѣчь идетъ обо мнѣ, и съ жаромъ увѣряю ее, что, наоборотъ, «онъ» любитъ ее больше жизни, родины, чести и проч. Онъ готовъ на всѣ жертвы и все въ этомъ родѣ. Что̀ касается недостатковъ, то къ недостаткамъ привыкаютъ, и такъ далѣе... Тогда она вся розовѣетъ какимъ-то чудеснымъ розовымъ сіяніемъ, рѣсницы у нея влажны, и она шепчетъ едва слышно: «Благодарю васъ, вы навсегда останетесь моимъ лучшимъ другомъ, но только, ради Бога, ни одного слова ему, Деспоту». Я раскрываю ротъ, молчу нѣсколько секундъ, наконецъ, заикаясь и точно свалившись съ луны, спрашиваю: «Почему же именно... ему... Деспоту?» Тогда она пристально вглядывается въ мои глаза, мы сразу понимаемъ другъ друга, и она внезапно разражается громкимъ, долгимъ-долгимъ хохотомъ... Что̀ жъ, конечно, смѣшно, совсѣмъ какъ въ водевилѣ. Но я хотѣлъ въ эту ночь отравиться... Не отравился, а напился въ клубѣ, какъ свинья, первый и единственный разъ въ жизни. А на слѣдующій день я подалъ прошеніе о переводѣ сюда...

Онъ замолкаетъ и прислушивается къ стуку аппарата. Но зовутъ не его, и онъ продолжаетъ:

— Въ другой разъ была настоящая, не водевильная, а большая, нѣжная любовь съ обѣихъ сторонъ. Это случилось, когда я ѣздилъ позапрошлымъ лѣтомъ въ отпускъ, къ себѣ, въ Житомиръ. Была лунная ночь съ соловьями, съ ароматами сирени и бѣлой акаціи, съ далекой музыкой изъ городского сада. Мы ходили по саду,—садъ у нихъ громадный, плодовый, — и я держалъ ея руку въ моей. Она первая сказала мнѣ, что любитъ меня и никого никогда не полюбитъ, кромѣ меня. Она говорила, что любитъ меня такимъ, какъ я есть, и что больше всего любитъ мою душу и... тамъ разныя милыя, сладкія, волшебныя слова. И вотъ мы вышли на открытое

мѣсто, на площадку для гигантскихъ шаговъ. Луна свѣтила намъ въ спину, и на утоптанной гладкой землѣ легли двѣ рѣзкія тѣни: одна — длинная, стройная, съ прелестной, немного склоненной на бокъ головкой, съ высокой шеей, съ тонкой таліей, а другая — моя... Ну, вотъ... Тогда я закрылъ лицо руками, забормоталъ что-то и убѣжалъ... Да, убѣжалъ, не прощаясь...

«Полгода спустя она вышла замужъ, а нынче утромъ я получилъ отъ нея письмо. Она счастлива, у нея сынишка, я, конечно, ея лучшій другъ на свѣтѣ, и больше всего въ жизни ей хочется, чтобы я крестилъ у нея ребенка. Она извиняется за то, что разбила мое сердце. Ну, это ужъ глупости. Я радъ за нее, очень радъ. Дай Богъ ей счастья... Если ей хорошо, то и я счастливъ. Она дала мнѣ хоть иллюзію, хоть призракъ любви, и это истинно-царскій, неоплатный подарокъ... Потому что нѣтъ ничего болѣе святого и прекраснаго въ мірѣ, чѣмъ женская любовь».

Мы молчимъ съ минуту. Потомъ я прощаюсь и ухожу. Мнѣ итти далеко, черезъ все мѣстечко, версты три. Глубокая тишина, калоши мои скрипятъ по свѣжему снѣгу громко, на всю вселенную. На небѣ ни облачка, и страшныя звѣзды необычайно ярко шевелятся и дрожатъ въ своей бездонной высотѣ. Я гляжу вверхъ, думаю о горбатомъ телеграфистѣ. Тонкая, нѣжная печаль обволакиваетъ мое сердце, и мнѣ кажется, что звѣзды вдругъ начинаютъ расплываться въ большія серебряныя пятна.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Въ походномъ, наскоро сколоченномъ изъ досокъ звѣринцѣ Іоганна Миллера, сторожа еще не успѣли зажечь лампъ для вечерняго представленія. На всемъ лежитъ тяжелая полумгла. Желѣзныя рѣшетки, клѣтки, барьеры, скамейки, столбы, поддерживающіе крышу, кадки съ водою и ящики для песка кажутся при этомъ умирающемъ мерцаніи осенняго вечера нагроможденными въ безпорядкѣ. Воздухъ насыщенъ острымъ запахомъ мелкихъ хищниковъ: лисъ, куницъ и рысей, смѣшаннымъ съ запахомъ испортившагося сырого мяса и птичьяго помета.

Вздрагивая отъ холода и тѣсно прижавшись другъ къ другу, плѣнники тяжело дремлютъ въ своихъ клѣткахъ. Въ этотъ часъ они отдыхаютъ отъ назойливаго любопытства публики.

Желтые, сѣрые, краснохвостые попугаи нахохлились на своихъ жердочкахъ, привязанные къ нимъ тонкими цѣпочками за ноги. Большой старый слонъ, который въ темнотѣ кажется издали безобразной громадой, дремлетъ, перекачиваясь на своей площадкѣ съ ноги на ногу, и то развиваетъ, то свиваетъ гибкій хоботъ. Обезьяны сбились въ тѣсную кучу въ самомъ дальнемъ углу своего помѣщенія. Нѣкоторыя нѣжно обняли другъ дружку за шею; одна положила голову на колѣни сосѣдкѣ. Выра-

женія лицъ у нихъ у всѣхъ печально-покорныя, и теперь онѣ больше чѣмъ когда-либо похожи на людей. Въ самомъ концѣ звѣринца, на низкой насѣсти сидитъ старый орелъ, общипанный, облѣзлый и сгорбленный. Онъ не спитъ. Его неподвижные глаза смотрятъ въ темноту со всегдашней непримиримой и гордой ненавистью.

Тяжелая, угнетающая тишина изрѣдка прерывается странными звуками: то будто вздохъ продолжительный вырвется изъ чьей-то громадной груди, то стонъ послышится, то отрывистый хохотъ сумасшедшей гіены, которая недавно заболѣла и теперь цѣлыми часами кружится съ необыкновенной быстротой на одномъ мѣстѣ, пока не упадетъ безъ силъ.

Цезарь спитъ и тихо, точно бредящая собака, взвизгиваетъ во снѣ. Одна изъ его могучихъ желтыхъ лапъ высунулась въ ту щель внизу рѣшетки, куда просовываютъ пищу, и небрежно свѣсилась наружу. Голову онъ спряталъ въ другую лапу, согнутую въ колѣнѣ, и сверху видна только густая темная грива. Рядомъ съ нимъ свернулась въ клубокъ, точно спящая кошечка, его львица. Цезарь спитъ безпокойно и иногда вздрагиваетъ. Дыханіе клубами горячаго пара вылетаетъ изъ его широкихъ ноздрей.

Тревожный, но блаженный сонъ снится Цезарю.

Надъ хладѣющей послѣ дневного жара пустыней всплылъ громадный, блестящій дискъ мѣсяца, и пустыня ожила и проснулась и заговорила милліонами голосовъ. Проснулся и онъ, властелинъ пустыни, и медленными шагами выходитъ изъ зарослей, куда загнало его въ полдень солнце, и гдѣ онъ послѣ кроваваго пира, утоливъ изъ ручья жажду, спалъ въ тѣни до наступленія ночи. Какой просторъ предъ его расширенными очами! Только и видно, что синее небо да безбрежная пустыня. Всей своей могучей грудью вдыхаетъ левъ свѣжѣющій воз-

духъ и вдругъ оглушительнымъ, царственнымъ ревомъ потрясаетъ воздухъ пустыни. И все смолкаетъ, объятое ужасомъ. Съ фырканьемъ и топотомъ вскакиваютъ и мчатся черезъ пустыню испуганныя стада антилопъ и зебровъ...

Левъ крадется къ тому ручью, куда каждый день ходятъ пить воду стада буйволовъ, и прячется между камнями. Ни одинъ мускулъ его бархатнаго тѣла не шевелится, но весь онъ уже сжался и приготовился для огромнаго прыжка. Вдали раздается грузный топотъ; земля гудитъ и вздрагиваетъ подъ тяжелыми копытами. Это идутъ на водопой буйволы. Передовые тревожно и громко обнюхиваютъ землю и бьютъ себя хвостами по бокамъ. Левъ не шевелится, но заднія ноги его, точно двѣ стальныя сжатыя пружины, готовы каждую секунду выпрямиться со страшною быстротою.

Наконецъ стадо напилось и возвращается обратно. Цезарь уже выбралъ свою жертву, молодого чернаго бычка съ мускулистой шеей и желѣзнымъ затылкомъ. Легкимъ, беззвучнымъ движеніемъ взвивается левъ въ воздухѣ. Одинъ прыжокъ — и онъ уже на спинѣ у буйвола, заднія лапы вонзились въ крупъ, переднія ушли глубоко въ мускулы шеи. Животное въ ужасѣ и бѣшенствѣ мчится впередъ, прыгаетъ, тщетно стараясь сбросить съ себя страшную ношу, и мгновенно падаетъ на песокъ съ перегрызеннымъ позвонкомъ. Пасть Цезаря дымится отъ горячей крови животнаго, и опять оглашаетъ онъ своимъ побѣднымъ царственнымъ ревомъ пустыню.

Взвизгиваетъ въ своей клѣткѣ спящій Цезарь и видитъ другой сонъ.

Передъ нимъ возвышается утыканная острыми гвоздями страшно высокая и крѣпкая загородка крааля. Левъ присѣдаетъ чуть-чуть къ землѣ — мгновеніе — и онъ уже внутри загородки; подъ навѣсомъ, сбившись въ кругу

и дрожа атласной кожей, стоятъ лошади. Левъ устремляется къ нимъ, но въ это мгновеніе просыпается весь крааль. Вспыхиваетъ ружейный огонь, гремятъ выстрѣлы, съ крикомъ, свистомъ, гиканьемъ сбѣгаются люди. Но Цезарь не хочетъ упустить добычу; онъ уже схватилъ за загривокъ жеребенка и влечетъ его по землѣ къ загородкѣ. Гнѣвъ и вкусъ горячей лошадиной крови придаютъ ему чрезмѣрную силу. Взмахомъ могучей головы онъ закидываетъ животное на спину, вмѣстѣ съ нимъ высоко надъ загородкой перелетаетъ на другую сторону и скрывается въ темнотѣ ночи.

Сторожъ зажегъ лампу. Свѣтъ ея упалъ на глаза Цезарю, и онъ проснулся. Сначала левъ долго не могъ прійти въ себя; онъ даже чувствовалъ до сихъ поръ на языкѣ вкусъ свѣжей крови. Но какъ только онъ понялъ, гдѣ онъ находится, то быстро вскочилъ на ноги и заревѣлъ такимъ гнѣвнымъ голосомъ, какого еще никогда не слыхали вздрагивающія постоянно при львиномъ ревѣ обезьяны, ламы и зебры. Львица проснулась и, лежа, присоединила къ нему свой голосъ.

Цезарь уже не помнилъ своего сна, но никогда еще эта тѣсная клѣтка съ рѣшеткой, эти ненавистныя лампы, эти человѣческія фигуры такъ его не раздражали. Онъ метался изъ угла въ уголъ, злобно рычалъ на львицу, когда она попадалась на дорогѣ, и останавливался только для того, чтобы въ бѣшеномъ ревѣ выразить весь безсильный, но страшный гнѣвъ Цезаря, запертаго въ тюрьмѣ.

— Пож-жалуйте, господа! Нач-чинается объясненіе звѣрей. Пож-жалуйте! — закричалъ у входа сторожъ-нѣмецъ.

Господа, въ числѣ которыхъ было: десять-двѣнадцать дамъ съ дѣтьми и няньками, нѣсколько гимназистовъ и юнкеровъ и человѣкъ тридцать хорошо одѣ-

тыхъ мужчинъ, подошли и окружили сторожа. Остальная публика глазѣла сзади, изъ-за барьера. Сторожъ сталъ спиною къ первой клѣткѣ и, постукивая за спиной палочкой по рѣшеткѣ, началъ объясненіе:

— А вотъ-съ ам-мериканскій дико-образъ. Тѣло его снабжено длинными колючими иглами, которыя онъ бросаетъ въ преслѣдующихъ его враговъ...

Объясненіе свое онъ проговорилъ заученнымъ тономъ, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ самому дикобразу, и перешелъ къ слѣдующему номеру.

— А вотъ-съ черная пантера, или черная смерть, называется иначе гробокопательница. Разрываетъ могилы и пожираетъ трупы съ кожей, съ костями и даже съ волосами. Пос-сторонитесь, господа. Дѣтямъ не видно...

Публика наклонялась къ рѣшеткѣ, но ничего не видала, кромѣ двухъ зеленыхъ горящихъ глазъ въ самомъ углу клѣтки.

— Може тамъ никакой пантеры нема? — замѣтилъ съ галлереи чей-то голосъ.

Потомъ сторожъ объяснялъ гамадрилла, который «ходитъ гулять на люна, а если нѣтъ люна, то безъ люна, и кушаетъ яйца крокодила». Затѣмъ онъ показывалъ находящагося въ ящикѣ «змѣя Кейлонъ съ острова Цейлонъ». Этотъ змѣй не ядовитъ, только мускуломъ давитъ, а самого его видѣть нельзя, потому что «если ящикъ открывайтъ, — змѣй бистро убѣгайтъ».

Наконецъ толпа остановилась передъ клѣткой льва.

— А вотъ африканскій левъ. Называется Цезарь. Стòитъ 25.000 марокъ. И со своей львицей, стòящей 11.000 марокъ, — запѣлъ сторожъ.

Затѣмъ въ его рукахъ очутилась неизвѣстно откуда появившаяся жестяная кружка, и онъ, потряхивая находящимися въ ней мѣдяками и протягивая ее публикѣ, сказалъ:

— Сейчасъ начнется блестящее представленіе: укрощеніе львовъ и кормленіе дикихъ звѣрей. Пожертвуйте, господа, кто что̀ можетъ, въ пользу служащихъ звѣринца.

И въ это время свободной рукой онъ зазвонилъ въ колокольчикъ, возвѣщающій начало представленія. Десять евреевъ-музыкантовъ грянули веселый маршъ.

— Карльхенъ, звонятъ, — сказала чистенькая старая нѣмка, выходя изъ-за своей кассы и отворяя дверь въ уборную, гдѣ одѣвался укротитель.

— Сейчасъ,—отвѣтилъ Карльхенъ.—Затворите, мама, дверь. Холодно.

Карлъ Миллеръ, братъ хозяина звѣринца, стоялъ въ крошечной дощатой уборной, передъ зеркаломъ, уже одѣтый въ розовое трико съ малиновымъ бархатнымъ перехватомъ ниже живота. Старшій братъ, Іоганнъ, сидѣлъ рядомъ и зоркими глазами слѣдилъ за туалетомъ Карла, подавая ему нужные предметы. Самъ Іоганнъ былъ сильно хромъ (ему ручной левъ исковеркалъ правую ногу) и никогда не выходилъ въ качествѣ укротителя, а только подавалъ брату въ клѣтку обручи, бенгальскій огонь и пистолеты.

— Вотъ румяна,—сказалъ Іоганнъ, протягивая брату коробку. — Положи немного.

Карлъ, дѣйствительно, былъ блѣденъ. При первыхъ же звукахъ музыки онъ почувствовалъ, какъ кровь сбѣжала съ его лица и горячей волной прихлынула къ сердцу, и какъ руки его похолодѣли и пріобрѣли какую-то особенную цѣпкость. Но это волненіе не было волненіемъ трусости. Уже два года Карлъ укрощалъ львовъ и каждый день испытывалъ одно и то же чувство — подъема нервовъ.

Музыка, трико, боязливое и почтительное любопыт-

ство толпы, бенгальскій огонь, наконецъ, приливъ воли и отваги во время представленія въ клѣткѣ и страшная нравственная сила, которую онъ въ это время чувствовалъ во всемъ своемъ существѣ и особенно во взорѣ, заставлявшемъ льва робко пятиться въ уголъ — все это заранѣе, еще при одѣваніи, волновало его.

Положивъ на щеки слой румянъ и подведя карандашомъ нижнія и верхнія вѣки, отчего глаза стали громадными и заблестѣли, Карлъ надѣлъ на шею малиновый воротникъ, украшенный аграмантомъ съ блестками, и посмотрѣлся въ зеркало. На него глянуло смѣлое и взволнованное, очень красивое лицо, съ крутымъ, упрямымъ подбородкомъ, съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими съ дерзкой улыбкой.

— Хлыстъ! — приказалъ отрывисто Карлъ, поправляясь передъ зеркаломъ.

Старшій братъ поспѣшно подалъ ему длинный бичъ, а самъ отошелъ къ дверямъ, чтобы ихъ широко отворить передъ выходомъ Карла, и заботливо ощупалъ въ карманѣ револьверъ...

Карлъ швырнулъ зеркало на комодъ и сдѣлалъ руками и ногами нѣсколько быстрыхъ движеній, чтобы размяться. Братъ посмотрѣлъ на него вопросительно. Карлъ мотнулъ головой и изъ растворенной Іоганномъ двери вышелъ эластичной, поспѣшной походкой въ звѣринецъ. Іоганнъ шелъ сзади и звонилъ, а чистенькая старушка изъ-за кассы украдкой крестила молодого сына, красавца и своего любимчика.

За десять шаговъ до клѣтки Карла остановилъ сторожъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на-ухо. Это была дурная примѣта. Укротитель никогда не долженъ останавливаться ни на одну секунду, потому что звѣрь слѣдитъ за нимъ глазами съ самаго выхода его изъ уборной.

— Цезарь безпокоится? Рычитъ? — переспросилъ

Карлъ умышленно громко, играя передъ публикой безстрашіемъ. — О! Это пустяки. Онъ сейчасъ будетъ у насъ, какъ овечка.

Цезарь стоялъ, прижавшись лицомъ къ самой рѣшеткѣ. Его кошачьи рыжіе глаза съ громадными зрачками блестѣли жадно и пугливо въ то же время. Бѣшенство, не проходившее у него до сихъ поръ, внезапно разрослось при видѣ знакомой фигуры въ розовомъ трико, на которую онъ нарочно не смотрѣлъ, но за всѣми движеніями которой слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ хищника.

Карлъ быстро прошелъ среди разступившихся зрителей, ловко вспрыгнулъ на три ступеньки приставной лѣстницы и очутился въ предохранительной клѣточкѣ, изъ которой желѣзная дверца отворялась внутрь большой клѣтки. Но едва онъ взялся за ручку, какъ Цезарь однимъ прыжкомъ очутился у дверцы, налегъ на нее головой и заревѣлъ, обдавая Карла горячимъ дыханіемъ и запахомъ гнилого мяса.

— Цезарь, назадъ!.. — крикнулъ Карлъ и, нарочно приблизивъ къ рѣшеткѣ лицо, устремилъ на звѣря пристальный взглядъ. Но левъ выдержалъ взглядъ, не отступалъ и скалилъ зубы. Тогда Карлъ просунулъ сквозь рѣшетку хлыстъ и сталъ бить Цезаря по головѣ и по лапамъ.

Цезарь ревѣлъ, но не отступалъ и не отводилъ глазъ.

— Довольно! — крикнулъ кто-то изъ глубины публики. — Довольно! — подхватила единодушно вся толпа.

— Оставь! — сказалъ Іоганнъ тихимъ и тревожнымъ голосомъ и подъ плащомъ, незамѣтно, вытащилъ изъ кармана револьверъ.

— Нѣтъ! — отрѣзалъ сердито Карлъ и опять ударилъ изо всей силы льва по головѣ. — Цезарь, назадъ!

Но Цезарь внезапно взвился во весь ростъ и ударилъ

лапой въ рѣшетку съ такой силой, что вся клѣтка задрожала.

— Довольно! Перестаньте! — кричали зрители и оставались въ то же время, точно прикованные, не трогаясь съ мѣста.

— Огня! — крикнулъ Карлъ.

Минутный припадокъ нерѣшительности, который онъ испыталъ-было сначала при непослушаніи льва, уступилъ теперь мѣсто озлобленію, и онъ рѣшился во что бы то ни стало заставить звѣря повиноваться.

Іоганнъ выхватилъ изъ жаровни, принесенной сторожемъ, раскаленный желѣзный прутъ и передалъ его брату вмѣстѣ съ зажженной палочкой искристаго бенгальскаго огня.

Ослѣпленные огнемъ зрители не замѣтили быстраго движенія Карла, но увидали, какъ Цезарь съ громкимъ стономъ боли отскочилъ отъ двери, и въ ту же секунду укротитель очутился въ клѣткѣ.

Въ звѣринцѣ сдѣлалось совсѣмъ тихо, слышно было только какъ шипѣлъ бенгальскій огонь въ рукѣ у Карла да стоналъ и ворчалъ Цезарь въ углу клѣтки.

Что̀ затѣмъ произошло — никто не могъ дать себѣ отчета. Послышался потрясающій крикъ Карла, ужасный ревъ Цезаря и львицы, три оглушительныхъ выстрѣла, испуганные крики зрителей и безумный, отчаянный старческій вопль: «Карльхенъ! Карльхенъ! Карльхенъ!..»

На полу клѣтки лежалъ Карлъ, весь истерзанный, съ переломанными руками, ногами и ребрами, но еще живой; сзади него львица, которой пуля Іоганна попала въ черепъ, и рядомъ съ ней—въ послѣдней агоніи—Цезарь.

Блѣдные, перепуганные зрители стояли вокругъ клѣтки въ нѣмомъ ужасѣ и не трогались съ мѣста, несмотря на упрашиванія сторожа оставить звѣринецъ.

НАДЪ ЗЕМЛЕЙ.

Заранѣе извиняюсь, что мнѣ придется говорить слишкомъ много о самомъ себѣ, т.-е., вѣрнѣе, о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Но какъ иначе преломить ихъ, какъ не черезъ собственное сознаніе? Не вѣрьте никому, кто вамъ скажетъ, что онъ не испытывалъ передъ первымъ воздушнымъ полетомъ нѣчто, похожее на страхъ. Этотъ человѣкъ, навѣрное, хвастунъ. Но страхъ этотъ живетъ только въ воображеніи. Ложась спать въ ночь передъ поднятіемъ на шарѣ, я представилъ себѣ мысленно громадную высоту, съ которой я буду смотрѣть внизъ на людей и дома, и у меня сердце сжалось отъ мгновеннаго ужаса. Совершенно то же самое я испытывалъ и въ ночь передъ первой медвѣжьей облавой. Можетъ-быть, это происходило только отъ того, что мы, художники, больше, сильнѣе и полнѣе живемъ своимъ воображеніемъ, чѣмъ дѣйствительностью? Отъ того, что ожиданіе и воспоминаніе волнуютъ насъ несравненно больше самой жизни? Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствительность оказалась вовсе не страшной, а легкой и радостной. Немного, правда, утомительны были совѣты и предостереженія друзей. Одинъ предостерегалъ меня отъ 13 числа, въ которое я долженъ былъ подняться. Другой по-товарищески обратилъ мое вниманіе на то, что у насъ на дачѣ по вечерамъ около террасы воетъ собака. Третій пугалъ

меня капризными вѣтрами равноденствія. Четвертый, пятый и шестой добросовѣстно разсказывали о всѣхъ случаяхъ катастрофъ съ воздушными шарами, о которыхъ имъ только приходилось читать или слышать. Впрочемъ, я ни одной секунды не сомнѣваюсь въ томъ, что все это было вызвано только дружеской заботой обо мнѣ.

Въ 8 часовъ утра 13-го сентября я проснулся и первымъ дѣломъ поглядѣлъ въ окно. Небо было туманное, облака неподвижны, хотя верхушки акацій раскачивались и гнулись въ стеклянномъ переплетѣ окна. Изъ этихъ маленькихъ наблюденій я твердо заключилъ, что полетъ нашъ будетъ совершенно благополучнымъ. На аэродромъ я поѣхалъ слишкомъ рано, къ 11 часамъ. Конечно, первое, что̀ я увидѣлъ, это былъ шаръ. Но онъ вовсе не былъ похожъ на шаръ, а на шляпку гриба, только величиною въ главный соборный куполъ, желтаго цвѣта, похожаго на цвѣтъ желтаго пластыря. Эта огромная грибная шляпка, слегка покачиваясь, вздувалась и опадала. Зрѣлище это меня немного удивило. До сихъ поръ я ни разу въ жизни не видалъ аэростата и по своей неопытности и легкомыслію предполагалъ, что это что-нибудь въ родѣ дѣтскихъ игрушечныхъ шаровъ, которые гроздьями продаются на улицахъ, только, конечно, немного большаго размѣра. Я подошелъ, пощупалъ матерію шара — она оказалась плотности пароходнаго брезента, понюхалъ и убѣдился, что она пахнетъ масляной краской, услышалъ легкій и довольно противный запахъ свѣтильнаго газа, но рѣшительно не понялъ ничего изъ того, что̀ здѣсь происходило. Еще замѣтилъ, какъ понемногу выросталъ этотъ желтый грибъ, принимая форму груши, раздавленной и перевернутой внизъ черенкомъ, растягивая и расширяя надѣтую сверхъ него сѣтку; замѣтилъ ловкую, чрезвычайно спокойную работу чиновъ морского батальона: по мѣрѣ наполненія и выростанія шара, они ме-

тодически, съ петли сѣтки на петлю, все ниже и ниже перецѣпляли мѣшки съ балластомъ — зеленые небольшіе мѣшки съ крючками наверху. Мнѣ сказали, что шаръ будетъ готовъ къ 2 часамъ, и въ 2 часа я опять пріѣхалъ на аэродромъ. Было уже довольно много народу, преобладали мужчины, и большинство тѣснымъ чернымъ кольцомъ толпилось около шара. Мнѣ сейчасъ же показали меня. Я ходилъ по аэродрому въ синемъ англійскомъ костюмѣ съ красной феской на головѣ. За мной ходили, разинувъ рты, мальчишки, которые, какъ извѣстно, всегда рады каждому необычному происшествію. Я слышалъ, какъ одинъ увѣрялъ другого: «Ну, вотъ, разсказывай больше. Я знаю Куприна: онъ всегда въ фескѣ ходитъ».—«Да! Въ фескѣ! А отчего же онъ такой черный и большой?» При ближайшемъ разсмотрѣніи, я убѣждаюсь, что это не я, а мой пріятель борецъ Мурзукъ, негръ. Я съ удовольствіемъ здороваюсь съ этимъ спокойнымъ, сильнымъ человѣкомъ. Тотчасъ же встрѣчаю другого пріятеля — Ярославцева. У насъ съ нимъ вышелъ недавно довольно горячій споръ о сравнительныхъ преимуществахъ французской борьбы и англійскаго бокса. Я увѣрялъ его въ томъ, что всякій видъ спорта долженъ заключать въ себѣ хотя бы оттѣнокъ риска, пренебреженія къ боли и презрѣнія къ смерти. Онъ же стоялъ за пластическую красоту позъ и движеній, шутя повторяя причудливое выраженіе Киплинга о крови, какъ о «красномъ соусѣ». Мы проспорили наканунѣ цѣлый вечеръ. И вотъ теперь, лукаво щуря лѣвый глазъ, пожимая мнѣ руку и улыбаясь, онъ спрашиваетъ вполголоса: «Что, захотѣлось краснаго соуса?» Но сказано это благодушно, веселымъ, ободряющимъ тономъ.

Наступаетъ еще нѣсколько томительныхъ моментовъ: тащатъ сниматься, щелкаютъ кодакомъ одинъ разъ, другой, третій, просятъ не шевелиться, наклонить голову

влѣво, вправо, назадъ и принять непринужденный видъ.

Около $2^1/_2$ часовъ. Небо синее, глубокое, по-осеннему спокойное. И на немъ точно заснули бѣлыя, свѣтлыя облака грядистыя. Теперь уже ни одинъ листокъ на деревьяхъ не шевелится. Наступаетъ моментъ подъема. Мы только-что кончили фотографироваться. Нашъ пилотъ, С. И. Уточкинъ, говоритъ, что уже время садиться въ корзинку. Къ этой корзинкѣ мы, трое новичковъ — И. М. Хейфецъ, редакторъ «Одесскихъ Новостей», И. А. Гореликъ, сотрудникъ-корреспондентъ «Русскаго Слова», и я—пробираемся съ очень большимъ трудомъ сквозь толпу, обступившую шаръ. Матросы морского батальона и нѣсколько городовыхъ горячо убѣждаютъ зрителей не наступать на веревки. Неожиданную, но дружную услугу намъ оказываютъ нѣсколько студентовъ и газетныхъ сотрудниковъ, которые цѣпью, взявшись за руки, расширяютъ кругъ. Уточкинъ виситъ уже подъ самымъ шаромъ на какомъ-то канатѣ и на какомъ-то, совершенно непонятномъ для меня, спеціальномъ языкѣ отдаетъ послѣднія распоряженія, которыя неторопливо, но быстро и ловко исполняются матросами. Я мысленно спрашиваю свое сердце: «Не страшно?» Прислушиваюсь и не замѣчаю въ себѣ ничего, кромѣ боязни показаться смѣшнымъ или неловкимъ. Весело! Пилотъ говоритъ, что можно садиться въ корзинку. Легко сказать — садиться, но какъ туда влѣзешь вчетверомъ? Корзинка не больше, какъ мнѣ по поясъ; въ верхнемъ обрѣзѣ два квадратныхъ аршина, книзу немного суживается, да тутъ еще 8 канатовъ, которые подтягиваютъ ее къ шару, и въ которыхъ никакъ не распутаешься, а надъ головой, на высотѣ 2 саженъ, стоитъ желтый пузырь, распирающій петли надѣтой на немъ сѣтки и заслоняющій все небо. Садимся со всей смѣхотворной неловкостью, на которую только способны

новички. Быстро вглядываюсь въ лица обоихъ моихъ литературныхъ коллегъ. Ничего. Лица спокойны, ихъ цвѣтъ не измѣнился, но въ глазахъ немного больше сосредоточенности, чѣмъ обыкновенно. Въ послѣдній моментъ одному изъ нихъ матросъ бросаетъ на колѣни спасательный поясъ и говоритъ быстро, вполголоса: «Держите около себя, потомъ некогда будетъ разбираться, надѣвайте не на грудь, а на животъ!»

Бѣгло оглядываю плотное кольцо зрителей, и тутъ мнѣ становится чуть-чуть непріятно. Съ несомнѣнной ясностью я вижу во многихъ жажду кроваваго представленія и читаю въ нихъ затаенную, можетъ-быть, для нихъ самихъ темную, мысль: «А вдругъ?» Особенно меня поражаетъ физіономія какого-то молодого парня въ грязной блузѣ цвѣта хаки. На головѣ у него старая рыбачья шапка съ широкими опущенными внизъ полями. Врядъ ли онъ трезвъ. Влажные и тупые глаза его съ безсмысленною жадностью устремлены на насъ. Онъ покачивается и, повидимому, весь — точно въ кошмарномъ снѣ. Его отталкиваютъ и довольно безцеремонно. Но онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Онъ весь, всѣми своими чувствами, всей душой погрузился въ невиданное, жуткое, пряное зрѣлище. Не дай Богъ увидѣть такое сумбурное лицо когда-нибудь на баррикадахъ или во время погрома!

Пилотъ отдаетъ внизъ, командѣ, какія-то распоряженія о какихъ-то концахъ, которые нужно куда-то отдать. Толпа придвигается ближе, настолько ближе, что никакія увѣщанія на нее уже больше не дѣйствуютъ

«П-п-поберегите в-ваши шапки! — кричитъ весело на публику пилотъ: — я м-могу ихъ нечаянно сбить к-корзинкой!» Онъ немного заика, но голосъ его звучитъ очень язвственно, раздѣльно и внушительно. Затѣмъ... затѣмъ всѣ люди внизу вдругъ почему-то кажутся странно ма-

ленькими. Только благодаря этому я сознаю, что мы уже полетѣли. Совсѣмъ напрасно меня предупреждали о томъ, что первыя секунды подъема на аэростатѣ сопряжены со страданіями, нѣсколько напоминающими приступы морской болѣзни и происходящими отъ раскачиванія корзины. Я положительно увѣряю, что даже не замѣтилъ момента отдѣленія отъ земли. Я едва-едва успѣлъ только разглядѣть нѣсколько знакомыхъ лицъ, различить нѣсколько дружескихъ улыбокъ и услышать гулъ невнятныхъ криковъ. Быстро-быстро мелькнуло сѣрое платье, большая черная шляпа надъ золотыми волосами и прелестное тонкое лицо талантливой артистки Ю. Вслѣдъ затѣмъ, когда я еще разъ поглядѣлъ внизъ,—площадь аэродрома представилась мнѣ маленькимъ бѣлымъ четырехугольникомъ, по которому ходили крошечные люди. Странно: мнѣ показалось, что ихъ не болѣе, чѣмъ пятьдесятъ человѣкъ, хотя я зналъ навѣрное, что ихъ тамъ больше тысячи. На ярко-бѣломъ фонѣ плаца аэродрома, подъ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ осенняго южнаго солнца, черныя фигуры мужчинъ и пестрые костюмы женщинъ производили сверху впечатлѣніе какого-то движущагося, опрятнаго, живого цвѣтника. Поразительно было глядѣть на людей сверху внизъ: казалось, что движутся только однѣ головы, а подъ ними переступаютъ носки ногъ, а около нихъ чернѣютъ длинныя тѣни, и казалось, что всѣ эти люди только перебираютъ ногами на мѣстѣ, не переступая ни на шагъ впередъ. Но всего необыкновеннѣе было ощущеніе внезапной полной оторванности отъ людей. Точно мы остались во всемъ мірѣ вчетверомъ въ маленькой корзинкѣ, и никому уже больше нѣтъ до насъ дѣла, такъ же, какъ и намъ до нихъ.

Проходитъ не больше двухъ минутъ. Вся Одесса лежитъ подъ нами, точно карта города, изданная городской управой, гдѣ улицы оставлены бѣлыми, кварталы — иллю-

минованы краснымъ и желтымъ, а море обозначено голубымъ. Еще двѣ минуты—и весь этотъ видъ точно придавливается грязноватымъ туманомъ, въ которомъ едва различаешь фабричныя трубы и колокольни церквей. Съ трудомъ различаю внизу неподвижно стоящую на мѣстѣ конку и пару лошадей, которыя, не подвигаясь впередъ, перебираютъ ногами; лошади величиною съ пару майскихъ жуковъ. Къ моему удивленію, мы уже утолклись и размѣстились въ тѣсной корзинѣ. На днѣ ея, подъ нашими ногами лежатъ: корзина съ провизіей, зеленые мѣшочки съ балластомъ, толстый, свернутый спиралью, гайдропъ, бунтъ якорнаго каната и полуторапудовый четырехлапый якорь. И, несмотря на это, намъ уже почти просторно. Мои товарищи по поѣздкѣ обращаютъ мое вниманіе на красоты видовъ, которые разстилаются подъ нами, узнаютъ площади, называютъ церкви — Покровскую и Успенскую и еще какую-то, но я совершенно равнодушенъ къ ихъ увлеченію. Все, что я вижу подъ собой, мнѣ представляется не болѣе, чѣмъ скучной, ничего не говорящей моей душѣ, какой-то выдуманной и совсѣмъ неинтересной картой. И это чувство равнодушія къ землѣ настолько сильно, что оно меня самого удивляетъ. Шаръ идетъ вверхъ, но движеніе его совершенно для насъ незамѣтно. Мы стоимъ на мѣстѣ. Испытываю лишь ощущеніе невѣсомости собственнаго тѣла и странной неустойчивости ногъ, — то же ощущеніе, какое я испытывалъ однажды, опускаясь при свободномъ паденіи вагонетки въ глубину юзовской шахты.

Я замѣчаю объ этомъ пилоту. Онъ достаетъ изъ кармана листокъ бумаги, отрываетъ отъ него уголъ и выбрасываетъ за корзину шара. Клочокъ бумаги мгновенно падаетъ внизъ и исчезаетъ изъ глазъ. Мы подымаемся. Время отъ времени Уточкинъ вынимаетъ изъ кармана какой-то круглый металлическій приборъ, смотритъ на него

и сообщаетъ высоту, на которой мы находимся: 300, 400, 500, 600 метровъ. Теченіемъ вѣтра насъ несетъ къ Большому Фонтану. Иногда пилотъ съ поразительнымъ спокойствіемъ и съ ловкостью обезьяны взбирается вверхъ по канату и что-то тамъ поправляетъ. Признаюсь: я бы не рѣшился вести себя такимъ образомъ на высотѣ, превосходящей въ три раза Эйфелеву башню.

Кто-то изъ насъ спрашиваетъ: «Это и есть та самая красная веревка, за которую нельзя дергать?» Тутъ въ краткихъ словахъ С. И. Уточкинъ объясняетъ намъ назначеніе клапанной верезки и апендицитнаго приспособленія: послѣднее употребляется только при неожиданно быстрыхъ спускахъ, и назначеніе его—мгновенно превратить аэростатъ въ парашютъ; собою же оно представляетъ какой-то маленькій смѣшной мѣшочекъ, висящій изъ-подъ шара надъ нашими головами. «Я къ этой гадости никогда не прибѣгаю,—говоритъ съ шутливой презрительностью Уточкинъ:—потому что я могу васъ спустить на любой точкѣ, какую вы мнѣ укажете. И вамъ ее трогать не совѣтую». Мнѣ приходитъ въ голову воспоминаніе о нѣкоторыхъ газетныхъ кривотолкахъ, и я стараюсь представить себѣ самого себя въ положеніи человѣка, летящаго внизъ вмѣстѣ съ шаромъ со страшной быстротой вслѣдствіе какой-нибудь порчи въ аэростатѣ. И я понялъ съ непоколебимой ясностью, что, спасая себя при паденіи, аэронавтъ можетъ ухватиться только за боковые канаты, соединяющіе корзину съ шаромъ. Въ нихъ руки инстинктивно чувствуютъ единственную связь, соединяющую ноги, отдѣленныя отъ земли, съ огромнымъ желтымъ пузыремъ, который неподвижно виситъ надъ вами и незамѣтно для васъ плыветъ и поднимается въ воздухѣ, закрывая отъ насъ небо. 750 метровъ. Я нарочно гляжу внизъ, стараясь вызвать въ себѣ очень знакомое мнѣ чувство боязни высоты. Но это мнѣ никакъ не удается.

Очевидно, на такой высотѣ это чувство совсѣмъ исчезаетъ. Вообще мнѣ кажется, что я нахожусь въ какомъ-то сладкомъ, легкомъ, спокойномъ и лѣнивомъ снѣ, въ которомъ забываешь о времени и пространствѣ. Наши ощущенія уже въ достаточной мѣрѣ устоялись. Къ высотѣ, на которой мы находимся, и къ нашему, не совсѣмъ обычному положенію мы уже настолько привыкли, что можемъ свободно разговаривать. Пилотъ, не выпуская изъ рукъ анероида, любезно и обстоятельно отвѣчаетъ на наши вопросы... Впрочемъ, о С. И. Уточкинѣ, объ этомъ наиболѣе своеобразномъ человѣкѣ, какого я только видѣлъ въ своей жизни, я долженъ—извиняюсь передъ нимъ за нескромность — поговорить подробнѣе. Да и то сказать: если есть въ Одессѣ два популярныхъ имени, то это имена Бронзоваго Дюка, стоящаго надъ бульварной лѣстницей, и С. И. Уточкина.

Уточкинъ — это кумиръ рыбаковъ, велосипедистовъ, всѣхъ званій и возрастовъ, женщинъ, жадныхъ до зрѣлищъ, и уличныхъ мальчишекъ. Онъ самъ разсказываетъ о себѣ въ юмористическомъ тонѣ: «Я очень п-популяренъ въ Одессѣ. Когда я ѣду по улицѣ на машинѣ, то уличные мальчишки бѣгутъ за мною и дразнятся: «Уточкинъ, рыжій песъ». И дѣйствительно: онъ рыжъ, этотъ рыжеволосый, свѣтлорѣсницый, синеглазый человѣкъ выше средняго роста, съ головой, уходящей немного между плечъ, короткошеій и длиннорукій, и — правда, что въ его неширокомъ, но плотномъ сложеніи невольно чувствуются звѣринная ловкость, сила и находчивость. Вѣрно и то, что дѣти съ ихъ тоже звѣриной наблюдательностью очень рѣдко ошибаются въ своихъ мѣткихъ прозвищахъ. Онъ самый страстный спортсменъ въ мірѣ, какого только можно себѣ вообразить. Онъ перепробовалъ почти всѣ виды спорта, но, достигнувъ въ каждомъ изъ нихъ верха, тотчасъ же переходилъ къ другому спорту.

Такъ, онъ сдѣлался первоклассным циклистомъ и пріобрѣлъ себѣ извѣстность на всѣхъ циклодромахъ Европы; потомъ его увлекли автомобильныя состязанія, во время которыхъ онъ развивалъ страшную скорость — по полтораста километровъ въ часъ; затѣмъ парусныя гонки, затѣмъ самый свирѣпый и кровавый боксъ, затѣмъ уже полеты на аэростатахъ. И повсюду онъ достигалъ наивозможнаго совершенства. Теперь онъ бредитъ аэропланами. Но спортсменъ вовсе не убилъ въ немъ чрезвычайно интересной индивидуальности: онъ остроуменъ, изященъ въ разговорѣ, внимательно слѣдитъ за литературой и любимый его писатель— Кнутъ Гамсунъ, особенно его «Панъ», въ которомъ разлито такъ много той прекрасной звѣриности, что̀, къ сожалѣнію, почти исчезла уже у современнаго человѣка.

— Опасность отъ полета, — отвѣчаетъ онъ на чей-то немного безпокойный вопросъ: — равняется приблизительно отношенію одного процента къ милліону. Но опасность спуска можно учесть какъ одинъ къ восьмистамъ. Но и здѣсь всего непріятнѣе — не возможность паденія или ушиба, а издѣвательство окрестныхъ крестьянъ, къ которымъ поневолѣ приходится обращаться за помощью и за подводами.

Между тѣмъ мы уже на высотѣ 900 метровъ. Ощущеніе ровнаго, блаженнаго, неизъяснимаго покоя все больше окутываетъ какимъ-то сладкимъ сномъ тѣло и душу. Гляжу внизъ на распластанные, плоскіе кварталы пригородовъ и все яснѣе чувствую, что ничто въ мірѣ меня уже больше не связываетъ съ землею. Думаю мимолетно: «Съ какимъ безконечнымъ равнодушіемъ долженъ былъ бы глядѣть сверху внизъ на нашу незначительную, а для насъ такую важную земную жизнь кто-нибудь, вѣчно глядящій на нее съ высоты облаковъ». Непріятно лишь одно физическое чувство — чувство давленія воздуха въ ушахъ

на барабанную перепонку. Такое непріятное чувство я испытывалъ какъ-то давно въ банѣ на полкѣ, когда на каменку вдругъ поддавали пару. Непріятно и еще одно: на аэростатѣ, какъ извѣстно, запрещается курить, во избѣжаніе взрыва свѣтильнаго газа, наполняющаго шаръ. Зная это и боясь инстинктивной привычки, я не взялъ съ собою папиросъ. И вотъ теперь то и дѣло лѣзу привычнымъ жестомъ въ карманъ и каждый разъ испытываю мелочное, но противное разочарованіе. Случайно взглянувъ внизъ, замѣчаю парящихъ надъ городомъ какихъ-то бѣлыхъ птицъ, должно-быть, голубей. Тутъ же вспоминаю, что послѣдними звуками, которые до насъ доносились съ земли, были звуки человѣческаго свиста—это, должно-быть, привѣтствовали нашъ полетъ одесскіе мальчуганы. Пилотъ предлагаетъ намъ испробовать полетъ надъ самой землей на высотѣ ста метровъ. Онъ говоритъ, что лишь на этой сравнительно малой высотѣ, когда человѣческій глазъ способенъ почти точно опредѣлять разстоянія, только и чувствуется весь ужасъ бездны. Мы соглашаемся. Онъ посредствомъ тонкаго краснаго шнура открываетъ клапанъ, и газъ струится изъ него съ легкимъ ропотомъ. Мы начинаемъ быстро опускаться. «700... 500.. 300... 200... 80 метровъ»,—отсчитываетъ пилотъ вслухъ по инструменту. Легкое безпокойство овладѣваетъ нами. Я вырываю листокъ изъ моей записной книжки и выбрасываю его за бортъ корзины. Листокъ тотчасъ же, какъ вздернутый на ниткѣ, пропадаетъ вверху. Во избѣжаніе толчка на неудобномъ мѣстѣ приходится снова подниматься кверху. Это мы продѣлываемъ такъ быстро, выбрасывая изъ мѣшковъ балластъ, что черезъ двѣ минуты уже находимся на высотѣ 1250 метровъ — самая высшая точка нашего полета. Здѣсь мы останавливаемся и плывемъ нѣкоторое время по вѣтру. Быстрый подъемъ и большая высота сильнѣе

даютъ себя знать все увеличивающейся болью въ ушахъ. Когда говоришь, то звуки словъ выходятъ такими глухими и слабыми, что хочется поневолѣ кричать, но чувствуешь, какъ невозможно кричать на этой высотѣ. Но зато какая глубокая тишина, какая чудесная неподвижность, какое волшебное забвеніе о времени! Ахъ, не даромъ всѣ народы въ своихъ религіяхъ помѣщали загробный рай на небѣ.

Наверху становится замѣтно холодно, и даетъ знать о себѣ аппетитъ. Г. Гореликъ любезно беретъ на себя обязанности хозяина и хлопочетъ надъ корзинкой съ провизіей. Редакторъ любуется сверху видомъ города, который все болѣе и болѣе исчезаетъ въ сѣромъ туманѣ. Я сижу на днѣ корзины, подготовляя, по указаніямъ пилота, якорный канатъ. С. И. Уточкинъ стоитъ, наклонившись надъ бортомъ корзины: въ правой рукѣ у него анероидъ, на который онъ смотритъ не отрываясь, а въ лѣвой—холодная жареная перепелка. Теперь мы плывемъ уже внѣ города, надъ пустыми вспаханными полями, спокойно темнѣющими своими правильными геометрическими фигурами. И по нимъ медленно плыветъ тѣнь, бросаемая нашимъ шаромъ.

Кстати, о тѣни. Мои друзья, больше-фонтанскіе рыбаки, наблюдавшіе все время за полетомъ шара, въ одинъ голосъ увѣряли меня на другой день, что какъ разъ въ моментъ нашего наивысшаго подъема, мимо аэростата промелькнуло съ большой скоростью и опередило нѣчто большое и черное, похожее на крестъ. Нѣкоторые изъ нихъ предполагали, что это была большая стая перелетныхъ птицъ, быстро обогнавшая насъ. Не была ли это тѣнь отъ нашего шара, упавшая на облака? Тѣмъ болѣе, что солнце въ этотъ часъ уже заходило, и лучи его были косы...

Теперь пора уже спускаться. Это извѣстно пилоту по

его какимъ-то таинственнымъ наблюденіямъ надъ поведеніемъ шара. Спускаемъ гайдропъ и выбрасываемъ понемногу якорь. Я помогаю Уточкину въ его работѣ, разматывая свернутые бунты канатовъ. Съ гайдропомъ у меня все выходитъ благополучно, но съ якорнымъ канатомъ получается маленькій скандалъ. Благодаря своему усердію, я запутываю нѣсколько аршинъ въ безобразный клубокъ, который къ моему стыду болтается между нами и землей.

— Это ничего, — деликатно утѣшаетъ меня С. И. Уточкинъ.— Это постоянно случается.

Вотъ мы и совсѣмъ уже близко надъ землей. И опять странное ощущеніе. Чѣмъ яснѣе вырисовываются подъ нами квадраты черныхъ полей, потомъ ихъ борозды, и даже наконецъ земляные комья, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе возвращается ко мнѣ, снова все возрастая, вѣковѣчная любовь къ моей старой, прекрасной, доброй землѣ. Какая удивительная и обманчивая вещь — высота. Между тѣмъ нашъ гайдропъ уже стелется по землѣ, какъ длинная сѣрая змѣя, а рядомъ съ нимъ якорь бороздитъ почву, оставляя на ней черный двойной слѣдъ, похожій на гигантскую сколопендру. Мы сверху видимъ, какъ къ намъ поспѣшно бѣгутъ со всѣхъ сторонъ мѣстные крестьяне, даже различаемъ подъѣзжающій издали хорошей рысью фургонъ. Мы всего въ саженяхъ 20 надъ землей, но еще плохо представляемъ себѣ, въ какомъ мѣстѣ мы находимся. Пилотъ кричитъ крестьянамъ, чтобы они придержали конецъ гайдропа. Они исполняютъ это къ великой радости собравшихся тутъ же мальчишекъ, которые вѣшаются со смѣхомъ на натянутомъ канатѣ, раскачивая его, кривляясь и сотрясая нашу корзину.

Начинаются переговоры съ добрыми поселянами. Всего затруднительнѣе здѣсь то, что мы не только слышимъ то, что̀ они намъ кричатъ, но даже разбираемъ самыя интим-

ныя и не всегда пріятныя подробности ихъ мнѣній о насъ и о нашемъ положеніи. Такъ, напримѣръ, мы узнаёмъ о томъ, что разъ уже мы попались, то намъ безъ ихъ помощи некуда дѣваться, и потому можно взять съ насъ сколько угодно. Между тѣмъ, вслѣдствіе законовъ акустики, наши слова доносятся до нихъ съ такимъ трудомъ, что мы должны ихъ перекрикивать по три, по четыре раза. Начинается своеобразная торговля между двумя сторонами, раздѣленными высотою въ добрую колокольню. Уточкинъ предлагаетъ владѣльцу подъѣхавшей телѣги поднять нашъ якорь, положить его въ телѣгу и такимъ образомъ буксировать нашъ шаръ до Клейнъ-Либенталя, гдѣ назначена встрѣча съ идущими вслѣдъ за нами автомобилями. Поселяне просятъ 10 рублей. Уточкинъ кричитъ: «пять!». Поселяне послѣ совѣщанія, которое намъ очень ясно слышно, спускаютъ одинъ рубль. Мы съ своей стороны рѣшаемъ прибавить одинъ рубль. Для насъ, сидящихъ въ корзинѣ, эта торговля представляетъ только своего рода развлеченіе, отчасти вызванное радостной, опьяняющей близостью къ землѣ. Мальчишки продолжаютъ раскачиваться и взбираются по канату.

Но совершенно неожиданно на сцену, на которую мы смотримъ сверху, появляется какой-то дядя Власъ, очевидно, мѣстный мудрецъ и законникъ. Онъ твердо заявляетъ, что отродясь такихъ цѣнъ не бывало, и что брать съ насъ нельзя никакъ меньше, чѣмъ 25 рублей. «Потому что бываетъ, что шаръ унесетъ кверху и телѣгу и лошадей». Ей-Богу, можно подумать, что аэростаты спускаются къ нимъ по десять разъ въ день. Такая опытность! Но въ эту минуту какой-то юноша въ черной блузѣ и въ пенснэ, который во время длинныхъ переговоровъ съ добрыми поселянами былъ между нами посредникомъ и все время называлъ Уточкина почти-

тельно по имени и отчеству, вдругъ восклицаетъ: «Идетъ автомобиль!». Дѣйствительно къ намъ торопливо подходитъ бѣлый «Адлеръ», принадлежащій господину Цорну. Изъ другихъ автомобилей одинъ, благодаря очень грязной дорогѣ, опоздалъ немного, другой застрялъ въ грязи, а третій и совсѣмъ искалѣчился въ какой-то рытвинѣ. «Фердинандъ!—кричитъ кому-то Уточкинъ внизъ. — Отвяжи якорь, положи его въ автомобиль, а конецъ прикрѣпи сзади за ось». И вотъ, влекомые автомобилемъ за канатъ, мы медленно и плавно движемся впередъ къ деревнѣ Татаркѣ. Зрители бѣгутъ за нами. Черезъ 10 минутъ мы въ самомъ селеніи. Благодаря праздничному дню на главной улицѣ насъ уже дожидается громадная толпа изъ всѣхъ здѣшнихъ окрестныхъ жителей — мужчинъ и женщинъ.

Автомобиль останавливается. Но пилотъ не хочетъ спускаться въ этомъ мѣстѣ. «Здѣсь колючки, и можно поцарапать шаръ. Прошу васъ, господа, — обращается онъ къ намъ: — не выскакивайте изъ корзины до тѣхъ поръ, пока она не будетъ на землѣ. Я вамъ самъ скажу, когда будетъ можно». Автомобиль оттягиваетъ насъ на дорогу, и вотъ мы мягко, плавнѣе, чѣмъ на лифтѣ, соприкасаемся съ землею, между тѣмъ какъ огромный шаръ, освобождающійся отъ газа, тихо ложится сбоку насъ. И земля — ея темный видъ, ея могучій запахъ — мнѣ кажутся вновь чудесными и прекрасными. Мы вылѣзаемъ изъ корзины. Шаръ лежитъ теперь на землѣ толстыми, длинными, извилистыми складками, напоминающими огромныхъ желтыхъ гусеницъ. Кругомъ его — праздничная, немного дикая, немного пьяная толпа мѣстныхъ обывателей, которая съ каждой минутой становится гуще и гуще. Предстоитъ простая задача. Надо, чтобы не болѣе чѣмъ 5 человѣкъ походили по шару, чтобы выдавить изъ него послѣдніе остатки газа. Это займетъ не

болѣе 10 минутъ, а каждый рабочій заработаетъ за это время по 60 копеекъ. Но толпа требуетъ, чтобы непремѣнно каждому изъ здѣсь присутствующихъ дали именно по такой суммѣ, а всѣхъ ихъ не менѣе, чѣмъ 300 человѣкъ. Мудрый дядя Власъ шныряетъ между народомъ и подвинчиваетъ его. «Шаръ упалъ на нашей землѣ, стало-быть, онъ нашъ, — говорятъ поселяне: — захотимъ и вовсе не отдадимъ». Крестьяне лѣзутъ съ сапогами на нѣжную оболочку шара. Многіе изъ нихъ, несмотря на то, что мы до хрипоты убѣждаемъ ихъ въ опасности огня вблизи шара, преспокойно курятъ цыгарки. Съ большими усиліями приходится ихъ осаживать назадъ, наступая на ихъ ноги. Мальчишки въ дикомъ упоеніи носятся взадъ и впередъ и визжатъ. Я вижу, какъ Уточкинъ, согнувъ спину и широко разставивъ руки, медленно и осторожно тѣснитъ толпу назадъ. И вдругъ раздается провокаторскій возгласъ дяди Власа: «Хлопцы, онъ нашихъ дѣвокъ лапаетъ!». Понятно, что тутъ было вовсе не до лапанья, но Уточкинъ впослѣдствіи признавался, что это былъ самый рискованный моментъ во всемъ нашемъ путешествіи (кстати, прошедшемъ самымъ благопріятнымъ и изящнымъ образомъ). Однако нашъ пилотъ быстро и необыкновенно ловко нашелся. Подойдя къ тому, кто это сказалъ, вплотную, онъ крикнулъ: «П-по-погляди мнѣ въ глаза! Какъ ты смѣлъ это подумать? Что?» И странно: этотъ окрикъ сразу подѣйствовалъ. Черезъ нѣсколько минутъ опустѣвшій шаръ былъ уже сложенъ вдвое и вчетверо, втиснутъ въ корзину и втащенъ въ подводу. Мы расплатились. Правда, при этомъ появилось нѣсколько чудаковъ, изъ которыхъ одинъ требовалъ денегъ за то, что онъ первымъ увидѣлъ шаръ, другой— первымъ ухватился за канатъ, третій—за то, что понапрасну потерялъ время, а четвертый—просто по пьяному дѣлу. Совсѣмъ уже позднимъ вечеромъ мы нашли — и

то съ большимъ трудомъ — огромный рыдванъ, запряженный тремя клячами, случайно проѣзжавшій по этой дорогѣ съ дальними пассажирами. За огромную цѣну кучеръ взялся доставить до города насъ троихъ. Четвертый нашъ товарищъ еще раньше пріѣхалъ въ городъ на автомобилѣ. Мы тащились часовъ пять, слѣзая на крутыхъ пригоркахъ. Всѣхъ насъ, ѣдущихъ, оказалось восемь человѣкъ. Помню, что, отправляя руку въ карманъ за папиросами, я все ловилъ себя на мысли, что нельзя курить, и каждый разъ послѣ этого мнѣ бывало смѣшно. С. И. Уточкинъ говорилъ о своей любимой мечтѣ — объ аэропланахъ. Тутъ же оказалось, что всѣ его карманы наполнены кипами спеціальныхъ журналовъ по авіатикѣ. Съ восторгомъ разсказывалъ онъ о полетахъ Блеріо, Латама, Райта и другихъ, у которыхъ онъ учился и учится. Говорилъ о томъ, что на-дняхъ ѣдетъ въ Парижъ къ Вуазену. Уже настала ночь. Клячи едва передвигали ноги по грязной дорогѣ. Но неожиданно нашъ бывшій пилотъ замолчалъ. Нагнувшись близко, я поглядѣлъ на него. Откинувшись на спинку экипажа, онъ спалъ тѣмъ ровнымъ, глубокимъ, беззвучнымъ сномъ, какимъ неожиданно засыпаютъ только дѣти послѣ цѣлаго дня бѣготни. И почему-то въ этотъ моментъ я подумалъ, что совершенно правъ императоръ Вильгельмъ, который все собирается, но, по свойственной ему дальновидности, никакъ не соберется полетѣть съ Цеппелиномъ, но, право, будь я на мѣстѣ Василія Ѳедоровича, я бы, не задумавшись ни на одну секунду, полетѣлъ съ нашимъ пилотомъ на его будущемъ аэропланѣ, точно такъ же, какъ я пошелъ бы съ этимъ человѣкомъ на всякое предпріятіе, требующее смѣлости, риска, ума и звѣриной осторожности.

Теперь прошло два дня со времени нашего полета, и весь нашъ воздушный путь представляется мнѣ не какъ

дѣйствительность, а какъ необычайный фантастическій сонъ, видѣнный мною много лѣтъ тому назадъ. Ярче всего осталось только ощущеніе физической боли въ ушахъ и смѣшное чувство, когда вдругъ полѣзешь за папиросами въ карманъ, спохватишься, что нельзя курить, а потомъ больно вспомнишь, что ты не на воздушномъ шарѣ...

Оглавленіе

VI тома.

	стр.
Полубогъ	3
Леночка	22
Лунной ночью	37
Блаженный	50
Славянская душа	61
Искушеніе	73
Въ трамваѣ	86
Сказка	95
Чужой хлѣбъ	103
Брегетъ	111
Маріанна	122
Капризъ	129
Кляча	142
Страшная минута	148
Картина	170
Мясо	189
Печальный разсказъ. (О Комарѣ, Слонѣ и Верблюдѣ)	207
Черный туманъ. Петербургскій случай	209
Клоунъ. Пьеса въ одномъ дѣйствіи	225
Сентиментальный романъ	240
Наталья Давыдовна	251
По-семейному	257
Попрыгунья-стрекоза	265
Королевскій паркъ. Фантазія	273
Счастливая карта	281
Въ клѣткѣ звѣря	289

стр.

Тость 294
Демиръ-Кая. Восточная легенда 300
Счастье. Сказка 304
Сильнѣе смерти 307
Искусство 310
Allez! 311
Вечерній гость 318
Собачье счастье 325
Убійца 336
Брильянты 343
Бѣлыя ночи 347
Пустыя дачи 351
Столѣтникъ 355
Лолли 362
Исполины 373
Начальница тяги 379
Телеграфистъ 387
Въ звѣринцѣ 395
Надъ землей 404

670561
LR
K9655
1912
Kuprin, Aleksandr Ivanovich
Полное собраніе сочиненій.
v. 5-6
[Transliterated: Polnoe sobranie sochineny.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED